

А. В. Пыжиков

ГРАНИ РУССКОГО РАСКОЛА

*Заметки
о нашей истории
от XVII века
до 1917 года*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОЗОН" ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ ЗАВОД
ПО ПЕЧАТАНИ И ПОЛИГРАФИИ
1917

Annotation

В книге представлен взгляд па отечественную историю сквозь призму русского религиозного раскола. Потрясения, произошедшие в России и вызванные церковными реформами середины XVII века, имели большое влияние па развитие страны в последующие два столетия. Многосложные процессы, протекавшие тогда, наложили отпечаток па всю социальную ткань российского общества. Именно в конфессиональном своеобразии кроются истоки ключевых событий пашей истории, связанных с крушением в начале XX века российской империи в ее никонианском обличье. Автор – доктор исторических наук, профессор РГГУ.

- [А. В. Пыжиков](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [1. Власть и религия народа](#)
 - [2. Мода на старую веру](#)
 - [3. Конфессиональные революционеры](#)
 - [4. Забытые надежды народничества](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [1. Истоки конфессионального своеобразия](#)
 - [2. Староверческая модель капитализма](#)
 - [Глава третья](#)
 - [1. Силовое переформатирование старообрядчества](#)
 - [2. Обретение политического пространства](#)
 - [3. Взаимоотношения с правительственной бюрократией](#)
 - [4. Капиталистические реалии и народные низы](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [1. Причины кризиса купеческой буржуазии](#)
 - [2. Правительственный и общественный либерализм](#)
 - [3. Московское обострение](#)
 - [4. Крестьянский контрпроект](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [1. Конкурентная несостоятельность.](#)

- [2. Попытки утверждения парламентской модели](#)
 - [3. На пути к дворцовому перевороту.](#)
 - [4. Российские политические элиты и народ](#)
 - [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)

- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)

- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)

- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)

- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)

- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)

- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)

- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)

- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)

- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)

- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)

- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)

- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)

- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)

- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)

- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)

- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)

- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)

- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)

- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)

- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)

- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)

- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)

- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)

- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)

- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)

- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)

- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)
- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)

- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)
- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)

- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)
- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)

- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)
- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)
- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)
- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)

- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)
- [1301](#)
- [1302](#)
- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)
- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)
- [1318](#)
- [1319](#)
- [1320](#)
- [1321](#)
- [1322](#)
- [1323](#)
- [1324](#)
- [1325](#)
- [1326](#)
- [1327](#)

- [1328](#)
- [1329](#)
- [1330](#)
- [1331](#)
- [1332](#)
- [1333](#)
- [1334](#)
- [1335](#)
- [1336](#)
- [1337](#)
- [1338](#)
- [1339](#)
- [1340](#)
- [1341](#)
- [1342](#)
- [1343](#)
- [1344](#)
- [1345](#)
- [1346](#)
- [1347](#)
- [1348](#)
- [1349](#)
- [1350](#)
- [1351](#)
- [1352](#)
- [1353](#)
- [1354](#)
- [1355](#)
- [1356](#)
- [1357](#)
- [1358](#)
- [1359](#)
- [1360](#)
- [1361](#)
- [1362](#)
- [1363](#)
- [1364](#)

- [1365](#)
- [1366](#)
- [1367](#)
- [1368](#)
- [1369](#)
- [1370](#)
- [1371](#)
- [1372](#)
- [1373](#)
- [1374](#)
- [1375](#)
- [1376](#)
- [1377](#)
- [1378](#)
- [1379](#)
- [1380](#)
- [1381](#)
- [1382](#)
- [1383](#)
- [1384](#)
- [1385](#)
- [1386](#)
- [1387](#)
- [1388](#)
- [1389](#)
- [1390](#)
- [1391](#)
- [1392](#)
- [1393](#)
- [1394](#)
- [1395](#)
- [1396](#)
- [1397](#)
- [1398](#)
- [1399](#)
- [1400](#)
- [1401](#)

- [1402](#)
- [1403](#)
- [1404](#)
- [1405](#)
- [1406](#)
- [1407](#)
- [1408](#)
- [1409](#)
- [1410](#)
- [1411](#)
- [1412](#)
- [1413](#)
- [1414](#)
- [1415](#)
- [1416](#)
- [1417](#)
- [1418](#)
- [1419](#)
- [1420](#)
- [1421](#)
- [1422](#)
- [1423](#)
- [1424](#)
- [1425](#)
- [1426](#)
- [1427](#)
- [1428](#)
- [1429](#)
- [1430](#)
- [1431](#)
- [1432](#)
- [1433](#)
- [1434](#)
- [1435](#)
- [1436](#)
- [1437](#)
- [1438](#)

- [1439](#)
- [1440](#)
- [1441](#)
- [1442](#)
- [1443](#)
- [1444](#)
- [1445](#)
- [1446](#)
- [1447](#)
- [1448](#)
- [1449](#)
- [1450](#)
- [1451](#)
- [1452](#)
- [1453](#)
- [1454](#)
- [1455](#)
- [1456](#)
- [1457](#)
- [1458](#)
- [1459](#)
- [1460](#)
- [1461](#)
- [1462](#)
- [1463](#)
- [1464](#)
- [1465](#)
- [1466](#)
- [1467](#)
- [1468](#)
- [1469](#)
- [1470](#)
- [1471](#)
- [1472](#)
- [1473](#)
- [1474](#)
- [1475](#)

- [1476](#)
- [1477](#)
- [1478](#)
- [1479](#)
- [1480](#)
- [1481](#)
- [1482](#)
- [1483](#)
- [1484](#)
- [1485](#)
- [1486](#)
- [1487](#)
- [1488](#)
- [1489](#)
- [1490](#)
- [1491](#)
- [1492](#)
- [1493](#)
- [1494](#)
- [1495](#)
- [1496](#)
- [1497](#)
- [1498](#)
- [1499](#)
- [1500](#)
- [1501](#)
- [1502](#)
- [1503](#)
- [1504](#)
- [1505](#)
- [1506](#)
- [1507](#)
- [1508](#)
- [1509](#)
- [1510](#)
- [1511](#)
- [1512](#)

- [1513](#)
- [1514](#)
- [1515](#)
- [1516](#)
- [1517](#)
- [1518](#)
- [1519](#)
- [1520](#)
- [1521](#)
- [1522](#)
- [1523](#)
- [1524](#)
- [1525](#)
- [1526](#)
- [1527](#)
- [1528](#)
- [1529](#)
- [1530](#)
- [1531](#)
- [1532](#)
- [1533](#)
- [1534](#)
- [1535](#)
- [1536](#)
- [1537](#)
- [1538](#)
- [1539](#)
- [1540](#)
- [1541](#)
- [1542](#)
- [1543](#)
- [1544](#)
- [1545](#)
- [1546](#)
- [1547](#)
- [1548](#)
- [1549](#)

- [1550](#)
- [1551](#)
- [1552](#)
- [1553](#)
- [1554](#)
- [1555](#)
- [1556](#)
- [1557](#)
- [1558](#)
- [1559](#)
- [1560](#)
- [1561](#)
- [1562](#)
- [1563](#)
- [1564](#)
- [1565](#)
- [1566](#)
- [1567](#)
- [1568](#)
- [1569](#)
- [1570](#)
- [1571](#)
- [1572](#)
- [1573](#)
- [1574](#)
- [1575](#)
- [1576](#)
- [1577](#)
- [1578](#)
- [1579](#)
- [1580](#)
- [1581](#)
- [1582](#)
- [1583](#)
- [1584](#)
- [1585](#)
- [1586](#)

- [1587](#)
- [1588](#)
- [1589](#)
- [1590](#)
- [1591](#)
- [1592](#)
- [1593](#)
- [1594](#)
- [1595](#)
- [1596](#)
- [1597](#)
- [1598](#)
- [1599](#)
- [1600](#)
- [1601](#)
- [1602](#)
- [1603](#)
- [1604](#)
- [1605](#)
- [1606](#)
- [1607](#)
- [1608](#)
- [1609](#)
- [1610](#)
- [1611](#)
- [1612](#)
- [1613](#)
- [1614](#)
- [1615](#)
- [1616](#)
- [1617](#)
- [1618](#)
- [1619](#)
- [1620](#)
- [1621](#)
- [1622](#)
- [1623](#)

- [1624](#)
 - [1625](#)
 - [1626](#)
 - [1627](#)
 - [1628](#)
 - [1629](#)
 - [1630](#)
 - [1631](#)
-

А. В. Пыжиков

ГРАНИ РУССКОГО РАСКОЛА

**Заметки о нашей истории
от XVII века до 1917 года**

Предисловие

Русский раскол как историческое явление не может пожаловаться на невнимание со стороны исследователей. Российских и зарубежных ученых всегда привлекали разные аспекты старообрядчества: предпринимательство, культура, традиции, литературное наследие и т.д. В постсоветской России интерес к староверческой тематике значительно расширился; сегодня сформировался круг авторов, работающих в этом направлении.

Но данная книга преследует несколько иные цели. Она посвящена не изучению самого старообрядчества как специфической черты русского народа, чем на протяжении многих десятилетий занималась и занимается историческая наука. Предпринятая работа концентрируется на другом: на выяснении того влияния, которое имел религиозный раскол на ход российской истории в целом. Или, говоря иначе, перед читателем попытка прочтения русской истории сквозь призму старообрядческого фактора. Такая исследовательская «оптика» представляется чрезвычайно перспективной, поскольку ее незначительное применение в изучении исторического материала очевидно. В общей исторической канве русское старообрядчество продолжает выглядеть как явление во многом маргинальное, а потому и мало затрагивающее ключевые события отечественной истории. В трудах ученых оно традиционно предстает в качестве некоего этнографического чулана, откуда время от времени извлекаются свидетельства далекой старины.

О расколе серьезно, пожалуй, говорят лишь относительно второй половины XVII века, т.е. времени его возникновения и оформления, когда борьба последователей старой веры и приверженцев никоновских новин еще носила открытый характер. Затем присутствие раскола в российской жизни сводится к минимуму, а все внимание к нему сосредотачиваются лишь на тенденциях и явлениях сугубо внутренней жизни этой религиозной общности. Такой взгляд приобрел устойчивый характер, будучи на протяжении длительного периода подкреплен государственно-церковной статистикой. Исходя из нее, к старообрядчеству в империи принадлежала крайне малая часть

населения (менее 2%). В результате исследователи продолжают добросовестно работать с этими цифрами, не имеющими ничего общего с реальностью.

Данной книгой предпринимается попытка разорвать этот порочный круг, придав изучению старообрядчества новые смыслы. Говоря иначе, показать, что русский раскол -это не удел мелких групп, обреченных обитать в условиях этнографического чулана, а масштабное явление совсем не маргинального характера. Книга по-новому пытается поставить вопросы влияния раскола на ход российской истории после XVII столетия, т.е. после того, как старообрядчество, по убеждению многих, оказывается на периферии исторических событий. Учитывая объемность поставленной задачи, автор ставит в качестве цели не ответ на все возникающие вопросы, а лишь привлечение внимания к дальнейшему исследованию русской истории в русле предложенного подхода. Насколько удалась эта попытка судить читателям. Затронутые в пяти разделах работы темы, вне всякого сомнения, могут и должны стать предметом специального изучения.

Хочется выразить большую признательность всем тем специалистам, кто оказывал помощь в этой работе, и без чьей поддержки данная книга не могла бы быть подготовлена. Огромное спасибо: А.И. Шмаиной-Великановой, А.В. Юдину, Е.Ю. Моховой, Л.Р. Вайнтраубу, М.В. Доброновской, Грегори Фризу, С.В. Куликову, Д.В. Шилову В.Л. Степанову, Н.В. Колосенковой, А.В. Мунктан, Б.Ф. Додонову, С.В. Сироткину, С.С. Михайлову А.А. Акельеву, Г.Г. Гаврилину О.Л. Шахназарову, А.М. Тихомирову.

А также коллективам Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации и Исторической библиотеке за замечательные условия для работы.

*Особая благодарность моей семье,
с честью выдержавшей долгое испытание
старообрядческой темой.*

Глава первая
«Открытие» раскола и РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО

1. Власть и религия народа

В наши дни о расколе кажется можно говорить как об относительно изученном явлении российской истории. Однако долгое время, практически до середины XIX века, ни российское государство, ни общество толком не знали, что представляет собой старообрядческая реальность. В контактах с правительством на протяжении почти полутора столетий от имени старообрядцев выступали богатые купцы. Они были обходительны, учтивы, а главное – полезны: каждое их обращение сопровождалось подношением. Неудивительно, что вся бюрократическая вертикаль страны часто откликалась на просьбы купечества, касавшиеся как торгово-хозяйственных, так и различных религиозных вопросов.

Высший свет, ориентированный на европейские образцы, долгое время в принципе не интересовался жизнью русского народа. В частности, раскол – в качестве формы народной самоорганизации – оценивался не иначе, как проклятое наследие татарщины. Со времени разгрома легальной староверческой оппозиции с начала XVIII века образованные слои почти перестали обращать на старообрядцев внимание. О раскольниках вынуждены были вспоминать, прежде всего, в связи с ростом их численности. Однако это не стимулировало сколько-нибудь серьезного изучения этого явления. Достаточно сказать, что почти за полтора столетия существования раскола в стране не вышло и сотни посвященных ему книг и статей^[1]. Причем среди этих изданий преобладали богословские сочинения полемического характера, связанные с проблемами религиозного противостояния, а также различные «Доказательства», «Беседы», «Обличения» и т.д. Эта продукция синодальных типографий обычно активно скупалась и уничтожалась самими раскольниками^[2]. Церковные деятели обращались к старообрядчеству по долгу службы, в той или иной степени стремясь к научным обобщениям. Первым попытался дать обзор различных раскольничьих течений и согласий Дмитрий Ростовский, который в своем «Розыске» насчитал их 29. Затем, в девяностых годах XVIII века, дело продолжил протоиерей А.И. Журавлев (из бывших раскольников). По поручению князя Г.Р.

Потемкина он составил первую осмысленную классификацию староверия и распределил известные толки на поповские и беспоповские^[3]. Такие усилия представителей господствующей церкви формировали отечественную миссионерскую школу.

При этом со времен Екатерины II государство, побуждаемое прагматикой и просветительством, прекращает давление на раскол и пытается встроить его в свои планы. В результате политику властей по отношению к этой – значительной – части общества все больше определяют фискальные задачи, а миссионерская нетерпимость архиереев перестает отвечать устремлениям правительства. Напомним, что, начиная с правления Петра I, епископские кафедры в России занимали выходцы из киевской духовной школы, относившиеся к старообрядчеству с нескрываемой враждебностью. Постепенная их замена во второй половине XVIII столетия на великороссов позволила государству попытаться проводить политический курс, вошедший в историю под названием единоверия. Его разработка относится к 1780-м годам, когда отмена для раскольников двойного оклада^[4] интенсифицировала поиск возможности соединить две ветви православия. Обратиться к Екатерине II с просьбой дать старообрядцам приемлющим священство архиерея принадлежала графу А.И. Румянцеву-Задунайскому и князю Г.Р. Потемкину В своих контактах со староверческими лидерами Стародубья эти влиятельные деятели екатерининской эпохи обещали поддержать эту идею^[5]. Однако, при претворении ее в жизнь камнем преткновения стало то обстоятельство, что раскольники выступали за подчинение непосредственно гражданским властям, не желая находиться в ведении Синода и епархиальных администраций^[6]. Тем не менее, в 1800 году уже при императоре Павле I, единоверие было учреждено в качестве особой организационной формы для раскольников, согласных войти в подчинение Синоду с сохранением своих дониконовских обрядов. Иными словами, обязательство принимать священство от господствующей церкви позволяло сохранить древний богослужебный чин.

Данное решение выражало принципы, присущие просвещенному абсолютизму. Исходя из этого политического курса, власти относились к староверию как к политически неопасному, но все же культурно чуждому явлению. И Пугачевский бунт не поколебал, а, напротив,

укрепил такое отношение. Власти осознавали: отчуждение правящего класса от собственного народа необходимо преодолеть. Для этого требовалось, прежде всего, нивелировать старообрядческую идентификацию простонародья, проведя его через школу гражданского воспитания, каковой в ту эпоху являлась господствовавшая церковь^[7]. Как известно, попытки властей навязать единоверие мало к чему привели: раскольничьи массы оказались не расположены к подобному устройству своей церковной жизни. К тому же гражданская и духовная администрации с введением единоверия сочли свою конструктивную миссию по отношению к старообрядчеству в основном исчерпанной.

В первой половине XIX века «раскольничья» тема в российских элитах вне единоверческого контекста практически отсутствует. Даже оппозиционные декабристские общества, вобравшие весь цвет высших слоев, не видели ни раскола, ни его потенциальных возможностей. В наиболее значимом документе движения – «Русской правде» П.И. Пестеля – касательно религии сказано лишь о свободе различных вероисповеданий, но при господстве в государстве греко-российской веры; упоминалось об униатстве как «слабом остатке Флорентийского собора». А о расколе – ни слова. И там, где превозносится ополчение К. Минина, освободившее Русь (столицей государства объявлялся Нижний Новгород), знамена старой веры тоже не упомянуты. Примечательно, что документ признает за духовенством государственный статус, так как именно оно обязано, по мнению автора, заниматься воспитанием всех граждан. Но в целом же здесь явственно ощущается республиканский дух: равенство всех перед законом, уничтожение сословий и т.д. Те же просветительские тона преобладают и в «Православном катехизисе» С.И. Муравьева-Апостола. Тема раскола в нем вообще вряд ли могла появиться, поскольку назначение этого труда заключалась в обосновании несоответствия монархии Божьему закону, борьбы с тиранией и т.д.^[8] Искренне действуя во имя России, намереваясь облагодетельствовать страну, представители ее элиты слабо представляли, чем и как живет народ. Источником декабризма служило европейское просвещение в масонских «одеждах», именно с ним связывались проекты необходимых преобразований.

Тема раскола осталась за рамками многотомных исторических изданий концептуального характера, которые появились в России в

конце 20-х – начале 30-х годов XIX века. Так, «История государства Российского» Н.М. Карамзина доведена только до Смутного времени (начало XVII века). А весь материал сконцентрирован вокруг деятельности царей и их приближенных; другие же сведения, в частности о жизни простых подданных, расценены как малозначительные или вовсе ненужные. Задуманная в пику труду придворного ученого «История русского народа» Н.А. Полевого обрывается на середине царствования Ивана Грозного. Поэтому попытки автора утвердить новые подходы к освещению, прежде всего, народной жизни, не затронули религиозной проблематики как таковой^[9].

Однако интеллектуальное противостояние двух этих мыслителей во взглядах на исторический процесс стимулировало общественный интерес к прошлому России. И в тридцатых годах XIX века в литературу вошла мода на исторические романы, которые начали обильно издаваться. Как замечала позднее литературная критика, в них «большой частью изображения предков были прямо списаны с кучеров и их потомков, народность которых заключалась в разговорах ямщиков... в описаниях старых боярских одежд и вооружений, да столов и кушаний, в которых оригинальна была только дерзость авторов, изображавших с равной бесцветностью всякую эпоху нашей истории»^[10].

Среди подобных авторов можно назвать К. Масальского и Р. Зотова, писавших непосредственно о расколе. Например, К. Масальский выступил с популярными тогда романами «Стрельцы» (1832) и «Бородолюбие» (1837). Раскол в них представлен в качестве темной силы, препятствующей эпохальным начинаниям Петра Великого. Злобный противник плетет заговоры с целью убить императора, но это не может помешать уверенной поступи будущего. Представители раскола постоянно заняты какими-то далекими от жизни бытовыми спорами – о ношении бороды или русского платья, – в результате которых расстраивается свадьба или кого-то изгоняют из дома. В те годы российская общественность лишь из таких сочинений и могла почерпнуть хоть какие-то сведения о староверии^[11].

Совершенно не затронута эта тема и в таком экзотическом явлении тех лет, как крестьянская поэзия. Целая плеяда представителей русских низов – И. Суханова, Ф. Слепушкина, Е.

Алипанова и др. – изливала бурные потоки верноподданнических стихотворений и басен. Не имевшие никакого образования авторы утверждали: положение масс вполне нормальное, народная жизнь пышет весельем, полна патриархальной простоты и нравственного благополучия. Патриотические песни, восторженные оды царю и отечеству, благодарные излияния в адрес барина-отца – вот основной тематический круг этих произведений. Разумеется, в них не содержалось и намека на что-то, что препятствовало бы единению народа вокруг государственной власти и ее церкви^[12].

Однако лучшие умы страны искренне пытались проникнуть в суть народной жизни, в душу народа и тем самым продвинуться в осознании России как уникального социума. И наиболее яркий пример здесь – А.С. Пушкин, обратившийся в своем творчестве к роли русского народа в судьбах страны. Как известно, со времени «Бориса Годунова» и «Арапа Петра Великого» Пушкин не прекращал работы в различных архивах. Исторические изыскания подводят его к созданию в 1834 году работы о крупнейшем народном бунте на Руси – Пугачевском восстании. Читая «Историю Пугачева», несложно убедиться, что в ней органично присутствует тема раскола. Автор начинает с того, что называет Пугачева донским казаком и раскольником, который в церковь никогда не ходил, а придя из-за польской границы, поселился на Иргизе среди местных старообрядцев^[13]. В ходе бунта опорой восставших стали горные предприятия Урала (известного староверческого региона). Именно оттуда получал Пугачев поддержку боеприпасами; например, с Овзяно-Петровского завода, принадлежащего купцу Твердышеву, который, как замечает Пушкин в комментариях, нажил огромное состояние в течение всего семи лет. Волнения ширились: вся западная сторона Волги предалась самозванцу; повсюду грабили казну и собственность дворян – но крестьянского имущества не трогали; убивали русских священников, т.е. служителей господствующей церкви^[14]. Иными словами, идейная направленность восстания не вызвала никаких сомнений. Особенно интересны наблюдения А.С. Пушкина относительно внутреннего состояния дел у восставших.

«Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями пришельца... Он

ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле»^[15].

В этом слышатся отголоски казачье-раскольничьей вольницы как принципиально иной организации жизни, отличной от жизни общества, построенного на Табели о рангах. Краеугольный камень такого уклада – общность управления, выраженная в коллективной воле. Надо подчеркнуть, что острый пушкинский взгляд в «Истории Пугачева» вскрыл неразрывную связь этих событий с проблематикой раскола. Такой подход был без преувеличения новаторским, так как позволял увидеть, насколько глубока и важна тема раскола для понимания узловых событий русской истории.

В конце тридцатых годов XIX столетия власть проникается интересом к своему собственному народу. Речь идет о концепции «православие, самодержавие, народность». Теория официальной народности (под таким названием она вошла в историю) не была прихотью власти и стала не временным явлением, а краеугольным камнем самодержавной политики на десятилетия. На самом деле эта теория – не российское ноу-хау; это адаптированный вариант наработок немецкого романтизма, с начала XIX века популярного во многих странах Европы. Суть романтизма как самостоятельного течения общественной мысли – в противостоянии классицизму, пропитанному аристократическим духом и долгое время остававшимся законодателем европейской моды в политике. Именно этот идейный источник дал жизнь новым научным школам, которые приступили к серьезному изучению национальных историй, народных языков, традиций и т.д. Последователи романтиков утверждали ценности, помогающие обретать самоидентификацию государствам и народам. Но подходы ученых-интеллектуалов представляли не только научный интерес – они оказались востребованы властями, которые оценили их перспективность с политической точки зрения. Ряд германских государств, и в первую очередь Пруссия, взяв на вооружение взгляды романтизма, поставили в центр идеологической архитектуры идею нации, которая с помощью религии и церкви сплавляется вокруг монархов. Мысль выглядеть не просто правителем, а «отцом» народа не могла оставить равнодушным Николая I, особенно в свете его комплексов, связанных с восстанием

декабристов. Страстный почитатель всего немецкого, император решил апробировать новые форматы на российской почве. Тем более что главный идеолог той поры – министр просвещения граф С.С. Уваров – был большим поклонником немецкой романтической школы^[16].

С первыми двумя составляющими триады «православие, самодержавие, народность» все было в порядке: самодержец одновременно являлся и главой Русской православной церкви (РПЦ). Для цельности замысла требовалось подтянуть до надлежащего уровня третье звено – народ. В результате правящий класс России, следуя концепции, которая получила государственный статус, обратил взоры на своих подданных. На практике это вылилось в общественное и литературное лицемерие, так называемый «квасной» патриотизм – изъятие взаимной любви власти и мужика через православие. Русские национальные ориентиры, определенные программой Министерства просвещения, были объявлены священными, и вся отечественная литература оценивалась с точки зрения соответствия этим ориентирам. Особенно в этом преуспел журнал «Маяк», выходивший в 1840-1845 годах. На его страницах пропагандировались произведения, которые презентовались публике в качестве эталона народности. Как, например, сочинение «Князь Скопин-Шуйский или Россия в начале XVII столетия». По мнению издания, сила автора этого произведения – фрейлины двора ее императорского величества, – в том, что она «уклонилась от подражания Вальтеру Скотту», а обратилась к изображению настоящего русского человека с его верой в православного царя-помазанника и мудрое слово^[17]. «Маяк» возглавил поход за чистоту русского языка, принявшего «душу французскую с немецким выговором». Как неустанно пропагандировало издание, возврат «говора разумных мужичков наших» произойдет только тогда, когда мы сумеем избавиться от блистательного французского слога на русский манер в исполнении таких литераторов как А.С. Пушкин^[18]. Поразительно, но творчество великого русского писателя было признано вредным, не отвечающим народному духу. Авторы «Маяка» предостерегали общественность от чрезмерного увлечения поэтом, утверждая, что если бы в России появилось больше таких Пушкиных, то она попросту погибла бы^[19].

Однако утверждение стандартов народности наткнулось на серьезное препятствие, не просто мешавшее изображать единение нации, а делавшее это единение в принципе неосуществимым. Речь идет о расколе, заряженном энергией неприятия как синодальной церкви, так и дворянства. Поэтому обратной стороной политики официальной народности стали гонения на старообрядчество, достигшие в николаевскую эпоху большого размаха. Власти демонстрировали, что они не признают староверие как вероисповедную организацию, а видят в его приверженцах лишь группу дезертиров, которые отпали от синодальной церкви и с которыми следует поступать соответствующим образом^[20].

Надо заметить, что немецкий романтизм вдохновлял в ту пору не только государственные власти России. Он послужил основой для такого общественного движения, как славянофильство. Его идеологи, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, П.В. Киреевский, К.С. Аксаков и др. находились под влиянием романтической школы, усматривая в народе эстетический источник, а началом искусства считали веру и язык. Они идеализировали общину как организационную форму народной жизни и огромное значение придавали православию, но церковный раскол понимали по-европейски, то есть исключительно как размежевание православия с католицизмом^[21]. Западных просветительских идей славянофилы не принимали, утверждая, что это не нужно российскому народу, который всегда был верен монархии. Тем не менее Николай I, проводя политику официальной народности, не стал опираться на данную группу интеллектуалов, а предпочел более управляемые бюрократические механизмы. Можно сказать, что в идейном смысле славянофилы оказались своего рода конкурентами государства, мешавшими реализовывать триаду «православие, самодержавие, народность». Однако их знания о народе и отношение к нему носили преимущественно теоретический характер. Недостаточная осведомленность проявлялась и в редких славянофильских оценках раскола. К примеру, лидер группы А.С. Хомяков так рассуждал о путях, как он писал, уничтожения рогожского раскола:

«...перезвать в общение с православными раскольничьих епископов... подчиняя их не Синоду, а греческим патриархам или сербскому? Подготовить это агентами, созвать их в

городе не русском, сделать публичное заседание при самих раскольниках»^[22].

Такой вариант, наподобие единоверия, вынесенного за национальные рамки на просторы всего православного пространства, по всей видимости, считался приемлемым рецептом для решения сложнейшей проблемы, пронизывающей все российское общество. Стремления же к научному изучению раскола в кругу этих интеллектуалов в те годы еще не прослеживалось. Их усилия сосредотачивались на демонстрации преимуществ православной веры перед западным католицизмом и протестантизмом.

Однако практика официальной народности имела и положительные моменты. Николай I и его окружение осознавали, что недостаточно знают ту страну, которой управляют. Несмотря на появившиеся изыскания о кондиции народной гущи, правительство, и прежде всего сам император, инициировало исследования по российской тематике, причем вверяло их известным зарубежным интеллектуалам, которые в отличие от отечественных пользовались в его глазах безупречной репутацией. Правительство субсидировало поездки по губерниям для довольно-таки общей цели: свежим глазом взглянуть на российские просторы, а заодно оценить неустанные заботы трона о своих поданных. Из визитеров, по приглашению властей посетивших Россию на рубеже 1830-1840-х годов, особый след оставили двое. Как в конце 1840-х годов отмечал А.И. Герцен, к тому времени появились две значительные работы иностранцев о России - «Россия в 1839 году» маркиза де Кюстина и «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» барона А. Гакстгаузена. Сочинение француза пользовалось популярностью в Европе и выдержало пять изданий, тогда как книга Гакстгаузена не столь известна читателям, поскольку более научна^[23]. Для нас эти работы представляют интерес с точки зрения того, что именно писали о русском расколе и как оценивали его авторы, независимые от российских властей.

Маркиз де Кюстин^[24] постоянно обращается к теме религии и ее значения для Руси. Вот только занимает его не внутренний религиозный раскол, а раскол в более широком плане – между православными и католиками. Конечно, его симпатии на стороне

западного христианства, и он надеется, что русские когда-нибудь вернуться в его лоно. Поскольку этого пока не произошло, состояние, в котором находится страна, плачевно. По его наблюдениям, вместо того чтобы обратиться к свету Рима, люди здесь занимаются странными и малопонятными вещами: выясняют, каким образом креститься – тремя или двумя перстами.

«Вот какие вопросы волнуют сегодня греко-русскую церковь,

– искренне удивляется де Кюстин, –

и не думайте, будто их считают пустяками»^[25].

Он демонстрирует полное непонимание того, что эти «пустяки» – лишь внешние формы, за которыми кроется суть раскола, определившего ни много ни мало судьбы нашей страны. Хотя последствия этого религиозно-общественного разлома де Кюстин уловил:

«Различия между людьми в этой стране столь резки, что кажется, будто крестьянин и помещик не выросли на одной и той же земле. У крепостного свое Отечество, у барина – свое. Государство здесь внутренне расколото, и единство его лишь внешнее... Мне не раз говорили, что в один прекрасный день он (народ. – А. П.) перережет всех безбородых от края до края империи»^[26].

Заметно, что иностранный гость впечатлился увиденным, однако не сумел увязать религиозные и социальные реалии, поскольку общественный пейзаж был очень необычным для европейского ума. Де Кюстин признается, что так и не разобрался, почему синодальная церковь, располагая мощнейшей поддержкой властей, не имеет никакой силы в сердцах людей^[27].

Гораздо более глубокая работа о России вышла из-под пера прусского барона Августа фон Гакстгаузена^[28]. Перед нами не просто впечатления путешественника, развлекающего читателя критикой русских обычаев и порядков, а серьезный исследовательский труд.

Научным консультантом немца стал известный В. И. Даль, заведовавший в те годы канцелярией МВД. Именно он, направляя интересы А. Гакстгаузена, ввел его в мир русского фольклора, верований, быта и т.д.^[29] Итоги поездки, состоявшейся в 1843 году, изложены в книге «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Непосредственный начальник В. И. Даля Министр внутренних дел Л.А. Перовский выражал свое восхищение этой работой, которую он собирался изучить страницу за страницей: министра поразило обилие нового материала, собранного автором в ходе непродолжительного пребывания в стране^[30]. В работе развивалась та же мысль о существовании глубокого разрыва между народом и дворянством. Общественные механизмы формирования нового служивого класса, запущенные еще Петром I, привели к тому, что дворянство оторвалось от населения в отношении образования, мировоззрения, обычаев и т.д.^[31] Однако прусский ученый увидел и серьезные изменения в социальном ландшафте России. Они были связаны с тем влиянием, которое приобретали купцы разного калибра – выходцы из низов. Как установил А. Гакстгаузен, после 1812 года дворянство постепенно приходит в упадок, удаляется в свои деревни, а на передовые позиции выходят торговцы и промышленники. Правда, развитого буржуазного сословия автор не обнаружил, но выражал уверенность, что из купцов и фабрикантов оно со временем сформируется.^[32]

Для нас наибольший интерес представляют те страницы книги, где А. Гакстгаузен освещает непосредственную жизнь простых людей, и прежде всего крестьянства. Собственно изучение сельской экономики составляло основной его научный интерес. В намеченном им перечне вопросов к предстоящей поездке преобладает экономическая проблематика: количество земельных угодий, их качество, демографические аспекты и т.д.^[33] В ходе посещения целого ряда губерний Гакстгаузен фокусирует особое внимание на общине как организационной форме народного бытия. Автор не устает восхищаться общиной, идеализируя ее патриархальность. Здесь он во многом перекликался со славянофилами, которые именно с развитием общинного духа связывали перспективы страны. Они тесно взаимодействовали с бароном во время его пребывания в Москве, помогая знакомиться с российской действительностью^[34].

Не смотря на то, что немецкий ученый путешествовал по России с целью изысканий по усовершенствованию сельского хозяйства, его подлинно новаторская роль проявилась в освещении религиозных вопросов. Русский народ, по его мнению, не имеет никаких политических идей, зато по-настоящему проникнут христианской верой^[35]. Всматриваясь в религиозное лицо страны, А. Гакстгаузен нашел, что оно не выглядит монолитным, как уверяли в высоких чиновничьих кабинетах. И впервые открыто и в полный голос заговорил о таком явлении, как русский раскол. В главе XIII («Нижний Новгород») рассказано о сектах (включая и протестантские), с которыми автору пришлось столкнуться в ходе поездки по губерниям. Он распределил секты по трем группам: 1) появившиеся до Никона и происходившие, по его мнению, от гностиков; 2) раскольничьи толки XVII века, возникшие вследствие церковной реформы, и 3) секты, сформировавшиеся в правление Петра I под влиянием западных религиозных веяний (молokane, духоборцы). Причем ни православное духовенство, ни чиновники не стремились обсуждать с бароном подобные вопросы, так как были слабо осведомлены в них^[36]. Один из современников особо подчеркивал:

«Надобно удивляться тому любопытству, с каким Гакстгаузен вызнает наших раскольников, и тому, можно сказать, счастью, которое благоприятствовало ему проникать туда, куда и русскому не всегда удастся заглянуть»^[37].

Добавим, что это тем более удивительно, поскольку немецкий барон совершенно не владел русским языком и в поездке пользовался услугами переводчика – чиновника Министерства государственных имуществ Адеркаса^[38].

Интересно сообщение А. Гакстгаузена о давней московской традиции – собираться на площадях Кремля для религиозных споров. Здесь сходилась множество народа: сторонники РПЦ и приверженцы староверия различных оттенков; между ними и шли разговоры о вере^[39]. Когда читаешь эти строки, не покидает ощущение, что мы имеем дело со своего рода двумя реальными партиями, которые были сформированы самой жизнью, а не по велению свыше, и религиозные формы которых оказались для русского народа более

востребованными, чем европейские политические принципы. И если государственно-православная партия была известна достаточно хорошо, то этого нельзя сказать о ее оппонентах, а между тем, замечал А. Гакстгаузен,

«кто хочет изучать характерные черты великороссов, тот должен изучать их у старообрядцев»^[40].

Он предполагал даже издать отдельное сочинение о состоянии религиозных дел в России, где подробно бы исследовал причины появления и существования раскола^[41].

Интерес немецкого ученого совпадал с желанием властей лучше узнать мир старообрядчества: определить его параметры, распознать и понять происходящие в нем процессы. Победные реляции духовенства об успешном искоренении раскола уже не удовлетворяли правительство, а монопольное право церкви на выработку политики в этой сфере ставилось им под сомнение. Поэтому главную роль в исследованиях сектантства стали играть чиновники Министерства внутренних дел, в чьем ведении находились подобные проблемы. МВД занималось выявлением различных сект, согласий, толков. Однако их систематизация опиралась не на научные подходы, как у А. Гакстгаузена, а на степень их «вреда» для православного государства.

Заметим, что в 1830 году среди вредных религиозных общностей власти еще не называли староверие, упоминая лишь духоборцев, молокан, иудействующих, иконоборцев^[42]. Однако в конце десятилетия ситуация коренным образом изменилась. Это видно из обширного документа, подготовленного в полицейском ведомстве в 1839 году. В нем сказано, что номенклатура насчитывает более 130 сект в стране, и «их не перечестъ, как тени красок»^[43]. Уровень данного труда, где четко охарактеризованы практически все главные ответвления именно раскола, следует признать высокопрофессиональным. На основе таких документов, а также консультаций с Синодом руководство МВД утвердило официальную классификацию сект, включая раскольничьи, по степени их государственной вредности. Они подразделялись на три категории: вреднейшие (иудействующие, молокане, духоборцы, скопцы, а также беспоповцы, отвергающие брак и молитву за царя); вредные –

беспоповцы, принимающие брак и моление за царя; и менее вредные – поповцы, сохраняющие более всего церковного^[44]. Данная классификация сохранилась вплоть до конца столетия.

По-настоящему же масштабное обследование раскола началось в 1842 году, когда на пост Министра внутренних дел был назначен граф Л.А. Перовский. Стремясь придать работе более научный характер, он сразу привлек в возглавленное им ведомство интеллектуальные силы: знатока народного языка и фольклора В.И. Даля (о нем уже шла речь выше) и ученого-этнографа Н.И. Надеждина – ему, вызванному из опалы и назначенному главным редактором журнала МВД, поручалась координация исследований, проводимых министерством^[45]. Кстати, заметим, что всех их объединяло отсутствие веротерпимости: они выступали за жесткое отношение к расколу и стремились придать ему большое политическое значение^[46]. План по изучению староверия, подготовленный Н.И. Надеждиным, включал четыре раздела: исторический, догматический, географо-статистический и юридический. Особое значение имела историческая часть, открывавшая данный проект. История раскола, как известно, находилась в тесной связи с его догматикой, поэтому сбор исторических материалов помогал прояснению всего идейно-религиозного старообрядческого багажа. Начался разбор документов, хранящихся в разных архивах. Эти изыскания вели пять чиновников, каждый из которых просмотрел по восемь-десять тысяч архивных дел. Обширные выписки из них передавались Н.И. Надеждину для непосредственной систематизации материала. Кроме того, ученый и сам выезжал в Австрию, Турцию, Молдаво-Валахию.

Н.И. Надеждин выступал за самые широкие контакты с раскольниками, установленные частным порядком, без прямого участия правительственных чиновников, поскольку официоз, по его убеждению, препятствует общению с такими скрытными людьми, каковыми являются староверы^[47]. Любопытно, что собственную деятельность в этой сфере ученый держал в строжайшей тайне, проявляя большое недовольство при публичном упоминании об этом^[48]. Надо добавить, что, к сожалению, Н.И. Надеждин не осуществил намеченного им главного дела: выпуска капитального труда по истории раскола (его отставка из МВД последовала в 1852 году, как только Л.А. Перовский покинул это ведомство). Более того,

богатейший архивный материал, собранный и переданный Надеждину для написания этого труда, бесследно исчез после его смерти в 1856 году^[49]. Довольно близкое выполнение исторической части надеждинского плана представляет собой вышедшая в 1855 году «История русского раскола, известного под именем старообрядчества». Автор книги – московский митрополит Макарий; именно он в 1853 году получил поручение подготовить издание, обличающее заблуждения сектантов в исторической ретроспективе^[50]. И, таким образом, труду высокопоставленного архиерея суждено было стать первым в России публичным опытом изложения староверческой эпопеи.

Однако наиболее обширная работа была связана с географо-статистической частью плана; она стала заметным направлением в деятельности российского МВД при министре Л.А. Перовском. «Привести в известность текущее положение раскола» – такую задачу поставил Николай I перед ведомством. Для этого специально запрашивались сведения из 35-ти губерний страны, откуда в Петербург направлялись подробнейшие отчеты. Однако, учитывая важность высочайшего поручения, было решено не ограничиваться местными силами и привлечь к работе сотрудников центрального аппарата. Поэтому основные мероприятия по обследованию раскола проводили не губернские администрации, а специальные комиссии, которые на продолжительное время (до двух лет) командировались в разные регионы страны^[51]. О работе одной из таких комиссий под руководством графа Ю.И. Стенбока (Ярославская губ., 1849-1850) мы имеем достаточно хорошее представление благодаря участию в ее составе Ивана Сергеевича Аксакова. Будущий известный публицист, а тогда – молодой чиновник МВД оставил немало писем, где искренне делился с родными увиденным.

По его свидетельству, чиновники имели слабое представление как о догматике раскола, так и о его практике. Это относится и к главе комиссии Ю.И. Стенбоку, и к самому И.С. Аксакову, настольной книгой которого в командировке, кстати, была книга А. Гакстгаузена^[52]. Познакомившись с городами губернии, И.С. Аксаков поразился тому обстоятельству, что везде «почти все старообрядцы, да еще, пожалуй, беспоповцы»^[53]. Хотя по документам местной администрации все кругом значились православными, да и само

население с готовностью подтверждало принадлежность к синодальной церкви^[54]. Не самое приятное впечатление на Аксакова произвело местное купечество, хотя он и почувствовал общинный дух, созданный единством торговых интересов, верховенством прав общества в ведении дел. Глубже проникнуть во внутренний смысл староверческой жизни оказалось нелегко: слишком мы разделены и образованием, и интересами, и сферой деятельности – замечал И.С. Аксаков^[55].

Вообще, поначалу в отношении к расколу у Аксакова преобладало сожаление о том, что такая значительная часть населения находится в разрыве с остальной Россией и, предоставленная себе, сохраняет привычку и вкус к протесту. Двадцатисемилетний чиновник стремился переломить ситуацию, разрабатывая план по присоединению местных староверов к РПЦ. Его суть – убедить раскольников подать в адрес правительства прошение о воссоединении с господствующей церковью. В этой «инициативе снизу» он видел новые пути, которыми «подлый здешний раскол» удавит сам себя. Надо лишь дипломатично, духовным воздействием и искренним увещанием связать его этими нравственными узами^[56]. О своем проекте И.С. Аксаков информировал министра внутренних дел Л.А. Перовского, прося санкционировать его действия. Однако прямого ответа на это начинание так и не последовало^[57].

Но помимо оптимистических планов по нейтрализации раскола И.С. Аксакову пришлось заняться его реалиями. Именно той комиссии, где он трудился, довелось сделать прорыв в изучении русского старообрядчества. Речь идет об открытии ранее неизвестного властям согласия, получившего название бегунов или странников^[58]. Еще А. Гакстгаузен обратил внимание на не совсем понятное ему передвижение жителей из одной местности в другую, из-за чего:

«каждый русский чувствует себя совершенно дома в своем отечестве, в Архангельске, как в Орле, в Казани, как в Киеве»^[59].

Двухлетнее пребывание экспедиции в Ярославской губернии позволило зафиксировать активную циркуляцию раскольничьих масс^[60]. В селе Сопелки (12 верст от Ярославля), ставшем

впоследствии знаменитым, комиссия выявила около ста бродяг, размещавшихся в домах с тайниками: фальшивыми крышами, двойными стенами и т.д. Все эти дома заведомо были построены с целью пристанодержательства, что свидетельствовало о постоянной организации этого дела^[61]. Обитающий там контингент очень не понравился комиссии. Как писал И.С. Аксаков:

«изо всех виденных мною только один чистый фанатик, святой жизни человек... который обрадовался своей поимке, думая, что его будут истязать за имя Христово; остальные почти все воры, разбойники, пьяницы и развратные люди»^[62].

Вероятно, здесь нет преувеличения: подлинное лицо страны имело и такие черты. В страннических сетях концентрировались беглые солдаты, различные преступники и просто ведущие вольный образ жизни люди. Причем существовала целая философия бродяжничества: якобы звание беглого освящает человека, а укрывательство беглого вменяется в святую обязанность. Конечно, эта среда была насквозь пропитана духом неприятия всех структур и атрибутов власти – как светских, так и церковных. В ходе поездок это хорошо почувствовал И.С. Аксаков. Как откровенно признался Константин Сергеевич Аксаков, известный славянофил, навестивший младшего брата в губернии, все же:

«бритые лучше и благонадежнее небритых»^[63].

В конце ярославской командировки взгляды молодого чиновника на раскол претерпели серьезную эволюцию, став заметно реалистичнее. Ему пришлось участвовать в восьмичасовом допросе одного раскольника, который странствовал по России более пятнадцати лет. Этот бродяга поведал столько нового о народной жизни, что потрясенный И.С. Аксаков окончательно понял, с чем имеет дело, осознав истинную силу и подлинные истоки раскола. Причем собственная деятельность вызывала в нем глубокий пессимизм:

«Право, Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне Казны, Правительства, неверующего дворянства и отвращающегося от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу... Все соки испорчены, и едва ли есть исцеление. Кажется, нам суждено только понять болезнь и созерцать, как она пожирает постепенно еще не вполне зараженные члены. Когда кончится наша Комиссия – Бог весть»^[64].

Мы остановились на работе правительственной комиссии в Ярославской губернии потому, что этот пример ясно показывает, как изучение раскола все больше сосредотачивалось на политической стороне дела. Раскол представал в качестве враждебной государству корпорации, у которой не только история, но и сегодняшняя реальность пропитаны неприятием империи. Сформировалось мнение, что старообрядческий мир хоть и располагается на территории России, но живет по своим обособленным правилам, мало ориентируясь на действующие законы. И если лицемерие раскола по отношению к русской православной церкви ни для кого не явилось откровением, то открытие, например, страннического согласия и его идеологии подкрепляло вполне определенные политические выводы. Кроме того, все большее внимание правительства привлекали такие черты раскольничьих хозяйств, как совместное владение собственностью, солидарность и взаимопомощь. Ярославская комиссия предупреждала:

«...Деньги, кредит, верная надежда на пособие и поддержку влекут в раскол... видя близкие примеры крестьян, при пособии и кредите раскольников сделавшихся миллионерами, многие ищут мест и совета у них же»^[65].

Староверческая жизнь, построенная по таким принципам, не могла не беспокоить правительство, поскольку зримо напоминала те социалистические идеи, которые к тому времени набрали популярность в Европе и волновали многих. Отсюда возникла практическая задача: определить численность раскольников. Комиссии, работавшие по губерниям, старались ориентироваться на те данные, которые реально отражают параметры враждебного мира, а не

служат иллюстрацией к рапортам местного начальства. Собственно, поэтому экспедициями по стране и руководил центральный аппарат МВД. В научно-статистический оборот попали новые цифры, свидетельствующие о подлинных масштабах старообрядчества. Так, экспедициями в Ярославскую, Нижегородскую, Костромскую губернии было установлено, что вместо 47,5 тысяч староверов (как показывала статистика трех этих губерний) их, по самым скромным подсчетам, свыше 556 тысяч, что в среднем в 11 раз превышало официальные данные. Полученный результат стали проецировать на всю страну: если ранее предполагалось, что общее количество раскольников составляет 900000-1000000 человек, то теперь это число возросло в 10-11 раз, по-видимому, тоже не до конца отражая истинное положение дел^[66]. Примечательно, что такие большие разночтения, зафиксированные экспедициями МВД в середине XIX века, получили в России широкое общественное признание. Перепись населения, проведенная в 1897 году, показала около 2 миллионов староверов, что дало основание общественности и ряду ученых утверждать о десятикратном занижении реальных чисел^[67].

Здесь необходимо сказать еще об одном важном обстоятельстве, которое постоянно упускают из виду. Ущербность официальных данных о расколе, подаваемых наверх местными гражданскими и церковными администрациями, объясняется не только их безответственностью или боязнью показать реальную ситуацию. Дело в том, что священники, как правило, отмечали раскольниками преимущественно поповцев: практически все они находились на виду, так как были приписаны к разным старообрядческим церквям и монастырям, где только и могли исполнять свой культ. Гораздо реже в качестве раскольников отмечались последователи других сект. Ведь множество беспоповцев отправляли свои обряды тайно, а потому и их моленных официальная статистика насчитывала несравнимо меньше, чем церквей поповцев. Более свободное отправление религиозных нужд и обрядов беспоповцев не требовало церковной инфраструктуры, а значит, официальная регистрация не являлась для них жизненно важной. Именно в силу такой организационной размытости беспоповцев местные власти большую их часть попросту записывали в православные, чьи дети также показывались крещенными в приходских церквях. Кстати, этим объясняются повсеместные,

бесчисленные и нескончаемые следствия о переходе из православия в раскол. Каждый беспоповец, крещенный в РПЦ, достигнув совершеннолетия, оставался равнодушным к ней, чуждался ее, тем самым, навлекая на себя, при неисправной плате, доносы об уклонении в раскол – в котором, собственно, и находился с самого рождения. А потом, в середине XIX века, настала пора более объективных статистических исследований; вот тут-то численность раскольников и увеличилась десятикратно. Причем выявленные миллионы староверов в подавляющем большинстве оказались именно беспоповцами, что тогда не являлось секретом^[68].

2. Мода на старую веру

Исследования раскола, проведенные властями в середине XIX столетия, позволили аккумулировать значительный материал. Однако, как известно, после кончины Николая I внутривластные акценты в России существенно сместились. Ожидавшаяся отмена крепостного права, либерализация общественной жизни, выдвинувшись на передний план, стали основной заботой власти. Обширное изучение раскола, предпринятое николаевским правительством, было свернуто. Нарботанный чиновниками МВД за десять лет информационно-аналитический массив был передан в редакцию «Православного собеседника». Этот журнал был учрежден для миссионерских целей при Казанской духовной академии в 1854 году^[69]. Получив такое подспорье, он одним из первых стал публиковать содержательные материалы по самым различным вопросам старообрядчества и сектантства, сразу привлекая внимание общественности. Вот некоторые из них: «О причинах разделения главных раскольничьих сект на многие толки», «Происхождение раскольничьего учения об антихристе», «Исторические сведения о молоканской секте», «О самосжигательстве раскольников», а также справочные материалы о расколе в различных губерниях и др.^[70] Значительная часть публикаций представляла собой переработанные записки, справки и отчеты, подготовленные в разные годы чиновниками из МВД. Правда, ссылки на них в журнале отсутствуют; вместо этого во многих номерах указано, что в качестве главного источника тех или иных материалов использованы рукописи бывшего саратовского епископа Иакова. Помещенные на страницах «Православного собеседника» статьи во многом задавали тон в деле популяризации старообрядчества в российском обществе второй половины 1850-х – начала 1860-х годов. Именно в этот период нарастает волна интереса к расколу со стороны различных общественных деятелей, литераторов, ученых и проч. Тема, разрабатывавшаяся в недрах министерства под строгим грифом секретности, становится достоянием гласности.

Большой вклад в формирование общественного интереса к расколу внес выпускник Казанской духовной академии А.П. Щапов. Закончив в середине 1850-х годов миссионерское отделение КДА, он выступил с рядом статей, опубликованных «Православным собеседником» и кардинально раздвинувших формат данной темы. Автор рассматривал раскол не только как обрядовое уклонение от православия, но и как явление, напрямую связанное с состоянием русского общества начиная с XVII века. Таким образом, параметры исследований выводили данную проблематику из узко церковных рамок, что было признано новаторством^[71]. Однако для нашей работы важно заметить: А.П. Щапов не являлся первооткрывателем или разработчиком такого взгляда на раскол. Во многом он использовал те материалы, которые содержались в свезенных в Казань полицейских архивах. Переработав эти сугубо служебные документы для широкого восприятия, ученый привлек внимание к целому спектру идей, с энтузиазмом встреченных российской образованной публикой. Основываясь на разработках МВД, А.П. Щапов выделил политическую составляющую староверия, придавая ей особое значение. Вот, например, одна из его мыслей, особенно приглянувшаяся радикальным кругам:

«Общность вражды раскольничьих сект к православному правительству и православной церкви связала всех вообще раскольников, несмотря на различие их толков, в одно братство, которое хотя и предоставлялось как будто бы распавшимся на части, но всегда единодушно стремилось к одной общей цели – к большему расширению и, если можно, к господству в России»^[72].

Но подобные выводы о политических устремлениях раскола были изложены в различных записках чиновников МВД задолго до того, как А.П. Щапов начал свой путь ученого. В доказательство приведем выдержку из документа, составленного специалистом по расколу И.П. Липранди для министра Л.А. Перовского:

«В общественных делах, в особенности когда идет речь о противодействии мерам правительства, тогда эти толки

соединяются в единомыслие и представляют из себя религиозно-конфедеративную республику, где каждая часть имеет особые оттенки в формах своего внутреннего управления, а все вместе составляют целое, стремящееся к одной цели. Следовательно, все они должны почитаться сгруппированными в деле против Правительства»^[73].

Или еще одно:

«...Раскольники в настоящее время не могут уже более быть почитаемы только за отпавших от православной Церкви, теперь их должно рассматривать не столько в религиозном их значении, сколько в политическом, гражданском и статистическом»^[74].

Именно на аналитике МВД, а также на основе собранных этим ведомством архивных сведений и составлен по преимуществу знаменитый труд казанского профессора^[75]. Правда, А.П. Щапов творчески подошел к доставшимся ему материалам. По нашему мнению, главным его вкладом в изучение старообрядчества стало обоснование тезиса о том, что в отечественной истории ключевую роль играют не столько государство и его учреждения, сколько сам народ -творец своих традиций и духовных черт. Может быть, это и напоминало славянофильские воззрения, но только с тем принципиальным отличием, что ученый смотрел на вещи сквозь призму раскола. Он полагал, что ни один вопрос русской жизни не может быть качественно исследован вне староверческого контекста. И в этом состоял действительно огромный шаг вперед.

Однако важно заметить, что А.П. Щапов не был большим почитателем староверия, как это может показаться по прочтении различных трудов о нем. Архивные документы позволяют увидеть более сложную картину. Речь идет прежде всего о крестьянских беспорядках в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, закончившихся расстрелом людей. Этот случай известен, поскольку широко освещался советской историографией. Когда до крестьян дошел текст Манифеста об освобождении от 19 февраля 1861 года, среди них распространился слух, будто документ фальшивый, а

подлинный спрятан помещиками. Подобная ситуация наблюдалась во многих губерниях России. Однако здесь дошло до бунта: крестьянин Андрей Петров, воспользовавшись недоразумением, встал во главе недовольных, стекавшихся из соседних селений. Он возвещал им, что земля принадлежит народу, а не помещикам, поэтому надо прекращать ходить на барщину, не платить оброка и не препятствовать желающим забирать барский хлеб и лес. Оклики местных властей не имели никакого воздействия, с ними никто не хотел разговаривать^[76]. При этом советские историки забывали упомянуть, казалось бы, ненужную деталь: этот А. Петров был не просто крестьянином, а раскольничьим начетчиком. Когда прибыли войска для усмирения людей, он вынес народу старый, т.е. староверческий, образ, убеждая не расходиться, т.е. стоять за веру. Крестьяне, которые, очевидно, придерживались старой веры, не выдавали А. Петрова, являвшегося для них реальным авторитетом. Солдаты открыли стрельбу, несколько человек были убиты, несколько – утонули в реке в ходе возникшей паники. На панихиде по погибшим пламенную речь произнес А.П. Щапов.

Раскольничий подтекст конфликта не вызывает сомнений. И выступление А.П. Щапова, собственно, и посвящено роли раскола в этом трагическом эпизоде. Выразив скорбь по погибшим, ученый, ставший к тому времени признанным специалистом по староверию, объяснил причины случившейся трагедии. Русский народ не просвещен разумным знанием Христова учения и со второй половины XVII столетия (т.е. с момента раскола) находится в слепом заблуждении, в котором, за недостатком настоящих учителей, его держат мнимые пророки из простых крестьян. И вот один из таких народных грамотников увлек людей учением о ложной свободе, что и привело к трагедии. Против воли Царя и вопреки желаниям дворянства он решил возвестить истинную, а не вымышленную волю^[77]. Несложно заметить, что расколоучителя наподобие А. Петрова выставлены здесь в качестве не тронутых просвещением провокаторов, из-за которых народ почти двести лет блуждает в духовных потемках. Следуя этой логике, от подобных деятелей нужно избавляться и обращаться к истинным учителям, несущим Христово знание. Когда народные массы наконец-то окажутся в надежных руках, они под присмотром новых пастырей обретут долгожданный путь к свободе. Содержался в речи Щапова и упрек к правительству, которое

до сих пор не поставило разумных учителей. В результате в массах звучат угрозы в адрес землевладельцев и начальства, призывы к восстанию. По убеждению оратора, необходимо нейтрализовать эти кровавые призывы, чем при помощи власти и обязаны заняться истинные учителя:

«Да совершится и укрепится за кровь вашу, для ваших детей, потомков... общинно-демократическая свобода, даруемая правительством в устройствах сельских обществ и волостей, сельского выборного самоуправления... Да водворится мирно, без крови общинно-демократическое народовластие, когда сам царь воззовет к нему весь народ!»^[78].

Одним из просвещенных пастырей А.П. Щапов, несомненно, видел себя. В 1861 году он даже выдвинул программу, составленную в прогрессивном духе тех лет, изложив ее в письме на имя Александра II. Он требовал создания училищ для всех сословий, проведения местных выборов «с губернатора до последнего полицейского», уничтожения цензуры и т.д. Интересен пункт о создании областных советов из лиц, выбранных народом, и Центрально-земского собора, что явно навеяно староверческой практикой. Данные органы управления должны взять на себя все государственные дела и устройство войска^[79]. В случае такого демократического порядка формирования власти перспективы популярного профессора, конечно, выглядели многообещающе. Тем более что его ораторские способности высоко ценились и в КДА, и в Казанском университете^[80].

Надо сказать, что спрос на А.П. Щапова благодаря его публикациям и участию в громком инциденте в селе Бездна был высоким. Различные политические силы пытались заполучить профессора в свои ряды. И первой это попыталась сделать сама власть, пожелавшая обратить его известность себе на пользу. Поэтому после ареста за выступление на панихиде по бунтарям оратора отправили не в монастырь Костромской губернии, как планировалось ранее, а в МВД – заниматься раскольничьими вопросами^[81]. Однако чиновничья служба оказалась невыносимой для того, кто мыслил себя трибуном,

выразителем народных дум, и в этом ведомстве бывший профессор не задержался. Очень хотел привлечь его на свою сторону лидер демократического движения России Н.Г. Чернышевский, но эти попытки не увенчались успехом. Один рижский купец, раскольник поморского согласия, предлагал Щапову стать редактором староверческой газеты за границей – и получил отказ^[82]. В конце концов ученого увлекла идея объяснить русскую историю на началах естественных наук и стать для России кем-то вроде Г. Бокля для Европы. Этим замыслом помешало расстройство здоровья, вызванное чрезмерным употреблением алкоголя. К тому же после неудачного опыта работы Щапова в министерстве от него избавились, выслав на родину в Иркутск, где его научные навыки постепенно угасли.

Другой известный знаток раскола в глазах как правительства, так и широкой российской общественности – П.И. Мельников (1819-1883), служивший в МВД, а затем проявивший себя на литературном поприще. Будучи чиновником министерства в Нижегородской губернии и выполняя разнообразные поручения по розыскам староверов, он непосредственно столкнулся с расколом, причем выступал за преследования и применение жестких мер. Чего стоило только его предложение в обязательном порядке зачислять всех староверов в рекруты, не делая исключений для купеческих семей. Или отдавать в кантонисты детей, рожденных от браков, совершенных беглыми попами или наставниками. Хорошо известна деятельность П.И. Мельникова по разгрому скитов на территории Нижегородской губернии: он исполнил 87 поручений по секретной, т.е. раскольниковой, части^[83]. В 1850-1851 годах его включили в состав экспедиции МВД, исследовавшей секты. С этих пор у молодого чиновника помимо служебного рвения просыпается и научный интерес к расколу, изучением которого он занялся вплотную. По итогам работы комиссии был подготовлен -во многом благодаря стараниям П.И. Мельникова – обширный отчет. Он стал одним из первых публичных трудов в России по исследованию старообрядчества и затрагивал большой комплекс вопросов: религиозных, экономических, статистических, географических и т.п.^[84] В пореформенный период П. И. Мельников покинул службу и посвятил себя литературной деятельности; он выступал как специалист по народной жизни вообще и старообрядчеству в частности. Его ставшие популярными романы «В

лесах» и «На горах» дают масштабную панораму староверческих представлений и быта. (Эти названия связаны с особенностями Волги: левый берег реки низкий и пологий, поэтому «В лесах», а правый – высокий и крутой, отсюда «На горах».)

Отношение к расколу бывшего чиновника МВД постепенно становилось благожелательным. Более того, он стал приверженцем староверия и ратовал за всестороннее и бережное изучение этого самобытного явления русской жизни. Свою точку зрения П.И. Мельников не только пропагандировал как писатель, но и отстаивал как признанный знаток проблемы – во властных структурах, куда его постоянно приглашали. Своего рода кульминацией в деле оправдания раскола стала записка, подготовленная Мельниковым по просьбе товарища Министра внутренних дел кн. А.Б. Лобанова-Ростовского для комиссии, собиравшейся в 1875 году^[85]. Автор документа фактически обвинил духовенство в том, что 180 лет назад с его легкой руки все раскольники без исключения были объявлены врагами государства и самодержавия. К тому же реформы Петра I сломали не только прежний государственный строй, но и частный домашний быт русского народа, что и вызвало глухое и пассивное недовольство. Однако все это в далеком прошлом: его собственные тридцатилетние наблюдения позволяют утверждать, что не существует уже ни одной раскольничьей секты, зломыслящей против власти императора и российского государства^[86]. По мнению П.И. Мельникова, в образованном обществе страны пробуждается достоинство русского имени, языка, дедовской старины, больше уделяется внимания народной жизни. Не отвергать надо старообрядчество, заключал он, а, наоборот, приближать его к себе:

«чем шире будут даны права раскольникам, тем ближе конечное ослабление раскола и слияние его с Церковью»^[87].

Такая смена образа мыслей, от ревностного гонителя до не менее ревностного защитника, не могла не удивлять современников. Кстати, по информации полиции, раскольники были П. Мельникову весьма благодарны (и не только на словах), чем он и не преминул воспользоваться^[88]. Комментировать эти полицейские данные здесь не место; отметим лишь, что купеческой верхушке подобные отзывы

были, конечно, полезны – для поддержания имиджа верных государевых слуг. Сам же Мельников, будучи действительно крупным знатоком староверия, не мог не понимать, что простые старообрядческие массы явно отшатнулись от богатых горожан, от купцов, от тех, для кого главной целью стал коммерческий диалог с властями – а не нужды их религиозной общности.

Нельзя не упомянуть здесь и еще об одном сотруднике МВД, который также специализировался на старообрядчестве, а затем попробовал себя на литературной ниве. Ф.В. Ливанов – и в качестве чиновника по особым поручениям при министре П.А. Валуеве, и в качестве автора известных художественных произведений – своего негативного отношения к расколу не менял. Наиболее полно он сумел выразить его в книгах «Раскольники и острожники» (1868) и «На рассвете. Рассказы из раскольниковьего быта» (1875). Автор видит в старообрядчестве – как в купеческих верхах, так и в народных низах – источник всевозможных преступлений. Многие современники (не из правительственного лагеря) считали его литературные произведения оскорбительными пасквилями^[89]. Сам он объяснял резко обличительный запал своего творчества стремлением не позволить «коноводам раскола» и всяким мерзавцам торговать религией и намеренно держать народ во тьме^[90]. Не заставила долго ждать и реакция староверческого купечества. В июле 1870 года московский почетный гражданин И.П. Бутиков подал на Ф.В. Ливанова в суд – за клевету и оскорбление достоинства. Дело в том, что в книге «Раскольники и острожники» тот поведал о «мерзком» раскольниковьем сбире, именуемом собором и состоявшемся в доме И. Бутикова, поставив тем самым известного деятеля в неудобное положение. В ходе судебных слушаний адвокат купца настаивал на недопустимости вмешательства в частную жизнь. Ф. В. Ливанов возражал: его книга касается общественной деятельности И. Бутикова, а кроме того, самозванный раскольниковьий собор незаконен, о чем, собственно, он и напоминает в своем произведении. Да и вообще, как можно препятствовать информировать общественность о преступных сбире! Суд встал на сторону Ф.В. Ливанова, не усмотрев в его действиях признаков преступления^[91].

Тем временем старообрядческая тема вышла из категории закрытой, находящейся в компетенции чиновников по особым

поручениям и секретных комитетов и утвердилась в публичном пространстве. В огромной мере этому способствовали писатели, которые с 1850-х годов обратились к социальным пластам, далеким от дворянской повседневности. Пионером здесь выступил «Московитянин». Несколько молодых авторов этого журнала начали пропагандировать в своем творчестве интерес ко всему русскому: языку, вере, быту, традициям и т.д. Одним из лидеров кружка стал А.Н. Островский. Его произведения прекрасно известны, тем более что советская критика считала его классиком «обличительной» литературы. Не касаясь содержания богатого творчества Островского, уточним лишь, какую социальную среду он изображал. Конечно, купечество, но только с одним существенным добавлением – старообрядческое. О том, что А.Н. Островский описывал будни московских купцов-раскольников, сегодня совсем забылось. В этом нет ничего удивительного: в советские годы на конфессиональную принадлежность персонажей не обращали внимания – как на незначительные детали.

Между тем самому писателю дело представлялось иначе. В своей литературной пробе – «Записках замоскворецкого жителя» (1847) – начинающий литератор сообщил, что он:

«проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников не описанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, – все это было покрыто мраком неизвестности»^[92].

Возникает закономерный вопрос: как сам автор познакомился с купеческой староверческой средой? Как известно, семья писателя не имела к ней никакого отношения: его брат состоял на государственной службе, дойдя до министерской должности; отец служил в различных учреждениях по юридической линии; сам Александр Николаевич был мелким служащим в суде, где, как считается, и черпал материал для пьес. Тем не менее ответ кроется в его биографии, а именно в его первой женитьбе на московской мещанке Агафье Ивановне (фамилия

неизвестна). Ее запомнили как простую по происхождению женщину, без образования – написать письмо для нее стоило немалого труда; зато она досконально знала быт, нравы и язык купечества, вышедшего из крестьянства. Брак с ней, что весьма примечательно, не был церковным. Отец писателя категорически не принял избранницу сына и выгнал его с ней из дома, лишив материальных средств^[93].

Агафья Ивановна оказала огромное влияние на творчество мужа, который охотно прислушивался к ее мнению^[94]. Следствием этого стало колоритное изображение различных сюжетов из жизни купцов-раскольников. Имя первопроходца в новом мире быстро стало популярным в литературных кругах Москвы и Петербурга. Все понимали, о ком пишет молодой автор, хотя в пьесах об этом, что называется, в «лоб» не говорится. Так, в известной пьесе «Свои люди – сочтемся» действующие лица – раскольники. О главных героях купце Самсоне Силыче Большове и его жене Аграфене Кондратьевне как бы мимоходом сказано, что он голицами торговал на Балчуге:

«добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не паневница – из Преображенского взята».

Они ищут для своей дочери жениха: чтобы был купец, лошадей хороших держал, да и лоб крестил по-старинному^[95]. То же и в других пьесах раннего периода: разговоры персонажей вертятся вокруг Рогожского, Преображенки, Лефортова, ношения бороды как некого отличительного признака явно не только бытового характера^[96]. А в наиболее известном произведении этого периода – пьесе «Гроза» (1859) – имеется примечание автора:

«все лица, кроме Бориса, одеты по-русски»^[97];

это конкретное указание на то, что участники действия придерживаются старой веры. Обращение А.Н. Островского к новому для тех лет материалу – о старообрядческом купечестве – не было, конечно, данью моде. Писатель искал хорошее в выходах из народа. Этим же продиктован и его интерес к Кузьме Минину, любимому историческому герою Островского, к изучению летописей и

источников. Основной мотив пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» таков: освобождение от великой разрухи является делом народа, сплотившегося вокруг Минина. В этом контексте интерес к духовным основам русского народа кажется весьма органичным. Заметим, что Агафья Ивановна скончалась в 1867 году и А.Н. Островский, будучи уже известным драматургом, вступает уже в церковный брак с молодой актрисой М.В. Бахметьевой, взявшей под строгий контроль труды и дни писателя. Интерес к старообрядческой среде у него постепенно угасает. Так, в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты», написанной в 1868 году, уже содержится прямая ссылка на то, что действие разворачивается в сугубо православной среде господствующей церкви^[98].

Над староверческой тематикой, но в этнографическом ключе, работал и другой литератор – С.В. Максимов (1838— 1901). Будучи сыном мелкопоместного дворянина Костромской губернии, он с детства познакомился с окружавшей его крестьянской средой. Учась в Московском университете, будущий писатель сближается с редакцией «Московитянина», а точнее – с молодым кружком во главе с А.Н. Островским. Именно здесь любовь ко всему народному получила у него творческое развитие. С.В. Максимов начинает публиковаться, помещая в журнале небольшие, но яркие рассказы о деревенской и городской жизни. Они не остались без внимания аудитории. Достаточно сказать, что их отметил И.С. Тургенев, который призвал начинающего писателя активно участвовать в становлении нового литературного направления – изучения русского народа. Следуя этому пути, в 1855 году С.В. Максимов предпринимает поездку во Владимирскую губернию, где приступает к изучению промысла, быта и тайного языка офеней (коробейников, ведущих мелкую торговлю). Как известно, эта категория торговцев выработала особые речевые коммуникации, позволяющие им вести свои дела, оставляя в неведении непосвященных. Молодой этнограф сближается с офенями, настойчиво преодолевая их подозрительность и завоевывая доверие. В результате ему удалось записать более тысячи слов тайного языка торговцев, большую часть которых составляли представители староверческой среды. Это был не теоретический, не книжный, а первый по-настоящему практический опыт изучения народных

торговых сетей, организованных силами раскола и составляющих неизвестную доселе часть российской действительности.

Дальнейшее очное знакомство С.В. Максимова со старообрядчеством произошло в рамках литературной экспедиции, инициированной властью сразу после смерти Николая I. Своеобразие этой экспедиции состояло том, что ее проводили не чиновники, как ранее, а уже известные российскому обществу писатели^[99]. Максимов оказался среди тех, кого привлекли к работе. Его командировали на север страны, где он окунулся в новые для него этнографические реалии. К тому времени существовало уже немалое количество литературы, содержащей географические, исторические, естественнонаучные сведения о русском севере, однако этнографические исследования прежде практически не проводились. Именно на этом неразработанном пока направлении сосредотачивается С.В. Максимов. Почерпнутые им наблюдения легли в основу очерков «Год на севере» и «Лесная глушь», а также ряда рассказов^[100]. Из этих произведений становится ясно, что жизнь простых людей была буквально пронизана староверием и его традициями. В поездке писатель постоянно обращается к историческим источникам, как печатным, так и архивным; исследует местные церковные, монастырские и судебные архивы, извлекая интересные факты из прошлых времен. И от этнографических зарисовок переходит к истории раскола.

С.В. Максимов принял участие в издании обширных материалов по истории старообрядчества; их обнародование относится к началу шестидесятых годов XIX века. Он внес заметный вклад в процесс изучения этого явления русской жизни, опубликовав «Историю о взятии Соловецкого монастыря», «Повесть о страдальцах Соловецких», два послания Аввакума. Эти и другие памятники староверческой мысли вошли в составленный им сборник «Рассказы из истории старообрядства». С.В. Максимов подчеркивал в предисловии к нему: ранее мы слышали только противников раскола, но до нас не доходил его собственный голос:

«оттого-то обнародование раскольничьих сочинений столько же необходимо, сколько и полезно»^[101].

С.В. Максимов в этой своей деятельности был не одинок. С конца 1850-х – начала 1860-х годов книжный рынок страны буквально захлестнул поток раскольничьей литературы, вызывавшей интерес у самых разных слоев читающей публики. Одним из крупных центров распространения старых книг был магазин Т.Ф. Большакова (1794-1863) в Москве. Этот купец происходил из староверческой семьи и, используя свои связи, начал скупать и собирать различные раскольничьи рукописи. При его непосредственном участии составлены московские книжные коллекции М.Н. Погодина, Н.С. Тихонравова, Ф.И. Буслаева, К.Т. Солдатенкова и др. Достаточно сказать, что только Погодин приобрел у него около 200 старинных книг и рукописей для своего знаменитого «древлехранилища». Но Т.Ф. Большаков не просто собирал книги; он серьезно изучал их, став признанным авторитетом в этой области истории церкви. Его познания оченьгодились в период учреждения Белокриницкой иерархии в 1846-1847 годах, когда Большаков выступал в качестве консультанта по каноническим правилам^[102].

Среди крупнейших издателей старообрядческой литературы тех лет следует упомянуть Д.Е. Кожанчикова (1811— 1877). Его петербургское издательство приобрело всероссийскую известность, впервые напечатав наиболее значимые произведения раскола. Кстати, многие из тех, кто встречался с ним тогда, были уверены, что он и сам старообрядец^[103]. Среди изданной Кожанчиковым раскольничьей литературы выделим популярный тогда и забытый ныне «Сборник русских духовных стихов» молодого автора В.Г. Варенцова (1825-1867). Выпускник Казанского университета впервые сумел собрать раскольничью и сектантскую поэзию, чтобы познакомить с ней российскую публику. Сборник был запрещен цензурой и только усилиями Д. Е. Кожанчикова в 1860 году увидел свет. Большинство журналов того времени отметили его своими рецензиями^[104]. Значение сборника оценивалось очень высоко, поскольку письменные раскольничьи произведения уже были более или менее знакомы публике, тогда как устная литература – продукт поэтического творчества самого народа – оставалась фактически неизвестной. Ведь раскольничьи напевы – это не совсем песни; это духовные стихи, которые вызывают в верующих строгое и почтительное отношение, соизмеримое с отношением к священной книге или проповеди, но

более доступные для понимания. Поэзия русских староверов, по сути, открытая В.Г. Варенцовым, свидетельствовала о довольно мрачном представлении народа о жизни; от стихов веет грустью, тоской и безнадежностью. Массы раскольников, мещане и крестьяне, распевали о «пустыне прекрасной», о «судьях неправедных», о «попах-запоицах». Неслучайно идеалом здесь выступает Лазарь убогий, не ожидающий перемен к лучшему в этой жизни. Такой идеал наиболее полно отвечал той жизненной обстановке, в которой находился русский народ. У властей появление такой печатной продукции вызывало тревогу. Граф Д.А. Толстой, например, делился своими опасениями с митрополитом Филаретом, указывая на чрезмерное количество сочинений о русском расколе. Причем многие авторы, не имея достаточной подготовки для обсуждения такого сложного явления, как раскол, приходят к выводам неблагоприятным для православной церкви. По убеждению Д.А. Толстого, необходимо ограничить этот поток литературы, допуская к изданию только те сочинения, которые отличаются основательным знанием предмета в строго православном ключе^[105].

Вместе с тем знакомство с раскольничьим творчеством значительно расширило представления образованной публики о религиозности русского народа. Постепенно приходило понимание того, насколько православное верование народа отличалось от религиозных доктрин синодальной церкви. Это обстоятельство, например, осмыслено в творчестве известного писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина. В романе «Пошехонская старина» он изложил свои многолетние наблюдения по поводу того, что в России существовало фактически два православия: народное и церковное. Как он писал, даже догмат о воплощении Христа понимался многими крестьянами иначе, чем дворянами-помещиками: народ воспринимал свое задавленное положение в качестве временного испытания, предоставленного лишь тому, кого за это ждет вечное блаженство, и Господь собственно «*для того благословил его рабством*»^[106]. Размышляя над этой мыслью, М.Е. Салтыков-Щедрин замечал, что народ вовсе не думает о каком-то самосовершенствовании, а просто верует:

«Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство. Это и есть вера и в то же время дело, т.е. дело в форме доступной народу. Если жизнь испытывает его, он “прибегает”, просит заступничества и делает это в той форме, какая перешла к нему от предков»^[107].

Осмысление народного духа у великого писателя неразрывно связывалось со староверческими основами крестьянской жизни, определявшими ее перспективы. Следуя знаменитому гоголевскому сравнению Руси с тройкой, безответно несущейся куда-то, М.Е. Салтыков-Щедрин по-новому обыгрывал этот русский образ:

«надо взять в руки посох, препоясать чресла и, подобно раскольникам – “бегунам”, идти вперед, вышнего града взыскупя»^[108].

Тема раскола стала также, питательным источником для формирования серьезных идеологических концепций. Речь идет о писателе Ф.М. Достоевском, чьи хорошо известные общественно-политические воззрения во многом складывались как раз под влиянием староверческой тематики. Признаемся, этот аспект творчества писателя разработан специалистами довольно слабо, что требует уточнения контуров для его дальнейшего изучения. Сразу скажем, знакомство Ф.М. Достоевского с расколом произошло поздно. Как известно, кружок петрашевцев, где он принимал так печально закончившееся для него участие, привлекали европейские теории социалистического оттенка, а не проявления религиозной самоорганизации русского народа. Интересы, да и возможностей приобщиться к староверию у интеллигентских кругов тогда было немного. Хотя Достоевский любил рассказывать об одном семейном воспоминании: его отцу (врачу по профессии) протекцию для поступления на службу в Мариинскую больницу оказал его знакомый – знаменитый в то время глава федосеевского согласия Илья Ковылин; бывая в Москве, писатель часто навещал его могилу на Преображенском кладбище^[109]. Воочию же с раскольниками Достоевский столкнулся там, куда вопреки воле его забросила судьба –

в остроге, где он отбывал наказание за связи с Петрашевским. В повести «Записки из мертвого дома» (1860), рассказывающей о том нелегком жизненном этапе, дана целая галерея народных персонажей. Среди них выделяется старик-старовер, слывшим самым уважаемым каторжанином: именно ему отдавались для сбережения те скудные деньги, которые имели заключенные^[110]. Достоевский с теплотой описывает эту фигуру, его «ясные, светлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками». Этот раскольник был осужден на каторжные работы не за какое-то корыстное деяние, а за поджог строившейся в его селе православной церкви, решившись «стоять за веру»^[111].

Староверческая тема присутствует и в романе «Преступление и наказание» (1866). Напомним читателям образ крестьянина Миколки: именно он заявил властям, что убил старуху-процентщицу. Как выяснил следователь, этот молодой человек был раскольником-бегуном, около двух лет живший под началом старца-наставника: его поступок (признание в убийстве, которого он не совершал) определялся одним стремлением – «пострадать», при чем страдание принять не от кого-либо, а непременно от властей^[112]. Такие воззрения, имевшие религиозную окраску, являлись неотъемлемой частью страннической идеологии. Очевидно, что Достоевский вводит персонаж этого раскольника для наиболее полного раскрытия темы искупления, которой собственно и посвящен роман. Страдание как духовное очищение – эту мысль, прочно укоренную в сознании представителя народа – Миколки, только-только начинает постигать интеллигент Родион Раскольников.

В первой половине 60-х годов система взглядов писателя находилась в стадии формирования. Тем не менее, ее основы просматриваются уже зримо. Оторванность дворянского сословия от народа, полное непонимание его нужд и стремлений осознана и выстрадана самой жизнью Достоевского. И весьма примечательно, что постижение русского народа он напрямую связывает с расколом, наиболее полно выражавшим его внутреннее состояние. В годы, когда российское образованное общество было захвачено новой тогда раскольничьей темой, эти веяния не могли не затронуть и Ф.М. Достоевского, искренне увлекавшегося этим религиозным явлением. Напомним, что А.П. Сулова, с которой писателя в первой половине

60-х годов связывали близкие отношения, являлась раскольницей, родом из Нижегородской губернии^[113]. Она никогда не посещала церковь, отличалась резкостью суждений; одно время намеривалась даже податься в согласие бегунов-странников, чтобы *«жить полнее и шире»*^[114].

Ключевым моментом в формировании взглядов Достоевского стало его знакомство с творчеством Константина Голубова. Известно, что этот раскольник-беспопoveц издавал в Пруссии журнал «Истина», где размещал свои статьи по различным нравственно-религиозным проблемам. В конце 60-х годов XIX столетия он возвращается в Россию и переходит в единоверие. Этот шаг вызвал взрыв энтузиазма у ревнителей официального православия: статьи о Голубове заполнили российские издания, его журнал начал широко распространяться по России^[115]. Прежде всего, он резко выступил против «свободы совести», считая эту идею прямой дорогой к безверию, уже протоптанной на Западе^[116]. Самое страшное на этом пути сомнения в православии, именно из них *«произрастает бессознательная веротерпимость»*. А это настоящая гибель для русского человека, жизнь которого заключена *«в жертве за правоверие»*^[117]. Очевидно, такая позиция определялась отношением к православию как несущей конструкции народной жизни. При чем, по мнению Голубова, здесь важна истинность самой веры, а не ее разновидности, древность, новизна и т.д. Он был убежден, что подлинная истинность во всей своей полноте как раз и выражена в православии, которое богаче и выше, чем любая другая религия (индуизм, протестанство и др.)^[118]. Эти взгляды бывшего раскольника, может быть, были бы и приемлемыми для церковной администрации, однако тот и не думал ограничиваться ими. Вскоре восторги, связанные с его переходом в единоверие, сменились прохладным отношением: Голубов оказался далеким от почитания синодальной версии православия. Более того, он начал излагать свое видение устройства церкви, где не только обряды, но и иерархия занимали, мягко говоря, не главное место.

Голубовские воззрения привлекли внимание Достоевского: он связывал с ними узловые моменты духовного становления православного человека. В письме А.Н. Майкову он прямо писал:

«А знаете, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник... о котором напечатана статья с выписками в июньском номере «Русского вестника». Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей»^[119].

Работая над романом «Бесы» (1870), Достоевский берет на вооружение идеи Голубова, созвучные с его собственными размышлениями, и приступает к их творческому развитию. Заметим, что в черновиках произведения Голубов фигурирует в качестве действующего лица, чья роль в идейном замысле «Бесов» крайне значима^[120]. Однако присутствие на станицах романа человека, не оправдавшего надежд синодальных властей, представлялось для них крайне не желательным. Достоевский был вынужден отказаться от Голубова, но только не от развития взглядов с ним связанных. Для этого он вводит в сюжет главу «У Тихона»^[121]. На ее страницах раскрывается тема церкви, живущей исключительно верой во Христа. Объединяющим центром такого духовного сообщества выступает искупление, а не преклонение перед иерархией. Не случайно и сам Тихон у Достоевского находится на покое: он не имеет никакой административной власти, т.е. является архиереем не представляющим иерархии. Но именно он несет Ставрогину тот необходимый каждому образ искупающей церкви, который дорог Достоевскому. Как известно, эта глава вопреки возражениям писателя не вошла в основной текст романа. Идейные интенции Тихона оказались рассредоточены между фигурами Шатова (из народа, но без веры, а потому погибает) и Хромоножки (обращение к родине, опоры в жизни).

Исследователям литературы хорошо известен сюжет с Голубовым при подготовке «Бесов». Однако, считается, что на этом Голубовская история у Достоевского исчерпана. Однако, судя по дальнейшему его творчеству, это далеко не так. По нашему мнению, идеи бывшего раскольника после конкретной разработки в «Бесах» предстают на страницах «Подростка» (1875) в художественном образе Макара Долгорукого. Это крайне интересный персонаж продолжает мысли Достоевского: раскрытие церковного идеала здесь выражено в художественном образе. В романе М. Долгорукий ведет

отшельническую жизнь, но в тоже время он опять никак не связан с иерархией. Размышляет обо всем, но совсем не упоминает церковной администрации. Достоевский как бы показывает его внутреннюю свободу или самообразность; поведение, любые действия этого странника несут положительный заряд. Появляясь на страницах романа, он мирит семью Версиловых, всех успокаивает, укрепляет в вере и т.п. При чем, у него это получается естественным образом, легко: в этом и выражается макарово благообразие, т.е. порядок не снаружи, а – внутри человека^[122]. По Достоевскому – собственно в этом и состоит действительная роль церкви, ее подлинное назначение в жизни. Не соблюдение официальной церковной традиции, а поддержание внутренней свободы. Но для нас самым интересным в образе М. Долгорукого является эпизод, где прямо указывается его раскольничья подоплека. После смерти Макара от него, не имевшего ни какой собственности, остается лишь одна старая икона без ризы. О ней сказано, что это образ *«родовой, дедовский; он весь век с ним не расставался... и, кажется раскольничий»*^[123]. Конечно, этот маленький эпизод многозначителен, как и все у Достоевского. Раскольничий штрих в повествовании о страннике не выглядит случайным: он явственно указывает на источник благочестия русского народа. Источник, который, находясь вне синодальной, господствовавшей церкви, слабо ориентирован на последнюю.

Все эти мысли писателя получили затем идейную шлифовку на страницах «Дневника писателя» (1876-1880). Здесь проведена осмысленная грань между народным православием и его синодальным вариантом. Русские образованные круги не сумели понять, что есть православно-народная культура: просвещенное общество не может найти общего языка со своим народом. Отсюда утверждения Достоевского, что *«всякое дерьмо»*, о котором печется правящий класс, т.е. конституция представляет интересы общества, но уж совсем не народа. *«Закрепостите вы его опять!»* – восклицает писатель^[124]. У простого русского народа совсем иные предпочтения: он никогда не сделается, *«каким бы его хотели видеть наши умники, а останется самим собою»*^[125]. Достоевский постоянно оперирует понятием православие народа, правда, не называя его впрямую старообрядчеством. Именно этим народным православием необходимо просветиться образованным сословиям, что *«будет воистину школою*

для всех нас и самую плодотворную школу»^[126]. Только путем духовного слияния разрешится противоречие между ними и русским народом. Это создаст общее дело, которое *«страшно поможет всему, все переродит вновь, новую идею даст»*^[127]. Ее значение Достоевский сравнивал с крестьянской реформой освобождения от крепостничества^[128]. Контуры этой новой, перерожденной идеи (церкви) мы находим на страницах последнего крупного романа писателя «Братья Карамазовы». Перед нами образ, если можно так сказать, горизонтальной церкви. Весьма символично, что в романе ее олицетворяют двенадцать мальчиков, собравшихся на похороны их сверстника Илюшечки, скончавшегося два дня спустя после приговора Дмитрию Карамазову^[129].

Описанная ситуация убедительно показывает: к 60-м годам XIX столетия тема раскола вполне овладела умами. Причем не только в качестве экзотики. Часть российской интеллигенции нашла в староверии свой интерес, увидев в нем реальную силу. Речь идет о политических противниках самодержавия, которые увлеклись модным религиозным течением, обнаружив невиданные ранее перспективы.

3. Конфессиональные революционеры

С конца пятидесятих годов XIX столетия раскол приобретает в России широкое общественное звучание. Можно сказать иначе: он становится своего рода модой для части отечественной элиты, привлекает внимание многих мыслящих людей. Староверческий мир начинают активно изучать, и в этом осмыслении собственной истории и культуры открываются новые возможности для утверждения национального самосознания, для выхода за тесные рамки официальных строго охранительных установок. Другими словами, на раскол перестали смотреть как на чисто религиозное явление; в нем увидели черты, имеющие гражданское значение, что обогатило всю общественную жизнь. В этом новом взгляде на раскол особенный акцент был сделан на политическую составляющую. Многие идейные противники самодержавия обнаружили неожиданные возможности для своей борьбы. С их реализацией и связана интереснейшая эпоха отечественной истории, прошедшая под знаком народнического движения (1860-1870-е годы).

Однако, как мы показали, оценка раскола с точки зрения политических перспектив не была собственным достижением интеллигенции пореформенного периода, развернувшей революционную борьбу за народное счастье. Данные выводы изначально сформулировали представители вовсе не революционных, а в первую очередь правительственных кругов. Староверческий мир всегда вызывал всевозможные подозрения и опасения у российских властей. Николаевское время заметно усилило эту тенденцию. Вступив на престол под залпы восстания декабристов, император постоянно был озабочен своевременным выявлением сил, угрожающих самодержавному правлению, в том числе и среди раскольников. Поэтому уже в тридцатых годах под эгидой МВД снаряжались специальные экспедиции чиновников в различные губернии страны. Главная их задача состояла в выяснении не религиозной, а политической стороны дела, в определении влияния на раскольников посторонних личностей, особенно внешних врагов государства с их якобинскими воззрениями. Одна из таких известных нам по

документам поездок состоялась в 1838 году; майор III отделения А. Васильев посетил тогда около двадцати губерний. В донесениях чиновник с тревогой оценивал благонадежность раскола, где крайние формы сопротивления (открытый бунт, самосожжения и т.п.), конечно, уходят в прошлое, но повсюду продолжает:

«тлиться дух дерзновеннейшего отвержения власти царя и гражданских законов».

Наиболее зримо, по его наблюдениям, это ощущалось в Москве, где настрой на неповиновение лучше, чем в других местах, замаскирован религиозностью^[130]. Что же касается иностранного влияния на староверческие массы, то здесь майор пришел к заключению, что:

«те заграничные совратители народа, о которых думает правительство, не могут лично действовать на крестьян»,

поскольку никаких следов присутствия иностранцев на родных просторах ему обнаружить не удалось. Зато везде явственно прослеживаются связи с московскими сектоводителями,

«которыми дышат и движутся все фанатики и шарлатаны губерний»^[131].

Тем не менее служебное рвение привело к нужным результатам: иностранное влияние все-таки обнаружилось. В Московской, Костромской и Владимирской губерниях были замечены лица с австрийскими паспортами, одетые, правда, в русскую одежду и с бородами. Ими оказались старообрядцы из заграничных селений, ранее бежавшие из России, но сохранившие прежнюю веру, язык и обычаи. Используя единоверческие связи, они свободно перемещались по разным регионам, позиционируя себя в качестве потомков русских, пострадавших за свои религиозные убеждения^[132].

Очевидно, что подобные поездки носили ярко выраженный оперативный характер и мало помогали в изучении гражданских и политических аспектов раскола (хотя именно для этого и предпринимались). Начало серьезной работе положили в 1840-х годах

немецкие исследователи российской действительности. Речь идет, прежде всего, об известном европейском ученом бароне А. Гакстгаузене, который, как уже говорилось выше, после путешествия по России оставил ценные наблюдения о староверах. Исключив иностранное влияние, столь любимое российскими властями, он квалифицировал старообрядчество как движение, сформированное внутренними силами народа, и обратился к его истокам. Религиозный дух этого сектантства произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем безжизненная мощь и великолепие официальной Русской Православной Церкви.

«Староверы, – заключал он, – имеют большое нравственное влияние на Россию и на правительство»^[133].

Однако официально государство попросту игнорировало существование раскола, придерживаясь политики его формального отторжения. Между тем многочисленные секты, постоянно пополняясь из низших слоев населения, в свою очередь, отвергали культуру высших классов, считая ее антинародной и если не предательской, то по меньшей мере чуждой России. Более того, в неприятии государства и церкви начинают просматриваться социалистические и коммунистические наклонности русского народа. По убеждению немецкого ученого, необходимо серьезно взглянуть на раскол именно с этих позиций, поскольку Россия еще плохо представляет, какие опасности и неожиданности грозят ей с этой стороны^[134]. Гакстгаузен задается вопросами: как эти массы, выросшие на иных жизненных устоях, могут повлиять на общественную жизнь России в целом, насколько сильно может быть это влияние и к чему оно может привести?

В дальнейшем политическая оценка раскола у А. Гакстгаузена только усиливалась. В одной из его записок 1856 года к великой княгине Елене Павловне рассуждения о политическом значении староверия сопровождаются предупреждением, что ситуация в России приблизилась к опасной черте. Выступая за прекращение гонений на раскол, автор записки предлагал меры по его скорейшей легализации через признание раскольничьих браков, староверческих священников и т.д. Эти юридические действия А. Гакстгаузен рассматривал как:

«последний шаг, как экстремальную границу, находящуюся перед государством, по ту сторону которой уже революция»^[135].

Главная цель предлагаемого им полного признания староверия состояла в том, чтобы раскольники наконец-то ощутили себя частью единого народа, подчиняющегося одной власти. В пример он ставил Пруссию, где протестантское правительство посредством законодательных мер урегулировало отношения с различными сектами. И в России, по убеждению ученого, следовало бы поступить аналогичным образом, т.е. уравнивать раскольников и православных в гражданских и религиозных правах. Решение этой задачи требовало уточнить и религиозный статус императора:

«Мне кажется, настал момент, когда русский монарх более, чем когда-либо, должен сделать акцент на юридическом выражении того, что он не глава, а только покровитель русской церкви, и он, прежде всего, монарх Империи, который должен... защищать религиозные интересы»^[136].

После всех необходимых юридических преобразований, по мнению барона, можно приступать к созыву земской думы, которая представляет собой единственно возможный путь сближения царя и народа^[137].

Как известно, круг научных новаций Гакстгаузена был широк и не ограничивался старообрядческой тематикой. Он занимался экономическими вопросами, изучал институт общины, его увлекали и геополитические перспективы взаимоотношений православия и католичества. Но для нас важен тот факт, что он задал направление в изучении раскола и его политической роли в жизни российского общества. По пути, начатому А. Гакстгаузенем, последовал еще один известный немецкий исследователь, находившийся под его научным влиянием. А. Буддеус по роду своих занятий был скорее политическим философом, нежели историком или экономистом в строгом смысле слова^[138]. Его перу принадлежит немало работ, посвященных современным политическим реалиям (середины XIX века) в самых

разных странах Европы. В книге «Россия и современность», вышедшей в Германии в 1851 году, А. Буддеус дал анализ российской действительности, где в концентрированном виде изложил взгляд на русский раскол как политическую оппозицию правительству^[139]. Следуя за А. Гакстгаузенем, ученый ясно увидел в старообрядчестве религиозное выражение народного социализма. В нем доктрины всеобщего равенства, совместного владения собственностью и родственные им социалистические принципы, господствующие среди староверов, переплетены с верованиями, возникшими из-за схизмы в церкви, а затем – насильственных реформ Петра Великого. Именно эти элементы социализма в сочетании с интерпретацией догматов вероучения составили ту основу, на которой разгорался неугасимый энтузиазм народного сектантства. Автор относился к расколу не как к случайному феномену, а как реальному плоду национального развития. Он придерживался принципиального утверждения: раскол неискореним, и правительственные преследования не могут помешать его распространению и популярности. Раскол, как выражение чаяний масс, превратился в мощную народно-демократическую силу, с которой государство должно считаться.

А. Буддеус в своих сочинениях популяризировал воззрения А. Гакстгаузена о расколе и отмечал, что пока никто из русских не сделал так много для изучения русского сектантства, как немецкий барон. В этих словах признательности ученого в адрес соотечественника и коллеги явно просматривается намек на неспособность российских властей самостоятельно и в полной мере оценить суть и значимость происходящего в их собственном доме. В Европе такую ситуацию представить сложно, как, впрочем, и само существование враждебного элемента, подобного нашему религиозному расколу. Поэтому следовало бы больше и глубже заняться изучением своих реалий, тем более что вплоть до сороковых годов не только в Европе, но и – главное – в самой России общество находилось в полном неведении относительно раскола^[140].

Как мы говорили, внимание, проявленное А. Гакстгаузенем к русскому расколу, вдохновило тогда многих. Особенно тех российских интеллектуалов, которые имели возможность лично общаться с известным немецким ученым. Например, перешедший в католичество и живший в Европе князь П. Гагарин^[141], увидел сквозь призму

раскола новые возможности для осуществления своей давнишней и невероятной мечты – воссоединения православия и католичества. Ему казалось, что старообрядцы, в отличие от никониан являющиеся хранителями древней, не испорченной греками веры, – это наиболее перспективные участники процесса объединения с латинством. Возникновение же самого раскола в русской церкви он объяснял отсутствием в ней такого мощного центра, как папа, способного оправдать перед народом религиозные перемены. Находясь в плену этих идей, И. Гагарин доказывал каноническую правильность перехода староверов под власть римского папы. Он разъяснял: раскольники ищут Церковь, схожую с католической, дабы немедленно обратиться к ней, но не могут найти. Надо открыть глаза этим многочисленным сектам, над которыми не властен православный клир господствующей церкви^[142]. Утопичность подобных надежд мало у кого в России вызывала сомнения: все ясно осознавали, что раскол произошел как раз из-за уклонения РПЦ в латинскую веру, вследствие чего православие никониан было объявлено еретическим. Попытки же врачевания русской церкви посредством католического папы искренне удивляли. Журнал «Православный собеседник» заметил:

«...Лучшее средство обратить раскольника к церкви – убедить его, что русская церковь никогда не соединялась с римскою, никогда не принимала латинских ересей»^[143].

И надо признать, что это простое, но намного более здоровое наблюдение.

Куда более трезвое отношение к германским публикациям проявили российские власти, не оставив их без внимания. Сотрудники Министерства внутренних дел, в чьем ведении находились раскольничьи дела, эти труды основательно проштудировали. И.П. Липранди, один из крупных специалистов МВД по расколу середины XIX века, прямо признавал это в своих служебных записках. Раньше, отмечал он, в России смотрели на раскол преимущественно с религиозной точки зрения, при этом его политический и даже гражданский аспекты вовсе упускались из виду. И только с середины сороковых годов, благодаря немецким ученым, МВД по-другому

взглянуло на староверческий мир, осмыслив его уже не только как религиозную общность^[144].

Познакомившись с немецкими идеями, российские власти очень быстро восприняли те опасности, которые могли произрасти на этой почве. Правительственные чиновники разного уровня заговорили об энергичности и жизнестойкости раскольников, об их материальной обеспеченности. Собираемые сведения приводили к серьезным обобщениям. Например:

«...Эта масса в последнее время стала все более и более стремиться к внутреннему единству; она может быть готова уже создать из себя отдельное целое, враждебное правительству и церкви, и представить в истории небывалый пример особого, незаметного на первый взгляд, государства в недрах самой самодержавной Империи»^[145].

Власти направили усилия на выяснение реальных масштабов «враждебного» образования, поскольку этот «опасный соперник, встречаясь на каждом шагу, до сих пор еще прячет голову свою во тьме»^[146]. В этом смысле установление численности сектантов становится важной государственной задачей. Но ее актуальность была обусловлена особыми обстоятельствами. Дело в том, что в России к середине XIX столетия рабочий класс не представлял той грозной силы, которая к тому времени уже заявила о себе в развитых европейских странах. И российское правительство хорошо понимало, что исходящие от пролетариев опасности – стандартные для западных соседей, – не сулят здесь подобных тревог. Зато власти осознали другие риски: в России существует сила совсем иного характера; она выросла не из классовых размежеваний, осмысленных европейскими экономическими теориями, – она сформирована на основе религиозной общности, именуемой старообрядчеством. По мнению чиновников, в России, в отличие от западных стран, главная масса недовольных концентрируется не в том или ином общественном классе, а в религиозной конфессии -расколе, к которому принадлежат самые разные слои: крестьянство, рабочие, мещане, купцы. Эту мысль четко сформулировал уже упоминавшийся И.П. Липранди:

«Отечество наше, несмотря на свои преимущества перед другими государствами, имеет, однако же, у себя значительную часть народонаселения, официально сгруппированную в массу недовольных и которая, по свойствам своим, по численности, по средствам и фанатизму, не остановится ни перед какими государственными преступлениями»^[147].

На основе этих заключений власти сделали и еще один вывод: раскол, как враждебная государству сила, становится также центром притяжения для различных группировок, стремящихся ниспровергнуть самодержавный строй. В связи с этим подчеркивалось: если бы те, кто в последние десятилетия пытался выступать против правительства, сумели привлечь на свою сторону раскольничьи массы, их преступные действия имели бы гораздо больше шансов на успех^[148]. Конечно, здесь имелись в виду в первую очередь участники декабрьского восстания 1825 года, которые обошли вниманием раскол, не видя и не понимая его возможностей для своих инициатив. Однако спустя тридцать лет ситуация изменилась. Знакомство со староверием привлекает к нему политических вольнодумцев из образованной молодежи, представителей славянофильства и разного рода литераторов, так или иначе влияющих на мнение общества. Эти силы ищут расположения раскольников, пытаясь вовлечь их в свои планы^[149].

Вообще, характеризуя правительственную аналитику по расколу, надо выделить главное, что привнесла власть в его осмысление. Опираясь на работы А. Гакстгаузена и А. Будде-уса, российские чиновники заметно уточнили и расширили понимание русского раскола в качестве потенциальной силы, способной поколебать устои империи. Именно это позволило сформулировать и новый взгляд на антиправительственное движение в стране в целом. Его ближайшие перспективы, по мнению чиновничества, связаны не с разворачиванием классовой борьбы по известным европейским сценариям, а с вовлечением в крамольные дела религиозной общности староверов. С другой стороны, открытие староверческого мира с его возможностями, осознанными, прежде всего, самими властями, вызвало волну небывалого энтузиазма в революционных кругах. Справедливости

ради надо заметить, что тема раскола в этой среде прозвучала уже в кружке петрашевцев. Судя по имеющимся документам, ее поднял отставной подпоручик Р. Черносвитов. Среди участников кружка он был самым взрослым (в 1848 году ему тридцать девять), тогда как остальным – лет на восемь-двенадцать меньше. Будучи военным, Черносвитов проходил службу на Урале и в Сибири, поэтому его жизненный кругозор был гораздо шире, чем у единомышленников, редко покидавших пределы столицы. На встречах именно Р. Черносвитов рассказывал о своих обширных связях с раскольниками уральских заводов: мол, устроив волнения, на предприятиях можно в течение года организовать масштабное восстание против властей^[150]. Правда, на следствии он отрицал свои знакомства со староверами – которые, кстати, очень интересовали полицию^[151]. Так или иначе, это первое свидетельство осмысления раскола в качестве силы, способной поддержать усилия тех, кого не устраивает положение дел в стране.

А полномасштабное воплощение эта идея получила у известных не только на всю Россию, но и Европу русских революционеров А.И. Герцена, Н.П. Огарева и М.А. Бакунина. Они уже не просто обсуждали раскольничье движение, а рассчитывали на него, тесно связывая с ним предстоящую борьбу с самодержавием и свои собственные перспективы. Хотя еще совсем недавно они, не имея никакого понятия о расколе, считали народные массы крайне инертными. Например, Огарев в 1847 году высказывал разочарование отсутствием всякой социальной инициативы в народе^[152]. Однако по мере знакомства и увлечения трудами А. Гакстгаузена и А. Буддеуса о русском расколе их энтузиазм рос как на дрожжах. Восприняв идеи немецких авторов, А. И. Герцен, находясь в Лондоне, активно приступил к сбору материалов по старообрядческой проблематике^[153]. Особо хотелось бы отметить, что главным источником информации послужили для него различные документы, подготовленные все тем же российским МВД. Основная часть собранного Герценом материала вошла в интереснейшее издание, подготовленное его молодым соратником по эмиграции В.И. Кельсиевым, которому поручено было разобрать все бумаги. В результате в Лондоне на русском языке вышли четыре части «Сборника правительственных распоряжений по расколу»^[154].

Эта публикация имела в то время огромное значение. Российскому обществу был представлен раскольничий мир, ранее

известный в основном чиновникам Министерства внутренних дел. В первую часть сборника вошли семь публикаций по основным старообрядческим течениям: поповцам и беспоповцам. Особенный интерес представляет записка об истории и жизни Преображенского кладбища в первой половине XIX века; она посвящена функционированию там хозяйства, взглядам местных обитателей на приобретение и использование собственности. В документах МВД содержались факты о демократическом характере управления староверческими общинами, что, надо думать, приводило в восторг издателей этих записок. Во второй части – десять документов о малоизвестных публике сектах (странниках, хлыстах, скопцах); отметим записку о черниговских раскольниках, через посадки которых осуществлялась связь с Белой Криницей – центром поповщинской иерархии. Третий выпуск представляет собой перепечатку капитального труда Н.И. Надеждина «Исследования о скопческой ереси» (СПб., 1845)^[155]. Последняя, четвертая, часть состояла из шестнадцати документов, освещающих секту странников как наименее известную широкой аудитории. В этой секте оппозиционная общественность России усматривала наиболее радикальное выражение протеста против режима, потому и внимание ей уделено особое. Публикация этих правительственных материалов приоткрыла покров таинственности с одного из наиболее загадочных явлений русской действительности и позволила систематизировать знания о нем. Надо подчеркнуть, что «Сборники правительственных распоряжений по расколу» до настоящего времени остаются в научном обороте, и современные исследователи по-прежнему обращаются к ним за ценной информацией.

Познакомившись с документами МВД, свидетельствующими о мятежном духе раскола, лидеры русской эмиграции не замедли приступить к претворению этого идейного багажа в реальные дела. А.И. Герцен первым взялся объяснить староверию его историческую миссию. Начались интенсивные контакты с представителями раскола^[156], во время которых Герцен выдвинул идею об учреждении в Лондоне старообрядческой церковной иерархии. Обсуждался выбор кандидата на новую епископскую кафедру; ему предлагалось дать имя Сильвестр, а по кафедре именовать его епископом Новгородским, в честь вольного Великого Новгорода. А.И. Герцен горячо настаивал на

скорейшей реализации задуманного: ему хотелось торжественно открыть кафедру во время лондонской Всемирной выставки^[157]. Тогда же из Лондона хлынул поток информационных материалов, предназначенных для старообрядцев. Помимо «Колокола», в течение 1862-1863 годов выходило издание, специально посвященное проблемам староверов, – «Общее вече». Как с гордостью подчеркивал А.И. Герцен, это первый опыт прямого агитационного обращения к народу, первая завязавшаяся переписка с раскольниками^[158], которая, по мнению его соратников, «скоро примет исполинские размеры»^[159]. Редактор газеты Н.П. Огарев стремился дать слово самим страдальцам и жалобщикам из народа, и на «Общее вече» приглашались старообрядцы независимо от согласий и толков. Все они призывались к Старообрядческому собору необходимого для обсуждения ситуации в России^[160].

Обсудить, по убеждению газеты, требовалось многое. Например, покойного императора Николая I, «великого насильственных дел мастера», гонителя и преследователя староверия. Издатели восклицали:

«Нет, это не русский, не земский царь, каким народ себе его воображал, от которого ждал правды, это просто петербургский император, рожденный от немецких родителей... выписанных для наследия престола из-за моря»^[161].

Царство этого немца с сенатом и синодом уподоблялось ядовитому дереву, сыплющему на русский народ свои отравленные плоды и истребляющему народное достоинство. Противостоять вражеской силе через подлинное единение – вот в чем виделась главная общая задача^[162]. Для лучшего восприятия подобные призывы оснащались цитатами из религиозных писаний, широко распространенных в староверческой среде. Так, полиция выявила некое «Послание старца Кондратия», изготовленное в лондонской эмиграции. В нем доступным языком, на основе Священного Писания обосновывалась мысль об антихристе, под которым разумелся, естественно, Государь Император. Говорилось и об антихристовых слугах в лице правительства; утверждалось, что вследствие разделения

людей на сословия происходит ущемление свободы и т.п.^[163] Значительное количество такой литературы предполагалось доставлять на Нижегородскую ярмарку, куда съезжались старообрядцы со всей России, и более подходящего места для агитационных целей придумать действительно трудно^[164].

Вся эта просветительская деятельность преследовала вполне конкретные цели. О них мы можем судить по письму Н.П. Огарева, направленному московскому купцу И.И. Шibaеву, который являлся представителем рогожских старообрядцев для контактов с заграничными друзьями, и перехваченному полицией. В письме изложена просьба сделать все возможное для сбора ополчения, состоящего из раскольников «как главных распорядителей всего ожидаемого движения»:

«Работайте только и работайте, собирайте себе приверженцев, где можете и сколько можете, особенно по уездам и губерниям; война только начинается... хорошо, если бы вы составили хоть какое-нибудь ополчение к Рождеству (1863 года. – А. П.)»^[165].

Добавим, что адресат Н.П. Огарева никак не мог реализовать поступившие просьбы: в июле 1862 года купца-раскольника И.И. Шibaева арестовали и продержали в тюрьме около двух лет, после чего выдали на поруки его родному брату, также купцу поповщинского согласия^[166].

Среди лидеров русской революционной эмиграции особое место занимает М.А. Бакунин. Человек удивительной судьбы, знаменитый бунтарь, приговаривавшийся и к смертной казни, и к пожизненному заключению судами Пруссии, Австрии и России. Сумев бежать из сибирской каторги, он в 1861 году присоединился к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Эмиграция пополнилась ярким лидером, ставшим центром притяжения для молодого поколения, чьим кумиром был Бакунин. Он также связывал перспективы борьбы против правительства с русским расколом. Уже в первом своем выступлении на страницах «Колокола» в 1862 году он выражал мнение о русском народе, глядя на него сквозь призму раскола, который охарактеризовал чрезвычайно высоко:

«Народ унес свою душу, свою заветную жизнь, свою социальную веру в раскол, который разлился по России как широкое море... Раскол двинул вперед его (народа. – А. П.) социальное воспитание, дал ему тайную, но, тем не менее, могущественную политическую организацию, сплотил его в силу. Раскол подымет его во имя свободы на спасение России»^[167].

Русский народ представлялся Бакунину совокупностью более чем двухсот религиозных сект, которые имеют политический характер и сходятся на отрицании существующей власти и синодальной церкви. Почитание народом российского императора он считал мифом давно минувших времен: Русь проникнута совсем иными настроениями, связанными с образом царя-антихриста, а период правления Романовых: по его мнению, это то самое апокалипсическое испытание, за которым неизбежно наступит обетованное тысячелетнее царство^[168]. Пылкий революционер уверял: для пробуждения раскола нужен только повод. Например, он уповал на польское восстание, считая, что:

«Жмудь и Волга, Дон и Украина восстанут, как один человек, услышав о Варшаве, он верил, что наш старовер воспользуется католическим движением, чтобы узаконить раскол»^[169].

Доверялся различным авантюристам типа С.Г. Нечаева: этот уроженец старообрядческого села Иваново-Вознесенского Владимирской губернии провел молодые годы в раскольничьей среде, чем заинтересовал знаменитого бунтаря^[170].

Однако помимо этих сомнительных увлечений М.А. Бакунин высказывал и здравые мысли об использовании раскола в предстоящей борьбе. Так, он скептически относился к контактам его соратников по эмиграции со старообрядческими белокриницкими иерархами и купцами-староверами, считая это пустой тратой времени в организационном плане. Он был уверен, что раскол, воплощенный в народе и воплощенный в попах, – две разные и зачастую враждебные друг другу силы, которые нельзя смешивать^[171]. Надо сказать, что

подобные настроения постепенно начали преобладать и у А.И. Герцена с Н.П. Огаревым. Им становилось ясно, что попытки вовлечь в конкретные дела старообрядческие верхи ни к чему не приведут. Так, неудачей закончились их отношения с известными федосеевскими наставниками Павлом Прусским и Константином Голубовым. В Восточной Пруссии ими издавался журнал «Истина», с редакцией которой Огарев вел постоянную переписку, пытаясь донести до них свои взгляды. Но беспоповская элита оценила эти прогрессивные воззрения как *«несообразные с духом русского народа»*^[172]. К. Голубов недоумевал:

«Какая нужда правоверному человеку в каких бы то ни было туманных теориях?... не нуждается он в пустяшных теориях... ему кажется это толчением воды»^[173].

А личная встреча В. И. Кельсиева с Павлом Пруским в Москве, устроенная видным участником революционного движения А.А. Серно-Соловьевичем, завершилась вообще неожиданно для лондонского посланника: ему было сообщено, что в житиях нет призывов к бунту, *«да и святые отцы тому не учат»*^[174]. Вообще, московские раскольники продемонстрировали полное нежелание сотрудничать с Лондоном и его эмиссарами в России. В.И. Кельсиеву не удалось склонить староверов к каким-либо денежным пожертвованиям в обмен на организационные усилия по созданию партии. Все его намеки о сборе средств наталкивались на возражение, что *«расход должен быть сделан агитаторами»*^[175], а это явно не входило в планы революционеров. Даже издательские начинания эмиграции раскольники воспринимали довольно сдержанно, ограничиваясь лишь использованием типографии для печатания нужных им религиозных изданий.

Купцы-староверы оказались совсем не тем элементом, на который можно было рассчитывать. Вместо собирания народного ополчения они с начала 1860-х годов принялись направлять властям верноподданнические адреса, где презентовали себя в качестве надежных слуг государства^[176]. Возмущение революционеров не знало границ. Они зывали к нравственной чистоте староверия, говорили о

его гибели в глазах общественного мнения и народа. «Общее вече» писало:

«Многие из ваших богачей думают найти в заявлениях верноподданничества свое спасение и, как слепорожденные не понимают света, так и они не понимают, что в лицемерии есть гибель старообрядчества, а не спасение...

Будущий летописец запишет в свою книгу – что старообрядцы лицемерием уронили святыню веры»^[177].

После чего были произведены даже количественные подсчеты тех, кто уронил святыню веры, т.е. купцов. Картина выходила не такая уж и безнадёжная: на 60 миллионов жителей России купцов, записанных в гильдии, насчитывалось всего 400 тысяч, или 6 человек на каждую тысячу, а наиболее крупных из первых двух гильдий – не более чем 25 тысяч, или 3 человека на каждые 10000 населения. Получалось, что количество предавших старообрядчество крайне невелико, а это позволяло оптимистически заключить:

«Сила наша – не в них»^[178].

На самом деле попытки лидеров эмиграции использовать купечество, в большинстве действительно староверческое, в своей политике несколько удивляют. Может быть, это как раз тот случай, когда открывшиеся перспективы заслонили реальность. Ведь те, кто на практическом опыте знал российскую жизнь, не имели никаких иллюзий относительно участия купцов в антиправительственном движении. Это запечатлено в литературе первой половины 1860-х годов. Так, в романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) усилия революционно настроенной молодежи по доставке литературы, включая «Колокол», для знакомых раскольников заканчиваются совершенно неожиданно. Купец, которого снабдили литературой, попросту выбрасывает ее в прорубь и извещает обо всем полицию, что невероятно потрясло главных героев книги. Аналогичная ситуация и в романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863). Здесь настойчивые попытки одного из персонажей завоевать расположение купца реверансами в адрес раскола (мол, как можно так плохо

поступать с такими замечательными людьми!) встречают полное равнодушие: какое кому дело, как со мной поступают, или барин и мужики – каждый сам по себе^[179].

Надо сказать, что вожди движения, осознав имеющиеся проблемы, внесли серьезные коррективы в свои действия. Постулат о роли раскола как основной силы противостояния под сомнение не ставился. Однако теперь акценты переместились непосредственно в гущу народа, в низы. Нечего ждать ни от известных в литературе имен – они только дискредитируют дело; ни от купечества – более гнилого, чем дворянство; ни от старообрядческих иерархов. Верить можно только в спящую силу народа, который пребывает в расколе, и в среднее сословие – разночинное, официально непризнанное, – которое способно разбудить народ для великих дел. Именно отсюда и родился знаменитый бакунинский клич: в народ! В устах знаменитого бунтаря он звучал не как очередная декларация, а как страстный призыв революционера, отдавшего борьбе все силы. Главный урок, который он вынес из своего опыта: вне самих многомиллионных масс не существует ни дела, ни жизни, ни будущего. Народ должен увидеть рядом с собой тех, кто готов разделить с ним его страдания и протест. Пропаганда непосредственно в народных массах становится основным делом столпов русской эмиграции^[180]. По этому пути, указанному ветеранами борьбы с самодержавием, двинется поколение их молодых сподвижников, чья жизненная энергия будет отдана народному пробуждению.

4. Забытые надежды народничества

Термин «хождение в народ» принадлежит М.А. Бакунину; став хрестоматийным, он прочно вошел в отечественную историю. Им обозначают целый этап в движении российской интеллигенции навстречу своему народу (а не выходцам из него) с целью помочь ему обрести лучшую долю после веков крепостнического угнетения. Это яркое движение пользовалось симпатией советской историографии как проявление освободительного порыва лучших представителей России в ту эпоху, когда еще не созрели предпосылки для великой победы. Однако сегодня, используя знакомый термин, следует наконец уяснить то, что игнорировали или не замечали долгое время: это было хождение не просто в народ, а хождение в раскол. Именно так и никак иначе задумывали и обосновывали его отцы-вдохновители А.И. Герцен, Н.П. Огарев и М.А. Бакунин. Их идеи легли в основу практической деятельности многих энтузиастов из студенческой среды, за свое стремление в российские просторы прозванных «деревенщиками». Задача состояла в прояснении староверческого сознания и в организации сил в правильном направлении. Многие думали, что, учитывая бунтарскую родословную раскола, достаточно двух-трех, в крайнем случае пяти-шести, лет – и социальная революция в России станет явью.

«Хождение в народ» как массовое явление началось в 1870-х годах и продолжалось почти до конца десятилетия^[181]. Энтузиазм его участников был связан с раскрытием внутренних сил староверчества – давнего врага самодержавия. Мы не нашли об этом никаких упоминаний в советских исследованиях^[182] – что вызывает удивление, поскольку материалы имеются. Вот, например, О.В. Аптекман в своих воспоминаниях о народнической организации «Земля и воля» говорит прямым текстом:

«...В круг обязанности «деревенщины» входила деятельность среди раскольников и сектантов, на которых мы в то время возлагали большие надежды. В нашей

программе раскол и сектантство чуть ли не стояли во главе угла»^[183].

Эта установка отражала серьезные надежды тех, кто готовил и вырабатывал программу общества. Темой раскола был увлечен один из лидеров «Земли и Воли» М.А. Натансон. О чем имеются свидетельства у писателя В.Г. Короленко, да и у того же О.В. Аптекмана^[184]. Что касается другого яркого народнического вожака, А. Д. Михайлова, то он постоянно находился в староверческих регионах страны. Объездив ряд приволжских губерний, жил и учительствовал в селениях раскольников. Сам он вспоминает:

«Мне пришлось сделаться буквально старовером. Пришлось брать себя в ежовые рукавицы, ломать себя с ног до головы. Я должен был во всем подделаться под эту среду, чтобы стать на одной с нею почве, иметь возможность влиять на нее»^[185].

Мир раскола восхищал А.Д. Михайлова своей самобытностью, духовными интересами и самодеятельной организацией. У него завязались там прочные связи, с помощью которых он проник и к сибирским бегунам, и к астраханским общинникам, был принят на Преображенке в Москве. Во время заездов в Петербург А.Д. Михайлов настойчиво советовал своим соратникам изучать священное писание и историю раскола, рекомендовал создать типографию со специальным славянским шрифтом, чтобы революционную литературу для раскольников печатать именно на нем^[186].

Стремление к раскольничьим низам отличало не только вожakov народников, но и всех, кто участвовал в движении. Так, перед выездами в российские губернии молодые люди проходили своего рода подготовку, чтобы им легче было погрузиться в народную среду. Подготовка происходила в рамках семинаров, численностью по 30-40 человек, действовавших и в Петербурге, и в Москве. О них нам известно из мемуаров Д.Н. Овсянικο-Куликовского – известного впоследствии ученого-лингвиста и психолога. Рассказывая о студенческих годах, он писал о своем увлечении расколом, о том, с каким жадным любопытством и энергией принялся за изучение

старообрядчества в его прошлом и настоящем. И в результате собрал обширный материал, прочел книги и статьи А. Щапова, П. Мельникова, И. Никольского, Г. Есипова и др. Приобретенные знания позволили молодому человеку заниматься со студентами, отбывающими на российские просторы для ведения пропаганды. Вполне естественно, что им прежде всего требовались сведения о тех социальных слоях, куда они направлялись. Кружок, где Д.Н. Овсяннико-Куликовский делал сообщения о расколе, пользовался известностью и прекратил свое существование, когда будущего ученого задержала полиция^[187].

Подготовленное в таких кружках молодое поколение оказывалось среди того народа, который и предстояло поднять на борьбу, указав ему путь в будущее. Территориально деятельность народников сосредотачивалась в российских губерниях, расположенных вдоль по Волге. Считалось, что в этих преимущественно старообрядческих регионах наиболее силен бунтарский разинско-пугачевский дух. Волга рассматривалась в качестве естественной оси, от которой в обе стороны должны распространиться агитационные импульсы. Наиболее мощный народнический центр действовал в Саратове; кстати, к лету 1874 года там ожидали приезда самого М.А. Бакунина, который лично должен был возглавить пробуждение России^[188]. Агитаторы всюду действовали по стандартной схеме: организовывали различные артели, школы, медицинские пункты и т.п., откуда распространялась нелегальная литература и где велась разъяснительная работа. Например, в Ярославской губернии устроили слесарную артель, куда приглашались крестьяне из соседних селений. Работа в ней шла для отвода глаз, главным же было настраивание местного населения на восстание против царя и правительства, за установление новых порядков. Крестьянам сообщалось о массах недовольных, о пяти тысячах уральских казаков, ожидающих начала бунта. Народовольцы ходили по селам, посещали сходы, учили революционным песням, раздавали листовки^[189]. Иногда к делу относились более творчески, используя религиозные моменты. Так, в Калужской губернии столичные студенты из медико-хирургической академии, военно-артиллерийского училища ходили по деревням с Библией и в христианском ключе проповедовали о новой эре, когда не будет ни частной собственности, ни правительства, а все будет общее. Эта

грядущая жизнь, по их убеждению, связана с утверждением новой религии, изложенной в Откровении Иоанна Богослова. Она станет своего рода надстройкой социализма, что сделает его более цельным и полным^[190].

Необходимо подчеркнуть, что темы листовок, распространявшихся агитаторами по стране, были рассчитаны в первую очередь на раскольников. Скажем, в широко известной листовке «О правде и кривде» содержался рассказ о несправедном насаждении на Руси греческой церкви, от которой все зло. Два столетия тому назад народ восстал против попов, насаждающих иноземщину, и начал по своему разумению толковать Писание, отверг власть помещиков и церкви, весь царский порядок и решил вернуться к старым обычаям:

«Вот за что поднимались наши раскольники: старые книги и двуперстное сложение и восьмиконечный крест – это было для них то же, что знамя для солдат. Не за него бьются солдаты: знамя поднимается, чтобы собрать всех вокруг него»^[191].

Другая популярная листовка – «Хитрая механика» – объясняла необходимость борьбы против правящих никониан с экономической точки зрения. Она обстоятельно расписывала механизм обирания народа, поясняя, откуда и куда идут деньги^[192].

То, что народники действовали в основном именно в старообрядческих районах, подтверждают и данные об арестах, произведенных властями. Как следует из полицейских справок, летом 1874 года в 28 губерниях страны за распространение запрещенной литературы и агитационную деятельность было арестовано 298 человек, причем из них 200 – лишь в 9 губерниях (Московской, Саратовской, Самарской, Казанской, Ярославской, Владимирской, Пензенской, Вятской, Орловской). Остальные 100 человек задержаны в регионах юга России и Украины^[193]. То есть там, где, образно говоря, ощущался недостаток староверческого духа, активность народнических организаций была незначительной, основные же силы народовольцы направляли в исконно раскольниковы регионы.

«Хожение в народ» стало популярным сюжетом в литературе тех лет. Маститый писатель И.С. Тургенев не смог пройти мимо этого яркого явления общественной жизни России, посвятив ему свой последний крупный роман «Новь» (1876). Изображая участников движения, показывая усилия пропагандистов, Тургенев вспоминает и о расколе, что, по-видимому, стало для него данью общей моде, поскольку в своих прежних произведениях он о старообрядчестве не упоминал; причем эпизоды, связанные с расколом, свидетельствуют об уважительном отношении к нему автора. К примеру, арестованный старовер в остроге не изменил своей вере и, отказавшись принимать пищу, уморил себя голодом. А пропагандист Нежданов, один из героев «Нови», признается в письме своему столичному другу, что не в состоянии конкурировать с раскольничьими начетчиками, так как народ предпочитает слушать их. В то же время староверческий купец Голушкин показан настолько неприглядно, что его предательство главных героев выглядит вполне закономерным^[194].

Знакомство с творчеством писателей 1870-х годов подкрепляет вывод о том, что усилия пропагандистов и агитаторов направлялись в первую очередь на раскольничью среду. Обратимся к роману основательно ныне забытого литератора И. В. Федорова-Омулевского «Шаг за шагом». Знаток народнического творчества П. Быков писал:

«Молодежь им зачитывалась... его роман произвел настоящую сенсацию, не меньшую, чем «Что делать?» Чернышевского, потребовав второго издания, которое долго находилось под запретом...

От романа Омулевского веет чем-то бодрящим, свежим, молодой удалью, энергией, всем тем, что невольно окрыляет душу»^[195].

По сюжету романа пропагандист Светлов организовал в деревне школу для детей и взрослых. Выходец из столицы, он проникает в глубины народной жизни; многое ему удастся, все преклоняются перед его знаниями, характером. Он вращается среди раскольников – крестьян, рабочих. Между ними возникает взаимопонимание, союз, из которого растет нечто конспиративное и великое, т.е. революция. Сделают ее новые люди из молодежи, а за ними из неведомых

деревень, из лесов, из недр раскола и общины двинется загадочный и неизвестный народ. В романе изображен бунт раскольников на фабрике; Светлов, который воплощает веру в будущее, присоединяется к бастующим и вместе с ними попадает в острог. Следующую схватку, надо понимать, они выигрывают вместе. Очевидно, что эта книга воспринималась не только как произведение литературы, но и как программа действий, ведущих к успеху. Отсюда такая популярность этого романа именно в 1870-х годах. Здесь нужно отметить одно важное обстоятельство: сегодняшнему читателю нелегко определить, что «Шаг за шагом» написан именно о староверах, поскольку это передано незначительными штрихами. Например, мир (община) выбирает пятерых наставников для переговоров с фабричной администрацией, которых та не признает, а для рабочих это и есть самая настоящая власть^[196]. В острог к Светлову его новые знакомые беспрепятственно доставляют письма, намекая, что у них особая почта и свои курьеры^[197] и т.д. Для современников же И.В. Федорова-Омулевского все было совершенно ясно. Так, В.Г. Короленко комментирует связи главного героя романа именно с раскольниками, что является для него фактом, на котором нет необходимости останавливаться специально^[198].

Аналогичные темы развивались и весьма плодовитым писателем той поры Д.Л. Мордовцевым. В его крупной вещи «Знамение времени» (1868) также обосновывается перспективность союза староверов и прогрессивной интеллигенции. В романе дан образ раскольника Матвея Тавологина; про него замечено, что:

«из таких выходят или атаманы разбойников или коноводы раскола, вожаки народных масс во времена внутренних смут государства»^[199].

Судьба сводит его с интеллигентом Стожаровым, который слушал лекции в разных университетах Европы, работал в заграничных журналах русской эмиграции, помогая:

«с другого берега очищать в России гниль и плесень».

Осваивая революционную науку, он убеждается, как медленно строится здание свободы, а главное непонятно:

«откуда начать его строить, сверху или снизу?»

Размышляя над этим вопросом, Стожаров заглянул дальше учения Чернышевского и нашел, что его идеалы присущи лишь ограниченному кругу людей: применительно к жизни его доктрины не пошли дальше устройства швейных и магазинов, которые вскоре все лопнули; они «сочинены в кабинете, а не взяты из жизни»^[200]. Стожаров находит новый путь – использование сил, таящихся в русском расколе. По его убеждению, только обретение такого союзника позволит движению вести серьезную борьбу с самодержавием. Для этого нужно просветить русского крестьянина, переделать его старый мир в новую общину без власти капитала и торговли. И если образованные люди не понимают, как это сделать, то раскольник Тавологин представляет лучше них^[201]. Кстати, на протяжении всего сюжета романа использованы раскольничьи песни, взятые из сборника Н.Г. Варенцова, о котором мы уже упоминали^[202]. Хорошо видно, что помыслы главного героя связаны не просто с русским народом, а именно с русским расколом.

Произведения Д.Л. Мордовцева – это своеобразная староверческая эпопея, состоящая из масштабных панорам российского прошлого. Большую часть своих произведений он посвятил народным движениям, полагая, что заложил первый камень в фундамент великого здания будущей истории русского народа^[203]. Наиболее плодотворен в биографии писателя петербургский период (1870-е годы), когда на первый план его творчества попадают различные события старообрядческой истории. «Движения в расколе», «Последние годы раскольничьих скитов на Иргизе», «Сидение раскольников в Соловках», «Великий раскол» – вот далеко неполный перечень трудов Д.Л. Мордовцева, красноречиво свидетельствующий о его интересах. Вывод, сделанный в этих исторических хрониках, не менее показателен:

«Неразумная борьба против родных братьев, оставшихся верными старой обрядности... станет

источником великих преступлений и бесчеловечных жестокостей. Борьба с расколом обошлась дороже всех войн, начиная с Отечественной войны 1812 года»^[204].

В условиях 1870-х годов такие параллели из русской истории были более чем актуальны и воспринимались обществом как злободневные и своевременные. Надо отметить, что Д.Л. Мордовцев до конца своих дней сохранил интерес к староверческой тематике. Проведя последние двадцать лет жизни на родине, на Дону, он создал ряд исторических романов о казачестве, где главными действующими лицами выступали раскольничьи атаманы С. Разин, Е. Пугачев, К. Булавин, И. Некрасов.

Из всего вышесказанного можно сделать такой вывод: борьба народничества 1860—1870-х годов имела свою специфику, свои особенности. Они связаны с выстраиванием этого движения не вокруг какого-либо класса, а вокруг старообрядческих низов как определенной религиозной -не социально-экономической – общности. С середины XIX столетия российское общество, по сути, впервые получило серьезные знания о расколе, что заметно расширило представления о жизни страны. Объединяющим началом староверческого социума выступала его религиозная идентификация, в корне отличающая старую веру от государственности синодального православия. Действительно, староверие выглядело весьма привлекательно, поскольку издавна противостояло самодержавной России и РПЦ. С точки зрения групп, жаждущих политических перемен в стране, раскол был признан движущей силой, которая наконец-то трансформирует революционные порывы лучшей части интеллигенции в реальную практику. Такое понимание раскола, а главное – политических перспектив, связанных с ним, и явилось основой для выработки конфессионального подхода в борьбе против правящего режима. Неразвитость социальных структур в России середины XIX века была очевидной. Многие наблюдатели, включая иностранных, говорили о невозможности использовать достижения европейского общественно-политического багажа в российском опыте. Классовые теории как новейшее слово западной мысли признавались непригодными для наших условий. Тем большую ценность приобретали осмысление раскола как сугубо доморощенного явления

и стремление к практическому взаимодействию с ним. Противники самодержавия обрели вектор для выстраивания не только идейной, но и всей организационной работы. Конфессиональный подход к борьбе, сформулированный знаменитыми революционерами А.И. Герценом, Н.П. Огаревым и М.А. Бакуниним, стал своего рода фирменным знаком народничества. О конфессиональности движения свидетельствует и то, что в народнических организациях в принципе отсутствовало деление народа на крестьян и рабочих^[205]. Вместе с тем четко прослеживались религиозные предпочтения. Знакомство с деятельностью народных агитаторов, позволяет лучше понять высказывание известного революционера С.М. Степняка-Кравчинского:

«...Тип пропагандиста 70-х годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорей религиозными, чем революционными движениями. Социализм был его верой, народ – божеством... он твердо верил, что не сегодня-завтра произойдет революция, подобно тому, как в Средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда»^[206].

Но действительность нанесла жестокий удар по этой восторженной вере. После разочарований в староверческом купечестве и в раскольничьих религиозных авторитетах, о чем говорилось выше, к 1880-м годам стало очевидно, что и старообрядцы из низов слабо реагируют на пропаганду, оставаясь глухими к призывам подниматься на борьбу, час которой пробил. О полученной литературе они говорили:

«что много греха взяли на душу, читая такие книги, которыми только прогневали Господа Бога»^[207].

Власти довольно быстро подметили бесплодность деятельности радикальной молодежи. Как отмечалось в полицейских отчетах, народная масса, малограмотная и инертная, не способна адекватно воспринять революционные призывы, поскольку:

«решительно не может себе усвоить, что такое государственный переворот, но зато хорошо понимает, что приятно ничего не делать... и свободно налагать руку на чужую собственность»^[208].

Более того, не только бунтарские настроения, но даже здравые начинания интеллигенции по организации школ, созданию различных артелей, учреждению ссудно-сберегательных касс и т.д. встречали мало понимания у трудового народа. Это хорошо передал писатель-беллетрист П.В. Засодимский в романе «Хроника села Смурина» (1875). Усилия главного героя по преобразованию сельской жизни если к чему и приводят, то только к полному разочарованию в этом благородном деле: он покидает село, где пытался зажечь его обитателей надеждами на лучшую долю. Характерно, что Засодимский вначале назвал свою книгу «Печать антихриста», подчеркивая тем самым, что интеллигенцию в ее искренних порывах преследует какой-то злой рок; и только по настоянию М. Е. Салтыкова-Щедрина заменил его на более спокойное^[209]. Участники движения убедились, что от народных верований, традиций и быта их отделяет настоящая пропасть, преодолеть которую невозможно. На их подвижничество народ смотрел как на господские забавы. Один из теоретиков народничества И.И. Каблиц впоследствии пояснял:

«Интеллигенция находилась издавна у нас в самой тесной связи с бюрократией и владельцами крепостных душ. Из их рядов наполнялась она и им, в свою очередь, служила; неудивительно, что народ привык их вполне смешивать. Для него студент – барский сынок и ничего больше»^[210].

Отметим интересную статью этого автора «Политические воззрения староверия»; в ней проанализировано крушение надежд интеллигенции на революционный потенциал раскола. Автор пишет, что политическая опасность старообрядчества преувеличена, и призывает к более трезвому и критическому взгляду. Раскол – явление неоднородное и потому требует дифференцированного подхода. В нем, конечно, присутствуют группы, которые проповедуют неповиновение государству и предсказывают открытую борьбу с ним, однако их число

невелико. Основная масса староверов не подвержена подобным настроениям и не настроена на борьбу с властями; она ограничивается лишь просьбами о свободе своего вероисповедания – отсюда и ничтожное количество «творящих брань с антихристом». Надо оставить иллюзии и прекратить смешивать эти малочисленные кучки бунтарей со староверием в целом, стоящим на почве мирного развития. Нельзя обойти вниманием слова известного народника о том, что правительство, опасаясь противогосударственных действий, изучало раскол гораздо тщательнее, нежели литература^[211].

К концу 70-х годов XIX века революционное движение, выстроенное на конфессиональной основе, заходило в тупик. Потуги интеллигенции выглядели удручающе: прежние конфессиональные ставки оказались несостоятельными. На этом нерадостном фоне у молодой интеллигенции произошло обретение новых ориентиров для продолжения борьбы: в российском обществе происходит разворот к классовому подходу. Пересмотр идейных установок повлек качественную переоценку всей революционной практики. Недавние участники «хождения в народ» начинают смотреть на него исключительно с классовых позиций; в нем видят не раскольников и никониан, а крестьян и рабочих – как участников, прежде всего, экономического процесса. За кем в России будущее? В зависимости от ответа на этот вопрос происходило размежевание народнического движения в восьмидесятых годах.

Большая часть интеллигенции провозгласила крестьянство экономическим классом, который поведет страну к светлому горизонту – в силу своей многочисленности, подлинной, обусловленной близостью к земле нравственности и т.д. Ему посвящен роман известного тогда писателя-народника Н.Н. Златовратского под характерным названием «Устои» (1883). Это не просто талантливое произведение, это выражение новых чаяний большей части российского общества, связанных с мужиком. Надо открыть золотоносные жилы в крестьянстве, надо разъяснить всем их смысл и значение – такую задачу ставил перед собой автор «Устоев», воспевавший трудовые будни земледельцев, самоорганизацию их жизни. Однако для нашего исследования важно другое: кардинальное изменение религиозного фона, на котором разворачивается действие романа. Его герой, крестьянин Еремей Строгий, проявляет свои

лучшие качества – справедливость, свободомыслие, ответственность – уже вне какого-либо староверческого аспекта. Он не ходит на исповедь, не посещает церковь, но в то же время отвергает и раскольничьего начетчика, который вынужден оставить его в покое. И это все потому, что у него своя вера: крестьянство и община. Приведем фрагмент из его обильных речей:

«Все пройдет, только одно не пройдет – крестьянство да хлеб! Объявится правда, и будет над всем владыка один – мужик!. Это только дураки староверы толкуют, что, мол, последнее время пришло... Да разве то можно, чтоб Бог мужичка изничтожил?»^[212].

Что касается РПЦ, то отношение к ней со стороны популярного народнического литератора вполне понятно. Но подобные высказывания в адрес староверия из уст писателя, оппозиционного власти, звучали непривычно. Вообразить нечто подобное в шестидесятых или даже в середине семидесятых годов было невозможно. Даже у П.В. Засодимского в его «Хронике села Смурино», написанной в 1875 году и уже дышащей пессимизмом, прямых и откровенных выпадов против раскола найти еще нельзя. О религиозных аспектах крестьянского мира в «Устоях» говорилось уже в свете новых мотивов, связанных с сектантским движением. То же мы видим и в другом популярном у народников произведении А.И. Эртеля «Гарденины» (1888), отмеченного Л.Н. Толстым. Здесь в крестьянском мире уже совсем новые, далекие от староверия герои, которые заряжены на поиск правды, на обретение новых смыслов. Их социальный динамизм резонирует с раскольничьим консерватизмом, с нежеланием что-либо менять в этой несправедливо устроенной жизни, что явно не вызывает у автора одобрения^[213].

В 1880-х годах староверческую тему стали игнорировать не только литераторы, пишущие о крестьянстве или общине, но и ученые, исследующие данную проблематику. Так, программы университетов и ученых обществ не включали ни одного параграфа о раскольниках как выразителях духовных стремлений крестьянства, концентрируясь вокруг различных экономических вопросов^[214]. Это демонстрирует, насколько стремительно нарастало разочарование в конфессиональных

теориях российской интеллигенции, переходящей на другие идейные позиции.

Следствием этой трансформации явилось увлечение некоторых бывших народников марксизмом, интерес к которому пробуждается в России в тех же 1880-х годах. В соответствии с учением Маркса главным двигателем борьбы объявлялся пролетариат, за которым теперь закреплялась роль могильщика старого мира. Часть российской интеллигенции восприняла марксистские постулаты, что привело к заметному падению интереса к народной тематике вообще и к расколу в частности^[215]. Подобные темы стали квалифицироваться как устаревшие и ненужные. Описанная эволюция неплохо прослеживается по автобиографическим очеркам именитой революционерки В.Н. Фигнер. Она вспоминала, что в начале ее революционного пути, помимо обычной литературы, сильное влияние на нее оказал «трогательный образ кроткого учителя из Назарета». Этот образ послужил примером для многих из ее круга:

«Иисус Христос удовлетворял нравственное чувство, давал в Евангелии наибольшее количество когда-либо полученных этических идей, учил, что самопожертвование есть высшее, к чему способен человек»^[216].

С такими идеями В.Н. Фигнер, активная участница «хождения в народ», вместе со своими товарищами испытала крушение пропагандистских иллюзий. Осознание бесперспективности усилий привело ее к пересмотру жизненных ориентиров уже на основе экономической литературы. А то, от чего пришлось отказаться, познакомившись с политическими и бытовыми реалиями России, Фигнер называет четко и ясно:

«...Для нас, материалистов и атеистов (теперь уже так! – А. Я.), мир раскольников закрыт, а в смысле протестующей силы безнадежен»^[217].

Участники революционной борьбы, познавшие горькое разочарование в своем прежнем кумире – расколе, обрели новый источник и начали действовать по другим схемам. Применение этих

схем в России явилось задачей целой плеяды деятелей, влившихся в ряды народившейся российской социал-демократии: Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л. Мартова и др. Конфессиональный взгляд А.И. Герцена, Н.П. Огарева, М.А. Бакунина и их последователей выхолащивался, предавался забвению; они остались борцами допролетарского периода и многого просто не сумели понять. К тому же основатели народнического движения находились, мягко говоря, в сложных отношениях с идолом нового учения – К. Марксом, что, при всех заслугах, не делало им чести в глазах социал-демократов. У марксистов-материалистов российского разлива тема раскола как союзника по борьбе с самодержавным режимом оказалась на далекой периферии и лишь контурно обозначена в документах и материалах. Как известно, ответственным в партии за работу среди раскольников и сектантов был В.Д. Бонч-Бруевич, фигура не первого ряда. Ему поручались тематические доклады на партийных мероприятиях, а также материалов по данной тематике. Труды В.Д. Бонч-Бруевича преследовали определенную цель: выяснить, какие старообрядческие слои наиболее полезны для борьбы, которую разворачивает партия. С этих позиций анализируются поповцы и беспоповцы, влияние в их среде купеческой буржуазии и т.д.^[218] В 1904 году по решению II-го съезда РСДРП было начато издание газеты «Рассвет», предназначенной *«для тех, кто не согласен с верой русских князей, царей и монахов и кого те преследуют почти девять веков»*^[219]. Газета брала на себя миссию сообщать, что происходит в рядах сектантов и раскольников, но информировала она не долго: вышло всего 9 номеров за 9 месяцев. В официальном плане этим, пожалуй, все и ограничивалось.

Таким образом, пик интереса к расколу пришелся на период с конца 1850-х до конца 1870-х годов. Ему предшествовало серьезное изучение староверия как крупной и малоизвестной религиозной общности, начавшееся по инициативе правительства под эгидой МВД. Власти опасались этой неблагонадежной с исторической точки зрения силы в недрах российской империи. Появление староверческой темы в широком публичном пространстве во второй половине 1850-х сразу привлекло к ней внимание различных общественных групп. Выводы министерских чиновников о политическом потенциале старообрядчества, став достоянием гласности, были оценены по

достоинству. Революционное движение 1860-1870-х годов стало ориентироваться не на классовые, а на конфессиональные принципы ведения борьбы. С реализацией этого подхода связан целый этап революционного движения в стране, вошедший в историю под названием народнического. Однако практическое его воплощение столкнулось с непреодолимыми трудностями. Все усилия лучших представителей интеллигенции оставались безответными, не вызывая заинтересованности у староверческих масс, не говоря уже о верхах – купечестве и раскольничьей иерархии. В результате в конце семидесятых годов XIX века мы наблюдаем небывалое разочарование, охватившее энтузиастов «хождения в народ». Конфессиональные надежды народничества были отброшены как ошибочные и бесперспективные. Произошел поворот к классовым идеям, сформулированным европейской мыслью. На народные массы стали смотреть уже не конфессиональным, а экономическим взглядом. На революционный пьедестал вместо религиозного раскола взошли экономические классы – пролетариат и крестьянство. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1917 года. Новое поколение борцов с режимом связывало свои перспективы только с тем или иным из них, не обращая серьезного внимания на раскол. Его отправили на глубокую идейную периферию, а надежды на него у предшественников по борьбе объяснили их недостаточной политической зрелостью. Учитывая названное обстоятельство, обратимся к исследованию этой конфессиональной общности и ее роли в российской истории.

Глава вторая

Раскольничий узел отечественной истории

1. Истоки конфессионального своеобразия

Религиозный раскол, произошедший в российском обществе во второй половине XVII века – не просто часть нашего прошлого, еще одна страница в череде событий, составляющих историю России. Этот надлом, разорвавший общественные ткани той эпохи, определил своеобразие нашего развития, а по большому счету, и историческую судьбу страны. За драматизмом тех событий видятся тенденции управленческой централизации, проводимой государством посредством создания жестокой вертикали власти. Как удачно отмечено исследователем того периода, в середине XVII столетия столкнулись два вектора: путь к национальному государству, гражданству и путь служивой бюрократии к наднациональной рабовладельческой империи^[220]. Собственно из данного противостояния и вырос русский раскол. В первую очередь, эти сложные и болезненные процессы базировались на религиозном сознании, занимавшем центральное место в структуре мировоззрения той эпохи. Общественная жизнь осмыслялась тогда сугубо в церковных понятиях, которые и определяли ту или иную политическую практику. Разгоревшийся конфликт стал религиозным столкновением двух позиций, образовавшихся в русском обществе.

Изменив религиозный обиход по греческим образцам, гражданская и церковная власти предприняли повсеместное внедрение этих нововведений. В то же время приверженцы старорусского вероучения категорически отвергли навязывание подобных новшеств, усмотрев в них влияние ненавистного латинства, а также ущемление старины, попадающей под чуждую религиозную унификацию. Литературные памятники второй половины XVII столетия дают наглядное представление о развернувшейся полемике^[221]. Но идейное противостояние не стало уделом интеллектуальных споров о догматике, быстро обретя силовой характер. Осада Соловецкого монастыря, бунт на Волге Степана Разина, стрелецкая «хованщина» в Москве – все это свидетельства борьбы, захлестнувшей Русь. Выяснение отношений под аккомпанемент оружейных залпов неизбежно заканчивалось торжеством властей и, как следствие,

казнями ее непримиримых оппонентов. Яркие образы защитников веры предков, не сломившихся под прессом государственно-церковной машины, навсегда сохранены народной памятью. Для многих поколений старообрядцев эти заступники за «истинную веру» стали тем ориентиром, по которому сверялось вероучение и жизненные принципы.

В огне противостояния второй половины XVII века формировались основы идейного багажа раскола. Религиозное сознание, осмысляя трагические события, разрабатывало концепции наступления последних времен, пришествия антихриста, прекращения священства и т.д. Не затрагивая сути этих сюжетов, подробно исследованных в историческом, философском, филологическом контекстах, мы сделаем акцент лишь на том обстоятельстве, что их распространение фиксировало идеологическое неприятие новой реальности со стороны значительной части населения. Тем не менее, долгое время само исповедание старой веры в условиях никонианского государства являлось попросту незаконным. Лишь при Петре I спустя полвека после церковных реформ власти, наконец, озаботились легализацией раскола в создаваемой административной системе. Начало этому положил законодательный акт от 8 февраля 1716 года, устанавливавший запись и двойное налоговое обложение раскольников. Тем самым, после десятилетий физического уничтожения и гонений государство пошло на юридическую фиксацию их статуса, вновь подтвержденную затем указом от 16 октября 1720 года^[222]. Другими решениями им воспрещалось занимать какие-либо начальствующие должности, не дозволялось принимать от них никаких свидетельств, под строгий контроль Духовной коллегии ставилось печатание книг^[223]. По замыслам предложенная легализация староверов должна была упорядочить в империи положение со старой верой на условиях властей. Однако эти надежды не сбылись: как известно, по указу 8 февраля 1716 года в раскол записалось всего лишь около 191 тыс. человек^[224], что составляло менее 2% от плативших подать.

Очевидно, раскольники откровенно проигнорировали, предоставленные возможности легального существования. Например, по всей Сибири до 1726 года значился лишь один записной старообрядец, хотя военные команды вылавливали беглых

раскольников тысячами и тысячами^[225]. Ничего удивительного в таких фактах нет: после десятилетий кровавого противостояния другого ожидать от приверженцев старой веры не приходилось. Староверческий мир старался минимизировать контакты со структурами империи, общение с которыми, мягко говоря, не сулило ничего хорошего. Стремление к закрытости объяснялось не только причинами силового давления, но и глубоким осознанием собственной правоты, освященной мученическим подвижничеством. За непроницаемой для других завесой было удобнее поддерживать свой жизненный уклад, основанный на вере предков, а не на «Табели о рангах». К тому же, со стороны официальной церкви жизнь записных раскольников подвергалась настоящему осмеянию: им предписывалось под угрозой большого штрафа носить нелепый сермяжный зипун со стоячим клееным козырем из красного сукна и т.д.^[226] Для тех же, кто после специального увещевания в господствовавшей церкви снова обратился к старообрядчеству, назначался уже не двойной, а четвертной подушный оклад, т.е. вдвое по сравнению с платежом, установленным для раскольников в 1716 году^[227].

Тем не менее, попытки выявить численность раскольников, впервые предпринятые в петровское правление, актуализировали проблему соотнесения официальных сведений с реально существующей ситуацией. Данные первой российской переписи населения, проведенной в это время, стали отправной точкой в длительных дискуссиях о количестве старообрядцев. То, что число объявивших себя староверами явно не соответствовало истинному положению дел, хорошо осознавали, как в начале, так и в середине XVIII века. Уже петровская администрация настойчиво пыталась воспрепятствовать повсеместному «затаению» раскола. Дополнения к «Духовному регламенту» 1722 года предписывали лишения сана, и даже телесные наказания тем священнослужителям, которые не выявляли укрывавшихся староверов^[228]. Затем был разработан целый комплекс мер по противодействию расколу, включавших штрафы за небытие на исповеди, обязательное посещение церкви по праздничным дням; тех же, кто вне церкви «исправлял требы» крещения, венчания, погребения предполагалось высылать на галеры, а имущество конфисковать в пользу государства^[229].

Жесткая позиция властей по отношению к старообрядчеству оставалась неотъемлемой чертой внутренней политики и при императрице Анне Иоанновне. Специальный сенатский указ от 21 марта 1736 года подтверждал суровые наказания за распространение раскола. Старообрядцы, «совратившие правоверных», в случае доказательства их вины, ссылались навечно на галеры, а их движимое и недвижимое имущество опять-таки подлежало конфискации. Аналогичному наказанию подлежали и попустительствовавшие расколу представители местной власти – сельские старосты, бурмистры и ратманы. Особый пункт касался распространения старой веры через семьи: отцы крестившихся под присягой должны были брать на себя обязательство *«детей своих... раскольничьей прелести не учить и к раскольничьему учению не привлекать»*, а по достижении ими семилетнего возраста *«предоставлять в церкви к исповеди и Святых Тайн причащению»*. Подтверждалось запрещение общаться с учителями раскола, а если они где *«явятся, то таковых, ловя, отдавать в гражданские правительства, в которых принимать их, содержать в крепких местах под караулом»*^[230]. Прежде всего, в приведенных документах обращают на себя внимание конкретные угрозы, адресованные правительством гражданской администрации и священникам на местах. Очевидно, после этого от них трудно было ожидать каких-либо сведений о действительном количестве староверов, кроме данных о неуклонном сокращении их численности. Поэтому не удивительно, что данная тенденция неизменно доминирует в официальной статистике XVIII века. Если, как мы говорили, в 1716 году почти 191 тысяча человек решили объявить себя раскольниками, то в 1737 году из них числились лишь немногим более 48,2 тысяч (около 143 тыс. человек умерли, сданы в рекруты, сбежали, обратились к «святой церкви»), В середине столетия их было уже 42,2 тысячи, а на 1753 год приверженцев старой веры оставалось вообще около 37 тыс.^[231]

Тем не менее, эти официальные свидетельства искоренения раскола мало кого удовлетворяли, давая лишь повод к разговорам о достоверности предоставляемых статистических данных. Очевидно, староверческий мир оставался вне регистрационных процедур властей. Этот вывод красноречиво подтверждают документальные материалы тех лет: архивы содержат массу донесений с мест,

сообщавших о наличии большого числа староверов в разных российских городах, официально никогда не значившихся в расколе. Так, в ноябре 1744 года в Раскольническую контору поступило донесение от одного жителя города Боровска, выражавшего недоумение, что купечество данного города:

«ходит в небритых бородах и в русском платье, да купец Василий Шустов имеет во Гжацкой пристани при таможенном сборе по выбору Боровского купечества ларечным, а по указу таковых бородачей и в хождении в русском платье к делам и к подрядам допускать не подлежало...»^[232].

В августе 1751 года воевода города Порхов коллежский ассессор Иван Чиркин также информировал Сенат, что *«прохоровское купечество ходит в неуказном платье и с бородами»*, однако местная ратуша не обращает никакого внимания на запрет о ношении такого платья и бороды: от нее

«исполнения никакого не чинится, а приносят отговорки, что де они люди пахотные и торгу не имеют... к тому же они не под командою Прохоровской канцелярии»^[233].

О том же самом доносили в Раскольничью контору из города Василе (ныне Васильсурск): здесь местное купечество заявлялось в воеводскую канцелярию в неуказном платье и при бородах, хотя по переписи оно не числилось в расколе^[234]. Количество лиц, носивших бороды и неуказное платье, и тем самым игнорировавших правительственные запреты, было настолько велико, что отдельные оборотистые купцы даже пытались наладить бизнес на выявлении таких нарушителей. Они просили власти предоставить им право самостоятельно всех:

«ослушателей от показного упрямства истребить, и взысканием с них за ослушание в ношении бороды и

русского платья, по силе указа, штрафа сколько где сыскать могут»^[235].

За это право предприимчивые просители обязались в 1748 году внести в казну сразу 50 тыс. рублей (т.е. по принципу распространенной тогда откупной системы): выполнение своей нелегкой миссии они напрямую связывали с содействием местных администраций и воевод. Но Сенат не дал хода этой инициативе, указав, что этим должна заниматься с усердием лишь Раскольничья контора, в чьи обязанности и входит надлежащий сбор штрафов^[236].

Иногда власти инициировали расследования по поводу массового хождения при бородах и в русском платье. Например, одно из них прошло в городе Каргополь, где пытались выяснить, кем же в действительности являются любители бород и неуказного платья. В поле зрения попал посадский человек Алексей Шубников: по проверке оказалось, что он и все его родственники являются самыми настоящими староверами, но двойного оклада никто из них никогда не платил, когда впали в раскольничью ересь и «*кем научены не говорили*». К тому же, дети Шубникова, не смотря на запрет «*учить расколу*», обучались по старой вере^[237]. Как установили власти, ситуация, когда люди безнаказанно не регистрировались раскольниками, стала возможной по причине попустительства Ратушного канцеляриста Ивана Прянишникова. Этот служивый господин «*с бородачами имеет повсегдашнюю компанию*», и хотя:

«с раскольниками иметь компанию не велено, а он, Прянишников, ведая указы, оных бородачей куда надлежит чрез доношения свои не объявляет, и в том им чинит защищение и немалое спомогательство»^[238].

Судя по документам, на протяжении XVIII века такая ситуация с распространением раскола была характерна для большинства российских городов. Как отмечал известный общественный деятель екатерининской эпохи князь М.М. Щербатов:

«между подлого народа эта ересь... так распространилась, что нет почти ни города, ни знатного

селения, где бы кого из раскольников не было, а есть и целые города, как Каргополь, Олонец, Нижний Новгород и многие другие, этим ядом заражены»^[239].

То же самое относится к крупнейшему центру империи – Москве. Между тем, в литературе распространено мнение о том, что раскол с окраин страны, куда он был вытеснен гонениями, только в последнюю треть XVIII столетия шагнул в центр, т.е. в Москву. Однако, на наш взгляд, неправомерно говорить, что раскольники в это время возвратились сюда на жительство; они всегда здесь и находились. Еще при Петре I отмечалось, что в Первопрестольной староверов:

«значится размножение, что в некоторых приходах и никого, кроме раскольников не обретается»^[240].

Территориально же их сосредоточение с начала столетия наблюдалось в лефортовско-измайловской стороне. Здесь располагались владения и Измайловский дворец царевны Прасковьи Федоровны, жены старшего брата Петра Ивана (от брака Алексея Михайловича с Милославской), умершего в 1696 году. Его вдова была крайне набожным человеком, постоянно общалась с различными божьими людьми, странниками, что нередко становилось объектом насмешек со стороны Петра I^[241]. В литературе имеются свидетельства о контактах Прасковьи Федоровны со староверами Выговской пустыни и наставником обители Андреем Денисовым, «толковавшим» царице древние книги^[242]. В ее землях находили убежище, оседали многие староверы. Поэтому, когда в 1771 году раскольниками было получено разрешение па организацию центров для борьбы с эпидемией чумы, то такие центры моментально появились в указанной стороне под видом Преображенского и Рогожского кладбища. Представляется, что это была лишь организационная форма для легализации, давно существовавшего староверческого мира Москвы.

Российский религиозный конфликт помимо проблемы с потаенными раскольниками инициировал и серьезные миграционные процессы. Массы людей, не принявших никонианство, освящавшее новые государственные порядки, устремились на окраины тогдашней

России, а также в соседние государства, главным образом в Польшу, Литву и Турцию. Заметим, что эта интересная страница отечественной истории до сих пор остается плохо разработанной, особенно с конфессиональной точки зрения. Так, дореволюционная историография говорила о снижении численности российского населения в конце XVII – в первой половине XVIII века: по мнению ряда авторов перепись 1715-16 годов выявила сокращение податных людей по сравнению с 1678 годом почти на 20%^[243]. Примерно такие же цифры убыли российского населения приводит в своей фундаментальной работе, посвященной петровской эпохе, историк и политик П.Н. Милюков^[244]. Советские же ученые более осторожно высказывались на сей счет: они склонны говорить не о сокращении, а о серьезном замедлении прироста населения вплоть до середины XVIII столетия^[245]. Но в чем едина дореволюционная и советская литература, так это в игнорировании конфессионального фактора при объяснении миграционных процессов той эпохи. Среди причин демографического провала или спада неизменно назывались наборы в армию, на верфи, на строительство Петербурга и т.д. Позитивистский дух, которым проникнуты все эти, казалось бы, разные исследования, исключал анализ религиозной стороны дела, как второстепенной и не очень-то необходимой. Так, в профессионально выполненных работах советских ученых по демографической проблематике отражено состояние всех конфессий, включая идолопоклонников, а вот упоминание о старообрядцах отсутствует^[246]. Даже, например, раскольничьи указы петровского времени, о которых говорилось, характеризовались лишь в качестве вспомогательных мер по уточнению общих ревизских данных.

Однако, правительство Петра I, в отличие от историков, хорошо отдавало себе отчет в конфессиональных причинах опустения России, чьи многие подданные по религиозным мотивам оказались вне нового законодательства. Не случайно именно по итогам переписи обеспокоенные власти предпринимают легализацию раскола, создавая для него хоть какое-то юридическое пространство. Массовое бегство людей от никонианской действительности без преувеличения можно квалифицировать не иначе как национальную катастрофу. Конечно, для петровской администрации она имела, прежде всего, сугубо прагматический оттенок: по налоговой реформе уплата подушной

подати становилась одним из основных источников пополнения государственной казны. В этом обстоятельстве – корень заинтересованности в максимальном росте населения: и наоборот, сокращение круга налогоплательщиков неизбежно вело к убыткам. Поэтому власти близко к сердцу воспринимали многочисленные жалобы служивого дворянства на самовольный уход крестьян: необходимость платить повинности за беглых приводила правящее сословие *«во всеконечную скудность»*^[247]. Пытаясь приостановить отток простых людей за рубеж, правительство делало акцент на силовых, проверенных средствах; в частности на усилении пограничного контингента, специализировавшегося на задержании и поимке людей, идущих на чужбину. Во всех пограничных городах и *«пристойных местах»* учинялись *«крепкие заставы»* для удержания беглецов и отсылки их в те провинции, из которых те бежали^[248]. Причем Военной коллегии предписывалось *«стрелять из ружья»*, т.е. разрешалось применять силу. Тех же, кто подговаривал и содействовал побегам – вешать и с виселиц не снимать, их вину объявлять, *«дабы другие смотря на такую казнь, того чинить не дерзали»*^[249]. Парадоксальность всей этой ситуации заключалась в том, что российское правительство охраняло пограничные рубежи страны не только от внешних врагов, что естественно, а, прежде всего, от своих собственных подданных, стремившихся ее покинуть.

Тем не менее, усилия государственной машины по силовому выявлению и переписи раскольников не достигали желаемого эффекта. Все более убеждаясь в этом, власти прибегли к иной тактике, адресуя покинувшим страну доброжелательные призывы. Правительство официально начало зазывать их обратно, обещая при добровольном возврате не оказывать им никаких обид и притеснений. Подобные инициативы берут начало с Указа от 5 июля 1728 года; при Петре II беглые люди и крестьяне впервые призывались возвращаться на прежнее жительство без опасений, а явившимся добровольно наказания на местах чинить запрещалось^[250]. Затем при Анне Иоановне в 1734-1735 годах аналогичные законодательные акты продолжали обнародоваться^[251]. Власти подчеркивали в них, что изменившие поневоле или добровольно греко-православной вере должны принять церковное покаяние, а от других наказаний освобождались. Однако эти многообещающие указы на деле мало к

чему приводили. Это, например, хорошо видно из донесения Смоленской губернской канцелярии, направленного в Сенат в июне 1734 года. В нем констатировалось, что после публикации манифестов:

«не точию чтоб в Россию выходить, но и последние оставшие люди и крестьяне, смотря на тамошнюю польскую вольность, ныне бегут без остатку»^[252].

Из-за отсутствия нужных результатов от сделанных добрых жестов, российские власти вновь обратились к радикальным мерам по принудительному возвращению подданных из Речи Посполитой. В историю они вошли как массовые «выгонки» с Ветки в 1735-1736 годах. Эти действия осуществлялись силами регулярной российской армии, которая в данном случае выступила в роли полицейской дубинки. За несколько военных операций удалось вернуть в страну в общей сложности около 60 тысяч душ^[253]. О том, что большинство из них были старообрядцами, свидетельствует указ, регулировавший порядок расселения возвращенных на территорию России. Данный документ говорит именно о расколе: староверам не разрешалось поселяться в приграничных районах, воспрещалось компактное проживание где-либо, особое внимание обращалось на выявлении из числа возвращенных «раскольничьих учителей»^[254]. Однако, как замечают современные исследователи, прибывшие раскольники не отказывались от своей веры, активно включаясь в местную староверческую жизнь^[255].

Приведенный материал не только приоткрывает драматизм жизни той далекой эпохи, но и со всей определенностью показывает, насколько неоднородным в конфессиональном плане являлось российское общество. Переплетения господствовавшей церкви и старообрядческих течений составляли его сущностную характеристику. Причем эта специфика не схватывалась, не отражалась официальной статистикой, которая имела далекое отношение к действительности. Конкретные же документы наглядно свидетельствуют о наличии серьезного религиозного разобщения России. Именно оно стало источником необратимых перемен в русском обществе. Их консервация трансформировалась в социальное размежевание, приведя фактически к существованию в рамках одного

государства двух чуждых враждебных социумов. Особо подчеркнем, что, прежде всего, здесь находится ключевой момент для понимания всего дальнейшего хода отечественной истории с ее ментальной спецификой, русской непохожестью на других и т.д. Хорошо известно, что облик современных стран, относящих себя к европейской цивилизации, определялся развитием на протяжении последних трехсот-четырёхсот лет. Собственно отправной точкой в его формировании стал религиозный раскол, через горнило которого прошли страны Европы. Религиозный раскол, а точнее последствия его разрешения, во многом обусловили специфику европейского и русского обществ, сформировав заметно отличающиеся исторические реалии. Западная Реформация, взорвав средневековый европейский мир, привела к кровопролитным войнам на большей части Старого Света. Как известно, их итогом явился мир, подводивший черту под противостоянием католиков и протестантов и основанный на знаменитом принципе «*cuius regio, ejus religio*» («чья страна, того и вера»). В результате сторонники и противники Реформации оказались по большей части разделены государственными границами. В одних странах возобладали католики (Италия, Испания, Австрия, Бельгия, Франция, Польша, Бавария и др.), а в других – представители различных протестантских течений (Англия, Нидерланды, Швеция, Дания, целый ряд германских княжеств и др.).

В России же, как мы видим, все обстояло иначе. Церковное размежевание подобно тому, как это было в Европе, поделило русское общество на два непримиримых лагеря: приверженцев старого обряда и последователей реформ патриарха Никона. Однако в России этот процесс протекал с той принципиальной разницей, что здесь ожесточенное противостояние не привело к территориальному разводу враждебных сторон, как в европейских странах. Победа сторонников никоновских новин, мощно поддержанных царской властью, в определенном смысле и в России реализовала известный принцип «чья страна, того и вера». Только, в отличие от Европы, противоборствующие силы здесь были вынуждены, по-прежнему, оставаться по одну сторону границы, в одном государстве. Россия разделилась внутри себя: на географической карте страна была единой, на деле же образовались два социума, чье религиозное размежевание обрело различную социальную и культурную идентификацию.

Нетрудно понять, насколько подобный расклад повлиял на все стороны русской жизни. Сосуществование в рамках одной территориальной общности двух враждебных сил утвердило эту специфичность присущую России. Отсутствие терпимости, множество недоговоренностей, значимость нюансов – все это создавало в российском обществе совершенно иную психологическую атмосферу, заметно отличающуюся от европейской обстановки. Разъединение русской действительности, устранение правящего класса от народа, бросалось в глаза каждому, кто знакомился с отечественными реалиями. В литературе разных периодов немало сказано об исторических, образовательных, культурных аспектах этой обособленности. В этой связи актуальным представляется выяснение еще одной стороны проблемы: как религиозное размежевание, пронизавшее все общественные поры, отразилось на экономическом развитии страны? Постановка такого вопроса дает возможность соотнести религиозную конструкцию общества непосредственно с хозяйственной практикой, что еще не предпринималось в полном объеме.

Торжество никониан ознаменовалось окончательным выстраиванием централизованной вертикали власти. Во главе страны стоял уже не просто древнерусский царь, а Государь Император, который подчинил православную церковь, полностью вмонтировав ее в административную систему. Опорой выстроенного на европейский манер порядка стало новое сословие в лице дворянства. Его роль в государстве хорошо выражена дворянским идеологом екатерининской эпохи князем М.М. Щербатовым, который обосновывал прочность власти в том случае, если она, по примеру Франции или Испании:

«утверждается на знатных фамилиях, как на твердых и непоколебимых столпах, которые не дали бы снести тяжести обширного здания»^[256].

При этом необходимо заметить, что почти все эти непоколебимые столпы старались вести свое происхождение не от российских корней, а от какого-нибудь иностранца^[257]. Такие геральдические устремления заметно отличали новое сословие от бояр древней Руси. Подавляющее число дворян наделялось этим статусом непосредственно

императором, т.е. источником дворянства выступала государева служба, а не просто принадлежность к старинной княжеской крови. Дворяне стали не только опорным управленческим и военным звеном империи, но и основным субъектом экономических отношений, поскольку весь земельный фонд страны был распределен между служивыми людьми никонианской веры. Поэтому в экономическом смысле полем, где разворачивалась хозяйственная инициатива дворянства, являлось землевладение. Обладание земельными угодьями, поместьями, крепостными, сбыт сельской продукции – вокруг этих источников вращались материальные интересы нового сословия.

Совсем иначе устраивалась жизнь тех, для кого верность старому обряду предков, исключала какое-либо участие в гражданской и военной службе *«падшей»*, по их убеждению, власти. Оказавшись на периферии новой административной системы, бесправная в экономическом отношении эта большая часть населения устраивала свое хозяйственное существование на иных принципах, чем их властители. Конечно, все экономические представления дворянства прочно ориентировались на незыблемость института частной собственности. Этот базовый принцип ведения хозяйства обеспечивал в их глазах наиболее естественный путь развития, позволявший эффективно реализовывать свои интересы. У староверов же вследствие дискриминационного положения предельную актуальность приобретали задачи, связанные, прежде всего, с выживаемостью во враждебной им среде. Наиболее оптимальным инструментом для этого, позволяющим максимально концентрировать как экономические, так и духовные ресурсы, стала знаменитая русская община. Именно поэтому не частнособственнические, а общинно-коллективистские отношения оказались тем фундаментом, на котором происходило хозяйственное и управленческое устройство раскола. Заметим, помещики-дворяне в своей хозяйственной практике не использовали общину, в чем надобности у них очевидно не возникало.

Хорошо известно, что община как цельный способ организации русской жизни воспета славянофилами. Ими она ставилась во главу угла всех рассуждений и дум о России. Как писал Ю.Ф. Самарин:

«позволительно думать, что язык немецкий богаче, а итальянский звучнее русского, тем не менее, мы остаемся при своем языке. Подобное языку общинное устройство наших сел принадлежит к числу тех коренных самородных начал нашей русской народности»^[258].

Славянофильские интеллектуалы акцентировали внимание на своеобразии общинного организма, его коллективистском устройении, уравнительно-переделной системе, круговой поруке и т.д. В частности, интересны их наблюдения о размытости у русского крестьянина-общинника представлений о частной собственности, которые:

«так шатки, так неопределенны и произвольны, что уверенность в спокойном обладании нажитым имуществом крепостному сословию в массе решительно недоступна»^[259].

На наш взгляд, суть общинного духа хорошо передана лидером славянофильского лагеря А.С. Хомяковым:

«право всех на собственность поземельную и право каждого на владение, нравственная связь между людьми»^[260];

«община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории, отними его, не останется ничего»^[261].

Серьезный анализ этих общинных черт предпринят в профессиональном труде историка-славянофила И.Д. Беляева, являвшегося знатоком русского летописного и актового материала^[262].

Однако, заметим, при всей увлеченности этим институтом славянофилы практически не обращались к взаимосвязи религиозной составляющей и общинного устройства, ограничиваясь разговорами о важном значении для народа православия в целом. Да и само происхождение общины рассматривалось ими, прежде всего, как выражение неповторимого склада русского характера, отличного от других, в первую очередь, европейских народов. Подобные

утверждения становились предметом критики, а порой и насмешек, российских западников, усматривавших в этих размышлениях издержки интеллектуального процесса. Либеральный лагерь придерживался куда более прагматичных мотивов возникновения общины, чем особенности русской души, так страстно полюбившихся их оппонентам. Существование общины объяснялось либералами в русле модного тогда научного направления в лице европейского позитивизма, поднявшего на щит подлинную беспристрастность и неоспоримость факта. Так, следуя этим подходам, постоянный оппонент славянофилов Б.Н. Чичерин отметал все разговоры о неизменности общины, выражавшей какой-то особенный русский дух. Он доказывал, что община не представляла собой исключительно русского явления, а также отрицал преемственную связь между общинными формами, существовавшими на протяжении столетий^[263]. Опираясь на эту точку зрения, его последователи причиной возникновения общинного устройства объявляли фискальные потребности государства. В этом смысле именно община стала удобной организационной формой, обеспечивавшей надлежащие налоговые сборы. Расхождения возникали только относительно начала использования этого инструмента: или с далеких времен выплат монголо-татарской дани, или с петровской эпохи, когда интересы казны потребовали создания целостной фискальной системы. Наиболее чуткие последователи этой теории вообще относили окончательное формирование русской общины лишь к 50-60-х годам XVIII века с изданием межевых инструкций 1754 и 1766 годов^[264]. Несложно заметить, что в представленном подходе еще в меньшей степени, чем в славянофильском варианте, содержатся возможности анализа общины с конфессиональной точки зрения. Можно сказать и точнее: оценки тех или иных общественных процессов с религиозных позиций российскими западниками отменялись не только как лишние, но и серьезно мешающие объективности исследования. Достаточно обратиться к известным трудам того же Б.Н. Чичерина, а также К.Д. Кавелина, К.Ф. Головина и др., дабы убедиться, что само слово религия и понимание, связанное с нею, встречается там, если говорить мягко, крайне редко.

Вообще-то, обоснование общинного генезиса фискальным началом выглядит научно вполне правомерным. Многие историки, в

том числе и советские, разделяли точку зрения об использовании дворянством этого института в своих интересах^[265]. Правда, не совсем понятно, почему такая удобная форма налоговых сборов не прижилась в той же Европе, где общинное устройство кануло в лету. Не потому же, что там менее, чем в России, были озабочены наличием эффективных инструментов пополнения казны. Просто, очевидно другое: фискальными принципами дело далеко не исчерпывается. Некоторые исследователи прямо указывали на это обстоятельство, пытаясь примирить славянофильские и западнические воззрения. Например, интересная интерпретация общинного генезиса была предложена П.А. Соколовским. Он рассматривал общину как результат стремления человека к самосохранению и практической реализации принципа справедливости, выраженного в идее равенства^[266]. В данном формате податная система играла не главную роль; древняя русская община формировалась совсем на более широких основах, чем позднейшая с ее принудительными отношениями. Ранее общинным стержнем являлся вольный союз лиц, где определяющим была не связь по земле, а сознание необходимости солидарных действий для выживания в нелегких природных условиях. Исходя из этой цели, община обеспечивала каждой семье право на равный участок земли, распределяла налоги, помогала общинникам в сложных жизненных обстоятельствах. Но с петровской эпохи она под воздействием государства приобретает совершенно иной, тягловый характер; однако в своей сути община существует с целью противоположной той, которую ей навязывало государство^[267]. Указанные наблюдения имели крайне актуальное значение: они позволили взглянуть на общину как на меняющийся организм: не в качестве чего-то неизменно присущего русской идентификации, но и не порожденного исключительно фискальными мотивами. Такое понимание генезиса общины выводило за рамки дискуссий формата славянофилы-западники и способствовало появлению новых контекстов обсуждения.

Перспективным исследовательским подходом следует признать анализ образования русской общины с точки зрения природно-климатического фактора. Подобные наработки получили развитие в постсоветский период в трудах российского ученого Л.В. Милова. На богатом фактическом материале им показано, что отечественная сельская экономика всегда оставалась хозяйством с минимальным

объемом совокупного прибавочного продукта и ограниченными возможностями для интенсификации труда. Отсюда предельная актуализация выживания, как для русского крестьянина, так и общины. Собственно основное предназначение общинных институтов заключалось именно в этом; она органично отвечала условиям хозяйствования, поскольку оптимально аккумулировала усилия производителей в существовавших природно-климатических условиях. Поэтому основной причиной живучести русской общины стала:

«ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства, что обусловило ее большую внутреннюю прочность и влияние»^[268].

Несомненно, рассмотрение природно-климатического фактора в качестве причины консервации русской общины имело важное значение в выяснении ее устойчивого сохранения. Однако, понимание этого еще не исчерпывает всю сложность проблемы. По нашему убеждению, следующим шагом в исследовании живучести общинного организма должно стать обращение к конфессиональным корням общины. Ее консервация, также, обусловлена и религиозным фактором, который до сих пор оставался вне рамок исследовательского поля. Суть данного подхода в уяснении того, что, хозяйственная община являлась сознательным устроением жизни в соответствии с религиозным законом; это обстоятельство играло такую же серьезную роль как и все остальное, о чем говорилось выше. Принципы духовного равноправия в качестве несущих жизненных конструкций транслировались и в повседневную хозяйственную практику. В этом еще нет ничего, что могло бы дать право говорить о какой-либо специфике развития: подобные черты были присущи всем европейским странам. Однако формирование там (после религиозных войн) однородной конфессиональной среды, произошедшая индивидуализация веры, а значит и сознания, способствовало укреплению института частной собственности: вокруг этого базового стержня естественным образом стала выстраиваться вся социально-экономическая ткань общества. В России же, если можно так выразиться, конфессиональной рассортировки не произошло,

индивидуализация веры и сознания в широких народных слоях осталась незавершенной. Значительная часть общества вместо свободного конкурентного развития была вынуждена находиться на положении дискриминируемого, лишенного собственности. В этих условиях инструментом выживания становилось объединение совместных усилий. Именно коллективистский дух, освященный старой верой, выступал в качестве самоорганизации снизу в ответ на закабаление правящим сословием. Иными словами, специфика российской конфессиональной рассортировки способствовала сохранению общинных форм, не менее, чем природно-климатические условия, и фискальный принцип, навязываемый государством сверху. Очевидно, что здесь следует говорить о многообразии факторов, а не о преобладающем влиянии какого-то одного из них. Поэтому продвижение по изучению религиозной составляющей в жизни общины и роли в этом старообрядчества заметно расширит и дополнит наши представления о русской действительности.

Никонианское государственное пространство, в котором оказался раскол в XVIII столетии, оставляло ему, как мы видели, не очень много жизненного места. Замкнутый уклад, приверженность вере предков, отрицание гражданских новин – вот откуда черпало силы староверие. Однако, постепенно, после десятилетий гонений у государства, выстроенного на европейский лад, и старообрядчества нашлась точка соприкосновения: масштабные деяния Петра I с целью рывка за ведущими державами потребовали мобилизации всех возможных ресурсов. Как известно, заботы неутомимого самодержца о военной состоятельности государства, об укреплении его международной конкурентоспособности дали импульс форсированному развитию торговли и промышленности. Петр I стремился привлекать в российскую экономику всех, кто способен участвовать в ее подъеме. Данный подход отражали законодательные акты петровского времени. В 1711 году власти провозгласили право заниматься торговлей и ремеслами *«людям всякого звания... ежели не будет какого препятствия»*^[269]. Цель этой политики обозначалась четко и откровенно: *«денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерия войны»*. Неудивительно, что в этой связи в документе говорится и об улучшении персидского торга, и о приезде армян, которых *«надо приласкать и облегчить в чем пристойно»*^[270]. Главная же ставка

правительством делалась, прежде всего, на европейских мастеров, располагавших нужным опытом и знаниями в организации производств и мануфактур. Ссылки на использование иностранцев в этой сфере встречаются во многих документах петровской поры. К примеру, указ от 5 ноября 1723 года, излагавший разные промышленные проблемы, отмечал незначительность желающих в России, в отличие от западных стран, заводить фабрики, поскольку:

«наш народ, яко дети... которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят»^[271].

Эти опасения высказывались не напрасно. Усилия властей по поощрению предприимчивости и деловой инициативы находили слабый отклик у тех, кому собственно адресовались – у опоры самодержавия российского дворянства. Новое правящее сословие проявляло безразличие к различным торговым и ремесленно-мануфактурным делам, по сути, просто брезгуя заниматься ими. Вспомним пушкинского «Арапа Петра Великого», где дворянин Корсаков, вернувшийся из-за границы, был глубоко потрясен аудиенцией у российского самодержца, принявшего его в холстяной фуфайке на мачте строящегося корабля. В свою очередь, Петра I изумили бархатные штаны молодого человека, которые годились лишь для развлечений, но никак не для какой-либо созидательной деятельности^[272].

Нежелание служивого дворянства самостоятельно приобщаться к ремеслам и промышленности инициировало организацию фабрик и заводов сверху. Настойчивость государства диктовалась, прежде всего, растущими военными потребностями, вооружением и содержанием постоянно действующей армии. Именно эти нужды оставались основной причиной правительственных забот о производствах. В этой связи важно отметить и еще одно обстоятельство: равнодушие к промышленному строительству со стороны дворян имело и свои корни. По сути, оно явилось продолжением негативного восприятия торгово-мануфактурной деятельности, сложившегося еще во времена московского царства. В допетровский период подобные инициативы

исходили лишь непосредственно от самой власти в лице приближенных царя, завязанных на иностранных торговцев. Новые же государственные условия не сильно изменили ситуацию: промышленные начинания по-прежнему оставались прерогативой придворных деятелей. Стремясь перегруппировать торгово-промышленную сферу, власти решили внедрить в отечественную практику цеховую производственную систему. В 1721 году вводился в действие «Регламент Городского Магистрата», которым посадское население городов делилось по гильдиям, основанным на цеховом принципе. В соответствии с этим актом образовывалось две гильдии: в первой состояли банкиры (ростовщики), лекари, аптекари, живописцы, шкиперы кораблей, крупные купцы, имеющие отъездные торги; во второй – резчики, токари, слесари, столяры, портные, сапожники и т.д. Все прочие, *«обретающиеся в наймах и черных работах»*, числились *«подлыми людьми»*^[273]. К тому же, представители каждого ремесла образовывали *«свои особливые цехи»* со своими уставами, правилами, содержащими права ремесленных людей. В Формуляре к «Регламенту», с профессиональных позиций описывающем жителей городов, перечислено около 60 наименований различных специальностей^[274]. Такой подход был призван переформатировать торгово-промышленное население городов по западному образцу.

Однако эта попытка не пошла дальше заимствования чисто внешней стороны европейской гильдейской организации. Соединение горожан по общности профессий в российских условиях не прижилось. Спущенная сверху новая предпринимательская структура довольно быстро начала растворяться в прежней купеческой градации московского царства, которая базировалась исключительно на размере финансовой и имущественной состоятельности. В результате в переделанной на европейский манер торгово-ремесленной системе не профессиональный, а хорошо знакомый принцип тяглоспособности снова лег в основу распределения городского населения^[275]. Эта практика полностью соответствовала менталитету предпринимательских слоев той поры. Так, идеолог русского купечества первой половины XVIII века Иван Посошков предлагал даже одевать торговых и посадских людей исходя из их благосостояния. В своем известном труде «О скудности и богатстве» он прямо и откровенно заявлял:

«У кого сколько капитала, в зависимости от этого и одевать»^[276].

Далее следовало подробное описание гардероба для обладателей крупных и незначительных денежных сумм, а тех, *«кто оденется не своего чина одеждою, то наказание чинить ему жестокое»*^[277]. Не удивительно, что переход к старой предпринимательской структуре, т.е. не по профессии, а по объявленному капиталу, государство окончательно совершило уже в начале 40-х годов XVIII столетия. Оставив затеи с цеховой системой, Елизавета I специальным указом разделила все купечество в соответствии с этим принципом на три гильдии. Собственно этот документ адресовался купеческим старшинам и старостам, обязанным учитывать входящих и выходящих из гильдий, записывать их перемещения, а главное строго контролировать сборы податей, *«которые неотложно по указам собираемы быть имеют»*^[278]. Ни о каких-либо профессиональных началах здесь речи уже не шло: разговор велся только в контексте оптимизации сбора налогов с купечества.

Все это показывает, что в Российской империи, хотя и в выстроенной на западный манер, промышленное строительство, в отличие от Европы, оставалось на периферии. Экономические интересы дворянства были тесно связаны с землевладением, в то время как торгово-мануфактурная деятельность, как и ранее в доимперский период, продолжала восприниматься недостойной, второсортной. В этом заключалась сущностная черта российского высшего общества, в корне отличавшая его от европейских элит, давно оценивших преимущества торговли и производства. На Западе промышленное становление черпало силу в предпринимательских инициативах различных слоев населения. В России же движущей силой индустриального развития стали не частые начинания, а, главным образом, усилия государства, понимающего, что без этого обрести достойное место среди европейских стран будет сложно. Вот эти-то потребности и обусловили привлечение к созидательным процессам тех, кто оказался вытесненным из управленческой вертикали власти, отстраненным от собственности (земельного фонда страны), т.е. старообрядцев. С другой стороны, участие в торгово-промышленном секторе давало им реальную возможность для

выживания в условиях враждебного государства. Поэтому не случайно староверческая мысль первой половины XVIII века характеризовалась интересным поворотом – обоснованием позитивного отношения к торговле и производствам. Конечно, ранее приверженцы древнего благочестия не могли одобрять дела, пользовавшиеся дурной репутацией еще в истинном московском царстве. Теперь же дискриминационные реалии заставили заняться тем, что предоставляло возможности сохранить веру и поддержать существование. В результате торговля, лишенная ранее необходимой религиозной санкции была признана духовными лидерами староверия благодатным занятием, а организационно-хозяйственный труд уравнен с благим трудом земледельца^[279].

Правительство, серьезно заинтересованное в развитии торговли и промышленности, быстро ощутило созидательный настрой со стороны данной категории населения, а потому уже Петром I проблемы религиозной принадлежности отодвигались на второй план, хотя, разумеется, и не снимались окончательно. Главным критерием становилась полезность в хозяйственном строительстве, а не активность в вероисповедных дискуссиях. Собственно сама легализация раскола, предпринятая Петром I, как мы уже говорили, была продиктована, прежде всего, экономическими мотивами. Запись в двойной оклад, хотя и являлась унижением, но позволяла оставаться со своими религиозными принципами, позволяла применить силы в тех сферах хозяйственной деятельности, где было возможно. Отсюда хорошо известные свидетельства терпимости и поощрения Петром I тех представителей раскола, кто демонстрировал готовность проявить себя не на религиозном, а на хозяйственном поприще. Так, император не брезговал контактами с тем же Андреем Денисовым – легендарной фигурой староверческого мира, основателем Выгорецкой общины, развернувшей обширную экономическую деятельность, снабжавшую стройматериалами и продовольствием быстро растущий Петербург. Прикрепление этого общежития к Олонецким петровским заводам, коренным образом изменило его правовое и, как следствие конфессиональное положение. Выговцы обязывались разрабатывать месторождения руды, взамен же получали возможность вести богослужение по старопечатным книгам. Выгорецкая община признавалось самостоятельной хозяйственной единицей с выборным

старостой, что подтверждалось специальными указами, ограждающими его от обид и притеснений со стороны светских и духовных лиц^[280]. Петром I поручалась эксплуатация горных заводов Урала тульскому кузнецу раскольнику Никите Демидову, который вошел в историю как один из организаторов российской металлургии. Очевидно, что главным здесь, также, стали деловые качества, а не конфессиональная принадлежность. Вообще создание промышленности на Урале явилось делом Петра Великого и русских старообрядцев. Вслед за Демидовым и ему подобными из различных краев туда хлынул поток раскольников. Как писал Пермский архиепископ Палладий, они вскоре заполнили главные заводские должности, а также места волостных голов, писарей селений. Местные заводы представлялись иерарху господствующей церкви настоящими рассадниками раскола, где действовало множество моленных. Не может не вызвать удивления приведенный им факт: первая православная церковь была построена здесь только в 1750 году, т.е. спустя почти полвека после запуска горных заводов^[281].

Однако следует подчеркнуть, что предпринятая Петром I легализация староверия, продиктованная экономическими потребностями, по сути, все же немного меняла: она носила все же эпизодический, а не системный характер. Немногочисленные акты по регулированию промышленной сферы в первой половине XVIII века свидетельствовали о заботах правительства не столько по формированию рынка, сколько по обеспечению необходимой продукцией потребностей российской армии. Например, в царствование Анны Иоановны в указе от 7 января 1736 года, говорилось о необходимости *«размножения фабрик, а особливо суконных и прочих надлежащих к мундиру и амуниции»*, именно таким производствам обещалась казенная поддержка^[282]. Или указ от 18 ноября 1732 года, где собственно и ставилась задача снабжения сукнами без закупки иностранных не населения империи в целом, а именно российских войск^[283]. Индустриальное развитие, инициированное сверху, предусматривало привилегии производствам в сочетании с плотной опекой государства, жаждущего безусловного удовлетворения своих запросов. В результате на практике складывалась ситуация, когда создаваемый таким путем мануфактурный мир квалифицировал себя не в качестве свободного

предпринимателя западного типа, а как своего рода правительственного агента, хорошо осознающего, что без поддержки власти затевать какие-либо дела бессмысленно. Купечество безоговорочно признавало экономическую власть правительства, которое может командовать частным хозяйством как своими вооруженными силами^[284]. Государство выступало главным потребителем продукции промышленного сектора, помогало в условиях дефицита рабочими, а потому жестко регламентировало производственные процессы, устанавливало штрафы за плохое качество. Неудивительно, что в подобной обстановке охотников заводить фабрики находилось весьма немного^[285]. К тому же законодательство той поры запрещало заведение фабрик и мануфактур крестьянам, которые в своем большинстве и принадлежали к старообрядчеству^[286]. Это обстоятельство, с учетом нежелания дворянства погружаться в хозяйственные дела, являлось серьезным сдерживающим фактором в развитии производств.

Тем не менее, прагматические ориентиры политики Петра Великого с 50-х годов XVIII века получили всестороннее развитие. К этому времени Российская империя, ее правящий класс все больше осознавали себя подлинно европейской державой, чье место среди ведущих государств не должно вызывать сомнений. Однако амбиции такого уровня должны были подкрепляться прочным финансовым фундаментом, позволяющим претворять их в реальную политику. С серьезными проблемами финансовой оплаты возрастающих международных претензий и дефицитом казны столкнулось правительство дочери великого преобразователя – Елизаветы Петровны. Эти проблемы входили в непосредственную обязанность ближайшего соратника императрицы графа П.И. Шувалов, занимавшегося в правительстве военно-экономической проблематикой^[287]. Предложенный им комплекс мер по наполнению бюджета, неизбежно отразился и на расколе, в отношении к которому обозначился существенный поворот. Придворный деятель выступил с цельной программой экономического развития страны. Ее параметры составляло, во-первых, «сбережение» русского народа или, говоря иначе, кардинальное расширение круга налогоплательщиков. А во-вторых, как можно большее вовлечение «сберегаемого» народа в торгово-мануфактурные и ремесленные дела. Программа

презентовалась в качестве непосредственного продолжения традиций великого преобразователя. Именно в ее контексте началась реализация настойчивых усилий по возвращению беглых, в том числе и раскольников в разные годы покинувших Россию.

Правительственные инициативы, которые декларировались ранее, зазвучали с новой силой. Конечно, внимание сановника к расколу определялось все той же прагматикой, а не духовным смыслом. Архивные документы показывают негативное восприятие П.И. Шуваловым старообрядчества как религиозного явления. Например, там, где он сталкивался с раскольниками воочию, т.е. среди своей многочисленной прислуги, граф немедленно сообщал о приверженцах старой веры, требуя удалять их из обслуживающего персонала и отсылать для увещаний и надзора^[288]. Однако в государственном смысле П.И. Шувалов прекрасно осознавал зависимость благополучия казны от количества плательщиков подушного оклада, а потому потери, вызванные бегством населения, в том числе и по религиозным причинам, обращали на себя его пристальное внимание^[289]. Об этом свидетельствуют материалы марта 1753 года, когда Елизавета I, лично присутствуя на заседании Сената, что случалось нечасто, указала справиться о староверах, о динамике их численности с петровских времен, о том, сколько в точности денег получает казна от сбора двойного оклада и т.д.^[290] Представленные цифры, не удовлетворив верховную власть, ускорили утверждение нового курса по отношению к расколу. Причем теперь данная политика уже не ограничилась как ранее обнародованием отдельных указов, ратующих за возврат населения. Политический призыв о возвращении излагался в специальном указе Елизаветы I от 4 сентября 1755 года. Текст начинался такими словами:

«Как довольно известно, Наши природные подданные, великороссийского и малороссийского разного звания люди, особливо раскольники и некоторые купцы, помещиковы крестьяне, также из военных дезертировавшие из нашей Империи, в разные времена ушедшие и будучи в Польше и в Литве, там остались и доныне обретаются, из которых небезизвестно, что немалая часть, помня свое природное подданство, возвращаться охотно желает...»^[291].

Всем им предлагалось без всякой боязни и страха, с женами, детьми и имуществом возвращаться на родину к 1 января 1757 года. Причем тем, кто придет добровольно, обещалось прощение за все, что вынудило их покинуть отечество, и зачисление в ряды верных подданных^[292].

Обращает внимание, что впервые беглые люди, среди которых первыми упомянуты раскольники, названы здесь уважительно – «Нашими природными подданными». Правда, заканчивалось все пока обычно и не так оптимистично: в конце текста содержалось предупреждение, если на такую милость ушедшие не откликнутся, то будут признаны за изменников и жестоко наказаны.

Именно данный указ стал началом кардинального поворота по отношению к расколу. Далее последовали законодательные документы, развивающие эту политическую линию. Не дожидаясь, объявленного срока возвращения, новые акты уже спешили подтвердить обещанное. В ноябре 1756 года выходит указ «Об отдаче выдаваемых из Польши и Литвы российских беглых на прежние жилища без наказания»^[293]. Сроки по возвращению на родину бежавших в разное время подданных периодически продлевались: с 1 января 1757 года до 1 июля 1758, потом до 1 сентября 1760, а затем все продолжилось специальным Манифестом от 2 января 1761 года. Он буквально слово в слово повторял первый указ сентября 1755 года, призывая не мешкать с возвращением, и в очередной раз продлевал сроки – уже до 1 сентября 1761 года^[294]. Кампания по возвращению в страну и зачислению людей в подушный оклад набирала силу. Перспективы возврата для тех, кого настойчиво призывали снова стать российскими подданными, рисовались все более привлекательней. Любопытно такое свидетельство: в одном из указов 1761 года Сенат уведомлял о решении отводить возвращающимся земли и другие угодья, где им будет удобно и никакого озлобления им не чинить. И тут же обнадеживал ответственного за прием людей ротмистра Попова в том, если тот своим старанием выведет из Польши 2000 семей, *«то без награды от Сената не останется»*^[295]. Правительство старалось устранять различные организационные неувязки, чтобы облегчить возвращение бывших подданных. Например, в 1759 году, узнав о затруднениях по пропуску людей, которых принимали только в пунктах на определенных главных дорогах, находящихся верст по

двести друг от друга, Сенат распорядился пропускать везде, дабы «охоту возвращающимся не пресекать»^[296]. В елизаветинское правление тема возвращения людей в империю стала популярной и в российской элите. Не прошел мимо нее и создатель Московского университета М.В. Ломоносов, написавший для этого даже специальный труд. Он размышлял о способах увеличения народонаселения страны, упомянув и раскольников, множество которых уходило на Ветку, из-за чего российская корона лишалась подданных. Хорошо заметно, что в его рассуждениях и подсчетах о сохранении и размножении народа отсутствуют какие-либо религиозные мотивы, а преобладает взгляд государственного деятеля^[297]. Сочинение знаменитого ученого подтверждает: новая политика верхов по отношению к староверию формировалась не из религиозных побуждений, а исходила из чисто экономических обстоятельств, связанных с расширением круга налогоплательщиков. В этом же русле следует рассматривать и усилия государства по выявлению и учету раскольников, укрывавшихся внутри страны и предпочитавших самосожжение контактам с ним. Аналогичный подход прослеживается и в отношении иноверческих народов. Государство стремилось всех переписать, самовольно убежавших вернуть, причем не силой, а увещеваниями и самое главное зачислить их в подушный оклад^[298].

Тем не менее, говоря о повороте к расколу, наметившемся при Елизавете I, следует заметить, что он остается малоизвестным. В научной литературе отправной точкой, изменившей отношение к старообрядчеству, считается цитируемый всюду указ Петра III от 29 января 1762 года «О сочинении особого положения для раскольников, которые удалясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было»^[299]. Данный документ и сегодня продолжает рассматриваться в качестве первого камня нового государственного курса по отношению к расколу. Как нам представляется, это предопределено тем, что маститые отечественные историки XIX столетия и, прежде всего, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский именно таким образом оценивали этот указ Петра III. Так, В.О. Ключевский упоминает о нем, обходя молчанием аналогичные елизаветинские инициативы. Заметная роль П.И. Шувалова в принятии

этого документа не вызывает у него сомнений, хотя причины появления законодательного акта о раскольниках сводятся знаменитым историком к популяризации фигуры нового императора его окружением^[300]. С.М. Соловьев, также, выделяет начинание Петра III, подхваченное затем Екатериной II, не упоминая о предыдущих указах^[301]. На наш взгляд, это стало следствием того, что авторитетные ученые в своем творчестве мало интересовались русским расколом, который находился на периферии их научных интересов.

Однако знакомство с документами позволяет утверждать, что известный Указ от 29 января 1762 года представляет собой лишь звено целой законодательной серии, кардинальным образом изменившей старообрядческую политику государства. За ним последовало очередное теперь уже до 1 января 1763 года продление сроков приема беглых из-за границы с перечислением тех же раскольников, купцов и крестьян, как и в указе 1755 года. Причем откровенно указывалось на незначительность пожелавших возвратиться в империю за прошлые годы^[302]. Упоминание же в Указе Петра III 1762 года дозволения вернувшимся людям совершать богослужения по старому обряду и книгам действительно выглядело новацией. Архивные документы позволяют говорить о целом переговорном процессе на сей счет между раскольниками и властями. В конце 50-х – начале 60-х годов XVIII века постоянно происходили контакты с рядом посредников от заграничных староверов, оговаривавших с чиновниками условия возвращения в Россию. Например, такой миссией был наделен записной раскольник Михайло Михайлов, в 1756 году доставлявший в Киевскую губернскую канцелярию письма из-за рубежа с просьбами подтвердить гарантии возврата, *«дабы они по добровольном выходе не были в России ни от кого истязаны»*^[303]. В 1760 году в Петербург доносил гетман Запорожского войска К.Г. Разумовский о посещении его крестьянином И. Арленковым для подтверждения подлинности объявленных призывов о беспрепятственном возвращении^[304]. Все эти посредники настойчиво интересовались дозволением отправлять церковную службу по старопечатным книгам, увязывая с этим обстоятельством скорый возврат в страну. Данный вопрос, учитывая его принципиальность, рассматривался Сенатом в конце елизаветинского правления. Характерно, что на заседании вновь

прозвучали слова о пользе государства, «когда беглецы в империю выйдут и подушные деньги в казну платить станут, нежели за границую в чужом»^[305]. После этого напоминания правительство решило, что позволить службы по старому обряду можно, но только при наблюдении, «чтоб они других людей вновь к своему суеверию не преклоняли и не подговаривали»^[306]. Такова подоплека того, как в Указе от 29 января 1762 года появился специальный пункт о разрешении совершать богослужения по старому обряду.

Елизаветинское правительство не ограничивалось неоднократными предложениями различным категориям беглых, включая раскольников, вновь обрести родину. Эти настойчивые призывы являлись составной частью утверждения курса на развитие торгово-промышленного сектора. К этим вопросам власти подходили с тех же фискальных позиций, видя здесь, наряду с расширением круга налогоплательщиков, серьезный источник увеличения бюджетных поступлений. Поэтому в повестку дня включалось создание условий для торгово-мануфактурной деятельности, так как, по сути, со времен Петра I крайне мало делалось в этом направлении. Теперь акцент делался не столько на поддержке конкретных лиц, сколько на формировании рыночной среды. Именно это внесло в повестку дня вопрос о расчистке внутреннего рынка страны, опутанного всевозможными региональными пошлинами. В таких условиях ни о какой полноценной рыночной торговле говорить не приходилось: таможенные барьеры вели к неоправданному удорожанию продукции и затрудняли товарооборот в целом. Конечно, власти знали об этих проблемах и раньше, но только елизаветинское правительство проявило политическую волю, решив кардинально изменить существующее положение. 20 декабря 1753 года был обнародован указ, уничтожающий на территории России многочисленные внутренние пошлины^[307]. Очевидно, насколько данная мера способствовала активизации именно внутрироссийской торговли. Собственно с принятия данного акта началось реальное структурирование торгового ландшафта империи. Как заметил С.М. Соловьев:

«русская земля была давно собрана, но внутренние таможни разрывали ее на множество отдельных стран,

уничтожением внутренних таможен Елизаветой заканчивалось дело, начатое Иваном Калитой»^[308].

Но для нас здесь наибольшую важность имеет другой аспект. Создание внутреннего российского рынка требовало определить, кто будет движущей силой этого экономического пространства, наполняя его реальным экономическим содержанием. Неповоротливое дворянство, далекое от торгово-мануфактурных дел, и пока еще малочисленное купечество были не в состоянии освоить открывавшиеся возможности. К тому же они, будучи традиционно завязаны на внешнюю торговлю и выполнение государственных заказов, с опаской относились к рыночной среде, считая ее недостаточно надежной. Все это хорошо понимал архитектор нового экономического курса П.И. Шувалов, а потому и делал ставку на самое многочисленное сословие страны -на крепостное крестьянство (другого просто не было). Это выглядело новаторски: ведь, напомним, людям из крестьянского сословия всегда запрещалось заведение фабрик и мануфактур, а организация так называемых «безуказных» производств, т.е. начатых без разрешения властей, жестко каралась конфискационными мерами^[309]. Мелкая крестьянская торговля представляла собой, по большому счету, обычный натуральный обмен, лишенный каких-либо фискальных перспектив. Только вовлечение как можно большего количества людей в товарно-денежную сферу могло преобразить экономику страны, став надежным источником налоговых поступлений в казну. Поэтому предложения П.И. Шувалова предусматривали создание условий для обширной крестьянской торговли. Собственно на решение этой задачи нацеливалась денежная реформа, проведенная в стране по его инициативе. Ее смысл заключался в вводе в обращение более мелких денежных единиц, что позволяло осуществлять, в первую очередь, незначительные и массовые торговые расчеты. Осознавая дефицит таких денег, правительство выпустило значительное количество медных и серебряных разменных монет^[310].

Стремление дать крестьянству предпринимательскую свободу вызывало немалые опасения со стороны старого купечества, привыкшего к системе опеки. Поэтому в процессе обсуждений проекты по поддержке крестьянской торговли смягчались с учетом

требований крупных купцов^[311]. Но главное было достигнуто: повсюду торгово-ремесленная сфера стала постепенно наполняться крестьянским людом. Важно особо подчеркнуть, что это стало возможным благодаря созданию условий не для избранных сверху купцов по типу «гостей» и «гостиной сотни», а для всех желающих заняться торговлей, ремеслами и промыслами. Очевидно, что этот подход заметно отличался от порывов Петра I, выхватывавшего годных людей для строительства мануфактур и фабрик в ходе случайных встреч. Здесь же мы наблюдаем стремление задать соответствующие параметры той хозяйственной среды, в которой можно самостоятельно проявить себя. Нетрудно догадаться, какие перспективы открывало утверждение такого экономического курса перед раскольничьим миром. Для староверов, по понятным причинам не очень надеющихся на власть, ослабление гонений на фоне приобщения к торговле и ремеслам создавало легальные возможности по укреплению жизни в никонианской действительности. И они не замедлили ими воспользоваться. Если в середине XVIII столетия позиции раскола в мануфактурах и торговле страны еще не были лидирующими, то затем положение довольно быстро меняется^[312]. Новые хозяйственные возможности предопределили возрастающее участие староверов в экономической жизни.

2. Староверческая модель капитализма

Продолжительное царствование Екатерины II стало ключевым для становления российского капитализма. Именно при ее правлении воплотились в жизнь те идеи, которые были сформулированы ранее. Благодаря фискальным наработкам новая императрица хорошо усвоила: сила государства заключается в народе, положенном в подушный оклад. Если же этот народ еще и занят делом – ведет торговлю, производит изделия, открывает мануфактуры – это благо: появляется дополнительный источник пополнения казны. А имеющее место религиозное брожение необходимо нейтрализовать, встроив отсталые элементы в общую политико-хозяйственную систему по принципу: вы платите налоги – мы вас не притесняем. Конечно, если речь не идет о крайних формах раскола, который не признает правительство, а потому считает себя свободным от экономических обязательств перед ним. Таково было кредо власти, двигавшейся по траектории западных держав.

В отношении к расколу Екатерина II следовала за двумя своими предшественниками по трону. Она активно продолжила политику по возвращению бывших подданных, тем более что негативные последствия миграции предыдущих десятилетий, имевшей и религиозную подоплеку, ни у кого не вызывали сомнений. По полученным правительством данным, к началу 60-х годов XVIII века в Польше и Турции, например, проживало не менее 1,5 млн бывших российских подданных и их потомков – это только мужского пола^[313]. Наиболее ранним и значимым на этом пути законодательным актом можно считать Манифест от 4 декабря 1762 года – о позволении всем иностранцам (кроме евреев) селиться в России. Особенно же он был обращен к бывшим подданным – к ним, помимо прочего, адресовалось материнское увещание^[314]. О том, что авторы манифеста рассчитывали на возврат прежде всего беглых россиян, красноречиво свидетельствует изданный спустя десять дней специальный указ – о позволении старообрядцам не просто приходить в отечество и селиться в «порожних отдаленных местах», но располагаться в губерниях Центра и Поволжья, перечисленных в реестре. Причем

текст указа был практически идентичен формулировкам манифеста^[315]. А через месяц с небольшим это предложение продублировал еще один указ, но уже с существенным дополнением: раскольники могут поселяться вообще где угодно, обид им чинить никто не посмеет^[316]. Все эти призывы сопровождались обещаниями различных льгот, освобождением от податей и работ в течение шести лет. Вместе с тем власть показала, что ее благорасположение имеет четкие пределы: оно распространялось исключительно на тех, кто самовольно покинул страну до опубликования Манифеста; если же это произошло после 4 декабря 1762 года, беглецов ожидали суровые преследования^[317].

Екатерина II сумела постепенно осуществить то, чего с 1755 года начинали добиваться ее предшественники. Мы имеем немало свидетельств о том, как утверждалась терпимость по отношению к расколу. Прежде всего, власти перестали игнорировать конкретные жалобы староверов. Так, были наказаны православный священник и дьяк, силою принуждавшие одного раскольника поклоняться иконе; тот, сопротивляясь, вышиб образ из их рук. Рассмотрев инцидент, Синод признал, что дерзость произошла не по вине раскольника, а из-за неправильных действий служителей господствовавшей церкви. Их подвергли наказанию, дабы, «на них смотря, другие впредь от таковых неприличных поступков остерегаться могли»^[318]. Была также удовлетворена жалоба записных раскольников одной из слобод Москвы по поводу хождения православных священников по их домам со святой водой. С означенных «пропагандистов» взяли подписку: записных раскольников более не тревожить, – а для лучшего усвоения этого обязательства сослали на месяц в монастырь^[319]. Уже в 1763 году власти, демонстрируя прекращение преследований, решили закрыть Раскольничью контору, занимавшуюся вероисповедными делами. Староверы перешли в юрисдикцию обычных судов, к которым относились все, находящиеся в подушном окладе^[320].

Примечательно, что прекращение гонений на раскол совпадает с началом отстранения от архиерейских должностей выходцев из Киевской духовной школы, которым со времен Петра I фактически принадлежала монополия на епископские кафедры в России. Со второй половины 1750-х годов постепенно происходит их замена на великорусских архиереев. Иерархия стала наполняться людьми,

психологически более пригодными для нового экономического и просветительского курса властей^[321]. Меняющееся отношение к расколу не могло остаться незамеченным: староверы, как свидетельствуют архивные документы, потянулись обратно. Например, по донесению одного из гвардейских офицеров, в крепость Св. Елисаветы прибыли поверенные от беглых некрасовцев численностью 70 тысяч дворов с просьбой предоставить им поселение на родине. Причем капитан сообщал, что они «просили горькими слезами, обливая мои ноги, заклиная меня Богом, чтобы я представил, дабы они могли возвратиться в любезное свое отечество»^[322].

И правительство явно не собиралось останавливаться на достигнутом, настойчиво продолжая свою политику. В мае 1779 года был опубликован Манифест, специально посвященный этой теме; в нем власти сделали акцент на *«сродном Нам человеколюбию и милосердии»* и вновь заявили о желании принять своих бывших подданных в течение двух следующих лет^[323]. По случаю открытия памятника Петру Великому в августе 1782 года были объявлены различные милости, среди которых значилось и очередное прощение всем ушедшим за рубеж в прежнее время^[324].

Какие же конкретные цели преследовало правительство, проводя такую политику? Об этом можно судить по программе освоения Новороссийской губернии, подготовленной в 1764 году. В соответствии с этим документом всем иностранным и российским подданным, прибывшим и выходящим из Польши и других мест, наряду с обработкой земель позволялось записываться в купечество. Любой желающий мог основать фабрику и завод, а губернские власти обязывались предоставлять для этого наиболее удобные места. Кроме того, создание пока еще недостаточно распространенных в стране производств давало право беспошлинных продаж как внутри империи, так и за ее пределами в течение десяти лет. Поощрялось распространение коммерции в крае и приграничных турецких владениях^[325]. Нетрудно заметить, что торгово-промышленная направленность составляет сердце-вину представленной программы.

И в дальнейшем все правление Екатерины II характеризуется уверенным продвижением к свободе предпринимательства в имперских масштабах. То есть каждому, независимо от звания и положения, разрешалось проявлять коммерческую инициативу –

насколько позволят финансовые возможности. Уже в 1769 году правительство даровало право всем, кто захочет, заводить ткацкие станы. Здесь действовал все тот же фискальный принцип: «сколь размножение всякого рукоделия служит к обогащению государства». Поэтому в указе четко прописывались параметры этого «обогащения»: с каждого стана по одному рублю или по одному проценту с капитала ежегодно. Причем квитанция по уплате налога заменяла какие-либо разрешительные документы^[326]. Еще одним важным шагом в поощрении предприимчивости стало позволение крестьянам принимать участие в откупках, чем те не замедлили воспользоваться^[327]. Взятый курс закреплял Манифест от 17 марта 1775 года «О Высочайшем даровании разным сословиям милостям, по случаю мира с Портой Оттоманской». Этот примечательный документ – сплав амнистии и льгот. Прощение и прекращение следственных действий для участников Пугачевского бунта (имевшего явно раскольничью подоплеку) объявлялось на фоне дарования экономических свобод. Узаконивалась конкуренция, подтверждался уведомительный порядок устройства любых производств, отменялись специальные сборы с фабрик и заводов^[328].

Эти меры вели к демонтажу прежней неповоротливой разрешительной системы и появлению на российском внутреннем рынке как можно большего количества субъектов товарно-денежных отношений, иными словами тех, кто способен вести торговлю, развивать ремесла, заводить мануфактуры. А наиболее массовым участником хозяйства являлось крепостное крестьянство, и без него оживление экономики едва ли было возможно. О том, насколько стремительно вживалось крестьянство в новые рыночные реалии, свидетельствуют дебаты о крестьянской торговле в ходе работы Комиссии 1767 года. Крупные купцы требовали ограничения растущей крестьянской торговли (вплоть до запрещения розничной), видя в ней подрыв своих коммерческих позиций^[329]. Дворянство же, напротив, поощряло участие крестьян в торгах и мануфактурах, усматривая здесь дополнительный источник дохода: по существу, в этом и заключалась главная причина интереса правящего сословия к внутренней торговле. Однако у властей планы были гораздо шире. Летом 1777 года вышел специальный указ, разрешающий крестьянам записываться в купечество. В этом документе, который декларировал развитие идей

Манифеста от 17 марта 1775 года, упоминались просьбы крестьянин с разных мест о вхождении в гильдии. Дозволение давалось любому крестьянину, обязавшемуся уплачивать гильдейский сбор, а также обыкновенные подати^[330]. Для социальных реалий страны этот шаг властей имел значение, которое трудно переоценить. Поток сельских коммерсантов преобразил российское купечество. Чтобы упорядочить формирующуюся предпринимательскую среду, государство утвердило единую для империи градацию из трех купеческих гильдий. Ранее величина сборов зависела от региона; теперь же гильдию стали определять строго по единой сетке, т.е. по определенной величине объявляемого капитала (третья от 500 до 1 тысячи рублей, вторая – от 1 до 10 тысяч, первая гильдия – от 10 до 50 тысяч). При этом важно, что объявление средств для зачисления в гильдии «оставлено на совесть каждому... и никаким об утайке капитала доносам и следствиям, нигде ни под каким видом места иметь не должно»^[331].

Крестьяне быстро адаптировались в стремительно расширяющейся рыночной среде, чего нельзя сказать о дворянстве и старом крупном купечестве. Уже к концу XVIII века купеческий состав претерпел невиданные изменения. Например, в Москве из действовавших в середине столетия 382-х первостатейных купцов, в 1790-х годах лишь 26 смогли сохранить свое положение. Такое резкое обновление объясняется массовым вытеснением прежних купеческих родов, главным образом, неизвестными предпринимателями из низов^[332]. В России этот процесс был интенсивным и протекал повсеместно, не случайно во многих серьезных исследованиях давно отмечено, что отечественный капитализм рос из крестьянского корня^[333]. Это подтверждают и такие данные: при Александре I на волю выкупилось около 30 тысяч душ мужского пола, т.е. разбогатевших крестьян, причем за выход из крепостного состояния помещикам выплачивались и весьма значительные суммы^[334]. В начале XIX века хозяевами 77% мануфактур различных отраслей являлись крестьяне и вышедшие из крестьянской среды купцы, и только 16% российских промышленных заведений принадлежали дворянам^[335]. О сохранении этой тенденции и в дальнейшем свидетельствует такая информация: в первой половине столетия в Москве в общей сложности известно около 900 имен владельцев промышленных предприятий. Историкам удалось выяснить

происхождение 400 человек: получилось, что 58 были из торгового купечества, 138 – из крестьян, 157 – из мещан и ремесленников, а только 20 являлись дворянами и 35 – иностранцами^[336]. Приобщению крестьян к коммерческим делам способствовало также законодательное ограничение барщины всего лишь тремя днями в неделю^[337] в сочетании с распространением оброка в денежной форме. И если в 1766 году крестьяне составляли только 2,6% среди торгующих в Москве, то в 40-х годах XIX века их доля превысила 42%^[338].

Бурный рост крестьянской торговли делал необходимым ее регламентацию. Так, в указе от 29 декабря 1812 года подчеркивалось, что данный акт направлен против «стеснения свободной промышленности крестьян». Их торги делились на четыре категории в зависимости от оборотов с выдачей соответствующих свидетельств, которые разрешали крестьянам вести такие же дела, что и купцам, но только без распространения на них купеческих сословных прав^[339]. В 1824 году торгующие крестьяне делились уже на шесть категорий – эта мера преследовала цель обложить налогом даже и мелких торговцев^[340]. Вообще фискальные цели оставались у государства определяющими в отношении всего предпринимательства. Раздражение правительства вызывали любые задержки по платежам в казну. Так, с купцов, допустивших недоимки по уплате гильдейского сбора (1% с капитала ежегодно), взыскивались пени в размере того же самого процента за каждый месяц задержки^[341].

Важно подчеркнуть, что на фоне широкого купеческо-крестьянского предпринимательства участие дворян в торговле и промышленности продолжало оставаться крайне слабым. Правящее сословие не реагировало на упреки отдельных энтузиастов, ратовавших за торговлю и промышленность:

«Дворянство английское, тамошние лорды, меньше ли вас благородны? Но они торгуют, они развели в своем государстве овец испанских, они завели отличные фабрики и мануфактуры... Не заслуживает ли это подражания?»^[342].

Но интересы отечественного дворянства традиционно продолжали вращаться вокруг сельского хозяйства. Оно неизменно

выступало за земледельческий статус России и развитие главным образом сельской экономики. Дворянская печать доказывала преимущества земледельческого труда перед фабричным, прямо противопоставляя эти сферы деятельности^[343]. Понимая это правительство, тем не менее, ни оставляло попыток вовлечь дворян в торговлю и промышленность – при Екатерине II не особенно активно, но с начала XIX века все более настойчиво. В 1802 году помещикам специально было дозволено самостоятельно вести оптовые торги за рубеж, тем самым коммерческие возможности для правящего сословия расширялись^[344]. А Манифестом от 1 января 1807 года дворянам-помещикам вообще предоставлялось право (которым они, надо заметить, пользовались крайне неохотно) записываться в первую и вторую купеческие гильдии^[345]. Затем правительство решило освоить и новые для России формы приобщения к торгово-мануфактурным делам: первое положение об учреждении акционерных компаний появилось в 1836 году^[346]. Вне всякого сомнения, данный шаг был рассчитан прежде всего на европеизированное дворянство, для которого подобный способ вхождения в капитал предприятий выглядел более привлекательным, нежели участие в чисто производственных хлопотах. Однако усилия властей не достигали поставленной цели: дворянство продолжало рассматривать торгово-промышленную деятельность как недостойную своего высокого статуса. Это хорошо передал И.А. Гончаров в знаменитом романе «Обломов»: его главный герой – дворянин-помещик до мозга костей – был возмущен предложением начать какое-нибудь предприятие, так как считал недопустимым делать из дворянина мастерового. Его коммерческое мышление ограничивалось лишь оформлением имения под залог в банке и существованием на положенные проценты^[347].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что с 70-х годов XVIII века и до середины XIX капиталистические тенденции в России протекали в своеобразных формах. Невосприимчивость правящего класса к торгово-ремесленному духу обусловила такое социально-экономическое явление, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает понятие купеческо-крестьянский капитализм. Во многом это положение объясняется слабостью российского города, не сразу аккумулировавшего торгово-промышленные процессы, развертывание которых стало прерогативой, прежде всего, сельского крестьянства.

Именно из крестьян рекрутировался костяк российской купеческой буржуазии. Например, в первой четверти XIX столетия при записи в купеческие гильдии и объявления капитала фамилии сплошь и рядом отсутствовали, а потому многие записывались так: *«прозвищем Сорокованова позволено именоваться 1817 года июля пятого»* или *«фамилиею Серебряков позволено именоваться 1814 года января 17 дня»*^[348]. Образовательный и культурный уровень купцов из крестьян был, конечно, невысок, однако их деловая сметка поражала современников. Вот одно из наблюдений с крупнейшей Нижегородской ярмарки, куда съезжалось все российской купечество:

«Поистине надо удивляться – как удивляются иностранцы – природной даровитости русской натуры, и именно даровитости к коммерческому делу, когда видишь, как самородные наши торговцы, едва умеющие разобрать купеческий счет и подписать вексель, справляются с этими иностранцами, большей частью прошедшими, до конторы, полный курс наук в средних и даже высших учебных заведениях»^[349].

Именно такие кадры крестьянского происхождения, а не дворянство, брезговавшее заниматься торговлей и мануфактурами, определяли лицо российского капитализма в дореформенную эпоху. Купечество той поры уже выходило с серьезными хозяйственными инициативами – например, о строительстве собственными силами железных дорог, что может принести необычайную пользу России: и когда *«дан будет русскому купечеству новый быт... оно будет выведено из зависимости иностранцев»*^[350]. Напомним, что в это же самое время главный экономический стратег николаевской эпохи – министр финансов Е.Ф. Канкрин ставил под сомнение целесообразность железнодорожного строительства в российских условиях!

В первой половине XIX века участие купеческо-крестьянских слоев в экономике России было по достоинству оценено видным историком и издателем Н.А. Полевым^[351]. Он рассматривал это сословие прежде всего как набирающий силу аналог классической западной буржуазии. Купечеству как наиболее деятельной части

общества, кормильцу миллионов россиян уготована роль локомотива развития, считал Полевой. Обращаясь к представителям сословия, он взывал:

«Если Россия есть земля надежд, вы одна из лучших надежд ее, вы, русские купцы, граждане, люди свежего и бодрого силами поколения. Вам принадлежит исполнить то, что мы в утешительной думе предполагаем для чести и славы Отечества»^[352].

На страницах своего популярного тогда журнала «Московский телеграф» (1825-1834 гг.) Н.А. Полевой постоянно помещал материалы о нарождающейся промышленности, в частности о таких новых явлениях общественной жизни, как публичные выставки мануфактурных изделий, проходившие в Петербурге и Москве. Причем эти материалы демонстрировали два разных подхода к организации выставок. В Петербурге преобладали столичный блеск и великолепие. В более практичной Москве выставки получались гораздо обширнее и богаче: это было не развлечение, а смотр результатов трудов. Здесь отразилась разность духа двух столиц: в Петербурге – политика, двор, близость Европы; Москва – «*матка нашей русской фабрикации*», никакой политики, вся биржа помещается на крыльце Гостиного двора, а предприятия работают, не думая о понижении или повышении курса облигаций^[353].

В этих словах – важный смысл с точки зрения не только региональных отличий, но и социально-экономических приоритетов. Н.А. Полевой упрекал правящий класс России в том, что он не хочет замечать достижений отечественной промышленности, предпочитая модные магазины с иностранными товарами^[354]. Региональное распределение потребления в стране имело ярко выраженную сословную составляющую: в северной столице удовлетворялись потребности преимущественно аристократии и правящего класса, тогда как центральный регион обслуживал низшие и средние слои населения. Поэтому в отличие от Петербурга именно Первопрестольная стала играть роль главного центра, из которого «*питаются торговые обороты Империи*»^[355]. Как подчеркивалось, на Руси нет ни одного уголка, где бы «не нашлось какого-нибудь

московского изделия, хотя бы прохоровского ситца или гучковского платка»^[356]. Купеческо-крестьянский капитализм вырос из недр внутреннего рынка страны. В первые десятилетия XIX века ежегодные обороты внутренней торговли, уже достигшие примерно 900 млн руб. , практически целиком приходились на произведенные и потребленные внутри страны промышленные товары. В то же время внешняя торговля, на 96% состоящая из вывоза зерна и сырья, уступала внутреннему торгу. Находясь в руках дворянства, экспортировавшего продукцию своих имений, и купечества крупных портовых городов, в стоимостном выражении внешнеторговые обороты не превышали 250 млн руб.^[357]

Кстати, растущая внутренняя торговля в дореформенное время протекала преимущественно вне бирж, появившихся в этот период. Этот торговый институт европейского типа не привлекал внимания русского купечества. Например, московская биржа, открывшаяся в 1839 году, не очень интересовала местные деловые круги: большинство не спешило посещать ее, предпочитая собираться в трактирах в ее окрестностях. Лишь в начале 60-х годов удалось буквально загнать купцов и фабрикантов внутрь здания^[358]. О тех же впечатлениях после посещения биржи в г. Рыбинске в 1843 году рассказывает и А. Гакстгаузен. Как он писал, «простые русские купцы не могут привыкнуть к этому новому учреждению» с его суетой и шумом. Они ведут переговоры в трактирах: там обсуждались большие дела^[359]. Вместо бирж, купечество куда более уютно чувствовало себя на ярмарках и розничной торговле. Например, за первую половину XIX века обороты Нижегородской ярмарки, обслуживавшей, прежде всего, российский рынок увеличились в 4 раза. К концу 50-х годов там реализовывалось продукции на 57 млн. руб., к этому надо добавить, что в только лавках и магазинах Москвы ежегодно в конце 40-х годов продавалось товаров примерно на 60 млн. руб.^[360]

Изучение купеческо-крестьянского капитализма требует дальнейшего расширения наших представлений об этой хозяйственной реальности. Но пока осмысление фактического материала происходит согласно традициям, присущим исследованиям капитализма классического типа. А ведь применительно к России это затрудняет выяснение природы протекавших здесь экономических процессов. Определить их специфику, опираясь на уже наметившиеся в

историографии подходы, – актуальная задача исторической науки. По нашему убеждению, исследовательские перспективы связаны с идеей о функционировании в России вплоть до середины XIX столетия не просто купеческо-крестьянского капитализма, но капитализма, сформировавшегося преимущественно в рамках старообрядческой религиозной общности. Однако при изучении этой сущностной особенности отечественного капитализма специалисты по-прежнему ограничиваются простой констатацией его конфессиональных черт.

Продвижение по этому пути необходимо начать с сопоставления как экономических, так и религиозных хорошо известных характеристик дореформенного периода. Общеизвестно, что в рассматриваемый период (начиная с семидесятых-восьмидесятых годов XVIII века и заканчивая серединой XIX-го) повсеместно развиваются ремесла и мануфактуры. И почти в каждое десятилетие этого периода промышленный потенциал российской экономики в среднем удваивался. При этом нельзя не заметить, что начало хозяйственного оживления, а затем и поступательный рост экономики совпадают с утверждением новой старообрядческой политики. Конец конфессиональным притеснениям был положен из прагматических соображений: на первый план вышли экономические потребности государства. Закономерным следствием этого поворота, который намечался еще в конце царствования Елизаветы I, стало постепенное возвращение староверия в общественно-экономическую жизнь.

Важная веха на этом пути – август 1782 года – выход знаменитого указа Екатерины II об отмене собирания с раскольников двойного оклада; таким образом, они приравнивались к остальному населению империи^[361]. Затем власти отказались от самого термина раскольники, разрешили принимать их судебные свидетельства и допустили к выборным должностям по Городскому положению 1785 года^[362]. В таких условиях староверие как религиозная общность пережило бурный расцвет. Как отмечали синодальные чиновники:

«зло усилилось до такой степени, какой и ожидать прежде было невозможно. Хотя раскол существует давно, но важнейшие успехи его принадлежат последней половине прошлого и началу нынешнего столетия (последние десятилетия XVIII и первые XIX века – А. П.), т.е. именно к

тому времени, которое отличалось крайней веротерпимостью правительства, и вместе с тем было временем общего преуспеяния отечества нашего»^[363].

Сопоставление развития купеческо-крестьянского капитализма и распространения старообрядчества подводит к мысли о том, что это не изолированные, а взаимоувязанные процессы. Русское крестьянство и выходцы из него – купцы всех трех гильдий – представляли народную среду с присущими ей традициями, бытом, языком. Объединительным началом выступала старая вера, являвшаяся своего рода идентификатором данного народного социума – главной силы торгово-промышленного развития в дореформенный период. Сравним свидетельства двух ключевых правительственных ведомств – финансов и внутренних дел, касающиеся Москвы. Из заключений МВД следовало, что раскол *«соединяется преимущественно по оконечностям города»*, где оседают массы староверов, половина из которых пришлые^[364]. А вот обращение московского гражданского губернатора в Министерство финансов (март 1845 года). Он пишет о превращении Москвы в крупнейший чисто мануфактурный центр, объясняя это в первую очередь тем, что:

«многие фабрики по недостатку у нас в людях, сведущих по сей части, и самим способом сбыта произведений нигде в другом месте, кроме окрестностей столицы, существовать не могут»^[365].

Оба эти высказывания убедительно иллюстрируют, какой же именно капитализм с конфессиональной точки зрения преобладал в крупнейшем фабричном центре империи. Для нас представляет интерес и такое наблюдение полиции: известный капиталист-беспоповец Е. Морозов (старший сын основателя династии Саввы Морозова) задался целью увековечить между раскольниками свое имя, присвоив его новому толку – морозовскому. Для этого он развернул пропаганду собственной персоны как защитника староверия, причем не где-нибудь, а по фабрикам и промышленным заведениям Москвы и Московской губернии, что указывает, где концентрировались раскольничьи гнезда^[366]. Добавим, что в Москве старообрядцами

являлось подавляющее большинство фабрикантов: из семнадцати крупных предприятий Лефортовской стороны всего лишь два принадлежали никонианам.^[367]

Заметим, что ключевая роль староверия в формировании российского капитализма отчетливо прослеживается и в региональных материалах. Так, на Украине раскольники заметно выделялись своей предприимчивостью среди местного населения. Известный российский статистик К.И. Арсеньев замечал:

«Пользуясь дозволением Екатерины II, раскольники поселились на Черниговских равнинах, внеся в Малороссию новую жизнь, своей деятельностью, трудолюбием далеко опередили малороссиян в промышленности...

Их посады наиболее зажиточные»^[368].

И действительно: например, в Каменец-Подольской губернии на 10 тысяч раскольников приходилось 200 человек купцов, а между мещанами и крестьянами господствующей церкви не имелось ни одного^[369]. Немецкий ученый барон А. Гакстгаузен, путешествовавший в 1843 году по ряду российских регионов, писал, что большая часть виденных им фабрик создана бывшими русскими крестьянами, не умевшими писать и читать. Среди этих вышедших из низов предпринимателей распространено староверчество, при этом *«между ними совсем нет дворян, как нет ни ученых, ни теологов»*^[370].

Эти факты свидетельствуют о взаимосвязи экономических и религиозных характеристик. Хозяйственные инициативы старообрядцев определили динамику купеческо-крестьянского капитализма. Экономическое развитие, основанное на единоверческой общности, сопровождалось не только расширением производств, но и распространением староверия. Торговые предприятия и мануфактуры, сосредоточенные в руках раскольников, становились центрами религиозного влияния, которые привлекали значительное количество людей, увеличивая численность старообрядческих обществ. Это дало основание известному историку С.А. Зеньковскому говорить о распространении раскола в России в соответствии с известным принципом *«чья страна, того и вера»*, но в применении к экономической сфере – *«чье предприятие, того и вера»*^[371].

Ярко выраженное староверческое лицо крестьянско-купеческого капитализма конца XVIII и первой половины XIX века вызывало в царской России неоднозначное отношение. Многие обращали внимание на своеобразие его истоков, или, говоря иначе, на особенности первоначального накопления. В купеческо-крестьянской экономике все процессы протекали настолько стремительно, что возникал вопрос: уместно ли в данном случае вообще говорить об этом -характерном для классического капитализма – этапе. Данное обстоятельство подметил А.Н. Островский в своих «Записках замоскворецкого жителя» (1846). Его рассказ об одном купце-раскольнике начинается таким образом:

«Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич, по замоскворецким преданиям, был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик»^[372].

Подобные примеры в российской действительности – правило, а не исключение. Знакомясь с историями успешных предпринимательских родов, мы сталкиваемся с одним и тем же явлением: большие средства внезапно оказывались в распоряжении людей, ранее занимавшихся разве что мелкой торгово-кустарной деятельностью. Невольно создается впечатление, что купцами и промышленниками становились случайные люди, волею судеб в мгновение ока оказавшиеся обладателями целых состояний. Неудивительно, что на столь благоприятной почве расцвели легенды о криминальном происхождении крестьянско-купеческого капитализма. Этому способствовали чиновничьи круги, в частности сотрудник МВД, а также известный специалист по расколу П.И. Мельников (А. Печерский). Объясняя, как бедные крестьяне, не имея за душой практически ничего, через несколько лет оказывались состоятельными предпринимателями и начинали ворочать миллионами, он предложил свою версию. Катализатором этих невероятных метаморфоз явилось, якобы, нашествие Наполеона в 1812 году. Французский император привез и сбросил в Москве фальшивые русские ассигнации, намереваясь дестабилизировать финансовую систему самодержавия.

Этим-то и воспользовались староверы: фальшивые деньги дали повод гуслякам, вохонцам и прочим заняться сверхприбыльным делом – благо было на кого списать свои деяния^[373].

Мнение о криминальных причинах стремительного обогащения вчерашних крестьян из староверов прочно утвердилось в России. Так, князь В.П. Мещерский, описывая наследнику Александру Александровичу (будущему императору Александру III) свои поездки по стране, сообщил о распространенном среди староверов производстве фальшивых денег, которые сбывались на Нижегородской ярмарке. Он рассказал, в частности, что происхождение богатства от подделки ассигнаций предание приписывает:

«знаменитому дому Морозовых, ныне владеющих громадными бумагопрядильнями...

Савва Морозов, глава этого дома, недавно умерший, вышел из Гуслиц и был там простым ткачом и вдруг стал со дня на день владельцем значительного капитала»^[374].

В литературе дореволюционного периода о подобных аферах раскольников повествовалось как о не вызывающих сомнения фактах. Например, близкий к славянофилам А.С. Ушаков в книге «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны» (1865-1867) писал, что в тридцатых-сороковых годах XIX века много незаметного народу «выходило в люди» из уездных городов, сел и посадов. В том числе и из старообрядческих районов, где:

«с доморощенными станками для фальшивых ассигнаций и вырастающими с помощью их бумагопрядильнями, так скоро и споро ковались русские купеческие капиталы»^[375].

Известный писатель-народник Н.Н. Златовратский, оставивший зарисовки русской деревни, характеризовал отношение к раскольникам как настороженное, замешенное на уважении и страхе; православные священники редко ездили в селения староверов. И хотя те жили аккуратно и зажиточно, ощущение, что «все это добыто ими не чисто», никогда и никого не покидало^[376]. Того же мнения

придерживался известный литератор, непосредственно вышедший из народа, – М. Горький. В его рассказах о купеческой среде неизменно упоминается сомнительное происхождение средств (фальшивые деньги, разбои, грабежи), с которых началось восхождение торгово-промышленных семейств^[377]. По словам Горького, эту уверенность ему еще в детстве (в конце 1870-х начале 1880-х) внушил дед. Он разъяснял внуку Алеше Пешкову, что все крупные купцы или их отцы староверческого Нижнего Новгорода – это бывшие фальшивомонетчики и грабители, которым, по народной пословице, просто повезло: «если не пойман, то не вор»^[378].

Для того чтобы описать староверческую модель капитализма в целом, необходимо проследить, как же на самом деле происходило становление раскольничьих хозяйств. На наш взгляд, криминальные версии, какими бы увлекательными они ни казались, несостоятельны. Более оправданной и убедительной кажется иная точка зрения: староверческий капитализм основан на общинном кредите, о чем свидетельствуют исследователи, обстоятельно изучавшие экономику староверия^[379]. Неслучайно религиозные воззрения раскола признали душеспасительной такую торгово-производственную деятельность, которая направлена на сохранение веры и поддержание единоверцев. Достижение этих целей являлось совместным делом, когда каждый вносил свой вклад в общие усилия. Общинный подход в экономике наиболее полно выражал духовно-нравственные ценности, лежащие в основе жизнедеятельности староверия. Конечно, этот подход не исключает возможности возникновения криминальных элементов, но определяющую роль они никак не могли играть.

Староверческий капитализм развивался не по классическим канонам, а по собственным духовным и организационным правилам. Они сформировались еще в первой половине XVIII века знаменитой Выговской поморской общиной и определялись необходимостью выжить во враждебной никонианской среде. Краеугольным камнем этого выживания стали отношения равенства всех членов общины – как в хозяйственном, так и в духовном смысле. Род занятий, положение в общине зависели от способностей каждого и от признания их со стороны единоверцев: простой крестьянин мог стать наставником или настоятелем. Это обеспечивала практика внутренней открытости и гласности, когда ни одно важное дело не

рассматривалось тайно. Любой имел право заявить свои требования, и они выслушивались и поддерживались – в случае, если другие считали их сообразными с общей пользой. В такой атмосфере решались также и ключевые хозяйственно-экономические вопросы. Содействие внутриобщинных сил, братское доверие позволили Выговскому общежителю скопить громадные капиталы – своего рода общую кассу для различных коммерческих инициатив^[380]. В результате Выговское староверческое общежитие трансформировалось в самодостаточную, независимую от властей структуру, развивающуюся по своей внутренней логике. Известный писатель М.М. Пришвин – выходец из старообрядческой среды – воспевал край Выга, где его предки *«боролись с царем Петром и в государстве его великом создавали свое государство»*, не совсем ему дружественное^[381].

Устройство Выговской общины послужило моделью для хозяйственной и управленческой организации старообрядцев по всей стране. Со второй половины XVIII века, т.е. когда начал складываться внутренний российский рынок и ослабли гонения, раскол превращается в прогрессирующую экономическую систему в купеческо-крестьянском облике. Уже в 1770-х годах, в правление Екатерины II, происходит легализация староверия посредством оформления его новых крупных центров в Москве и Поволжье^[382]. Выйдя из-за границы, из лесов и подполья, старая вера начала заполнять российские просторы, преобразуя их своей хозяйственной инициативой. Однако экономика, выросшая из раскольничьей религиозной идеологии, не была капиталистической в полном смысле слова. Ее движущая сила и назначение состояли не в конкуренции развивающихся хозяйств, как это происходило и происходит в Европе, а в утверждении солидарных начал, обеспечивающих существование во враждебных условиях.

Эта особенность не осталась незамеченной. В 1780-х годах князь М.М. Щербатов, говоря о старообрядцах, подчеркивал, что все они *«упражняются в торговле и ремеслах»*, демонстрируя большую взаимопомощь и *«обещая всякую ссуду и воспомоществование от их братьев раскольников; и через сие великое число к себе привлекают»*^[383]. В первой половине XIX столетия эта же особенность вызывает уже серьезные опасения. Как, например, у московского митрополита Филарета, объяснявшего распространение раскола

существованием в нем общественной собственности, которая, будучи его твердою опорой, «скрывается под видом частной»^[384]. К тому же раскольничьи наставники, проживающие не где-нибудь, а в столице на Охте (имелся в виду П. Онуфриев-Любопытный), в своих сочинениях открыто «проповедуют демократию и республику»^[385]. По убеждению знаменитого архиерея господствовавшей церкви, это доказывает, что раскол стал особой сферой:

«в которой господствует над иерархическим демократическое начало. Обыкновенно несколько самовольно выбранных или самоназванных попечителей или старшин, управляют священниками, доходами и делами раскольничьего общества... Сообразно ли с политикою монархической усиливать сие демократическое направление?»

– вопрошал митрополит Филарет^[386]. С ним нельзя не согласиться: очевидно, что собственность, принадлежащая не конкретным людям, а общине через механизм выборов наставников и попечителей, не могла быть частной. Хотя для внешнего мира и государственной власти она именно такой и представлялась. Внутри же староверческой общности действовало правило: твоя собственность есть собственность твоей веры. Как отмечал один из полицейских чиновников, изучавших раскол:

«Закон этот глубокая тайна только агитаторов (т.е. наставников, - Л. П.), но она проявляется в завещаниях богачей, отказывающих миллионы агитаторам на милостыни, и в готовности всех сектаторов разделить друг с другом все, если у них одна вера»^[387].

Факты подтверждают, что именно таким образом и функционировала раскольничья экономика. Обратимся, например, к знаменитому старообрядческому Иргизу с его монастырями. В финансовом отношении их основание связано с деятельностью волжского купца конца XVIII – начала XIX века В.А. Злобина, который оплачивал значительную часть расходов на их строительство и

содержание. Как водится, этот староверческий благодетель взялся словно бы ниоткуда: в молодости трудился пастухом, а выучившись грамоте, стал писарем в одном из селений. Но затем некие старики, убедившись в уме и деловых качествах молодого человека, решили вывести его в люди. У него быстро появляются деньги и общие дела с князем А.А. Вяземским, тогдашним генерал-прокурором, чьи владения простирались вдоль Волги. И за несколько лет В.А. Злобин превратился в миллионера. После 1785 года, когда староверам разрешено было занимать общественные должности, он избирался головой города Волгска. Его связям и знакомствам в Петербурге, в том числе и с министрами, могли позавидовать многие. Но главным делом В.А. Злобина всегда оставался Иргиз. Благодаря его доходам в монастыри лился денежный поток, благодаря его влиянию – получались все нужные административные решения и льготы. Однако славная история злобинской семьи завершилась так же стремительно, как и началась. Сам глава скончался в 1814-м, его сын погиб годом раньше в возрасте тридцати шести лет. А внук, законный наследник громадного состояния, успел вкусить столичной жизни и не пожелал приобщиться к вере своих предков. В результате после смерти жены В.А. Злобина – ревностной староверки, похороненной в одном из Иргизских монастырей, состояние семьи незаметно растворилось. Нерадивый внук получил в наследство от знаменитого деда какую-то деревянную чернильницу, несколько книг и поступил на службу в Петербурге – чиновником архива министерства иностранных дел^[388].

Принцип *«твоя собственность есть собственность твоей веры»* прослеживается и в хозяйственном укладе Преображенского кладбища в Москве. В распоряжении исследователей находятся донесения полицейских агентов, расследовавших деятельность московских старообрядцев во второй половине сороковых годов XIX века^[389]. Для внешнего мира это было место, где располагались погосты с богадельнями, приютами и больницей. На самом же деле «кладбище» служило финансовой артерией беспоповцев федосеевского согласия. По наблюдениям МВД, касса «кладбища» помещалась в тайниках под комнатами федосеевского наставника С. Козьмина^[390]. В них хранились общинные капиталы, направляемые по решению наставников и попечителей на открытие или расширение различных коммерческих дел. Единоверцам предоставлялось право пользоваться

ссудами из общинной кассы, причем кредит предусматривался беспроцентный, допускались и безвозвратные займы. Именно с этой помощью образовалось огромное количество торгов и производств^[391]. Однако вернуть взятое из кладбищенской казны и стать полноправным хозяином своего дела, т.е. попросту откупиться, не представлялось возможным. Можно было лишь отдать предприятие, запущенное на общинные деньги. Как известно, беспоповцы-федосеевцы не признавали брака, а значит, наследственное право не играло здесь роли, что усиливало общинное начало хозяйств. Воспитанниками Преображенского приюта были незаконнорожденные дети богатых купцов из разных регионов страны. Капиталами их отцов в конечном счете распоряжались выборные наставники и попечители Преображенского кладбища^[392].

Любопытно и наблюдение полиции за торговыми оборотами купцов Первопрестольной: оно показало, что перед пасхой, когда фабриканты отпускали рабочих по домам, то почти все владельцы православного исповедания постоянно прибегали к займам для проведения необходимых расчетов. Однако, купечество из кладбищенских прихожан никогда не нуждалось в деньгах: в их распоряжении была общинная касса^[393]. Все попытки выяснить хотя бы приблизительные объемы средств, которые циркулировали на Преображенском кладбище, ни к чему не приводили. Как утверждала полиция, немногие, кроме наставников и попечителей, осведомлены о реальном обороте общественных капиталов этого богадельного дома, а исчисление его доходов:

«едва ли может быть когда сделано при всех стараниях лиц, правительством назначаемых наблюдать за кладбищем»^[394].

Общинный характер собственности отчетливо просматривается в завещаниях староверов. Независимо от занимаемого положения раскольники с легкостью отдавали имеющуюся у них собственность и капиталы в распоряжение общин, а не законным с точки зрения правительства наследникам. Например, богатый купец Ф. Рахманов один миллион рублей отписал монастырю в Белокринице и на помощь бедным, другая же часть его капитала оказалась в распоряжении

купца-единоверца К.Т. Солдатенкова, предусмотрительно введенного в число душеприказчиков, положив начало его богатству; в результате деньги продолжали работать под прежним контролем^[395]. Иногда власти опротестовывали передачу собственности и средств, незаконную с точки зрения гражданского законодательства. Так, было признано не имеющим юридической силы завещание московской купчихи Капустиной о передаче дома и земли в пользу Рогожского кладбища после смерти ее мужа и сестры. Это решение вызвало бурную реакцию властей, которые запретили передавать имущество указанному адресату и распорядились отдать его только законным наследникам. Московский военный генерал-губернатор князь Д. Голицын указал по этому поводу:

«...Сие совершенно справедливо... и может быть полезно не только в настоящем, но и во многих других подобных случаях, и быть некоторым способом к обузданию раскола»^[396].

В Петербурге по духовному завещанию купца Долгова принадлежащие ему дома передавались Выголексинскому общежителю. Власти и здесь вмешались в ситуацию, обеспечив передачу имущества умершего его юридическим наследникам; буква закона была соблюдена: все досталось законной наследнице – купчихе Голашевой. Однако вскоре выяснилось, что она является владелицей лишь номинально, реальный же собственник – все та же Выголексинская община, на нужды которой и идут доходы этой купчихи^[397].

Вмешательство полиции в завещательные дела, ставшее постоянным с середины 1830-х годов, вызывало болезненную реакцию раскольников. Один из них обратился в МВД по поводу закрытия моленных в Москве и передачи домов, где они размещались, в пользу наследников. Ставя в пример Екатерину II, он писал:

«что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей, и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не

изнурен от разных приключений, особливо от поставленных над ними начальников и правителей»^[398].

Такое отношение к перемещению капиталов и собственности в рамках старообрядческой общности вполне объяснимо. Ведь эти процессы определялись сугубо внутренней конфессиональной логикой, тогда как из официального правового поля государства они выпадали.

Такими многообразными способами и перераспределялись финансовые потоки староверов, которые затем использовались на разных предпринимательских уровнях купеческо-крестьянского капитализма. Проиллюстрируем это на столь любимом историками семействе Рябушинских, точнее – на одном факте, сыгравшем ключевую роль в их восхождении. Основатель династии Михаил Рябушинский перешел в раскол из православия в 1820 году женившись на старообрядке (и сменив фамилию со Стекольников на Рябушинского). До этого он подвизался обычным мелким розничным торговцем, но благодаря коммерческим задаткам в новой среде получил более серьезную торговлю, став купцом третьей гильдии. В 1843 году произошло важное событие: супруги Рябушинские устроили брак своего сына Павла с А.С. Фоминой. Она была внучкой священника И.М. Ястребова – одного из самых влиятельных деятелей Рогожского кладбища, где ничего не происходило без его благословения. Доступ к денежным ресурсам сделал свое дело: уже через три года у Рябушинских появилась крупная фабрика с новейшим по тем временам оборудованием, и это позволило им подняться на вершины предпринимательства Москвы. Ко времени кончины основателя династии (1859) его капитал превышал 2 млн рублей^[399]. Как тут не согласиться с мнением, что:

«многие из главных московских капиталистов получили капиталы, положившие основание их богатству, из кассы раскольничьей общины»^[400].

Разумеется, подобная циркуляция денежных средств не могла быть отражена в каких-либо официальных статистических отчетах. Но о том, что дело обстояло именно таким образом, косвенно

свидетельствуют собираемые властями данные о действующих мануфактурах. В этих материалах обращает на себя внимание формулировка: фабрика *«заведена собственным капиталом без получения от казны впомощения»*; в просмотренном нами перечне, включающем более сотни предприятий московского региона, она встречается практически в 80% записей^[401].

Подобные источники финансирования крестьянско-купеческого капитализма были распространены повсеместно. О них дают представление записки Д.П. Шелехова, который в дореформенные годы путешествовал по старообрядческому Владимирскому краю. В одной сельской местности, в 16 верстах от г. Гороховца, Шелехов столкнулся с *«русскими Ротшильдами»*, банкирами здешних мест. Братья Большаковы располагали капиталом в несколько сот тысяч рублей, ссужая их промышленникам и торговцам прямо на месте их работы. Передача купцам и крестьянам денег – порой немалых – происходила без оформления какой-либо документации: на веру, по совести. Летом оба брата выезжали в Саратовскую, Астраханскую губернии для размещения там займов. Удивление автора записок не знало границ, когда при нем какому-то мужику в тулупе выдали 5 тысяч рублей с устным условием возврата денег через полгода. Опасения в вероятном обмане, высказанные им как разумным человеком, были отвергнуты. По утверждению кредиторов, такого не могло произойти, поскольку все не только хорошо знакомы, но и дорожат взаимными отношениями. К тому же о делах друг друга каждый неплохо осведомлен, и обмануть здесь удастся лишь один раз, после чего уже и *«глаз не показывай и не живи на свете, покинь здешнюю сторону и весь свой привычный промысел»*. Д.П. Шелехов заключает:

«Вот вам русская биржа и маклерство!. Господа писатели о финансах и кредите! В совести ищите основание кредита, доверия, народной совестью и честью поднимайте доверие и кредит, о которых так много нынче говорят и пишут ученые по уму, но без участия сердца и опыта»^[402].

Эти примеры убедительно доказывают, что рост купеческо-крестьянского капитализма происходил на общинных ресурсах.

Существовавшая в тот период финансовая система не была нацелена на обслуживание многообразных коммерческих инициатив, а кредитные операции в дореформенный период находились в руках иностранных банкирских домов, обеспечивавших бесперебойность интересовавших их внешнеторговых потоков^[403]. Банковские же учреждения России, созданные правительством, концентрировались на другой задаче: поддержании финансового благосостояния российской аристократии и дворянства, что обеспечивалось предоставлением им ссуд под залог имений. Что же касается кредитования непосредственно коммерческих операций, то для этого, начиная с 1797 года, открывались учетные конторы в Петербурге и Москве, а также в портовых городах: Одессе, Архангельске, Феодосии. Однако эти структуры, также, работали опять-таки только под залог экспортных товаров. В 1817 году они были преобразованы в Государственный коммерческий банк, с сохранением функций по обслуживанию исключительно экспортно-импортных операций. Неразвитость коммерческого кредита приводила к накоплению весьма значительных сумм, которые негде было разместить, кроме как под залог дворянской недвижимости. Этот процесс продолжался всю первую половину XIX века. Перед отставкой Министра финансов Е.Ф. Канкрин в 1843 году общие вклады в системе госбанков достигали 477 млн рублей; при этом выплачивать проценты по ним был обязан собственник, т.е. российское правительство^[404]. Отсюда правомерен вывод: вся государственно-кредитная система России имела целью лишь обеспечение интересов господствующего сословия – дворянства и не сыграла большой роли в мобилизации капиталов для промышленности^[405]. Купеческо-крестьянский капитализм формировался и существовал вне банковской системы того периода.

Продолжая его характеристику, следует обратить внимание на отношения, существовавшие внутри якобы капиталистических хозяйств. Восприятие их как общинной, а не частой (т.е. конкретно чей-то) собственности прослеживается не только у тех, кому было поручено управлять ею, но и у рядовых единоверцев, работавших на производствах. Вот одно из свидетельств конца XVIII века: в Хамовнической стороне Москвы двое братьев-купцов завели ситцевую фабрику. На ней трудились сто вольнонаемных мастеров, которые, как следует из документа, вели себя вполне самостоятельно, по-хозяйски

контролируя ход производства и время работы. Один из владельцев пошел на конфликт с людьми, причем поссорился не только с ними, но и с братом, который не поддержал его в этой ситуации. В результате для продолжения деятельности ему пришлось просить у власти разрешение на покупку трех сотен душ крепостных мужского пола с условием: где тех крестьян будет дозволено купить, туда фабрика и переедет. Этот пример показывает реальное положение и вес простых рабочих в делах того предприятия, на котором они трудились. Очевидно, данный случай выходит далеко за рамки представлений о наемном труде, свойственных классической капиталистической практике^[406].

Своеобразные отношения между рабочими и хозяевами фиксировали также внимательные наблюдатели. Православный священник И. Беллюстин, публиковавший заметки о старообрядчестве, описывал посещение сапожного производства в большом (в несколько тысяч человек) раскольничьем селении Тверской губернии. Староверы образовывали здесь артели по 30-60 работников, которые не только обладали правом не соглашаться с хозяином (т.е. с тем, кто представлял интересы работников вне их мира. – А. П.) по самым разным вопросам, но и могли подчинить его своему мнению. И. Беллюстин оказался, например, свидетелем горячих споров в артели о вере:

«...Тут нет ничего похожего на обыкновенные отношения между хозяином и его работником; речью заправляют, ничем и никем не стеснясь, наиболее начитанные, будь это хоть последние бедняки из целой артели; они же вершат и поднятый вопрос»^[407].

Хозяин в спорных случаях оказывался перед серьезным выбором: или подчиниться артели (а между артелями в селении существовала подлинная солидарность), или встать в разлад с нею, т.е. с целым обществом. Неудивительно, что, как правило, хозяин предпочитал первое, поскольку каждый, независимо от рода занятий и своей роли, был крепко вплетен в этот социальный организм.

Подобные отношения между работниками и хозяевами существовали и на появляющихся крупных мануфактурах. Например,

в староверческом анклав Иванове в 1830-1840-х годах уже насчитывалось около 180 фабрик. Имена их владельцев – Гарелины, Кобылины, Удины, Ямановские и др. – были широко известны в центральной России. Заметим, что возглавляемые ими предприятия состояли из артелей, являвшихся основной производственной единицей. Артель непосредственно вела дела, *«рядилась с хозяином»*, получала заработанное, т.е. оказывала ключевое влияние на весь ход фабричной жизни^[408]. В таких условиях сформировался особый тип «фабричного», «мастерового», психологически весьма далекий от обычного работника по найму в классическом капиталистическом смысле этого слова. Серьезно изучавшие дореформенную мануфактурную Россию, замечали: если высший класс с завистью, но без уважения относится к этим капиталистам из крестьян, то *«чернь... богатство их считает своим достоянием, выманивая его по частям посредством ловкости и хитрости»*^[409]. Это порождало разговоры о том, что фабрика портит народ, что под ее влиянием простолюдин утрачивает чистоту нравов. Официальные власти усматривали здесь криминализацию взаимоотношений, недоумевая: как могут простые фабричные работники держаться с хозяевами с наглой самоуверенностью и ставить себя с ними на равных? Эту черту фабричной жизни дореформенной России подметили и советские историки. Правда, их вывод был своеобразным: якобы *«фабричная жизнь начинала вырабатывать людей, не безропотно переносящих произвол и эксплуатацию»*^[410].

В заключение сделаем необходимые, на наш взгляд, обобщения. Очевидно, что целью любого правительства является получение как можно больших доходов. Кроме того, стремление закрепить за Российской империей статус полноправной европейской державы потребовало значительных финансовых средств и преодоления хронического бюджетного дефицита. Решению этих задач подчинялась коренная перестройка экономического организма страны. Ее ключевыми направлениями стали расширение круга налогоплательщиков, создание внутреннего рынка, развитие торговли и мануфактур. Новые условия стимулировали товарно-денежные отношения, что представлялось перспективным с точки зрения увеличения налоговых поступлений. Полномасштабно этот курс воплотился при Екатерине II: с семидесятых годов XVIII столетия в

России начался поступательный промышленный рост, основанный на свободе предпринимательства, а не только на государственной поддержке. Конечно, российские власти придерживались европейских сценариев, где опора на рыночный торгово-промышленный сектор стала залогом становления мощных экономик. Однако в России этот путь привел к другим результатам.

Напомним, что на Западе утверждение капитализма проходило в условиях, когда окончание религиозных войн в середине XVII века зафиксировало разведение противоборствующих сторон – католиков и протестантов – по странам. Данное обстоятельство имело огромное значение: статус победителя лишался какого-либо смысла, поскольку в государстве со своей верой в качестве господствующей нельзя чувствовать себя ущемленным. Так что бурный рост капиталистических отношений происходил, как правило, в однородных конфессиональных общностях. Они не были отягощены грузом религиозного противостояния: напряжение уходило в прошлое, уступая место либеральной терпимости. Другими словами, в Европе капиталистическое развитие не являлось средством выживания для той или иной конфессии. Экономика здесь основывалась на частной собственности, незыблемость которой стала принципом хозяйственного устройства, признанного всеми общественными слоями.

Российские же реалии были принципиально иными. Разрешение религиозного конфликта, не повлекшее территориального размежевания по европейскому варианту, привело здесь к сосуществованию на единой земле победителей и побежденных. Разумеется, последние находились в заведомо униженном положении и ощущали себя изгоями в обществе. Поэтому задача выживания – не только в хозяйственном, но и в духовном смысле – оказалась для них насущной. В таких условиях и началось в России распространение новых капиталистических веяний. При этом на существование раскола российские власти взглянули по-европейски, решив вовлечь в созидательные процессы всех, кто способен их поддержать, а религиозные нюансы сгладить веротерпимой практикой. Однако то, что подобные рецепты применимы лишь в европейской среде и малоэффективны в российского общественном пейзаже, тогда еще никто не осознавал.

Становление внутрироссийского экономического пространства открыло – прежде всего для староверия – невиданные перспективы. Энергия раскола постепенно трансформировалась в создание огромной хозяйственной корпорации, выросшей на религиозных старообрядческих структурах. Наиболее полно ее суть и отражает понятие купеческо-крестьянский капитализм. Именно старообрядческое крестьянство преобразило гильдейское купечество России. Капитализм же дворянский, иностранный в первой половине XIX века играл незначительную роль, поэтому внутренний рынок стал экономической вотчиной раскола. Однако капитализм в купеческо-крестьянском облике преследовал свои цели. Увидев новые возможности, староверие направило все ресурсы на приспособление к чуждой ему действительности никониан. Это выразилось в общинных принципах ведения хозяйства, где институт частной собственности и конкурентные начала играли второстепенную роль.

Осознанное стремление властей развивать промышленность на принципах частной собственности и конкуренции привело на практике к возникновению хозяйственного уклада, который эти базисные основы экономики отвергал. Возникновение такой модели, имеющей мало общего с классическим капитализмом, и стало следствием специфики конфессиональной рассортировки, что и предопределило своеобразие российского капитализма как хозяйственно-управленческой системы, предназначенной для противостояния никонианскому миру.

Глава третья

Траектории пореформенного старообрядчества

1. Силовое переформатирование старообрядчества

«Просвещенный абсолютизм» Екатерины Великой и Александра I, ослабивший притеснения раскола, способствовал его вовлечению в экономику. Старообрядцы выступили в качестве движущей силы, энергично приступившей к торгово-промышленному развитию; в первой половине XIX века ими был успешно освоен внутренний рынок страны. В итоге уже на рубеже веков раскол из религиозной общности трансформировался в обширную экономическую корпорацию, выстроенную на конфессиональных связях. Как отмечал немецкий барон А. Гакстгаузен, в 40-х годах XIX столетия изучавший Россию:

«при каждом новом законе, вопросах церкви, внутренней политики, при предложении каких-либо улучшений или изменений – всегда ставится втайне вопрос: что скажут на это староверы?»^[411].

Российские власти, по примеру европейских соседей, стремились к расширению торгово-мануфактурного сектора экономики, связывая с ним перспективы развития. Однако фактически эти процессы протекали вне рамок правящего сословия: дворянство оставалось чуждым коммерческо-производственным делам, брезгуя заниматься ими. Поэтому подобная деятельность и стала ресурсом экономической самоорганизации тех, кто находился в государстве на периферии общественной жизни, т.е. старообрядцев. Раскол становится хозяйственным механизмом для выживания определенной конфессиональной общности. Это обстоятельство кардинально отличало российское буржуазное становление от классического западного пути. Вспомним известную мысль М. Вебера о том, что именно религиозное течение Запада – протестантизм – породило капитализм. Знаменитый социолог в исторической ретроспективе продемонстрировал, как протестантская психология формировала новые реалии, становясь источником прогресса экономики^[412]. Надо

заметить, в литературе распространено мнение и о русском религиозном расколе как о факторе, имевшем примерно то же значение для развития капитализма в России, что и протестантизм для Запада. Однако, в силу специфических особенностей, о которых мы говорим, можно утверждать, что религиозное течение старообрядчества порождало не капитализм (по аналогии с Европой), а социализм. Существование в лоне никонианского государства предопределило иную организацию хозяйственной модели староверов, нацеленной на извлечение прибыли не для процветания отдельных личностей, а для содержания социальной инфраструктуры и нужд своего согласия. Общественная собственность, экономическая солидарность, а также соответствующее им управление – эти механизмы позволяли расколу аккумулировать материальные и духовные ресурсы. Именно на основе этих принципов староверы, восприняв экономические сигналы государства и окунувшись в торгово-мануфактурные реалии, приступили к строительству своего социально ориентированного хозяйства.

Для властей такое социальное предназначение внешне сугубо капиталистической экономики в течение нескольких десятилетий оставалось малопонятным. Российские монархи – Екатерина II и Александр I, – придерживаясь просветительских идей, претворяли в жизнь европейские принципы предпринимательства, расширения пределов веротерпимости и т.д. Они были глубоко убеждены, что этот путь, успешно апробированный Западом, сформирует развитый промышленный сектор, а главное – устранил нежелательные религиозные явления, которые в новых условиях просто потеряют какую-либо актуальность. Однако, спустя полвека трудов на этой благородной ниве правительство уже Николая I вынуждено было подводить совсем иные итоги. Старообрядчество в России не только не угасло, но, вопреки прогнозам почитателей «просвещенного абсолютизма», переживало небывалый подъем. Причем довольно четко прослеживалась связь между расцветом старообрядчества и динамикой торгово-мануфактурного сектора, ставшего экономическим обеспечением бурного конфессионального роста. С середины 30-х годов XIX столетия власти с удивлением обнаружили в жизни прогрессирующего раскола черты, зримо напоминающие коммунистические идеалы общественной собственности и управления.

Напомним, что такое социальное устройство как раз в то время активно популяризировали некоторые европейские мыслители. Разумеется, это обусловило пристальное внимание российского самодержавия к подобным проявлениям и на местной почве. В николаевское правление силы правопорядка приступили к тщательному наблюдению за внутренней жизнью этой религиозно-экономической корпорации. В полицейском корпусе источников того периода содержится материал об общественном характере ведения хозяйства и управления расколом. Выявленная практика всерьез беспокоила правительство: она прямо противоречила государственному монархическому строю и развитию экономики на рыночных началах.

И ответная реакция властей не заставила себя ждать. После целой эпохи терпимого отношения старообрядчество вновь подверглось тотальному наступлению, предпринятому Николаем I в духе уже подзабытых времен. Со второй половины 30-х годов XIX века постепенно, но неуклонно накладываются ограничения на деятельность крупных раскольничьих центров в Москве, а такие староверческие «мекки» общероссийского значения, как Иргиз и Керженец, под силовым давлением государства прекращают свое существование. Усилия властей концентрировались, помимо религиозной, на финансово-имущественной сфере, которая обслуживала внутренние конфессиональные потребности, а не функционировала в соответствии с буквой имперского законодательства. Правительство стремилось пресечь незаконную циркуляцию капитала и собственности староверов, ввести этот хозяйственный оборот в рамки легального правового поля и подорвать тем самым экономические опоры старой веры. Власти около двух десятков лет бились над решением данной задачи, с завидным упорством утрамбовывая раскольничье сообщество. Но принимаемые меры не давали желаемого результата, поэтому в первой половине 1850-х годов, в конце николаевского царствования, власти предприняли невиданные шаги по искоренению раскола, потрясшие и в конечном счете трансформировавшие его хозяйственные и управленческие основы.

Поводом стали очередные факты отчуждения собственности у законных наследников по решению староверческих наставников. Все

началось с одного конкретного случая. В Москве жил богатый купец федосеевского согласия, чьим правопреемником являлся его племянник. В начале 1853 года купец скончался. Однако старшины Преображенского кладбища по каким-то причинам сочли его родственника недостойным принять капитал дяди. Перед смертью последнего они переоформили завещание, и племянник, ожидавший наследства, остался ни с чем. В итоге он обратился в полицию; начавшееся следствие посчитало, что купец умер насильственной смертью, в преступлении заподозрили видных федосеевцев – Ф.А. Гучкова и его сына Ефима. Дело дошло до Министра внутренних дел Д.Г. Бибикова и вызвало далеко идущие последствия для староверия в целом^[413]. Если Гучкова и еще нескольких наставников, замешанных в этом деле, выслали из Москвы, то Преображенское, а вскоре и Рогожское кладбище со всеми их заведениями закрыли, разместив на их территории единоверческие храмы. Примечательно, что не выяснение тонких различий в вероисповедании, а очередной эпизод с манипуляциями денежными средствами раскольников исчерпал терпение правительства, послужив основанием для принятия крутых мер. Хотя духовная администрация Русской православной церкви в течение долгих лет предлагала светским властям ликвидировать раскольничьи центры, ее настойчивые просьбы ни к чему не приводили. Например, в 1844 году Московский митрополит Филарет оповестил общественность о перехваченной полицией грамоте на имя одного наставника с Преображенки об управлении, ни много ни мало, «саратовскою стороною». Причем этот деятель оказался ранее высланным в Закавказский край за пропаганду раскола и по документам числился там умершим еще в 1840 году, но, как выяснилось, постоянно проживал по фабрикам Москвы и губернии, пользуясь уважением единоверцев. Тем не менее, предложение известного архиерея о закрытии кладбища ввиду выявленных обстоятельств осталось тогда без последствий со стороны МВД^[414]. А вот не прекращавшееся перераспределение староверческого капитала и собственности вызвали у властей гораздо большую заинтересованность.

Николай I и его правительство не ограничились закрытием главных старообрядческих центров; желая окончательно и бесповоротно подорвать экономическую мощь старой веры, они

решились на беспрецедентный по своему масштабу шаг. Высочайшим повелением с 1 января 1855 года *«не принадлежащим к святой церкви»*, т.е. раскольникам независимо от согласия, давалось право пребывать в купеческих гильдиях лишь временно, сроком на один год. Желающие же находиться в гильдиях на постоянной основе обязательно должны были представить документы, подтверждающие их принадлежность к господствующей церкви или к единоверию. Запрещалось также утверждать староверов в должностях по общественным выборам, удостаивать их наградами и отличиями. Дела о браках и детях раскольников следовало вести на основании метрических записей приходов РПЦ^[415]. Введение данных ограничений можно квалифицировать не иначе, как коллапс всей староверческой жизни. Из утвержденных правил следовало, что лица, записанные в гильдии на временном праве, теперь относились к податному состоянию, а значит, с них, кроме гильдейских пошлин, взимались подушная подать и другие взносы, положенные мещанам. Если это еще можно было пережить, то вот с обязанностью нести рекрутскую повинность дело обстояло совсем неприятно. В завершение всего раскольники, права которых ранее определялись полицией, теперь одним росчерком пера лишались возможности доказать законность происхождения своих детей; сила полицейских свидетельств уничтожалась, а метрических свидетельств от господствовавшей церкви староверы никак предоставить не могли. Купцы-раскольники оказались перед угрозой жесткого выбора: менять веру или лишиться всего. Конечно, такой удар метил в торгово-промышленные верхи староверческого мира, в тех, кто являлся, по мнению властей, главной опорой раскола. Комментируя данные меры, синодальные чиновники разъясняли, что бедный класс ничего от них не теряет, а стеснение *«только богатым раскольникам, и то зависящее от их же доброй воли, ибо как они подчинятся общему государственному порядку, то всеми правами воспользуются»*, ведь *«богатые не теряют ни своего богатства, ни средств его увеличивать, а только лишением преимуществ ограничиваются в вредном влиянии своем на массы»*^[416].

Деморализованное староверческое купечество потянулось менять веру, во избежание краха ему не оставалось ничего, кроме как подчиниться закону или, точнее, сделать вид, что навязываемые

правила игры приняты. На Преображенском кладбище многие из купеческого костяка во главе с сыновьями отправленного к тому времени в ссылку Ф.А. Гучкова^[417] - Ефимом и Иваном – записались в православие или единоверие. На самом кладбище – центре российских федосеевцев – быстро соорудили православный храм. О нем миссионеры РПЦ говорили: с виду как обычная церковь, но алтарь какой-то ненастоящий, мнимый, *«как вставной стеклянный глаз у человека, только обманывает с первого раза своей наружностью»*^[418]. На Рогожском кладбище к концу 1854 года, когда истек срок объявления капиталов на новый год, часть купечества ринулась в православие, так что священники московских церквей не успевали по всем правилам совершать надлежащие обряды. Полторы тысячи богатых прихожан кладбища приняли православно-единоверческое обличье^[419].

Очутившись в подвешенном состоянии, цвет российского купечества бросился выправлять положение, к чему располагали и скоропостижная кончина императора Николая I, и восхождение на престол прогрессивного Александра II. Всего за несколько месяцев 1855 года правительство оказалось завалено обращениями обиженного купечества^[420]. В одном из прошений на высочайшее имя купцы-раскольники напоминали о приносимой ими пользе государству: они-де в течение многих лет:

«доставляли безбедное пропитание многим тысячам семейств... а оборотами на всех ярмарках приводили в движение отечественные капиталы».

Они настойчиво уверяли, что разность в религиозных убеждениях здесь совершенно ни при чем, она нисколько не мешает делать полезные для отечества дела^[421]. Но власти даже при новом монархе явно не торопились идти навстречу не смолкавшему хору просьб, ограничившись мелкими послаблениями. С осени 1855 года приостанавливалось привлечение к рекрутским повинностям состоящих на временном праве купцов. Это представлялось разумным шагом, поскольку под рекрутской угрозой находилось и мелкое купечество, и крупные предприниматели, что серьезно расстраивало всю торгово-промышленную сферу. Да еще московский военный

генерал-губернатор А.А. Закревский, превративший рассмотрение ходатайств старообрядческих воротил в прибыльный бизнес, добился для себя права ограничивать действие новых правил для тех представителей делового мира Москвы, чья благонадежность не вызывала у него сомнений^[422]. Разумеется, это касалось определенных исключений и на общую ситуацию влиять никак не могло.

Насколько серьезно были настроены власти по отношению к нововведениям, демонстрирует один случай. В начале 1857 года несколько московских купцов объявили, что они издавна находились в расколе, но по требованию начальства, а не по собственному желанию, вынуждены были присоединиться к православию. Эта новость стала поводом к расследованию, которое выявило 83 семьи купцов третьей, иногда второй гильдии (всего около 400 человек), зачисленных в православие без соответствующих религиозных убеждений. По их показаниям, они расписались в каких-то бумагах у священников РПЦ, но за что – точно не знают и по-прежнему хотят быть по старой вере. Однако столкнувшись с жесткой позицией властей, обвинявших их в обмане и неискренности, купцы предпочли не развивать данную тему. Интересно, что следствие предъявило претензии и к православным священникам, которые постарались замять это неудобное для них дело, доказывая властям правильность своих действий по пополнению паствы^[423].

Подобные случаи убеждали, что положение с временным правом для староверческого купечества – не кратковременная кампания, а серьезная политика правительства по отношению к раскольничьей экономике. Помимо психологического дискомфорта, который пришлось испытать старообрядческому торгово-промышленному миру, этот примененный властью болезненный механизм преследовал главную цель. Записавшись в православие или оказавшись на временном праве, т.е. пройдя через процедуры государственно-церковной регистрации, купцы-староверы и члены их семей с правовой точки зрения оказались сильнее привязаны к своим торгово-промышленным делам. Ведь по законам Российской империи именно они рассматривались как законные обладатели имущества и капиталов. И теперь, после такой официальной фиксации юридических прав, смену собственника по инициативе раскольничьих наставников или советов провести стало гораздо сложнее, чем ранее. Прежде всего, это

относилось к крупным коммерческим предприятиям, ставшим слишком заметными, чтобы беспрепятственно (без законных на то оснований) проводить смену легальных владельцев. Решения каких-то малопонятных и абсолютно нелегитимных структур власть, даже с учетом немалой коррупции, признать не могла, а теперь и не желала. Юридический фактор становился все более весомым аргументом, а общинные возможности раскола управления своими торгово-экономическими сетями резко снижались. Поэтому закономерно, что с 60-х годов XIX века появление новых крупных купцов-старообрядцев практически прекращается, позиции же известных фамилий закрепляются. Именно с этого времени торгово-промышленное сословие становится гораздо менее подвижным, чем в дореформенный период, слабеет и привлекательность купеческого звания^[424]. К тому же после отмены крепостного права упразднялась наиболее массовая – третья – гильдия, а приобщение сразу к крупной коммерции являлось делом довольно трудным. Характерно, что купеческое сословие в 60-70-х годов XIX века стало пополняться в основном за счет иностранных предпринимателей. Так, в Москве за эти десятилетия в первую гильдию были включены 60 иностранных подданных, 10 дворян и уже только 8 выходцев из крестьян^[425]. Об обновлении купеческих кадров из крестьянских низов теперь говорить уже не приходилось. Все это привело к довольно быстрому переформатированию староверческой системы. Раньше главенствующую управленческую роль играли советы, наставники, попечители, а частно-семейное владение выступало своего рода адаптером по отношению к властям и официальному миру. Теперь же, в новых условиях жестокого государственного контроля, акценты смещались в сторону тех, кто управлял торгово-промышленным делом, и их наследников.

Говоря об этих кардинальных переменах в старообрядчестве, крайне важно подчеркнуть, что они совпали с начатыми сверху реформами, форсировавшими капиталистическое развитие страны. Отмена крепостного права в 1861 году не только освободила крестьян, но и интенсифицировала вовлечение правящего сословия в промышленную деятельность. Наблюдается рост предприятий, учреждаемых дворянами и иностранцами с привлечением заметного финансирования. Начиная с 60-х годов XIX столетия страницы

«Полного свода законов Российской империи» пестрят утверждением уставов товариществ и обществ в разных отраслях промышленности^[426]. 1 января 1863 года вышло в свет «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов», регулировавшее в империи коммерческую деятельность^[427]. Этот базовый законодательный акт определял круг ее участников и устанавливал порядок налогообложения. Логика документа определялась утверждением права всем, независимо от состояния и сословия, заниматься торговлей и промышленностью^[428]. Запрещение касались лишь церковнослужителей РПЦ, протестантских проповедников, низших воинских чинов. Нельзя не обратить внимание на такой пункт:

«Всем без изъятия лицам, состоящим на службе государственной или по выборам, а равно их женам и детям, дозволяется беспрепятственно получать свидетельства купеческие и промысловые. Лица эти могут вступать в подряды и поставки на общем основании, за исключением лишь тех ведомств, по которым они состоят на службе»^[429].

Легко представить, к чему приводила такая разрешительная практика. Это чиновничье «эльдorado» омрачалось только тем, что в случае банкротства коммерческого предприятия чиновник, участвовавший в нем, подлежал увольнению со службы. «Положение...» было продублировано через пару лет, в 1865 году. Разница состояла только в более обстоятельном прописывании фискального порядка, сбора сведений о торгах и промыслах, взимания недоимок и т.д. К тому же под налоговое обложение теперь попадали даже мелкие хозяйства, с количеством работающих менее 15 человек и не применяющие машинные средства, чего не предусматривал предыдущий вариант^[430]. Этот юридический документ выразил стремление правительства всемерно расширять круг участников товарно-денежных отношений, но вместе с тем давал понять, что отныне они будут функционировать в рамках строго установленных правил и на основе понятных капиталистических ориентиров, а не каких-либо иных представлений о хозяйстве.

Мощное развитие классических форм экономики на фоне деморализации хозяйственной модели раскола представляло для него

серьезнейший вызов. Патриархальное, в сущности, староверческое хозяйство выглядело оптимальным в условиях общей неразвитости финансовых институтов. Старообрядческая экономика, как и всегда, работала на себя, что было обусловлено ее историческими корнями. Но рядом с ней вставала другая реальность, живущая по классическим законам капитализма, с конкуренцией, прибылью, биржевой капитализацией. В эти реалии погружался правящий класс тогдашней России. Он располагал максимальной поддержкой правительства и казны, обширными связями с европейскими финансовыми и интеллектуальными ресурсами. И эти факторы все больше определяли динамику российской экономики, а прежние конкурентные преимущества староверческих хозяйств уже не выглядели столь привлекательными. Торгово-промышленные верхи раскола прекрасно понимали происходящее вокруг. Крупные капиталы, которыми они располагали, теперь были обязаны работать не по старинке, а с учетом новых условий. Это в первую очередь требовало приобщения к финансово-экономическим механизмам, запущенным государством, исключая возможность пребывания в подвешенном состоянии на временном купеческом праве. Без сотрудничества с властью перспективы коммерческого развития выглядели довольно туманными.

Однако налаживание такого сотрудничества являлось вовсе не простым делом. Российская власть направляла усилия на поддержку предпринимателей из правящей элиты, не стремясь навстречу чуждым ей миллионерам из крестьян. Правительство смотрело на них как на представителей другого мира, где еще бродил мятежный дух протеста против «царствующего дома», дворянства и РПЦ (вынужденные записи в православие в действительности мало кого обманывали). Да и каким еще могло быть отношение к людям из среды, где царила убежденность, что «государство русское лишено божьей благодати и состоит под влиянием дьявола», где выработаны взгляды на воплощение антихриста в императорах романовской династии с Петра Великого до Николая I?! В последнем усматривали очередное обновление антихриста, так как имя Николай получило распространение только после падения благочестия на Руси: ранее никакого св. Николая здесь не существовало, а в святцах были лишь Николы^[431]. Очевидно, с таким багажом какой-либо конструктив с властями был в принципе невозможен.

Выход из тупика лежал только через осуждение и отказ от идейно-религиозных наработок раскола. Отказ от них, вне всякого сомнения, должен был провоцировать серьезный конфликт во всем староверческом мире, так как затрагивал самые основы его существования. Но предполагаемые выгоды для управляющих староверческой экономикой, стремительно вживавшихся в роль подлинных хозяев, перевешивали опасности, с которыми предстояло столкнуться. В феврале 1862 года по инициативе попечителей и ряда видных прихожан Рогожского кладбища собор старообрядческих архиереев обнародовал «Окружное послание единой, святой, соборной, древлеправославно-кафолической церкви». Документ решительно и торжественно отмежевывался от прежней староверческой идеологии, предавая анафеме десять «тетрадей», распространенных и уважаемых в раскольничьих массах. В этих «тетрадах» обосновывалась вся эсхатология староверия последних двухсот лет, теперь же эти воззрения, сильно мешающие верхам поповского старообрядчества, устами «освященного собора» объявлялись кощунственными. Как оповещало «Окружное послание...», российский император есть лицо боговенчанное и богохранимое, о нем нужно творить неустанные моления; а православная синодальная церковь – совсем не прислужница антихриста, так как верует в того же Бога и только лишь по внешним атрибутам отличается от старообрядческой. Особый акцент при разборе старых идей делался на неприятии крайностей беспоповских писаний^[432].

О том, насколько велика была потребность в издании подобных текстов у вдохновителей «Окружного послания...», свидетельствует следующий факт. Не успело оно распространиться среди раскольничьих масс – которым формально и предназначалось, – как верхи московского купечества кинулись в Петербург, добиваясь аудиенции у самого Александра II. Всего через три месяца после выхода «Окружного послания...», в июне 1862 года, группа фабрикантов из Москвы была принята императором. При его выходе вся ожидавшая делегация бросилась на колени и, несмотря на просьбы Александра, долго не вставала на ноги. Промышленники преподнесли ему хлеб-соль на фарфоровом блюде с горячей благодарностью за освобождение от крепостного права^[433]. Но и купечество

беспоповских согласий, обильно политое грязью рогожанами, не думало отставать: менее чем через год, уже в апреле 1863 года, группа из девяти федосеевцев – представителей обеих столиц – также побывала у российского самодержца. На аудиенции они огласили адрес – от своего имени и от имени всех верноподданных собратьев (всего 405 подписей):

«...Мы – твои верные подданные. Мы всегда повиновались властям предержащим, но тебе, Царь-освободитель, мы преданы сердцем нашим... Престол твой и русская земля не чужое добро нам, а наше кровное. Мы не опоздаем, явимся на защиту их, отдадим за них все достояние и жизнь нашу»^[434].

Видимо, подобные сцены пришлись по вкусу Александру II, который заметил в ответном слове, что, хотя ему и чернили старообрядцев, он этому не верил, а потому по-отечески их не оставит^[435].

Такой поворот старообрядческой элиты шокировал тогда многих, и прежде всего простых единоверцев. Если приведенные выше откровения верхов беспоповцев не особо раздражали массы, так как были предназначены для правительственного потребления и потому оставались малоизвестными, то с поповскими новациями дело обстояло сложнее. Выход «Окружного послания...» буквально потряс поповское согласие, став источником большой смуты. Это хорошо передано в одном письме, адресованном всероссийскому собору епископов:

«Извещаем Вам боголюбивым епископам, что в нашей епархии через “Окружное послание” многие христиане отпали духом и верою от святой церкви, даже через то послание потеряла церковь свое доверие, то есть не идут на покаяние и не приступают к святым тайнам, даже и не хотят соединяться в моление с пастырями».

Причем речь шла не о каких-то отдельных случаях, а о тысячах и тысячах. Поэтому авторы предлагали уничтожить послание его

несправедливыми доводами и успокоить тем самым церковь Христову^[436]. Такая позиция отражала крайнее недовольство старообрядческих масс: как говорилось в одном из писем паствы, все это *«изумило и окончательно опечалило... и привело в какой-то темный и непроницаемый лабиринт недоразумений»*^[437].

Начавшиеся волнения приобретали небывалый размах. Положение усугублялось еще и тем, что эти раздоры попытался использовать в своих целях ряд купцов и фабрикантов, неудовлетворенных своим положением и весом в поповском согласии. Они возглавили движение против «Окружного послания...», поддерживая имидж ревнителей старины и благочестия. Очагом сопротивления стали районы Гуслиц, Клинцов и др. Успех в борьбе сопутствовал то одной, то другой стороне. Каждая добивалась поставления своих епископов, которые осыпали друг друга проклятиями. Компромиссные варианты разрешения ситуации явно не пользовались популярностью. Доходило даже до того, что сторонники «окружников» в 1866 году потеряли контроль над своим форпостом – Рогожским кладбищем, где, собственно, и родилось само послание. Управление захватили его противники, которые избрали в попечители кладбища своих представителей, блокируя выдвиженцев другой стороны^[438]. Так продолжалось до тех пор, пока в дело не вмешались государство, приняв, естественно, сторону тех, кто одобрял послание. Дабы впредь избежать нежелательных эксцессов, с 1869 года утверждение выборов попечителей кладбища было взято под жесткий контроль. По новому уставу, утвержденному МВД, принимать участие в выборах могли теперь лишь прихожане, владеющие недвижимостью в Москве. Из числа этих собственников выбирались тридцать человек, которые и определяли двух попечителей, ведавших делами^[439]. В результате острота проблемы спала, однако раны, нанесенные этой смутой, так никогда и не зажили.

В отличие от рядовых единоверцев российское правительство по достоинству оценило мужественные шаги старообрядческого купечества, рассматривая их как желание приобщиться к политическому курсу власти. Например, крупный обличитель раскола (ближайший соратник будущего обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева) проф. Н.И. Субботин, выражая официальную точку зрения, не скрывал своего воодушевления, когда говорил о бреши,

пробитой в крепкой коре раскола. Особенно умилил его дух «Окружного послания...» – ясный, миролюбивый, кроткий, в каком никогда прежде не говорили старообрядцы о православных. По мнению Н.И. Субботина, здесь впору задуматься: почему же не воссоединиться двум «ветвям»?^[440] Адреса от ведущих старообрядческих согласий, поступившие на высочайшее имя, актуализировали размышления о примирении в верноподданническом духе. Один из проектов предлагал, чтобы император выдвинул идею манифеста о воссоединении для доказательства заявленной раскольниками преданности Его Величеству. В случае же отказа стало бы абсолютно ясно, чего стоили эти публичные заверения. Предусматривался вариант воплощения данной идеи и с помощью губернаторов, которые при встречах с видными раскольниками должны неустанно напоминать о благе России, не забывая обещать им поддержку и монаршую награду за воссоединение их единомышленников со святой церковью. Интересны также рассуждения о консолидации старообрядчества: присущая ему раздробленность обеспечивает власть наставников, тогда как объединительные процессы смогут нейтрализовать их пагубное влияние. И вместо отдаления массы начнут постепенно сближаться с православной церковью^[441].

Итог подобным размышлениям подводила обстоятельная всеподданнейшая записка графа В.Н. Панина о расколе. Характеризуя состоявшиеся контакты со староверами как признаки ослабления религиозного антагонизма, он предложил четко развести в раскольничьих делах церковь и полицию. По его убеждению, их постоянное пересечение приносило только вред:

«поскольку уверенность в полицейской помощи, обычай опираться на полицию отвлекали внимание духовенства от более самостоятельных способов действия или парализовали его силы»^[442].

В записке прямо ставился практический вопрос:

«На каком крепком начале должны быть основаны мероприятия правительства в отношении к расколу, на

началах терпимости или началах признания?»^[443].

Как можно заметить, о запрете или искоренении здесь речь вообще уже не шла. Наоборот, признавалось, что силовые меры против религиозных заблуждений ненадежны, а сам раскол во многом держится именно силою направленного против него гнета. Поэтому в качестве ответа была выбрана веротерпимость; на этом основании и строилась политика по отношению к расколу. Отсюда двойственность сделанных предложений: беспрепятственное отправление религиозных обрядов, но без публичности (запрещены процессии, крестные ходы и т.д.); отказ от преследования священников и наставников, но и отказ признавать за ними духовные звания.^[444] Интересен и предложенный формат общения с раскольниками:

«Признать за правило, что вышеозначенные разрешения должны быть даваемы вследствие приносимых о том сектаторами просьб, так, что им самим предоставлено будет признавать себя молящимися за Царя и приемлющими брак и предоставлять в том доказательства»^[445].

Ознакомившись с запиской, Александр II повелел учредить Особый временный комитет для разработки мер по возвращению раскольников в экономическую и общественную жизнь^[446]. О том, что это решение принималось в сложной, неоднозначной обстановке, свидетельствует просьба «правой руки» монарха – великого князя Константина Николаевича – освободить его от участия в делах данного Комитета^[447]. Активный царский родственник на почве дебатов об отношении к расколу успел перессориться со всеми архиереями РПЦ. Не желая обострять ситуацию, Александр II поручил возглавить Особый комитет графу В.Н. Панину.

Работа Комитета пришлась на весну 1864 года; состоялось десять заседаний, на которых рассматривались вопросы регулирования жизни староверов^[448]. Именно здесь было принято важное решение о праве купцов-раскольников записываться в гильдии на общем основании, а не на ненавистном им временном праве, которое уходило в небытие; они вновь допускались к общественным должностям, могли удостаиваться наград и знаков отличий; ограничивался осмотр жилищ

староверов по подозрению полиции и т.д. Но вот вопрос о браках раскольников продолжал оставаться непроясненным. Это было крайне сложное дело, поскольку на признание таких браков власти пойти никак не могли. Ведь в ту эпоху браки имели религиозное, а не гражданское значение: их признание означало легитимацию никонианским государством старой веры. Данный вопрос обсуждался в течение десяти лет, разрешившись принятием соответствующего закона только в апреле 1874 года^[449].

Естественно, работа Особого временного комитета 1864 года произвела крайне отрицательное впечатление на господствующую церковь. Митрополит Филарет сформулировал возражения по поводу деятельности комитета Панина, суть которых сводилась к нежелательности и несвоевременности подобных решений^[450]. Письмо уважаемого архиерея было разослано всем членам комитета. Один из них, князь Урусов, сообщил митрополиту, что Александр II ознакомился с документом с *«видимой благосклонностью и признательностью»*, но в итоге только заметил, что *«это мнение ему вполне известно»*^[451]. Так завершилась одна из неприятных страниц в истории русского старообрядчества. Конечно, правительство сознавало, что с расколом, накопившим значительный экономический потенциал, совсем невыгодно поступать как в конце XVII – начале XVIII века, когда проводилась политика его тотального уничтожения. Теперь ключевым становилось хозяйственно-управленческое преобразование староверия. Эту религиозную общность необходимо было подчинить общему государственному порядку, разрушив тем самым ее организационно-экономические основы. Усилия властей привели к расщеплению староверческой модели, успешно функционировавшей с эпохи Екатерины II. Со своей стороны, купеческие верхи довольно быстро увидели здесь новые возможности: возросшая зависимость от законов империи, а не от братьев по вере пришлась им явно по вкусу. Как очень удачно замечено, большие предпринимательские династии обязаны своим богатством николаевскому запрету на их веру^[452]. Прекращение гонений совпало по времени с началом экономических реформ, и староверческое купечество стремилось всеми силами вписаться в новую эпоху.

Встраивание старообрядческих верхов в экономическое пространство российской империи сопровождалось процессами, о

которых стоит сказать особо. Мы имеем в виду развитие поповского и беспоповского предпринимательства, претерпевшего существенные изменения на протяжении XIX века. В первые десятилетия соотношение между ними складывалось в пользу более сильных беспоповских деловых структур. Исследователи обратили внимание, что в этот период в цитадели старообрядческого капитализма – Москве – та же федосеевская Преображенская община богатством и влиянием намного превосходила рогожскую (поповскую)^[453]. Однако в пореформенное время положение меняется: на первый план активно выдвигаются рогожа-не. Эта предпринимательская трансформация даже дала основания утверждать, что с развитием промышленности и банковского промысла произошло вытеснение капитала беспоповцев. По мнению некоторых ученых, о его существовании после погромов Николая I уже почти не слышно. Такие процессы зависели от степени экономической организации основных течений раскола: поповцы имели развитый, властвующий капитал, а беспоповцы находились на стадии первоначального накопления капитала^[454]. С данным фактом трудно не согласиться; однако стадийность развития, положенная в основу этих рассуждений, все же не проясняет того, почему, собственно, происходило так, а не иначе.

Можно определенно сказать, что во второй половине XIX столетия поповский капитал вырастает до всероссийских масштабов, а беспоповский остается уделом мелких и, в лучшем случае, средних бизнес-слоев. Это утверждение наглядно иллюстрирует галерея крупных старообрядческих фабрикантов пореформенного времени. В ней представлены практически одни только поповцы, а беспоповцы являются редкими исключениями, как, например, братья Гучковы, В.А. Кокорев, одна из ветвей морозовского клана в лице Викулы Морозова. На наш взгляд, такую закономерность определяли отнюдь не экономические, а религиозные факторы; если говорить точнее, специфика не экономической, а религиозной организации двух течений раскола. Ключевым моментом здесь стало учреждение у поповцев так называемой белокриницкой иерархии^[455]. Именно это организационное структурирование согласия – в отличие от размытости беспоповцев – вдохнуло новую жизнь в российскую поповщину, существенно повысив потенциал ее управленческой вертикали. Для рогожской элиты это создавало существенные

преимущества: реализация масштабного религиозного проекта, по-новому выстроившего согласие, сделала возможным и крупные начинания в торгово-промышленной сфере. Мощная конфессиональная организация поповцев хорошо состыковывалась с процессами концентрации производств, набиравших силу в пореформенный период. Отсюда стремительное развитие поповского капитала и консервация беспоповского, в своих объемах оставшегося на прежнем, дореформенном уровне.

2. Обретение политического пространства

Восстановление экономических и общественных прав способствовало адаптации староверческого купечества к новым реалиям, прежде всего на региональном уровне. Речь идет о городском самоуправлении, учрежденном еще «Городовым положением» 1785 года. В городах дореформенной России для управления хозяйством существовала так называемая шестигласная дума, которой руководил городской голова^[456].

И хотя данный орган самоуправления, находившийся под контролем губернской администрации, не обладал серьезными полномочиями, староверы освоили тогда этот ресурс. Представители староверческого купечества постоянно занимали должности городских голов. Например, в Москве мы встречаем на этом посту Лепешкина, Гучкова, Алексеева и др.; в уральском Екатеринбурге городскими главами также являлись староверы, как, например, известный купец Рязанов; городской магистрат здесь почти полностью состоял из раскольников^[457]. Даже Петербургская городская дума не была лишена влияния купцов-старообрядцев. Об этом с негодованием сообщал петербургский митрополит Серафим; по его сведениям, в 1836 году один торговец предоставил в столичное общественное самоуправление свидетельство о браке из раскольниковьей моленной с прошением на основе данной бумаги *«причислить невесту к его капиталу»*. Удивлял не столько сам факт подобного обращения, адресованного Петербургской думе, сколько то, что она своим указом утвердила это обращение, предписав клеркам незамедлительно его исполнить^[458].

Влияние раскольников, заметное в городском самоуправлении страны первой половины XIX столетия, значительно усилилось в дальнейшем. Городские реформы 1862 и 1870 годов сформировали думы практически в современном облике (с выборами определенного состава гласных, с образованием из них комиссий), серьезно повысив их значимость в управлении городами. Одновременно возрастала и роль староверческого купечества, занявшего в новых городских органах доминирующие позиции. Сегодня общеизвестны данные о численности торгово-промышленного класса в гордумах

пореформенной России: примерно 50% от общего количества гласных; но при этом крайне редко обращают внимание на конфессиональный состав этой части думцев^[459].

Какие же позиции занимали в реформированных думах староверы, и что за купечество сосредоточилось в них? Это позволяет прояснить выявленный архивный материал. Так, переписка Синода и МВД 1862 года содержит описание случая в г. Николаевске Самарской губернии, когда многие гласные, избранные в местную думу, отказались принимать присягу в православной церкви и потребовали сделать это в раскольничьей молельной частного дома. По этому поводу Самарский преосвященный писал в Св. Синод, что николаевские староверы, добиваясь общественных должностей, чуждаются общения с православными, *«заставляют последних терпеть разные несправедливости и унижения»*^[460]. С аналогичной информацией в Министерство внутренних дел обратился и витебский губернатор. Как он сообщал, по прошествии выборов в гордуму г. Режицы было назначено избрание в городские головы. Собрались все 54 гласных новой думы из купцов и мещан, но на предложение представителей властей отправиться в соборную церковь для принесения присяги перед процедурой 36 из них идти отказались. Они просили разрешения принести присягу по своему раскольничьему обряду и лишь в этом случае соглашались приступить к выборам по чистой совести. В результате избрание городского головы оказалось сорванным; когда же это повторилось, губернатор запросил инструкции у МВД^[461]. Надо заметить, в министерстве не удивлялись подобным запросам: затруднения при выборе городских глав и приведении гласных к присяге случались в большинстве российских городов. Местное начальство постоянно обращалось в правительство с представлениями о разрешении приносить присягу по староверческому обряду. В результате подобные случаи были обобщены Государственным советом, выработавшим специальные рекомендации. Их суть состояла в том, чтобы гласных-староверов, во избежание их уклонения от присяги, приводить к ней с употреблением старопечатных книг и креста древнего устройства; а тех, кто отказывался от присяги, ни в коем случае к оной не принуждать. Если же раскольников в городских думах окажется большинство, то

избранию их на должности не препятствовать, но преимущество всегда отдавать лицам из менее вредных сект^[462].

Думы не только небольших городов, но и крупных российских центров с 60-х годов XIX столетия превратились в вотчины староверческого купечества. Так, контрольный пакет Нижегородской думы (50 мест из 72) находился в руках купцов и почетных граждан. В ней заправляли купеческие лидеры, известные ревнители старой веры: Бугров, Баулин, Башкиров, Губин и др. На протяжении всей второй половины XIX века должность главы думы занимали только купцы или их выдвиженцы, как, например, их деловой партнер барон Д. Дельвиг или юрист Бугрова А. Меморский^[463]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Москве, с той лишь разницей, что состав гласных здесь был больше разбавлен интеллигенцией, однако это мало что меняло. В 60-80-х годах в думе Первопрестольной существовал устойчивый костяк гласных от крупного купечества. Исследователи, обстоятельно изучавшие общественное самоуправление, относят к нему известных московских предпринимателей: В.Д. Аксенова, А.К. Крестовникова, В.Д. Коншина, И.А. Лямина, А.В. и Д.С. Лепешкиных, П.М. Рябушинского, К.Т. Солдатенкова, П.М. и С.М. Третьяковых, Д.И. Четверикова, И.В. Щукина, А.А. Бахрушина, В.И. Якунчикова и др.^[464] Только сегодня, как и в советскую эпоху, из поля зрения по-прежнему выпадает важный факт: все перечисленные лица принадлежали к старообрядчеству. А вот в пореформенный период это обстоятельство ни для кого не являлось секретом. Например, известный писатель той поры П.Д. Боборыкин в своем романе «Китай-город» (1882) устами главного героя так характеризовал московскую обстановку:

«Кто хозяйничает в городе? Кто распоряжается бюджетом целого немецкого герцогства? Купцы... они занимают первые места в городском представительстве. Время прежних Тит Титычей кануло. Миллионные фирмы передаются из рода в род... Судьба населения в 5, 10, 30 тысяч рабочих зависит от одного человека. И человек этот – не помещик, не титулованный барин, а коммерции советник, или попросту купец первой гильдии, крестит лоб двумя перстами»^[465].

Купеческие гласные определяли ход работы Думы, контролировали все ее ключевые посты. Не заручившись их поддержкой, невозможно было рассчитывать на избрание на какую-либо должность в структурах городского самоуправления. Так, в 90-х годах XIX столетия в Московской думе заправляли купеческие группировки, возглавляемые Вишняковым и Найденовым. К первой принадлежала более молодая часть купеческих гласных, а вторая объединяла думцев из старых фамилий. Главы городской Думы Н.А. Алексеев (погибший в 1892 году) и сменивший его В.В. Рукавишников были выдвиженцами именно вишняковской группы; над В.В. Рукавишниковым даже иронизировали, называя его «рука Вишнякова». В 1897 году сторонники Найденова, находившиеся в оппозиции, сумели провести на пост главы Думы своего кандидата – князя В.М. Голицына^[466].

В пореформенный период такой конфессиональный состав городских дум нередко порождал конфликты органов общественного самоуправления с местными чиновниками. В той же Москве произошло крупное обострение между городским головой, купцом Н.А. Ляминым (неизменным деловым партнером Т.С. Морозова), и губернскими властями. Поводом стало поведение Лямина, подчеркнуто демонстрировавшего свою значимость как главы городской Думы. В результате МВД было вынуждено разъяснять, что губернатору присвоено первенство перед всеми сословными и общественными органами на местах, а противопоставлять должность головы чиновникам на государственной службе недопустимо. В результате Лямин не считал возможным продолжать исполнение своих обязанностей и подал в отставку. Этот случай получил широкую огласку: он возбудил немало разговоров о пределах независимости выборных голов по отношению к административным властям^[467]. Купечество, чувствуя на местах свою силу, не упускало возможности напомнить о своих правах в решении городских дел. Свидетельства тому представлены достаточно широко. Так, в 1873 году в Перми разгорелся конфликт вокруг городского головы И.И. Любимова: будучи крупным купцом, владельцем ряда железных и соляных заводов, он не согласился выплачивать полицейскому управлению города дополнительные денежные суммы сверх уже предусмотренных. Пермский обер-полицмейстер расценил это как неповиновение

властям; городскому главе были предъявлены сфабрикованные обвинения в захвате чужого имущества, на него завели уголовное дело. В ответ Любимов заявил, что не может продолжать службу, и предложил гласным избрать вместо себя другое лицо. Однако Дума, которую контролировало купечество, поддержала своего главу, направив ему адрес с перечислением его заслуг перед городом, и просила не покидать поста. С большим трудом дело удалось замять ^[468]. В других случаях конфликты между думским купечеством и губернской администрацией разрешались долго. Один из них произошел в Царицынской городской думе. Костяк ее гласных составляло, как водится, купечество, слаженно действовавшее при избрании на все думские должности. Из этого круга на пост главы города был выдвинут кандидат -купец первой гильдии И. И. Мельников, но саратовский губернатор решил не утверждать его в этом качестве. Тем не менее гласные упорно голосовали за него, и только получив окончательный отказ, подобрали другую кандидатуру. Однако меньше чем через год тот сложил с себя полномочия, а новые выборы дали прежний результат: городским головой снова избрали И. Мельникова. И эти итоги губернатор приказал аннулировать, но через три месяца история повторилась. В результате дума все же добилась своего, и ее кандидат занял место главы, на котором оставался в течение шестнадцати лет (с 1864 по 1880 год) и только в 1886 году отказался от общественной деятельности ^[469].

Между тем, говоря о ключевых позициях купечества в городских думах, нужно отметить, что некоторые современники ставили под сомнение его лидирующую роль. Например, исследователь практики общественного самоуправления начала XX века Г.И. Шрейдер (в 1917 году он станет главой Петроградской думы) считал подобные утверждения делом давно минувших дней. Обращаясь к городской статистике, он напоминал: в конце XIX столетия к представленным в думах торгово-промышленным слоям принадлежали: 19,5% общего состава гласных – в мелких городах, 12,2% – в средних и 27% – в крупных ^[470]. Следовательно, в это время говорить ни о какой монополии купечества в городских думах не приходится и речь должна идти совсем о другой гегемонии -интеллигентско-чиновничьей. По нашему мнению, это наглядный образец поверхностного взгляда, имеющего слабое отношение к реальной жизни. Приведенные

Шрейдером статистические данные свидетельствовали лишь о количественной стороне дела и не могли отразить качественные характеристики процессов, происходивших в городских думах. Между тем серьезное отношение к фактам позволяет утверждать: влияние купечества среди гласных нельзя определять, исходя лишь из численности этого сословия. Очевидно, такие подсчеты мало что проясняли, поскольку арифметического большинства не требовалось. Нетрудно понять, что представители торгово-промышленных верхов, обладавшие значительным капиталом, без особого труда вовлекали в орбиту своих интересов любой интеллигентско-чиновничий контингент гласных, чья финансовая состоятельность была гораздо ниже. И это происходило повсеместно. Что касается выводов Шрейдера, то их можно считать справедливыми только для одной городской думы страны – Петербургской. Пожалуй, лишь в столичном общественном самоуправлении купцы не занимали преобладающих позиций: в официальном центре империи они не ощущали себя полноправными хозяевами. Поэтому здесь наблюдалось молчаливое противостояние гласных из торгово-промышленных слоев и дворянства. Иногда тракторная партия, как язвительно именовали купечество, могла блокировать не устраивавшее ее решение^[471]; но его влияние было здесь явно ограниченным, а всем заправляли столичное чиновничество и интеллигенция. Во всей же остальной России, начиная с Москвы, все обстояло иначе. Собственно, поэтому с начала 1880-х годов правительство пыталось ослабить влияние купеческих элементов в городском общественном самоуправлении, вовлекая в гордумы образованных горожан, не обладавших недвижимой собственностью, т.е. интеллигенцию. Остается только повторить: если определяющая роль купечества в городских думах вызывала сомнения у специалистов, то вопрос о его конфессиональной принадлежности вообще не рассматривался.

Вторая половина XIX века стала периодом, когда старообрядческое купечество заявило о себе на всероссийском уровне, трансформировавшись в сплоченную предпринимательскую группу. Ее представители хорошо осознавали как свои конфессиональные истоки, так и собственные интересы в экономическом пространстве страны. Необходимость промышленно-финансового развития в новых условиях определялась уже не исключительно хозяйственными, но и

политическими причинами. А это, в свою очередь, актуализировало потребность купеческой буржуазии в союзниках на общеимперской арене. Заметим, что эта задача решалась в контексте структуризации российских общественно-политических сил, происходившей после отмены крепостного права. Часть правящей элиты страны выступила тогда за модернизацию самодержавия: по ее мнению, новые условия диктовали и новые форматы государственной конструкции с использованием представительских принципов. В этом виделся способ укрепления власти – прежде всего, по известным европейским образцам. В 60-70-х годах XIX века такие сценарии постоянно предлагали аристократические сановники: великий князь Константин Николаевич (младший брат Александра II), министры внутренних дел П.А. Валуев и М.Т. Лорис-Меликов, могущественный шеф III Отделения П.А. Шувалов и др. ^[472]

Однако, эти предложения вызывали уничижительную критику другой части интеллектуальной элиты, которая трактовала подобные веяния как разрушение основ монархического строя, гармонично присущего народному духу. Попытки ограничить самодержавие расценивались как навязывание западных стандартов, неприемлемых для русской почвы. После демонтажа крепостничества противостояние между этими кругами определяло содержание российской внутриполитической жизни. Обстановку, царящую в верхах, хорошо передал князь В.П. Мещерский, приверженец государственно-почвеннических принципов:

«...Все, кто не при дворе... все, кто честно трудится на благо правительства и России, с бескорыстной преданностью Государю и с мыслью об интересах страны, вся эта Россия – молодая, образованная и самоотверженная – была объявлена “народной партией”, оппозиционной партией» ^[473].

По его убеждению, это стало возможным, поскольку проводники западных проектов в них, а не в России, обрели свою настоящую родину. Оттого-то либеральная клика испытывала недостаток в исконно русских людях, отказывающихся вставать под ее знамена, и рекрутировала немцев и поляков, обитающих в петербургских салонах ^[474]. Позднее Мещерский развивал представления о «народной

партии», прямо именуя ее русской; ее влияние неуклонно ширится, хотя она «образовалась, существует и действует без всякой организации и при полном отсутствии всяких внешних форм». Ее объединительным началом служит государственно-общественное устройство жизни, сообразное культурным и религиозным традициям^[475]. Наряду с князем Мещерским к русской партии относилось славянофильское течение, группа во главе с известным публицистом М.Н. Катковым, а также целый ряд деятелей, включая К.П. Победоносцева.

Их взгляды, ориентированные на развитие страны в соответствии с исконно русскими устоями, позитивно воспринимало староверческое купечество. Оно выставляло себя в качестве того самого народа, об интересах которого следовало бы по-настоящему заботиться и о чьем благе так любили рассуждать эти российские интеллектуалы. В свою очередь, интеллигенция обрела вполне конкретный объект для своих политических чаяний; ради него и велись шумные политические баталии. Заметим, что подобный образ народа оказался привлекательным: общение с промышленниками, обладающими миллионными состояниями, было продуктивным и не ограничивалось духовно-нравственными беседами. Принадлежность этих выходцев из народной среды к расколу нисколько не смущала печалившихся за русский путь дворянских интеллигентов. Наоборот, они усматривали в этом определенную самобытность, приверженность устоям и т.д. Конечно, К.П. Победоносцев стоял здесь особняком: в силу своих негативных взглядов на староверие, а затем из-за обязанностей Обер-прокурора Синода он в принципе не мог иметь точек соприкосновения с подобной публикой. Но столь непримиримую позицию не разделяли его идейные соратники, старавшиеся меньше обращать внимания на постоянное недовольство.

В этой связи интересно посмотреть на взаимоотношения или, точнее, на союз названной русской партии и раскольничьего купечества (причем данную страницу российской истории нельзя отнести к разряду достаточно разработанных). Возьмем документ, который в литературе квалифицируется в качестве манифеста общественных сил, противостоящих либеральной порче русской земли. «Письма о современном состоянии России» Р.А. Фадеева пользовались большей популярностью и выдержали четыре издания; в

них затронут широкий круг вопросов по устройству жизни. Документ содержит откровенные реверансы в адрес раскола – в связи с его огромной значимостью для отечества. Мы узнаём, что, оказывается, с подлинно нравственными идеалами:

«живут только населения, выделившиеся в раскол; одни эти населения способны и в мирских делах к общему почину и дружному взаимодействию; потому же они неуязвимы как крепость для тлетворных политических учений»^[476].

Люди идут в раскол для удовлетворения душевных потребностей, которого они лишены в господствующей церкви. Этим и объясняется упорство раскольников: они не хотят духовного рабства. Впечатляет вывод, сделанный в письме:

«Недалек, может быть, тот день, когда центр тяготения народных верований передвинется из православия в расколы»^[477].

(Здесь нельзя еще раз не вспомнить К.П. Победоносцева: конечно, хранителя православия могли подстергать разные неприятности, но слышать такие признания из уст своих соратников – переживание не из легких.) Далее, продемонстрировав источники подлинной нравственности, Фадеев призывает не засорять их всякими ненужными вещами: необходимо исключить любые намеки на парламентаризм, отбросить пустые мечты о разделении властей, отказаться от признания прав за общественными группами. Все это занимает лишь европейски образованных людей, но не они стоят во главе русского народа, который верит только верховной власти. В России противоречия существуют не между самодержцем и народом, как на Западе, а между бюрократической опричниной и верной царю землей^[478]. В завершение Фадеев назвал те конкретные силы, которые, по его убеждению, начинают сознать естественный путь развития государства и с которыми связано будущее страны: московский фабрикант, поволжский купец и дельный земец^[479].

Акцент на старообрядческую буржуазию, неизменно подчеркивавшую свое народное происхождение, характерен для всех,

кто разделял идеологию приведенного выше манифеста. Так, сотрудничество с ней стало визитной карточкой славянофильского течения в пореформенную эпоху. В этот период славянофилы, ранее замеченные разве что в философских дискуссиях, начинают плотно взаимодействовать с торгово-промышленной элитой староверия и энергично отстаивать во власти интересы московских воротил. Это относится к таким известным фигурам, как И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, Ф.В. Чижов, А.И. Кошелев и др. Из этой плеяды общественных деятелей особо следует выделить Федора Чижова (1811-1877). Его влияние в кругах староверческих купцов было крайне сильным: говоря современным языком, он выступал в роли генерального менеджера с правами акционера. Ф. Чижов – дворянин из Костромы; после окончания петербургского университета он остался там преподавать, а по выходе в отставку жил за границей, занимаясь историей искусств. Из-за контактов с борцами за славянское дело Чижова арестовали в Австрийской империи и выслали в Россию. Здесь ему было запрещено проживание в обеих столицах, но после смерти Николая I запрет сняли, и он поселился в Москве^[480]. С этой поры его судьба неразрывно связана с московским купечеством, чьим деловым партнером он являлся до самой смерти. В 1858-1862 годах Ф.В. Чижов издает «Вестник промышленности», публиковавший материалы о нуждах фабрикантов; сюда обращались за советами и разъяснениями, и популярность издателя журнала была необычайно высокой^[481]. В 60-70-х годах XIX столетия Ф.В. Чижов стоял у руля наиболее крупных коммерческих инициатив региона: это и учреждение первых московских банков – Купеческого и Общества взаимного кредита, и участие в железнодорожном строительстве. Причем концентрировался он прежде всего на продвижении проектов в коридорах российского правительства, имея связи с чиновниками. Его дневник содержит описание ряда аудиенций у Министра финансов М.Х. Рейтерна, а также тесного общения с одним из чиновников финансового ведомства К.Ф. Литке, через которого подавались записки и собирались нужные сведения^[482]. Тесные контакты имелись у Чижова с Министром путей сообщения К.К. Посьетом: тот высоко ценил его деловые качества и даже приглашал в свои товарищи по министерству. Именно с помощью Посьета Чижов смог получить для купеческой буржуазии концессию на строительство Донецкой

железной дороги^[483]. О важной роли Чиждова в продвижении московских дел свидетельствуют и письма ему И.С. Аксакова. В них постоянно встречаются такие фразы:

«Вы на досуге, не спеша, все обдумайте и укажите нам путь»^[484];

«слышал, что Вы в Петербурге расхворались, – чего, впрочем, и следовало ожидать ввиду петербургских расходов, восхождений и нисхождений по лестницам»^[485].

Другими словами, главная задача Чиждова – вовлечение нарождавшейся московской буржуазии в новые для нее дела, позволявшие идти в ногу со временем.

Добавим, что именно ему принадлежит заслуга по приобщению ряда крупных московских промышленников, по сути вчерашних крестьян, к коллекционированию живописи и вообще к миру искусства.

Другой видный славянофил, связавший свою судьбу с московским торгово-промышленным кланом, – известный публицист Иван Аксаков. Он играл роль общественного рупора этой мощной экономической группы. Их тесное сближение произошло в первой половине 1860-х годов: через Чиждова от купечества последовало предложение Аксакову возглавить газету «Москва». Акционерами газеты стали видные капиталисты центрального региона, выделившие для этого значительный капитал; прежде всего, их интересовала экономическая проблематика, в остальном же именитому публицисту предоставлялась свобода действий^[486]. И надо заметить, купеческое чутье не подвело: И.С. Аксаков превратил издание в страстного защитника староверия. Передовые «Москвы» пользовались большой популярностью в староверческой среде. Во время открытых религиозных диспутов на соборной площади Кремля постоянно обсуждались аксаковские статьи о вере. Причем раскольники одобряли изложенную в них позицию, а никониане утверждали, что автор давно ими куплен^[487]. Публикации главного редактора газеты пришлось по вкусу ее учредителям. Издание призывало освободиться от бюрократического гнета за счет перенесения столицы государства в Москву; требовало прекратить притеснения раскольников, имея в виду

в первую очередь купечество, которое следует в обязательном порядке отделять от тех недостойных, кто продолжает вести разговоры о воплощении антихриста в русском правительстве. Говоря о полезности купцов-староверов, И.С. Аксаков рассуждал на страницах «Москвы» о заманчивых перспективах. Вот, например, одно его предложение:

«Конечно, нельзя сделать старообрядца ни обер-прокурором Синода, ни членом комиссии об устройстве быта православного духовенства, – писал он, – но было бы совершенно ошибочно (а это у нас еще водится) лишать его, например, права быть не только членом, но даже и председателем какого-нибудь фабрикантского совета или вообще официального учреждения, заведующего такими интересами, которые к религии состоят в отношении совершенно безразличном»^[488].

Позиция, занятая газетой, не осталась без внимания властей. Просуществовав в течение двух лет (1867-1868) и получив девять предупреждений (из них восемь – за аксаковские статьи), издание, к общему неудовольствию купечества, было закрыто. Однако сотрудничество с публицистом не прервалось: в 1869 году Аксаков становится членом совета крупной банковской организации – Московского купеческого общества взаимного кредита, а с 1874 года – Председателем его правления. Для первого купца, избранного на пост Главы городской думы по положению 1870 года, – И. А. Лямина – Аксаков готовил выступления, которые тот заучивал наизусть и затем произносил на заседаниях^[489]. Тесные связи с московскими староверческими капиталистами давали повод обличителям раскола язвительно называть Аксакова «приказчиком К.Т. Солдатенкова»^[490]. Ф.В. Чижов и А.С. Аксаков были непосредственно вовлечены во внутренние дела московского купеческого клана, тогда как целый ряд известных славянофилов – Ю.Ф. Самарин, А.Г. Щербатов, князь В.А. Черкасский и др.^[491] – стоял на страже его интересов в городской Думе. Заметим, что до конца XIX века возглавлять общественное самоуправление Москвы мог только кто-либо из известных славянофилов или самих купцов. В 1860-1870-х годах купечество, обладавшее «контрольным пакетом» в городской Думе, не выдвигало

на первые роли гласных из своего сословия, предпочитая, чтобы публичные функции брал на себя кто-либо из славянофилов. И только с 1880-х годов купеческие лидеры осваиваются на посту городского главы^[492].

Если связи славянофильского течения со староверческим купечеством изучены неплохо, то связи последнего с другим не менее знаменитым российским публицистом, Михаилом Катковым, освещены гораздо меньше. М.Н. Катков (1818-1887) претендовал на роль выразителя государственно-патриотической идеологии пореформенной России. Широкая известность пришла к нему после польских событий 1863 года. По сути, он возглавил пропагандистскую кампанию по подавлению восстания, но затем, хорошо вжившись в роль патриота, обрушился на засилье инородцев в русском правительстве и на проводимый либеральный курс, чуждый, по его мнению, России. Рупором для критических нападок стала газета «Московские ведомости», руководимая неутомимым обличителем либерализма и конституций. Его пыл пытался охладить проводник этих самых идей, а по совместительству – Министр внутренних дел П.А. Валуев. В мае 1866 года он даже приостановил выход издания, но ненадолго: главный редактор сумел вывернуться, добившись высочайшей аудиенции и заручившись покровительством императора^[493]. Эту победу М.Н. Катков сумел политически конвертировать, превратившись в одного из властителей дум своей эпохи (что, правда, не мешало тому же П.А. Валуеву называть его «избалованным благосклонностью барина дворовым»^[494]). Успехи московского публициста привлекли внимание хозяев города. Их контакты переросли в прочный союз, просуществовавший вплоть до смерти Каткова. «Московские ведомости» стали постоянной трибуной по отстаиванию интересов купечества. Как и в славянофильском варианте, это издание требовало защитить старообрядцев от притеснений. При этом Катков со знанием дела предлагал разделить раскол на две категории. Первая включает искренне стремящихся к государственному порядку – таких людей нужно ценить. Ко второй категории относятся все, кто противится устоям: их терпеть нельзя, поскольку от них никакой пользы (надо думать, для финансового состояния «Московских ведомостей» – в первую очередь). А чтобы понимать, кто есть кто в расколе, его необходимо изучать^[495], добавим

с реальной и осязаемой для себя пользой. Верность купеческому кругу М.Н. Катков продемонстрировал во время одного инцидента в Вологодской губернии. В одном из уездных городков некий крестьянин в воскресный день ворвался в церковь и с криками «*попираю мерзость сатанину*» начал крушить алтарь. Дело дошло до верхов, где активизировались противники раскола, выступившие за принятие строгих мер по отношению к староверию в целом. Катков немедленно отреагировал на эту ситуацию, призывая не делать обобщений на основе преступления какого-то простолюдина-бегуна. Он напоминал о благодарственных адресах истинных старообрядцев, преданных престолу и отечеству, и недоумевал: как можно отдельному проступку придавать значение большее, чем заявлениям от лица целых согласий?!^[496]

Помимо религиозных, Каткова занимали, разумеется, близкие промышленникам Москвы экономические вопросы. Отвергнув западные экономические теории, он черпал свои воззрения у народных практиков торгово-промышленного мира^[497]. Тематика, затрагиваемая им, отличалась обширностью: здесь и железнодорожное строительство, и таможенные тарифы, и создание русского торгового флота, и освоение новых рынков для отечественного предпринимательства и т.д. В пореформенный период именно Катков возглавил ряды апологетов отечественного протекционизма, неизменно подчеркивая, что разрыв между потенциальными возможностями русской промышленности и реальными результатами экономического развития связан с недостаточным покровительством и защитой внутреннего рынка. Он ратовал за прочную протекционистскую политику, которая осознавалась им как самый действенный фактор поднятия производительных сил страны. Благодарные промышленники в 1866 году избрали М.Н. Каткова и его сподвижника П. М. Леонтьева почетными членами Московского купеческого собрания^[498]. Заметим, что плодотворная катковская деятельность по обеспечению интересов староверческих капиталистов приводила к серьезным конфликтам со славянофилами. Его единомышленников по устройению государственной жизни очень раздражало, что кто-то еще активно действует на их идейном поле; прежде всего, они явно не желали делить с кем-либо заботы о народных капиталистах. Между Катковым и Аксаковым шло

соперничество за написание адресов от имени старообрядцев. Так, по случаю подавления польского восстания раскольникам Преображенского кладбища текст готовил Катков, а Рогожского – Аксаков^[499]. В 1864 году произошли даже столкновения М.Н. Каткова, в качестве гласного Московской городской думы, и П.М. Леонтьева с группой думцев из славянофильского лагеря. «Московские ведомости» намекнули на нечистоплотность распорядительных органов Думы, что стало причиной острого конфликта с А.И. Кошелевым, Ю.Ф. Самариным, Д.Д. Шумахером и др.^[500]

Филиал, если можно так выразиться, русской партии в Петербурге возглавлял упомянутый выше князь В.П. Мещерский. Наблюдая за успехами своих коллег, он также не хотел отставать от жизни, а потому проявил инициативу. Князь решил обратиться к богатым московским купцам, которые щедро финансировали уже закрытое к этому времени издание И.С. Аксакова, намереваясь создать в Петербурге газету в качестве «твердого и прочного уголка Москвы». Презентовать проект в купеческих кругах Мещерский попросил все того же Ф.В. Чижова. Он так разъяснял ему свое видение издания:

«борьба с космополитизмом Петербурга во всех его проявлениях»;

доказательство,

«что Россия и русские способны к самодеятельности»;

а также возможность постоянно звучать голосу

«в защиту той или иной местной потребности»^[501].

Но московская экономическая группа не решилась на такое сотрудничество в столице империи, полагая, что кроме раздражения властей толку от этой затеи будет немного. Однако, Мещерский не унывал и изыскал средства при помощи наследника Александра Александровича, с которым состоял в дружбе. «Гражданин» – так называлось издательское детище князя В.П. Мещерского. Вооружившись редакторским пером, он продолжал искать расположения московских воротил проверенным способом – заботливо

обыгрывая старообрядческие мотивы. Вот, например, один из таких пассажей:

«Старые учреждения, старые предания, старые обычаи – великое дело. Народ дорожит ими, как ковчегом завета предков. Но как часто видела история, как часто видим мы ныне, что не дорожит ими правительство, считая их старым хламом, от которого нужно скорее отделаться»^[502].

Страницы журнала предоставлялись лицам, известным своими симпатиями к расколу. В одном из номеров сообщалось, что во время пребывания в Москве единоверческого священника Иоанна Верховенского^[503] староверы-рогожане приветствовали и благодарили его за поддержку и выразили надежду на грядущее превосходство старого обряда над никоновскими новинами. Верховенский благодарил, подчеркивая, что не помнит таких теплых слов в адрес духовенства господствующей церкви от старообрядцев. Он расценил это как отсутствие с их стороны вражды к греко-российской иерархии и призвал иерархов РПЦ отнестись к ним подобным же образом^[504]. Однако у них данный факт вызвал совсем иные чувства: единоверческого священника выставили человеком с «гибкой совестью» и объявили штатным писакой раскольников^[505].

Вообще, находясь в Петербурге, в столице империи, В.П. Мещерский не без пользы для себя выполнял функцию координатора национально ориентированных сил: близость ко двору позволяла ему быть в курсе всех дел. Он поддерживал дружеские отношения со всеми основными силами русской партии: со славянофилами, с Катковым, с Фадеевым и др. При Александре III его влияние на назначения в правительство было соизмеримо с аппаратными возможностями К.П. Победоносцева или того же М.Н. Каткова.

Таков состав общественных сил, с которыми у староверческой буржуазии установились тесные отношения. Благодаря этим отношениям купеческая группа приобретала политический ресурс, позволяющий продвигать свои насущные интересы на всероссийском уровне. Русская же партия, со своей стороны, нашла в вышедших из низов капиталистах воплощение образа народа, отвечающего их представлениям о русском пути развития. Можно сказать, что в

пореформенный период старообрядческое купечество стало своего рода экономическим отделением русской партии. Опора на национальные традиции, борьба с иностранным засильем, неприятие либеральных принципов государственного строительства – вот те узловые точки, вокруг которых выстраивалось сотрудничество национально ориентированной части элиты и московской купеческой группы. Вместе с тем прояснения требует вопрос, насколько сильным было влияние на раскольниковых миллионеров со стороны сотрудничавших с ними интеллигентов. В литературе сложилось устойчивое мнение об идеологической подчиненности московских промышленников славянофильствующей интеллигенции^[506]. Однако изученный материал не дает оснований разделить такое представление. Если влияние славянофилов было определяющим, то как быть с тем же М.Н. Катковым, связи с которым оказались не менее значимыми для московского клана? Возможности именитого публициста в правительственных кругах не уступали потенциалу лидеров славянофилов; его ресурсы, в том числе и интеллектуальные, представляли для купечества не меньшую привлекательность. Означает ли это, что в данном случае мы также можем говорить о катковском влиянии, под сенью которого пребывала, неоперившаяся еще как следует русская буржуазия?

На наш взгляд, ответ может быть таким: ни под каким влиянием – ни славянофилов, ни М.Н. Каткова – староверческая буржуазия не находилась. Чтобы принять это утверждение, необходимо осознать, насколько самодостаточны были эти выходцы из народных глубин. Перспективы их жизни не могли определяться какими-то, пусть и национально окрашенными, теориями российской интеллигенции; точкой опоры им служила конфессиональная общность, завещанная предками. Здесь они черпали силы для собственной идентификации, на этом фундаменте твердо стояли, спокойно относясь к интеллигентским концепциям, которые выстраивались вокруг них. Конечно, потребности развития требовали союзников; при этом купцы хорошо сознавали, что контактировать с ними – выходцами из крестьян, пребывающими в расколе, – готовы немногие представители правящего класса. И они с пользой для себя выстраивали эти отношения, сообразуясь прежде всего с практической эффективностью, а не с привлекательностью идеологем.

Это положение вещей подтверждает и сотрудничество староверческого купечества с такой необычной фигурой, как немецкий искатель удачи Людвиг Кноп^[507]. Далекий от всякой политики и тем более от национально настроенных сил, страстно критиковавших немецкое засилье, этот человек – именно благодаря расколу – вписал свое имя в историю российской промышленности. Все началось с того, что фабриканты-староверы заинтересовались предложениями Кнопа по переоборудованию текстильных предприятий. (Заметим: их совсем не смутила инициатива, исходящая, между прочим, от какого-то иностранца-лютеранина, а не местного славянофила). Предприимчивый немец, выяснив, какие громадные капиталы сосредоточены в руках купечества, предложил оснастить их производства английскими станками. Первый заказ он получил в 1839 году от известного Саввы Морозова, пожелавшего модернизировать свою Никольскую фабрику. Дело оказалось сопряжено с большим риском: в Великобритании действовал запрет на экспорт передовой техники и приобретать ее можно было только контрабандным путем. Кноп пошел на риск и выполнил поручение староверческого магната, чем заслужил его доверие. Вслед за Морозовым многие решили последовать этому примеру, тем более что с 1842 года вывоз оборудования из «мастерской мира» был официально разрешен. Сотрудничая с предпринимателями центрального региона, немец поучаствовал в модернизации свыше 120 мануфактур. Он стал незаменимым партнером российской купеческой буржуазии, объединив доставку оборудования, обеспечение сырьем и дешевый кредит^[508].

Деятельность Л. Кнопа получила широкую известность; в литературе о ней зафиксировано немало мнений, которые, на наш взгляд, нуждаются в серьезных пояснениях. Если принято считать, что в идеологическом плане фабриканты центрального региона находились под влиянием славянофилов (о чем было сказано выше), то в экономическом плане им приписывается зависимость от Людвиг Кнопа. Таково, например, мнение немецкого исследователя конца XIX века Г. Шульце-Геверница. Он сообщает, что расчеты за поставку оборудования осуществлялись пакетами акций тех предприятий, в оснащении которых участвовал Кноп. И делает далеко идущий вывод: едва ли не вся промышленность центра находилась в залоге у Л.

Кнопа, который при случае мог оказывать на российских фабрикантов любое воздействие. Основанием для такого заключения Шульце-Геверницу послужил случай с владельцем Лапинской фабрики Сергеевым, когда в результате конфликта с Кнопом и последовавшего расследования выяснилось, что предприятие горе-фабриканта находилось в залоге, т.е. фактически принадлежало не ему, а его кредитору^[509]. Подобные схемы, по мнению Г. Шульце-Геверница, имели место во взаимоотношениях Л. Кнопа и с другими его клиентами, в число которых, напомним, входили верхи торгово-промышленного купечества Центрального региона^[510].

Надо отметить, что для европейца в представленной версии нет ничего необычного, поскольку описанный случай – нормальная капиталистическая практика. Однако, нельзя забывать, с кем имел дело Л. Кноп, к кому он сумел втереться в доверие, предложив действительно комфортные условия сотрудничества. Это совсем не те классические предприниматели на начальных стадиях развития, какие мог представить зарубежный исследователь конца XIX века. В начале своего пути старообрядческие капиталисты фактически оставались вне контроля российского государства, и в правительстве их репутация считалась более чем сомнительной. Достаточно вспомнить, какой криминальный шлейф тянулся за этими непонятно откуда взявшимися миллионерами. В те годы иметь с ними дело, а уж тем более диктовать им свои условия решался далеко не каждый^[511]. Скорее всего, Л. Кноп это прекрасно понимал, а потому и сумел с пользой для себя влиться в данный деловой контингент. Утверждение, будто залоговые позволяли ему держать в руках этих людей, выглядит довольно легковесным. Вспомним, на чем были основаны промышленность и торговля раскольников, и как они вели дела в дореформенное время; представим, как бы отнеслись они к тому, что созданное на общинные средства предприятие вдруг оказалось у какого-то иностранца, который может распоряжаться им по своему усмотрению. Сомнительно, что кто-либо в староверческом мире допустил бы подобное. Да и самому Л. Кнопу это не сулило бы ничего хорошего. А как известно, он прожил насыщенную жизнь, неизменно выступая деловым партнером своих русских коллег^[512]. Кстати, немецкий предприниматель нечасто бывал в Москве: с начала 1860-х годов он

жил в основном в Германии, где получали образование его сыновья, а в России проводил не более трех месяцев в году^[513].

Так что же все-таки происходило в реальности? Вне всякого сомнения, Кноп, доказавший свою полезность деловому староверческому сообществу, а потому и интегрированный в него, действовал по договоренности. Договоренности негласной, основанной не на правовых механизмах, а исключительно на личных взаимоотношениях с торгово-промышленными воротилами раскола. Что же касается случая с Лапинской фабрикой, то он относится к 1889 году, когда староверческий мир кардинально изменился, восприняв параметры и дух классического капитализма. Поэтому здесь вполне допустима логика Г. Шульца-Геверница: владелец фабрики действительно оформил ее в залог. А выводы о якобы определяющем экономическом влиянии Л. Кнопа на староверческую промышленность центрального региона в целом нельзя признать состоятельными. Напротив, факт этого сотрудничества свидетельствует: бесперспективно искать чье-либо политическое или экономическое влияние (тем более определяющее!) на староверческую буржуазию. Это был мощный клан, спаянный и выстроенный на конфессиональной основе, и ни о какой подчиненной зависимости речи здесь идти не может. При этом свой авторитет в кругах московской буржуазии Л. Кноп сохранялся вплоть до самой смерти и положение его сыновей, продолжателей дела, в деловой элите Первопрестольной не подвергалось сомнению.

3. Взаимоотношения с правительственной бюрократией

С начала 60-х годов XIX столетия московская торгово-промышленная группа как представитель купеческой буржуазии центра страны заявляет о себе на всероссийском уровне. Вместе с новыми союзниками из правящего класса она пыталась использовать для своего развития новые возможности, открывшиеся в пореформенный период, и претендовала на весьма значимое место в экономике страны. Для правительства потенциал этой мощной группы обрел реальные очертания во время острого соперничества в ходе продажи Николаевской железной дороги. В 1868 году власти решили провести конкурс на право эксплуатации наиболее прибыльной железнодорожной ветки между Петербургом и Москвой. Рассматривались четыре заявки: от Главного общества российских железных дорог, рязанского купца первой гильдии Самуила Полякова, американского гражданина В. Уайненса и Московского товарищества. Между Москвой и основным ее конкурентом – Главным обществом – развернулось лоббистское противостояние. Московское товарищество, состоявшее из 92-х человек, включало цвет староверческого купечества и славянофилов. Его предложение выглядело действительно привлекательно: произвести все ремонтные работы на путях и увеличить подвижной состав, употребив на это – без всякого пособия и гарантий правительства – собственный капитал в 15 млн рублей (из них 10 млн наличными, а 5 млн – процентными бумагами) [\[514\]](#). Преимущества этого предложения очевидны на фоне других заявок, предусматривавших максимально большие правительственные гарантии. Неудивительно, что оно смогло привлечь на свою сторону многих министров, высказавшихся в пользу этого ходатайства. Представители Московского товарищества около семи месяцев постоянно проживали в Петербурге, руководя усилиями лоббистов [\[515\]](#). Даже наследник престола – будущий Александр III – публично поддержал московскую инициативу; в этом проявились его взгляды на поддержку отечественных промышленников и защиту их от иностранных конкурентов, (эти взгляды прививались его учителем по

экономике профессором И.К. Бабстом – видным сторонником московского клана)^[516].

Дело о продаже Николаевской дороги имело не только экономическое, но и общественно-политическое значение. В этом были уверены, прежде всего, участники Товарищества: для них речь шла не столько о конкретной хозяйственной проблеме, сколько о том направлении, по которому должна развиваться отечественная промышленность. В их записке, направленной в правительство, впервые четко выражена позиция, которая противостоит интересам дворянского клана, связанного с иностранным капиталом:

«Русская предприимчивость не имеет в своем Отечестве поля, на котором она могла бы разрастись и развиваться. Все современные предприятия России, организуясь на иностранные капиталы, подпадают неизбежно под влияние иностранцев или руководимы ими, питают их промышленные силы и им несут свои прибыли и доходы...

Товарищество, владеющее и руководящее Николаевской дорогой как одним из огромных промышленных предприятий Европы и задавшееся неперменным желанием сохранить и поддерживать это предприятие силами и способами русской деятельности, может, бесспорно, получить сильное орудие для излечения помянутого недуга»^[517].

Однако высшая власть в лице императора Александра II имела совсем другие планы, и прибыльный актив достался Главному обществу российских железных дорог, основанному французскими финансистами и высшей российской аристократией. Такое решение мотивировалось необходимостью поддержать стоимость акций этого Общества, чему и способствовало приобретение крупного транспортного актива^[518]. Возмущение сторонников Московского товарищества не имело пределов. М. Н. Катков на страницах своего издания не устал разбирать это скандальное дело, подчеркивая невыгодность его исхода для российского государства. Он разъяснял, что Главное общество, по сути, не подвергая себя никакому риску, возлагало будущие результаты своего хозяйничанья на то же

правительство. Иными словами, обещая перечислять часть прибыли от эксплуатации дороги государству, оно требовало от него же гарантий на эти доходы. Это как если бы кто-нибудь заложил свой дом, восклицали «Московские ведомости», а ответственность по уплате процентов возложил на кредитора^[519]. М.Н. Катков сожалел, что *«это дело пришлось решить не в пользу Русского Товарищества»* с его выгодными условиями и выражал пожелание, чтобы лица, составившие его, *«не покинули свое намерение послужить железнодорожному делу в России»*^[520]. Беспокоился именитый публицист напрасно: эти лица не собирались оставлять своих намерений и уже вскоре нацелились на следующий объект, претендуя на покупку Курской железной дороги. В этом случае правительство, видимо из компенсационных соображений, не стало чинить им препятствий, и в 1871 году право на эксплуатацию Курской ветки перешло под контроль московской группы^[521].

Другим жизненно важным делом староверческой буржуазии являлась борьба за высокие таможенные пошлины, ограждающие производства от конкуренции с иностранными товарами. Это направление еще с первой половины XIX века стало традиционным для торгово-промышленного купечества, своего рода его визитной карточкой. Развитие хозяйственной деятельности все более отчетливо выявляло противоположность интересов основных субъектов экономической жизни. Интересы правящего дворянства, ратующего за расширение внешнеторговых оборотов, были далеки от потребностей мануфактуристов, желавших, напротив, сокращения экспортно-импортных операций. Ведь объем поставок русской продукции на европейский рынок зависел от соответствующих объемов ввоза, а поскольку экспорт империи практически полностью состоял из продуктов сельского хозяйства, то требования дворян-землевладельцев оказывались несовместимыми с нуждами промышленников. Русское купечество поднялось на защиту внутреннего рынка страны, так как от этого зависели его коммерческие перспективы. С начала XIX столетия эти выходцы из крестьян писали ходатайства по ограждению торгового пространства от западной конкуренции, высказывая настойчивые просьбы о повышении таможенных тарифов. Как показывает знакомство с этими документами, все они строились по одной схеме: в России – из-за высокой стоимости сырья и оборудования, недостатка

путей сообщения, дорогого кредита, неудовлетворительного качества рабочей силы – условия производства менее выгодные, чем за границей. Кроме того, так как «произведения российские» предназначены для широких народных масс, а не для роскоши избранных, отечественная продукция обязана быть дешевой, чему и должны способствовать высокие пошлины на заграничные товары. Ходатаи с подлинно народной прямоотой просили «удостоверить навсегда о запрещении ввоза всех иностранных изделий», поскольку они мешают открывать новые фабрики, проявлять предприимчивостью и смекалку^[522]. Подобные заявления в адрес правительства поступали с завидной регулярностью как непосредственно от самих промышленников, так и от местных властей, время от времени заботливо проникавшихся их нуждами^[523].

Наверху всегда довольно спокойно реагировали на подобные просьбы, не останавливая на них внимания. Однако в 1860-х годах деятельность промышленников по обоснованию высоких таможенных ставок стала заметно более осмысленной. Во многом это объясняется как раз тем, что в пореформенной России крестьянская по своему происхождению буржуазия обрела союзников из правящего сословия, помогавших полнее выражать ее насущные интересы по различным проблемам. Применительно к таможенным делам эту функцию выполнял экономист и предприниматель А.П. Шипов^[524]. На встречах с лидерами московского клана Шипов зачитывал свои готовившиеся к печати сочинения о благотворности русских деловых начинаний и о вреде иностранного предпринимательства в России^[525]. Вот характерная выдержка из одной его книги:

«...Эти господа имеют лишь в виду вести Россию к сближению с теорией свободной международной торговли, о чем так хлопочут наши благодетели – западные иностранцы, и приставляют к нам особых агентов, чтобы убеждать нас в том, что поспешное понижение пошлин... есть неременное условие рациональности и должно быть целью наших действий»^[526].

Интеллектуальные наработки А.П. Шипова оказались как нельзя более кстати, когда после отмены крепостного права правительство,

исходя из либеральных побуждений, взяло курс на понижение таможенных ставок. Министр финансов М.Х. Рейтерн представил Александру II выводы о применении пошлин в предыдущий период; из них следовало, что увеличение таможенного дохода наблюдалось по всем тем статьям, по которым пошлины понижались. К тому же, по оценке Рейтерна, снижение не только не причинило вреда российской экономике, но и дало импульс ее росту. Поэтому предлагалось продвигаться по данному пути и *«допустить некоторое уменьшение чрезмерных пошлин... на сколько еще представляется возможным без вреда отечественной промышленности»*^[527], а также учреждалась правительственная Комиссия по пересмотру таможенного тарифа. В нее вошли и представители староверческой буржуазии центральной России: Ф. Рязанов, Т. Морозов, Н. Четвериков, В. Крестовников – от Московского региона, В. Каретников, Н. Гарелин – от Владимирского. В ходе работы комиссии они выступили единым фронтом, доказывая пагубность снижения таможенных ставок.

О происходившей в комиссии напряженной борьбе дают представление стенограммы заседаний. Чиновники Министерства финансов и купечество не стеснялись во взаимных обвинениях в некомпетентности, неискренности, предвзятости и т.д. Руководители департамента таможенных сборов Министерства финансов доказывали, что в случае высоких тарифов не произойдет нужного притока капитала, будет затруднена всякая конкуренция, да и избыточная пошлина всей тяжестью ляжет на потребителя, а внутреннее производство не расширится^[528]. В ответ звучали страстные речи Т.С. Морозова:

«Теперь мы, как русские, желаем, чтобы промышленность была восстановлена, а вы, как иностранцы, желаете больше торговать иностранными товарами»^[529].

Правительственные чиновники считали купцов людьми невежественными, и велико было их удивление, когда эти выходцы из парода начали довольно умело оспаривать понижение пошлин. Как вспоминал участник этих баталий (впоследствии председатель Московского биржевого комитета) Н.А. Найденов:

«тут была пробита брешь в том понятии, которое существовало о московском торговом люде; комиссия стала относиться к купеческим депутатам с большой осторожностью»^[530].

Кстати, после заседаний купеческие представители собирались в номере гостиницы у главного таможенного критика правительства А.П. Шипова, которого власти предусмотрительно не пригласили для работы в комиссии. На этих встречах, продолжавшихся до глубокой ночи, обсуждалось все происходившее на заседаниях, намечалась линия поведения на следующий день^[531].

Большую помощь купечеству оказывал И.К. Бабст, который во время занятий сообщал наследнику престола –будущему Александру III – сведения о ходе таможенных дискуссий. Тот просил руководителя департамента Государственного совета К.В. Чевкина, к которому должны были поступить документы комиссии, принять и выслушать купеческих фабрикантов^[532]. Несмотря на это тарифные споры завершились так, как, собственно, и должны были завершиться – победой правительства. При посредничестве того же Бабста делегация от купечества, участвовавшего в трудах таможенной комиссии, была представлена наследнику; он выразил искреннее свое сожаление по поводу итогов работы, сказав о чиновниках, что, мол, *«ничего с ними не поделаешь»*^[533]. Поражение купеческой буржуазии вызвало и заметный общественный резонанс; на него по-своему откликнулись даже революционные круги. В прокламации «К русскому купечеству» констатировалось: оно *«становится рабом всякого чиновника»* и в конце концов останется ни с чем, а надо, чтобы оно *«подняло голову, униженно склонившуюся перед чиновничеством и барством, проживающим на ворованные у вас деньги»*^[534].

В политическом отношении староверческая буржуазия и ее сторонники значительно уступали чиновничье-дворянскому клану, издавна облюбовавшему все административные должности империи. Осознавая недостаточность своего потенциала, московское купечество старалось приобрести устойчивые позиции во властных структурах. С этим связаны их усилия по созданию отдельного правительственного ведомства – Министерства торговли и промышленности. Проект образования последнего посредством выделения из структуры

Министерства финансов был подан известным купцом В.А. Кокоревым великому князю Константину Николаевичу, который весьма благосклонно отнесся к этой инициативе. Причем предполагалось, что во главе нового министерства непременно должен встать какой-либо авторитетный представитель русского купечества^[535], Некоторые рассматривали фигуру самого Кокорева; среди его сторонников был и князь А.И. Барятинский, с юности состоявший в дружеских отношениях с императором. Популярный фельдмаршал со славянофильскими наклонностями был заметно впечатлен зажигательными речами этого самородка. Он признавал, что Кокорев вышел совсем из иной мировоззренческой среды, но был убежден, что препятствием для ведомственного служения это являться не может^[536]. Надо сказать, что еще в конце 1850-х годов, будучи главнокомандующим на Кавказе, князь проявлял большие симпатии к староверам, позволяя им избирать в полках новых священников взамен умерших^[537].

Однако в коридорах чиновничьего Петербурга все оказалось гораздо сложнее, чем на кавказских фронтах. Власти не воспринимали рекомендаций о назначении раскольника куда-либо, не говоря уже о столь высоком poste. Интересно, что московская группа, понимая сложившуюся ситуацию, вносила предложения о формировании министерства не под руководством какого-либо авторитетного купца, а с коллегиальным управлением. В фонде Минфина содержится записка с проектом создания Министерства коммерции и промышленности, во главе которого должен находиться совет, состоящий из людей, хорошо знакомых с данной отраслью. В него должны были входить 11 членов: трое от правительства и по четыре – от торгующих купцов и фабрикантов-производственников. Причем правительственных чиновников предполагалось назначать указами императора, а остальных избирать. Но и такой подход к образованию нового ведомства вызвал резкие возражения, которые объяснялись тем, что большинство голосов в совете фактически принадлежало бы купеческому сословию. Это признавалось в принципе недопустимым, особенно для России – *«при недостаточной просвещенности наших купцов»*^[538].

Власти с недоверием относились к инициативам московского клана, блокируя их хорошо выверенными аппаратными способами.

Например, в 1870 году состоялся Петербургский торгово-промышленный съезд, который провела столичная буржуазия, легко получившая на то дозволение свыше. Заметим, это первый в истории страны крупный публичный форум, устроенный предпринимательскими кругами. Вскоре московская группа также решила обсудить вопросы о нуждах торговли и промышленности на своем съезде в Первопрестольной. В конце 1871 года начал работу распорядительный комитет по устройству мероприятия; купечество Центрального региона буквально завалило его предложениями и просьбами^[539]. Пришлось даже умерять пыл потенциальных участников форума: Общество для содействия русской промышленности и торговли указало, что огромное число вопросов, намечаемых для обсуждения не должно быть велико, иначе повестка дня окажется сильно перегруженной. Наконец, ходатайство о проведении съезда – на тех же основаниях, на каких был разрешен петербургский, – поступило в мае 1872 года в Министерство финансов. Но там после рассмотрения предоставленной программы мероприятия и списка его участников пришли к заключению, что намечаемый разговор, особенно о развитии совещательных учреждений по торговле и промышленности, является несвоевременным, так как не может иметь практической пользы. Все эти вопросы планировалось обсуждать в Государственном совете, а потому данная просьба осталась без последствий^[540].

Правительственные предпочтения, отданные дворянскому клану, – это отличительная черта капиталистического развития России 60-70-х годов XIX века. Деловые начинания представителей аристократической верхушки в первую очередь поддерживались ведомственными кругами. Привилегии предоставлялись тем обществам, в которых российская знать, а также иностранный бизнес имели интересы и акции. Например, английский предприниматель Юз начинал деятельность в России в союзе князем С.В. Кочубеем; именно связи этого аристократа в правительственных кругах помогли получить в конце 1860-х годов разрешение на беспошлинный ввоз оборудования для предприятия по производству рельсов и добиться премии с каждого произведенного пуда продукции^[541]. Проталкивать в придворных и правительственных сферах подобные коммерческие проекты купеческая буржуазия в тот период была еще не в состоянии.

Очевидная слабость ее позиций перед чиновничеством послужила даже темой для известного романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». По сюжету завод, принадлежащий раскольничьей семье Приваловых-Гуляевых, становится, говоря современным языком, объектом рейдерской атаки правительственных чиновников. Чтобы покрыть накопившуюся задолженность предприятия, они пустили его с молотка. В результате многомиллионный актив достался какой-то неизвестной компании, которая приобрела его с рассрочкой платежа на 37 лет, т.е. практически задаром. Позже выяснилось, что за этим удачливым покупателем стоят те же самые чины. Попытки хозяев воспрепятствовать такому ходу событий ни к чему не привели. Как заметил Д.Н. Мамин-Сибиряк, после растворения миллионов староверческой родне оставалось вплотную заняться другим делом – не дать погибнуть приваловскому роду^[542].

Обратимся к развитию банковской сферы, которое с 1860-х годов стало одним из основных направлений экономики. Соперничество буржуазных группировок проявилось здесь не менее наглядно, чем в железнодорожном строительстве и таможенных делах. Московское купечество много лет безуспешно пыталось учредить собственный крупный банк; проект «О городском общественном банке» был представлен властям еще в 1834 году. Тогда просьба о создании в Москве банка мотивировалась созданием особого «хлебного» капитала на случай неурожая. Но даже такая благородная цель успеха не обеспечила: власти не отреагировали на просьбу купечества^[543]. И в новых, пореформенных, реалиях банковские проекты Москвы начала 1860-х по-прежнему оставались без внимания, как, например, проект Ф.В. Чижова о создании «Народного железнодорожного банка», попросту проигнорированный Минфином^[544]. Первый российский коммерческий банк был утвержден, разумеется, в Петербурге в 1864 году^[545]. Его организатором стал председатель Петербургского биржевого комитета Е.Е. Бранд. Будучи доверенным лицом Министра финансов М.Х. Рейтерна и управляющего Государственным банком барона А.Л. Штиглица, он заручился их поддержкой. Из пятимиллионного уставного капитала один миллион рублей оплатило правительство, еще один, по рекомендации Штиглица, приобрели иностранные банкиры^[546]. Подобная картина наблюдалась и при

учреждении других петербургских банков: неизменными участниками их создания выступают правительственные чиновники и предприниматели иностранного происхождения. Управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский (в 1867 году он сменил на этом посту Штиглица) вспоминал, как он уговаривал Г. Рафаловича, готовившего устав Петербургского учетного и ссудного банка, пригласить в состав учредителей кого-нибудь из русского купечества; возглавил же правление этого банка бывший Министр внутренних дел П.А. Валуев. А сам Ламанский стал председателем правления Русского банка для внешней торговли, учрежденного в 1871 году по инициативе банкирских домов Гвинера, Гинзбурга, Мейера и др.^[547] От столичного русского купечества в банковском строительстве участвовал довольно ограниченный круг деятелей. Так, в составе акционеров разных петербургских банков неизменно фигурировали братья Елисеевы. Но подобные примеры являлись исключениями: как хорошо видно, погоду здесь делали не купеческие представители. Неудивительно, что столичные банки, тесно связанные с высшей имперской бюрократией, пользовались безраздельной поддержкой российского правительства, поручавшего им проведение различных коммерческих операций. Например, М.Х. Рейтерн наделял упоминавшийся Петербургский учетный и ссудный банк правом реализации и пополнения золотого запаса страны на финансовых рынках европейских стран^[548].

Совсем иначе складывалась ситуация с банковским учредительством в Москве. В 1866 году было наконец выдано разрешение на создание Московского купеческого банка, проект устава которого уже давно находился в Министерстве финансов^[549]. Возглавили его Ф.В. Чижов и И.К. Бабст. Иностранный капитал при открытии банка не играл ровно никакой роли; однако, это детище купечества Первопрестольной демонстрировало завидную финансовую динамику. Очевидно, что работа на растущем внутреннем рынке имела свои сильные стороны, позволявшие конкурировать с Петербургом. Например, если вскоре после открытия Московского купеческого банка туда поступило свыше 10 млн. рублей, то уже через пять лет по его текущим счетам проходило свыше 134 млн.^[550] Эти большие средства шли на оборотное обслуживание торгово-промышленного активов, принадлежащих купечеству. Те же цели преследовало и учреждение в 1869 году Московского купеческого

общества взаимного кредита; в его правление вошел И.С. Аксаков, ставший вскоре Председателем этого общества.

Тем не менее, даже располагая такими крупными структурами, Москва в банковской сфере уступала пальму первенства Петербургу. Столичные банки, опираясь на поддержку властей, являлись более мобильными: они делали ставку на создание филиальных сетей, а также на привлечение иностранных финансовых ресурсов. Именно эти обстоятельства обеспечивали петербургским банкам серьезные конкурентные преимущества, что беспокоило купечество, ощущавшее серьезное соперничество с их стороны. Поэтому московская предпринимательская группа решила диверсифицировать свои финансовые источники. Для этого в 1870 году инициировано создание нового Московского учетного банка. Его акционерами стали проверенные партнеры купечества: Кноп, Вогау и др., – а также крупные русские торговцы и промышленники, тесно связанные деловыми отношениями: И.В. Щукин, К.Т. Солдатенков, С.И. Сазиков, Боткины, кондитерский фабрикант А.И. Абрикосов^[551]. Проект предназначался специально для внешнеторговых операций и привлечения финансирования из-за рубежа, минуя петербургские деловые круги. Фабрикант С.И. Сазиков подчеркивал:

«...Известно, что по части банковской Москва находилась всегда в зависимости от Петербурга. Наш банк поставил себе задачей установить по этой части непосредственные отношения Москвы с Европой»^[552].

Считалось, что немецкие связи Кнопа и Вогау должны способствовать этому процессу. Заметим, что решить поставленную задачу не удалось: европейские партнеры прекрасно сознавали, в чьих руках находится административный ресурс, и серьезно вкладываться в инициативы купечества не собирались. Другой крупной – и более удачной – инициативой купечества стало учреждение Волжско-Камского банка. Среди его организаторов мы видим весь цвет деловой старообрядческой элиты того периода: В.А. Кокорева, Г.И. Хлудова, Т.С. Морозова, К.Т. Солдатенкова, братьев Милютиных, Сыромятниковых и др.; из двадцати учредителей только двое (какой-то полковник и коллежский советник) не принадлежали к купечеству^[553].

В дальнейшем крупнейшими акционерами банка являлись семьи поморских беспоповцев Кокоревых и Мухиных. С самого начала банк сделал ставку на развитие мощной региональной сети: уже к 1873 году он обосновался в обеих столицах и восемнадцати крупных городах России, главным образом в Поволжском бассейне. Причем правление этого коммерческого учреждения располагалось непосредственно в Петербурге^[554]. Кстати, в данном случае акционеры банка сумели привлечь в руководство крупного столичного чиновника, о котором говорилось выше, – Е.И. Ламанского; он занял пост Председателя совета в 1875 году. Пресса считала, что Волжско-Камский банк сохранял русское купеческое лицо; в пореформенный период он (наряду с Московским купеческим банком) считался наиболее успешным проектом буржуазии Первопрестольной^[555]. Заметим, что на этом фоне начинания в банковской сфере московского дворянства, не обладавшего прочными связями в торгово-промышленном мире, оказались явно несостоятельными. Такие банки, как Московский ссудный и Промышленный, просуществовав несколько лет, в 1875-1876 годах завершили свою деятельность банкротством^[556].

Но настоящие успехи у купеческой буржуазии на экономическом поприще начались с воцарения Александра III. Они связаны с изменениями всего государственного курса, предпринятого императором-русофилом, под влиянием русской партии. Ее лидеры начали плотно опекать будущего императора еще с конца 1860-х годов, когда после смерти старшего брата Николая он превратился в наследника российского престола. Собственно, вокруг его фигуры и произошло сплочение политических групп, получивших наименование русской партии. Организатором их выступил князь В.П. Мещерский, состоявший в дружеских отношениях с Александром. И именно Мещерский ввел Александра Александровича в круг своих идейных единомышленников, став инициатором его регулярных встреч с ними. На этих вечерах присутствовали М.Н. Катков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, литератор Ф.М. Достоевский, учителя цесаревича К.П. Победоносцев, И.К. Бабст и др. Весьма интересно, что наследник престола зачитывался староверческой эпопеей П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», публиковавшейся в катковском журнале «Русский вестник»; встречался с самим автором романа, поведавшего ему много интересных сведений о расколе^[557].

Конечно, подобные встречи оказали большое влияние на формирование молодого человека. В этой интеллектуальной атмосфере складывался круг тех людей, которые при Александре III во многом определяли российскую политику. Русская партия дождалась того часа, когда она, встав у руля, смогла повернуть государство в русло своих национально-патриотических представлений. Вот как образно описывал это князь В.П. Мещерский:

«Русская партия, словно наш национальный сказочный богатырь, который, отсидев сиднем десятки лет, начал расти и крепнуть не по годам, а по дням... с усилением народного развития и сознания начал быстро возрастать и усиливаться»^[558].

Одновременно с русской партией просыпается – правда, как думается, никогда особо и не дремавшее – староверческое купечество. Вне всяких сомнений, оно было хорошо осведомлено о сдвигах в верхах и осознавало, какие перспективы сулит ему этот политический поворот. Если советской историографии 1880-1890-е годы видятся в мрачном свете контр-реформ, то для староверческой буржуазии это время долгожданного плодотворного диалога с властью, породившего немало надежд на будущее.

Восхождение на престол Александра III ознаменовалось проведением в Москве торгово-промышленного съезда, послужившего трибуной для декларации программных намерений московского клана. На сей раз никаких затруднений с разрешением подобного мероприятия не возникло; более того, с приветствием к съезду выступил родной брат императора великий князь Владимир Александрович. Заклеймив европейские теории как непригодные для России, купечество повело речь на излюбленную тему; об охранительных пошлинах (а лучше вообще о запретительных). Известный ученый Д.И. Менделеев, хорошо знакомый и ценимый московской буржуазией, вернулся к идее создания отдельного учреждения (министерства) по защите интересов русской промышленности^[559]. О пользе повышения таможенных тарифов говорили видные представители делового мира Москвы: Г.А. Крестовников, Т.С. Морозов, Н.И. Прохоров, С.И. Кузнецов и др. Они

уверяли, что охранительная таможенная политика – единственно возможное средство для выхода богатырских капиталов из русской земли^[560]. Съезд настолько проникся этим духом, что даже проигнорировал призывы Министра финансов Н.Х. Бунге не рассматривать увеличение ставок в качестве панацеи от всех бед; его предостережения тонули в хоре голосов большинства^[561].

После торгово-промышленного форума, задавшего вектор развития российской экономики, купеческая элита перешла к практическим действиям по ограждению внутреннего рынка от иностранной продукции. Первый удар в этом направлении пришелся на так называемый закавказский транзит: путь, по которому при Александре II был разрешен беспошлинный провоз зарубежных товаров для дальнейшего следования в азиатские страны. Но этим удобством пользовались многие торговцы: транзит Тифлис-Баку-Джульфа не редко использовался для беспошлинного проникновения экспорта в Россию. Московская буржуазия, обеспокоенная наличием серьезной таможенной дыры, давно выступала за прекращение этого безобразия, требуя прекратить подрыв русской промышленности^[562]. В 70-е годы XIX столетия борьбу за закрытие транзита возглавляли М.Н. Катков и Н.А. Шавров, который даже публиковал научные труды по данному вопросу. Но с началом 80-х хлопоты купечества стали гораздо более успешнее. Теперь на его стороне выступило Общество для содействия русской промышленности и торговли^[563]. Как выяснилось в ходе, прошедших там, дебатов, в подобной практике оказался заинтересован ряд крупных столичных предпринимателей. Они требовали сохранения транзита, а натиск купечества встречали аргументом, что *«нельзя все интересы такого обширного государства как Россия сосредоточить около одной Москвы»*; ведь российская империя существует для блага всех своих областей^[564]. Предлагалось компромиссное решение: оставить закавказский путь, но установить умеренные пошлины для товарных потоков. Именно за такой вариант выступал Министр финансов Н.Х. Бунге. Но Московский биржевой комитет держался непоколебимо и отменил предложенный компромисс, добившись подчинения транзита действующим таможенным правилам. Причем Александр III при рассмотрении вопроса высказал пожелание не передавать его в Государственный совет, чтобы избежать там нежелательных дискуссий. Как говорили в верхах, в этом

проявилось *«торжество московской агитации и петербургской интриги против Бунге»*^[565].

Но настоящая схватка купечества и русской партии непосредственно с Министром финансов произошла в 1884 году при рассмотрении вопроса об утверждении устава русско-американской компании. Это предприятие бралось построить по стране сеть элеваторов, чтобы существенно снизить затраты на транспортировку зерна, идущего на экспорт. Представитель и акционер компании П.П. Дурново не скрывал, что, прежде всего, преследует интересы землевладельцев-дворян. Данную коммерческую инициативу всячески продвигал Н.Х. Бунге, который со своей стороны не мог не приветствовать такие крупные инвестиционные вложения. В этом деле он решил заручиться поддержкой Государственного совета^[566]. Однако против учреждения русско-американской компании резко выступили *«представители народной политики»* в лице Московского биржевого комитета и его политических союзников. «Московские ведомости» в пух и прах разносили проект, напрочь отвергая предоставленные экономические расчеты. Вместо игры в цифры издание предлагало сосредоточиться на том, кому в полное распоряжение достанется хлебная торговля. И делало вывод, что этот исконно русский бизнес отдается в жертву иностранцам, а местное купечество должно будет довольствоваться крохами, которые русско-американская компания пожелает им выделить из своей выгоды. Происходившие слушания в Госсовете передовая газеты окрестила *«торгом со своей совестью»*^[567]. А на аргумент сторонников проекта о присутствии в правлении компании русских подданных, М.Н. Катков многозначительно замечал, что *«между русскими подданными есть всякие»*^[568].

Тем не менее, общее собрание Государственного совета стараниями Н.Х. Бунге и П.П. Дурново большинством проголосовало за создание русско-американской компании (за – 33 члена, против – только 8). Но тут к ее противникам присоединился сам государь император. Александр III выразил недоумение по поводу того, что это дело дошло до Госсовета и вообще там оказалось, недвусмысленно назвав представление Министра финансов по данному поводу *«очень легкомысленным»*^[569]. В результате он утвердил мнение меньшинства, выступившего против учреждения компании, отметив в своей

резолуции, что подобная коммерческая инициатива опасна для России. При этом очень интересно, что император вспоминал известный тендер 1868 года о продаже Николаевской железной дороги, когда один из проигравших участников – американская фирма – предъявил претензии российской стороне, и та потом долго и мучительно развязывалась с ним. Эпизод с русско-американской компанией стал крупной лоббистской победой купеческой буржуазии, а также и первой серьезной трещиной в отношениях Александра III и его Министра финансов. Лишь благодаря усилиям Государственного секретаря А.А. Половцева высочайшую резолюцию решили не обнародовать, чтобы не бросать явную тень на Бунге^[570].

Следующее дело москвичей в экономической сфере оказалось еще более масштабным. Купечество настроилось нейтрализовать промышленный потенциал Польши; конкуренция с этим западным районом империи уже давно раздражала русских фабрикантов. Детальное изучение этого вопроса поручалось верному последователю М.Н. Каткова и И.С. Аксакова публицисту С.Ф. Шарапову^[571]. В 1885 году он побывал в регионе, после чего представил доклад о перспективах конкурентной борьбы с Польшей. Сразу отметим, что данная проблема подавалась не только в сугубо хозяйственном ключе: она приобрела и политическую подоплеку. Как известно, значительная часть польской промышленности находилась в руках у немцев, облюбовавших командные высоты экономики. Это стало возможным, благодаря тому покровительству, которое неизменно оказывалось им в Петербурге. По наблюдению Шарапова, даже российская железнодорожная сеть являлась простым продолжением германских торговых путей внутрь нашей страны^[572]. При такой поддержке российских властей развитие польской промышленности шло быстрыми темпами; выдерживать конкуренцию с ней становилось все труднее. В результате коренные русские фабрики и мануфактуры находились под угрозой, *«чувствуя, как шаг за шагом почва уходит из-под ног»*^[573]. Теперь пришло время изменить положение, когда немецкий капитал процветает за счет русского купечества. Для этого предлагалось повысить налогообложение польских предприятий, ввести повышенные железнодорожные тарифы на импортные грузовые потоки от границ России к Центру. Вновь звучало напоминание о необходимости создать специальный орган,

призванный оберегать именно русскую экономику^[574]. Не дожидаясь этого, Московский биржевой комитет уже демонстрировал, как нужно стоять на страже ее коренных интересов, ходатайствуя о восстановлении таможенной границы между польскими губерниями и Россией. На это требование шокированный Министр финансов Н.Х. Бунге согласиться уже никак не мог^[575]. Тем не менее, фабриканты Лодзи сполна ощутили возросший лоббистский потенциал купечества Первопрестольной. Жалобы теперь стали раздаваться уже с их стороны: они указывали на уменьшение прибылей, что стало прямым следствием ухудшения общих условий хозяйствования.

Пользуясь политической поддержкой, лидеры московской буржуазии начали постепенно осваиваться в стенах Министерства финансов; ныне главное экономическое ведомство вынуждено было идти им навстречу. Если прежде обращения фабрикантов власти называли «домогательствами», то теперь начинания этих подлинно русских людей становились ориентирами для практических шагов в экономике. Характерен пример переписки Минфина и Московского биржевого комитета. В конце 1883 года 24 крупных промышленника Центрального региона обратились в правительство с просьбой плотнее привлекать сведущих и заинтересованных лиц для трудов в комиссию по пересмотру общего таможенного тарифа^[576]. Согласие со стороны Минфина последовало незамедлительно. Но особенно обращают внимание такие слова:

«В совещаниях могут высказаны мнения противоположные тем, кои будут положены в ожидаемом от Московского биржевого комитета заключении. Департамент торговли и мануфактур по поручению господина Министра финансов считает нужным сообщить: не будет ли признано полезным назначить особых представителей от Московского биржевого общества к участию в предположенных совещаниях по одному или два лица для каждого из производств. О том, кто будет избран просьба сообщить»^[577].

Встречая такое расположение к своим инициативам, купеческая буржуазия начала высказываться по разнообразным экономическим вопросам. То ее представители озаботились проникновением англичан

по реке Енисей и требовали прекратить подрыв торговли с сибирским краем^[578]. Или настаивали на поддержке импорта риса через азиатскую границу, дабы уменьшить европейские экспортные потоки и обеспечить загрузку отечественных судов и т.д.^[579]

Апогей купеческого влияния пришелся на отставку Н.Х. Бунге: его пребывание на посту главы финансового ведомства вызывало все большее недовольство капиталистов из народа и их друзей из русской партии. В.П. Мещерский и М.Н. Катков настойчиво добивались его ухода, расчищая путь для приверженцев протекционизма. С 1 января 1887 года министерство возглавил И.А. Вышнеградский – креатура русской партии. В августе он посетил Нижегородскую ярмарку, где стал почетным и желанным гостем. Обращаясь к новому министру, Председатель ярмарочного комитета П.В. Осипов откровенно заявлял, что русское купечество:

«знает, какое знамя поднято вашим высокопревосходительством и по какому пути решили вы вести русское государственное хозяйство»^[580].

Ободренная купеческая буржуазия, представила обширную программу торговой экспансии, призвав решительно осваивать рынки Закавказья, Персии, Средней Азии, Дальнего Востока^[581]. Именно Министром финансов И.А. Вышнеградским с энтузиазмом завершена протекционистская таможенная эпопея. Он принимает решение о резком повышении пошлин: их предполагалось сделать самыми высокими в Европе. Для обоснования этих намерений из столичного Технологического института, где ранее трудился И.А. Вышнеградский, была приглашена группа профессоров вместе с тем же Д.И. Менделеевым, которому поручалось выработать ставки по товарам химической промышленности. Однако Менделеев не ограничился скромной, на его взгляд, задачей, и подготовил программу тарификации всех хозяйственных отраслей, сгруппировав их по двенадцати разделам. Его обширная записка передавалась для заключений в биржевые комитеты. Все участники этого проекта демонстрировали твердую убежденность в необходимости упрочить таможенную систему страны^[582]. Идею эту этой работы обеспечивали издания «Московские ведомости» и «Русь», которые уже

давно обосновывали преимущества покровительственной системы^[583]. Вообще, по сравнению с 1868 годом ситуация повторилась с точностью до наоборот. Либеральные круги, выступавшие за свободу торговли, теперь оказались на периферии министерского тренда. Им оставалось только замечать, что, например, пошлины на хлопчатобумажные изделия уже и так превышают ставки 1868 года, когда их как высшего предела домогались те же самые московские деятели. Аграрии предрекали, что неоправданный рост тарифов увеличит производство сверх рыночных потребностей и естественным образом вызовет кризис^[584]. Но участники таможенной эпопеи оставались глухи к подобным аргументам. Как вспоминал чиновник Минфина В.И. Ковалевский, министр Вышнеградский к запросам:

«земледелия относился с безразличием, вступая в беспощадную борьбу с аграриями во всех случаях, когда из их уст делались выпады против его любимого детища – общего таможенного тарифа»^[585].

Успехи на ниве таможенной политики вдохновили московскую группу на следующие шаги. С начала 90-х годов XIX века купеческая элита начинает требовать допуска к эмиссионным операциям Министерства финансов. Эта сфера давно являлись своего рода монополией петербургских банков, теперь же Первопрестольная все настойчивее предлагает использовать потенциал Московского купеческого банка: он располагает обширной клиентурой и обладает необходимыми средствами для размещения государственных, гарантированных правительством процентных бумаг. Начались хлопоты по открытию филиала Купеческого банка в столице^[586]. Московская группа планировала экспансию в разные сферы экономики; об этом свидетельствуют ее намерения по организации новых коммерческих банков. В 1889 году был подготовлен устав Каспийского банка для содействия нефтяной промышленности и среднеазиатской торговле; его правление предполагалось разместить в Москве, а отделения – в Баку и Батуми. Примечательно, что владельцами именных акций могли быть только российские подданные^[587]. Видные промышленники Москвы (клан Морозовых и др.) заключили соглашение с рядом петербургских дельцов о создании

Русского торгово-промышленного банка для финансовых операций в Северо-Западном регионе^[588]. Однако столичный бизнес был не в восторге от проникновения на его традиционный рынок: контрольный пакет банка пришлось продать наследникам известного железнодорожного дельца фон Дервиза. С Каспийским банком также возникли трудности: английские капиталисты, заправлявшие нефтяной отраслью, сопротивлялись усилению конкурентов в Закавказье. В этом случае москвичи решили ограничиться открытием Бакинского филиала Волжско-Камского коммерческого банка^[589].

Но это несколько не охладило пыл московской буржуазии. Ее коммерческие устремления шли в унисон с теми задачами, которые стояли в тот период перед правительством. Так, новый Министр финансов С.Ю. Витте (выходец из русской партии, племянник одного из ее идеологов Р.А. Фадеева) в 1893 году начал свою бурную деятельность на ключевом правительственном посту с борьбы против колебаний курса рубля, на котором играли биржевые спекулянты^[590]. В этом главу Минфина с радостью поддержало московское купечество: его давно раздражала волатильность на валютных рынках, что отражалось на стоимости производимой продукции. В начале 1893 года Московский биржевой комитет направил предложение Министру финансов С.Ю. Витте с просьбой пресечь биржевые спекуляции и ограничить круг лиц, вовлеченных в игру на бирже. В письме признавались трудности контроля за спекулятивными сделками, а потому правительству предлагалось разработать меры общего законодательного характера^[591]. С.Ю. Витте энергично откликнулся на просьбу промышленников: уже в июне Александр III утверждает мнение Государственного совета, направленное против биржевых спекулятивных операций. Принятые решения преследовали устранение ненормальных колебаний стоимости ценных бумаг и валюты, а также предупреждали вовлечение в подобные игры неопытных лиц. Приказчики и конторщики могли отныне осуществлять биржевые операции исключительно за счет своих хозяев, которые обязаны снабжать их соответствующей доверенностью. Предусматривались санкции за распространение на бирже заведомо ложных слухов вплоть до лишения права участвовать в торгах^[592]. Купечество с энтузиазмом бросилось исполнять данное распоряжение: в Москве было установлено около сотни лиц (судя по

фамилиям, более половины из них – еврейской национальности), которые после окончания биржевых торгов устраивали сходки рядом с биржевым зданием^[593].

Неплохо шли дела московской группы в железнодорожных делах. К примеру, она совместно со столичными деловыми структурами была вовлечена в продажу железных дорог государству (в это время оно как раз занялось выкупом сети у частных собственников). Так, Московско-Курская и Донецкая ветки были с успехом пристроены в казну – при участии тех же петербургских банков, но уже на основе равноправного сотрудничества с московскими^[594]. Нельзя не упомянуть и еще об одном знаковом событии в экономической жизни купечества. В 1890 году Министерство финансов разрешило крупному купцу-старообрядцу С.И. Мамонтову приобрести Невский механический завод^[595]. Это первая серьезная покупка в сфере тяжелой промышленности, совершенная представителем московского купеческого мира; прежде подобные приобретения делались, как правило, выходцами из военной аристократии и высшего чиновничества. Интересы купечества очевидным образом устремлялись за пределы традиционной текстильной отрасли. Эти стремления, пусть и с нереализованными планами в банковской сфере, свидетельствуют о готовности московской купеческой группы играть первые роли в российской экономике.

Успешное продвижение на коммерческой ниве, рассматривались купечеством как закономерное следствие, выбранной им поведенческой стратегии. Политически опираясь на представителей русской партии, правившей бал при Александре III, капиталисты из народа с энтузиазмом демонстрировали верноподданнические взгляды. В ответ лидеры староверческого клана стали регулярно награждаться всевозможными знаками отличия. Если совсем недавно (в 1860-х годах) они только получили право их удостаиваться, то теперь всевозможные награды полились на выходцев из народа потоком: почтенный К.Т. Солдатенков имел целую коллекцию наград, С.Т. Морозов в свои тридцать лет получил Орден св. Анны, нижегородец Н.А. Бугров – Орден св. Анны, Орден св. Станислава и золотую медаль к нему для ношения на ленте^[596]. Первопрестольные купцы подчеркнуто позиционировали себя в качестве верных – не менее, чем дворяне, – государевых слуг. И никакие неудачи не могли поколебать

их настрoй. Например, даже претерпев немало откровенных унижений при Александре II от его Министра финансов М.Х. Рейтерна, купечество неизменно оказывало ему демонстративные знаки внимания. Так, в ознаменование десятилетней службы на посту министра Московский биржевой комитет специально учредил его именные стипендии для учащихся по коммерческой части, отметив, что делает это в знак признания заслуг Рейтерна «в преобразовании нашей экономической жизни» (тендер по Николаевской железной дороге или таможенные баталии 1867 года предусмотрительно не вспомнили)^[597]. В начале 80-х годов XIX века купеческая элита активно вошла в «Святую дружину» и «Добровольную охрану», созданных для борьбы с крамолой и охраны императора. Во время коронационных торжеств в Москве купечество профинансировало обеспечение порядка в городе и выставило для этого около четырех тысяч старообрядцев, в том числе представителей свыше двухсот известных предпринимательских фамилий; большая часть из них удостоилась специальных наград^[598]. Еще один характерный пример: Московский голова купец Н.А. Алексеев (прихожанин Рогожского кладбища) на заседаниях городской Думы прерывал неуместные, на его взгляд, выступления выкриками: «*Нельзя ли без революцiев и без конституцiев?*»^[599]. А в 1891 году, после назначения генерал-губернатором Москвы великого князя Сергея Александровича (брата императора Александра III), городская Дума не замедлила переименовать Долгоруковский переулок, названный в честь прежнего генерал-губернатора В.А. Долгорукова, в переулок Сергея Александровича^[600].

Однако за столь бурным выражением преданности скрывалось четкое осознание своей действительной силы. Об этом свидетельствует конфронтация купеческого клана с тем же Московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Прибыв в Москву, столичный аристократ потребовал, чтобы здесь, как и в Петербурге, перекрывали улицы во время следования его кортежа. Глава городской Думы Н.А. Алексеев заявил о невозможности исполнения подобного желания, что стало причиной их крупной ссоры^[601]. Конфликт обострился осенью 1891 года, когда высокопоставленный князь собрал купечество для внесения пожертвований в пользу голодающих районов. Он не упустил

возможность продемонстрировать полное отвращение к деловой элите Первопрестольной, после чего ее представители не замедлили удалиться^[602]. Затем, в конце 1892 – начале 1893 года, последовал конфликт в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое фактически содержалось на средства купечества. Местные меценаты, входившие в совет Московского художественного общества, потребовали устранения из этого учебного заведения инспектора Н.А. Философова. А великий князь Сергей Александрович встал на сторону инспектора – в результате почти все члены совета (так называемая партия П.М. Третьякова) подали в отставку (перипетии этого конфликта изложены в переписке вице-президента Академии художеств графа И.И. Толстого)^[603]. Согласимся, что немногие могли позволить себе такое демонстративное отношение к брату императора. Тем не менее, все эти редкие выпады имели эмоциональную подоплеку, связанную с негативным восприятием Москвой персоны Сергея Александровича. Какие-либо политические мотивы, конечно, здесь совершенно отсутствовали. Так, купеческая элита абсолютно не реагировала на происходившие время от времени в пореформенный период либеральные брожения. Видные деятели русской партии, не щадя живота своего, вставали преградой на пути подобных европейских веяний. Народные же капиталисты, в отличие от своих политических союзников, сил на идейные баталии тратили немного: требования конституции и ограничения самодержавной власти не вызывали у них ни малейшего интереса. Они не усматривали в них никакой практической пользы.

Характеризуя взаимоотношения старообрядчества с властями в пореформенный период, следует остановиться и на религиозной сфере. Здесь, как и в экономической жизни, наблюдалась та же траектория: от терпимости в 60-70-х годов XIX столетия – до ренессанса при Александре III. В начале обстановка вокруг староверия хотя и стабилизировалась, но еще не давала поводов для большого оптимизма. После работы Особого временного комитета 1864 года и Закона о браках раскольников 1874 года государство сочло, что вхождение староверческой общности в правовое поле империи состоялось, и миссия властей в этом деле в основном исчерпана. Усилия же раскольников привлечь внимание к своим нуждам мало что давали; особенно это касалось поповского согласия: с 1856 года алтари

в часовнях Рогожского кладбища оставались запечатанными. Лидеры поповщины, составлявшие костяк московской экономической группы, настойчиво пытались решить эту болезненную для них проблему. Наиболее близки к успеху они были весной 1880 года, когда праздновалось 25-летие царствования Александра II: руководитель МВД Л.С. Маков лично внес ходатайство раскольников на рассмотрение Комитета министров. Он пояснил шокированным правительственным чиновникам, что закрытие алтарей произошло по надуманным обвинениям, не подтвержденным в ходе тщательного дознания, тогда как само их существование дозволено еще Екатериной Великой. Маков предлагал алтари распечатать, а также разрешить строительство новых молитвенных зданий – но только без всякой торжественности, дабы избежать соблазна для православных. С этими соображениями, добавил министр, соглашается Московский военный генерал-губернатор князь В.А Долгорукий^[604]. Но Александр II их не поддержал: он разделял распространившееся мнение о том, что интерес здесь, прежде всего, денежный, связанный с поступлением больших средств в Министерство внутренних дел^[605]. Ведь всего за восемь месяцев до рассмотрения на Комитете министров прошения раскольников Маков отказал им в аналогичном ходатайстве об открытии алтарей, поддержав позицию Синода, о чем и докладывал императору^[606]. Это случай с распечатыванием алтарей послужил причиной отставки Министра внутренних дел^[607]. Верхи беспоповцев тоже решили воспользоваться юбилейной датой с пользой для себя, но здесь все обошлось без скандалов. Они презентовали императору адрес, изобилующий верноподданническими фразами и заканчивающийся весьма любопытным признанием, что слов для выражения нежных чувств и любви к августейшему дому у них как раз и нет...^[608] Нужно отметить, что вообще беспоповцы гораздо реже обращались к властям: у них отсутствовала потребность в устойчивой церковной инфраструктуре и, следовательно, в разрешительных процедурах.

В 60-70-х годах отношение власти к русскому расколу скорее можно охарактеризовать как нейтральное. Все же Александр II, при всем своем спокойном отношении к староверию, не очень-то жаловал представителей этого малопонятного ему мира. Например, известна его резкая отповедь наследнику престола, который поддержал заявку

московской группы на приобретение Николаевской железной дороги; отец долго наставлял сына по поводу того, с кем не следует связываться^[609]. Личный друг Александра II – Министр двора князь А.В. Адлерберг – отклонял заманчивые денежные предложения раскольников: мол, если император узнает о подобных связях, то это может сильно повредить их дружбе^[610]. Однако трагедия 1 марта 1881 года изменила многое, в том числе и отношение к расколу. Буквально на следующий день после взрыва бомбы в Петербурге выяснилось, что один из двух погибших с императором охранников – старообрядец из казаков. Его родственники настаивали на похоронах по раскольничьему обряду; К.П. Победоносцев выступил против, считая это оскорблением памяти императора – главы господствующей церкви. Но новый самодержец проигнорировал предупреждение обер-прокурора Синода и разрешил погребение по желанию родственников^[611].

Благосклонное отношение к расколу со стороны нового императора не замедлило проявиться и в государственной жизни. Именно при Александре III вышел в свет один из самых либеральных законодательных актов, регулирующих отношения со старообрядчеством. 3 мая 1883 года, накануне коронации в Москве, был обнародован закон «О даровании раскольников некоторым прав общегражданских и по отправлению ими духовных треб». Староверам разрешалось творить общественную молитву; они получили теперь право совершать богослужение по своим обрядам не только в частных домах, но и в особо предназначенных для этих нужд помещениях; им дозволялось исправление и строительство часовен и других молитвенных зданий без изменения их общего наружного вида. Льготы не распространялись только на скопцов и тех, чей религиозный культ связан с изуверством и посягательством на жизнь и здоровье^[612]. Разрабатывая этот документ, власти мотивировали его ограничением «усмотрения местной администрации в отношении к расколу более точным, нежели прежде, определением предоставляемых раскольников прав»^[613]. На совещании, обсуждавшем данный закон, выдвигалось даже предложение отказаться от разделения раскольников на более и на менее вредные согласия и секты. Как отмечалось, этот подход основан не на степени действительного вреда в отношении государства, на степени удаления от православия.

Председательствовавший на совещании Александр III, был готов отказаться от сохранения подобной градации староверия. Этому помешали лишь возражения со стороны руководителей Государственного совета, правда, совсем иного – организационного порядка; они просили не умалять prerogatives данного органа и не принимать окончательного решения без его участия^[614]. Русская партия – вдохновитель данного закона – не скрывала удовлетворения. М.Н. Катков писал о восторжествовавшей справедливости, о восстановлении мира, нарушенного более двух веков назад, и замечал при этом, что полное уравнивание православия со староверием все же было бы самым верным средством к окончательному решению этой проблемы^[615]. Заметим, что разработка закона стала не менее трудным делом, чем, например, принятие нового таможенного тарифа. По воспоминаниям очевидцев, его прохождение в государственных структурах встретило мощнейшее сопротивление бюрократии, разумеется, во главе с К.П. Победоносцевым. Обер-прокурор Синода продолжал настаивать на включение в закон признаков, делящих староверческие толки на более или менее вредные^[616].

Тем не менее, ободренные староверы стали трактовать дарованные им льготы довольно широко. Богатые представители раскола профинансировали издание книги «Исследование, служащее к оправданию старообрядчества», которая вышла большим тиражом. Ее автор, турецкий подданный В. Карлович, в соответствующем ключе описал страдания староверов за древнее благочестие, а также их чаяния о наступающем восстановлении истинной «народной русской церкви» – надежной опоре русского отечества^[617]. От слов староверы перешли к делу: уже миссионерский съезд РПЦ, проходивший летом 1887 года в Москве, констатировал небывалое усиление раскола, пропаганда которого, с появлением закона от 3 мая 1883 года, велась совершенно свободно^[618]. Например, поповцы с энтузиазмом принялись налаживать свою религиозную жизнь; выстраивание иерархии согласия полностью перешло под контроль богатых прихожан Рогожского кладбища. Был образован Духовный совет, куда вошли представители купеческой элиты Первопрестольной. Совет сильно ограничил влияние Архиепископа московского и всея Руси Савватия на постановления попов; даже его выезды из Москвы требовали специального разрешения Совета. Попытки главы поповцев

протестовать против такого порядка ни к чему не приводили^[619]. С 1882 года попечители Рогожского кладбища получили право лишь информировать власти о происходивших там делах. С каждыми очередными выборами попечителей (раз в три года) вводились новые административные послабления. В результате за последующие десять лет жизнь кладбища постепенно приобрела вид автономного самоуправления. Регулярно стали проводиться публичные и торжественные богослужения, привлекающие народ; совершались разъезды староверческих священнослужителей по губерниям. Как отмечалось в МВД, эта – по сути, раскольничья – администрация представляла собой государство в государстве, где всем заправляли староверческие толстосумы и иерархи-самозванцы^[620]. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев стремился остановить победное шествие староверия. В начале 1890 года он настойчиво пытался внести в ненавистный ему закон от 3 мая 1883 года санкции за пропаганду раскола, которых там не было предусмотрено. Проект, внесенный Министерством юстиции в Государственный совет, устанавливал наказание за публичное содействие расколу: в первый раз – заключение в тюрьму сроком от 4 до 8 месяцев, а во второй – до полутора лет. Однако общее собрание Госсовета не поддержало усилия Победоносцева, возвратив проект на новое рассмотрение, а затем и вообще вернув в Минюст^[621].

В марте 1892 года делегация из пятнадцати староверов-поповцев посетила Грецию: они желали дополнительно удостовериться, что боснийский митрополит Амвросий, положивший в 1846 году начало Белокриницкой иерархии, не состоял до обращения к старой вере под запретом Константинопольской патриархии и крестился не поливательным (как утверждали беглопоповцы), а трехпогружательным крещением. Все это преследовало цель добиться от Вселенского патриарха признания старообрядческой иерархии «в сущем их сане». В случае успеха рогожане намеревались ходатайствовать и перед российским правительством о признании законности Белокриницкой иерархии, хотя бы наравне с католической или армянской^[622]. Понятно, что в подобных вопросах правительство проявляло сдержанность и – при всей активности русской партии – не решалось переходить определенные границы. Потому-то настойчивые просьбы о распечатывании алтарей в часовнях Рогожского кладбища

по-прежнему оставались без последствий, а попытки установить временные походные алтари признавались самовольными и незаконными^[623].

Вообще, о проблемах и просьбах староверов-поповцев мы осведомлены неплохо, поскольку, как уже отмечалось, существование этого согласия напрямую зависело от состояния церковной инфраструктуры, которая была на виду. (Главным делом белокриницкой иерархии всегда была забота о собственном существовании). Совсем иная картина наблюдалась в беспоповских толках, организационно-религиозные реалии которых продолжали оставаться малозаметными для окружающего мира. Причем ослабление гонений на раскол нисколько не ослабило взаимной отчужденности двух его ветвей – половцев и беспоповцев. Напротив, в новых условиях происходит их дальнейшее расхождение. Беспоповцы принимали веру своих «братьев» за разновидность никонианства. А белокриницкие иерархи, в свою очередь, категорически не желали ассоциироваться с крамольниками, смущавшими народ *«своим ехидным учением»*^[624]. Как говорили, например, в Москве два основных течения старообрядчества, если где и пересекались, то лишь в известном ресторане у Егорова в Охотном ряду. Это заведение, в трех поколениях принадлежавшее раскольничьей семье, пользовалось большой популярностью в староверческом мире пореформенной эпохи. Здесь происходили споры о вере, устраивались дебаты, в которых участвовали и известные фабриканты – например, федосеевец Викула Морозов. Купеческая элита Первопрестольной была частым гостем трактира: для ее визитов был отведен специальный зал. Сюда любил заходить И.С. Аксаков и другие любители староверия. А вот люди далекие от раскола попасть в ресторан не могли; кстати, сектантов здесь не приветствовали^[625].

Не смотря на старообрядческий ренессанс 1880-х годов, внешне он не особо сказался на беспоповцах. В этих староверческих слоях по-прежнему шла интенсивная, но закрытая жизнь. Так, в 1883 году на Преображенском кладбище прошло собрание, именуемое собором, куда съехалось более 180 федосеевских наставников со всей России^[626]. Однако властям об этом событии стало известно лишь спустя два года; до этого они не располагали никакой информацией даже о самом факте проведения собора в Москве, не говоря уже о

причинах его созыва и о характере заседаний. Обширная деятельность федосеевцев находилась практически вне правительственного контроля. Это подтверждают донесения московского военного генерал-губернатора князя В.А. Долгорукого в МВД. Он сообщал о:

«замкнутом и таинственном образе жизни беспоповцев... наблюдение за которыми, несмотря на всю тщательность его, представляется весьма затруднительным»^[627].

И властям действительно нелегко было разобраться, за кем наблюдать, поскольку большинство беспоповцев числились самыми обычными православными и не проявляли публично свою староверческую принадлежность – о ней, как правило, становилось известно лишь после смерти этих приверженцев раскола. Архивы содержат немало дел с разбирательствами по поводу завещаний православных хоронить их на старообрядческих кладбищах. Для примера сошлемся на случай с потомственной почетной гражданкой Е.П. Соколовой. В духовном завещании московской купчихи средней руки говорилось, что сто тысяч капитала и недвижимостъ она передает Преображенскому богадельному дому, а похоронить себя просит на раскольничьем кладбище. Эта просьба вызвала большое недоумение, поскольку она значилась православной по крещению, о чем имелись соответствующие записи. Законная наследница (родственница купчихи и жена коллежского секретаря) решила подать в суд заявление о своих правах – собственно, поэтому данный случай и получил огласку. Московский окружной суд принял ее сторону, признав недопустимым православной делать завещательные распоряжения в пользу раскольничьих обществ^[628]. Подобные факты лишний раз указывают на истинное религиозное лицо российского купечества, заретушированное синодальным официозом.

4. Капиталистические реалии и народные низы

В завершение раздела необходимо сказать и еще об одной ключевой теме, характеризовавшей староверческий мир в пореформенный период. Настойчивым встраиванием в общую систему капиталистических отношений далеко не исчерпывались задачи купечества, основной костяк которого сформировался в рамках старообрядческой общности. Расщепление хозяйственной модели раскола сопровождалось крайне болезненными процессами, начавшимися с середины XIX века. Утверждение в экономике буржуазных ценностей, куда погружались староверческие хозяйства, приводило их к жесткой конкуренции с предприятиями, учреждаемыми дворянством и иностранными предпринимателями. Экономике раскола, изначально нацеленной на создание и поддержание социальной инфраструктуры единоверцев, были чужды буржуазные ценности. Для нее это стало серьезным вызовом, заставившим задуматься, как никогда ранее, о повышении производительности труда, рентабельности, сокращении издержек. К тому же усиление конкуренции неизбежно сопровождалась концентрацией производств, начавшей набирать силу сразу после отмены крепостного права. Процесс особенно затронул ткацкую и бумагопрядильную отрасли: доля продукции, вырабатываемой на постоянно укрупняющихся фабриках, неуклонно росла^[629]. Как замечал Председатель Московского биржевого комитета Н.А. Найденов, в пореформенный период:

«для существования дел небольших потерялись всякие возможности. Из лиц, с которыми имелись дела, оставалось на виду самое ничтожное меньшинство, большинство же исчезало из торгово-промышленного мира совершенно»^[630].

Под натиском экономической необходимости прежние хозяйственные связи староверов трансформировались. В пореформенную эпоху соблюдать отеческие традиции и преуспевать

стало практически невозможно. Исторические корни, на которых выросли староверческие предприятия, оказались подрублены. В новых условиях промышленники-староверы начинали тяготиться тем своеобразным экономическим климатом, который был сформирован на прежних солидарных принципах. Они сравнивали свою деятельность с начинаниями того же иностранного капитала. Например, если заграничный предприниматель, профинансировав предприятие, мог сразу приступать к делу, то владельцы в центральном регионе по-прежнему были обязаны сначала обустроить всю социальную инфраструктуру: больницу, школу, столовые, жилые корпуса и т.д. Работа предприятий, основанных дворянским или иностранным капиталом, строилась на отношениях трудового найма, и иные обязательства по масштабному социальному обеспечению рабочих были для них не совсем понятны. Местные же фабриканты, по их собственным словам, выглядели какими-то благотворителями^[631].

Социальное обременение в сочетании с невысокой организацией труда делало промышленность староверческого происхождения более затратной, а значит, и менее конкурентоспособной. Во второй половине XIX века эффективность фабрик и заводов центра России, Урала, Поволжья уступала производствам, сосредоточенным в других районах империи. Так, производительность труда на петербургских ткацких предприятиях по сравнению с владимирскими была выше в среднем в 2 раза, с московскими – в 2,8 раза. Стоимость продукции, производимой одним рабочим на Кренгольмской мануфактуре (Эстляндия), составляла более 400 руб. в год, а на московско-владимирских фабриках – всего около 150 руб. Если уральский рабочий выплавлял в среднем 5 тыс. пудов чугуна в год, то в Польше и Донецке – 10-14 тыс. пудов^[632]. Все эти цифры известны, но они приобретают дополнительный смысл, когда рассматриваются в контексте религиозной географии страны. Ведь Центр, Урал и Поволжье – это регионы России, где старообрядчество исторически преобладало, тогда как в петербургской промышленности позиции староверия всегда оставались незначительными, а в Польше и южном регионе хозяйничал иностранный капитал^[633].

В данной экономической реальности с ее жесткой конкуренцией староверческим верхам не оставалось ничего иного, как только усилить эксплуатацию своих единоверцев, сокращая, насколько

возможно, социальные издержки. Это становилось тем внутренним ресурсом, за счет которого можно было добиться большей прибыльности. Обеспечение же потребностей рабочих из первейшей обязанности превращалось в обузу и отодвигалось на второй план, а обширная социальная инфраструктура становилась, в глазах хозяев, непрофильным активом, расходы на который следует минимизировать. Обратной стороной этого болезненного процесса стала благотворительность, широко распространившаяся в купеческой среде. По сути, это своего рода инструмент социального сглаживания последствий, вызванных распадом староверческой экономики. В пореформенный период именно добровольная (как бы с хозяйского плеча) благотворительность заменяет действовавший ранее механизм распределения в раскольничьей среде торгово-промышленных доходов. Как отмечают современные исследователи, в основе купеческой благотворительности лежало стремление расплатиться со своими менее удачливыми единоверцами за нажитые капиталы и собственность с помощью различных даров, учреждения общественно полезных заведений и т.д. Многие пожертвования были настолько значительными, что становились легендами и обрастали множеством вымыслов^[634]. Однако эта практика не могла переломить негативного отношения к выделившейся прослойке владельцев. И неудивительно, что раскольничьи начетчики, следуя традиционным интерпретациям, нашли признаки слова «антихрист» и в слове «хозяин»^[635]. Упомянутый факт, как мы увидим дальше, отражал важнейшие сдвиги, произошедшие в староверческом мире.

Со второй половины XIX столетия отношение к российскому императору как воплощенному антихристу заметно слабеет. И если Николай I воспринимался как исчадие ада, то к Александру II, а тем более к Александру III народные массы относились по-иному, и лишь некоторые мелкие толки продолжали доказывать их антихристову природу^[636]. Освобождение от крепостного гнета, дарованное именно верховной властью, стало той почвой, на которой расцвели ожидания масс о лучшей доле. Как заметил Ф.М. Достоевский, после крестьянской реформы царь не только в отвлеченной идее, а на деле становится отцом для народа^[637]. К тому же, политика религиозной терпимости, проводимая Двумя этими императорами, заметно дополнила их позитивное восприятие в староверческом мире. Имидж

истинного царя-заступника обретает в пореформенный период новую силу. И это происходило в то время, когда купеческие верхи стремительно утратили прежнюю роль покровителей в глазах рядовых раскольников. Теперь помыслы низов старообрядчества концентрируются вокруг фигуры российского самодержца, призванного защитить от хозяина-кровопийцы. Народ жаждал восстановления справедливости, видя опору, в первую очередь, в лице самодержавной власти, способной навести справедливый порядок. Все эти смысловые трансформации создавали новую поведенческую модель русского раскольника. Даже улучшение своего конфессионального самочувствия он связывал с доброй волей императора, а не с продажными торгово-промышленными верхами.

Отражением указанных процессов стало и то, что с 70-х годов XIX века противоречия внутри раскола на идейно-религиозной почве постепенно затухают, а на передний план выходят хозяйственные конфликты, имевшие в отличие от догматических споров сугубо практический смысл. Взаимоотношения хозяин – работник становятся более актуальными, чем прежняя старообрядческая общность. Известный писатель Г.И. Успенский хорошо уловил разницу между старыми и новыми представителями торгово-промышленного мира. По его наблюдениям, если купец первой половины XIX столетия считал, что ведет свою коммерческую деятельность «не совсем чтобы по-божески», то в 1870-х годах он уже не сомневается: дело это настоящее и его надо благодарить за денежные пожертвования на общие нужды; хотя он *«действует из личных выгод, но зато дает другим хлеб»*^[638].

Эти наблюдения подтверждает описание атмосферы, царившей в пореформенный период на владимирских мануфактурах. Его оставил в своих очерках 1872 года литератор Ф.Д. Нефедов:

«Старики-фабриканты, которые хорошо помнили свое родство с рабочими и знали, что только их труду они обязаны своим богатством и славою, сошли со сцены; их место заняли молодые...

Всякое нравственное звено отцов-фабрикантов с их рабочими перестало существовать, было порвано; теперь никакой общности в интересах не существует. Есть только

два, резко один от другого отделенных класса: наверху пьедестала стоит горсть фабрикантов, этих новых божеств, а внизу его лежат распростертыми десятки тысяч новых париев»^[639].

Читая эти слова, лучше понимаешь, почему в России деятельность той самой «горсти хозяев» не могла привести к полноценному утверждению института частной собственности: в глазах народа она выглядела несправедливо полученной. Исследователи старообрядчества фиксировали в 70-х годах XIX века, что масса раскольников (мещан и крестьян) отшатнулась от богатых горожан и от купцов, «брады честные оскобливших» ради коммерческих привилегий и официальных почестей. В результате раскол:

«стал прятаться по селам да по темным закоулкам городов и рабочих поселков, становясь, таким образом, исключительным достоянием народа»^[640].

Этим объясняется тот факт, что внешне раскол, казалось, «уступал как перед силою времени, так и неотвратимостью обстоятельств»^[641]. Между тем это впечатление было обманчивым: с расширением капиталистического развития происходило не угасание староверия, а переформатирование (как в верхах, так и в низах) основ и форм его существования.

С 60-х годов XIX столетия правительство пыталось адаптировать существование староверческих масс к новым условиям. Именно на это нацеливались усилия по оживлению церковных приходов: по замыслам властей, вокруг этих центров, а не каких-либо иных нелегитимных структур, должны теперь завязываться взаимоотношения волостного населения. В 1864 году выходит положение «О правилах для учреждения Православных братств». Они призваны налаживать христианскую благотворительность и просвещение в конкретном приходе. Характерно, что при их создании положением разрешало допускать употреблявшиеся в древних церковных братствах обычаи, правила, наименования^[642]. В том же году было утверждено приходское попечительство при православных

церквях. В попечительство входили местный священнослужитель, волостной старшина; председатель попечительства избирался общим собранием прихожан^[643]. Последнее являлось серьезным шагом для господствовавшей церкви, вносящим в ее низовые ячейки заметный демократический дух. Это новшество явно перекликалось с практикой выборности раскольниковых наставников. Попечительство брало на себя содержание объектов социального назначения при приходе — школы, больницы, приюта, богадельни и т.д. Источниками денежных средств выступали добровольные пожертвования от прихожан и посторонних лиц; председатель обязывался ежегодно отчитываться перед прихожанами. Участие в реальных делах должно было превратить приход в подлинный центр жизни отдельной местности^[644]. Добавим, что идеалом для разработчиков новой православной концепции прихода являлись церковные общины лютеранской и католической церкви. Как известно, их прочная организация служила надежной духовной и материальной опорой для своих единомыслителей^[645]. В практической деятельности российские власти пытались ориентироваться именно на эти образцы. Кроме того, дореволюционные исследователи, изучавшие отечественные приходские реалии, прямо связывали жизненность церковных общин с успешным противостоянием расколу, сила которого заключалась именно в общинной организации, где рядовые последователи имели прямое и непосредственное участие в делах; тем самым, раскол предоставлял большую свободу и для выражения религиозного чувства. Поэтому новые подходы к общинному устройству православного прихода были призваны привлекать раскольниковые массы к господствовавшей церкви посредством понятной и привычной для них жизненной практики^[646].

Как мы видели, торгово-промышленные верхи раскола быстро и с большой пользой для себя осваивались в новой экономической обстановке, формировавшейся под контролем власти. Но вот о народных низах этого сказать нельзя: преобразования выявили полную их неприспособленность к реальной рыночной среде. Разрушение привычных общинных отношений оказалось крайне болезненным, и прежде всего это касалось психологии. Лучшие умы правящего класса пореформенной России почувствовали, что значительная часть населения страны деморализована. Поэтому они подняли вопрос об

адаптации народа к новым условиям. Пути выхода виделись, прежде всего, в формировании рыночной среды, куда втягивалось бы население. Речь шла об организации ссудно-сберегательных обществ как действенном инструменте доведения денежных средств до самых широких слоев. На рубеже 60-70-х годов XIX века такие идеи выдвигались петербургским кружком князя А.И. Васильчикова^[647]. Опираясь на западноевропейский экономический опыт, эти представители российского чиновничества и науки заговорили о распространении в хозяйственной практике кредитных и производительных кооперативов. Они были убеждены, что общинные традиции, издавна присущие русскому народу, облегчат внедрение новых форм хозяйствования. А.И. Васильчиков говорил:

«...Русская артель, как и русская община, представляются мне учреждениями, глубоко исходящими из недр русской земли, Я считаю, что артель, точно так же как и ссудно-сберегательные товарищества, круговая порука, взаимное страхование, прямо исходит из того начала, которое образовало общину в России»^[648].

По его мнению, эти преимущества нужно использовать для того, чтобы *«провести кредит из банков в низшие слои народа»*: только реальная общедоступность народного кредита на деле способна поднять благосостояние людей, а отказывать им в кредите равносильно отказу в отправлении правосудия^[649].

Члены кружка считали, что кредитно-денежные отношения, сами по себе несвойственные общине, никоим образом не затрагивают механизм ее функционирования. Цель создания общины – самозащита *«не столько от людей или не только от людей, но и от природы»*. Отсюда потребность в объединении усилий, так как кроме своего труда простолюдinам положиться не на что: денежными средствами, которые выполняли бы защитную функцию, они не обладают^[650]. Собственно, этим и объясняется укорененность общинных традиций. Теперь же, по уверениям петербургских мыслителей, настало время обеспечить народ местным, мелким, а главное – личным кредитом, что и позволит преобразить экономику страны. Как известно, эти благие начинания закончились неудачей. Внедрение кредита встретило

большие затруднения – прежде всего, со стороны тех, кому он непосредственно предназначался. Широкие массы в подавляющем большинстве не проявляли к нему того интереса, которого ожидали авторы инициативы. Так что им оставалось лишь рассуждать о неготовности русского народа к новому и нужному ему же самому делу. Кроме того, в верхах, т.е. в правительственных ведомствах и банках, также без большого энтузиазма восприняли подобные предложения: финансовое обеспечение средств, выделяемых, по сути, под честное слово, сильно смущало бюрократию.

В результате в пореформенную эпоху воззрения кружка А.И. Васильчикова оказались невостребованными, подготовив, правда, почву для будущих изменений^[651]. О деятельности кружка неплохо известно в современной литературе^[652]. Но здесь мы хотели бы обратить внимание на один аспект, выпадающий из поля зрения исследователей. Инициативы столичных интеллектуалов преподносились тогда исключительно в качестве новации, крайне необходимой российской экономике. Отечественные пропагандисты народного кредита были искренне убеждены в том, что делают абсолютно новый шаг в приобщении масс к прогрессивным формам хозяйствования. Так, участник кружка профессор Петербургского университета Э. Р. Верден прямо заявлял о передовом почине в данном деле Вольного экономического общества и отдельных лиц. Практика кредитных операций, уверял ученый, прежде была чужда и незнакома низам, поскольку никак не отражена в обычаях и быту русского народа^[653]. Такая точка зрения удивляет. Деятели передового для того времени круга, рассуждая о возможностях организации в России народного кредита, не усматривали никаких признаков его существования в народе. Хотя те, кто вышел из низов, а не из университетских аудиторий говорили о народном кредите, как об обыденном деле. Например, воспоминания купца-старовера Н. Чукмалдинова повествуют о распространении мелких займов в крестьянской среде, которые никогда не оформлялись расписками, векселями. Все операции полагались на совесть или в крайнем случае требовалось уверение, что «вот вам Бог порядка» или «святой угодник Никола». При этом автор утверждал, что не сталкивался ни с одним случаем каких-либо недоразумений между должником и кредитором:

всякие расчеты завершались на оговоренных условиях, добросовестно и верно^[654].

Но такая повсеместная народная практика, по-видимому, не признавалась столичными мыслителями всерьез: она слабо вписывалась в цивилизованные гражданско-правовые отношения. Если профессора отказывали в наличии мелкого личного кредита, то тем более они не могли всерьез допустить существование – общинного. Этот вид финансово-денежных отношений имел уже более крупное назначение, связанное со становлением торгово-мануфактурного сектора России. Напомним: в дореформенную эпоху его формирование не было плодом усилий правящего дворянского сословия, сторонившегося подобных дел. Промышленная динамика набирала силу благодаря крестьянству – главной движущей силе внутреннего рынка страны. Вопрос о том, откуда эти выходцы из народа черпали средства для своих торгово-производственных начинаний, находился за рамками дискуссий петербургских интеллектуалов. В противном случае они могли бы обнаружить, что подъем торгово-мануфактурного сектора происходил, как правило, снизу и без поддержки властей и казны (на которые народные предприниматели не очень-то и рассчитывали). А вот на что они серьезно полагались и от чего напрямую зависели, так это как раз общинные средства, т.е. народный, а не банковский, кредит, которому отказывали в существовании петербургские мыслители. Если бы этих денежных отношений в народных слоях не существовало, то крестьянские торговцы и ремесленники не смогли бы довести свои начинания до сколько-нибудь серьезного уровня. Между тем именно этот финансовый источник начиная со второй половины XVIII столетия давал жизнь значительной части российской промышленности.

Аккумуляция и использование народных средств и стало ключевой задачей раскола, выступившего здесь в качестве организующей силы. Вне всякого сомнения, перед нами реализация той защитной функции, о которой говорил Васильчиков. Но только ни он, ни его соратники не могли представить себе те организационно-экономические возможности (помимо упомянутой борьбы с природой), которые продемонстрировал простой народ, поддерживая свое существование и веру. Надо заметить, они отдавали себе в этом

отчет: ссылки на слабое знакомство с реалиями хозяйственной жизни народа постоянно встречаются в их речах. Тот же А.И. Васильчиков откровенно признавался:

«...Нужно, чтобы мы сознались, что русское образованное общество ничего не знает о той артели, о которой некоторые говорят... Я должен сознаться, по крайней мере для меня лично артель представляется такою темною чертою народного быта, что я сам по себе не могу дать о ней никакого ясного понятия»^[655].

Но об одном можно говорить с уверенностью: этот кружок передовых людей своего времени искренне желал помочь русскому народу, облегчить ему переход к рыночной экономике. Тем сильнее было разочарование, когда выяснялась непродуктивность всех попыток привить населению кредитные навыки на основе цивилизованного гражданского права и финансовых ресурсов банковской сферы.

Хотя с точки зрения нашего исследования здесь нет ничего удивительного. Нужно просто осознать, какова была степень деморализации рядовых общинников, все больше убеждавшихся в том, что созданные на их средства предприятия перешли в безраздельную собственность тех, кому было поручено управлять ими исключительно для общей пользы. А дети этих управленцев рассматривали себя уже в качестве законных владельцев, имеющих полное право присваивать себе всю прибыль, сбрасывая тем, кто трудится, подачки в виде благотворительных мероприятий. Сменить этих собственников, как происходило ранее, уже не представлялось возможным: на страже их интересов стояли закон и власть, а религиозные центры, делегировавшие права на управление тогда еще общинными активами, были разгромлены. Общий итог такой трансформации очевиден: люди вряд ли стали бы участвовать в подобных инициативах, тем более исходящих не из их среды, а от представителей чуждого мира – от дворян. К тому же экономические предложения правящего сословия были нацелены прежде всего на укрепление частной собственности, на развитие частного предпринимательства. А тот общинный кредит, на котором поднимался крестьянско-купеческий капитализм в

дореформенный период, имел (и мог иметь) исключительно патерналистскую направленность; он был призван обеспечивать хозяйственные и социальные нужды коллективов единоверцев, а не интересы отдельных людей, выстраивавших свою жизнь вокруг института частной собственности.

С другой стороны, правительство настороженно относилось к предложениям по кредитованию народа. Вышедший в 1867 году императорский указ предписывал губернаторам поставить под тщательное наблюдение все кооперативы, товарищества и артели, вредные «для государственного благоустройства или общественной нравственности»^[656]. С 1865 по 1890 год по всей России было зарегистрировано всего лишь 288 уставов кооперативных обществ, т.е. в среднем по одиннадцать ежегодно^[657]. Это определенно свидетельствует о том, что у государства имелись совсем другие планы на кооперативное движение. Они были связаны не с утверждением частной собственности и ее кредитным обслуживанием, а с сохранением института общины; все имперское законодательство ориентировалось на ее консервацию. Обширное правовое нормотворчество Сената в пореформенный период – наглядное тому подтверждение. Так, по сенатскому постановлению от марта 1887 года, член общины мог отдавать свой участок в аренду постороннему лицу не иначе как с согласия мира^[658]. Другим постановлением определялось, что сельское общество вправе воспретить своему члену такое отчуждение принадлежащего ему имущества, «*которое не вызывается разумной потребностью и может ввести общество в убытки по платежу повинностей*» и т.д.^[659] Даже такое финансовое учреждение, как Крестьянский банк, с момента своего создания в 1883 году особое расположение проявляло к общинникам, отдельным же хозяевам ссуда предоставляло с большой неохотой^[660]. Очевидно, что такая политика, проводившаяся в этот период сверху, мягко говоря, не способствовала претворению в жизнь идей кружка Васильчикова. Заботы властей концентрировались на поддержании нужной налоговой платежеспособности населения и диктовались опасениями ее нарушить.

Самой излюбленной темой советской историографии было рабочее движение в России. Огромные научные силы затрачивались на выявление стачек и уточнение их общего числа, на определение самих

понятий «стачка», «забастовка», «бунт» и т.д. Рабочее движение как таковое разворачивается с отмены крепостного права. Если, по подсчетам советских ученых, в 60-х годах XIX века состоялось свыше 50 стачек, то уже в 70-х – около 250-ти^[661]. По существу, они представляли собой волнения, как правило – локального характера, и происходили повсеместно, вспыхивая то здесь, то там. Советские историки изображали их как нарастающий процесс, тем самым иллюстрируя поступательное пробуждение будущего могильщика царизма, постепенно выходявшего из рабского повиновения. Действительно же крупными волнениями можно назвать лишь немногие из них: стачку на Невской бумагопрядильной фабрике (1870 г.), на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.), на Нижне-Тагильских заводах Демидова (1874 г.)^[662] и др. Но и они не особенно беспокоили власти, поскольку не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы. Неслучайно в тот период официально не признавалось даже наличие рабочего вопроса: он мог существовать в Европе, в Соединенных Штатах, но только не в России. Ситуация меняется к середине 1880-х годов: рабочее движение постепенно набирает силу, забастовки и стачки охватывают обширную территорию. В этой связи интересно мнение вхожего в придворные круги генерала Е. Богдановича. В 1880 году он прогнозировал, что дерзкие революционные выпады, потрясавшие Петербург, в ближайшем будущем сойдут на нет. Главный же центр движения переместится в фабричные местности, Урал, Поволжье^[663]. Как показало развитие событий, это предположение оказалось не так уж далеко от истины. Центральный регион Российской империи в 1885 году потрясли мощные массовые беспорядки. Говоря об этих событиях, столь любимых советской историографией, хотелось бы напомнить: они происходили в районе, который являлся не просто крупнейшим промышленным центром страны, а обширным старообрядческим анклавом. Советская наука упоминала об этом нечасто.

К 80-м годам XIX столетия под воздействием капиталистического развития, которое стимулировалось государством, прежняя староверческая общность претерпела полное разложение. Как происходил распад некогда солидарных единоверческих связей, можно проиллюстрировать на примере Никольской мануфактуры Т.С. Морозова в Иваново-Вознесенске – своего рода «визитной карточки»

рабочего движения России. В августе 1863 года там произошло первое волнение: из 1700 ткачей прекратили работу 300. Но, как следует из документов, гнев забастовщиков был направлен не на владельца, а на директора предприятия. С 1860 года оно находилось под управлением англичанина Дж. Ригга, наделенного огромными полномочиями. Стиль его руководства вызвал возмущение у части коллектива, угрожавшего ему физической расправой. Ткачи выдвинули ряд требований к администрации по расценкам и условиям труда. В случае игнорирования справедливых, по их убеждению, претензий они собирались ехать с жалобой в Москву к самому Т.С. Морозову^[664]. Иначе говоря, рабочие апеллировали к хозяину, именно в нем видя защиту от произвола дирекции. И как только владелец прибыл на фабрику, к нему направилась целая делегация. Велико же было удивление делегатов, когда Морозов – их единоведец, известный ревнитель благочестия и старины – указал им на дверь. Один из рабочих поделился впечатлениями:

«Когда хозяин наших жалоб на директора не принял, то мы в толк взяли, что, значит, директор с нами так делает по приказу хозяйскому»^[665].

Разочарование в своих хозяевах как в людях, предавших идеалы, ранее скреплявшие религиозную общность, в середине 1860-х годов только еще набирало силу. К следующей отмеченной документами забастовке на Никольской мануфактуре, в 1876 году, ситуация кардинально изменилась. Волнения на предприятии начались все по тем же причинам: непомерные штрафы, вычеты из заработка на освещение помещений и какие-то пожертвования, собираемые с рабочих на непонятные для них цели. Но главное другое: теперь уже никто не питал иллюзий относительно Т.С. Морозова, никто не обращался к нему как к покровителю и заступнику^[666].

Именно такое отношение к хозяину и привело в начале 1885 года к знаменитой Морозовской стачке – действительно крупному конфликту, силовому противостоянию. Конечно, эта забастовка подробнейшим образом разобрана советскими историками, поэтому наша задача остановиться на некоторых любопытных деталях. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что атмосферу общего

недовольства усилило увольнение с фабрики группы старых ткачей, проработавших на ней более тридцати лет, т.е. единоверцев хозяина, помнивших совсем другие порядки. Непосредственным же поводом к стачке послужило объявление рабочим днем 7 января 1885 года – церковного праздника (дня Иоанна Крестителя)^[667]. Рабочие требовали не только сокращения штрафов и повышения расценок, но и свободного выбора старост в рабочих артелях, что было для них явно не пустой формальностью во взаимоотношениях с администрацией. Интересно и то, как рабочие ответили на отказ Т.С. Морозова повысить расценки ткачам и прядильщикам:

«А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по Пасху. А то если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а ежели не согласишься, то и фабрику Вам не водить»^[668].

Последние слова выглядят необычно: получается, что рабочие в случае неудовлетворения их требований укажут законному владельцу па дверь. Даже советские историки были вынуждены давать здесь комментарии:

«В этом объявлении проявилась непоколебимая решительность стачечников, не желавших идти ни на какие компромиссы с фабрикантом и требовавших выполнения своих условий. Большинство рабочих понимало, что они представляют собой мощную силу, без которой Морозовым, как твердо заявили они, “фабрику не водить”»^[669].

Это совершенно верное замечание, вот только осознание своей силы возникало у рабочих, прежде всего, благодаря тому духу общности, корни которого издавна питали староверческую среду, а не посторонним людям, агитировавшим на предприятии и поднявшим там красный флаг.

На примере Никольской фабрики хорошо видно, как происходила трансформация промышленной староверческой среды и к каким конфликтам это приводило. Открытое противостояние рабочих и

хозяев, звеном которого была и Морозовская стачка, к середине 1880-х годов охватило весь центральный регион. Как следует из документов, власти понимали, что движущие силы находятся внутри рабочих коллективов, а не где-либо еще. Так, доклад прокурорского чиновника о событиях на бумагопрядильной мануфактуре И.В. Залогина около г. Твери свидетельствовал, что забастовка, хотя и была результатом недовольства массы, *«организована и руководилась опытной рукой, создавшей план и энергично приведшей его в исполнение»*. Вместе с тем – и это особенно важно – в докладе подчеркивалось:

«...Лиц, организовавших забастовку и подстрекавших к ней рабочих ни дознанием, ни следствием не обнаружено, причем в местном жандармском управлении не имеется никаких указаний на то, чтобы в среде рабочих были лица, имеющие связь с преступными политическими сообществами»^[670].

И подобные выводы постоянно встречаются в материалах полиции на протяжении целого ряда лет. Например, в 1878 году произошли беспорядки на бумагопрядильной фабрике Третьяковых, в ходе которых было разгромлено здание администрации. Следствие установило организованный характер стачки, однако не усмотрело какого-либо стороннего подстрекательства^[671]. Это крайне неудобные выводы для концепций советской эпохи.

Хотя взгляд на рабочее движение со стороны непосредственно революционных сил тоже весьма характерен. К примеру, ветеран революции М. Лядов так вспоминал о забастовках на фабриках г. Егорьевска (ныне Московская область) и о своей роли в их организации:

«Мы поздно узнали об этом бунте и проявить свое руководство не могли. Но решили широко осветить эту забастовку в листовках, а главное – указать и объяснить, как следует бороться».

М. Лядов рассказывает также о посещениях фабрик братьев Лыжиных и Гучковых, о своих знакомствах и разговорах со

староверами, под влиянием которых он начал изучать историю раскола^[672]. При внимательном просмотре литературы можно выявить немалое количество подобных свидетельств. Общий смысл просматривается здесь определенно: не революционно-демократические силы всевозможных оттенков явились двигателем рабочего движения 80—90-х годах XIX века, а мощный протест, исходящий из глубин народных масс. И протест этот проявился, прежде всего, в старообрядческих регионах, где люди сильнее прочувствовали всю прелесть отношений, к которым так стремились их братья по вере, прекрасно вжившиеся в роль реальных владельцев. Трансформация социально ориентированного хозяйства в чисто капиталистическую экономику проходила здесь намного болезненнее, чем в среде православных никониан. Поэтому именно в промышленном центре России, этом крупнейшем анклав раскола, власти впервые столкнулись не с отдельными проявлениями недовольства, а с новым системным вызовом – массовым рабочим движением.

Характерно, что эта волна стачек была направлена против владельцев предприятий, которые в глазах работников выглядели подлинными кровопийцами. Обуздание хозяев рабочие связывали с апелляцией к верховной власти, что явилось отличительной чертой рабочего движения в целом по России. Наглядным примером служит крупная стачка 1896 года в Петербурге. В мае состоялась коронация Николая II, и хозяева столичных предприятий объявили трехдневный выходной, но затем решили не оплачивать эти дни рабочим, что и послужило источником возмущения. В столице забастовало около 30 тысяч человек. Советская историография с гордостью сообщает, что стачку возглавил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» («ленинское детище»). Его руководящая роль выразилась в распространении воззваний и листовок, сборе средств на помощь русскому рабочему классу в Европе (собрать ничего не удалось). В этом состоит анекдотичность ситуации: на оплате праздничных «коронационных» дней особенно настаивал петербургский пролетариат, считая любой другой исход оскорблением, прежде всего, по отношению... к императорской особе. Выходило, что В.И. Ленин с товарищами ратовали за выполнение требований пролетариата, возглавив борьбу за уважение к царю! Забастовки в Петербурге,

вызванные конкретной причиной, ставили вопрос как об оплате вообще праздничных дней, так и о сокращении рабочего времени; завоеванные столичным пролетариатом уступки послужили примером для всего центрального региона. Петербургские события со всей наглядностью подтверждают следующий вывод об усилиях социал-демократов:

«Самое главное, чего добивались социал-демократы – овладеть рабочей массой, начать руководить ею, – не давалось партии. Рабочие и без руководства энергично боролись с предпринимателями путем стачек; которые были подсказаны их собственным инстинктом, а потому социал-демократы продолжали играть лишь роль агитаторов, подхватывавших движение, старавшихся обострить его»^[673].

Выступления рабочих середины 80-х годов XIX века со всей остротой обозначили нужду в фабричном законодательстве. Его разработка диктовалась темпами развития российской промышленности. Правовые механизмы давали возможность хоть как-то цивилизовать трудовые отношения между хозяевами и рабочими. Собственно, уже с первой половины 1860-х годов в российской империи начали изучать различные их аспекты. Речь шла о сокращении продолжительности рабочего времени, ограничении труда малолетних, создании института фабричной инспекции и т.д. Разумеется, промышленные круги не испытывали энтузиазма от подобных начинаний, но потребность в них не могли не признать. И все-таки эти вполне обоснованные меры, иницируемые правительством, поддержали далеко не все. Перипетии и этапы становления фабричного законодательства в России хорошо известны^[674]. Однако контекст данной работы позволяет взглянуть на него несколько иначе, а именно как на сопротивление староверческой буржуазии центрального промышленного региона всем подобным нововведениям. Региональный аспект при утверждении фабричного законодательства просматривается явно. Так, будущий руководитель МВД В.К. Плеве, в середине 80-х годов XIX столетия занимавшийся рабочим вопросом, говорил о конструктивном подходе промышленников Петербурга, Лодзи, Юга, которые принимали все

проекты правительства (об 10-11-часовом рабочем дне, о запрещении ночного труда, добровольности сверхурочной работы и т.д.). И его, естественно, возмущала позиция московской буржуазии, откровенно заботившейся лишь о собственных выгодах и в штыки воспринимавшей любые инициативы в этой сфере^[675].

Фабрикантов Центрального региона раздражала обязанность заключать договоры найма с рабочими на основе расчетной книжки, где прописывались права и ответственность рабочего, определялся его заработок, обозначались взыскания и вычеты^[676]. К примеру, на Богородско-Глуховской мануфактуре правилами внутреннего распорядка предусматривалось до 60 различных поводов к взысканиям^[677]. Председатель Московского биржевого комитета Н.А. Найденов (глашатай местной буржуазии) оправдывал широкое применение всевозможных штрафов, рассматривая их в качестве инструмента по поддержанию производственной дисциплины, а также возмещения хозяевам ущерба от труда нерадивых работников^[678]. Обструкции подвергся также институт фабричных инспекторов; деятельность этих надзирающих органов сразу стала объектом постоянных жалоб и обвинений, а их создатель Министр финансов Н.Х. Бунге (с легкой руки капиталистов из Первопрестольной) был даже объявлен социалистом, разорителем русской промышленности^[679]. Московские консервативные газеты, отражавшие недовольство предпринимателей Центрального региона, постоянно держали под критическим прицелом инициативы финансового ведомства по рабочему вопросу. Они рассуждали о либеральной кабале, в которой оказалась русская индустрия, отданная на обуздание десятку профессоров и адвокатов, наделенных чуть ли не диктаторскими полномочиями. В этом духе высказывался М.Н. Катков в «Московских ведомостях», С.Ф. Шарапов в «Русском деле», Н.П. Гиляров-Платонов в «Современных известиях», Н.П. Лапин в «Русском курьере». Личным нападкам со стороны этих изданий подвергся московский фабричный инспектор И.И. Янжул^[680].

Нововведения в рабочей сфере с трудом, но все же входили в жизнь: правительство ограничивало произвол, царивший на предприятиях. Новое поколение капиталистов-старообрядцев более терпимо относилось к введению фабричного законодательства. Это демонстрирует позиция представителя крупной московской буржуазии

Н.А. Алексеева; с 1885 по 1892 год он избирался главой Московской городской думы, где являлся лидером молодого крыла купеческой фракции, контролировавшей этот орган. Во многом благодаря его усилиям удалось сломить сопротивление

Найденова и пойти на компромисс с правительством в ходе разработки закона 1886 года^[681]. Чтобы лучше понять суть происходившей борьбы, необходимо учитывать специфику экономики российских регионов, о которых идет речь. Владельцы петербургских, польских, южных предприятий развивали производства на сугубо классических предпринимательских принципах, в число которых входило и законодательное упорядочивание отношений с работниками. Классический капитал, и прежде всего иностранный, всегда откликался на правительственные усилия по регулированию наемного труда. Четкие правила, закреплённые в правовых актах, рассматривались как инструмент, без которого трудно улаживать производственные конфликты. Такие уступки были возможны, поскольку капиталисты из правящего класса располагали также целым набором эффективных инструментов развития: административный ресурс, доступ к бюджетным средствам, привлечение иностранного капитала позволяли им компенсировать потери от введения рабочего законодательства. К тому же, петербургские и лодзинские предприятия были гораздо лучше оснащены с технической стороны, что требовало соответствующего уровня квалификации работников. А потому здесь были не особенно заинтересованы в малоквалифицированной рабочей силе, неспособной обслуживать производство, и с готовностью шли на законодательные ограничения того же детского труда. Совсем другого взгляда на фабричное законодательство придерживались хозяева Центрального промышленного района. Они не видели в нем никакой необходимости, продолжая играть традиционную роль благодетелей рабочих (по большей части единоверцев), а фабрики считали своим семейным делом. Проблемы внутри собственных предприятий они намеревались решать самостоятельно, в русле традиций старообрядческих связей, а какой-либо сторонний надзор расценивали как вмешательство в их отношения с рабочими. Это и понятно: не обладая в полной мере конкурентными возможностями капитала, опирающегося на власть, промышленные верхи староверия делали ставку на выжимание соков из своих рабочих, и этим – основным –

ресурсом повышения прибыльности они желали беспрепятственно пользоваться. Отсюда такая болезненная реакция на любые инициативы по введению контроля и регулирования в трудовой сфере.

* * *

В завершение данного раздела хотелось бы сделать одно замечание. В научной литературе, в том числе и зарубежной, прочно укоренилось мнение, будто в пореформенное время старообрядческое предпринимательство постепенно затухает, присутствие староверов в российском деловом мире становится менее заметным и к концу XIX века практически сходит на нет. Однако это сугубо внешняя сторона дела: действительно, число предпринимателей, открыто объявлявших себя приверженцами староверия, в этот период заметно уменьшается – потрясения 1850-х годов не прошли даром. Но исходить только из количественных данных, на наш взгляд, нельзя. (Это очень напоминает расхожее мнение о том, что купечеству не принадлежала главенствующая роль в городских думах. Численность купцов среди гласных, как известно, заметно уступала представителям интеллигенции, из чего некоторые специалисты и делали, казалось бы, логичные выводы. Но статистические выкладки не отражают того реального влияния, которым обладали купеческие тузы. Влияние в органах общественного самоуправления определялся финансовыми возможностями последних, а не просто численным перевесом гласных того или иного сословия). Читая о старообрядческом капитализме, растерявшем свои позиции, мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией: в пореформенном капиталистическом ландшафте раскольничье купечество стало гораздо менее заметным, и соответствующих обобщений не избежать. Однако такой подход не только не проясняет положения дел, но и еще более отдаляет нас от понимания реальности.

К началу 60-х годов XIX столетия на российской экономической сцене появляется мощная сила, состоящая из фабрикантов Центрального региона и сформировавшаяся на ресурсах старообрядческой общности. Адаптация к новым капиталистическим

реалиям неизбежно вела к угасанию ярко выраженного староверческого имиджа. Конечно, здесь уместна мысль о том, что утрата старообрядческой принадлежности была мнимой, вынужденной, а в действительности выходцы из раскола и не думали изменять вере. Может быть, во многих случаях именно так дело и обстояло, но все-таки намного важнее другие акценты. По нашему убеждению, отдаление части торгово-промышленной группы от раскольничьих корней (пусть даже и реальное) немного решало. Вышедшие из крестьян капиталисты всегда вызывали пренебрежительное, в лучшем случае снисходительное, отношение со стороны дворянской аристократии, а для правительственной бюрократии их коммерческие интересы оставались на втором плане. Это отчуждение носило настолько устойчивый характер, что даже преобразование раскольничьих предпринимателей в правоверных православных буржуа практически ничего не меняло. Обретение нового конфессионального статуса отнюдь не служило гарантией полноценного вхождения в правящую российскую элиту. В этом смысле можно говорить лишь об отдельных исключениях (как, например, староверы Демидовы, купившие титул Сан-Дonato в Италии).

Купеческий клан хорошо осознавал такое положение дел и отвечал на пренебрежение дворянских элит сплоченностью своих рядов, неизменно позиционируя себя как верных государевых слуг. В годы царствования Александра III такая тактика принесла свои плоды: купеческий клан смог наконец реализовывать свои экономические интересы с помощью власти. Кстати, оказавшись в более комфортных условиях, крупное купечество начало поднимать знамя старой веры. Все сказанное подводит нас к осознанию важного обстоятельства: московское купечество всегда идентифицировало себя как группу, противостоящую петербургской буржуазии, а не растворяющуюся в ней. Купечество не забывало о своем происхождении и никогда не отождествляло собственную экономическую траекторию с траекторией рафинированных дворянских капиталистов. Это хорошо передает Пермский губернатор И.Ф. Кошко в своих воспоминаниях об уральском обществе. Он отмечал, что большинство в торгово-промышленном круге Перми и Екатеринбурга составляли потомки раскольников, «всегда обособлявшихся от церковников и не

допускавших в свою среду влияния пришлых интеллигентов и чиновников». Среди них царил культ старовера в смысле преклонения перед цельностью характера предков, перед умением этих простых людей пробивать себе дорогу и преодолевать все препятствия^[682]. Отношение же их к бюрократии, чиновничеству всегда было настороженным, что вытекало как раз из прошлого: раскольник *«не любил представителей власти, не доверял им и старательно их чуждался, хотя, если этого требовал ход дела, умел начальству и угодить»*^[683].

Эти весьма показательные наблюдения, сделанные на уральском материале, вполне применимы для Москвы и Центральной России: здесь преобладала такая же атмосфера. Принадлежность к группе, выросшей из одной среды, общность интересов сплачивала представителей купечества – и официальных староверов Рябушинских, и единоверцев Гучковых, и якобы православных Коноваловых^[684]. К концу пореформенного периода главным становились не внешние оттенки конфессиональной окраски, а сплетение, общность насущных коммерческих интересов. Хотя современники, знающие московскую обстановку не только из статистических справок, но и из реальной жизни, утверждали, что из сорока крупнейших промышленников Первопрестольной тридцать были староверами^[685] (остальные – это деятели типа Кнопов, Вогау, Гужона, давно и тесно с ними связанные). Эти выходцы из народа и их партнеры жаждали занять место под солнцем, получить доступ к административным ресурсам, чтобы наряду с буржуазной аристократией Петербурга приумножать свои капиталы. Но все пошло не так, как представлялось купеческой финансово-экономической группе. Об этом, а также о той судьбоносной роли, которой ей пришлось сыграть в истории России, и пойдет речь в следующей главе.

Глава четвертая

Парадоксы общественного подъема в начале XX века

1. Причины кризиса купеческой буржуазии

Демонтаж самодержавного строя и последовавший за ним грандиозный социальный эксперимент берут начало именно на этом отрезке времени, в котором спрессовались помыслы и стремления прошлых эпох. В общественном подъеме участвовали разные силы, пытавшиеся максимально использовать его перипетии для достижения собственных целей. Но почему революционная буря разразилась именно в обозначенный период, а не раньше? Почему вплоть до этого времени степень воздействия на власть оказывалась недостаточной для продавливания как реформаторских, так и революционных намерений? Почему, наконец, в начале XX столетия произошла резкая активизация всего российского общества?

Советская историография квалифицировала эти события как результат деятельности недавно оформившихся в партию социал-демократических кружков, как некую репетицию, боевое крещение на пути к великой победе. Такая интерпретация прямо вытекала из ленинских взглядов на дореволюционную практику. На восходе своей карьеры в 1902 году В.И. Ленин провозгласил политическую аксиому:

«авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия»^[686].

В его глазах именно она, став реальной силой, способна поднять на борьбу с самодержавием рабочие массы, которые со всей сознательностью возьмут на себя решение насущных задач, стоящих перед страной. Разумеется, взоры вождя партии, исходившего из практических потребностей, были прикованы в первую очередь к могильщику старого строя – пролетариату и его авангарду. А вот другой силой – отечественной буржуазией – Ленин интересовался меньше. По его убеждению, эта социальная гниль, пресмыкающаяся перед царским режимом, оказалась полностью недееспособной и потому обреченной плестись в хвосте событий^[687]. Российские буржуа не в состоянии подняться до общеполитических проблем, их голос, по словам Ленина, представлял собой всего лишь «точку зрения лакея, которому барин позволяет совещаться с поваром об устройстве

обеда»^[688]. Хотя иногда вождь революции и допускал, что буржуазные деятели могут изображать недовольство: но это лишь удел десяти Рябушинских и сотни Милюковых (т.е. кадетской партии – А. П.). Ленинские оценки предпринимательского класса в течение долгого времени определяли научные подходы в изучении российского капитализма. На отечественную буржуазию советские историки смотрели исключительно по-ленински, т.е. всячески развивая представления об ее экономической и политической отсталости. Не забывая при этом противопоставлять ей буржуазию европейских стран, чье активное участие в революционных вихрях сделало абсолютистские формы правления достоянием истории^[689].

К сожалению, неизменная констатация этого тезиса вытеснила на исследовательскую периферию целый ряд проблем, нуждавшихся в серьезной разработке. В частности, проблему неоднородности отечественного предпринимательского класса, и прежде всего – с региональной точки зрения. Взгляд Ленина совершенно игнорирует специфику различных групп российской буржуазии, особенности их происхождения и формирования. Купечество Центрального, Поволжского районов, с одной стороны, и капиталисты Петербурга и Юга России – с другой, для него мало чем отличались друг от друга. Достаточно сказать, что в своих трудах он нередко пользовался выдуманным им образом Кит Китыча Авдакова, в котором совмещен тип московского купца из пьес А.Н. Островского и реальная личность – горный инженер Н.С. Авдаков, возглавлявший предприятия на юге страны, принадлежавшие иностранному капиталу^[690]. Советская историография долго следовала именно этим путем; по сути, только со времени хрущевской оттепели начинает описываться и понемногу осмысляться специфика позиционирования петербургской и московской групп российского делового мира^[691]. Петербургская буржуазия была фактически порождением властных кабинетов и пользовалась безоговорочной поддержкой имперского чиновничества. Московское же купечество не обязанное правительству своим происхождением, тоже настойчиво старалось вписаться в траекторию опеки. В этой ситуации отчужденность буржуазии от всякого рода оппозиции государству выглядела закономерной. И нужно особо подчеркнуть, для пореформенного периода ленинский диагноз верноподданнического состояния российского капитализма был

абсолютно справедлив. Однако произошедшая в конце XIX века корректировка финансово-промышленных приоритетов повлекла за собой серьезные сдвиги в деловом мире России. Но вождя пролетариата уже не очень занимало это на самом деле ключевое обстоятельство: он не собирался отягощать свои теоритические наработки не нужными с его точки зрения частностями. Соответственно, слабо осмыслились эти аспекты и в советской литературе. Да и до сих пор не сформирован комплексный взгляд на те причины, которые пошатнули положение купеческой буржуазии и подтолкнули ее к пересмотру механизмов взаимодействия с властью, дав импульс многосложным процессам, далеко превосходящим экономическую проблематику. Между тем, анализ причин оппозиционного разворота московской финансово-промышленной группы позволит лучше понять обстоятельства общественного подъема начала XX столетия.

К середине 1890-х годов московская группа обладала значительной мощностью: комфортное таможенное законодательство, выгодные коммерческие сделки с участием бюрократии позволяли ей наращивать финансово-экономический потенциал. И не удивительно, что в первой половине 1890-х вновь заговорили об образовании отдельного Министерства промышленности и торговли, управлять которым должен был глава Московской городской думы Н.А. Алексеев - старообрядец по Рогожскому кладбищу. После его гибели в 1892 году (от рук психически ненормального человека) в Москве по-прежнему предвкушали создание этого ведомства и назначения министром уже Председателя Нижегородского ярмарочного комитета молодого С.Т. Морозова^[692]. Однако этим надеждам не суждено было сбыться; вместо них клану предстояли совсем иные хлопоты. Благостную ситуацию взорвал русско-германский торговый договор, заключенный в конце января 1894 года. Необходимость его принятия остро ощущали обе страны, поскольку двусторонние отношения к этому времени находились на низком уровне. Проблема состояла в следующем: с 1887 года при деятельном участии Московского биржевого комитета происходило планомерное увеличение охранительных таможенных пошлин; по новому тарифу 1891 года они стали самыми высокими в Европе. Это никак не устраивало такого крупного производителя, как Германия, чей товарный экспорт в Россию сильно пострадал. В ответ

немцы повысили пошлины на основной продукт отечественного вывоза – зерно, что, в свою очередь, больно ударило по российскому дворянству: его доходы, во многом зависевшие от поставок зерна на германский рынок, резко сократились. И вот в ходе переговоров Германия снизила пошлины на экспорт зерна, а Россия, в качестве уступки, – на шерстяную продукцию^[693].

Эти-то решения и вызвали бурю негодования московских биржевиков. Процесс разработки и параметры этого торгового договора специалистам хорошо известны, тем не менее, для нас наиболее интересна реакция российских деловых кругов на его принятие. Крупная буржуазия центра, будучи владельцем текстильных отраслей, не только почувствовала себя ущемленной, но и сделала далеко идущие выводы. В самом деле, принципы защиты отечественного производителя, ограждения его от иностранной конкуренции, еще вчера казавшиеся незыблемыми, сегодня были поставлены под сомнение. Как возвещали «Московские ведомости», покровительственная политика, с таким трудом продавленная за последнее десятилетие, подвергается угрозам^[694]. Возобновились слухи о происках немецкой партии, которая поднимает голову в правительственных кругах; заговорили о скором крушении российской торговли под мощным давлением Германии. Те же «Московские ведомости» предвещали:

«...Мало кто сомневается, что теперешний натиск германской промышленности на Россию был только первым опытом, так сказать, “пробой пера”... на этом не остановятся, а двинут свои захваты дальше, вновь пустив для этого в ход, как способ давления, ту же нашу хлебную торговлю»^[695].

Надо заметить, немногие тогда сомневались, что высокие таможенные пошлины на шерстяные изделия просто-напросто принесены в жертву для восстановления баланса с интересами дворян-помещиков, обеспокоенных сбытом зерновых. Новый конвенционный тариф увеличивал доход землевладельцев на пять рублей с посевной десятины^[696]. И тем не менее протекционистские критики правительства сравнивали заключенный торговый договор «с работой

каменщика, который для надстройки стен решился бы вытаскивать камни из фундамента того же дома»^[697].

Радетели о промышленниках Центра не прошли также мимо того обстоятельства, что уступки германской стороне сделаны не в ущерб, скажем, металлургам Южного промышленного района или машиностроителям Петербурга, а именно за счет фабрикантов Центрального региона. Ставки на металлы и машиностроительную продукцию остались неизменными, что не могло не возмущать текстильных магнатов. И пусть дело касалось только шерстяной продукции -поручиться за то, что подобное не произойдет с другими изделиями легкой и текстильной индустрии, теперь было уже трудно. Вопрос фабрикантов: почему именно наши интересы принесены в жертву? – повисал в воздухе. Объяснения, что, мол, для общей пользы нужно кому-то, а в первую очередь – лучшим сынам России в лице московских биржевиков – пойти на уступки, не вызывали у них прилива энтузиазма^[698]. Но, пожалуй, наиболее резкое раздражение вызывало то, каким образом был принят данный торговый договор. «Московские ведомости» сообщали:

«В то время как в немецких газетах еще за несколько месяцев писалось многое об агитации среди немецких фабрикантов за понижение русских ввозных пошлин, у нас о возможности этого понижения никто не догадывался, так как все переговоры с Германией держались в тайне. Эта таинственность оказалась вредною не только потому, что застала нас неподготовленными, но, главным образом, потому, что она помешала высказаться людям наиболее компетентным и заинтересованным в деле»^[699].

То есть российское государство (Министерство финансов во главе с С.Ю. Витте) даже не удосужилось поставить в известность о предполагаемых таможенных новшествах своих верных слуг – отечественных текстильных промышленников, считавших это правительство своим.

Смысл этого события видится в следующем: купеческий клан стал для власти своего рода разменной монетой в обеспечении общеполитического равновесия, причем о готовившихся решениях его

даже не потрудились проинформировать. Издевательскими казались на этом фоне возгласы петербургской прессы, что договор *«представляет одно из главных дел нынешнего царствования, которое украсит собою летопись государственной деятельности С.Ю. Витте»*.^[700] Можно сказать, что принятие русско-германского договора вызвало первую трещину во взаимоотношениях государства и московского промышленного клана. Остается добавить еще одно важное наблюдение: политическая опора купеческой группы, так называемая русская партия, претерпела серьезный разлад. Ведь выходец из ее рядов - Министр финансов С.Ю. Витте – впервые не посчитался с интересами противостоящих иностранной торговой экспансии народных капиталистов. А идейные сподвижники министра, наподобие влиятельного князя В.П. Мещерского, совестили текстильных королей России: *«нельзя же, в самом деле, пожертвовать всем ради выгод известной группы людей, хотя бы и очень богатых»*.^[701]

Внезапная кончина Александра III в октябре 1894 года прервала выяснение отношений между правительством и группой промышленников Центрального региона по вопросам таможенной политики. Серьезный разговор на эту тему состоялся летом 1896-го, когда в Нижнем Новгороде собрался Всероссийский торгово-промышленный съезд. Это был один из наиболее представительных форумов, в работе которого приняли участие несколько сотен человек. Наряду с фабрикантами и заводчиками на съезде присутствовали руководители Вольно-экономического общества и различных вузов страны, сельскохозяйственных и юридических обществ и проч. Подчеркнем, что после вступления в силу русско-германского договора 1894 года правительство продолжило практику заключения так называемых «конвенционных тарифов» (торговые соглашения с отдельными странами без изменения общего таможенного законодательства). Такие конвенции были заключены с крупнейшими партнерами России: помимо Германии, с Австро-Венгрией,

Францией, Италией и др. В соответствии с ними государство по одним товарным позициям понижало ставки, а по другим сохраняло их на высоком уровне. Политика правительства затрагивала интересы многих экономических игроков, поэтому столь представительный состав заинтересованных лиц в присутствии правительственных

чиновников не мог пренебречь возможностью публично высказаться о перспективах развития России. Однако на этот раз купечеству не удалось превратить масштабное мероприятие в торжество протекционизма, как это произошло в Москве на торгово-промышленном съезде 1882 года.

Заседания начались с упреков, высказанных известным фабрикантом Г.А. Крестовниковым относительно русско-германского торгового договора, который, по его убеждению, являлся ошибкой^[702]. Это заявление вызвало резкую отповедь начальника Департамента торговли и промышленности Минфина В.И. Тимирязева: действия правительства, сказал он, были продиктованы заботой о российской экономике в целом. Чиновник еще раз пояснил, что смысл данного договора сводился к обеспечению продуктам сельского хозяйства лучших условий сбыта, *«и это приобретено ценою некоторых пожертвований с нашей стороны»*^[703]. После такого, как бы вводного, напоминания съезд незамедлительно поднял вопросы о понижении таможенных пошлин на сельскохозяйственные орудия, на минеральные удобрения для земледелия и т.п., находя это крайне нужным для страны. Видные московские промышленники попытались вообще снять эту тематику с повестки дня, мотивируя это тем, что настоящий съезд не сельскохозяйственный, а прежде всего промышленный. Однако ввести выступления в желаемые рамки не удалось. Как заявил лидер аграрного крыла профессор Л.В. Ходский из Вольного экономического общества, здесь собрались представители различных отраслей, в том числе и сельского хозяйства, поэтому потребности последнего имеют никак не меньше права на внимание съезда, чем собственно промышленные интересы^[704]. Споры о величине таможенных ставок постепенно переросли в дискуссию по более общему вопросу: какой же страной является Россия – земледельческой или промышленной? Два эти видения отражали разные пути развития – сельскохозяйственный и фабричный. И если землевладельческое лобби требовало понижения таможенных тарифов, то промышленники – в целях ограждения от западной конкуренции – настаивали на сохранении их на высоком уровне 1891 года. (Второй подход отстаивал известный ученый-химик Д.И. Менделеев, в очередной раз призванный в ряды протекционистских сил).

Черту под продолжительными и бурными спорами подвело голосование по вопросу: оставить пошлины на уровне 1891 года без изменений или понижать их? На отделении, где проходили основные дебаты, победу одержало сельскохозяйственное лобби; правда, перевес был небольшим, и голосование решили перенести на общее собрание. Здесь же поддержка аграриям оказалась уже весьма значительной^[705]. В итоге принятая съездом резолюция содержала обращение к российскому правительству с просьбой о пересмотре покровительственного тарифа как не отвечающего потребностям экономики страны. Выражение *«разочарование купечества было велико»* далеко не отражает того негодования, которое испытали в те дни промышленные магнаты. Оно прорвалось на торжественном обеде при закрытии съезда. Выступавший там С.Т. Морозов с ностальгией вспоминал *«лучшего министра не только России, но и всего мира»* И.А. Вышнеградского, который одарил покровительственными пошлинами русскую промышленность и тем самым создал условия для ее надлежащего развития. Но теперь, при его преемнике С.Ю. Витте, *«когда перед лицом всей Европы мы имеем свидетельство нашего роста, мы встречаемся с постановлениями съезда против этих мер»*^[706]. Неудовольствие С.Т. Морозова, высказанное в лицо Министру финансов и другим высоким гостям, современники расценивали как открытый вызов, брошенный петербургской бюрократии купеческим капиталом, который готов ответить на любые финансовые утеснения и уже не позволит смотреть на себя свысока^[707]. С.Ю. Витте был вынужден сглаживать впечатление от этой ставшей впоследствии *«знаменитой застольной речи»* купечества. Успокаивая промышленников, он говорил о крайне малой значимости съезда в деле выработки практической политики^[708]. Вслед за своим шефом, чиновник Министерства финансов Т.Ф. Кобеко не преминул напомнить, что всякий имеет право выражать свое мнение, призвав участников съезда меньше нервничать, а больше верить в мудрость и справедливость монарха и его правительства^[709].

Состоявшийся в Нижнем Новгороде торгово-промышленный форум явился узлом, где пересеклись основные экономические тренды царской России конца XIX столетия. Этот съезд фактически стал публичной ареной противостояния аграрно-помещичьих кругов политике, проводимой С.Ю. Витте. Как известно, ее стержень – опора

на промышленное развитие: именно здесь Министр финансов видел локомотив движения вперед, позволяющий быстро следовать за развитыми государствами. Собственно в этом и состояла суть предлагаемого им модернизационного рецепта. «Новое время», неустанно рекламировавшее виттевские стратегические предписания, разъясняло, что экономическое положение страны слабое и *«от нас значительно зависит ускорить наступление нового будущего (т.е. индустриального – А. П.) и вот сюда должны быть направлены главные усилия экономической политики»*^[710]. Вместе с тем, концентрация ресурсов на промышленном направлении вызывала раздражение у дворянских землевладельцев, чьи коммерческие интересы традиционно вращались вокруг сельского хозяйства. На съезде 1896 года эти силы и дали открытый бой политике Витте. К этому времени Министр финансов уже находился в жесткой конфронтации с дворянскими кругами. В апреле 1896 первый раунд выяснения отношений между ними уже состоялся на совещании губернских предводителей дворянства о нуждах землевладения этого сословия. Смысл виттевского месседжа дворянству был суров: оно не выдерживает конкуренции и ему на смену идет другой класс, первенство в жизни переходит к промышленности, банковскому делу. Дворянству необходимо адаптироваться к новым условиям жизни; консервация же его в прежнем качестве служивого и землевладельческого сословия равносильно смертному приговору^[711].

Естественно, такие экономические приоритеты находили живой и оптимистический отклик у купеческих фабрикантов. В Нижнем Новгороде они традиционно выступили против аграрного лобби с его нападениями на покровительственные пошлины. Фабриканты всегда были озабочены защитой внутреннего рынка для своей продукции, а не таможенным комфортом для экспорта зерновых. Однако, ныне их самоотверженная борьба с аграриями омрачалась рядом обстоятельств. Во-первых, конвенционные торговые договора с рядом ведущих стран, о которых говорилось выше, являвшихся своего рода уступками помещикам, делались, прежде всего, за счет купечества текстильного Центра, а не металлургов Юга или машиностроителей Северо-запада. Просьбы к правительству объяснить, почему так происходит оставались без внятного ответа. Утрата инициативы в деле таможенного регулирования вносило заметный дискомфорт в

купеческую элиту. Во-вторых, (и это главное) ее серьезное беспокойство вызывали настойчивые усилия С.Ю. Витте перевести всю отечественную экономику с обращения бумажных денег на золотой рубль. Эта финансовая реформа имела поистине революционное значение: она вводила Россию в систему международного денежного оборота, а, следовательно, снимала препятствия для циркуляции капитала с развитыми странами. В свою очередь это не могло не ставить под удар большинство промышленных производств. Как писали «Московские ведомости», они не настолько окрепли, чтобы выдержать конкуренцию с иностранными предприятиями. Издание напоминало:

«Наша фабрично-заводская деятельность развивается под охраной покровительственного таможенного тарифа и еще более, курса кредитного рубля»; и задавалось вопросом: «много ли найдется у нас таких производств, которые будут в состоянии выдержать конкуренцию с вырабатываемыми ими товарами?»^[712].

И если на Нижегородском съезде в августе 1896 года крупное купечество с долей обиды, но поддерживало виттевский промышленный курс, все еще считая его своим, то затем ситуация резко меняется. Купеческая буржуазия очень скоро уяснила, какие именно промышленные приоритеты имел в виду всемогущий Министр финансов. Как оказалось, теперь архитектор нового экономического курса выступал не просто за индустриальное развитие, а конкретно – за финансовый, биржевой капитализм, где первую скрипку играют банковские структуры, располагающие большими денежными ресурсами и способные устанавливать контроль над промышленными активами и целыми отраслями. Характерно, что ключевым советником С.Ю. Витте в проведении такой финансово-экономической политики становится Директор Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн, которого в те годы именовали *«главнокомандующим всех соединенных сил столичной биржи и банков»*^[713]. Именно этот банкир стоял во главе дельцов, ратовавших за скорейший переход на золотой рубль, а, следовательно, за широкий приток иностранного капитала, ставку на который традиционно делали петербургские банки. Но

главное, возможность доступа на международный финансовый рынок явно пришлась по вкусу не только петербургским банкирам и ориентировавшемуся на них Витте, но и самому императору Николаю II. Как передавал Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, государь высказывал недовольство критикой введения золотого рубля, подчеркивая, что на месте Горемыкина он уже давно бы принял меры против всей этой болтовни^[714]. А потому не удивительно, что масштабная денежная реформа, вызывавшая массу споров, была проведена, минуя Государственный совет, т.е. по указу царя. Нужно согласиться с С.Ю. Витте, *«что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно императору Николаю II»*^[715].

Его введение – 2 января 1897 года – окончательно продемонстрировало, на какие силы теперь предпочитает делать ставки правительство, и с кем оно теперь связывает перспективы экономического роста. Как известно, вторая половина 90-х годов XIX века – период небывалого хозяйственного подъема. Достаточно сказать, если в начале 90-х Комитетом министров утверждалось около 12 уставов учреждаемых акционерных обществ, то к концу десятилетия ежегодно проходило свыше 400 новых уставов^[716]. Такое бурное промышленное развитие во многом обеспечивалось иностранными инвестициями, в буквальном смысле слова хлынувшими тогда в Россию. В концентрированном виде обоснование этой политики содержится в известной записке С.Ю. Витте, адресованной на имя Николая II. Министр финансов писал:

«Очевидно, наша внутренняя промышленность, как ни широко она развивалась, все же еще количественно слишком мала. Она не достигла таких размеров, чтобы в ней могла развиваться животворящая сила знания, предприимчивости, подвижности капитала...

Нужно не только создавать промышленность, нужно и заставлять ее дешево работать, нужно в возникшей промышленной среде развить более деятельную и стремительную жизнь...

Что требуется для этого? Капитал, знания, предприимчивость...

А нет капиталов, нет и знаний, нет и предприимчивости»^[717].

Мы привели этот программный отрывок еще и потому, что в нем содержится емкий диагноз состояния российской экономики – ее неспособность к подлинной конкуренции. Все последнее десятилетие здоровые механизмы рыночного соперничества подавлялись охранительным таможенным законодательством, игравшим определяющую роль. Необходимо встряхнуть эту промышленную среду, на что способен лишь иностранный капитал; более того, с его огромной эффективностью и мобильностью – это, по сути, единственный способ быстро продвинуться вперед. Интересно также мнение С.Ю. Витте о трудностях намеченного пути. Серьезным препятствием, по его убеждению, выступает нежелание местных капиталистов допускать конкурентов на освоенный привычный внутренний рынок. Российские промышленники озабочены лишь сохранением монопольных прибылей и ни при каких условиях не собираются менять своего выгодного положения^[718]. Критику министра вызвали и архаичные формы организации российских предприятий, большинство из которых существовало в виде семейных товариществ; при этом давно устоявшаяся в Европе акционерная форма не пользовалась популярностью^[719].

Высказанное мнение об отечественной промышленности не оставляло сомнений:

«ее услуги обходятся стране слишком дорого, и эти приплаты, разрушительно влияя на благосостояние большинства населения, преимущественно земледельческого, долгое время не могут быть им выдержаны»^[720].

С.Ю. Витте не устал повторять, что покровительственная политика обходится стране в 500 млн. рублей ежегодно. К тому же Россия не располагает временем ждать, пока местная промышленность разовьется до необходимого уровня: в этом случае отставание от западных держав примет необратимый характер^[721]. Согласитесь: перед нами не просто очередное заключение, а своего рода приговор

косности и некомпетентности, вынесенный Министром финансов целой группе отечественной буржуазии. Группе, которая потеряла в его глазах былую значимость и, перед которой еще недавно преклонялись пестовавшие ее представители русской партии: М.Н. Катков, Ф.В. Чижов, И.С. Аксаков, И.А. Вышнеградский. Теперь перспективы развития страны соотносились не с народными капиталистами, а с притоком иностранного капитала, адаптация которого к прогрессу С.Ю. Витте объявлял панацей от национальных экономических недугов.

Без преувеличения, подобного удара купеческое сообщество, выросшее на старообрядческих конфессиональных корнях, не испытывало давно. Пожалуй, с конца 50-х годов XIX века, когда при включении в одну из гильдий стало необходимо подтверждать принадлежность к православию (в синодальной версии) или переходить на зыбкое временное гильдейское право сроком на один год. Но если ту ситуацию удалось в буквальном смысле слова залить потоком верноподданнических чувств, то теперь этого было явно недостаточно. Такое давно проверенное средство, как демонстрация полной благонадежности, уже не обеспечивало традиционной защищенности. Угроза прозябания на задворках российской экономики, предначертанная могущественным Министром финансов С.Ю. Витте, становилась для московской буржуазии вероятным сценарием совсем недалекого будущего. Подобная перспектива подтолкнула купеческую буржуазию к активным действиям по дискредитации курса на оплодотворение русской экономики западными финансовыми потоками. В январе 1899 года Московский биржевой комитет принял постановление о вредной роли иностранного капитала, и об опасности расширения сферы его влияния в российской экономике^[722]. Купечество выступило против насильственного насаждения промышленности зарубежными чуждыми элементами, равнодушными к тому, что станет с Россией, *«когда они, набив свои карманы и истощив источники ее богатств, с презрением ее покинут»*^[723].

Торгово-промышленный мир Первопрестольной недоумевал, почему иностранные дельцы перешагнули через границу и начинают теснить русские предприятия, которые теперь не находят защиты со стороны своего государства? Особое возмущение московских

капиталистов вызывали разговоры об их предпринимательской несостоятельности, неспособности демонстрировать реальную предприимчивость. В качестве контраргумента подобным оценкам приводился факт, что наиболее сильными, как по операциям, так и по репутации, банковскими структурами «являются *Московский купеческий и Волжско-Камский банки, которые ведутся чисто русскими руками*»^[724]. Противники зарубежного капитала утверждали, что его присутствие не приводит к обещанному удешевлению товаров; более того, надежды на развертывание подлинной конкуренции с его появлением абсолютно не оправданны, поскольку иностранцы озабочены прежде всего искусственным удержанием высоких цен и обеспечением все тех же монопольных устремлений^[725]. В доказательство приводился пример московского угольного бассейна, который не выдерживал конкуренции с мощной монополистически организованной индустрией Донбасса. Напомним, что все крупные хозяйства центральной части страны были связаны договорами на поставку именно донецкого угля. Одним из главных его потребителей являлись и казенные железные дороги. Сырье доставлялось на дальние расстояния по низким тарифам, специально установленным в 1895 году правительством по ходатайству Съезда горнопромышленников Юга^[726]. Благодаря государственной поддержке, донецкий уголь, успешно вытесняя с рынка подмосковный, не оставлял центральному бассейну никаких шансов для развития. Анализируя эту и подобные ситуации в других отраслях, еженедельник «Русский труд», редактируемый публицистом С.Ф. Шараповым – верным последователем И.С. Аксакова и М.Н. Каткова – делился опасениями, что Первопрестольная своими силами не справится с нашествием, *«грозящим в недалеком будущем на развалинах русской и народной Москвы воздвигнуть новую Москву иностранную»*^[727].

Московская печать постоянно держала под прицелом работу предприятий, учрежденных на иностранные средства. Причем критика носила всеобъемлющий характер, касаясь всех сторон их работы. Например, «Московские ведомости» разразились циклом публикаций о южном металлургическом районе. Приход англичан, французов, бельгийцев и создание ими предприятий описаны как национальная катастрофа. Результаты пребывания иностранцев, по убеждению издания, привели к разорению некогда цветущего края, который

превратился в вотчину сомнительных коммерсантов, ищущих легкой добычи. Русские собственники подверглись настоящей облеве, технический персонал, почти полностью иностранный, нещадно выжимает силы рабочих и т.д.^[728] Вообще говоря, эта позиция не была исключением: в верхах она находила отклик у тех, кому не по душе пришлась активность набравшего силу С.Ю. Витте^[729]. Одним из недовольных оказался великий князь Александр Михайлович^[730], который настойчиво пытался нейтрализовать инициативы Министра финансов в глазах императора. Он подавал всеподданнейшие записки, обосновывая пагубность курса на неограниченное привлечение иностранного капитала, в частности в нефтяные районы Закавказья^[731].

Отпор противникам иностранных инвестиций давали издания близкие к правительству. Так, «Торгово-промышленная газета» поместила целый исторический экскурс о том, как ведущие европейские державы использовали иностранные финансовые ресурсы для подъема своих экономик. Публикации детально разъясняли благотворность такой политики и необходимость для России следовать этому проверенному опыту^[732]. Образцом для подражания объявлялся пример Петра Великого, который *«стремился овладеть для своей страны знаниями опередившей нас Европы»*^[733]. Подчеркнутое внимание уделялось угрозам, которые якобы несут иностранные инвестиции. Как убеждал рупор Министерства финансов, они отсутствуют: придя на российский рынок, иностранные вложения становятся все более русскими. Издание напоминало об уважаемых в Москве капиталистах, тесно связанных с купеческим кланом, -Кнопе, Вогау, Гужоне – тонко замечая, что *«едва ли Московское биржевое общество смотрит на них как на иностранцев, против вторжения которых оно желает принять меры»*^[734]. Поэтому не следует мешать и иностранному капиталу, успешно осваивавшему юг России. Петербургской прессе процессы экономического развития этого региона под началом иностранцев виделись исключительно в восторженных и радужных тонах: на берегах могучего Днепра вырастают заводы, возводимые французскими и бельгийскими акционерными обществами, железные дороги и порты переполнены грузами – словом, кругом кипит райская промышленная жизнь^[735].

Исходя из такой благостной картины «не лучше ли бы было, если во главе мануфактурных предприятий стоял не только Савва Морозов, но и еще несколько бельгийцев, французов, англичан, благодаря участию коих рубашки стали бы дешевле»^[736].

Проблемы московской промышленной группы, связанные с изменением финансово-экономических ориентиров правительства, совпали с другими серьезными вызовами, также идущими от властей. Идея о неспособности местной буржуазии к какой-либо конструктивной деятельности получила широкое распространение, и другое ключевое ведомство – Министерство внутренних дел – приступило к разработке рабочего вопроса, становившегося все более актуальным. Как отмечалось в передовой «Нового времени»:

«гордый и всесильный на Западе капитализм у нас – пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство... Весьма деятельная правительственная попечительность о развитии фабрично-заводской промышленности создает у нас особенно благоприятную почву для правительственного вмешательства в дело благоустройства быта фабрично-заводских рабочих»^[737].

Здесь в полную силу звучит уже знакомый мотив неполноценности купечества, который, как мы видели, возникал применительно к экономической сфере. Промышленникам региона напоминали о сопротивлении действиям властей по введению и расширению в России фабричного законодательства. Теперь их также упрекали в неспособности поддерживать спокойствие среди наемных работников (особенно зримо это проявилось в ходе забастовок 1896-1897 годов, доставивших властям немало хлопот). Именно поэтому чиновничество МВД и решило взять рабочий вопрос под свой ведомственный контроль. Инициаторами выступили московские власти: генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов и начальник местного охранного отделения С.В. Зубатов^[738]. Их усилиями отделения городской полиции, по сути, превращались в органы защиты работников предприятий от произвола владельцев. Такую корректировку

полицейских функций московское руководство уже в июле 1898 года вдохновенно излагало товарищу Министра финансов А.Н. Коковцову. Тот как раз был командирован в Первопрестольную в связи с начавшимися недоразумениями между жандармским надзором и фабричной инспекцией^[739]. Последняя, как известно, находилась в ведении Минфина и на нее возлагались законодательно прописанные функции по разрешению производственных конфликтов. Однако названные лица сочли возможности фабричной инспекции по регулированию трудовой сферы недостаточными, а сам этот институт – крайне беспомощным, давно попавшим в полную зависимость от хозяев. А потому, любые волнения на предприятиях не только дают право полиции, но и обязывают ее вмешиваться в урегулирование производственных конфликтов, поддерживая тем самым общий порядок^[740].

Зубатовщина (такое название, как известно, закрепилось за этой системой) стала уникальной в отечественной истории попыткой решить рабочий вопрос с монархических позиций. Ключевым моментом здесь явилось то, что протест-ные настроения концентрировались на буржуазии, которая объявлялась виновницей всех бед трудящихся, исключительно ей обязанных своим незавидным положением. Но пролетариат не одинок в своем противостоянии хозяевам: у него есть мощный союзник в лице царя и его верных слуг, способных помочь рабочим вырвать необходимые уступки у капиталистов. Такая политика преследовало двуединую цель: с одной стороны, нейтрализовать влияние разнообразных революционных элементов, демонстрируя рабочим, что не отсюда им следует ждать улучшений^[741], а с другой – под силовым давлением государства заставить местное купечество раскошелиться, т.е. оплатить повышение жизненного уровня трудящихся из своих средств. Зубатовское начинание в МВД метко охарактеризовали социальной монархией^[742]. Решались эти задачи в рамках рабочих организаций, созданных под патронажем полиции. С 1901 года в Москве начали действовать Общество взаимопомощи рабочих механического производства и Общество взаимопомощи ткачей. Они брались за выдвижение экономических требований наемных работников к хозяевам. От имени обществ по различным предприятиям города разъезжали рабочие, агитировавшие против фабрикантов. Эти уполномоченные публично

обличали эгоистическую сущность представителей капитала, не желавших по доброй воле идти навстречу трудовым массам.

Результаты этой пропаганды быстро ощутили на себе капиталисты разного уровня, например крупный предприниматель Ю.П. Гужон, тесно связанный с верхушкой московского промышленного клана. Его фабрику посетили представители названных обществ и под угрозой стачки выставили серьезные денежные претензии к администрации. Хозяин ответил отказом, но был сразу предупрежден полицией, угрожавшей, в случае невыполнения предъявленных ему требований, высылкой. Для улаживания скандальной ситуации потребовалось вмешательство французского посла – Ю.П. Гужон был гражданином Франции. Примечательно, что солидарность с ним проявили многие крупные промышленники Москвы, уговаривая не идти на уступки и обещая коллективно покрыть его убытки, вызванные этими проблемами^[743]. Владельцы незначительных производств также не избежали подобных визитов. Как следовало из жалобы фабриканта Ф. Колосова, в его отсутствие на предприятие неожиданно явились представители Общества ткачей. Они предъявили беременной жене купца бумагу от обер-полицмейстера, разрешавшую им посещение заводов и фабрик города. Собрав рабочих, они около часа произносили зажигательные речи об их правах. У испуганной происходящим женщины случились преждевременные роды, и ее супруг требовал сурового наказания для агитаторов^[744].

Волна энтузиазма, охватившая простой люд, так или иначе вовлеченный в орбиту деятельности этих Обществ, ширилась. Сюда в огромном количестве доставлялись жалобы на разнообразные утеснения, невыплату зарплаты, незаконные вычеты, штрафы, увольнения и т.д. Многие заявления направлялись затем в полицию или фабричному инспектору, и в большинстве случаев жалобы удовлетворялись^[745]. 19 февраля 1902 года, в годовщину освобождения от крепостного права, Общества провели грандиозную 40-тысячную манифестацию рабочих с возложением венков к памятнику Александру II^[746]. Как сообщалось, в одном из писем, зубатовские собрания в Москве проходят почти каждый день: на них присутствует от ста до тысячи человек, в тоже время социал-демократические мероприятия собирают по 10-20 рабочих^[747].

Неприкосновенность уполномоченных от Обществ заметно импонировала широким массам. Не осталась без внимания и явная расположенность к деятельности этих организаций генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича – дяди Николая II, женатого на родной сестре императрицы. В народе даже считали, что один из активистов общества ткачей, Н.Т. Красивский, – незаконнорожденный сын Александра II, чем и объясняли подчеркнутое внимание к нему со стороны великого князя. Как отмечал С.В. Зубатов, *«лишь благодаря этой легенде можно объяснить себе тот громадный успех и доверие, которыми пользуется Красивский среди рабочих»*^[748]. Чувствуя поддержку властей, рабочее население Москвы обсуждало предстоящее объединение всех трудящихся города в союзы по примеру уже действовавших обществ. Активисты открыто рассуждали о том, что скоро владельцев предприятий вообще скрутят, а затем заводы и фабрики у них отберут в казну, *«чтобы народу тесноты не было, а была воля во всем»*^[749].

Смелые помыслы рабочих устремлялись и дальше, на ненавистную торговлю, обиравшую их в повседневной жизни. Перспективы торговой сферы сформулировал лидер Общества механического производства Ф.А. Слепов. Он призывал вырваться из цепких когтей торговцев и лавочников, опутавших рабочего человека сетями, от которых все *«страдают, как мухи в паутине»*^[750]. Противостоять их ненасытной алчности – вот главная задача текущего дня. Необходимо обуздать и контролировать цены на важные для жизни людей продукты, пресекая злоупотребления со стороны торговцев. Но при этом важно понимать, что «торгаши» согласуют свои действия, а потому общим и мощным ответом им станет создание Общества потребителей, где рабочие будут в обязательном порядке обслуживаться по низким ценам^[751]. Все эти размышления завершались оптимистическим призывом:

«Опомнитесь, друзья мои, проснитесь от вековой дремоты, которая оковала наши очи непроницаемым мраком... и дружно двиньтесь все к одной цели, и враг наш дрогнет, и царство его окончится»^[752].

Можно спорить, действительно ли рабочие в эти годы «опомнились и проснулись», но кто, вне всякого сомнения, быстро последовал данной рекомендации, так это московская промышленная группа. В ней относительно происходящего двух мнений не возникало. Владельцы видели, что на фабрики, где они чувствовали себя как дома, третируя по своему усмотрению персонал, ворвалась чуждая сила, угрожавшая и прибыли, и хозяйскому самовластию. Прекрасно понимая, от каких ведомственных сил исходит угроза, они в тревоге обратились в Министерство финансов. Уже в августе 1901 года делегация от московских предпринимателей посетила это ведомство, прося пресечь собрания Обществ. Чиновники ответили, что не только не собираются прекращать подобные мероприятия, а всячески их приветствуют^[753]. Однако стремительное развитие событий кардинально изменило позицию Минфина, и спустя всего полгода, в марте 1902-го, здесь уже иначе отнеслись к поступившей от фабрикантов Москвы просьбе.

В прошении, в частности, признавалась польза организации рабочих для сношений с администрацией, однако акцент был сделан на антикапиталистических заявлениях: объединение вокруг них политически опасно в первую очередь для правительства. Ведь оно, писали фабриканты, лучше других знает, что справиться с увлеченными такими идеями массами крайне трудно^[754]. В качестве иллюстрации приводился пример недавних событий на предприятии Ю. П. Гужона. Характеризуя положение дел в целом как очень тревожное, промышленники адресовали министерству многозначительный намек на то, что рабочие не ограничиваются обсуждением условий своего труда и быта, а переходят на «разбор Государственной росписи нынешнего года»^[755]. Москвичи писали о серьезном замешательстве в торгово-промышленном мире, поскольку стало непонятно, куда обращаться с производственными недоразумениями – «к фабричному инспектору или к агентам охранного отделения, в лице которых мы привыкли видеть элемент далекий от внутреннего понимания фабричной жизни»^[756]. Расчет на противоречия между ключевыми ведомствами правительственной системы – финансов и внутренних дел – оправдался, и теперь опасения московских фабрикантов не остались без внимания.

4 апреля 1902 года товарищ Министра финансов В.И. Ковалевский собрал совещание для выяснения дел в Московской губернии; критике подверглась практика взаимоотношений между рабочими и хозяевами под патронажем полиции. Было сказано, что у рабочих складывается мнение, будто заключение договоров трудового найма возможно лишь при участии посреднических комитетов. Распространяются слухи о существовании каких-то сокрытых законов о повышенной зарплате, об ограничении прав собственников по владению предприятиями и о полном переходе последних в руки рабочих, коим правительство окажет необходимое содействие капиталом и т.д. Подобные безосновательные надежды активно обсуждались на сходках рабочих, разрешенных московскими властями в народных домах и других общественных местах. В результате у простого народа создавалось впечатление, что обещание улучшить положение масс исходит непосредственно от самого правительства. И если зимой 1902 года такие настроения преобладали только в Москве, то весной они проникли уже и в губернию^[757].

Помимо поисков сочувствия и помощи в правительственных кругах некоторые крупные московские фабрикаты предприняли неожиданный шаг. Они решили встретиться с идейным вдохновителем ненавистной им политики С.В. Зубатовым, чтобы в открытом разговоре выяснить позицию своего недруга. События, связанные с этой встречей, довольно запутанны. По свидетельству самого С.В. Зубатова, о встрече его попросил один из сослуживцев, сказавший, что не мешало бы развеять сомнения по поводу проводимой политики и еще раз уточнить некоторые акценты^[758]. Непосредственным организатором встречи стал некто К.С. Красильников; когда-то он служил в издании «Русское обозрение», собственником какого-либо производства никогда не был, в течение некоторого времени состоял управляющим у фабриканта средней руки^[759]. 26 июля 1902 года Красильников привел начальника московского охранного отделения в известный ресторан Тестова, где в самом большом зале его ожидали семеро представителей делового мира Москвы: В.В. Якунчиков, С.Т. Морозов, В.Г. Сапожников, С.С. Корзинкин, Н.И. Прохоров, С.И. Четвериков, К.А. Ясюнинский. Представление о состоявшемся разговоре мы можем составить благодаря записке, составленной по итогам встречи купеческой стороной. С.В. Зубатов вновь назвал

фабричную инспекцию анахронизмом, давно утратившим доверие у рабочих; потому-то, сказал он, полиция и вынуждена принимать на себя часть ее функций; в конечном счете это делается для легализации рабочего движения в форме профессиональных объединений, с которыми необходимо обсуждать весь ход производственной жизни. Промышленники не согласились с Зубатовым, заявив, что если вместо фабричных инспекторов полиция будет присылать на предприятия каких-то непонятных личностей, называющих себя уполномоченными, то ничего путного из этого не выйдет. В случае продолжения такой практики они пригрозили закрыть фабрики и распустить рабочих, предоставив полиции самой о них заботиться^[760].

Вообще, эта встреча не принесла, да и не могла принести ничего нового: судя по всему, стороны не собирались слушать друг друга. Однако записка по результатам встречи, подготовленная в откровенно невыигрышных для начальника московской охраны тонах, оказалась не где-нибудь, а в руках С.Ю. Витте. Министр финансов не замедлил переадресовать ее руководству МВД, сопроводив своими пояснениями:

«Ознакомившись с этими соображениями, я совершенно затрудняюсь отдать себе отчет о тех последствиях, кои могут иметь место на деле, если предложения начальника московского охранного отделения будут осуществлены. Не в состоянии предусмотреть результаты проектируемых мер, я не могу, тем не менее, не высказать ныне же опасений за возможность возникновения крупных недоразумений на фабриках и заводах г. Москвы»^[761].

Очевидно, что истинная подоплека ситуации состояла в соперничестве двух ключевых министров, чьи отношения, как известно, были отягощены всевозможными интригами^[762]. В данном случае С.Ю. Витте выставил подчиненного В.К. Плеве в невыгодном свете, объявив инициативу полиции несостоятельной. Современники тех событий не сомневались, что это удалось благодаря московским промышленникам, заявившим о вреде зубатовской политики. Как утверждал Л.А. Тихомиров, злополучную записку составил К.С. Красильников, выставивший себя победителем «зубатовщины», а доставил ее к С.Ю. Витте все тот же обиженный Ю.П. Гужон^[763].

Кстати, этот эпизод действительно вызвал закат политики полицейского социализма. Интересно, что спустя некоторое время С.В. Зубатов имел другую личную встречу с одним из лидеров купечества, С.Т. Морозовым – по просьбе последнего. Морозов высказал соображение, что дело, задуманное Зубатовым, не имеет больших перспектив, так как полностью завязано на его незаурядную личность. В этом и кроется главный недостаток предложенной инициативы: без своего автора система долго не просуществует^[764]. Так оно, собственно, и произошло. Вскоре С.В. Зубатова под предлогом повышения перевели из Москвы в Петербург, а затем убрали подальше – во Владимир.

Судьба рабочих обществ оказалась в руках могущественного С.Ю. Витте. Тот «творчески» распорядился доставшимся ему наследством. Осознавая, что потребность в организации рабочих масс для обсуждения текущих дел действительно велика, Министр финансов решил идти законодательным путем. Структуры департамента полиции устранились от вмешательства в фабрично-заводскую сферу; на предприятиях вводился институт уполномоченных, именуемых старостами, для информирования администрации и иных должностных лиц о нуждах рабочих; через них же доводились до коллективов распоряжения и разъяснения начальства. По мнению С.Ю. Витте, предлагаемая инициатива не являлась новшеством, но лишь узаконивала существующее положение дел. Отсутствие законодательной санкции приводило к стихийному развитию рабочего представительства или к анархии. С появлением же старост возник легальный способ информирования всех заинтересованных сторон о производственной жизни^[765]. Правда, хотя уполномоченные и объявлялись выборными, их самостоятельность была крайне невелика: кандидатов в старосты утверждала та же администрация, а при неудовлетворительном исполнении обязанностей староста мог быть отстранен решением губернатора^[766]. Но даже эти расчеты С.Ю. Витте не оправдались. Закон, по сути имитирующий рабочее представительство, не встретил сочувствия у фабрикантов: они отказывались иметь на своих предприятиях старост и упоминать их в расчетных книжках^[767]. После отставки С.Ю. Витте с поста Министра финансов в августе 1903 года В.К. Плеве дал новое дыхание полицейским инициативам в рабочем вопросе. На этот раз уже в

Петербурге учреждались собрания фабрично-заводских рабочих, во главе которых оказался священник Гапон, получивший известность после событий января 1905 года.

Говоря о зубатовщине, необходимо отметить еще одну важную ее черту, на которую сегодня почти не обращают внимания. Речь идет о религиозной составляющей, а точнее, о направленности этого политического курса против старообрядческой купеческой группы – сердцевины московского промышленного мира. Общее ухудшение позиций московской буржуазии в конце XIX столетия сказалось и на религиозном климате. Разработка полицейских подходов в рабочем вопросе была тесно связана с возобновлением жесткого отношения к расколу. Терпимость предыдущих лет – эпохи Александра III – довольно быстро уходила в прошлое. Это выразилось в том, что фабрикантов из староверов, с их «фирменным», исконно русским лицом, власти перестали рассматривать в качестве подлинных представителей народа. К ним снова приклеили подзабытый ярлык – «австрийцы»: как известно, большая часть крупного купечества принадлежала к поповскому белокриницкому согласию, учрежденному в Австрийской империи в 1846 году. И власти задались закономерным вопросом: на каком основании они осмеливаются объявлять себя истинно православными? В рамках «зубатовщины» воздействие на раскол было дифференцированным. Уточним, что именно староверческим низам, блуждавшим, по убеждению властей в духовных потемках, предназначалась полицейская поддержка в противостоянии с хозяевами-кровопийцами. На нейтрализации религиозного дурмана, который якобы из корыстных побуждений напускали владельцы предприятий, концентрировались и заботы господствующей церкви. Для улучшения нравственной атмосферы синод требовал от Министерства финансов беспрепятственного допуска приходских священников господствующей церкви на те предприятия, где *«хозяева и управляющие принадлежат расколу»*^[768]. Духовенство принимало активное участие в собраниях рабочих-старообрядцев; например, для собеседований с ткачами выделялись аудитории на тысячу человек, для них открывались приходские школы миссионерских братств и т.д.^[769] Инициаторы этих мер ратовали за укрепление подлинно нравственных начал, сила которых, как

демонстрируют «наши старообрядцы... без всякого сравнения могущественнее силы каких-нибудь промышленных олигархий»^[770].

С представителями раскольников капитала велись совсем не духовно-просветительские обсуждения. Вспомним уже упомянутую встречу С.В. Зубатова с московскими воротилами в 1902 году (и заметим, что они – все семеро – были староверами). Кстати, уже с конца XIX века московские власти возобновили наблюдение за видными раскольниками-фабрикантами^[771]. Все это заметно усиливало дискомфорт купеческой элиты. Ее представители – обладатели многомиллионных капиталов – рассчитывали на соответствующее отношение к себе со стороны властей. И не смотря на приверженность старой вере, они совсем не желали довольствоваться второсортным положением в обществе. Однако, на смену конфессиональной толерантности, правительство подвергло серьезному давлению рогожскую иерархию, расцветшую к середине 1890-х годов. Как известно, она полностью контролировалась прихожанами-толстосумами. Порядки первой половины столетия, когда иерархии поповства имели определяющий голос в решении не только религиозных, но и коммерческих дел (как, например, известный И. Ястребов), канули в лету. В течение пореформенного периода поставленные епископы и священники фактически находились на содержании крупного купечества, заправлявшего делами согласия. Но теперь власти решили положить конец австрийской или белокрыницкой иерархии. Развенчать самозванцев вызвались по-настоящему, подлинно русские люди: обер-прокурор синода К.П. Победоносцев и Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. В феврале 1900 года они собрали специальное совещание с участием Министров внутренних дел и юстиции. К.П. Победоносцев развил опасения, что расцвет раскольников иерархии рано или поздно приведет к учреждению на Рогожском кладбище своего патриарха. А это уже чревато для государства и господствующей церкви невиданными раздорами, последствия которых трудно спрогнозировать^[772]. В результате совещание потребовало от поповцев подписаться под тем, что они обязуются впредь не именоваться архиерейскими титулами, не совершать недозволенных им законом служений и действий, позволенных лишь иерархам православной церкви^[773]. Те, кто отказались дать требуемые

властями обязательства, подверглись административной высылке. Даже архиепископ московский и всея Руси Иоанн (И. Картушев) вплоть до 1905 года был вынужден проживать то в Тульской, то во Владимирской губернии.

Религиозный мир рогожан рисковал оказаться организационно расстроеным. Но они стоически восприняли старые религиозные вызовы нового, XX, столетия:

«Итак, Константин Победоносцев решил воздвигнуть гонения на старообрядцев. Но могут ли бояться его старообрядцы? Пусть вспомнят они времена Диоклетиана и прочих гонителей христианства. Разве Христиане боялись их?»^[774].

Тем не менее, как и прежде (ныне, скорее, по инерции), они бросились за помощью к всемогущему самодержцу. В кратчайшие сроки прошение на имя Николая II украсили 49 753 подписи староверов из различных губерний России. Императору, который находился в Ливадии, его передал великий князь Александр Михайлович^[775]. В этом впечатляющем документе проводилась простая мысль: старообрядцы – исконно русские люди, исповедующие православную веру и всегда повинующиеся властям предержащим; их нельзя притеснять вследствие чьего-то предубеждения. Не был забыт и Александр III, который, как напоминали авторы, заботливо указал нам *«те границы, в пределах которых мы должны устраивать свою религиозно-нравственную жизнь»*^[776]. Однако обнадеживающей реакции не последовало. Из архивных документов следует, что в ответ на данное прошение был подготовлен всеподданнейший доклад Министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Доклад содержал пояснение относительно усилий раскольников по широкому толкованию закона от 3 мая 1883 года: их стремления сводятся к желанию *«заявлять всеми способами о существовании в России другой православной веры»*, и основанием для этого служит допущенное в 1840-х годах учреждение *«австрийского священства»*. Следовательно, необходимы меры, которые бы не позволяли создавать одинаковые условия для последователей раскола и для людей, исповедующих православную веру^[777]. Этим объяснением все и завершилось. Правда, для

старообрядцев работа по сбору подписей под прошением не прошла бесследно: с этих пор ежегодно начали проводиться так называемые всероссийские съезды^[778].

Итак, в конце XIX – начале XX века у крупного купечества Центрального региона возникли серьезные проблемы. Правительственная бюрократия за его счет решила сбалансировать устои самодержавного режима. Интересы этой группы буржуазии были фактически принесены в жертву новым вызовам социально-экономического развития. Акцент на иностранный капитал и его широкое присутствие в отечественной экономике оказалось для властей куда более привлекательным, чем обеспечение потребностей фабрикантов крестьянского происхождения. С зарубежными финансами, знаниями и технологиями правительство теперь связывало перспективы развития страны. Иностранные инвестиции пользовались поддержкой высшей бюрократии. На этом фоне произошло резкое усиление петербургских банков, давних соперников промышленников Центра за первенство. Все это кардинально изменило экономический ландшафт страны, существовавший с пореформенных десятилетий. Помимо этого правительственные круги вознамерились за счет купеческой буржуазии решить ряд насущных социальных проблем, связанных с увеличением численности рабочего класса. Речь шла о содержании этой быстро растущей вместе с промышленностью части населения. На решение данной проблемы была направлена так называемая «зубатовская политика»: ее цель – заставить купечество, чуждающегося введения рабочего законодательства, в полном объеме оплатить социальные потребности трудящихся. Дополнительные расходы на наемных рабочих становились серьезной ношей, резко снижающей прибыль, прежде всего, опять-таки капиталистов из народа. Для них эти затраты были особенно ощутимы, поскольку, в отличие от петербургской буржуазии, купечество не могло компенсировать их с помощью административного ресурса, бюджетных источников и дешевых иностранных кредитов. Сюда следует добавить и возобновление религиозных притеснений русского купечества, в большинстве своем по-прежнему придерживавшегося староверческих традиций.

В результате целая группа капиталистов не дворянского и, соответственно, не чиновничьего происхождения оказалась перед

лицом серьезного системного кризиса. Уяснение этого обстоятельства имеет определяющее значение для уточнения ряда важных выводов прошлых лет. Так, краеугольный тезис советской науки о том, что лишь страх перед рабочим движением и неспособность царизма (после 9 января 1905 года) обеспечить защиту, толкнули купечество на оппозиционный путь^[779], не является исчерпывающим. Недовольство этой буржуазной группы, как мы видели, было связано далеко не только с рабочей проблемой. А опасения за свое будущее возникло у купечества задолго до январских событий 1905 года, еще в конце XIX столетия. Как метко было замечено тогда же:

«правительство собственными руками создавало себе врагов из “людей порядка”, превращая верных своих слуг в политически неблагонадежных, толкая капиталистов на путь политической оппозиции»^[780].

Утверждение советской историографии, что буржуазия в целом до января 1905 года пребывал в спячке, а потому чуть ли не проспала революционный подъем, включившись в него последней, также нельзя признать правомерным. Необходимость выживания в сложившихся условиях вызывала у московского клана не апатию, а потребность в активных действиях. К трудностям купечеству было не привыкать, но вот инструментарий для их преодоления теперь кардинально обновился.

2. Правительственный и общественный либерализм

Обращаясь к политической эпопее начала XX века, следует сказать о ее особенностях по отношению к предыдущему либеральному всплеску. Как известно, он имел место в царствование Александра II, когда ряд представителей сановной аристократии выступал с предложениями конституционного характера. Наиболее продвинутым и подготовленным оказался проект Министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, вокруг которого в 1880-1881 годах группировались реформаторски настроенные высокопоставленные чиновники. Имена Д.А. Милютина, А.А. Абазы, М.С. Каханова, Д.М. Сольского и др., чьи преобразовательные стремления питались европейской мыслью, следовавшей в русле либеральных ценностей, хорошо известны в литературе^[781]. Претворение этих идей на российской почве рассматривалось в качестве эффективного способа укрепления государственных институтов, призванного обеспечить монархии более твердую основу. В этом круге государственных деятелей господствовало убеждение, что представительство сословий является необходимой и прочной опорой, органично дополняющей чиновничью вертикаль. Однако гибель Александра II перечеркнула данные планы: они оказались свернутыми на два с лишним десятилетия.

Следующей либеральной волне в начале XX века повезло больше: она увенчалась конкретными итогами, т.е. принятием конституции и учреждением думы. Причины этого успеха трактовались по-разному. Согласно ленинской концепции достигнутые результаты стали возможными благодаря усилиям пролетариата, численно и сознательно окрепшего на рубеже столетий, а главное стараниями его передового отряда – большевистской партии, организационно оформившейся в это время. Разумеется, при таком подходе говорить о каких-либо либеральных проектах сверху было уже просто неуместно. В ситуации, оцененной подобным образом, ни группировки во власти, ни социальные слои (дворяне, буржуазия) не могли обладать какой-либо инициативой на политическую модернизацию. Согласно ленинским

понятиям к началу XX столетия все они являлись апологетами самодержавия, не мысля своего существования без абсолютистского режима; а потому опять-таки лишь рабочий класс был реально заинтересован в политических преобразованиях. Вот такую в самом сжатом виде известную схему долгое время обслуживала советская историография. После крушения СССР исследовательские приоритеты по понятным причинам изменились. Конечно, наработки вождя, пропитанные острой партийной борьбой, уже не признаются ориентиром для научного продвижения вперед. В частности, роль пролетариата в революционных событиях теперь не представляется в качестве ключевой, ведущей за собой все остальные общественные силы. Вклад большевиков в политическую трансформацию начала столетия ставится под вполне справедливые сомнения^[782]. Постепенно размываются идеологические штампы, уступая место более трезвому взгляду, основанному на новом осмыслении источникового массива. Тем не менее, избавление от ленинской доктрины и связанных с ней наслоений еще далеко от завершения. Продвижение по этому пути связано с дальнейшей разработкой двух узловых моментов. Во-первых, выяснением того как в действительности реализовывались потребности в политической модернизации у различных слоев. И, во-вторых, кто стал главной движущей силой обострения общественной обстановки осенью и в декабре 1905 года.

Начать нужно с принципиального утверждения о том, что в конституционной модернизации абсолютизма в начале XX столетия была заинтересована сама верховная власть. Последовательность действий правительства Николая II подводит именно к такому выводу. Рубеж веков ознаменовался утверждением нового курса на масштабное привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику. За этим стояло вполне осознанное стремление приобщиться к рынку международного капитала, что сулило новые возможности. Именно с этой целью и была проведена денежная реформа 1897 года, привязавшая рубль к золоту; конвертируемость российской валюты обеспечивала свободную циркуляцию финансовых потоков. Конечно, инвестиционная привлекательность России заметно повышалась, однако для желаемой интеграции этого было недостаточно. Требовались определенные шаги не только в хозяйственной, но и в политической сфере, направленные на

трансформацию неограниченного самодержавия в буржуазную монархию. Либерально-экономическая инициатива плохо совмещалась с самодержавной формой правления, которая в глазах западных финансовых игроков выглядела откровенным рудиментом. Иными словами, государства с режимом неограниченной монархии не могли полновесно присутствовать на международном рынке капиталов. К тому же повсюду в Европе начала XX века существовали представительные выборные органы власти. Пожалуй, лишь Османская империя (синоним отсталости) обходилась без парламентских институтов.

Погрузившись в новую экономическую реальность, Николай II не мог пренебречь потребностями политической модернизации: стремиться в мировой финансовый рынок и одновременно пытаться консервировать абсолютистский режим – действия взаимоисключающие. Вне всякого сомнения, еще учитель Николая II, либеральный профессор Н.Х. Бунге (Министр финансов в 1882-1886 годах), ратовавший за введение золотого рубля, объяснил будущему императору очевидность таких вещей^[783]. Другое дело, что далеко не все в правящей верхушке осознавали необходимость адаптации к новым экономическим условиям. В своих мемуарах С.Ю. Витте подчеркивал наивность распространенного в России мнения, будто:

«иностранным держателям наших фондов и банкирам все равно, какой у нас будет образ правления».

Он указывал на тесную связь между доступом к иностранному кредиту и политическим строем государства, институты которого должны гарантировать предсказуемость и прозрачность политики^[784]. Однако если российская верховная власть в либерально-экономическом ключе обосновывала потребности модернизации, то политически эта программа виделась совсем иначе. По убеждению Николая II, русские люди – приверженцы монархических воззрений – не способны к восприятию конституционного творчества по европейским образцам.^[785] После совещания губернских предводителей дворянства в 1897 году государь, беседуя с князем П.Н. Трубецким, уверял в готовности поделиться с народом властью, но также и называл причину, препятствующую осуществить данный шаг.

Он считал, что ограничение царских prerogatives было бы понято крестьянским населением страны, как насилие интеллигенции над самодержцем: в этом случае народ просто-напросто бы стер с лица земли верхние слои общества^[786]. Поэтому учреждение в России представительного органа – думы – могло быть подано только в качестве доброй воли царя, жертвующего своей единоличной властью. Особый акцент делался именно на добровольности почина, что коренным образом должно отличать характер политических реформ в России от Европы. Если на Западе отдельные классы буквально вырвали реформы у верховной власти, сокращая ее prerogatives, то у нас, наоборот, призыв выборных людей должен делать их советниками царя, им же приглашенных. То есть речь шла не о самостоятельности законодательной ветви власти, а скорее о верховенстве воли монарха^[787].

Подобное дарование конституции в теории государственного права известно под названием октроированного конституционализма. Его применение дает возможность избежать деструктивных издержек при смене основ государственно строя, и вместе с тем обеспечивать правовую трансформацию абсолютизма в конституционную монархию. Основным инструментом здесь выступают реформы, постепенно осуществляемые по инициативе самой верховной власти. Если проводить аналогии, то такой подход уже был реализован царизмом в экономической сфере. Речь идет об освобождении крестьян от крепостного гнета в 1861 году. Тогда удалось провести масштабные преобразования, исключительно благодаря воле верховной власти. Очевидно, что какие-либо иные сценарии решения вопроса были абсолютно неприемлемы. Теперь же на повестке дня стояло проведение политической модернизации самодержавия, придание монархии лица наиболее соответствующего новым финансово-экономическим потребностям государства. Эти задачи также намеревались решать в русле уже апробированного в начале 60-х годов сценария. Понимание данного обстоятельства актуализирует и выдвигает на первый план проблему: кто же конкретно в среде правящей бюрократии в начале XX века мог реализовывать политическое реформирование? Долгое время даже постановка такого вопроса не только не могла восприниматься серьезно, но и попросту считалась маргинальной. Как уже говорилось, правительственные

верхи начала XX века традиционно изображались оплотом махровой реакции, неспособной ни к чему кроме консервации абсолютизма в духе дореформенных времен.

На самом деле обращение к источникам (а не к ленинским творениям) свидетельствует, что в этот период в среде высшей бюрократии либеральные тенденции были более сильны, чем в конце правления Александра II. Круг чиновничества, обсуждавшего конституционные перспективы, по сравнению с тем периодом стал теперь гораздо шире. Недоброжелатели подобных новаций, к примеру, не сомневались что в среде сановников начала нового столетия много конституционалистов^[788]. И высказывали убеждение о наличии в правительстве деятельного конституционного крыла^[789]. Их лидер также был хорошо известен – это Д.М. Сольский^[790]. Начав служебную карьеру еще в 60-х годах XIX века, он занимал ключевые посты в государственном управлении, неизменно входя в группу либерально настроенных деятелей, приверженцев конституционного пути развития. Профессиональные качества позволили ему остаться в правительстве Александра III, не особо привечавшего поборников либерализма. Он выступал за отмену подушной подати, проведенной еще Н.Х. Бунге, не одобрял еврейских притеснений, критиковал земскую реформу 1890 года Министра внутренних дел Д.А. Толстого и т.д.^[791] При Николае II влияние Сольского серьезно усилилось. Возглавляя Департамент экономии Государственного совета, он играл одну из ключевых ролей в выработке многих решений; в частности поддерживал С.Ю. Витте во введении золотого рубля. В.И. Гурко, характеризуя чиновничьи круги рубежа веков, подчеркивал, что наибольшим влиянием в них пользовался именно Д.М. Сольский, ставший в 1902 году графом^[792]. Как крупный государственный деятель он всегда действовал в соответствии со своими либеральными предпочтениями. А потому в начале XX века именно он символизировал преемственность с эпохой правительственного либерализма Александра II. Заметим, что Сольский выступал за ведение конституционных начал в государственную практику, но исключительно в октроированной форме, т.е по доброй воле императора и постепенно. Он понимал непригодность для российских условий иных путей продвижения в сторону конституционализма.

И практические шаги в этом направлении начали предприниматься властью с начала XX столетия. Это сюжеты малоизвестны: они лишь контурно присутствуют в литературе, хотя, конечно же, заслуживают самой пристальной разработки. В начале 1901 года проходит реформа Государственного совета. В его новом утверждении, подписанном Николаем II, присутствовал специальный раздел «Об особых совещаниях и Подготовительных комиссиях», где было прописано право приглашения в них специалистов, не членов Госсовета^[793]. Фактически это означало привлечение выборных представителей для выработки законодательных решений. Впервые это произошло на рассмотрении положения о портовых сборах, что стало заметным событием в жизни правительственных верхов. В совещании участвовали начальники портов, представители местного городского общественного управления и купечества, избираемых городскими думами и биржевыми обществами^[794]. Привлечение общественности к обсуждению различных государственных проблем становится постоянным. Например, это проявилось и в работе межведомственного Особого совещания по делам сельскохозяйственной промышленности, созданного в 1902 году. Масса заинтересованных лиц (и не только дворянство) приняла участие в трудах губернских комитетов совещания, сформированных по всей стране. Здесь высказывались конкретные предложения по реформированию всей сельской жизни, экономики, социальным вопросам и т.д.^[795] В 1904 году при МВД задумывалось создание Совета по делам местного хозяйства, который состоял не только из чиновников центрального аппарата, но и из выборных представителей с мест. Исследователи оценивают разработку этого органа как своего рода зародыш думы^[796]. Обратим внимание, что данная реформаторская инициатива была связана с именем В. К. Плеве, историческая репутация которого носит крайне реакционный характер. Советской историографией его деятельность трактовалась под углом оберегания монархии от каких-либо изменений. Заметим, Плеве в течение семи лет занимал должность Государственного секретаря, т.е. находился в Государственном совете рядом с Д.М. Сольским. Имеет смысл привести одну мысль Плеве, которая, как представляется, хорошо отражает суть правительственных намерений в этот период:

«Россия – это огромный воз влекомый по скверной дороге тощими клячами – чиновничеством. На возу сидят обыватели и общественные деятели и на чем свет стоит ругают власти, ставя в вину плохую дорогу. Вот этих-то господ следует снять с воза и поставить в упряжку, пусть попробуют сами везти...»^[797]

Скажем откровенно, либеральная часть правительства не ожидала больших затруднений в претворении в жизнь именно такого сценария. В пореформенный период самостоятельную инициативу снизу по ограничению самодержавия проявляли одни и те же силы, включавшие некоторых дворян-земцев, а также вышедших из народничества революционеров; лишь смена поколений вносила неизбежные коррективы в ряды оппонентов власти. Активные представители интеллигенции объединялись в кружки, и хотя сила противостояния режиму понималась в них по-разному, в своей деятельности они так и не смогли преодолеть эти узкие рамки. На протяжении многих лет полиция фиксировала деятельность небольшого круга лиц, наблюдение за которыми не вызывало больших затруднений^[798]. Усилия либералов снизу концентрировались, главным образом, вокруг создания печатного органа по образцу «Колокола» А.И. Герцена. Но, не смотря на энтузиазм, дело долго не двигалось с мертвой точки. Наконец решили издавать журнал «Земский собор», предложив участие в нем известному народнику эмигранту П.Л. Лаврову. Однако тот отказался, ограничившись поздравлениями со вступлением на поприще благородной борьбы^[799]. Поэтому вполне справедлив диагноз полиции:

«Либералы играют самую жалкую роль и, ограничиваясь праздной болтовней, не могут решиться, по свойственной им трусости, ни на какой серьезный шаг; исключение составляет только серьезный и достойный уважения кружок, не превышающий 10-15 человек, которые действительно готовы жертвовать и своим состоянием, и своим положением»^[800].

Подобная ситуация была с группами социал-революционеров и социал-демократов, которые трансформировались из народнического движения. Даже террористические акты (в том числе против Александра II), практиковавшиеся некоторыми революционерами, производя громкий эффект, не сотрясали основ самодержавия. Как говорил Л.А. Тихомиров, один из лидеров движения, перешедший затем в лагерь правительства, «революционеры есть, они шевелятся, и будут шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря»^[801]. Социалисты вели теоретическую работу, плоды которой – в виде книг о перспективах марксизма в России презентовали друг другу. Выпускались листовки, по незначительности тиражей больше известные полиции, нежели собственно пролетариату. Но в целом пропаганда социал-демократов, предназначенная для рабочих, в 1880-1890-х годах большой пользы не принесла; население слабо воспринимало предлагаемые политические программы.

Тем не менее, размышления властей по созданию представительной Государственной думы – но в сугубо монархических одеждах – встретили трудности. Привычный состав оппонентов режима, с которым правительству приходилось сталкиваться, к началу XX столетия заметно изменился. Впервые в истории оппозиционного движения России его ряды пополнились новым мощным игроком, никогда ранее не проявлявшим себя на этой ниве. Как будет показано далее, именно купеческая элита явилась для либерально-революционных кругов той опорой, которой им не доставало ранее. Конечно, такая исследовательская новация находится далеко за рамками советской исторической традиции, неустанно доказывавшей оппозиционную несостоятельность отечественной буржуазии. Однако, в рамках настоящей работы мы показываем, что эта оценка справедлива не для всех отечественных капиталистов в целом, а лишь для петербургской буржуазной группы. Ее плотная аффилированность с высшим чиновничеством позволяла максимально пользоваться всеми преимуществами существовавшего положения. Столичная деловая элита и связанные с ней капиталисты принимали любые сценарии, исходившие от правительства. В полной мере это относится к проекту политической модернизации, продиктованном новым экономическим позиционированием России. Очевидно, что петербургские банки, завязанные на иностранный капитал, могли только приветствовать

усилия властей по закреплению и повышению инвестиционной привлекательности страны. Трудно представить столичных финансистов и дельцов, тесно сплетенных с придворными и правительственными сферами, в качестве политических противников последних.

Московское же купечество смотрело на ситуацию иначе. Оно долго ждало часа, когда его лояльность будет по достоинству оценена властями, а народное происхождение не станет препятствием для полноценной бюрократической опеки. Царствование националистически настроенного Александра III, казалось, давало на сей счет совершенно определенные надежды. Однако, во второй половине 90-х годов курс царизма на встраивание в уже сложившуюся международную финансовую систему стимулировал невиданный приток в отечественную экономику иностранных инвестиций. Оператором этого процесса естественно стало петербургское деловое сообщество, чьи банковские структуры при поддержке правительства финансировали создание новых предприятий, устанавливали контроль над многими промышленными активами. В таком экономическом климате конкурентные перспективы купеческой буржуазии выглядели уже весьма призрачно: она не располагала таким финансовым потенциалом как иностранные компании, не обладала необходимым административным ресурсом. В результате противостоять надвинувшимся вызовам капиталисты из народа оказались не в состоянии. Привычные апелляции к верховной власти в данной ситуации имели немного смысла. Ведь новые экономического приоритеты (введение золотого рубля) продвигались под патронажем Министра финансов С.Ю. Витте и, не смотря на сопротивление аграрно-помещичьего лобби, были демонстративно одобрены императором Николаем II, минуя Государственный совет. Это показывало, что прежняя верноподданническая модель поведения практически исчерпана: она не поможет обрести нужную устойчивость в стремительно изменившемся экономическом пространстве. Осознание этого факта и предопределило переход московского купечества на новые политические рубежи, ориентированные на ограничение власти и утверждение прав и свобод, устанавливаемых конституционно-законодательным путем, а не выражением верховной воли. Иначе говоря, у данной части

российских буржуа в начале XX века появились собственные причины, побуждавшие выступить за изменение существовавшего государственного порядка; причины, обусловленные жесткой экономической мотивацией, а не общими соображениями теоретического характера.

Заметим, что в историографии, либеральные потенции купечества, по сравнению с другими силами, всегда находились под сомнением. Еще советские историки совершенно справедливо указывали на слабую вовлеченность московского купечества в оппозиционное движение начала нового столетия. Действительно, лидирующие позиции в нем принадлежали отнюдь не купеческой элите. Отсюда вопрос: почему же крайняя заинтересованность в преодолении проблем, вызванных действиями власти, не вывела обиженное купечество в первые ряды борцов с режимом? Ответ на самом деле несложен. Широкое либеральное движение могли возглавить только те его участники, которые имели подлинно общественное лицо и репутация которых в глазах, прежде всего, российской интеллигенции соотносилась с декларируемыми высокими целями. Вне всякого сомнения, такой репутацией обладал ряд дворян-земцев, верных своим принципам и твердо, предпочитавших их чиновничьим карьерам. Даже революционеры, идущие на смерть за идейные убеждения, вызывали у определенной части общества неподдельное уважение. На их фоне репутация купечества представляла настолько блеклой, что не только о лидерстве, но даже о какой-либо публичности в этом процессе говорить не приходилось. Общественное мнение было убеждено в том, что буржуазия руководствуется сугубо материальными интересами, в то время как дворянство способно встать выше корыстных намерений^[802]. Образ аполитичного и алчного купца так прочно укоренился в сознании российского общества, что даже выставляемая на всеобщее обозрение благотворительность не решала имиджевых проблем этого сословия.

Чтобы убедиться в истинности сказанного, достаточно обратиться к русской литературе рубежа XIX-XX столетий. Карикатурный образ купца, решившего окунуться в общественную жизнь, запечатлен в пьесе «Джентльмен» (1897), написанной руководителем московского Малого театра, известным драматургом А.И. Сумбатовым-Южиным. Прототипом главного героя Лариона Рыдлова послужил

потомственный фабрикант Михаил Морозов (1870-1904), представитель одной из ветвей знаменитой купеческой семьи. По сюжету этот столп делового мира Москвы без особых колебаний провозглашает себя русским самородком на фоне выродившегося дворянства. Он чувствует избыток сил, жаждет вести дела по-новому и силится изложить свои мысли в серии очерков *«в смысле анализа современного общества»*. Рыдлов ощущает себя судьбоносной фигурой, призванной осчастливить отечество, а в знак своего покровительства жалуется *«таганский ярлык»*^[803].

Иными словами, вся пьеса демонстрирует комичность и убогость попыток толстосума стать выразителем новых общественно-политических веяний.

Притязания купечества на лидирующую роль в общественной жизни страны жестко критиковал также известный литератор той поры М. Горький, посвятивший этой теме повесть *«Фома Гордеев»* (1899). Действие разворачивается в среде поволжского купечества, где вызревают взгляды на судьбоносное значение этого сословия в жизни России. Выразителем новых идей выступает Яков Маякин, произносящий речи во славу русского купечества – *«первых людей жизни, самых трудящихся и любящих труды свои... которые все сделали и все могут сделать»*^[804]. Но он встречает страстную отповедь со стороны своего родственника, молодого купца Фомы Гордеева, который явно выпадает из этого круга достойнейших людей. Гордеев с удивлением для себя обнаруживает, что не знаком ни с одним купцом, про которого не было бы известно чего-нибудь преступного:

«Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните ли вы Бога? Пятак – ваш бог! А совесть вы прогнали... Кровопийцы! Чужой силой живете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших?»^[805].

Эти эмоциональные горьковские обличения не выглядели чрезмерными. Нелицеприятное изображение купеческой буржуазии в передовой литературе совпадает с полицейскими оценками начала XX столетия. Как заключали московские стражи порядка, торгово-

промышленное сословие совершенно обособилось от остальных, *«смотрящих на него, говоря вообще, как на мошенника»*^[806].

Итак, противоречивость сложившейся ситуации вполне очевидна. С одной стороны, купеческая буржуазия провозглашала (лучше М. Горького не передать!):

«Мы фундамент жизни закладывали – сами в землю вместо кирпичей ложились, – теперь нам этажи надо строить... позвольте нам свободы действий!»^[807].

С другой стороны, ничего, кроме недоверия и скепсиса, эти устроители новой жизни у общества не вызывали. Обретение общественного лица – процесс не быстрый, и купечество конца XIX – начала XX века находилось в самом начале этого пути. Надо сказать, именно поэтому многие его представители публично не заявляли о своих политических инициативах. Они пока не претендовали на роль общественного авангарда, предоставив лидерство традиционным силам – земскому дворянству и профессиональным бунтарям. Поэтому у многих тогда складывалось впечатление, что организации типа «Союза освобождения» *«втянули в орбиту своего влияния... московское именитое купечество»*^[808]. Хотя на самом деле ни о какой пассивности капиталистов из народа говорить не приходится. Повторяем, их заинтересованность в трансформации государственного строя определялась собственными интересами. Купеческая буржуазия больше не желала оставаться заложницей правящей бюрократии и ее меняющихся предпочтений, а решение этой задачи связывала с внедрением в политическую практику конституционных и либеральных принципов.

Отношения с оппозиционными силами завязались у купечества не сразу. Это происходило постепенно, в русле масштабного просветительского проекта, инициированного представителями московского клана в конце XIX столетия. Как известно, Первопрестольная всегда позиционировала себя как общерусский культурный центр, противостоящий официальной культуре Петербурга^[809]. Теперь различие культурных оттенков дополнились ярко выраженным оппозиционно-политическим подтекстом. Он наглядно проявился в ряде начинаний общественно-культурной жизни

– оставивших заметный след в отечественной истории. Издательства, театры, галереи распространяли либерально-демократический дух, который, благодаря новым возможностям, проникал в широкие интеллигентские слои и в российское общество в целом. Этот процесс целенаправленно финансировался видными представителями купеческой элиты. Иначе говоря, именно они оплачивали формирование той среды, где утверждались либеральные представления о свободах, неприятие чиновничьей опеки и протест против полицейского произвола.

Здесь, прежде всего, нужно вспомнить известные московские фирмы – И.Д. Сытина и братьев Сабашниковых, игравшие значительную роль на книжном рынке страны (их общий тиражный потенциал не уступал издательским возможностям царского правительства). И.Д. Сытин, старообрядец из Костромской губернии, переехав в Москву, занялся книготорговлей. Его успех обусловило серьезное конкурентное преимущество – сбыт продукции через мелких торговцев раскольников-офеней. Именно на таких конфессиональных сетях расцвело сытинское предприятие, сосредоточившее около трети продаж лубочных изданий в России^[810]. С конца XIX века оно все активнее переключается на выпуск либерально-демократической литературы. Как тогда говорили, И.Д. Сытин от офень перескочил прямо к Горькому, Андрееву, Чехову и др.^[811] Его деловым партнером становится богатая купчиха В.А. Морозова, мать того самого «джентльмена», карикатурно изображенного А.И. Сумбатовым-Южиным. Причем издательство не только сбывало свою продукцию, но и помогало покупателям в подборе библиотек для чтения, что позволяло влиять на вкусы обширной клиентуры. Магазины Сытина пользовались большой популярностью у либерально настроенных слоев: как отмечалось в полицейских источниках, деятельность издательства выходила далеко за рамки чисто коммерческого предприятия^[812]. К примеру, будущие члены кадетской партии отдавали Сытину агитки, *«не сомневаясь в том, что его фирма всего лучше распространит листовку повсеместно, в том числе и по деревням»*^[813]. В конце 90-х годов издатель реализовал стремление московского купечества наладить выпуск ежедневного издания, которое смогло составить конкуренцию влиятельному петербургскому «Новому времени». Такая попытка уже

предпринималась С.Т. Морозовым и С.И. Мамонтовым: они пробовали запустить газету под названием «Народ»: с этой целью вели переговоры с А.В. Амфитеатровым, выделяли нужные финансовые ресурсы^[814]. Однако, только сытинский проект оказался жизнеспособным – в его руках газета «Русское слово» быстро стала одним из рупоров либерализма в стране. Кстати, сотрудники (журналисты, публицисты и т.д.) в новое издание приглашались лично А.П. Чеховым^[815]. Любопытно, но сам Сытин не мог возглавить редакцию газеты, поскольку не имел образовательного ценза, и на первых порах его заменил зять. Сын почтенного издателя – В.И. Сытин – тоже был при деле: в 1904 году он как профессионал занимался оснащением подпольной типографии для Тверского комитета РСДРП^[816]. Неудивительно, что многогранная деятельность сытинской индустрии вызывала раздражение у сторонников самодержавия, называвших эту фирму *«вторым министерством народного просвещения»*.

На издательской ниве – и в том же ключе, что и И.Д. Сытин, – проявили себя Сабашниковы. Их родители, купцы-старообрядцы из сибирского города Кяхты, переехали в Москву, где и родились братья. Издательство Сабашниковых возникло на пороге XX века, и многие видели в их деятельности продолжение просветительских традиций, заложенных известным деятелем раскола, меценатом и издателем К.Т. Солдатенковым. С той лишь разницей, заметим, что братья выпускали такую литературу, которую почтенный приверженец раскола в свое время не взял бы и в руки. Именно в фирме Сабашниковых вышли двухтомник Н.П. Огарева (после сорокалетнего запрета) и дневник жены А.И. Герцена, были переизданы произведения Т.Г. Шевченко, В.Г. Белинского и многих других^[817]. На квартире братьев частным образом собирались крупные издатели Первопрестольной: здесь обсуждались планы по выпуску цикла книг по теории и практике народного представительства^[818].

Не менее впечатляющими были результаты финансовых вложений купеческой буржуазии и на другом участке просветительской нивы. Речь идет о создании театра, вошедшего в историю под названием МХАТ. Попытки заинтересовать торгово-промышленных деятелей подобными идеями предпринимались в разное время, но все они оказались безрезультатными. Даже великий русский драматург Н.А.

Островский, прекрасно знавший купеческую среду, не получил отклика на предложение профинансировать задуманное им культурное начинание. В 80-х годах XIX века купечество не видело большой надобности в затратных публичных инициативах, демонстрируя свою лояльность традиционными верноподданническими способами. Однако теперь приоритеты кардинально изменились, и расшатывание идеологического каркаса самодержавия потребовало ярких и привлекательных для широкой публики проектов. Московский художественный театр, переживший не только царскую, но и последующую советскую эпоху, стал среди них наиболее удачным. С момента открытия вокруг МХАТа концентрировалась либеральная интеллигенция, на чьи пристрастия в первую очередь и ориентировался репертуар^[819]. Кстати, знаменитая пьеса М. Горького «На дне» была написана фактически по заказу театра, где и состоялась премьера. Душой театра был его знаменитый руководитель К.С. Станиславский. Менее известно, что он принадлежал к богатой староверческой семье Алексеевых, пользовавшейся большим влиянием в Москве (городской голова в 1885-1892 годах Н.А. Алексеев – его родственник). Видимо, неслучайно предложение возглавить новый театр купеческие спонсоры адресовали не какой-либо знаменитости со стороны, а талантливому выходцу из общей с ними конфессиональной среды. В своих мемуарах глава МХАТа с благодарностью вспоминал о тех, без кого было бы немислимо беспримерное культурное оживление начала XX столетия в целом и успешная работа театра в частности^[820].

Другим культурным проектом того периода, также пользовавшимся популярностью у публики, стала Частная опера, созданная богатым московским предпринимателем С.И. Мамонтовым. Именно здесь был поставлен целый ряд опер, снискавших мировую славу русскому оперному искусству. Однако идеологическая составляющая репертуара Частной оперы, в отличие от хорошо известной творческой, обычно остается в тени. Между тем идейное содержание этого культурного проекта не оставляет сомнений в его антисамодержавной направленности. Чего стоит только опера М. Мусоргского «Хованщина», которая посвящена трагической странице русской истории, связанной с гонениями на раскол. Опера воспекает приверженцев старой веры, подавая их противостояние властям как

подвиг. «Хованщина» – не просто рассказ о событиях минувшей эпохи, это прямое указание на то, где следует искать истоки подлинной русской души. С.И. Мамонтов, несмотря на дела, лично занимался постановкой; между репетициями он вывозил всю труппу на Рогожское кладбище, чтобы артисты могли лучше ощутить дух старообрядчества^[821]. Опера вызвала настоящий восторг у московского зрителя. После такого успеха решено было показать ее в Петербурге. Однако там все вышло иначе: подобные творческие изыски пришлись не по вкусу сановной аристократии и чиновничеству, весьма далеким от романтического восприятия раскола. Само обращение к подобным темам квалифицировалось как вызов. Это впечатление усиливала постановка такой оперы, как «Борис Годунов», лишней раз напоминавшей о неприятных для рода Романовых событиях. Деятельность Частной оперы и ее вдохновителя не остались без внимания властей: коммерческие предприятия С.И. Мамонтова подверглись разорению, а сам он – несомненно, для публичного унижения – на полгода был помещен под арест, чему не смогли воспрепятствовать даже денежные посулы московских тузов^[822]. Добавим, что вклад С.И. Мамонтова в культурно-просветительский проект купеческой буржуазии далеко не исчерпывается созданием Частной оперы. Как известно, под его патронажем сложился круг художников, прославивших отечественное изобразительное искусство. Объединяющим началом этого сообщества явилась русская тематика – история, религия, быт и т.д. Вокруг нее вращалось творчество таких мастеров, как Серов, Васнецов, Коровин, Врубель, Нестеров и др. В то же время они придерживались свежих демократических взглядов, обращаясь к повседневной жизни простого народа. Именно такие полотна преобладают в собрании знаменитой Третьяковской галереи: к концу XIX столетия практически все произведения в ней (1757 из 1841) принадлежали кисти русских мастеров. Для сравнения: в императорском Эрмитаже большей частью коллекционировалось зарубежное искусство: из более чем 2000 картин здесь насчитывалось только 75 отечественных^[823].

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что многогранный культурно-просветительский проект купеческой буржуазии в течение каких-нибудь пяти-шести лет серьезно изменил общественную атмосферу в крупных городах страны. Взгляды, ранее присущие

узкому кругу лиц, стремительно врываются в общественное сознание. Идейные потоки, направляемые дорогостоящей культурно-просветительской инфраструктурой, множили число тех, кто жаждал отказа от рудиментарного политического устройства. Как справедливо отмечают исследователи, политическая среда значительно расширилась за счет притока образованных людей, ставших носителем либеральной идеологии^[824]. Но кроме этого, следует обратить внимание на еще один важный аспект. Профинансированный купеческой элитой проект фиксировал их полное размежевание со славянофильскими кругами, в течение десятилетий политически обслуживавших капиталистов из народа. Теперь они решительно распрощались со славянофильскими иллюзиями о возможности дальнейшего развития на верноподданнической монархической почве. Взамен купечество обрело новых союзников – либерально настроенных дворян из земств и научной интеллигенции, также убежденных, что монархия *«стала игрушкой в руках бюрократической олигархии»*, превратилась *«в тормоз свободного развития России»*^[825]. В начале XX столетия интересы традиционных поборников конституции и ее новых сторонников в лице купеческой буржуазии сошлись. Именно силами этого союза в обществе формировалась, не побоимся сказать, мода на государственные перемены.

А это, в свою очередь, обусловило интерес к разнообразной политической периодике, впервые ощутившей под собой благодатную почву. Оживившиеся группы интеллигенции наладили выпуск газет, которые отражали их идеологические предпочтения. Примерно с 1903 года наблюдается устойчивое распространение периодических изданий, критиковавших самодержавные устои и имперскую бюрократию. В одном из перлюстрированных полицией писем констатировалось, что в российском обществе задают тон такие печатные органы, как «Освобождение» и «Революционная Россия», популярностью пользуются «Искра» и «Заря»^[826]. Упомянутые издания перекинули мостик от культурно-просветительского проекта – непосредственно к политическому, качественно усилив политизацию общественной жизни. Судя по источникам, этот процесс шел не только в обеих столицах, но и в губернских городах. Так, полицейское начальство, характеризуя обстановку в Нижнем Новгороде весной 1903 года, сообщало о заметной активности разных неблагонадежных

лиц, о появлении большого количества крамольных газет и прочей литературы – и местной, и заграничной. Как отмечалось в донесении, «в обществе чувствовалась расшатанность, в силу чего чуть не каждый считал своим долгом проявить свой либерализм»^[827]. А ведь всего четыре-пять лет назад ничего подобного не наблюдалось: в городе тогда существовало всего несколько кружков из студентов, преподавателей и лиц без определенных занятий, устраивавших чтения и беседы, мало кого интересовавшие^[828]. В качестве комментария приведем слова известного американского исследователя Р. Пайпса, удачно, на наш взгляд, подметившего суть происходившего в России перед 1905 годом:

«Как-то неожиданно царское правительство оказалось один на один с нарастающей волной мощного сопротивления со стороны самых различных общественных групп, до того времени выступающих в основном поодиночке, в силу чего с ними было достаточно легко справиться»^[829].

Изменение политической обстановки в стране правительство зримо ощутило с началом русско-японской войны. Ее восприятие со стороны общества кардинальным образом отличалось от того яркого патриотического фона, которым сопровождалась последняя русско-турецкая военная компания 1877-1878 годов. Теперь же любые действия властей вызывали откровенное недоверие и шквал критики. Негодование сконцентрировалось на работе Красного креста. Эта структура оказывала содействие правительственным ведомствам в снабжении армии и помощи раненым; ее попечительский совет возглавляла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Общественность протестовала против чиновничьего всеисия в таком важном деле как поддержка фронта и выдвинула обвинения о злоупотреблениях в Красном кресте. Всюду требовали отстранения от руководства этой организацией лиц, не пользующихся доверием общества^[830]. Как вспоминали очевидцы, великие князья и высокие должностные лица не могли появиться в публичных местах без боязни быть освиистанными^[831]. Очевидно, что такая общественная атмосфера уже не очень располагала к продвижению каких-либо консервативно-монархических начинаний. Не смотря на это, было решено

форсировать процессы государственного строительства. В историю этот эпизод вошел под названием курса «доверия власти и общества», провозглашенного Министром внутренних дел князем П.Н. Святополком-Мирским (назначен на этот пост в августе 1904 года, после убийства В.К. Плеве). Доверительный курс задумывался, как практический инструмент проведения политической модернизации сверху. Однако авторитет власти, окончательно подорванный культурно-просветительским проектом купечества, уже не обеспечивал эффективности правительственных начинаний. Большую популярность набрали альтернативные сценарии утверждения конституционализма снизу. Тем не менее, новый министр в ходе недолгого – пятимесячного – пребывания в должности попытался овладеть ситуацией, стараясь направить ее в приемлемое для самодержавия русло.

Обуздать либерально-реформаторские порывы, расцветавшие в обществе, бюрократической системе едва ли удавалось. Если говорить о конкретных результатах «политики доверия», то это, определенно, качественное расширение общественного подъема снизу. Страна буквально наводнилась оппозиционной печатью; как заметил автор одного перлюстрированного письма, «теперь все интересные книги вышли в легальной литературе, так что нет смысла читать нелегальщину»^[832]. Издательские конвейеры, подобные сытинскому или братьев Сабашниковых, работали безостановочно, поставляя читательской публике малодоступные ранее тексты. Вся эта разнообразная литература, поступавшая из их больших типографий, устраивалась на особых складах, располагавшихся главным образом в буржуазных домах и квартирах. Например, для этих целей использовалась квартира крупного фабриканта С.И. Четверикова, сын которого помогал распространять эту печатную продукцию^[833]. Судя по свидетельствам участников движения, таких мест в Москве было немало. Один из них вспоминал о постоянных посещениях купеческих семей, где хранилась агитационная литература, и эти места, по его утверждению, отличались надежностью^[834].

Осень 1904 года ознаменовалась выпуском изданий, по идейному формату соответствующих «Освобождению», «Революционной России» и др. Благодаря крупному займу, предоставленному одним из лидеров купеческой Москвы С.Т. Морозовым, начали выходить газеты

«Наша жизнь» и «Сын Отечества». Новизна начинания состояла в том, что их редакции находились не за границей, как в упомянутых изданиях либералов и эсеров, а в России; это обстоятельство избавляло от необходимости постоянно заниматься доставкой новых номеров. Показательно, что тиражи «Нашей жизни» и «Сына Отечества» составляли 60-80 тысяч экземпляров, тогда как то же «Освобождение» ограничивалось 5-7-ью тысячами^[835]. Здесь нельзя не отметить парадоксальность ситуации. Одним из главных действующих лиц в издании «Наша жизнь» был известный либерал профессор, член Вольного экономического общества Л. В. Ходский. Тот самый, который на Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 года в Нижнем Новгороде возглавлял противников фабрикантов Центрального региона. Он оппонировал купечеству в вопросе о таможенных пошлинах, призывая прекратить политику покровительства промышленности. С.Т. Морозов тогда слал проклятья в адрес профессора, а спустя всего девять лет уже оказывал ему финансовую поддержку. Этот случай хорошо иллюстрирует поворот московской купеческой группы в сторону либеральной публики.

Стержнем политики доверия стало взаимодействие министра внутренних дел князя П.Н. Святополк-Мирского с земскими кругами, которые на тот момент шли в авангарде либерального движения. С начала октября 1904 года он начал проводить череду встреч с земскими деятелями, приглашая их на беседы^[836], и те не замедлили воспользоваться новыми возможностями. Кстати, в это время впервые обозначается открытое участие лидеров московской купеческой группы в оппозиционном движении. В череде частных собраний, посвященных конституционному переустройству, принимали участие С.Т. Морозов, В.П. Рябушинский, С.В. Сабашников, А.И. Гучков, С.И. Четвериков и др. Эти мероприятия подготовили Первый съезд земских представителей, не без трудностей, но все же легально прошедший 6-9 ноября 1904 года в Петербурге. Земцы, разумеется, не удержались от требований конституции и реформ; они считали их исключительно собственным проектом, а не чьим-либо подарком «с барского плеча». Такой подход вполне понятен: он создавал для оппозиционных сил внятную политическую перспективу. Легальный выброс реформаторской энергии произвел отнюдь не умиротворяющий

эффект. Напротив, сами участники этого мероприятия характеризовали его не иначе, как «начало первой русской революции»^[837].

Московская буржуазия – уже не частным образом, а публично – поддержала движение. Так, 30 ноября 1904 года гласные только что избранной Городской думы перед обсуждением сметы на будущий год заявили, что единственным выходом из создавшегося положения «представляется установление начала законности как общегосударственного условия плодотворной деятельности и создания законов при постоянном участии выборных от населения»^[838]. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович тут же опротестовал это заявление, однако Думу поддержал Московский биржевой комитет, выразивший полное сочувствие гласным^[839]. Правда, в проявленной солидарности не было ничего удивительного, поскольку ряд авторитетных гласных думы одновременно заседали и в биржевом комитете. Кстати, в октябре 1904 года произошел острый конфликт купечества с Сергеем Александровичем. Тот упрекнул деловую элиту Первопрестольной за малые даяния в Красный крест для помощи раненым в русско-японской войне. Но С.Т. Морозов объяснил, что он уже делал пожертвования, например, массу одеял, но в итоге все они оказались на московских рынках. В ответ возмущенный великий князь потребовал арестовать Морозова и только просьбы П.Н. Святополк-Мирского помогли урегулировать ситуацию, не на шутку взволновавшую купечество^[840]. Не менее широкую огласку получила и история, случившаяся с крупным фабрикантом С.И. Четвериковым, когда он был вынужден спешить к внезапно приехавшему на его предприятие приставу под ударами казачьих нагаек. Этот случай, вызвав огромный резонанс, стал предметом рассмотрения в Московской городской думе^[841].

Как известно, земские и городские резолюции вызвали несколько совещаний на самом высоком уровне, собранных Николаем II по просьбе Святополк-Мирского. Контакты Министра с представителями земств, закончившиеся проведением съезда и конституционными призывами, получили неоднозначную оценку. Этот известный в литературе эпизод с проведением совещаний требует серьезного уточнения. Долгое время он рассматривался в качестве яркого подтверждения реакционности властей, их нежелания что-либо

реформировать. Однако, необходимость сближения монархии с обществом посредством выборного представительства за исключением К. П. Победоносцева и великого князя Сергея Александровича не вызвала здесь отторжения. Тот же Д. М. Сольский не находил в этом ничего опасного: Николай II и другие согласились именно с его позицией^[842]. В действительности проблема заключалась в другом: только сейчас власть в полной мере осознала, что после состоявшегося земского съезда любые шаги в направлении конституционализма будут выглядеть не иначе как удовлетворение прозвучавших пожеланий общественности. О каком консервативно-монархическом сценарии правительства в этом случае могла идти речь? Не удивительно, что при таких обстоятельствах текст, легший в основу знаменитого указа от 12 декабря 1904 года о начале политических преобразований, дался тяжело. В перечне направлений, по которым должна проводиться работа, а именно водворение в стране свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, отсутствовал пункт о привлечении выборных представителей общественности к законотворчеству^[843]. Верховная власть никак не могла произвести впечатления о готовности, причем спешной, идти на поводу у общественных деятелей. Ведь всего лишь месяцем ранее земский съезд передал для предоставления государю программу обновления, тем самым претендуя на реформаторское первенство^[844]. Осознав итоги деятельности Министра внутренних дел князя П.Н. Святополка-Мирского, Николай II с 18 декабря 1904 года прекратил его принимать; он увиделся с ним только после кровавых событий 9 января, чтобы уже окончательно проститься. Даже, когда бывший министр в 1910 году скончался, ему как генерал-адъютанту свиты Е.И.В. не был возложен венок от Николая II и вдова не получила никаких знаков сочувствия; такое произошло, пожалуй, единственный раз^[845].

Очевидно, что Святополк-Мирский, будучи довольно слабым руководителем, оказался просто не в состоянии реализовать столь непростое для царского сановника дело^[846].

Зато другая, куда более мощная фигура на волне высоких совещаний начала декабря 1904 года, решительно устремилась в самую гущу событий. Речь идет о С.Ю. Витте, которому было суждено стать одним из активных деятелей этой бурной поры. Напомним, что бывший Министр финансов с августа 1903-го пребывал на посту

Председателя Комитета министров, лишенного тогда реальных полномочий. Как писал в начале августа 1904 года А.С. Суворин, Витте постоянно обдумывал свое возвращение на первые роли, готовил с этой целью программу^[847]. Шанс появился у него с назначением П.Н. Святополка-Мирского: тот, озабоченный курсом доверия, охотно пошел на контакт с Витте, находя в нем поддержку своим начинаниям. По свидетельству В.Н. Коковцова, осенью 1904 года ни дня не проходило без встречи между ними^[848]. В результате незадачливый Министр внутренних дел очень просил Николая II привлечь Витте к участию в работе совещания^[849]. Хотя в верхах было известно, что император не жаловал своего бывшего фаворита. Как утверждал, начальник походной военной канцелярии Е.И.В. А.Ф. Гейден: «государь Витте не любит»^[850]. А близкий к Витте князь А.Д. Оболенский писал, что тот и сам чувствовал некоторое недоверие со стороны царя^[851]. Не удивительно, что с момента отставки с поста Министра финансов в августе 1903 и до начала 1905 года Витте всего шесть раз побывал у Николая II, а говорил с ним наедине только два раза^[852]. Однако ситуация после разрекламированного земского съезда складывалась крайне неудачно: Николай II уже понимал, в какое невыгодное положение поставил его искренний Святополк-Мирский своим преждевременным заигрыванием с общественностью. Думается, только эти неблагоприятные обстоятельства вынудили его согласиться на присутствие Витте. А главное поручить Комитету министров им возглавляемому готовить проект, который и стал затем указом от 12 декабря 1904 года^[853]. Вот таким образом произошло возвращение отставленного Министра финансов на активное политическое поприще. Фактически в его руках оказалась подготовка либеральных преобразований в стране. Как отмечал в дневнике князь А.А. Бобринский:

«Витте беснуется во всю: пишет записки, президирует в комиссиях... роль его определяется все яснее и яснее»^[854].

Здесь необходимо пояснить некоторую двусмысленность сложившейся ситуации, которая тогда никого не могла оставить равнодушным. Образ борца за либеральные ценности для Витте вообще-то не очень подходил. Напомним, что на рубеже 70-80-х годов

XIX века, когда, например, Д.М. Сольский участвовал в разработках конституционных проектов, будущий финансовый гений находился под влиянием своего родного дяди Р.А. Фадеева, клеймившего на чем свет стоит либерализм и все что с ним связано. В соответствующем ключе публиковался Витте в изданиях М.Н. Каткова и И.С. Аксакова; в начале 80-х годов не прошел мимо «Святой дружины», собравшей цвет патриотических подданных^[855]. Прямо скажем, не лучший background даже для рядового участника либерального движения не говоря уж о его предводителе.

Тем не менее, Витте с энтузиазмом взялся за порученное дело: центровая роль в подготовке преобразовательных процессов явно окрыляла. Достаточно взглянуть на то, как он приглашал министров на совещания по реализации мер, предначертанных указом от 12 декабря 1904 года. Вот, к примеру, фраза из его письма к Министру просвещения В.Г. Глазьеву, которого Витте информировал о заседании:

«Государю императору благоугодно было повелеть мне собирать такие совещания и впредь, когда это окажется необходимым по ходу дел для высшего управления»^[856].

Напомним, что совет министров в современном смысле собирался крайне редко и только под председательством императора. Поэтому делегирование этой важной управленческой функции конкретному чиновнику фактически выдвигало того на роль первого министра. Бюрократические слои прекрасно осознавали данное обстоятельство, а потому неслучайно Витте делает акцент на своем новом политическом значении, подчеркивая, что ему поручено собирать совещание и впредь (так и хочется сказать – всегда), а не в виде исключения. Свои претензии на руководящую роль в правительстве, теперь уже в качестве его настоящего главы, Витте непосредственно перед Николаем II по причине неоднозначного отношения к себе обозначать опасался. Он считал более эффективным, если это будет делать не он, а другие члены правительства. Данную миссию взял на себя Министр земледелия А.С. Ермолов, давно находившийся с Витте в хороших отношениях. Ермолов подробно аргументировал императору преимущества объединенного правительства. Как он убеждал, при нынешней системе государственного управления в России, по сути,

нет единой системы; есть только отдельные ведомства, каждое из которых плохо осведомлено о деятельности других. Теперь настало время устранить этот недостаток и внести солидарность в совместную работу. Не мешало бы, заметил он, больше информировать общественность о роли Комитета министров в разработке данного вопроса^[857].

Николая II не надо было убеждать в необходимости вносить коррективы в управленческую систему государства; по всей видимости, он принимал такое решение не под впечатлением откровений Ермолова (кстати, тот вскоре получил отставку). В феврале 1905 года император неожиданно переносит все работы по намеченным преобразованиям из виттевского Комитета министров в совещание под руководством Д.М. Сольского. То есть, ему как исполняющему обязанности Председателя Государственного совета (великий князь Михаил Николаевич серьезно болел), теперь поручалось собирать министров и координировать всю работу. В своих мемуарах Витте утверждает, что высочайшее решение всех очень смутило^[858]. Хотя в действительности не ясно чему здесь смущаться: собственно кому как не человеку, олицетворявшему правительственный либерализм в России, следовало бы адресовать работы по подготовке конституционного акта. Данный шаг выглядел естественным для всей бюрократии, давно и прекрасно осведомленной о взглядах Сольского. Наоборот, удивляет виттевское утверждение, что этим жестом государь продемонстрировал полное безразличие к реформам^[859]. Заметно, что Витте уже быстро вжился в роль лидера политической модернизации, которая без его руководящего начала была просто-напросто обречена.

Верховная власть, передав преобразовательные бразды в руки Д.М. Сольского, 18 февраля 1905 года обнародовала указ о подаче в Совет министров конституционных проектов от общественных сил и частных лиц, что являлось предложением для всех желающих высказаться по поводу намечаемых изменений в политическом строе^[860]. Однако, как известно, это событие было омрачено убийством Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (5 февраля 1905 года). Это давало повод утверждать, что лишь боязнь за свою жизнь (т.е. уже подобрался к императорской фамилии) заставила царя пойти на ненавистный ему шаг – публично

заявить о подготовке конституции. Такие мнения находились в русле логики, обозначившейся в декабре 1904 года, когда указ о политических реформах от 12 декабря стал подаваться как победа либералов-земцев. Власть всеми силами желала избавиться от последствий доверительных исканий П.Н. Святополка-Мирского. Поэтому теперь указ о подаче конституционных проектов предварил специальный Манифест об искоренении крамолы в стране, изданный тем же днем. Он прямо предостерегал *«ослепленных гордынею»* вождей мятежного движения, которые посягают на устои государства, освященные православной церковью и историей^[861]. Самостоятельное рассмотрение этих актов действительно производит противоречивое впечатление. Однако, их обнародование одним днем позволяет говорить, что они рассчитаны, прежде всего, на совокупное восприятие. В самом деле, затронутые в них темы вряд ли целесообразно было бы излагать в рамках одного документа. Избранная форма – два единовременных акта – выглядела более подходящей для прозвучавшего месседжа: общественное обсуждение вопроса о привлечении выборных к государственному управлению состоится, но исключительно по доброй воле самой власти, а не по чьему-либо требованию. Кстати, именно в таком духе убеждал действовать Николая II его кузен – германский император Вильгельм II. Как он писал вдовствующей императрице Марии Федоровне, политическое реформирование необходимо систематическое и постепенное, но только *«не соглашение с мятежниками»*^[862].

Таким образом, правительство пыталось вывести общественное обсуждение на монархическо-конституционные рельсы, по которым и собиралось следовать дальше. Дискуссии о политических преобразованиях притягивали внимание всех слоев общества, но явно не укладывались в обозначенные властью рамки. Особенно это ощущалось в Москве, утверждавшей в роли оппозиционного центра. В городе в домах Ю.А. Новосильцева, князей Павла и Петра Долгоруких недалеко от Храма Христа Спасителя регулярно собирались земцы: здесь обсуждали переустройство страны, устраивались земские съезды, куда более правые дворяне-земцы уже перестали появляться^[863]. Подобные мероприятия проводились и в купеческих особняках. Как сообщали очевидцы, «масса людей захвачена этим, везде и всюду только и разговоров, что об этих

собраниях»^[864]. Среди интеллигенции популярностью пользовались встречи у известной купчихи В.А. Морозовой на Воздвиженке. Будущий кадет А.А. Кизеветтер вспоминал, что «этот дом вообще играл важную роль в общественной жизни», либеральная профессура и журналистика многим были ему обязаны^[865]. Ежедневно сюда стекались до трехсот человек, которые, помимо теоретических дебатов, планировали создание комитета пропаганды с целью свержения самодержавия. Раздавались призывы вынудить Николая II отречься от престола с передачей прав малолетнему наследнику, а в случае отказа – истребить царскую фамилию^[866]. В мае 1905 года в стенах этого дома проходил учредительный съезд Союза союзов. Лидеры земского движения считали, что здесь собирались, как деликатно выразился князь П.Д. Долгорукий:

«элементы с наиболее отзывчивым темпераментом... до последнего времени воспитывавшиеся на конспиративных нелегальных организациях»^[867].

Еще одно излюбленное место радикальной публики – особняк М.К. Морозовой (невестки В.А. Морозовой) на Смоленском бульваре^[868]. В здешних дебатах отметились многие известные в будущем деятели Государственной думы. Здесь состоялась и громкая политическая дуэль П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова по польскому вопросу, ставшая впоследствии «первой чертой водораздела между кадетами и октябристами»^[869].

Конечно, в совещаниях, собираемых Д.М. Сольским, обсуждение политических преобразований проходило более сдержанно. Неутомимый Витте появлялся на этих заседаниях, чему никто не препятствовал. Решающего же значения его деятельность в деле подготовки конституционного акта в апреле-июле 1905 года не имела, что он собственно и подтверждает (правда слишком категорично: «без всякого моего, сколько бы то ни было активного участия»)^[870]. Тем не менее, его присутствие на совещаниях запомнилось горячим отстаиванием идеи о широком привлечении в будущую Государственную думу представителей крестьянства и призывами не устранять от выборов евреев^[871]. Но положение Витте в эти месяцы было неопределенным: в марте закрыт комитет о нуждах

сельскохозяйственной промышленности, который он возглавлял. Как тогда говорили осведомленные люди:

«между Государем и Витте идет дуэль; не решаясь его прямо сместить Государь ждет, когда-де он подаст в отставку, а тот не хочет, удаляйте если хотите силою»^[872].

Основная же работа легла на плечи Сольского; однако этим сюжетам, в отличие от всего, что связано с тем же Витте, в литературе уделяется крайне мало внимания. В частности, по-прежнему за скобками даже постсоветских исследований остаются контакты лидера правительственного либерализма, каковым являлся Сольский, с ключевыми фигурами земского движения.

Как известно, группой ученых-юристов во главе с С.А. Муромцевым был подготовлен свой вариант конституции, опубликованный в «Русских ведомостях» к открытию земского съезда в начале июля 1905 года^[873]. Хорошо известно мнение, что его разработка стала упреждающим действием на ожидающееся обнародование Конституции с совещательной думой, разработанной у Министра внутренних дел А.Г. Булыгина. Как откровенно признавался И.И. Петрункевич, *«важно заменить чем-нибудь проект Булыгина»*^[874]. Но только этими тактическими целями отнюдь не исчерпывается значение земской разработки. Исследователи характеризуют этот документ в качестве теоретической основы последующего конституционного движения в России^[875]. Содержательная суть проекта Муромцева заключалась в эволюционном переходе от абсолютизма к конституционной монархии. Он вместе с другими авторами считал целесообразным введение нового государственного порядка сверху, т.е. речь шла исключительно об октроированной конституции. Проект предусматривал учреждение Государственной думы, состоящей из двух палат – народного представительства и земской. Если первая избиралась бы всем населением страны, то вторая – земскими губернскими собраниями и городскими думами. В этом контексте монархическая власть, приобретая ограниченный характер, в тоже время выступала бы верховным гарантом права и законности^[876]. Однако не стоит думать, что Муромцев недооценивал важность

конституционного строительства и значение трансформации государственного строя. Он неизменно подчеркивал: после государя, первое лицо в государстве – это Председатель Государственной думы. Особое отношение вызывала у него и декларация политических прав личности и общества; соответствующий раздел прописан подробно и тщательно^[877]. Это определяло новые взаимоотношения властей со своими подданными. Можно сказать, что Основной закон, предложенный либеральными юристами, предлагался в качестве инструмента освобождения от «крепостного права» имперского чиновничества.

Вот с этим конституционным творчеством довелось ознакомиться Д.М. Сольскому. Их продолжительная беседа с Муромцевым произошла 3 июля 1905 года накануне земского съезда. Посредником во встрече выступил директор знаменитого петербургского Александровского лицея А.П. Саломон: он хорошо знал Муромцева, с 1898 года читавшего там курс по гражданскому праву^[878]. С другой стороны, еще лучше Д.М. Сольскому был известен Саломон: он приходился племянником уже покойному Министру просвещения А.В. Головину – либеральному деятелю эпохи Александра II. На С.А. Муромцева встреча произвела большое впечатление, он оценил своего собеседника как человека «искренно преданного делу народного представительства и достаточно просвещенного в области конституционных вопросов»^[879]. Сольскому также не могло не импонировать стремление авторов московской конституции придать ей октроированный характер. Примечательно стремление группы Муромцева обеспечить органичное включение подготовленного основного закона в общий законодательный свод империи. Конечно, не осталось незамеченным, что отдельные фразы ключевой статьи проекта о государственном устройстве взяты не только из постановления земского съезда, но и из Рескрипта от 18 февраля 1905 года^[880]. Не удивительно, что эти наработки оказали влияние на текст правительственных основных законов, правда не в такой степени как хотелось бы земцам^[881]. Видимо поэтому, соратник С.А. Муромцева по подготовке проекта Ф.Ф. Кокошкин, оставивший эти любопытные заметки, утверждал задним числом, что Сольский при всей симпатии не мог побудить правительство пойти навстречу земскому движению^[882].

Этот вывод Кокошкина весьма спорен, поскольку последующие события вокруг земских съездов свидетельствуют как раз об обратном: поддержка Сольского прослеживается здесь достаточно зримо. Вспомним в какой сложной обстановке проходил земский съезд 6-8 июля 1905 года, где и обсуждался и был принят проект Муромцева. Его открытию препятствовала администрация города, заседание было фактически запрещено Московским генерал-губернатором А.А. Козловым. На квартиру Ф.А. Головина, где заседало оргбюро явилась полиция; в день открытия съезда в особняк князей Долгоруких пожаловали полицейские наряды. Власти опасались, что собрание провозгласит себя учредительным и приступит к формированию альтернативного правительства^[883]; у ряда участников съезда прошли обыски. Ф.А. Головин – будущий Председатель II Государственной думы – после всех этих переживаний посетил А.А. Козлова, дабы выразить свое возмущение действиями полиции. Но тот в свое оправдание ссылаясь на петербургское начальство, куда и просил адресовать жалобы. Вместе с тем, видимо в знак сочувствия он дал Головину явно неслучайный совет – обратиться в столице к Д.М. Сольскому^[884]. Головин, который уже много слышал хорошего об этом высокопоставленном сановнике от Муромцева, решил именно так и поступить. Встреча полностью оправдала его ожидания. Сольский долго расспрашивал его о земском движении, интересовался съездами, настроениями их участников, говорил о своем позитивном отношении к законодательному представительству. По конкретному же поводу, с которым и пришел к нему Головин, он обещал поговорить с государем^[885]. Головин возвратился в Москву преисполненным энтузиазма: полиция зафиксировала несколько частных совещаний земских и городских деятелей, где активно обсуждалась его в петербургская встреча^[886].

Последствия визита не заставили себя долго ждать. Уже 15 июля 1905 года Первопрестольная получает нового генерал-губернатора П.П. Дурново. (Правда, в молодости – в начале 70-х годов XIX века – он уже являлся московским губернатором, когда отметился громким конфликтом с городским главой купцом И.А. Ляминым). В мемуарах Витте прямо говорится, что это назначение состоялось благодаря протекции Д.М. Сольского, который покровительствовал Дурново. В частности, именно патриарх высшей бюрократии обеспечил его

вхождение в Государственный совет. Заметим, что новый Московский генерал-губернатор имел устойчивую репутацию либерала^[887]. Это проявилось уже 3 августа 1905 года в ходе его официального представления в должности. П.П. Дурново много говорил о предстоящей конституции, о народном представительстве и пригласил всех оказать поддержку новым начинаниям правительства^[888]. Лично он такую поддержку продемонстрировал: во время его службы в Москве прекратилось давление на земские круги. Подготовка и проведение очередного земского мероприятия в середине сентября 1905 года впервые обошлась без каких-либо эксцессов, что не осталось незамеченным устроителями съезда^[889]. Правда, кроме этого Дурново ничем особенно не запомнился: непосредственно местной жизнью он интересовался слабо, больше занимаясь своими многочисленными знакомыми во время их пребывания в городе^[890].

По отношению к земскому движению аналогичное значение с миссией П.П. Дурново имел визит в Москву сенатора К.З. Постовского. Он был послан по высочайшему повелению для выяснения ситуации после июльского съезда. Николая II тревожило прозвучавшее там обращение земцев к населению, где говорилось о нравственном воздействии на сознание людей и излагалась просьба о доверии. К тому же существовала опасность сближения земских кругов с революционными элементами, чего правительство явно не желало. Заметим, что Постовскому были даны четкие указания ни какого-либо допроса или тем более преследования не проводить^[891]. В ходе контактов съездовских лидеров и командированного чиновника преобладали благожелательные оттенки. Один из земцев – В.И. Вернадский – писал, что Постовский и его помощники «убедились в полной нашей легальности. В действительности из всех ныне существующих политических групп, мы как раз являемся наиболее умеренными в форме нашей деятельности, а по программе своей представляем настоящую государственную группу»^[892]. Такую самооценку, прозвучавшую из уст видного съездовского деятеля, следует признать вполне справедливой. Примечательно, что земцы решили до окончания миссии сенатора воздержаться от какой-либо активной политической деятельности, мотивируя это тем, что если она вдруг будет расценена как незаконная, то участники съездов естественно могут лишиться возможности быть избранными в

думу^[893]. По поводу обращения к народу, так встревожившее власть, земские деятели убеждали, что оно преследовало исключительно народное успокоение. С долей обиды они указывали на воззвания к тому же русскому народу, которые беспрепятственно распространялись господами Шараповыми и Грингмутами (редактор промонархической газеты «Московские ведомости»)^[894]. Вообще-то приверженцы либерализма старались не отставать от урапатриотической пропаганды: они с гордостью рекламировали прием земской делегации Николаем II. Десятки тысяч печатных сообщений о высочайшей аудиенции распространялись по губерниям. А некоторые, как, например, князь П. Д. Долгорукий лично объезжали волости в Московской губернии, чтобы поведать крестьянству об этой радостной вести^[895].

Все эти малоизвестные эпизоды, о которых шла речь, крайне важны для понимания событий 1905 года. Они совершенно не укладываются в историографический штамп, оставшийся еще с советской эпохи, будто царизм в принципе не желал ни учреждения Думы и на дух не переносил земских преобразовательных устремлений. Тем не менее, шаги, предпринятые властью до сентябрьско-декабрьского обострения, свидетельствуют о желании правительства включить движение, развивающееся снизу, в свой конституционный сценарий. И, как следует из приведенных фактов, это стремление отнюдь не было утопическим. В этом же контексте следует рассматривать и решение конца августа 1905 о предоставлении автономии российским университетам, приуроченное к началу учебного года. Осведомленный В.Ф. Джунковский подчеркивал, что *«авторами этого указа, к удивлению публики, были Д.Ф. Трепов и В.Г. Глазьев (Министр просвещения)»*^[896]. Автономия признавалась ими как главный способ для умиротворения волнений в вузах. В свою очередь, оппозиция не сомневалась в неизбежной трансформации царизма по направлению к представительной законодательной ветви. Она прекрасно осознавала, что потребности нового экономического позиционирования России предопределяют проведение политической модернизации власти. Лидеры оппозиции с удовольствием пересказывали ход парижских переговоров В.Н. Коковцова о крупных кредитах с группой европейских финансистов. Те прямо высказывались о невозможности реализовать заем в случае

отказа от намерения учредить думу; это могло вызвать трудности с размещением русских ценных бумаг на западных биржах и привести к значительному понижению их стоимости. В результате то, чего настойчиво добивалось российское правительство, было бы просто-напросто перечеркнуто^[897]. Все это подводит к важному выводу: господствовавшая в историографии схема – реакционный режим, не желавший никаких перемен, и пробивавшая им путь прогрессивная общественность – не отражает реальную суть происходившего противостояния. Процессы 1905 года должны рассматриваться не в этой привычной, традиционной логике, а в русле борьбы правительственного и общественного либерализма за первенство в проведении политической модернизации.

3. Московское обострение

Провозглашение Манифеста от 6 августа 1905 года об учреждении Государственной думы рассматривалось либерально настроенной частью правящей бюрократии в качестве важнейшего политического рубежа. Это шаг вызвал полное одобрение западных кругов, на что собственно в первую очередь и рассчитывала российская власть. Кайзер Германии Вильгельм II поздравлял Николая II:

«Твой Манифест об учреждении Думы произвел в Европе, особенно в моей стране, превосходное впечатление»^[898].

Понимание того, что царизм начал постепенную трансформацию в сторону конституционной монархии присутствовало и в российском обществе. Весной-летом 1905 года этот факт вряд ли у кого вызывал большие сомнения. Но вот отношение к данной реальности у разных слоев было далеко не одинаковым. Правительство хорошо осознавало это обстоятельство и собиралось учитывать его, т.е. идти навстречу тем, кто при консервативно-монархическом сценарии был в состоянии реализовывать свои интересы. И одновременно выдавливать на политическую периферию группы, которые не могли принять подобного хода событий. Один из идеологов такой модели поведения власти Д.Ф. Трепов любил повторять, что революция не страшна, когда ее делают революционеры, но она становится опасной в случае присоединения к ней умеренных элементов, которые всем существом своим должны стоять за государственный порядок^[899]. Поэтому речь шла о вовлечении в правительственный конституционный проект земского движения и профессорского состава. Этим высокообразованным слоям четко давалось понять, что их заветные либеральные чаяния осуществимы только при взаимодействии с властью. Или говоря иначе, их подлинным союзником выступает именно власть, а не те, кто толкает на конфронтационную стезю с мало предсказуемыми последствиями. Надо заметить, что путь сотрудничества с правительством не вызывал отторжения у многих

участников либерального движения: вооруженные методы выяснения отношений с властью явно не пользовались популярностью в земской и профессорской среде. Радикализм был присущ лишь некоторым персонажам – например, руководителям «Союза союзов»: их арест во главе с П.Н. Милюковым произошел 7 августа 1905 года (на следующий день после обнародования Манифеста о булыгинской думе)^[900]. Правительству казалось, что оно удерживает ситуацию и имеет все основания рассчитывать на претворение в жизнь своего конституционного сценария.

Правильность именно такой оценки подтверждали итоги очередного общероссийского съезда земских и городских деятелей, состоявшегося в середине сентября 1905 года. Это крупное мероприятие обсуждало отношение оппозиционной общественности к Манифесту, обнародованному властями 6 августа. Конечно, конституционное творчество верхов не могло оставить равнодушным никого, но что касается земцев, то большинство из них склонились к поддержке булыгинской думы. Как отмечал профессор М. М. Ковалевский, она привлекала к себе некоторые симпатии, так как *«ею разрывалась цепь, связующая нас с бюрократическим самовластием и «временными правилами», почти всецело заступившими место законов в царствование Александра III»*^[901]. Земское движение, занимавшееся проблемами государственного строительства, не поддержало бойкот совещательной думы, призвав участвовать в предстоящих выборах и войти в будущую думу сплоченной группой. Интересно, что весомым аргументом в пользу такого решения стало для земцев исключение из числа избирателей представителей других слоев общества. В докладе В. Е. Якушкина прямо подчеркивалось, что по условиям изданного избирательного закона из тех, кто мог бы выступать с определенной и самостоятельной программой, только земские и городские деятели являются не устраненными от выборов. А потому участие в избирательной кампании приобретает для них особую ответственность и смысл^[902]. При этом в докладе делался общий акцент на дальнейшем усовершенствовании самой Государственной думы и порядка избрания в нее. Именно такой подход, обозначенный в тексте Манифеста от 6 августа, объявлялся руководством к будущим действиям^[903]. Радикальным же элементам, настойчиво призывающим к коренной ломке государственного строя,

адресовался упрек в их недостаточной сплоченности и организованности^[904]. Чего, конечно, никак нельзя было сказать о целеустремленных земцах, чьи усилия, как торжественно заявлялось, оказали несомненное влияние на выработку правительственных актов, начиная с указа от 12 декабря 1904 года и заканчивая Манифестом 6 августа 1905^[905].

Помимо традиционного оспаривания пальмы первенства в реформаторских начинаниях земцы не собирались обострять обстановку вокруг булыгинской думы. Их оппозиционного запала хватило только на открытый конфликт с английским журналистом В. Стэдом, которого власти использовали в качестве неофициального канала, дабы подкрепить мысль о необратимости начатых реформ. Для этого в сентябре 1905 года они прибегли к посредничеству последнего, сочтя его известность и либеральную репутацию оптимальными для подобной миссии. Журналист неоднократно беседовал с Николаем II и Д.Ф. Треповым по проблемам политического реформирования. Российские консерваторы не одобряли эти встречи. Один из них, А.А. Киреев, отмечал:

«Странная роль Стэда. Просто журналист, он не только получает доступ к царю, разговаривает с ним, но еще получает разрешение “держатъ конференцию”, произносить речи, где, когда и о чем пожелает»^[906].

После высоких аудиенций В. Стэд посетил земский съезд в Москве, а также выступил в печати, изложив позицию правительства по поводу происходящих в стране событий^[907]. Общий смысл его меседжей сводился к следующему: власти возлагают большие надежды на думу; ее компетенция скоро будет расширена за счет законодательных функций, но это требует создания определенной правовой базы. Кроме того, власти собираются вскоре провести амнистию по большей части политических дел. Как бы подтверждая эти намерения, полиция освободила П.Н. Милюкова, который находился под арестом около месяца; у современников это создало впечатление, будто бы царь «подарил» его Стэду^[908]. Однако российские либералы, выслушав британского коллегу, устроили ему обструкцию: они заявили, что этот иностранец делает «дурное дело»,

хотя, вероятно, и руководствуется благими намерениями. В результате Стэд был объявлен «эmissаром деспотизма»^[909].

Приведенные материалы показывают, что с одной стороны либерально настроенное земское движение никак не могло быть причиной того невиданного обострения, переросшего в открытое вооруженное восстание в декабре. С другой, – дебаты на съезде также вряд ли можно признать достаточным фактором для взрыва трудовых масс. Конечно, здесь самое время вспомнить о тех самых радикальных элементах, за которыми впоследствии прочно закрепится роль главных организаторов революционной вспышки. Идея восстания усиленно бродила в умах радикалов после трагедии 9 января. Желая добиться свержения царизма, т.е. группы социал-демократов и эсеров, всю весну 1905 года энергично готовились к решительному бою. Конечно, выделялась здесь фигура Гапона, взвалившего на себя беспокойную, но почетную миссию предводителя предстоящей схватки. Положение лидера обязывало контактировать со всеми, кто выражал готовность не словом, а делом поучаствовать в освободительной борьбе. Гапон вел переговоры и с Лениным, и с видными эсерами, обсуждая с ними конкретные подготовительные вопросы^[910]. Речь шла о перерастании террористической практики в широкое восстание масс, о каналах переброски оружия в Россию: не забудем, что основные организаторы грядущего бунта находились в эмиграции, т.е. совсем не близко от места предполагаемых событий. В начале апреля 1905 года заинтересованные участники собрались в Женеве, где, подтвердив намерение поднять вооруженное восстание, озаботились планами переустройства России на демократических республиканских началах^[911]. Атмосфера неподдельного энтузиазма, царившая на конференции, серьезно увлекла и японских военных представителей. Они настолько уверовали в потенциал революционеров, что рассчитывали на массовые выступления уже летом текущего года. Как установили исследователи, Япония, находившая на тот момент в состоянии войны с Россией, финансировала покупку оружия для этих целей^[912]. Правда, с доставкой данного груза возникли сложности: пароход с боеприпасами сел на мель в Балтийском море. Часть груза закопали на островах, а остальное взорвали вместе с судном^[913]. Полиция посредством агентуры внимательно следила за всем происходящим в эмигрантских

кругах. В отличие от впечатлительных японцев, заведующий заграничной агентурой Л.А. Ратаев в своих донесениях излагал невысокое мнение об организационных возможностях радикальной публики, указывая на ее «крайнюю слабость и беспомощность», когда дело касалось практической стороны подготовки вооруженного восстания. Интересно и его мнение о том, что сила подстрекателей к восстанию заключается лишь в слабости властей на местах, не умеющих своевременно подавлять попытки к бунту^[914].

Данный вывод в полной мере относится и к кумиру советской историографии – социал-демократической партии. Как известно, съезд эсдеков (третий по счету) прошел в мае 1905 года все в той же Женеве. Там вдалеке от рабочего люда еще раз прозвучал призыв к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию, который те, как нас уверяли, с нетерпением ожидали повсюду и в Первопрестольной, в частности. Но если обратиться к стенограмме этого мероприятия, то бросается в глаза та атмосфера неуверенности и сомнения, в которой рождался исторический призыв к пролетарскому восстанию. Бодрым резолюциям, отлитым в ясные фразы, предшествовало довольно расплывчатое обсуждение преисполненное постоянными оговорками. Пока со знанием дела разбирались взгляды Карла Маркса на вооруженное восстание, все выглядело весьма сносно^[915]. Но когда разговор переходил на конкретные организационные моменты, то уверенности в успешном осуществлении данного дела чувствовалось заметно меньше. Делегаты прекрасно осознавали несоответствие между грандиозностью рассматриваемых задач и партийными силами, особенно если принять во внимание низкий уровень их организованности^[916]. Показательно и откровенное признание делегата Орловского (Воровского): «Наша партия совершенно не приспособлена к выполнению задачи по организации вооруженного восстания. До сих пор она, будучи децентрализована, приспособлена лишь к агитации и пропаганде»^[917]. Многие вообще сомневались в необходимости вооруженной борьбы, не исключая, что сам царь может созвать учредительное собрание^[918]. Тем не менее, боевой настрой, как и следовало, взял верх: съезд выдал резолюцию о подготовке к восстанию^[919].

Можно долго спорить, какое влияние оказали эти решения на беспрецедентные беспорядки в Москве. Но бесспорным

представляется другое: кроме жажды снести государственный строй как таковой, ни одна из революционных эмигрантских групп не располагала достаточными ресурсами для обострения ситуации в стране. Помимо них внутри российского общества недовольство проявляли, также, те слои общества, которые стремились не к ниспровержению царизма, а к изменению выборного законодательства, оставлявшего их за бортом избирательной кампании. Как известно, утвержденные правила опирались на лояльность крестьянства, считавшегося приверженцем монархического строя. Так, все крестьяне и землевладельцы допускались к участию в выборах депутатов, а вот в городах избирательное право было очень ограничено; голосовать могли только домовладельцы и крупные плательщики квартирного налога. В результате из избирательных батальи почти полностью исключались рабочие и интеллигенция. Либеральная газета «Сын Отечества» сетовала:

«наша интеллигенция, соль земли, – юристы, врачи, учителя профессора, журналисты – не могут похвастаться своими достоинствами, имениями, роскошными квартирами, собственными домами и в силу этого не пользуются ни активным, ни пассивным избирательным правом»^[920].

Средние и мелкие городские слои явно не устраивала роль статистов конституционного процесса, о чьих политических правах должно позаботиться дворянство, обладавшее высоким имущественным цензом. Поэтому, на обещание Манифеста 6 августа продолжить усовершенствование выборного порядка, *«когда жизнь сама укажет такую необходимость»*, эти элементы замечали, что *«едва ли этого момента придется ждать особенно долго»*^[921].

Перспектива оказаться с думой, состоящей главным образом из представителей земледельческой сферы, не устраивала и новых приверженцев конституционных ценностей -купеческую буржуазию. Выражая ее общее настроение, Председатель Московского биржевого комитета Н.А. Найденов с тревогой обращал внимание В.Н. Коковцова, что намечаемая выборная система не обеспечивает должного участия промышленников в думе^[922]. Очевидно, не ради таких итогов купечество входило в либеральный проект, делая на него

ставку. Однако это ключевое обстоятельство недостаточно оценено исторической литературой, включая и современную. Внимание историков по-прежнему привлекают довольно вялые попытки предпринимательского класса по созданию партии. Причем традиционно российская буржуазия рассматривается в целом: та существенная разница в отношении к конституционному творчеству правительства со стороны разных групп капиталистов не ставится во главу угла^[923]. Инициатива партийного строительства в торгово-промышленных кругах (партийная горячка охватила тогда всех) принадлежала Петербургу. Именно оттуда в МВД адресовалась просьба привлечь представителей биржевых комитетов к обсуждению законодательных проектов. В петиции указывалось:

«на важное место, занимаемое промышленностью в жизни государства и общества, нужды которого не могут быть выражены представителями земств городов, и доказывалось, что к совещанию должны быть привлечены выборные представители промышленности»^[924].

Активное участие в собраниях приняли деятели из разных промышленных районов страны (А.А. Вольский, В.И. Ковалевский, Ф.Е. Енакиев, М.Ф. Норпе, А.А. Бобринский, В.В. Жуковский и др.). В конце июня, учрежденное ими бюро, решило созвать организационный съезд для обмена мнениями по поводу созыва думы^[925].

Московское купечество, хотя и приняло участие в этой столичной инициативе, но заметной заинтересованности в ней не проявляло. Хотя приезд одного из организаторов торгово-промышленных кругов – В.И. Ковалевского – в Москву 4 июля 1905 года продемонстрировал острое недовольство купечества совещательной думой в земледельческом облике. Прошедшее здесь заседание представителей биржевых комитетов Центра, Поволжья и Урала высказалось за введение конституционного строя, за снятие всех ограничений и стеснений для развития промышленности, за крестьянские реформы, способствующие росту народного благосостояния^[926]. Глава московских биржевиков Н.А. Найденов, испугавшись всплеска эмоций, даже попросил всех покинуть помещение биржевого комитета; заседание продолжилось в доме П.П. Рябушинского^[927]. Уже

тогда можно было почувствовать, что воинственный порыв купеческой элиты сильно разнится от настроений, преобладающих среди тех же земских деятелей. Правительству политические дебаты доморощенных буржуа радости, конечно, не доставили, тем не менее, оно не ожидало от них серьезных угроз, а тем более срыва своего консервативно-конституционного сценария. Купеческое недовольство, публично проявленное в июле 1905 года в Москве, шло, как бы, в фарватере земско-дворянской фронды, возглавлявшей тогда оппозиционное брожение. С другой стороны, власти были уверены: купеческие претензии растворятся в инициативе петербургской буржуазной группы, не помышлявшей действовать вне рамок, определенных правительством. Эти ожидания полностью подтвердились, когда промышленники Петербурга, Юга и Польши решили избегать политических дебатов и сконцентрироваться на деловой проблематике. В результате вместо учреждения партии у них возобладала мысль о создании экономического объединения, которое вскоре и появилось в лице Совета съездов представителей промышленности и торговли. Кстати, московская деловая элита осталась в стороне и от этой предпринимательской организации. Купечество попыталось самостоятельно поддержать гаснущую политическую инициативу, что вылилось в учреждение силами биржевого комитета Москвы торгово-промышленной партии. Однако, как говорили очевидцы, она «в значительной степени существовала лишь на бумаге»^[928].

Оценивая все эти партийные начинания российской буржуазии, прежде всего, следует разделить мнение об их политической несостоятельности: оппозиционность отечественных капиталистов в публичной сфере следует признать несерьезной. Вместе с тем, именно здесь находится узловая точка всех последующих бурных перипетий 1905 года. Если у буржуазии, ориентированной на правительство, инициативы политического характера, едва обозначившись, быстро иссякли, то капиталисты из народа, в отличие от питерских буржуа, двинулись иным не публичным путем. Они располагали своим сценарием развития ситуации, далеко не ограничивавшимся созданием торгово-промышленной партии. Их намерения простирались гораздо дальше и были связаны со сломом планов властей по избранию совещательной думы. Представители крупной московской буржуазии в конце июля 1905 года еще раз в узком кругу вернулись к вопросам,

поднятым на совещании биржевых деятелей 4 июля. Мероприятие прошло в доме фабриканта И.А. Морозова (сыне купчихи В.А. Морозовой, собиравшей радикальные элементы в своем особняке), где присутствовало около 30 видных промышленников. По сведениям полиции, они занимались согласованием конкретных действий на тот случай, если Государственная дума будет объявлена лишь законосовещательной, а не законодательной. Было предложено противодействовать такому правительственному решению: звучали угрозы приостановить фабрики и заводы для создания массового рабочего движения, препятствовать реализации внутренних займов, отказываться платить промысловый налог и т.д.^[929] Очевидно, что купеческую элиту в этот момент занимали не конституционные искания в стиле Муромцева и его группы, а практические шаги по противодействию правительственным планам. Затем в августе обсуждение было продолжено в Нижнем Новгороде во время проведения ярмарки, где участники встречи сосредоточились (что очень примечательно) на состоянии рабочего движения^[930]. Все эти факты – свидетельство реальной подготовке к социально-политическому обострению в конце 1905 года. Для этого у московского купечества имелись не только денежные средства, но и необходимые связи в тех кругах, которые при их содействии были способны предельно обострить ситуацию.

Необходимо подчеркнуть, что включившись в борьбу за конституционный строй, купеческая элита не ограничивалась посещением земских съездов. Она ясно осознавала, что реформаторского порыва дворянско-интеллигентской публики будет недостаточно для продавливания изменений в нужном ключе. А потому либерализовавшееся купечество предусмотрительно обратилось к радикальным элементам. Этот контингент концентрировался в кружках социал-демократов и социал-революционеров, делавших ставку на силовое выяснение отношений с царизмом. Требования конституции и свобод под аккомпанемент взрывов и выстрелов звучали куда более убедительно. По свидетельствам М. Горького, целый ряд капиталистов регулярно финансировал текущие потребности эсдеков^[931]. Это было важно для буржуазии и еще с одной точки зрения, которая сегодня находится в тени. На рубеже XIX-XX столетий актуализировался вопрос об оплате

социальных нужд численно растущего пролетариата, и правительство намеревалось решить эту проблему исключительно за счет предпринимателей (напомним, в этом и состояла экономическая подоплека «зубатовщины»), Государство не желало принимать на себя даже часть затрат в социальной сфере, неизменно перекладывая все заботы по улучшению труда и быта людей на владельцев предприятий. Скажем, призывы ввести государственное страхование от несчастных случаев на производстве завершились принятием правил, ничего общего с госстрахованием не имевших, поскольку выплаты полностью вменялись в обязанность фабрикантам^[932]. А те, в свою очередь, стремились разделить социальные издержки с государством, начав оспаривать взгляд на рабочее движение как на чисто экономическое явление, указывая, что истинные причины стачек кроются не в экономике, а в неуроядках государственной жизни и отсутствии свобод^[933].

Однако этот тезис нуждался в серьезной аргументации. Вот ее-то, по мнению московского купечества, и должны обеспечить социал-демократы, делавшие ставку на пролетариат.

Интересы недоброжелателей самодержавия и его радикальных противников сошлись. Деятельность эсдеков в рабочем движении должна придать ему нужную политическую окраску – отсюда заинтересованность буржуазии в подобной организации. А РСДРП получала финансовые возможности для того, чтобы наконец-то проявить себя на широком поприще. Социал-демократы сполна воспользовались предоставленным шансом. В 1903-1904 годах партийная пропаганда приобрела невиданный размах: выпускалось свыше 200 различных изданий общим тиражом 1,2 млн экземпляров, из которых 400 тысяч составляли только воззвания «Искры»^[934]. Как удовлетворенно отмечал в разговоре с С.Т. Морозовым крупный нижегородский капиталист Н.А. Бугров, отдача от издания агитационной литературы заметна; и многозначительно добавлял, а что бы было *«если бы мы с тобой все капиталы пустили в дело это?»*^[935]. На Урале с революционной публикой тесно взаимодействовал еще один известный купец и гласный Пермской городской думы Н.В. Мешков. Этот владелец крупного торгового пароходства в Волжско-Камском водном бассейне отличался острым неприятием царизма, откровенно заявляя, что *«самодержавие надо*

валить; оно нам мешает»^[936]. Он регулярно предоставлял свой огромный дом для сходок революционеров и даже привлекался полицией по политическим обвинениям, считавшей его пособником стачек в регионе. Л.А. Фотиева, будущий секретарь советского вождя Ленина, знавшая о Мешкове, восхищалась тем, «сколько людей вызволили его деньги из тюрьмы»^[937]. Очевидно, сотрудничество с богатым купечеством для профессиональных революционеров было жизненно необходимым. В воспоминаниях одного московского рабочего содержится забавный эпизод. Он рассказывал о том, как с товарищами из Лефортова летом 1905 года закидывал камнями, бил стекла в домах и квартирах фабрикантов. После чего их собрали представители местного районного комитета РСДРП: они укоряли рабочих за их поступки, разъясняли, что промышленники «*тоже начинают проникаться революционным духом, и также заинтересованы в свержении самодержавия, как и рабочие, и что нам с ними по пути*»^[938]. А подобные действия только отпугивают полезных союзников^[939].

Но все же не нужно забывать, контакты между эсдеками и купеческой буржуазией с обеих сторон носили сугубо тактический характер. Это хорошо видно из стенограммы III-го съезда РСДРП, В тексте имеется сноска, воспроизводящая первоначальную запись, где А.И. Рыков (впоследствии крупный советский руководитель) упоминает о встречах в Москве с двумя либералами из промышленников. Их неодобрение вызвал тот факт, что в ходе забастовок партия наряду с политическими лозунгами, направленными против самодержавия и правительственной бюрократии выставила и экономические требования. При этом А.И. Рыков добавил:

«Не надо смешивать политические и технические услуги. Думаю также, что нам надо действовать так, чтобы они согласовали свои действия с нашими, а не мы согласовывались с их политикой»^[940].

Любопытно, что контакты партии с московским купечеством квалифицировались съездом как работа по «*пробуждению политического сознания русской буржуазии*»^[941].

Следует помнить, что «пролетарская карта», разыгрываемая в этой политической игре, не имела практически никакого отношения к действительным нуждам рабочего класса. Неудивительно поэтому, что, когда В.А. Морозова решила предстать в образе благотельницы перед толпой на своем бастующем предприятии, в нее полетели камни; прогрессивной купчихе пришлось спасаться бегством^[942]. На одной из фабрик, принадлежащих видным либеральным деятелям братьям Рябушинским в Вышнем Волочке, тоже проходили забастовки; они переросли в волнения, в ходе которых был убит управляющий директор^[943]. С другой стороны, политическая пропаганда эсдеков тоже слабо привлекала рабочих, которых занимали конкретные хозяйственно-бытовые проблемы. В самом деле, трудно понять авторов листовок, предназначенных русскому трудовому простонародью и воспевавших при этом *«героическую борьбу еврейских и польских рабочих... поражающую своим величием весь мир»*^[944]. Не вдохновляли русского человека и неизменные апелляции к международным центрам рабочего движения как высшим авторитетам в борьбе. Это приводило в уныние революционеров, считавших массы незрелыми. Камнем преткновения для русских марксистов стал вопрос о том, что важнее: экономическая или политическая борьба? Но главная проблема социал-демократии состояла в другом: в партии, объявленной передовым отрядом рабочих, представители последних занимали, мягко говоря, скромное место. Это подтверждают документы. Так, в апреле 1905 года в Петербурге арестовали часть столичного комитета РСДРП; среди задержанных оказалось 29 студентов (или бывших студентов), восемь мещан, одна дочь священника, одна – действительного статского советника и только шестеро были из крестьянского сословия, т.е. рабочими^[945]. Как показывают источники, пролетарский авангард состоял преимущественно из радикальных интеллигентов: Совет рабочих депутатов Петербурга был сформирован исключительно их усилиями^[946]. Один из участников Совета, Б. Радин, поведал, что выборы в него от одних заводов проходили на митингах в учебных заведениях, а от других – вообще не проводились. Да и собирался Совет рабочих не на промышленных предприятиях (что более соответствовало бы названию этого органа), а по учебным заведениям или в Вольном экономическом обществе, где вообще не было никакой

возможности установить, кто рабочий депутат, а кто – нет^[947]. Об одном из таких заседаний вспоминал известный революционер В. Зензинов, обнаруживший там много своих знакомых не только по Петербургу, но и по эмиграции^[948].

Купеческая буржуазия поддерживала связи и с другой радикальной силой – социал-революционерами. Здесь следует отметить один не слишком известный факт: значительную часть боевой организации эсеров, развязавшей террор против высокопоставленных чиновников Российской империи, составляли выходцы из крупного купечества. И если М. Гоц и А. Фондоминская принадлежали к известным еврейским купеческим семьям, то Е. Сазонов (убийца министра внутренних дел В.К. Плеве), М. Прокофьева, В. Зензинов были отпрысками купцов-старообрядцев. Их родители делали немалые денежные пожертвования в кассу боевой организации. Так, отец М. Прокофьевой оплачивал безбедное пребывание в Европе целой группы во главе с Б. Савинковым, финансировал издание их книг о нелегких боевых буднях^[949]. Старообрядческое присутствие в среде эсеров-террористов в те годы не было тайной. И, скажем, популярный писатель Л.Н. Андреев в известном рассказе «Тьма», посвященном эпизоду из жизни террориста, явно не случайно указывал на раскольничьи корни главного героя^[950]. Конечно, прямые контакты лидеров купеческой буржуазии с террористами по понятным причинам были затруднены. Хотя известно, что уже упоминавшийся уральский пароходчик Н.В. Мешков собирал у себя в доме сходку, которой руководил лидер боевой организации эсеров Гершуни^[951]. Сведения о наличии связей радикально настроенных купцов с эсерами имеются и в архивах. Так, в марте-апреле 1905 года полицейские источники докладывали о наблюдении за либеральным литератором С. Афанасьевым, который по приезде в Женеву контактировал с видными членами партии эсеров, а также встречался с одним из идеологов террора М. Гоцем. Обсуждая с ними задуманное покушение на Николая II и других высокопоставленных лиц, Афанасьев уверял, что располагает необходимыми для этого дела финансами. Для нас в этом донесении интересно следующее: после переговоров С. Афанасьев вернулся в Москву и прямо с вокзала направился в дом некоего Гремячинского – управляющего предприятий С.Т. Морозова^[952]. Судя по документам,

контакты с террористическими кругами у фабриканта не прерывались и явно не пошли ему на пользу. Во время отдыха Морозова в Каннах его посещали революционеры из Женевы и большевик Л.Б. Красин; они требовали денег и, видимо, угрожали оглаской компрометирующих сведений. В результате психически надломленный С.Т. Морозов 29 мая 1905 года застрелился; так закончилась жизнь одного из ярких представителей московского купеческого клана^[953].

Отношения купеческой буржуазии с земско-интеллигентскими кругами были, конечно, заметно поспокойнее. Выше уже говорилось о представителях купеческой Москвы, приютивших в своих особняках разную либерально-революционную публику. Именно здесь происходило формирование крупной партии – конституционно-демократической. Как писал известный русский литератор А. Белый, в морозовском доме постоянно собирались «организующиеся кадеты»^[954]. Аналогичное мнение высказывают и современные исследователи: по их свидетельствам, М.К. Морозова не только предоставляла место для собраний интеллигенции, но и прямо оплачивала формирование партии конституционных демократов^[955]. Заметим, что их программные установки заботливо учитывали потребности купеческой буржуазии – например, по такому чувствительному для капиталистов вопросу, как величина таможенных тарифов. Летом 1905 года будущее кадеты ратовали за:

«понижение таможенных пошлин в видах удешевления предметов потребления; ослабление покровительства промышленности и содействие развитию производства народного труда»^[956].

Но уже в октябре этот пункт программы излагается более сглажено:

«Соответствующее положению отдельных производств понижение таможенных пошлин в видах удешевления предметов народного потребления и технического подъема промышленности и земледелия»^[957].

Фритредерские теории явно были принесены в жертву практическим интересам. Подобная картина наблюдалась и в вопросе о продолжительности рабочего дня. Партийная программа не обошла популярное требование о восьмичасовом рабочем дне. Но оно сопровождалось весьма существенной оговоркой о введении этой нормы поначалу только там, где возможно, и лишь затем – повсеместно. Кадеты не спешили с практической реализацией данной меры, оправдывая свою неторопливость пока еще низким техническим уровнем предприятий: якобы переход на восьмичасовой рабочий день может повлечь заметное сокращение производств, приведет к уменьшению зарплаты и безработице^[958]. Зато намерения партии утверждать расходы государственного бюджета никогда не ставились под сомнение. Как признавали кадеты, *«только с этим правом дума будет иметь действительную власть и будет в самом деле править страной»*^[959]. Приобщение к бюджетному процессу, в отличие от дебатов о продолжительности рабочего дня, манило крупную купеческую буржуазию, на протяжении десятков лет мечтавшую заполучить свой комплект ключей от денежного сундука государства. Политическая деятельность новых союзников из рядов либеральной интеллигенции приближала этот момент, а потому партия исправно получала средства от промышленников Центрального региона.^[960]

«Союз 17 октября» по своим целям и составу не многим отличался от кадетов. Члены этой либеральной партии были более состоятельными; в нее вступили и представители московской буржуазии, оставив затею с созданием самостоятельной торгово-промышленной партии. Как известно, одним из лидеров «Союза» стал московский банкир и общественный деятель А.И. Гучков, а его младший брат Федор являлся казначеем «Союза». Интересно, что октябристы выступали за ограничение самодержавия и введение долгожданных свобод, но склонялись к сохранению титула «самодержец». Они позиционировали себя не как врагов ограниченной монархии, а как ее дельных помощников. В агитках подчеркивалась, что императору сложно одному разбираться в существующих проблемах, а крайне низкая компетентность чиновников лишь усугубляет эту проблему. Выход – в привлечении к управлению страной толковых и знающих людей^[961]. *«Не класть яйца в одну корзину»* – этот принцип воплотился в политическом раскладе того

времени. Кадеты и октябристы, сформированные из либеральных земцев и научной интеллигенции, представляли собой два крыла союзников московских капиталистов, Именно так их воспринимали и в Петербурге. Тот же С.Ю. Витте считал, что в Москве, по сути, *«сильна только одна партия – купеческая»*^[962].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что к осени 1905 года купеческая буржуазия являлась не только крайне заинтересованным, но и наиболее подготовленным игроком развернувшегося преобразовательного процесса. Ее разветвленные связи по всем направлениям оппозиционного движения обеспечили ей особенное положение. Согласимся, что каждая из существовавших в тот период оппозиционных групп действовала лишь в своей определенной политической нише, не располагая большим влиянием вне ее. Поэтому эскалацию напряженности, переросшей в массовые беспорядки, осуществить им было просто не под силу. Для этого необходимо было обладать разносторонним коммуникативным и финансовым ресурсом, чем в полной мере и располагала купеческая буржуазия. Любопытно отметить, что проправительственные круги зримо ощущали согласованность в рядах своих противников. К примеру, «Московские ведомости» уже в марте 1905 года, характеризуя «легальных и подпольных революционеров», писали о тесной связи, существовавшей между ними. Как замечало издание, без помощи радикально настроенных элементов легальные крамольники не имели бы возможности подогревать и поддерживать свои конституционные требования к правительству^[963]. Правда до осеннего обострения в Москве власти еще слабо представляли, кто в действительности координирует оппозиционные силы. Пока главным образом виделся след иностранный врагов, стремившихся создать внутренние затруднения во время военных действий. О японских усилиях на этой ниве (связь с эмиграцией, средства на покупку оружия) уже говорилось выше. Их дополняли и разоблачения англичан, якобы финансировавших рабочее движение: и. о. московского градоначальника Руднев распространял среди населения слухи и листовки, что, сочувствуя забастовкам, русские люди играют на руку злейшим врагам родины – англичанам. Посол Великобритании выражал протест российскому МИДу по этому поводу^[964]. Об участии московской буржуазии в дестабилизации обстановки до декабрьского

восстания говорили мало. У власти осознание ее заинтересованности и подлинной роли в революционных событиях пришло позже. Забегая вперед скажем, что впоследствии сообщалось даже о случаях шантажа именитого купечества, когда различные авантюристы пытались вымогать у купцов крупные суммы за неразглашение сведений об их пожертвованиях на организацию беспорядков осенью 1905 года^[965].

Всеобщая стачка в октябре, забастовка почтово-телеграфных служащих в ноябре и, наконец, декабрьское вооруженное восстание – эти этапы составляют цельный отрезок, суть которого заключается в переходе конституционной инициативы от правительства к оппозиции. Результатом чего стало вынужденное, вопреки текущим планам властей, учреждение законодательной думы. Обратимся к всероссийской октябрьской стачке. Как известно, она берет начало с конца сентября в Москве, где первыми выступили печатники и булочники; а если точнее, то типографии И.Д. Сытина и пекарни Д.И. Филиппова. Современные исследователи, специально занимавшиеся этими конкретными эпизодами, утверждают, что забастовку всячески подогревали сами хозяева. Они провоцировали ситуацию стабильной оплатой стачечных дней: именно с этих предприятий забастовочная волна покатила дальше^[966]. Кстати, полиция также считала, что рабочие сытинской фабрики (ее называли «осиным гнездом») являлись застрельщиками революции; в отместку власти устроили поджог типографского комбината, препятствуя служащим тушить разгорающийся пожар^[967]. По свидетельству В.Ф. Джунковского, оппозиционный настрой среди рабочих поддерживал на своей фабрике также и С.И. Четвериков с сыном^[968]. Московский генерал-губернатор П.П. Дурново уже в начале октября понял к чему идет дело и просил предоставить ему особые права по предотвращению надвигавшихся беспорядков, но товарищ Министра внутренних дел Д.Ф. Трепов счел это несвоевременным^[969].

Тем временем забастовочная волна перекинулась на железнодорожников. По различным листовкам и воззваниям хорошо известны призывы большевиков к стачке, но архивные источники, в отличие от партийных агиток, не выявляют их ведущую организаторскую роль в этих событиях. Так, из переписки МВД и Министерства путей сообщения следовало, что в Москве к забастовке постоянно подстрекал некий «Союз инженеров и техников»,

объединивший «большинство неблагонадежного элемента из состава железнодорожных служащих»^[970]. По донесениям московской полиции, толпы агрессивно настроенных людей в количестве 200-300 человек препятствовали движению по железнодорожным путям, а к администрации дорог заявлялись какие-то лица от «Союза союзов» с неопределенными требованиями. В результате машинисты боялись следовать с составами, и движение было парализовано^[971]. В этой ситуации растерялся и либеральный генерал-губернатор П.П. Дурново: противостоять бунтующей стихии оказалось намного сложнее, чем опекать земские съезды. Окончательно его деморализовал визит делегации в составе Д.И. Шаховского, П.Н. Милюкова и адвоката Гольдовского, непринужденно обращавшихся к нему – «товарищ»^[972]. В отличие от Дурново, самообладания не терял Московский биржевой комитет. Его обращение, адресованное Министру финансов В.Н. Коковцову, извещало о намерении остановить фабрики, что еще более осложнит положение^[973]. Вообще-то, в этом заявлении московских капиталистов в финансовое ведомство не прослеживается тревоги; скорее здесь присутствуют угрожающие ноты в адрес правительства: мы закроем предприятия, выставим людей на улицу (т.е. усилим забастовочную волну), а там посмотрим, как вы с ней справитесь. О настрое фабрикантов можно судить и из их специального заявления, опубликованного прессой в разгар стачек^[974]. В нем они вновь охарактеризовали рабочее движение как явление, вызванное не экономическими, а политическими причинами. Категорически высказались против введения военного положения в городе, назвав подобное решение «трудно поправимым бедствием». Рецепт же успокоения, по мнению купечества, состоит совсем в другом – в безотлагательном удовлетворении требований общества «по устройению нашей жизни на началах вполне ограждающих нас от возможности возврата к старым формам, приведшим Россию на край гибели». К числу таких начал в первую очередь отнесено расширение прав Государственной думы до законодательного органа и пересмотр закона о выборах^[975].

Здесь следует вспомнить, что нарастание забастовочного движения сопровождалось попытками Московской городской думы добиться вывода из города, расположенных в нем казачьих войск. Эта

тема была поднята рядом гласных уже в конце сентября 1905 года^[976]. Кроме этого, дума поручила городской управе обратиться к военному ведомству о предоставлении помещения Манежа, находящегося напротив Александровского сада, для народных собраний^[977]. Требования вывода казачьих войск усилились после беспорядков в день похорон Н.Э. Баумана (20 октября): МГД просила до их удаления из города больше не назначать казаков к несению полицейской службы^[978]. Однако, военные власти не собирались выполнять подобные просьбы, а также наотрез отказались предоставлять Манеж для собраний, сославшись на ремонтные работы^[979]. Совершенно ясно, что эти настойчивые намерения ряда гласных напрямую связаны с планами предстоявших решительных действий. Надеемся, никто не возьмется утверждать, что думские инициативы по данному вопросу – это продуманная тактика большевиков, готовивших вооруженное восстание. Очевидно, они не были в состоянии оказывать влияние на происходящее в буржуазной думе. В этой связи весьма ценно наблюдение одного из лидеров кадетов В.А. Маклакова, отметившего в своих мемуарах по поводу развернувшейся забастовки:

«Очевидно, кто-то ее организовывал. Но на обывательский глаз движение разрасталось само собой... началось с фабрик, потом остановились железные дороги, почта...»^[980].

А потому на суд читателя оставляем ответ: кто же обладал реальными рычагами для дестабилизации ситуации в Москве осенью 1905 года – фактические хозяева экономики города или группа профессиональных бунтарей, объявивших себя знаменем грядущей революции?

Столкнувшись с таким явлением, как всеобщая забастовка, власть была вынуждена в экстренном порядке обнародовать Манифест о законодательной Думе (17 октября 1905 года). Таким образом, цель оппозиционного движения была достигнута: инициатива впервые полностью оказалась в его руках. Это незамедлительно сказалось на дееспособности правительства. Назначенный Председателем Совета министров С.Ю. Витте оказался не готов к такому повороту событий:

как говорили очевидцы, «в голове его был хаос, множество порывов и никакого определенного плана действий»^[981].

Оставалась еще проблема, связанная с булыгинскими правилами выборов в Государственную думу. Ведь если в нее попадали лица, обладающие высоким имущественным цензом, да крестьянство, то для многих из тех, кто вложился во всю эту эпопею, в ней попросту не оставалось бы смысла, а для других и места тоже. Законодательную Думу должны наполнить не статисты, подобранные властями, а люди, заинтересованные в проведении либерального курса и ему обязанные своим вхождением на политический Олимп. Как известно, новые правила о выборах в Государственную думу, расширившие круг их участников, официально были обнародованы 11 декабря 1905 года; однако до этого дня политическое напряжение только усиливалось.

Обратимся к ноябрьской забастовке почтово-телеграфных служащих. Она находится в тени стачки железнодорожников, о ней не любили упоминать советские историки, видимо, потому, что ее участники явно не вписывались в образ истинных пролетариев. К тому же руководители забастовки сразу установили связь с другими оппозиционными организациями, а не с большевиками^[982]. А ведь с точки зрения давления на власть почтово-телеграфная забастовка оказалась не менее значимой, чем предельно популяризированные октябрьские события. Забастовка фактически парализовала деятельность аппарата власти: во второй половине ноября правительство фактически оставалось без информации о происходящем в стране, министерства не могли выполнять свои обязанности, департамент полиции работал с перебоями. Работники почты и телеграфа активизировались вместе с общим профсоюзным движением. В начале октября в Москве, в здании университета, где ежедневно проходили различные мероприятия, состоялось почтово-телеграфное собрание. Его участники наметили экономическую программу и по примеру других решили образовать собственный профессиональный союз. К 22 октября 1905 года уже были подготовлены необходимые учредительные документы^[983]. Это вызвало крайне негативную реакцию начальства: почтово-телеграфные работники считались государственными служащими по ведомству МВД, а на чиновников, связанных присягой, не распространялось право на участие в каких-либо союзах. Все вошедшие в организацию

подлежали увольнению. Инициаторы союза категорически не согласились с этим, указывая на свои права, дарованные Манифестом от 17 октября 1905 года. В телеграмме на имя С. Ю. Витте, они потребовали:

«немедленного удаления от службы Дурново и Севастьянова (Министр внутренних дел и Начальник управления почт и телеграфов. – А.П.), с произволом которых не могут больше мириться служащие почтово-телеграфного ведомства»^[984].

Конфликтную ситуацию рассматривали на заседании Совета министров, где циркуляр о запрете союза был признан правомерным.

Тогда почтово-телеграфные работники страны приступили к созыву всероссийского съезда союза для выдвижения своих условий. Как докладывал Николаю II С.Ю. Витте, центр этой забастовки, как и вообще центр революционного движения, находится в Москве^[985]. Половина установленных полицией делегатов были из Москвы, остальные – из регионов^[986]. Открывшийся 17 ноября 1905 года съезд высказался за выработку любых правительственных решений по ведомству только лишь с участием служащих. До тех пор, пока на это не будет получено согласие, передачу телеграфных сообщений и доставку корреспонденции решили прекратить. Чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, предлагалось перерезать телеграфные и телефонные провода в окрестностях Москвы; выводить из строя техническую аппаратуру, И забастовщики не теряли время даром, приступив к активным действиям; телеграфные аппараты были взломаны даже в особняке Московского генерал-губернатора^[987]. Власти пытались выйти из этого положения, арестовав бюро съезда и призвав для отправки почты нижних чинов военных^[988]. Со своей стороны, забастовщики так оценивали ситуацию:

«В настоящее время почтово-телеграфная забастовка охватила всю Россию... Перед лицом всего русского трудового народа первый почтово-телеграфный съезд заявляет, что всякую ответственность за все эти последствия

он возлагает на русское правительство в лице министра внутренних дел П.Н. Дурново»^[989].

Вот в этой критической ситуации у забастовщиков нашлись сильные заступники в лице Московского биржевого комитета. Здесь была образована комиссия, которая выказала сочувствие стачке и вызвалась ходатайствовать перед правительством о нуждах служащих. Причем подчеркивалось, что со стороны купеческих капиталистов это не просто просьба, а требование: почтовики являются госслужащими, а значит, *«министры тратят на жалованье деньги не свои, а народные, и народ вправе требовать удовлетворения»*^[990]. Московская буржуазия потребовала освободить из-под ареста бюро съезда, и предлагала выплачивать сотрудникам почтово-телеграфного ведомства нужную сумму (3,5 млн руб. в год) из своих средств^[991]. Обратим внимание, что со стороны Петербургского биржевого комитета реакция на забастовку почтовиков была совсем иной. Столкнувшись со стачкой, столичные дельцы кинулись не предъявлять претензии правительству, а совместно с ним выправлять ситуацию, грозящую большими потерями бизнесу. Ряд крупных банков и страховых обществ Петербурга вместе с только что образованным Министерством торговли и промышленности создали бюро по налаживанию почтово-телеграфной связи. Они предложили торгово-промышленным кругам страны, включая и московские, поддержать их усилия^[992]. Однако деловой мир Первопрестольной вынашивал другие более самостоятельные планы. Министру внутренних дел П.Н. Дурново их изложил известный фабрикант Ю.П. Гужон. От имени Московского биржевого комитета он предложил передать всю отрасль частным владельцам, которые сами позаботятся о ее должном развитии. Однако П.Н. Дурново сразу отверг подобного рода инициативы, заявив об отказе обсуждать вопросы государственной важности с Московским биржевым комитетом^[993]. Очевидно, что это предложение со стороны московских капиталистов можно расценить как намек не только на политическую, но и на финансовую несостоятельность правительства, неспособного справиться с вызовами времени. Подобного унижения власть допустить не могла и нашла возможность локализовать забастовку.

Правда, это не принесло большого облегчения, и власть ожидал самый страшный удар: открытое вооруженное восстание декабря 1905 года – гордость советской истории. Однако мы вновь вынуждены констатировать: утверждение о руководящей роли большевиков в организации и проведении восстания слабо подкрепляется документальной базой, а представления о Московском совете рабочих депутатов как подлинном центре борьбы не выдерживает критики. Советские историки уверяли, что основные силы революционеров под руководством большевиков планировали дать бой царизму в начале декабря в Москве. Но почему-то социал-демократы планомерно наращивали силы в другом месте – в Петербурге. Кстати, В.И. Ленин, приехав в Россию из Швейцарии, сразу обосновался именно в столице, развив там бурную деятельность. Московский совет, образованный по аналогии с петербургским, в развертывании боевых действий явно ориентировался на столичную инициативу. Уже в канун вооруженного восстания москвичи постановляли:

«чутко прислушиваться к ответу петербургских рабочих на дерзкий вызов правительства (арест председателя Петербургского совета. - А.П.) и присоединиться к борьбе, как только они решат дать сражение врагу»^[994].

Здесь следует вспомнить и решение ЦК РСДРП назначить IV-й (объединительный) съезд партии в те же дни только не в Москве, а в Петербурге. Понятно, что в указанный срок он не открылся: чуть раньше вспыхнули московские беспорядки, и прибывающие на съезд эсдеки, естественно, стремглав кинулись туда. К этому любопытному эпизоду относится письмо М. Горького к Е.П. Пешковой, где он сообщал о своем прибытии в Петербург на съезд и срочном – после полученных известий – отъезде к месту начавшихся боевых действий^[995].

Источники показывают, что в подготовке вооруженного восстания в Москве активно участвовал упоминаемый уже нами «Союз союзов». В одном из перлюстрированных писем тех дней прямо утверждалось:

«Сейчас в России два правительства: имперское и "Союз союзов", который в несколько раз сильнее и опаснее, чем

были японцы»^[996].

Активисты организаций, входивших в данный Союз, сделали немало для организации декабрьского восстания. Например, князь С.И. Шаховской, родной брат одного из кадетских лидеров Д.И. Шаховского, развозил денежные пособия рабочим ряда московских предприятий; по данным полиции, он фактически выполнял функции кассира кадетов^[997]. Анонимные предупреждения о готовящихся бурных событиях получал премьер-министр С.Ю. Витте. Письмо на его имя информировало, что в случае сохранения прежних ограничений по выборам в Государственную думу 5-10 декабря произойдут *«беспорядки с применением террористических действий в самых широких размерах»*. Центром готовящегося мятежа называлась Москва, в которой действует законспирированный «Стаечный комитет», состоящий из ряда адвокатов. Их ответом на неполноценный порядок избрания в Думу должно стать провозглашение временного правительства во главе с П.Н. Милюковым. Члены Стаечного комитета контактировали и с другими группами, включая Московский совет рабочих депутатов^[998].

И все же ударной силой вооруженного восстания явилось рабочее население Москвы. Хотя поведение пролетариата в конфликте обнаруживает некоторые странности. Если следовать здравому смыслу, что должны были бы делать рабочие, доведенные своими хозяевами до отчаяния? Очевидно, выступить против непосредственных виновников своего бедственного положения. Однако в декабре 1905 года ничего подобного не произошло. В ходе восстания от революционных масс не пострадал ни один крупный московского фабрикант. Силы восставших обратились не на хозяев-кровопийц, а на полицейских и прибывших им на помощь солдат. Это разительно отличается от поведения тех же крестьян, которые видели в помещиках источник всех своих бед, а потому без раздумий жгли усадьбы, захватывали помещичьи земли. То есть вчерашние крестьяне – пролетарии повели себя иначе. Это тем более странно, что, например, на предприятиях Пресни, в центре московского мятежа, рабочие уже давно выражали недовольство условиями своего существования. Как следует из документов, рабочие Прохоровской мануфактуры устраивали забастовки и нелегально высказывались в адрес хозяина фабрики, после чего особо активные

подверглись арестам^[999]. В другом случае рабочие подали прошение на имя Московского генерал-губернатора с просьбой заставить владельца предприятия П. Шмидта (отца будущего героя революции Николая Шмидта) удовлетворить их требования. В частности, в прошении говорилось:

«Зная бесконечную доброту Вашего Императорского Высочества и видя постоянные отеческие заботы Ваши о нуждах жителей Москвы, все мы прибегаем к Вам, прося обратить милостливое внимание свое на нас, предложив Московскому Обер-полицмейстеру обязать хозяина нашего г. Шмидта обращаться более человечнее с нами и уменьшить час работы»^[1000].

Но есть и еще более поразительные свидетельства. Как следует из допросов арестованных дружинников, владельцы названных фабрик внесли определяющий вклад в организацию боевых групп на собственных предприятиях. На Прохоровской мануфактуре этим занимался почти весь административно-управленческий персонал. Именно его усилиями устраивались собрания рабочих в специально отведенных помещениях, приглашались агитаторы от социал-революционеров и социал-демократов. Так, инженер Н. Рожков постоянно интересовался сходками, давая указания вовлекать в них побольше народу. Рабочие депутаты, посетив самого Н.И. Прохорова, совместно с ним решили остановить производство, после чего:

«его стали просить, чтобы он выдал рабочим заработок до 9 декабря, на что он охотно согласился, что и было исполнено»^[1001].

Участникам дружин, сформированных на Пресне, выплачивались деньги (из расчета средней месячной зарплаты в 30 руб.), выдавались винтовки и револьверы^[1002].

Факты, изложенные в протоколах полицейских допросов, подтверждаются и анонимными сообщениями, поступавшими в охранное отделение. Автор одного такого письма делился информацией о преступной деятельности ряда мастеров Прохоровской

фабрики, которые, по его утверждению, руководили строительством баррикад, раздачей денег и оружия, а после подавления мятежа отправляли активных участников дружин по Московской губернии для укрытия^[1003]. (Кстати, и в Московском биржевом комитете активно обсуждали роль Н.И. Прохорова в создании боевых дружин во время декабрьских боев^[1004].) Н.П. Шмидт, молодой хозяин мебельной фабрики, тоже расположенной на Пресне, оплачивал покупку оружия для рабочих как своего предприятия, так и других. Деньги же, по его свидетельству, он снимал с текущего счета своего родственника фабриканта А.В. Морозова в Волжско-Камском банке (А.В. Морозов – родной брат матери Н.П. Шмидта)^[1005]. Как известно, эта фабрика стала ареной яростных сражений с правительственными войсками и была полностью разрушена. Интересно, что после гибели Н.П. Шмидта в тюрьме его тело не выдавали матери и сестрам, настаивая на приезде А.В. Морозова. Московский градоначальник барон А.А. Рейнбот лично предупредил дядю погибшего об ответственности за соблюдение порядка во время похорон и потребовал поручительства о неповторении в городе беспорядков. На это А.В. Морозов ответил, что он не ведает полицией, а потому за порядок пусть отвечает тот, кто ею руководит^[1006].

В свете сказанного не таким уж удивительным кажется признание видного деятеля кадетской партии А.В. Тырковой-Вильямс о том, что *«революция содержалась, действовала на деньги буржуазии»*^[1007]. Подтверждают это и другие очевидцы тех событий, не относящиеся к оппозиционным кругам и на себе ощутившие хватку представителей купеческого клана. Приведем одно красноречивое свидетельство:

«...Арестовываются, заточаются, ссылаются сотнями, тысячами мелкие сошки, подчас даже наемные агитаторы, а братья Рябушинские, Морозовы, Пуговкины, Сироткины и др. продолжают беспрепятственно субсидировать газеты, издавать брошюры, энергично поддерживать пропаганду – сеют смуту, возмущение в стране... победоносно шествуют по России во главе анархии, красного террора»^[1008].

В дополнение скажем и о еще одном любопытном факте. Упомянувшийся уже ивановский фабрикант И.Н. Дербенев сразу после

декабрьских событий в Москве писал родственникам:

«В Сытинской типографии найдено отпечатанное постановление революционного комитета, где объявляется, что градоначальником Москвы назначается Чикин – молочный торговец, генерал-губернатором – жид Высоцкий, чайный торговец, а заместителем его сам Сытин. Это не анекдот, а факт»^[1009].

Провокационность этого документа сомнений не вызывает, как и ее направленность на видных организаторов смуты, остававшихся в тени.

Однако во время декабрьского восстания купеческая буржуазия занималась и другими, более свойственными ей делами. Лидеры московского клана не преминули использовать эти бурные события в коммерческих целях. Во всяком случае, они попытались получить вождеденный доступ к ресурсам Государственного банка России. С 1897 года эта ключевая финансовая структура действовала по новому уставу, который предусматривал выдачу кредитов крупным частным обществам. Не надо объяснять, насколько ощутимой была для последних такая поддержка. Однако воспользоваться ею могли, главным образом, заводы и банки, тесно связанные с правительственными и придворными кругами, а также с иностранным капиталом. Об этом свидетельствует перечень ссуд на начало 1904 года: крупнейшими получателями значились петербургские предприятия тяжелой индустрии, «Лензолото», принадлежавшее англичанам, московский торговый дом Полякова, с начала XX века находившийся под контролем столичного чиновничества, и т.д.^[1010] Интересы же московского клана на этом направлении оставались мало реализованными: ему никак не удавалось по-крупному зачерпнуть из государственного денежного источника.

Но революционные перипетии осени привели к тому, что российское правительство, оказавшееся перед угрозой финансового краха, пыталось получить заем в размере 100 млн рублей у французов. В этот момент, ссылаясь на небывалые волнения, московские воротилы запросили власти предоставить их банкам субсидии в размере 50 млн рублей. Их мысль была проста: беспорядки привели к нарушению

экономической жизни, и возместить убытки нужно бы за государственный счет. Ради этого московский биржевой комитет повел переговоры с Министерством финансов и Госбанком о консорциуме банков для предоставления им гарантий от правительства. Переписка по этому вопросу обнаруживает крайне любопытные детали. Так, ряд московских финансистов потребовал для предполагаемого консорциума права юридического лица: в этом случае Госбанк, фактически предоставляющий свои ресурсы для создаваемого объединения, по сути, превращался в простого исполнителя его поручений.^[1011] Причем когда чиновники Госбанка ознакомились с заявками о кредитах, они обнаружили, что некоторые ходатайствующие фирмы испытывали финансовые затруднения уже задолго до осенних событий 1905 года.^[1012] Получалось, что московские банки решили просто поправить свое положение, разгрузив портфель неликвидных активов за счет государства. Так что этот эпизод оставляет впечатление скорее закамуфлированного шантажа, нежели паники в связи с революцией. И как только (к февралю 1906 года) острота экономического кризиса начала спадать, премьер-министр С.Ю. Витте предпочел незамедлительно отменить «карманные интересы» московских дельцов^[1013].

Итак, широко известные революционные перипетии 1905 года рассмотрены нами с точки зрения вовлеченности в них московской купеческой буржуазии. До сих пор ее роль оставалась традиционно недооцененной; считалось, что купечество лишь следовало за пролетариатом. Этот подход обусловлен не только влиянием ленинских штампов, но и непониманием того, какое место занимал московский клан в экономическом пространстве страны. Истоки его оппозиционности, равно как и заинтересованность в переформатировании государственного строя слабо соотносились с теми проблемами, с которыми столкнулась купеческая буржуазия на рубеже веков. Действия этой промышленно-финансовой группы оценивались, как правило, исходя из общих представлений о слабости российского капитализма, неспособного на какие-либо самостоятельные поступки. Между тем привлеченный фактический материал показывает, что московская буржуазная группа не только не осталась в стороне от общественного подъема, но и выступила одним из последовательных его организаторов. Либеральный дух

распространялся в российском обществе в рамках культурно-просветительского проекта, инфраструктура которого, по сути, была создана московским купечеством. Причем результаты, полученные при осуществлении этого проекта, позволяют говорить и о его политическом значении. Новые политические предпочтения крупного купечества привели его и к союзу с новыми силами. Купеческий клан финансово поддержал оппозиционные группы, ратовавшие за ограничение или свержение монархии, за утверждение либерально-конституционных принципов. Конечно, перипетии начала XX века, известные как первая русская революция, явились плодом усилий разных элементов. Но именно оппозиционный дебют московской буржуазии сделал этот общественно-либеральный подъем яркой страницей российской истории.

4. Крестьянский контрпроект

Сегодня бурные события 1905 года представляются стержневыми в восприятии первой русской революции: они привели к таким качественным сдвигам, как ограничение самодержавия посредством учреждения законодательной Государственной думы. Однако конституционно-либеральные баталии не должны заслонять многосложность процессов, свойственных общественному подъему в России начала XX столетия. Произошедшие изменения отвечали потребностям той части общества (прежде всего интеллигенции), которая придерживалась либеральных политических взглядов. Но эти взгляды, определявшиеся конкретными интересами, отнюдь не преобладали в обществе в целом (как можно было бы подумать, судя по обилию работ о российском либерализме). Согласно меткому замечанию, «либеральные партии походили на штаб без армии»^[1014]. Их влияние ощущалось преимущественно в городах империи и в основном среди образованной публики, способной различать разнообразные оттенки в политическом спектре. Но Россия представляла собой крестьянскую страну: доля этого сословия к началу века достигала 80-85%. Крестьянам были чужды идеологемы, не опиравшиеся ни на вековые традиции, ни на их собственный опыт. Однако невиданные общественные потрясения не могли не отразиться на основной массе населения. И, на наш взгляд, ее реакция на происходившие события позволяет говорить о существовании другого -цельного и независимого крестьянского проекта, ставшего главным делом русского народа.

Чтобы понять алгоритм народных волнений в России, следует обратиться к жизненным основам крестьянства. В дореформенную эпоху власть слабо представляла, чем в действительности живет подавляющее большинство подданных. Исследователи замечали, что чиновники предпочитали не вступать с ними в непосредственный контакт и не вникать в их бытовые и хозяйственные реалии^[1015]. Как известно, с точки зрения государства и помещиков, общинное устройство сельской экономики наиболее полно соответствовало крестьянскому менталитету, а главное – являло собой проверенную

временем форму сбора налогов. Преимущества общины виделись в поддержании равномерной фискальной нагрузки, а также в том, что она препятствовала дифференциации, как на зажиточных селян, так и на бедняков; это выражалось в негласном правиле – в общине дети не наследовали нищету отцов. Каждый крестьянин пользовался известными правами лишь в качестве члена общины; вне ее гражданская личность за крестьянином не признавалась, он был безымянной «душой», существующей исключительно для отбывания повинностей. Этим, собственно, и исчерпывались взаимоотношения правящего класса и крепостного податного населения.

К дореформенному периоду относится, пожалуй, одно действительно крупное исследование крестьянской жизни, предпринятое в 1848-1849 годах под эгидой Министерства государственных имуществ, которое ведало делами государственных крестьян^[1016]. Поводом для его проведения послужили жалобы от солдат, возвратившихся после длительной службы в родные деревни. Они спрашивали: имеют ли право отставники требовать часть наследства, которое осталось после родителей, но которым воспользовались другие родственники во время их пребывания в армии? С точки зрения действовавшего гражданского законодательства вопрос казался более чем странным, поскольку право наследования не могло подвергаться сомнению. Тем не менее, Министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев настоял на проведении обширного изучения этих ситуаций, что и привело к неожиданным результатам. Как констатировалось в материалах, полученных ведомством:

«нельзя не заметить резкой разницы между порядком наследования по своду законов и по обычаям крестьян», которые «почти совсем не имеют имущества в том смысле, как мы привыкли его понимать»^[1017].

Недвижимость и постройки, возведенные из казенного леса, не признаются частной собственностью; движимое имущество (орудия, скот, утварь) имеется лишь в нужном для хозяйства количестве: все имущество используется исключительно для удовлетворения насущных нужд^[1018]. К тому же, семья по крестьянским понятиям

являлась не только личным союзом родства, но и рабочим союзом, связанным общими потребностями и обязательствами. Это, если можно так выразиться, кровная артель, чье добро не подлежит разделу и остается в общем владении; даже по смерти отдельного крестьянина его «наследство не открывается»^[1019]. Таким образом, хлопоты отставных солдат о получении имущества выглядели явно бесперспективными. В содержательном же смысле главный вывод проведенных обследований заключался в признании того, что основополагающим фактором крестьянского хозяйства выступал не капитал, а личный труд.

Любопытно, но, несмотря на потенциальный интерес исследования, его итоги не были тогда преданы гласности. Тем не менее, полученные свидетельства о воззрениях русского крестьянства на цитадель цивилизованного общества – институт частной собственности – стали подлинным откровением для властей. К тому же, выводы об особенностях народного мировоззрения определенно перекликались с исследованиями по расколу, предпринятыми правительством именно в эти годы. Напомним, что хозяйственный уклад староверия основывался как раз на общинных принципах, отвергавших частнособственнические отношения в экономике. Подобное хозяйственное устройство, подкрепленное раскольничьими религиозными верованиями, вызывало понятную и серьезную тревогу Николая I. Власти были вынуждены приступить к противостоянию этой чуждой для них реальности. В сельской сфере противодействие концентрировалось по следующему направлению. На упорядочивании отношений между крестьянскими массами и помещиками, в смысле ослабления гнета последних, в сочетании с мощным давлением на авторитетные в народе раскольничьи центры, завершившимся, в конце концов, их полным разгромом. Практическое осуществление этой политики возлагалось на решительного Министра внутренних дел Д.Г. Бибикова. Будучи Киевским генерал-губернатором, он сумел реализовать так называемую инвентарную реформу в трех губерниях – Киевской, Волынской и Подольской. Ее суть заключалась в ограждении русского крестьянства от произвола помещиков; для чего и составлялись специальные инвентари, где четко фиксировались все повинности и в частности их максимальный объем. Эти нововведения, не отменяя крепостного права, регулировали взаимоотношения

крестьян и помещиков и были строго обязательны^[1020]. Не случайно, проведение инвентарной реформы получило тогда название «партизанской войны против крепостного права»^[1021].

Возглавив в 1852 году МВД, Д.Г. Бибиков приступил к практическому введению инвентарей еще в шести губерниях Западного края. Между тем, на повестке дня уже стояли планы по распространению инвентаризации и на великорусские регионы^[1022]. Заметим, что данные преобразования начались с западных районов империи, в которых отношения между крестьянством и помещиками были осложнены религиозной несовместимостью: низы в своем большинстве относились к русскому населению, а владельцы – к полякам. Именно здесь обкатывалась схема, где государство выступало заступником народа от гнета крепостников, урезая их непомерные аппетиты; в ее рамках активно эксплуатировался и конфессиональный фактор, который правительство решило разыграть с пользой для себя. Что же касается коренных русских губерний, то тут стремлению верховной власти предстать в качестве истинного благодетеля народа препятствовала уже не польская шляхта, а раскольничьи «заправилы», претендовавшие (и не без успеха) на роль истинных выразителей народных интересов. А потому замыслы по проведению инвентарной реформы в великорусских регионах сопровождались энергичным устранением конкурента. Как известно, усилиями того же главы МВД Д.Г. Бибикова в 1853-1855 годах фактически были разгромлены авторитетные старообрядческие центры страны – Рогожское и Преображенское кладбище. Подчеркнем, удар был направлен не на раскольничьи массы как таковые, а на верхи староверия в лице самозванной иерархии и богатого купечества. Именно они, по убеждению властей, портили всю конфессиональную обстановку, способствуя укоренению и распространению раскола в народных низах. Ставилась задача нейтрализовать верхи раскола, минимизировать их влияние на массы, которым посредством инвентарной реформы продемонстрировать от кого им ждать реальных послаблений в своей нелегкой жизни.

Александр II также придерживался этой политической стратегии. До 1864 года он не ослаблял того жесткого пресса, которому подверглась староверческая верхушка. А за это время в жизни империи произошло эпохальное событие – отмена крепостного права.

«Партизанская война» против крепостнической системы уступила место демонтажу этого пережитка средневековья. Свободу даровала, прежде всего, верховная власть в лице императора, а затем он же посредством Особого комитета В. Н. Панина предпринял и определенную легализацию староверия как религиозного течения, смягчив николаевскую карательную политику. В результате фигура нового российского самодержца перестала восприниматься в русских низах как очередное обновление образа антихриста. Заметим, силовое переформатирование купеческих верхов раскола не сильно коснулось сельской экономики; освободительная реформа 1861 года не пошла на ломку жизненного уклада широких слоев крестьянства. Редакционные комиссии, готовившие проекты реформы, учли выводы, сделанные в 40-х годах Министерством государственного имущества о понятиях собственности у русского народа. Хотя известно, что члены комиссий и желали создать полную поземельную собственность для крестьян, тем не менее, они признали невозможным быстрое решение данного вопроса^[1023]. Разработчики не осмелились ломать традиционный жизненный уклад широких народных слоев, осознавая те издержки, с которыми пришлось бы столкнуться в этом случае^[1024]. При этом привлекает внимание интересное свидетельство одного из членов комиссии П.П. Семенова. По его воспоминаниям, за частную собственность для крестьян в Редакционных комиссиях выступало большинство от правительства, принадлежащее к высшей столичной бюрократии, а также почти все эксперты из западной России. За сохранение общинного же землепользования ратовали представители великорусских губерний: они прекрасно осознавали невозможность устройства крестьянского сословия вне общинных рамок^[1025]. Напомним, что эти регионы пользовались репутацией преимущественно староверческих: именно здесь ломка устойчивых общинных традиций являлась бы особенно болезненной.

Как известно, редакционные комиссии предпочли сценарий освобождения крестьян с землей (иначе, по убеждению ее членов, неизбежно возникла бы проблема пролетаризации масс по европейскому образцу). Земля и налоги из помещичьего ведения поступали в непосредственное распоряжение сельских обществ; это означало, что роль такого социального института, как община, по сравнению с дореформенным периодом неизмеримо возрастала. В

новых условиях именно она занималась наделением крестьян (в том числе и подрастающего поколения) землей, а также отвечала за сбор текущих податей и – теперь – за выкупные платежи помещикам. Таким образом, с 1861 года община оказалась полновластным хозяином деревни, а решения ее схода – основным инструментом сельского администрирования. Кроме того, были образованы волостные суды, в компетенцию которых входило разрешение мелких хозяйственных и бытовых конфликтов. Можно сказать, что освободительная реформа, устранив помещичью опеку над всеми сторонами деревенской жизни, практически сохранила тот уклад, который уже существовал на селе. Такой подход позволил оптимально сочетать интересы казны, помещиков и народных обычаев. В результате законодательство 1861 года устанавливало, что повседневная жизнь общины может регулироваться обычным правом как органично присущим русскому складу и лишь после завершения выкупных платежей должны вступать в силу гражданские нормы имперских законов^[1026]. Окончание выплат за землю открывало возможность выхода из общины на единоличное хозяйствование, чем, по мнению законодателей, и должно воспользоваться крестьянство^[1027]. Только в русле этого перехода должен был решаться и главный вопрос – о поземельной частной собственности крестьян.

Но бытие освобожденного от помещичьего гнета крестьянства, протекавшее вне гражданского законодательства, частью российской элиты рассматривалась как неприемлемое, подверженное серьезным политическим рискам. Архитекторам Положения 1861 года – великому князю Константину Николаевичу и его сподвижникам – пришлось отстаивать свое «детище» от аппаратного натиска руководства МВД и начальника III отделения канцелярии Е.И.В. всесильного графа П.А. Шувалова. В 1872-1873 годах в рамках комиссии статс-секретаря П.А. Валуева (Министра внутренних дел в 1861-1868) противники общины, инициировали масштабный анализ применения крестьянского законодательства. Широкому кругу чиновников, ученых, помещиков поручалось предоставить сведения о пореформенных реалиях села^[1028].

Главный вывод касался несовершенств работы общинного механизма, установленного законом 1861 года. Прежде всего, обеспокоенность вызывало снижение производительной

эффективности деревни, повлекшее проблемы с налоговыми поступлениями. Если в дореформенный период податные недоимки у государственных крестьян не превышали 2%, а у помещичьих – около 4%, то теперь обозначилась устойчивая тенденция к их росту^[1029]. Комиссия указала на необходимость прекратить частые земельные переделы между общинниками, так как они снижали заинтересованность людей в результатах труда, и потребовала участия органов власти в регулировании этого процесса, а также в уточнении порядка выхода из общины. Особое внимание было обращено на искренний интерес селян к помещичьему добру: губернское дворянство в один голос причитало об увеличившихся кражах со стороны бывших крепостных. Один помещик из Симбирской губернии рассказывал, что вынужден содержать для охраны лесных угодий девять конных разъездов; причем охранников каждый год избивали, казармы жгли, неоднократно случались и убийства^[1030]. Стало совершенно очевидно, что крестьяне не имеют понятия о частной собственности; они *«тогда только уважают чужую собственность, когда поставлены в невозможность безнаказанно ею пользоваться»*^[1031]. Большие нарекания вызвали и управленческие институты общины. По полученным сведениям, старост избирали, как правило, из крестьян, не имевших никакого влияния; они исполняли эту роль как повинность, состоя в зависимости от мира. Крепкие же хозяева избегали должностей, чтобы не вступать с миром в конфликт. Комиссия выступала за ограничение административной компетенции сходов, практика которых слабо согласовывалась с принципами самоуправления^[1032]. Что касается работы волостных судов, то их деятельность приводила в недоумение всех, кто с ними соприкасался. Решения по совести, а не по закону производили неизгладимое впечатление на представителей правящего класса, существовавших в ином правовом пространстве. Признать подобную практику нормальной они никак не могли, а потому настаивали на прекращении этого безобразия и включении волостных судов в общую судебную систему империи.

Выводы валуевской комиссии получили широкий резонанс. Однако последовавшая вскоре отставка П.А. Шувалова помешала практической реализации планов этой чиновничьей группы по переустройству сельской жизни^[1033]. Тем не менее, собранные

материалы показали, что в пореформенный период сельская экономика начала подвергаться серьезной трансформации, связанной с утверждением товарно-денежных отношений. Мы уже говорили о расщеплении промышленной модели староверия, результатом чего стало выделение и закрепление в качестве владельцев предприятий, основанных на общинных ресурсах, единоверцев, осуществлявших управленческие функции. Новая прослойка собственников вызывала у рабочих настоящую ненависть, а репутация этих народных капиталистов считалась более чем сомнительной. И если официальные власти, вогнав собственников крестьянского происхождения в правовое поле империи, тем самым признали законным их владение торгово-промышленными активами, то со стороны рядовых единоверцев ни о чем подобном говорить не приходилось. Примерно такие же, только гораздо более масштабные процессы (учитывая сельский характер российской экономики) постепенно начали разворачиваться и на селе. 70-80-е годы XIX столетия характеризовались неуклонным расширением товарно-денежных отношений, затронувших широкие крестьянские массы, что, естественно, сопровождалось накоплением материальных ценностей на одном полюсе и растущей бедностью – на другом. В результате общинная экономика стала разлагаться. Этот процесс ярко запечатлен в русской литературе; хрестоматийными признаны произведения Г.И. Успенского^[1034].

В этих условиях на рубеже 1870—80-х годов власти впервые после отмены крепостного права явственно ощутили то, что можно назвать крестьянским проектом решения земельного вопроса. Причем речь шла не о торжестве частно-собственнических перспектив, а о небывалом в XIX веке брожении крестьянства, ориентированном на совсем другие идеалы. Волнения, произошедшие в этот период, намного превзошли даже крестьянские бунты, следовавшие после объявления воли весной 1861 года^[1035]. Вот как спустя несколько лет М.Н. Катков вспоминал в своих «Московских ведомостях» о тревожном периоде конца 70-х:

«Россия представляла собой вид страны, объятай пожаром страшной революции... Казалось, можно было

ожидать с часу на час взрыва, перед которым померкли бы все ужасы французской революции»^[1036].

В советской историографии эти события, как известно, громко именовались второй революционной ситуацией. Только никакие агитаторы и пропагандисты со своим хождением в народ к этому всплеску активности низов и тогда не имели ни малейшего отношения. Причиной послужило событие совсем иного рода. В июне 1877 года правительство озаботилось составлением полноценного земельного кадастра: такое масштабное обследование проводилось впервые после освобождения крестьян^[1037]. В последующие два года обширная работа землемеров сильно возбудила народ: все губернии полнились слухами о грядущем переделе земли по уравнительному принципу. Крестьяне пребывали в уверенности, что эта инициатива, как и в 1861 году, исходит от царя, который отберет землю у дворянства^[1038]. В таком исходе дела их убеждала и победа в только что закончившейся Русско-турецкой войне. Все это вызвало серьезные опасения местных властей, в чьих донесениях указывалось, что причиной подобных слухов послужили опросные листы, розданные для сбора сведений о размерах наделов и качестве земли^[1039]. Министр внутренних дел Л.С. Маков был вынужден выступать со специальным разъяснением, где со ссылкой на монарха решительно опровергались слухи о каком-либо переделе, и подтверждался законный порядок владений^[1040]. Министерское объявление рассылали по всем губерниям для оглашения в волостях и церквях. Поэтому не удивительно, что убийство Александра II (1 марта 1881 года) породило в народе новый всплеск слухов о том, что царя убили дворяне недовольные освобождением крестьян и противящиеся переделу земли по справедливости^[1041].

К тому же, следует сказать, что в 70-е годы значительно расширились знания российского общества об устройстве сельской жизни. Об особенностях того гражданского поля, в котором функционировало крестьянское хозяйство заговорили уже не только в правительственных комиссиях, но и в исследовательских трудах и публицистике. Даже К.П. Победоносцев, наминавший карьеру на научной ниве, в своем популярном учебнике по гражданскому праву рассуждал о специфичности общинного владения и его

несовместимости с римским правом. Победоносцев считал тревожным и опасным, что крестьяне руководствуются своими обычаями в регулировании хозяйства, и выражал надежду на вовлечение населения в цивилизованный гражданский оборот^[1042]. Другие ученые не ограничивались охранительными призывами. Ряд важных наблюдений и рекомендаций содержало известное исследование А. Ефименко. Воззрения крестьян на собственность, писал автор, вытекают из их взгляда на труд *«как единственный, всегда признаваемый и справедливый, источник собственности»*^[1043]. Именно труд находился в основе всех крестьянских правоотношений. Признание любого материального благополучия напрямую зависело от величины затраченного труда. Этим же определяется и право наследования, ориентированное не на степень родства или завещание, а на вложенный в общее дело труд: только трудовое участие открывает безусловное право наследования. Что касается земли, лесов, вод, то, по народному убеждению, на них вообще не может распространяться право собственности: они не созданы людьми, а значит, не являются продуктами труда. Таковы основополагающие взгляды народа на собственность^[1044]. Заметим, кстати, что именно отсюда проистекает пренебрежительное отношение к собственности правящего класса, которая, в глазах народа, никак не связана с трудовым началом. Законодательство, базирующееся на римском праве, не признавало за трудом самостоятельного юридического значения, поэтому ряд исследователей справедливо говорили о грандиозном внутреннем противоречии, присущем российской государственности, – между гражданским правом господствующих верхов и правосознанием трудовых низов^[1045].

Осознание этого факта актуализировало тревожные размышления о будущем российской деревни. Многие заговорили об анархии крестьянской жизни, погрузившейся в общинное болото, как о свершившемся вопиющем факте. Наибольшее беспокойство при этом вызывал вопрос о собственности, а точнее то, как он был решен творцами освободительной реформы 1861 года. Князь А.А. Бобринский в одной из записок начала 80-х подчеркивал:

«Суть дела в том, что царствование покойного императора основало в России две собственности:

собственность частную и собственность общинную и, породив вражду между этими двумя видами собственности, сочло нужным опираться на собственность общинную или социалистическую»^[1046].

Данный вывод неизменно развивался и аналогичными экспертными оценками. Вот, например, одна из них, принадлежавшая А.П. Никольскому – будущему Главноуправляющему землеустройством и земледелием в правительстве С.Ю. Витте:

«...В нашем отечестве образовалось два совершенно обособленных мира, которые живут бок о бок, входят между собой в разнообразные сношения, но живут каждый по-своему. Ничего подобного не представляет ни одна цивилизованная страна. Везде есть различия имущественные, классовые, везде есть известный антагонизм, но чтобы какой-нибудь отдельный класс общества имел другие гражданские законы, чем все остальные... такого нет нигде, и у нас этого тоже не было ни до крепостного права, ни даже во время крепостного права, гражданский оборот крепостных крестьян нормировался главным образом волею помещика, который жил в общем законе... а нынешний крестьянский коллективизм... будто бы воплощение исконно русских начал, есть создание пореформенной эпохи»^[1047].

Здесь обращает на себя внимание четкое осознание раздвоенности российской действительности. Конечно, это не было секретом и ранее, однако в данном случае речь идет о различии двух социумов, связанным с восприятием собственности, а не с этнографическими и культурными особенностями. Заметим, что в обоих приведенных выше мнениях своеобразие собственнических отношений трактуется как следствие пореформенного развития, не более того. Говоря иначе, те метаморфозы, которые деформировали создание гражданской общественной ткани, произошли как будто именно в это время; причем непосредственно по инициативе правительства, а точнее отдельных его членов. Однако правительственные реформы 1861 года, не смотря на

всю свою огромную значимость, не являлись и не могли являться отправной точкой процессов, во власти которых оказалась русская деревня. На самом деле возникновению пореформенных реалий предшествовал долгий путь, и отмена крепостного права послужила лишь катализатором для структурирования крестьянского социума, который уже давно обособленно существовал в лоне империи. Помещичью опеку в данном случае явно не следует воспринимать как единственный регулирующий фактор многогранной сельской жизни. Неужели юридически-правовой аспект крепостного состояния, о котором пишет А.П. Никольский, можно считать достаточным для того, чтобы говорить о целостности социального организма, который затем был разрушен авторами освободительной реформы?!

По нашему мнению, общественный разлом, произошедший с Россией и так беспокоивший вышеназванных авторов, не может обосновываться исключительно каким-либо конкретным экономическим событием, пусть даже таким значимым, как демонтаж крепостничества. Недостаточны будут для этого ни социальные, ни культурные факторы, чаще других обсуждаемые в научной литературе. Их в обязательном порядке нужно дополнить не менее глубокими конфессиональными причинами: расколе на сторонников патриарха Никона и приверженцев старого обряда, разбившихся на многочисленные толки. Именно религиозная сердцевина определяла экономический, социальный и культурный фактор этих общественных слоев, а никак не наоборот. Весь жизненный уклад каждой из этих конфессиональных общностей держался на религиозных опорах, идейное влияние которых во многом и определило социально-экономическое лицо двух разошедшихся ветвей православия. Вот в этом смысле можно сказать, что правительство, но только не императора Александра II, а царя Алексея Михайловича положило начало разъединению страны, приведшим к формированию различных социумов. Именно с тех пор их бытие – и победителей-никониан и побежденных-раскольников – стало протекать в параллельных мирах, редко пересекающихся между собой. Отмена крепостного права и устранение помещичьей опеки сделало намного более явной действительность (во всех смыслах), в которой находилось русское крестьянство, возвращенное на раскольниковей религиозно-идейной ниве. Но эта сторона мало привлекала просвещенные умы. С 80-х годов XIX

века религиозная составляющая уже не принималась во внимание (разве только в рамках этнографических исследований); ее изредка фиксировали лишь русские литераторы. Как было подмечено одним из них, для правящего класса народ-варвар является и одноплеменным, и одноязычным, и *«даже единоверным, хотя между их христианством и нашим – пропасть»*^[1048]. А вот, например, программы российских университетов и научных обществ, переполненные планами по исследованию крестьянства, не включали ни одного параграфа по изучению старообрядчества и его значения в жизни народных масс^[1049].

Между тем свидетельства тех, кто вышел из народных низов, неизменно указывали на раскольничью принадлежность русской деревни. Обратимся, например, к интересным воспоминаниям московского купца 2-ой гильдии Н.М. Чукмалдинова, родившегося в крестьянской семье близ Тюмени. Он писал, что в его родном селе Кулаковка большинство населения принадлежали к федосеевскому и филлиповскому согласию: хотя по церковным записям подавляющее большинство числилось православным. Сам Чукмолдинов обучался грамоте у одного филлиповского наставника, к которому его отвели родители^[1050]. Церковные обряды (крещение, венчание и т.д.) вся эта якобы синодальная паства исполняла только в случаях, когда никак не получалось от них уклониться: в реальной же жизни влияние местного духовенства на жителей оставалось практически незаметным. Для священников РПЦ все старообрядцы, значившиеся православными, составляли доходную статью, время от времени оплачивавшие пасторские номинальные труды^[1051]. А вот еще свидетельства о конфессиональной обстановке в крестьянских низах. Например, записи писателя Н.П. Белдыцкого, сделанные им в 80-х годы XIX века в Чердынском уезде Пермской губернии. В ходе поездки по ряду волостей автор беседовал с одним из местных сельских священников о. Дмитрием. Тот жаловался на слишком неприязненное отношение со стороны местного населения, которое в действительности оказалось в основном приверженцем беспоповского раскола. Церковь здесь посещается неохотно: *«стоят без всякого благоговения, а потом смеются»*. Таинств не признают, к священникам относятся непочтительно, считая их слугами антихриста. На вопрос – что же у них за вера? – отвечают: их вера христианская – лучше церковной^[1052].

Схожая ситуация наблюдалась и в Ковровском уезде Владимирской губернии. С середины 60-х годов в этой местности по метрическим книгам значилось только 284 старообрядца. И современные исследователи соответственно оперируют в своих трудах названной цифрой^[1053]. Однако по признаниям епархиальных священников Ковровского уезда:

«прихожане вообще тут ревнители мнимой старины и не смотря на пастырские увещевания они все знаменуют себя двуперстным перстосложением»^[1054].

То есть проблема соотношения официальной статистики и реального положения дел стоит здесь не менее остро.

«Русские ведомости» публиковали интересные наблюдения о раскольниках на Вятке. Автор статей описывал типичную ситуацию в одном из приходов Вятской губернии. В этой конкретной территории насчитывалось 5617 душ, из них раскольников по метрическим книгам значилось всего лишь 78 человек. Однако, как выяснилось, настоящими православными являлось менее 15% населения, да и те по признаниям местного духовенства «очень ненадежны»^[1055]. Основная масса же принадлежала к различным беспоповским толкам, одни именуют себя «даниловцами», некоторые «федосеевцами», другие «игнатьевцами». Причем в их взглядах религиозные воззрения старообрядчества перемешаны самым оригинальным образом с элементами суевериями. Объединяющим началом у всех выступает неприятие священства господствующей церкви, богослужебные обряды заменены простыми молитвами и чтением книг, причем наставники должны делать соответствующие разъяснения^[1056]. Кстати, наставником может быть всякий, кто обладает знаниями: он избирается общим собранием. Расколоучителя в повседневной жизни занимают место приходского попа, проводят свои крестины младенцев, хоронят умерших и совершают браки: они пользуются большим уважением, а потому что легко находят общий язык со всеми крестьянами. Раскольники высоко чтут государя, но к ближайшему начальству относятся в высшей степени скептически, даже враждебно, величают власти «кровопийцами», «живодерами», «антихристовым семенем» и т.д.^[1057]

Выше говорилось о крестьянских волнениях на рубеже конца 70-х – начала 80-х годов. Подчеркнем, по официальным документам конфессиональную принадлежность крестьянства определить крайне сложно, о ней просто не упоминается. А вот в отдельных случаях привлечение дополнительных сведений позволяет прояснить что же представляло собой крестьянство в религиозном отношении. Например, в волостях Орловского уезда Вятской губернии летом 1880 года произошли крупные беспорядки, связанные с работой землемеров, проводивших межевание угодий. Необходимость направления войск и продолжавшееся неповиновение крестьян привлекли внимание правительства. На архивном хранении находится целый том переписки различных должностных лиц относительно данного случая^[1058]. К счастью, этот эпизод получил освещение в петербургском издании «Голос», чей сотрудник вместе с чиновниками из столицы побывал в мятежном вятском уголке. Появившаяся публикация рассказала о перипетиях волнений, вместе с тем, не пренебрегая мелкими и ценными деталями. Их суть такова: крестьяне сильно настроены против местного и столичного чиновничества, постоянно находятся в ожидании какого-то подвоха с их стороны. В то же время они убеждены в существовании указа царя *«старину не ломать, рук не давать»* (т.е. не подписывать никаких документов - А.П.), а кто поступит иначе, тот отойдет к чиновникам, министрам или будет записан под Синод! Между населением также циркулируют обильные слухи, что всех хотят подписать под антихриста; этих предубеждений не в состоянии опровергнуть никакая сила, всякого, кто попытается разубедить в этом сочтут за подосланного^[1059]. Очевидно, материал корреспонденции позволяет говорить о том, что помимо забитости и безграмотности определяющим мотивом такого поведения вятских крестьян являются соответствующие староверческо-религиозные воззрения. Подобные свидетельства имеют весьма важное значение, поскольку проливают свет на реальное конфессиональное лицо русского народа. Как видно, это лицо, сформированное под воздействием различных раскольничьих течений, было весьма далеко от официальных представлений о нем. Заметим, на это указывали известные сенаторские ревизии, проведенные в 1881 году в великорусских регионах страны. Так, ревизия И.И. Шамшина в Саратовскую и Самарскую губернии констатировала постоянное

усиление раскола и настоятельно рекомендовала заняться законодательной базой его регулирования, дав справедливое удовлетворение нуждам староверов^[1060]. О значительном числе раскольников разных толков сообщает и ревизия сенатора С.М. Мордвинова в Воронежскую и Тамбовскую губернию, добавляя, что их количество установить просто не представляется возможным, поскольку они неохотно регистрируются в установленных метрических книгах^[1061].

Но тем не менее такие выводы являлись исключением; с 80-х годов XIX столетия общественность перестала видеть в русском крестьянине старовера. В любопытных записях одного интеллигента о селе, поработавшего волостным писарем, содержится рассказ о том, как священник настаивал на обряде венчания и, соответственно, записи в метрической книге, а мужик не менее настойчиво откупался от этого удовольствия. Не видя в этом никакой религиозной подоплеки, автор трактовал эпизод как свидетельство корысти сельского духовенства, которое за мзду готово нарушить закон^[1062]. Хотя, несомненно, причины здесь лежали совсем в иной плоскости: в нежелании мужика иметь дело с господствующей церковью. Разумеется, мимо конфессиональной идентификации прошли и советские историки. В своих обстоятельных трудах они оперировали понятием православия вообще. Показательны в этом смысле монографии советской исследовательницы Л.И. Емельях, занимавшейся религиозной проблематикой предреволюционной России. Изученные епархиальные материалы начала XX века позволили автору сделать вывод о масштабном падении в крестьянской среде интереса к РПЦ. С 1905 года не было ни одного отчета, где бы епископы не жаловались на нежелание населения исполнять христианские таинства; количество избегающих исповеди резко возросло. Однако всю эту обширную работу венчал такой вывод: упадок религиозности в массах стал, главным образом, следствием неутомимой и эффективной пропаганды большевиков, которые развеивали религиозный дурман^[1063].

Конечно, в советское время какая-либо иная публичная трактовка этих фактов была попросту невозможна. Удивительно, что и в современной – постсоветской – ситуации для исследователей все осталось по-прежнему. Конечно, отпала необходимость оценивать

каждое историческое событие с точки зрения успешной деятельности большевистской партии; вводятся в оборот новые пласты документов; уточняются оценки народной религиозности – но качественно иного осмысления материала пока не происходит. Приведем в пример современную монографию о крестьянстве Поволжья последних дореволюционных десятилетий. В ней приведен такой факт: умирающий тридцатилетний мужчина признается пришедшему священнику, что ни разу в жизни не являлся на исповедь. Автор подчеркивает, что перед нами не исключение: по уездам Самарской губернии от 35% до 50% населения никогда не исполняли христианского долга^[1064]. И это совсем не удивительно, если вспомнить о том, какое именно крестьянство преобладало в Поволжском регионе, и о том, что в староверческой среде посещение приходов РПЦ считалось поступком не очень почетным. После провозглашения Манифеста о веротерпимости от 17 апреля 1905 года разные староверческие толки просто перестали обращать на нее внимание. Однако логичного обращения автора монографии к староверческой теме мы не наблюдаем; вместо этого снова читаем о падении нравственности среди населения, не посещавшего храмы, и т.д. Или возьмем другое интересное исследование о крестьянской повседневности в дореволюционную эпоху. Автор убедительно показывает, как религиозность русского крестьянства центральных губерний выражалась в деревенских традициях, в ведении сельскохозяйственного труда. Анализу подвергаются остатки языческих верований, включая различные суеверия. Вот только староверие и тут остается за рамками исследования: его как бы просто не существует, даже само слово старообрядчество не встречается на страницах монографии, посвященной русскому крестьянству^[1065].

Для современных ученых выяснение конфессиональной природы русского крестьянства должно переместиться в центр исследований. Это позволит им качественно продвинуться в понимании тех многосложных процессов, которые происходили в русском обществе. Мы отдаем себе отчет в сложности такой задачи, и прежде всего – с точки зрения источниковой базы. Как известно, религиозная идентификация раскольников с 1874 года определялась специальными метрическими книгами; вплоть до 1905 года их вела полиция. Однако, как признавали сами власти, число рождений, браков и смертей

староверов, отраженных метрическими книгами, не превышало одного процента^[1066]. Кстати, посещение крестьянами приходов господствующей церкви тоже еще не свидетельствует об их истинной религиозной приверженности: многие староверческие толки безразлично относились к исполнению треб православными священниками. Например, последователи крупного спасова согласия легко совершали браки и крещения в РПЦ, но едва ли могли считаться ее верными прихожанами^[1067]. Очевидно, что в крестьянских низах четкой конфессиональной грани просто не существовало. Поэтому, к примеру, в Нижегородской губернии раскольников по официальным документам насчитывалось лишь 5,3%, а уездные благочинные в один голос сетовали на приверженность большинства паствы к употреблению двуперстия, к иконам с двуперстным сложением, жаловались на широкое использование псалтырей дониконовской печати^[1068]. Иными словами, прояснение реального конфессионального лица русского крестьянства, а значит, и народа – задача настолько трудная, насколько и необходимая.

В этом контексте весьма перспективной представляется мысль о взаимосвязи староверчества и общинного уклада пореформенного крестьянства. Интересно, что С.Ю. Витте, являвшийся в начале своей карьеры страстным поборником общины, приводил в ее защиту любопытный довод. В 1893 году он говорил о старообрядцах – верных сынах родины, – которые наиболее полно выражают общинный дух, чем собственно и олицетворяют подлинную связь с русским государственным началом. А вот всякая там «штунда», по убеждению Витте, распространяется вне общинной России и тем самым являет собой ярко выраженный антигосударственный характер^[1069]. Но помимо виттевских откровений, стоит обратить внимание на важное обстоятельство: пастырские стратегии синодальной церкви слабо состыковывались с общинной практикой, которой была проникнута кровь и плоть народа. Официальная церковь, как правило, обращалась к личности, свободной и ответственной в своих поступках. Неслучайно попытки наладить хоть какую-то приходскую жизнь всегда оказывались неподъемными для духовенства никониан. В социальном же плане синодальная церковь стояла на незыблемых охранительных позициях правящего класса. Невозможно, например, представить, что она одобряет раздел барских земель в соответствии с

общинными принципами^[1070]. С другой стороны, крестьянин как член общины был ориентирован на коллективное сознание, выразителем которого являлся сход; личность общинника с его интересами как бы растворялась в коллективной воле. Чаяния народных низов имели религиозную окраску и были связаны с ожиданием конца мира и водворения правды на земле, которая равномерно распределится между теми, кто на ней работает.

А в наиболее концентрированной форме эти воззрения существовали именно в старообрядческой среде. Собственно, подобные радикальные ожидания и составляли идейно-эсхатологическую суть староверия^[1071]. Например, в начале XX века среди крестьян было широко распространено «Сказание» о том, как Христос вывел из ада всех бедных, оставив там богатых. Этот документ, вышедший из старообрядческих слоев, проникнут ненавистью к власти имущим: это они совершили все мерзости нашего света и это они повинны в грехах народа^[1072]. Такое творчество вполне могло привести к тому, что в 1905 году крестьяне заставляли священников по несколько раз служить панихиду по Стеньке Разину^[1073]. Очевидно, насколько сам дух подобного идейно-религиозного фона противоречил практике синодального клира. Религиозные устремления российских верхов и части народных низов, несмотря на внешнюю принадлежность к православию, существенно разнились, поскольку обслуживали диаметрально противоположные экономические интересы^[1074].

На протяжении всего пореформенного периода власти видели в общинном институте надежный механизм для предотвращения социальных катаклизмов, а сохранение спокойствия в огромном крестьянском мире считали первоочередной своей задачей. Незадолго до 1905 года глава МВД В. К. Плеве разъяснял, что действия интеллигенции, выпады террористов не способны поколебать государственных устоев, а «революционная деятельность может грозить опасностью лишь в том случае, если она переносится в область сельскохозяйственной жизни»^[1075]. Ситуация в ней начала заметно меняться к началу XX столетия. После реформы произошло резкое увеличение численности населения, что объективно вело к измельчанию земельных наделов: с 4,83 десятин на мужскую душу в 1861 году они сократились к 1880-му до 3,55 и к 1900-му – до 2,59

десятин^[1076]. А ежедневный бюджет крестьянина к XX веку составлял мизерную сумму в 15 копеек^[1077]. Конечно, и в конце 80-х годов XIX столетия сельское население было не намного богаче, но тогда выход виделся в укреплении общины, что давало возможность поддерживать общее благосостояние. Теперь же оскудение села произошло на совсем ином фоне; невиданный в России промышленный подъем второй половины 90-х кардинально изменил экономическую обстановку страны. Следствием чего стало возникновение серьезного дисбаланса между увеличивавшейся товарной массой и емкостью внутреннего российского рынка. В результате индустриальная идиллия дала серьезный сбой уже в начале XX века: огромные запасы промышленной продукции оставались нереализованными. Кризис перепроизводства повлек за собой огромные убытки недавно процветавших акционерных обществ. В бюрократических кругах экстренно приступили к выяснению причин создавшегося положения. Оценки чиновничества и экспертов были единодушными: в расчет не была принята низкая покупательная способность населения, главным образом крестьянства. Как отмечали «Русские ведомости», именно в этом, а не в ситуации на западных рынках, нужно искать настоящую разгадку кризиса^[1078]. В данной связи заметно актуализировались размышления о причинах, приведших к оскудению деревни, а с ними напрашивался логичный вопрос: возможно ли ожидать материального прогресса от крестьянства при существовавшей системе регулирования земельных отношений?^[1079] Отсюда общинные порядки, пестовавшиеся много лет, в глазах властей стремительно утрачивали былую привлекательность. А магистральным путем подъема земледелия по примеру промышленности объявлялась индивидуальная инициатива, личный интерес в купе с гражданским развитием села. В новых экономических условиях правящие сферы взяли на вооружение именно такой подход. Тем более, что начавшиеся аграрные беспорядки весны 1902 года заметно добавили негатива в отношении общины.

О формировании нового курса в аграрной сфере дают представление дебаты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1903-1905 годах. Общину перестали рассматривать как эффективный инструмент социально-экономического развития, а надежным оплотом государственной

политики на селе был назван частный собственник; именно на возвращении этого фаворита сконцентрировалась власть. Председатель комиссии С.Ю. Витте (теперь уже в образе ниспровергателя общины) призвал не обращать внимания ни на какие сомнения, считая, что приоритет частной собственности не подлежит обсуждению в принципе. Он прямо заявил об ущербности правового нормотворчества, оперировавшего понятием семейно-трудовой собственности^[1080]. Другие высказывались более осторожно и, находя проблему довольно запутанной, сомневались в том, что крестьянин-общинник способен адаптироваться к частнособственнической психологии и перестроить в соответствии с ней все свое бытие. Например, известный специалист по аграрному вопросу А.А. Риттих ссылаясь на научные споры о роли трудового начала в хозяйственной практике крестьян. Некоторые ученые оценивали ее как определяющую, другие же признавали приоритет гражданского права, а разговоры о трудовом начале и каком-то обычном народном праве квалифицировали как несерьезные^[1081]. На наш взгляд, все точки зрения правомерны, так как в пореформенное время крестьянство не было однородным. Конечно, община функционировала, исходя из собственных представлений о жизни и старых обычаях. Однако зажиточный элемент быстро начал ориентироваться на законодательство, обслуживающее частную собственность, находя в этом законную возможность сохранения и приумножения появившегося у него «добра». Иными словами, вопрос состоял не в том, кто из ученых ближе к истине, а в том – какая модель хозяйственной жизни села станет базовой. В ходе совещания прозвучало мнение, что:

«упразднение этого обычного порядка (т.е. обычного народного права. – А.П.) может произвести недовольство во всей стране. Недовольны будут 80 млн. сельского населения России»^[1082].

Но подобные предостережения уже не принимались во внимание. Выработанные подходы к возвращению частного собственника довелось воплощать уже не С.Ю. Витте, а другой надежде России – П.А. Столыпину.

Тем не менее, как показала жизнь, значительная часть крестьянства явно не собиралась кидаться в объятия наступавшего капитализма. Вместо того чтобы встроиться в систему частного владения, массы действовали в русле своих традиционных представлений об изъятии земли в общинное пользование, считая это проявлением подлинной, высшей справедливости. Крестьянские сходы выносили такие приговоры:

«Мы теперь много уже поняли, что Бог творил нас равными. Земля-то Божья, никто поэтому не может сказать: это, мол, моя земля... Бог сказал: живи трудом рук своих, и мы хотим жить по-божески. Мы не хотим и сами жить чужим трудом и не хотим, чтобы другие жили нашим трудом. У нас есть разум, и нужно его не затемнять, а развивать, чтобы знать, что и как творится на свете, отчего одни люди, ничего не делая, живут в праздности и роскоши, а другие работают всю свою жизнь как скотина»^[1083].

Такие рассуждения повергали в шок помещиков. Дворянство кричало о неприкосновенности частной собственности: на этом покоится вся человеческая цивилизация; собственника можно ограбить, убить, но лишить права владения невозможно^[1084]. В этом истеричном хоре выделялась следующая мысль:

«...Что бы ни говорили немецкие ученые социалисты... в народе существует стремление взять чужую собственность, независимо от того, что говорит Маркс. Если вы о нем им расскажите, они только расхохочутся и возьмут то, что им желательно взять»^[1085].

Настроения народа, становясь источником разочарования для одних, вызывали небывалый энтузиазм у других. Речь идет об эсерах, справедливо считавших, что без крестьянства невозможно нанести мощный удар по режиму. Откликаясь на начавшееся брожение села, партия решила вновь попытать счастья на традиционной народнической ниве. В конце 1904 года эсеры приступили к созданию боевых дружин для борьбы крестьян с эксплуататорами. При этом они

откровенно призывали пристраиваться к развернувшемуся как раз в то время аграрному движению, чтобы разъяснять крестьянам их перспективы. Как это происходило на практике, показывает отрывок из перлюстрированного письма одного агитатора:

«Я сейчас в местечке Т., окруженном деревнями, в которых около 30 тыс. крестьян. Неведение здесь царит страшное. Крестьяне не понимают даже азов, и будет трудно проводить программу социал-революционеров... но оказывается, что, несмотря на непроходимую тьму, крестьяне сильно возбуждены против графа П., владеющего массой земли»^[1086].

Да, действительность была такова: темная мужицкая масса с вековой жадой земли приходила в движение, не дожидаясь чьих-либо указаний. Эсеры пытались влезть в аграрное движение, например, через учреждение Всероссийского крестьянского союза, однако эта организация широкого влияния не получила^[1087]. Заметим, что региональные отделения Союза возглавлялись не крестьянами, а все той же радикальной интеллигенцией. Как, например, в Саратове, где в руководстве оказались хорошо известные полиции личности: два бывших учителя и один сотрудник губернской земской управы^[1088]. Либеральные устремления интеллигенции, набравшие силу в это время, тем более оказывались бесплодными. Так, князь П.Н. Долгоруков выезжал в волости Московской губернии знакомить местных крестьян с идеями и планами его круга. Однако те не вняли речам князя, особенно изумившись предложениям о равноправии русских с евреями, армянами и др.^[1089] Либеральная риторика из уст общественных деятелей, далеких от крестьян и известных им в качестве ненавистных помещиков, не могла вызвать доверия. Поэтому приходится согласиться с дореволюционными исследователями, утверждавшими, что «масса крестьянского населения оставалась совершенно в стороне от либеральной агитации», включая «либеральную весну» 1904 года^[1090]. Крестьянские волнения разворачивались по своей внутренней логике, вне либерального контекста: за 1905 год в стране было зарегистрировано 3228 бунта, тогда как еще недавно – в 90-х годах XIX века – фиксировалось всего

по 57 выступлений ежегодно^[1091]. В 1905 революционное брожение в городах воспринималось в деревне крайне своеобразно. Например, крестьяне, громившие имение княгини Юсуповой и намеренные безвозмездно пользоваться ее угодьями, свои действия объясняли не иначе как помощью царю в отборе земель у помещиков^[1092]. В октябрьской железнодорожной стачке мужики черноземной полосы также видели *«помощь, оказываемую крестьянам будто бы в их борьбе с помещиками»*^[1093].

Все эти настроения крестьянских масс в концентрированном виде проявились в ходе работы первой Государственной думы, где крестьянство было представлено большой (свыше ста человек) группой трудовиков. Народные чаяния, накопившиеся за долгие десятилетия, звучали с думской трибуны. Решение аграрной проблемы стало основной задачей для нового законодательного органа. Правительство стремилось вести обсуждение в желательной для власти тональности. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин четко обозначил правительственный курс в данной сфере; его доклад надо признать безупречным в экономико-правовом плане. Провозглашалась, со ссылками на международную практику, незыблемость частной собственности на землю. Обосновывался фактор производительности: если распылить крупные владения, то на селе будут подорваны наиболее передовые хозяйства. Подчеркивалась неэффективность уравнительного землепользования: оно снизит покупательную способность населения и приведет к глубокому кризису промышленности. Кроме того, бороться с малоземельем предлагалось посредством переселения и покупки земли через крестьянский банк и т.д.^[1094] Однако набор этих аргументов не успокоил, а, наоборот, озлобил крестьянских представителей: они не собирались вести свою хозяйственную жизнь на основе частной собственности. Народные депутаты огласили свою программу разрешения земельного вопроса (т.н. проект 104-х), которая стала ответом на правительственную декларацию. Как известно, трудовики выступили за безусловное отчуждение всех частных помещичьих угодий: ведь 30 тысячам помещикам европейской России принадлежало столько земли, сколько 10,5 миллионам беднейших селян^[1095]. Земля должна принадлежать только тем, кто на ней трудится; земля не должна служить инструментом эксплуатации одних

людей другими; земля не может быть заложена, завещана или продана: *«Это основное начало вычитано нами не из книг – оно живет в душе всякого крестьянина»* – подчеркнул один из трудовиков^[1096]. Не забыли крестьяне и о выкупных платежах, требуя вернуть миллионы, на протяжении десятилетий выколачиваемые из народа^[1097]. Причем особенное негодование народных ораторов вызывали заграничные рантье, стригущие купоны с русских земельных бумаг^[1098]. Неприятие самой мысли о частной собственности на землю было настолько острым, что крестьянский представитель Симбирской губернии предостерегал:

«Если бы нужно было отправить на Волгу законопроект на основе частновладельческого хозяйства, пришлось бы также отправить 400 тыс. солдат, чтобы завоевать приволжские провинции и привести их снова под эгиду Российской империи»^[1099].

Естественно, вокруг аграрного вопроса выстраивали свою политику все появившиеся тогда партии. У трудовиков сразу нашлись помощники в лице кадетов и эсеров. Последние хотя и бойкотировали выборы и не участвовали в работе первой Думы, взяли на себя миссию по наставлению крестьянских депутатов. Однако с идейной опекой вышло все не так, как хотелось бы лидерам социал-революционеров. Специально для группы партия подготовила проект решения земельной проблемы, так называемый проект 33-х. Однако трудовики большинством голосов решили не давать хода «интеллигентскому детищу» и не передавать его в аграрную комиссию Думы. В отношениях между фракцией и эсерами возникло напряжение, лидеры социал-революционеров начали оспаривать право группы представлять крестьянство^[1100]. Отношения трудовиков с кадетами также складывались не без шероховатостей. Конечно, крестьянские депутаты согласовывали свои действия с крупнейшей думской фракцией, но кадетский земельный проект восприняли настороженно, поскольку о крупном землевладении в нем говорилось обтекаемо, и явно была оставлена возможность его сохранения. Народные депутаты критиковали кадетских деятелей, ставя под сомнение их право выступать от имени крестьянства^[1101]. В письмах одного трудовика

домой постоянно говорится о недалеком разрыве с кадетами, «потому что они все больше из помещиков, их в думе больше»^[1102]. Вместо того чтобы решительно расчищать землю, которую «загадили частной собственностью», партия народной свободы (кадеты) увлекается дебатами, а «нужно ораторов убавлять» и добиваться, «чтобы земля была вся Царско-Казенно-Народная... чтобы никто не имел собственности»^[1103]. Главным образом крестьянские депутаты занимались ходаками, нахлынувшими в Думу. Простое население расценивало этот законодательный орган в качестве высшего присутственного места, куда можно обращаться по всем делам. Трудовики проводили их в зал и усаживали в депутатские кресла, откуда их потом с трудом выдворяли думские службы^[1104].

В короткий период работы второй Государственной думы в 1907 году напряженность вокруг аграрного вопроса только усилилась. Декларация правительства, с которой выступил П.А. Столыпин, была более яркой, чем речь И.Л. Горемыкина в предшествующей думе, но на деле мало что добавляла нового^[1105]. Очевидцы передавали, что на крестьянских депутатов она «произвела страшно тягостное впечатление»^[1106]. Однако кадеты, напротив, встретили выступление нового премьера с удовлетворением и надеждами, рассматривая его в качестве основы для законодательной деятельности. А кадетские лидеры заговорили о желании правительства найти общий язык с думой^[1107]. В аграрном вопросе партия народной свободы постепенно дистанцировалась от требования безвозмездной передачи земли крестьянству. Так, уже Н.Н. Кутлер рассуждал не о даровом отчуждении, а о необходимости справедливой оценке наделов, по которой следовало бы производить их выкуп у помещиков. Как он уверял, идти на уничтожение земельных владений нельзя: ведь тогда непонятно как же быть с другими видами собственности^[1108]. Подобные разговоры вызвали на заседаниях взрыв негодования крестьян: в адрес кадетов посыпались откровенные обвинения в антинародной позиции. Вот наиболее спокойное:

«Было время, когда мы слушали вашего голоса, но вы нас завели в такую пропасть, в такую пустыню, откуда нет другого выхода, – как только с голоду умирать или прогнать

этих пастырей, да самим идти на вольный простор свободной жизни...

Партия народной свободы совершенно отказывается от справедливого решения коренного аграрного вопроса, она стремится только к практичности аграрной реформы»^[1109].

Нередко звучали и реплики с откровенными угрозами. Как, например:

«дворянство у русского мужика состоит в громадном неоплатном долгу. Я сейчас заявляю об этом, и мы будем еще иметь счета с нашим врагом»^[1110].

Ход работы второй думы наглядно демонстрировал, насколько расходились интересы либеральных кадетов и народных представителей в их противостоянии с правительством.

Вообще, наиболее привлекательными для народа в тот период были не либерально-конституционные и даже не революционные, а правые организации, с их православно-монархической идеологией. Причем, судя по документам, представители крестьянских низов, принимавшие участие в работе различных форумов правых обычно идентифицировали себя как старообрядцев. Ничего подобного не наблюдалось при контактах крестьян с теми же кадетами или октябристами, у которых определяющее значение имела веротерпимость, а не конфессиональная принадлежность^[1111].

Программа правых, напротив, провозглашала православие господствующей верой Российской империи, *«не делая в Православии никакого различия между представителями старого и нового обряда»*^[1112]. Очевидно, что привычная религиозная практика, в отличие от размытой веротерпимости, отвечала коренным потребностям простых людей, которые охотно позиционировали себя не просто как приверженцев старой веры, но как защитников русских традиций от либерально-конституционных веяний. Многочисленные адреса и обращения старообрядцев к верховной власти подтверждают это. Возьмем типичный пример – адрес от 2000 староверов Ковенской губернии. Наследники Сусанина (как они сами себя называли) гневно клеймили смуту *«как злую болезнь, вкравшуюся в наше русское*

Государство, которая на святой Руси мешает ведению правильной жизни», и выражали свою готовность к борьбе с внутренними и внешними врагами, напоминая, что «Минин и Пожарский ни университетов, ни гимназий не знали, а за святую Русь крепко держались»^[1113]. На собраниях старообрядцев провозглашалась господствующая роль русского народа в государственной жизни, раздавались требования объявить евреев иностранными подданными и лишить их права участия в Государственном совете и Государственной думе, в городских и земских учреждениях; сама же Дума рассматривалась в качестве совещательного органа при монархе^[1114]. Такую же позицию занимали старообрядцы на форумах правых сил. Так, с трибуны III Всероссийского съезда русской земли они изливали потоки верноподданнических речей, испытывая особую гордость за то, что никто в их рядах не позволял себе крамольных идей и выпадов против отчества (за исключением одного негодяя – убийцы Плеве – Сазонова, который проклят истинно русскими людьми)^[1115].

Напомним: эти патриотичные старообрядцы были простыми крестьянами, с типичными потребностями и социальными устремлениями. А лидеры правых сил из числа монархически настроенных аристократов и дворян принадлежали к прослойке богатых землевладельцев и были убеждены, что «нарушение прав собственности неизбежно вызовет неуверенность в завтрашнем дне, упадок бодрости духа и предприимчивости»^[1116]. Прекрасно понимая абсурдность ситуации, они, продолжая декларировать неприкосновенность частной собственности, не менее уверенно рассуждали о преодолении крестьянского малоземелья, о продаже наделов крестьянам по доступным ценам за счет добровольного выкупа земли у владельцев с компенсацией разницы государством и т.д.^[1117] Не беремся сказать, вдохновили ли крестьян такие перспективы, да и вообще, мог ли хоть кто-то серьезно отнестись к подобным планам, включая самих авторов. Определенно одно: несовместимость коренных интересов невозможно было преодолеть, апеллируя лишь к истокам веры и призывая к единению во имя будущего. Жизнь требовала ответа: неприкосновенность земельной собственности или отчуждение частных земель в пользу неимущих.

В монархическом лагере сложилась парадоксальная ситуация: все без исключения патриоты воспринимали императора как царя-

батюшку и единственного заступника за его верных подданных. Только помещики ожидали, что монарх защитит от посягательств их земельную собственность, а крестьяне стремились к ее перераспределению из частного пользования в общинное. Это противоречие особенно ярко проявилось в октябре 1906 года, на Третьем форуме правых, во время которого несколько существующих структур должны были слиться в одну крупную православно-монархическую организацию. При этом все понимали, что объединиться на основе программы, подготовленной видными деятелями правых, невозможно^[1118]. Рядовые участники предлагали свои варианты; один из них, отвечая на упреки в некомпетентности, заявил, что программа предназначена не для приват-доцентов, а для русского народа, *«который ни малейшего понятия не имеет, что такое платформа, помимо разве той платформы, что возят жида мебель на дачи»*^[1119]. Поучения, адресованные крестьянским представителям, вызывали у них раздражение^[1120]. Все это вынудило В.М. Пуришкевича выступить за сохранение статус-кво:

«Силы ума пусть централизуются вокруг Русского собрания (элитная организация монархического дворянства – А.П.). Темные же народные силы – группируются вокруг Союза Русского народа. Для русского дела признаем, что соль ума в Русском собрании, а силы народные – в Союзе Русского народа и Всенародном русском съезде»^[1121].

Крестьянский проект, будучи неотъемлемой частью общественного подъема начала XX столетия, в корне отличался от проектов либерально-конституционных. Первый опирался на вековые традиции, наиболее полно отвечавшие представлениям простых русских людей об устройстве общественной жизни. Либерально-конституционные проекты основывались на трансформации и утверждении в российской практике образцов, выработанных европейской политической мыслью. Их идеи оставляли равнодушными народные массы, явно предпочитавшие национальные монархическо-православные принципы принципам универсально-либеральным, – и этот настрой хорошо улавливала власть.

Правительство на протяжении долгого времени именно крестьян считало надежным оплотом самодержавного государства и потому стремилось законсервировать народный уклад жизни. Вместе с тем оно практически не интересовалось тем, как функционирует община – этот самой историей сформированный институт. Первые серьезные сведения были получены благодаря отечественной науке и публицистике лишь в конце пореформенного периода (в 1880-1890-х годах). Оказалось, что крестьяне по-своему понимают экономические процессы. Так, отношение к собственности базировалось у них не на римском праве, как в любом цивилизованном обществе, а на обычае, руководствовавшимся трудовым началом. Этот специфичный взгляд лег в основу крестьянского движения, развернувшегося в начале XX столетия. Целью крестьянских бунтов был захват земель помещиков и кулаков; при этом бунтовщики апеллировали к самодержавию, с помощью которого рассчитывали перераспределить собственность на основе общинного пользования. Такая социальная программа оценивалась ими как подлинно справедливая и, разумеется, никак не состыковывались с программами буржуазных партий, которые не могли согласиться с попранием принципов собственности. С другой стороны, идея отчуждения частных земель – за что ратовали революционные организации – также не пользовалась популярностью у крестьянства, поскольку ему пока еще были малопонятны республиканские механизмы решения проблемы.

Глава пятая

Развязки последнего десятилетия

1. Конкурентная несостоятельность.

Общественные потрясения начала века завершились созданием в России законодательной думы с монархией во главе, то есть компромиссом между правящим режимом и противостоящими ему силами. Произошедшая при этом корректировка думского лица (т.е. новый закон о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 года) явилась ключевой частью договоренностей сторон. Для многих представителей общественных кругов, включая и различных оппозиционеров было характерно мнение, что торгово-промышленная буржуазия больше других сумела воспользоваться результатами мощного общественного подъема начала века. Например, социал-демократы – активные участники революции – именно буржуазию, а не дворянство рассматривали в качестве конечного бенефициара 1905 года. В воззвании «Что представляет собой воцарившийся политический строй после революции 1905-1907 годов» прямо указывалось:

«Если раньше для самодержавного бюрократического режима крупная буржуазия была служебным средством, которое он старался использовать, то теперь эта буржуазия из средства превратилась в цель, из любимого слуги – в признанного руководителя».

Она стала законным членом олигархии, теперь «составленной из династии Романовых, Морозовых и Кнопов», получая «всю полноту даваемых бюрократией выгод»^[1122]. Правда, в этом документе, имевшем резкую антибуржуазную направленность, по-прежнему не проводилось различие между двумя основными группами российской буржуазии – петербургской и московской – и их интересами: обличительный запал явно не способствовал объективности анализа.

Вместе с тем после революции 1905-1907 годов, т.е. в условиях нового политического формата, кардинально положение этих буржуазных группировок не изменилось. Московская купеческая группа стремилась использовать появление законодательного органа власти, чтобы укрепить свои экономические позиции. Укреплять его

она жаждала, как водится, с получения доступа к бюджету государства – наиболее крупному источнику для максимального быстрого обогащения. Примеры того, как оперировали казенными средствами в Петербурге, лишали душевного покоя уже не одно поколение московской купеческой элиты. Учреждение Думы открывало очевидные возможности законодательного влияния на бюджетный процесс. Она рассматривала и утверждала сметы всех правительственных ведомств, руководство которых теперь было вынуждено обосновывать свои запросы, испрашивая согласия депутатов на те или иные суммы; конечно, это становилось предметом серьезного торга. Первая и вторая Думы не успели дожить до этого часа, да и заинтересованных в финансовых дебатах лиц там оказалось немного. Законодатели третьего созыва смогли наконец сконцентрироваться на бюджетных вопросах. А концентрироваться, надо сказать, было на чем: поражали, прежде всего, стремительно растущие объемы российского бюджета: если в 1897 году его доходы составляли около 1,5 млрд рублей, то за следующие десять лет они увеличились на целый миллиард; еще через пять лет, т.е. к 1913 году, бюджетные поступления возросли еще на миллиард – до 3,5 млрд рублей^[1123]. Такие масштабы стали следствием того, что государство контролировало в российской экономике целый ряд ключевых позиций: монополии (свыше 25% доходов давала только винная монополия), 70% всех железных дорог, огромный земельный и лесной комплекс. К тому же в ту эпоху власти не несли серьезных социальных обязательств перед населением. Все эти обстоятельства превращали российскую казну в наиболее крупный источник финансовых средств, особенно в глазах тех, кто еще в недостаточной мере ими пользовался.

Правительство хорошо осознавало, на чем среди множества планов и дел не замедлит сосредоточиться Дума. Еще Указом от 8 марта 1906 года были предусмотрительно утверждены правила рассмотрения бюджета в новом законодательном органе, согласно которым около 40% всех расходов исключались из ведения законодателей: их нельзя было менять и сокращать^[1124]. Третья дума сразу столкнулась с этим препятствием, вызвавшим бурю негодования избранных народа. Собственно, все жаркие прения по бюджетной росписи неизменно вращались вокруг этой темы. Так, октябрист А.В. Еропкин напоминал, что государственная роспись является счетом,

который правительство обязано обосновать, а дума должна проверить, но навязанные думе правила делают проверку попросту неосуществимой^[1125]. П.Н. Милюков указывал на бронирование статей, относящихся к операционным расходам по монополиям, казенным железным дорогам и т.д., из-за чего львиная доля бюджета по-прежнему находится исключительно в руках чиновников. Законодателям не предоставлялся целый ряд крайне важных документов, в том числе кассовый отчет Министерства финансов, годовой отчет Госбанка, отчеты Дворянского и Крестьянского банков. В этих условиях, по убеждению лидера кадетов, роль думы в бюджетном процессе сводилась к нулю^[1126].

Министр финансов В.Н. Коковцов совсем не разделял подобных настроений. Отражая критические выпады, он хладнокровно пояснял, что столь нелюбимые депутатами правила на самом деле предоставляют им немало созидательных возможностей, в то же время преследуя еще одну не менее благую цель – они оберегают бюджет от скоропалительных инициатив. Главный финансист империи убеждал:

«Перекраивать ничего нельзя. Этим можно достигнуть только одного – расшатать порядок в государственном управлении, а без сохранения порядка в управлении не может быть и благоденствия в стране»^[1127].

Политика же правительства абсолютно верная, поскольку позволяет добиваться превышения доходов над расходами, что и свидетельствует о здоровье экономики. Свои доводы В.Н. Коковцов чередовал с намеками на некомпетентность депутатского корпуса, который только-только соприкоснулся с предметом в высшей степени сложным. Характерно и прямое напоминание об ответственности за ход бюджетного процесса^[1128]. Провозглашенный подход не замедлил воплотиться в практику: правительство оставило без внимания около 130-ти постановлений и пожеланий, высказанных законодателями в ходе первой сессии 1908 года^[1129].

После такого «сотрудничества» дума кинулась оспаривать правила рассмотрения бюджетной росписи, подготовив законопроект по расширению своих прав. Министерство финансов, со своей стороны, всячески препятствовало его прохождению, что вызывало

раздражение у московского купечества и их союзников. Орган деловой Москвы «Утро России» писал:

«До тех пор, пока не будут устранены хотя бы главные несообразности правил 8 марта, до тех пор обсуждение нашего бюджета будет иметь какой-то ненормальный характер, противоречащий не только духу конституционализма, но и самым насущным интересам налогоплательщиков государственных налогов»^[1130].

После долгих обсуждений, 12 мая 1911 года законопроект все же был принят.^[1131] Однако затем Государственный совет благополучно отверг думскую инициативу. В результате оппозиционным лидерам нижней палаты оставалось лишь атаковать власть неудобными вопросами по произведенным субсидированиям. Например, из каких средств выделялись крупные займы Болгарии, Китаю, Персии, о чем, ссылаясь на правительственные источники, информировала пресса. Или как расходуется бюджет Александровского комитета помощи инвалидам войн, возглавляемого великим князем Михаилом Николаевичем: по несколько десятков миллионов рублей ежегодно выделялось без отражения в росписи и осваивалось канцелярией комитета под покровительством престарелого царского родственника^[1132]. Повисали в воздухе и настойчивые попытки внести ясность в деятельность ключевого подразделения Министерства финансов – Особенной канцелярии по кредитной части^[1133]. Такая обстановка царила на всех сессиях думы вплоть до военного периода. Правительство без особого труда отбивалось от подобных нападков, и разочарование оппозиционно настроенных депутатов от участия в бюджетном администрировании росло. В 1913 году штатный думский докладчик по финансовым вопросам А.И. Шингарев, обогащенный пятилетним законодательным опытом, в сердцах восклицал:

«Вы можете обсуждать бюджет, рассуждать о нем, сокращать его, изменять – ведомства поступают по-своему, правительство делает, что ему нужно».

А когда в руках у него и контроль над исполнением росписи, то «у вас нет никакой возможности серьезного воздействия на бюджет... из года в год повторяется та же история»^[1134].

Наиболее продуктивным аспектом бюджетных прений следует признать полемику о путях развития страны, содержащуюся в речах ряда депутатов и представителей правительства. В выступлениях отмечалось, что российский бюджет сильно отличался от бюджетов передовых держав, прежде всего тем, что комплектовался главным образом не из податных поступлений, а из доходов от казенных активов и операций, чем и объясняется его стремительный рост^[1135]. Показателен следующий факт: российская казна превышала в стоимостном выражении всю внешнюю торговлю, в то время как в европейских странах (Англии, Франции, Германии, Италии) внешнеторговый оборот был в 3-6 раз больше, чем их бюджеты^[1136]. Российская власть для покрытия постоянно растущих расходов все более вовлекалась в предпринимательскую деятельность. Она вкладывала огромные капиталы в различные отрасли экономики, в результате ни в одной стране мира не наблюдалось такой концентрации у государства хозяйственных функций, как в России^[1137]. Дума считала, что это едва ли можно считать здоровой тенденцией. Как утверждал промышленник А. И. Коновалов, отождествление бюджетного благополучия с экономическим развитием - стратегическая ошибка. Хозяйственный прогресс не может зависеть лишь от соблюдения бюджетной дисциплины; необходимо проводить в жизнь начала правопорядка, дать подлинную гарантию имущественных прав, т.е. делать все то, что способствует самому широкому проявлению народной самодеятельности и предприимчивости^[1138]. Не свидетельствовал бюджетный рост и о растущем благосостоянии населения. Напротив, российская жизнь скорее доказывала парадоксальную связь: чем богаче казна, тем беднее простой народ. Поэтому, делал вывод один из лидеров купеческой Москвы, правительство с его заботой о бюджетном росте и равновесии превратилось в настоящий тормоз возрождения России^[1139].

Действительно, как показывают цифры, страна не просто бедствовала, а нищенствовала. На фоне громадного бюджета среднегодовой доход на душу населения к 1910 году составлял 58 рублей – меньше аналогичного показателя даже по небогатым странам

Балканского полуострова, не говоря уже о развитых европейских державах^[1140]. Этот дисбаланс свидетельствовал о слабости производительных сил страны. «*Нельзя одновременно управлять и торговать*» – такой жесткий упрек государству адресовал один из столпов делового мира Москвы П.П. Рябушинский^[1141]. Он также ратовал за максимальное раскрытие потенциала частного сектора, за превращение его в локомотив экономического прогресса. Но, по уверению промышленников, для этого ничего не делалось. Надежды, возлагавшиеся в этом плане на Думу, не оправдывались. Атмосфера в ней представляла собой смесь:

«интеллигентской неприязни ко всякой производительной деятельности – с густой струей крестьянской враждебности ко всяким другим формам народного хозяйства, кроме хождения за сохой»^[1142].

Дума не смогла стать центром по поддержке индустриальной политики, превратившись, по сути, в новую инстанцию на извилистом пути русского промышленника. Как на образец правильного отношения к производству часто ссылались на США, «*которые за сорок лет из ничего стали ведущей промышленной державой*». Если в России стоимость произведенной продукции как добывающей, так и обрабатывающей индустрии едва превышала 3 млрд рублей, то в США одни лишь перерабатывающие отрасли давали 27 млрд рублей. В пересчете на душу населения получалось: у нас выпускалось продукции на 23 рубля на человека, а в Северной Америке – на 380 рублей^[1143]. Эти впечатляющие результаты стали следствием бурного экономического развития (с доступностью кредита, налоговыми льготами и т. д.), в первую очередь опиравшегося на благосостояние населения. В России предприниматели похвастаться таким отношением к себе не могли. Один из депутатов язвительно замечал:

«Заботы о них до сего времени простирались только на то, как бы на производство положить побольше налогов и потом выколачивать эти налоги через администрацию»^[1144].

Упрек вполне справедливый: например, налоговое бремя, которое несли крупные промышленники, превосходило фискальные платежи помещиков. Если накануне войны обложение помещичьих земель составляло 6,8% их средней доходности, то средний размер налога на промышленно-торговые предприятия равнялся 11,4% (7,2% государственный промысловый налог и 4,2% – местные налоги)^[1145]. Министерство торговли и промышленности, сформированное наспех из частей различных ведомств, не смогло стать выразителем промышленных интересов. В правительстве к нему относились как к второстепенному: в течение почти десяти лет с момента его создания в 1905 году министерству не предоставили даже собственного здания, и его структуры ютились в разных местах Петербурга^[1146].

Деятельность Министерства торговли и промышленности вызвала разочарование у купеческой группы, десятилетиями, как мы помним, настойчиво добивавшейся его учреждения. Ведомство больше заботилось лишь о поддержании внешней благожелательности между московскими биржевиками и правительством, чем способствовало реальному решению экономических вопросов, в которых было заинтересовано купечество. Это хорошо иллюстрируют попытки изменения таможенного законодательства 1908-1914 годов: излюбленная тема московского купечества, требовавшего сохранения высоких ставок на импорт. Однако под воздействием аграрного лобби с 13 января 1903 года действовал тариф, не отвечавший покровительственной идеологии: его существенно подрывали торговые конвенции, заключенные на двухсторонней основе с рядом ведущих держав. Эту практику Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев обосновывал потребностями взаимных гибких уступок, что, естественно, в большей или меньшей степени ограничивало покровительственные цели^[1147]. В ответ буржуазия Центрального региона упорно настаивала на возвращении духа и буквы тарифа 1891 года. Непосредственно под ее давлением в 1909 году при Министерстве торговли и промышленности образуется Особое совещание по пересмотру таможенного законодательства^[1148]. Перед началом его работы председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников напутствовал нового Министра торговли и промышленности С.И. Тимашева до боли знакомыми пожеланиями. Предводитель купечества предложил ему набраться мужества и

следовать по пути незабвенного И.А. Вышнеградского, а именно решительно оградить внутренний рынок от посягательства иностранцев, ликвидировать стеснительные конвенционные уступки и пересмотреть льготы для сельского хозяйства^[1149]. Купечество отвергало мнение о достаточности покровительственных пошлин в России, считая ошибочным и некорректным их простое сопоставление с тарифами других государств. По их убеждению, при этом не учитывались общие экономические условия, ставившие отечественное производство в менее выгодное положение по сравнению с иностранными конкурентами. В ход опять шли хорошо известные аргументы о дороговизне оборудования и кредита, о низком качестве рабочей силы и т.д.

Московский биржевой комитет засыпал совещание всевозможными материалами и статистическими сведениями, однако дело продвигалось медленно. Министерство призывало как можно более обстоятельно подходить к выяснению этих важных вопросов; для этого была привлечена группа в составе нескольких десятков экспертов из различных учебных заведений, которые год за годом обследовали отечественную промышленность: состоялось 88 экспертных заседаний, где были обсуждены 2/3 действовавших тарифов^[1150]. Такая явно неторопливая работа вызывала недовольство торгово-промышленных кругов^[1151], но министерство неизменно отвечало:

«Вся проводившаяся доньше работа преследовала цель изучения экономического положения русской промышленности в ее соревновании с иностранным производством. Подобное обследование необходимо само по себе, как таковое... нужно всемерно подготовиться к ответу на запросы, которые может предъявить нам будущее»^[1152].

Серьезный бой по таможенной проблематике купечество намечало дать правительству в рамках обсуждения нового торгового договора с Германией. В начале 1912 года Совет министров принимает постановление о начале подготовительных работ для заключения новых торговых договоренностей с немцами^[1153]. И московские промышленные круги незамедлительно приступили к дискуссиям на

эту злободневную тему. Они сразу предупредили, что теперь, в отличие от прежних времен, договор будет заключаться под мощным давлением общественного мнения и это мнение может оказаться для правительства более опасным, чем сами немцы^[1154]. В содержательном плане позиция купечества была предельно четкой: необходимо решительно идти на реальный пересмотр соглашений и не допустить ситуации, когда российская сторона в очередной раз окажется к этому не готовой. Как известно, начиная с 1894 года, торговая конвенция традиционно обслуживала российский зерновой экспорт в Германию. Поддерживая сельскохозяйственные поставки, правительство шло на уступки своему крупнейшему торговому партнеру и снижало пошлины на немецкую промышленную продукцию, завозимую на внутренний рынок. И ныне власти намеревались придерживаться той же политики: они считали бесполезным добиваться кардинального пересмотра договора^[1155]. Заключение торговых конвенций с немцами всегда буквально выводило из себя купеческую буржуазию: и уже новое ее поколение продолжило битву за торжество протекционизма.

О происходивших баталиях мы можем узнать из материалов VIII съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося в мае 1914 года. Из знакомства со стенограммой заседаний хорошо видно, что с 1894 года, т.е. с момента заключения первого договора с Германией, немного изменилось в позиции сторон. Среди основных оппонентов купечества мы опять видим В.И. Тимирязева, ныне – члена Государственного совета (двадцать лет назад он был чиновником Министерства финансов, отвечавшим за торговлю). Все те же аргументы – интересы экономики в целом, эластичность таможенного тарифа, – как и ранее, не находили отклика в купеческих душах. Московские капиталисты твердили о неминуемом крахе, требовали выяснить соответствие конвенционной политики потребностям России, упрекали руководство съезда в самоустранении от решения таких важных вопросов^[1156]. Правда теперь у купеческой верхушки появился новый влиятельный союзник в лице руководителя Главного комитета земледелия и землеустройства А.В. Кривошеина. Он энергично поддерживал усилия московской буржуазии, выступал с созвучными ей заявлениями, призывая прекратить пресмыкаться перед немцами и униженно выпрашивать всякие мелкие уступки в обмен на

прямое пренебрежение национальным интересам^[1157]. Но начало первой мировой войны естественным образом помешало выяснению отношений вокруг заключения русско-германского торгового договора; мечты купечества об усилении таможенной охраны в эти годы так и остались неосуществленными.

Наиболее остро купеческую элиту в период до Первой мировой войны волновал продолжающийся приток иностранного капитала. Этот процесс особенно активизировался еще в конце XIX века. Московские воротилы пытались ему противодействовать, справедливо рассматривая иностранный бизнес, располагавший огромными финансовыми ресурсами, как конкурента, соседство с которым не предвещало ничего утешительного. К тому же правительство, тесно связанное коммерческими интересами с этим мощным партнером, обеспечивало «зеленый свет» его начинаниям. Присутствие европейского бизнеса в отечественной экономике неуклонно нарастало: в конце XIX столетия среднегодовой приток иностранного капитала составлял около 100 млн рублей, а в 1908-1914 годах он уже превышал 150 млн рублей^[1158]. Эти средства устремлялись в российскую экономику через петербургские банки; весомые доли в них принадлежали иностранцам. Именно в их руках находилась почти вся металлургическая, нефтяная, угольная, золотая промышленность и т.д. Как известно, на юге страны европейским капиталом в кратчайшие сроки было создано мощное металлургическое производство с самой современной инфраструктурой; если до 1895 года южный регион еще уступал Уралу по выплавке чугуна, то уже в начале нового века он уверенно вырывается вперед, вырабатывая почти вдвое большие объемы, чем старорусский промышленный район^[1159].

Для продвижения в российскую экономику иностранные собственники использовали такие формы, как синдикаты и тресты: это позволяло им завоевывать рынки и минимизировать потери во время кризиса и при неустойчивости конъюнктуры. Поэтому противостояние иностранному капиталу в 1908-1914 годах продолжилось в виде борьбы против создаваемых синдикатов и трестов. В этот период инициативы бюрократии, зарубежных акционеров и петербургских банкиров наталкивались на организованное противодействие Государственной думы и предпринимательских структур купеческой буржуазии. Одно из первых столкновений между этими силами в

новом политическом формате произошло весной 1908 года, когда иностранные владельцы девяти металлургических заводов юга, входивших в сбытовой синдикат «Продмет», решили образовать трест для усиления своего присутствия на рынке. Купеческая элита квалифицировала эту инициативу как прямой вызов, причем не только непосредственно металлургическому Уралу, но и русской промышленности в целом. Уральские интересы стали своего рода знаменем в борьбе купеческой буржуазии, хорошо осознававшей: в случае падения этого промышленного района в скором времени черед дойдет и до других^[1160].

По сравнению с концом XIX века методы противодействия изменились: наличие Государственной думы и деловых сообществ немалого повысило публичность этого противостояния. В него сразу включились депутаты от октябристов и кадетов, заявившие о недопустимости создания подобных трестов. Завидную энергию проявил А. И. Гучков, который вместе с коллегами подготовил запрос в правительство, провел заседание фракции октябристов с осуждением «опасной торгово-промышленной комбинации», организовал подачу соответствующей петиции лично П. А. Столыпину и т.д.^[1161] Лидер крупнейшей фракции действовал в унисон с Московским биржевым комитетом, который также выразил свои претензии петербургской бюрократии и потребовал объяснений. Причем московская промышленная группа не ограничивалась только заявлениями. Так, в январе 1908 года был заключен договор между торговым домом Вогау и уральскими предприятиями – по примеру западных собственников, образовавших сбытовой синдикат «Медь». Партнерское соглашение предусматривало продажу заводами меди исключительно через эту крупную коммерческую структуру, а Вогау обязывались предоставлять ссуду предприятиям в размере 80% стоимости меди, что гарантированно пополняло оборотные средства производителей^[1162].

В противовес заступникам за Урал из Государственной думы и промышленной Москвы металлурги Юга через объединение Совет Съездов представителей промышленности и торговли собрали совещание правительственных чиновников разных ведомств для обсуждения положения в отрасли, а по сути – для одобрения трестовой инициативы. Однако устроители этого мероприятия, возглавляемые Министром торговли и промышленности И.П. Шиповым, и здесь

столкнулись со шквалом критики ряда депутатов: В.П. Каменского, В.А. Караулова, Я.Г. Гололобова и др. Апеллируя к мнению общественности, избранники народа выступили против исключительного положения южной металлургии, поддерживаемой казенными заказами. По их убеждению, создание индустрии региона обусловлено не потребностями рынка и даже не стремлением развить горную промышленность, а проведением биржевых спекуляций и банковских операций^[1163]. Благодатную тему подхватили управляющие заводов: уральская промышленность является народной, она зависит от массового спроса на железные изделия, а никак не от сомнительной благосклонности бюрократии, распределяющей казенные заказы. Вот выдержки из выступлений: Уралу правительство *«ничего никогда не даровало, несмотря на то, что эта промышленность существует двести лет»*; в то же время заводы юга получали заказы раньше, чем была куплена земля, на которой они строились^[1164]. И теперь народная индустрия, которая не в состоянии самостоятельно противостоять иностранной экспансии, находится под угрозой уничтожения: предполагаемый южный трест выбросит огромные излишки производительных мощностей для завоевания Урала, Поволжья и Сибири. *«Нам говорят, что югу нужен трест, но мы видим, что тресту нужна вся Россия»*, – восклицал один из ораторов высокого совещания^[1165]. В этом контексте звучали требования: *«никаких специальных льгот и преимуществ никаким заводам впредь не давать и прекратить все выдаваемые ныне субсидии»*^[1166].

Такой организованный отпор сделал свое дело: утверждение треста затягивалось, внутренние противоречия между его участниками нарастали. В данном случае правительство не санкционировало образование металлургического треста, и Государственная дума рассматривала это как свою значимую победу^[1167]. После этого громкого конфликта правительство в мае 1909 года учредило специальную комиссию по урегулированию деятельности синдикатов и трестов, которая приступила к их обследованию. Целью работы комиссии объявлялась не борьба с синдикатами и трестами как таковыми, а устранение с их стороны различных злоупотреблений. Заметим, что в качестве примера того, как следует налаживать контроль за деятельностью этих промышленных объединений

ставилась Германия^[1168]. Однако все это не могло переломить общей ситуации и, конечно, повлиять на приток иностранного капитала в отечественную экономику. Правительство последовательно делало на него ставку. Тот же Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, тесно связанный со столичным Русским банком для внешней торговли (со значительной долей немецкого капитала), настойчиво разъяснял с думской трибуны, что следует не препятствовать, а, наоборот, содействовать приливу иностранных капиталов: они несут необходимые промышленности знания, энергию, предприимчивость и т.д. Зарубежные финансовые ресурсы, уверял он, постепенно «отуземиваясь», будут с успехом выполнять «русскую службу»^[1169]. Тем не менее конфликты на этой почве возникали в Государственной думе практически ежегодно. Упомянем крупный скандал начала 1912 года по поводу американского треста, построившего завод сельскохозяйственного машиностроения под Москвой. С трибуны опять звучали обвинения в адрес правительства, которое поощряет наиболее сильных и конкурентоспособных и полностью забывает о нуждах мелкого ремесленного производства, где заняты миллионы людей^[1170]. Как отмечалось, Министерство торговли и промышленности постоянно говорит о поддержке русского машиностроения, но заботится в первую очередь об интересах заграничных инвестиций, употребляя слово «русский» лишь для известного оттенка^[1171]. Раздраженные депутаты даже предложили изменить название законопроекта: не о поддержке русского сельского машиностроения, а поощрении иностранной сельскохозяйственной индустрии^[1172].

Наибольшую тревогу у московской буржуазии вызывала наметившаяся экспансия иностранного капитала в текстильную отрасль – цитадель купечества Центрального региона. Петербургские банки, использовавшие западные финансовые потоки, стали предпринимать активные попытки утвердиться на этом рынке. Большой резонанс в деловых кругах произвела покупка столичным Азово-Донским коммерческим банком пакета акций Богородско-Глуховской мануфактуры. Лишь в результате энергичных действий членов морозовской семьи удалось отбить одно из крупнейших предприятий страны^[1173]. Учитывая упорное сопротивление текстильных королей, столичные дельцы переориентировались на

сырьевые поставки для отрасли. Тут, как отмечают исследователи, львиная доля оборотов предвоенного времени приходилась уже на петербургские банки. Они подчинили себе наиболее крупные торговые предприятия по заготовке и очистке хлопка: эти коммерческие структуры либо становились их собственностью, либо попадали к ним в полную зависимость. К тому же несколько банков (Русско-азиатский, Русский банк для внешней торговли, Азово-Донской и др.) построили в Москве обширные терминалы для хранения хлопка^[1174]. Баланс сил в этой отрасли очевидно смещался в сторону столичной буржуазной группы.

Успехи петербургской буржуазии всегда опирались на финансовый потенциал такого ключевого инструмента, как банки. 1907-1914 годы характеризовались повсеместным усилением их влияния на хозяйственную жизнь страны. Если еще в конце XIX столетия Московский купеческий и Волжско-Камский банк занимали лидирующие позиции в российской экономике, то к началу мировой войны они были потеснены пятеркой крупнейших петербургских банков^[1175]. Их присутствие в Первопрестольной также расширялось: если в начале XX века здесь было пять отделений столичных банковских структур, то к началу 1914 года все крупные столичные банки (в количестве десяти) имели в Москве свои филиалы^[1176]. Москвичи, постоянно муссировавшие тему неравных условий конкуренции, указывали, что петербургские банки являлись, по сути, полуказенными, участвующими обществами, которые возглавлялись бывшими чиновниками – выходцами из Министерства финансов и других ведомств. Именно на этих связях зиждилось их благополучие: они обладали бесконтрольным доступом к бюджетным источникам, откуда черпали средства для различных коммерческих проектов; им же поручалась реализация государственных займов, программ и т.д. Москва всегда считала, что такая политика губительна для торгово-промышленного развития страны; петербургские банковские структуры стягивали большее число клиентов и денежных ресурсов для своих спекулятивных операций^[1177]. Договоренности с московскими банками по согласованию процентных ставок по вкладам в 1911-1913 годах оставались весьма непрочными и часто нарушались обеими сторонами. Весной 1914 года Москва открыто разорвала это

соглашение, найдя его условия недостаточными для защиты от «погони за вкладами»^[1178].

С 1907 по 1914 год в Первопрестольной появились и новые, не связанные с купечеством банки. Речь идет, во-первых, о крупном Соединенном банке, который возник в 1909 году на базе разорившихся в начале XX столетия банковских структур Полякова и был детищем Министерства финансов: его возглавил чиновник ведомства граф В. С. Татищев, а затем государство привлекло в его акционеры французских инвесторов. Банк «Юнкер», преобразованный в 1912 году из одноименного банкирского дома, не выступал в качестве самостоятельной силы на промышленном рынке. Исследователи отводят ему роль подручного петербургских и иностранных финансовых групп^[1179]. Непосредственно купеческим был Московский банк Рябушинских, учрежденный рядом видных, главным образом текстильных, промышленников Центральной России. Во время войны при финансовой поддержке банка (иногда даже в здании Московского биржевого комитета) проходили съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии. Кстати, основные владельцы еще одного крупного Волжско-Камского банка – семьи Кокревых и Мухиных – являлись беспоповцами поморского согласия. Поэтому после 1907 года в реестре акционеров банка значились Петербургская старообрядческая община поморского согласия, Московская община поморцев и Андросовская поморская богадельня в Ярославле^[1180]. Пыталась купеческая буржуазия учредить также новые банки – но безуспешно. Так, в сентябре 1910 года кредитная канцелярия Министерства финансов возвратила организаторам Всероссийского международного банка в Москве устав, указав на серьезные недочеты при его составлении^[1181].

Можно утверждать, что в целом позиции купеческих финансистов у себя дома, в Москве, оказались серьезно ущемлены. По их мнению:

«искусственный Петербург хочет обескровить Москву, пытаясь где-то там, на болотной окраине, создать центр промышленности и торговли, новое сердце России. Эта нелепая канцелярская затея находит себе приверженцев среди группы промышленников, которые в данном случае

явно в своих личных интересах готовы пренебречь интересами государственными»^[1182].

Купеческая элита хорошо понимала нерадостные перспективы; в свое время (в конце XIX века) именно это и вынудило ее покинуть привычную верноподданническую колею и выйти на новые политические рубежи. И теперь купцы тоже не собирались играть роль статистов. С думской трибуны звучали речи, явно готовившиеся в стенах Московского биржевого комитета. Например, депутат Н.Д. Шейдман указывал: то немного, что:

«делалось для подъема экономического положения страны, преимущественно делалось на западе и юго-западе России, центр же и восток решительно ничего не получили»^[1183].

Напомним, что лидеры купечества Москвы не считали всероссийскую предпринимательскую организацию – Совет Съезда представителей промышленности и торговли -своей. Призванный взаимодействовать с органами власти, Совет был учрежден в Петербурге в 1906 году – при весьма скромном участии московской группы. И в дальнейшем:

«Москва если официально не была вне общероссийского объединения, то, по существу, почти никакого участия в его жизни не принимала, и даже более того, почти не интересовалась его существованием»^[1184].

Когда купеческие лидеры все-таки появлялись на съездах, то там, как правило, происходило выяснение отношений с другими буржуазными группировками, причем *«со стороны московских деятелей враждебность чувствовалась сильнее»*^[1185]. Один из таких конфликтов произошел на IV съезде, в сентябре 1909 года. Московские биржевики критиковали практику распределения железнодорожных заказов. По мнению известного Ю.П. Гужона, это приносило громадный вред общим интересам металлургической индустрии страны. Министерство путей сообщения постоянно распределяло

казенные заказы в пользу нескольких избранных заводов в ущерб остальным. Гужон потребовал прекратить безобразие; его тут же поддержали П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, Н.А. Куров и др. Однако представителям Москвы стали бурно оппонировать горнопромышленники южного региона – те самые «избранные», о которых и говорил Гужон. Они посчитали этот вопрос не подлежащим обсуждению на съезде и отказались вырабатывать какую-либо резолюцию по этому поводу^[1186].

Государство, по-прежнему не желавшее идти навстречу интересам купеческой буржуазии, ориентировалось на другие предпринимательские круги. Сошлемся на пример одного правительственного решения, вызвавшего в предвоенный период громкий общественный резонанс. В 1911 году был объявлен тендер на проведение железнодорожной ветки между Нижним Новгородом и Екатеринбургом. Эксплуатация дороги, связывающей два крупных промышленных района страны, обеспечивала высокую и стабильную доходность; за концессию развернулась серьезная конкуренция. Одним из основных претендентов стала группа московских капиталистов, которую возглавил видный кадетский деятель депутат Государственной думы Ф.А. Головин (бывший Председатель II ГД); ради участия в этом коммерческом деле он даже отказался от депутатского мандата. Купеческие тузы высоко оценивали свою заявку, считая, что имеют полное право реализовывать свой коммерческий интерес в тех регионах, которые они издавна рассматривали в качестве своей хозяйственной вотчины. Однако претензии капиталистов из народа встретили сопротивление у чиновничества Петербурга. Так, «Новое время» устами известного публициста М.О. Меншикова всячески дискредитировало лоббистские усилия москвичей, призывало правительство не превращать железнодорожный проект в «кадетскую дорогу». В результате выгодная концессия досталась группе петербургских предпринимателей во главе с фон-Мекком и князем Енгальчевым^[1187]. Разумеется, разочарование купечества было большим; такие итоги конкурса зримо напоминали тендер 1868 года на эксплуатацию Николаевской железной дороги, когда купеческая группа, не смотря на настойчивые усилия, потерпела обидное поражение. И теперь, спустя сорок с лишним лет, для нее немного изменилось. Разве что сейчас власти старались проявлять по

отношению к московской купеческой группе большую предупредительность, чем прежде. К примеру, в пореформенное время петербургские министры считали свои визиты в Первопрестольную честью для нее. Теперь же – после 1905 года они приезжали для того, чтобы *«пониже поклониться и получить побольше благорасположения толстосумов... как бы приносилась присяга на верность им, а они выслушивали, никому ни на грош не верили и кормили обедами»*^[1188]. Подчеркнутое правительственное благорасположение, не подкрепляемое реальными действиями, лишь усиливало раздражение купеческой элиты.

С 1909 года видные представители купеческого делового мира стали проводить в Москве собрания. Отчасти это напоминало 1905 год, когда в купеческих гнездах концентрировалась различная оппозиционная публика. Кстати, одно из таких мест – дом М.К. Морозовой – продолжало действовать и в этот период, приобретая заслуженную славу в кругах литераторов и любителей искусства. В политическом же смысле эстафету приняли особняки П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова и др.: здесь для обсуждения своих перспектив ежемесячно собирались от пятидесяти до ста представителей крупной буржуазии Центрального региона России, Поволжья и Сибири. Во всех этих мероприятиях самое деятельное участие принимали известные в стране ученые: ректор московского университета А.А. Мануйлов, экономист П.Б. Струве, юрист С.А. Котляревский, проф. М.М. Ковалевский, И.Х. Озеров, С.Н. Булгаков и мн. др. Они выступали с докладами о синдикатах и трестах, о промышленном налоге, о значении иностранного капитала и проч. Информация об этих встречах в виде коротких отчетов и статей участников дискуссий иногда появлялась в прессе^[1189].

Хорошо замечено, что в деле формирования политических интересов купеческой буржуазии экономические беседы сыграли роль, сопоставимую с ролью «Русского собрания» для правых партий или кружка «Беседа» – для кадетов и октябристов^[1190]. Один из участников встреч с купеческой элитой И.Х. Озеров называл эти мероприятия *«московским торгово-промышленным парламентом»*^[1191]. Участники этого «парламента» были убеждены, что модернизация России требует реформ, а не их имитации, опоры на самостоятельные начала, а не управленческой централизации. Этого невозможно достичь без

совместных усилий людей практического опыта и науки. Заметим, что в сферу интересов московской буржуазии впервые вошли военные проблемы. Итогом этих встреч стало заявление купеческой элиты о готовности взять на себя (вырвав из рук правящей бюрократии) управление не только экономикой, но и государством^[1192]. Здесь следует учитывать один важный момент. Как показали беседы, купечество совсем не было настроено против иностранного капитала как такового, а также трестов, синдикатов и т.д. Но буржуазные деятели хотели участвовать в контроле над зарубежными инвестициями, идущими в страну. Они прекрасно понимали все преимущества административного ресурса, и поэтому их устремления естественным образом направлялись в политическую сферу, к получению управленческих рычагов. Обладание этими рычагами сделало бы взаимодействие с иностранным капиталом привлекательным и позволило бы сполна вкусить коммерческие прелести, которые обеспечивала деятельность синдикатов и трестов.

Экономические беседы наглядно свидетельствуют, как далеко продвинулись купеческие верхи по либеральной стезе. Можно сказать, что в 1910-х годах они обретают новое общественное качество и выходят на передовые рубежи в оппозиционном движении. Их политическим союзником стала либеральная интеллигенция – она заменила славянофилов и патриотов, которые в пореформенный период обслуживали интересы вышедшей из народа буржуазии. Ныне купечество ориентировалась уже не на почвеннические, а на конституционные воззрения, видя в них действенный инструмент для достижения своих интересов. Представить на этих беседах людей типа С.Ф. Шарапова абсолютно невозможно. Известный публицист, грудью встававший за московских фабрикантов в 80-90-х годах XIX века, теперь слал проклятья конституции «17 октября» и тем, кто предал забвению русские начала; неустанно рассуждал о том, как острое либеральное жало пронзило великий народный организм^[1193].

Приобретение нового общественного лица сказалось и на «фирменном» староверческом имидже купеческой буржуазии. Либеральное мировоззрение естественно подразумевало принцип конфессионального равенства, т.е. отрицало приоритет какого-либо вероисповедания. И отношение купеческой элиты к староверию стало более спокойным. Во второй половине XIX столетия старообрядческое

происхождение, принадлежность к расколу органично вписывались в славянофильскую традицию, однако переход на новые политические рубежи и тесное взаимодействие с либеральной публикой потребовали соответствующей поведенческой модели. Именно поэтому в прогрессивно настроенной Московской городской думе гласные из купцов уже старались лишний раз не напоминать о своем конфессиональном происхождении^[1194].

Теперь общность целей зависела не от религиозной принадлежности, а от единства политико-экономических интересов. В пример можно привести публичную инициативу купечества, вызвавшую в стране большой резонанс. Поводом послужил фактический разгром Московского университета, учиненный Министром народного просвещения Л.А. Кассо в начале 1911 года. Под предлогом локализации готовящихся студенческих волнений и в нарушение устава о высшей школе в университете было введено полицейское управление. Несогласные с данной мерой ректор А.А. Мануйлов и еще около сотни профессоров в знак протеста покинули учебное заведение. Эти события произвели удручающее впечатление на московское купечество. Как вспоминал С.И. Четвериков, на очередном собрании возникла мысль отреагировать на самоуправство правительства специальным заявлением^[1195]. 11 февраля его опубликовали «Русские ведомости» (причем первоначальный вариант был намного резче увидевшего свет)^[1196]. Под заявлением подписались 65 человек; *«какая-то газета подсчитала финансовую мощь поставивших подписи и определила ее в полмиллиарда золотых рублей»*^[1197]. Это была не дежурная политическая декларация, а заявление от лица серьезной силы, подкрепленное ее деловой репутацией. Голос купцов подхватила и дума, где, вопреки стараниям правых, состоялось заседание по запросу о нарушении прав Московского университета. Один из депутатов говорил:

«Оказалось, что хлопчатобумажные патриоты первыми отозвались на тот зов, который слышится от высшей школы; они первыми в лице своих лучших представителей заговорили тем языком, каким должно говорить общество в интересах дела просвещения... Где вы в Российской Империи найдете университет, который был бы обязан своим

устроением, в смысле зданий, частным лицам именно столько, сколько московский университет обязан московскому купечеству... Сравните, что сказали в Петербурге в этом обществе земельных патриотов, с тем, что сказала Москва в лице своих хлопчатобумажных патриотов... ведь там язык просвещенных буржуа, а здесь язык потомков охотников с борзыми»^[1198].

Как отметило петербургское «Новое время», просветившееся купечество *«не требует еще отставки правительства, но объявляет ему первое предостережение»*, и если оно *«ввязалось в эту историю, то очевидно, что мекает что-то задним умом»*^[1199].

Кстати, именно с конфликта вокруг Московского университета в думе началась настоящая травля Министра народного просвещения Л.А. Кассо. Он стал излюбленным объектом нападок со стороны оппозиции. Как считал кадет В.А. Маклаков, университетские события в миниатюре показали то, что вообще происходит в России, где:

«сознательно и умышленно стараются довести население до того, чтобы ни правовой порядок, ни общий закон, ни даже сама конституция не были применимы»^[1200].

Однако следует заметить, что Первопрестольная не выступила против министерства и правительства единым фронтом. Председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников оказался не готов к такой инициативе и выражал бурные опасения по поводу данной затеи^[1201].

Но радикальные настроения неуклонно распространялись, проявившись с новой силой весной 1912 года – в связи с событиями на «Лензолоте». Расстрел рабочих на приисках английских владельцев послужил причиной целого ряда забастовок. Московская буржуазия не осталась в стороне. На совещаниях обсуждался вопрос, оплачивать ли рабочим забастовочные дни; большая часть промышленников решила не делать вычетов за прогулы, тем самым морально поддерживая рабочих, а также донести свои настроения до правительства. Крестовников и ряд его сторонников опять высказались против, и опять остались в меньшинстве^[1202]. О потере ключевых позиций

группы среди купечества свидетельствует поражение ее кандидата на выборах в Государственный совет от торгово-промышленного сословия. В октябре 1911 года, несмотря на все усилия Крестовникова, его протеже проиграл малоизвестному купцу из Вятской губернии Ф.В. Стахееву. Это проигрыш стал сильным «моральным ударом» для председателя Московского биржевого комитета, показав, что он ситуацию не контролирует^[1203].

С ростом оппозиционных настроений самооценка купечества росла как на «дрожжах». В частности, это проявилось в отказе присутствовать на Высочайших торжествах, проводимых по случаю празднования знаменательных дат российской истории, – в том случае, если купечеству не будет предоставлено подобающее место. Крупных дельцов давно раздражало, что на придворных торжествах им, по установленному церемониалу, приходилось располагаться *«где-то вдали, за толпой выслужившихся юношей, облаченных в мундиры придворных кавалеров, рядом с волостными старшинами»*^[1204]. Например, еще в мае 1912 года, на открытии памятника Александру III, члены Московского биржевого общества располагались во Владимирском зале Кремля на проходном месте, у выхода в Святые сени^[1205]. И в августе, перед празднованием столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года, купечество предупредило об отказе явиться на торжественное мероприятие с участием Николая II. Угрозы возымели свое действие: впервые купеческим представителям отвели почетное место^[1206]. Организационное оформление возросших претензий оставалось вопросом ближайшего времени. Именно на основе этих настроений и создавалась новая прогрессивная партия. На российской политической арене появилась сила, направлявшаяся капиталистами, которых не удовлетворяло то, как реализуются их интересы, и которые требовали допустить их к управлению экономической и государственной жизнью. Главной их целью являлось полное и действительное осуществление конституционных начал, для чего *«необходимо утверждение государственного строя с ответственностью министров перед народным представительством»*^[1207]. В русле этой ключевой задачи съезд прогрессистов высказался за выработку нового избирательного закона, за расширение прав нижней палаты, отмену сословных ограничений и привилегий, устранение административного произвола^[1208]. Как

известно, в Государственной думе четвертого созыва прогрессисты заняли достойное место среди оппозиционных сил, стремившихся проводить реформаторский курс^[1209].

Усиление радикальных настроений в среде купеческой буржуазии не осталось незамеченным: правительство решило воздействовать на один из ее оплотов – Московскую городскую думу. В начале 1913 года, впервые в истории общественного самоуправления Москвы верховная власть с подачи Министерства внутренних дел отказалась производить выбор Городского главы из двух кандидатур, избранных МГД. Это были известные оппозиционные деятели Г.Е. Львов и предыдущий глава думы Н.И. Гучков. Правда, последний вскоре взял самоотвод и на дополнительных выборах поддержку большинства гласных получил С.А. Чаплыгин (директор женских курсов), который тоже никак не устраивал МВД^[1210]. В результате Москва в течение практически всего 1913 года оставалась без городского главы. В октябре прошел еще один раунд выборов: его итогом стала новая кандидатура потомственного почетного гражданина Л.Л. Катуара^[1211]. Предложение на пост городского главы Первопрестольной человека иностранного происхождения и к тому же единственного католика вызывало недоумение. Придворные круги расценили это как насмешку над государем со стороны «воротил городской думы и их союзников»^[1212].

После этого правительство перестало полагаться на московские избирательные кампании и представило Николаю II для утверждения на должность городского главы специально подобранного кандидата. Выбор МВД пал на члена Государственного совета Б.В. Штюмерера, имевшего обширный государственный опыт. Конечно, правительство надеялось, что такой администратор сумеет совладать с оппозиционным «гнездом», каковым являлось городское общественное самоуправление. Инициатива властей вызвала в Москве целую бурю негодования: здесь пока еще не было ни одного случая назначения главы без выбора думы. Но авторов идеи это нисколько не смущало; как утверждал деятель из придворных кругов В.П. Мецкерский:

«если ругают человека – значит, назначение хорошее, в смысле интересов порядка и народного блага; если хвалят –

значит, плохое, в смысле тех же интересов, и выгодное в интересах противников правительства»^[1213].

Однако эта логика не убедила председателя Совета министров В.Н. Коковцова. Вернувшись из заграничной поездки, он не согласился с предложенной МВД процедурой обретения Москвой нового главы, считая отказ от выборов выходящим за рамки правового поля, а потому категорически неприемлемым. Свое мнение В.Н. Коковцов изложил императору, подчеркивая, что выступает против предлагаемой меры, а не личности кандидата. В итоге ему удалось убедить Николая II отказаться от этой затеи^[1214]. К тому же Б.В. Штюрмер, поняв, какой оборот принимает дело вокруг него, отказался от назначения, чтобы не быть причиной осложнений между императором и председателем правительства, с одной стороны, и между властью и Московской городской думой – с другой. Эпопея закончилась избранием на пост городского главы представителя купечества – члена кадетской партии М.В. Челнокова, который, как выяснилось, настойчиво хлопотал о своем утверждении у Министра внутренних дел^[1215].

Одним из наиболее значимых дел третьей думы – на чем стоит особо остановиться – стало рассмотрение законопроекта о старообрядческих общинах; соответствующее положение о них действовало с осени 1906 года и было введено прямым указом императора (по 87-й статье). Принимаемый закон позволял претворить в жизнь знаменитый Манифест о веротерпимости от 17 апреля 1905 года, провозгласивший новый религиозный курс. Без преувеличения можно сказать, что этого думского решения с большой заинтересованностью ожидало все общество; самые разные его слои связывали с ним свои надежды. И особенно актуальным оно было для московского купечества – выходцев из раскола, которые видели в законодательном утверждении религиозного равноправия воплощение чаяний поколений староверов. Думские обсуждения данного вопроса по своему накалу были соизмеримы с дискуссиями по аграрной проблематике. Однако в литературе они представлены крайне слабо, что никак не соответствует их значимости^[1216]. Кроме того, именно эта тема привела к переформатированию всего думского расклада: тогда правоокейбристиское большинство впервые продемонстрировало

серьезные разногласия при рассмотрении вопроса подобного уровня^[1217].

Накал страстей ощущался уже при учреждении комиссии по законопроекту о старообрядческих общинах, внесенному в палату правительством. Ряд депутатов, в том числе епископ Митрофан, В.М. Пуришкевич и др. , предлагали просто передать законопроект в общую вероисповедную комиссию Думы и не образовывать для этого специальную структуру. Предложение вызвало волну возмущения; например, крестьянин-старовер Д.П. Гулькин категорически возражал против того, чтобы такое судьбоносное для русского народа дело решалось вместе с магометанскими и еврейскими вопросами. *«Старообрядцы просят, чтобы это было отдельно, ибо они тоже православные, искренне любящие своего Государя и Отечество»*, – взывал он^[1218]. Эти просьбы получили поддержку общего собрания: старообрядческая комиссия Государственной думы была учреждена по настоянию адвоката Ф.Н. Плевако, который многие годы занимался юридической защитой раскольников. В состав комиссии вошли пятнадцать человек; председателем был избран В.А. Караулов, его товарищем – А.И. Звегинцев. Тем не менее, из правительства законопроект о старообрядческих общинах поступил не в эту комиссию, а в комиссию думы по делам православной церкви. И только усилиями Караулова, Гучкова и др. его передали по назначению^[1219]. Полноценное обсуждение правительственного законопроекта стартовало в феврале 1909 года, с третьего заседания комиссии. Уже здесь прозвучало намерение предоставить старообрядцам право свободно проповедовать свое вероучение, что прямо противоречило взглядам Министерства внутренних дел. Член комиссии священник Н.С. Балаев распространил особое мнение, протестуя против подобных намерений^[1220]. Они обеспокоили и МВД: начиная с четвертого заседания комиссии в ее работе постоянно участвовали товарищ министра С.Е. Крыжановский и руководитель департамента общих дел А.Д. Арбузов^[1221]. Они старались направить развернувшиеся дискуссии в приемлемое для них русло. Но развитие событий свидетельствовало о все большем отходе от правительственного законопроекта. Помимо права свободного проповедования комиссия большинством голосов высказалась за уведомительный, а не разрешительный порядок регистрации общин, а

также за признание старообрядческих иерархов священнослужителями. Эти инициативы были окутаны слухами, будто московское купечество не поскупилось и выделило большие денежные средства ряду депутатов, сполна их отработавших^[1222]. При этом пояснялось: те, кто финансово продвигают данный законопроект, принадлежат староверию только по названию, а на самом деле нападают на господствующую церковь для свержения ненавистного им государственного строя^[1223].

В итоге рекомендации комиссии поступили на общее собрание Государственной думы, и там развернулись жаркие споры о будущем законопроекта. 12 мая 1909 года наработки комиссии представил ее глава В. А. Караулов. Он обстоятельно привел доводы в пользу открытого и беспрепятственного исповедания староверия, подчеркнул обязанность самих общин, а не полиции вести все акты гражданского состояния, подтвердил необходимость явочного характера их регистрации и т.д.^[1224] Аргументация докладчика встретила яростный отпор представителей чиновничества, иерархов господствующей церкви и лидеров правых организаций. С.Е. Крыжановский от имени МВД с государственных позиций оценил изыскания комиссии как неприемлемые^[1225]. Ему вторил священник Андрей Юрашкевич, предупреждавший, что старообрядцы отрицают православную церковь, не считая ее христианской, и призывал не идеализировать раскол^[1226]. Правый депутат Е.Я. Ганжулевич рассуждал о связи православной церкви и монарха, чью нерасторжимую симфонию никто не сможет разрушить^[1227]. Этим благоразумным охранителям отечества ответил один из старообрядцев-депутатов:

«Вы поддерживаете не русский народ, а поддерживаете господ Айвазовых, Сковорцовых, Восторговых и прочих ваших миссионеров, которые благодаря своей службе и положению идут против русского народа»^[1228].

В защиту старообрядческого закона об общинах в редакции комиссии решительно выступили представители оппозиции. Впечатляющую критическую речь в адрес РПЦ произнес П.Н. Милюков; он предложил оппонентам проявить энергию прежде всего в реформировании церкви, а не в ограждении ее от других течений:

«Если же вы дорожите будущим России – откройте настежь это затхлое помещение, впустите туда свежий воздух, дайте ему проветриться, и тогда церковь сама увидит, что она может»^[1229].

Но, пожалуй, наиболее яркое выступление в защиту староверия принадлежало известному выходцу из раскола А.И. Гучкову. Как он подчеркнул, Государственная дума выслушала не доклад комиссии, а требования, даже мольбу всех русских старообрядцев:

«Господа, не просто закон о старообрядческих общинах мы обсуждаем, не старообрядчество мы судим: мы судим самих себя; и тот приговор, который вы вынесете себе, голосуя по этому законопроекту, тот приговор подпишет вам и история»^[1230].

После чего лидер октябристов призвал всех проголосовать за редакцию законопроекта, предложенную не правительством, а комиссией, поскольку лишь она способна навсегда устранить вмешательство администрации и полицейской власти в жизнь староверческих общин^[1231].

Острые выступления по старообрядческому вопросу оказали существенное влияние на расстановку думских сил. Уже докладчик комиссии В.А. Караулов обратил внимание на то, что друзья староверов из правых начинают за здравие, а *«заканчивают за упокой»*, т.е. от восхваления их духовно-гражданских добродетелей переходят к невозможности дать им долгожданную свободу, за которую ратовала комиссия^[1232]. Аналогичное удивление, только с точностью до наоборот, выказал и видный правый В.Н. Крупенский: он был весьма поражен защитой старообрядчества оппозицией. Ему мерещились попытки оторвать 15 миллионов верноподданных русских от правого лагеря, но – предупреждал оратор – *«мы не отдадим их, мы им откроем глаза»*^[1233].

По поводу же *«требований, мольбы»* старообрядцев он со знанием дела излагал следующее: свободы проповеди никто и не просит, старообрядцы желают свободы исповедания в своей среде, поэтому речь должна идти не о свободе проповедования вообще, а

лишь у них в общинах, школах, на кладбищах и т.д.^[1234] Правда, о неожиданной для него поддержке старообрядчества со стороны оппозиции он говорил гораздо сдержаннее: *«нужно понять, что происходит»*^[1235]. Действительно, стоит это сделать и нам. Как мы говорили, по отношению к различным политическим партиям староверы имели выраженные предпочтения: более всего их привлекали правые организации, чья монархическая риторика и приверженность русским национальным началам была им близка. Тем более что лидеры правых часто провозглашали в православии равенство старого и нового обрядов. Однако когда дело дошло до реального выбора – предоставлять староверию равные права с господствовавшей церковью или нет, – то правая дворянско-помещичья публика предпочла пожертвовать интересами тех, кто, по сути, составлял для нее массовку. Конечно, старообрядцы не могли не почувствовать потребительского отношения к себе. В стенах думы происходило то же, что и на форумах правых сил в 1906-1907 годах, где староверческие крестьянские низы разошлись в решении земельных дел с помещичьим дворянством. Только теперь пришел «час X» и в религиозном вопросе.

Правые, понимавшие, что большинство в государственной думе поддерживает редакцию старообрядческой комиссии, пытались спасти ситуацию, придав обсуждению новый ракурс. Один из них, А.С. Вязигин, заявил, что вообще не может понять точку зрения тех старообрядцев, которые обращаются за разрешением духовных нужд к думе. Он вопрошал: разве у нее *«есть канонический авторитет?»* – и сам же отвечал: да, она состоит из неверующих и инородцев. После чего предлагал рецепт:

«если хотите исцелить язву, то тогда пусть будет созван церковный собор, только подобным образом могут быть устранены те распри, те раздоры, которые терзали столько времени русское общество... ради этого надо позабыть старые дразги»^[1236].

Зацепившись за идею церковного собора, призванного разрешить все проблемы старообрядчества, правые настояли на голосовании этого предложения против формулировки трудовиков о свободе веры и

проповедования – и остались в меньшинстве^[1237]. Свою миссию по отношению к старообрядчеству Государственная дума выполнила. Кстати, заметим, что П.А. Столыпин устранился от какого-либо участия в прениях по старообрядческому законопроекту. Он попросту не появлялся в это время в думе, так как, видимо, счел для себя невыгодным публично касаться вопроса, приобретшего такую остроту. А вот на рассмотрении законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое премьер-министр по-настоящему блистал, произнеся одну из своих лучших речей в поддержку русского православия в целом^[1238].

Итак, принятый думой законопроект о старообрядческих общинах в новой редакции поступил в Государственный совет. Только в случае его одобрения и после подписания Николаем II он мог обрести силу закона. Однако, учитывая расклад сил и настроения в верхней палате, правые небезосновательно рассчитывали компенсировать свое думское поражение. Реванш возглавил лидер правых П.Н. Дурново. Бывший Министр внутренних дел позиционировал себя в качестве гражданского защитника господствовавшей церкви от различной нечисти, включая, разумеется, и староверие. К нему адресовались многие жалобы на возросшую активность старообрядцев после 1905 года. Например, служители Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище обращались к нему с просьбой урезонить староверов-поповцев, которые все настойчивее пытались вытеснить храм с территории кладбища^[1239]. Ключевая роль Дурново в рассмотрении старообрядческого вопроса в Госсовете явно не предвещала ничего хорошего. Собственно, об этом и говорил Столыпин, принимая в январе 1910 года делегацию от московского Преображенского кладбища. Он откровенно признался, что пессимистически смотрит на прохождение законопроекта в Государственном совете – причем повинны в этом сами старообрядцы. Ведь против закона, изданного по указу императора, недоброжелатели из правых пойти не осмелились. Теперь же, после внесения думой поправок, Госсовет имеет дело не с актом, утвержденным государем, а с документом совсем иного рода, с которым можно не церемониться. В результате выгодная позиция, заключил Столыпин, потеряна^[1240]. Опасения, высказанные главой правительства, подтвердились и во время приема старообрядческой делегации из семи человек в Царском

селе. Демонстрируя всяческую расположенность к староверам, Николай II, тем не менее, избежал каких-либо конкретных обещаний^[1241]. В этой связи не случайным надо признать то, что член Госсовета от Москвы старообрядец-промышленник Г.А. Крестовников неожиданно для всех попросил освободить его от работы в комиссии по этому вопросу – в связи с занятостью^[1242].

Так все и получилось. Доклад делал П.Н. Дурново; он начал с того, что назвал законопроект легкомысленным, поскольку *«всякое вероисповедание как христианское, так и не христианское могут быть только терпимы»*^[1243]. По его убеждению, иное отношение к этому вопросу не вяжется с правами господствующей церкви, а с общей пользой государства – в особенности^[1244]. На речь главного докладчика с энтузиазмом откликнулся целый сонм иерархов РПЦ. Архиепископы и протоиереи наперебой убеждали присутствующих в очевидных преимуществах и прелестях синодального православия. Архиепископ Николай заявил, что недопустимо возвышать староверие до православной церкви, последнюю же нельзя низводить до раскола. К тому же и само название «старообрядцы» – неправильное, ведь тогда получается, что мы – «новообрядцы», а это оскорбление^[1245]. Однако нужно отметить, что противники законопроекта высказывали и трезвые суждения, содержащие серьезный анализ его практики. Таково, например, выступление графа Д.А. Олсуфьева. Он провел тонкое сравнение с сословиями:

«Если говорить, что все сословия нужно уравнивать, то это не значит всем сословиям дать дворянский мундир, а надо от дворян отнять все привилегии, которые отделяют их от других сословий»^[1246].

Он расценил усилия правительства по проведению законопроекта об общинах как неудачную попытку примирить раскол с господствующей церковью на почве гражданского законодательства; а религиозный инстинкт староверов подсказал им, что власть взялась не за свое дело. Поэтому законом об общинах за три года воспользовались всего лишь сто тысяч старообрядцев, а миллионы его проигнорировали^[1247].

Прямых защитников староверия в Государственном совете оказалось в разы меньше, чем в Думе. Одинокó прозвучал голос А.Ф. Кони – о болезни в виде старообрядчества, которая поразила организм русского общества и для лечения которой требуется не пластырь, а хирургический нож – чтобы безвозвратно отрезать прошлое с его тяжелыми воспоминаниями^[1248]. Выделяется и выступление профессора А.В. Васильева, призвавшего вместо огульного порицания изучать староверие, всячески иницируя исследования в этой области^[1249]. Собственно, А.Ф. Кони и А.В. Васильев вместе с М.А. Стаховичем и Н.Т. Таганцевым составили особое мнение меньшинства по защите думского варианта старообрядческого законопроекта^[1250]. Правительство вновь решило не вмешиваться, очевидно, не желая обострять отношения с влиятельными членами верхней палаты. Однако в обществе впечатление от слушаний осталось тяжелое:

«Старообрядцы с благоговением и чистой радостью приняли оказанные им с высоты Престола милости, а теперь оказывается, что предвидится отнятие у них этих милостей, потому что они представляются П.Н. Дурново неблагонадежными и опасными, а заседающие в Государственном совете епископы бесцеремонно заявляют, что православная церковь без поддержки и покровительства полиции существовать не может»^[1251].

После того как думская редакция законопроекта о старообрядческих общинах была отвергнута большинством Госсовета, он поступил в согласительную комиссию для устранения разногласий между нижней и верхней палатами. В состав комиссии вошли по шесть представителей от каждой из них^[1252]. Заседания проходили в ноябре-декабре 1910 года, но совместное заключение так и не было принято: компромисс коснулся лишь мелких деталей^[1253]. Так, по правительственному варианту общину могли образовать не менее пятидесяти человек, а по думскому – не менее двенадцати; комиссия же остановилась на двадцати пяти. Никаких более принципиальных вопросов согласовать не удалось. В IV Государственной думе старообрядческий вопрос уже не поднимался. Соответствующая комиссия (после смерти В.А. Караулова в 1911 году – во главе с

депутатом Н.Ф. Каптеревым) в течение четвертого созыва, т.е. за четыре года, собиралась всего шесть раз. На этих редких заседаниях выяснялись условия и пределы права проповедования, заслушивались экспертные мнения по этому поводу, но на продвижение законопроекта уже никто не рассчитывал^[1254]. На этом думская старообрядческая эпопея завершилась.

Отрезок от революции 1905-1907 годов до начала Первой мировой войны рассматривается в литературе как период бурного капиталистического развития царской России. Именно в эти годы страна продемонстрировала наиболее впечатляющую промышленную динамику. Большевики, а затем и советские историографы считали, что экономическое положение отечественной буржуазии в эти годы заметно упрочилось. Конечно, справедливость такого вывода не вызывает сомнений. Однако напомним, что подход, который используется в настоящей работе, основан не на общих оценках капиталистического развития страны в целом, характерных для советской исторической науки, а на выделении основных участников этого процесса. В русле данного подхода следует обязательно различать разницу в позиционировании петербургской и московской буржуазии. Экономическая специфика функционирования двух этих финансово-промышленных кланов определила и разность их политических устремлений, а в конечном счете, и вовлеченность купечества в оппозиционное либерально-конституционное движение, захватившее страну в начале XX столетия. Экономические потребности купеческой буржуазии естественным образом стали побудительным мотивом для утверждения политической практики, которая сводила к минимуму непредсказуемость предпочтений правящей бюрократии и связанные с этим риски.

Однако установившийся думский формат, на который возлагалось немало надежд, не отвечал в полной мере чаяниям московской группы. Как и прежде, придворные круги и столичное чиновничество продолжали ориентироваться на патронаж более близкого им петербургского бизнеса и иностранного капитала. Коммерческие интересы же купечества по-прежнему оставались на втором плане, что вызывало у него большую озабоченность. Даже принципиальный старообрядческий законопроект, прошедший Государственную думу, был отвергнут верхней палатой и затем затаскан по комиссиям. Иными

словами, эти политические реалии вновь побуждали купеческую буржуазию к активным действиям. О ее праве на реальное управление государством было заявлено в ходе семинаров, где открыто и в полный голос прозвучали претензии в адрес правящей бюрократии. Причем они коснулись не только традиционных экономических проблем, но и других общественно значимых вопросов. На разгром Московского университета, учиненного Министерством народного просвещения, купечество ответило жестким заявлением о некомпетентности правительства в образовательной сфере. Все это свидетельствовало о новой волне протестных настроений купеческой элиты, с чем властям приходилось все больше считаться. Как, например, при попытке назначить на пост Московского городского главы правительственного кандидата, минуя выборные процедуры в думе; эта попытка закончилась неудачей, и власти были вынуждены отступить. Короче говоря, вся ситуация предвещала новый виток борьбы за власть по линии усиления влияния Думы на правительство через назначение на министерские посты. На повестке дня оказался вопрос о полноценной парламентской модели, не только принимающей законы, но и реализующей управленческие решения.

2. Попытки утверждения парламентской модели

Учреждение конституции и Думы, конечно, трансформировало политическую систему Российской империи. Однако это не привело к желанным результатам для тех, кто серьезно вложился в конституционно-либеральную эпопею начала XX века. Функционирование законодательного органа не привело к созданию действенного политического механизма по реализации экономических интересов московской буржуазии. И хотя теперь правительство утверждало в Думе ведомственные бюджеты, другими рычагами воздействия на политику министерств, кроме пылких речей, народные избранники не владели. Их влияние на решение практических вопросов коммерческого назначения было ограничено сохранявшейся неподотчетностью исполнительной власти перед законодательной. Правительственные назначения и перемещения по-прежнему оставались прерогативой императора, перед которым была ответственна вся высшая бюрократия.

Следует заметить, что начало работы III Государственной думы ознаменовалось попыткой приспособить сложившуюся политическую конструкцию к обслуживанию потребностей купеческой буржуазии. Эта попытка связана с деятельностью видного представителя московского клана А.И. Гучкова. Он являлся деятельным участником общественно-политической жизни, в 1905 году участвовал в земско-городских съездах, поддерживая линию на сотрудничество с правительством. Его конструктивный настрой не остался незамеченным в верхах: после неудачи на выборах в первую Госдуму Гучкова по инициативе самого Николая II приглашали войти в реформированный Государственный совет. Однако тот отказался пребывать в составе верхней палаты по назначению, объявив, что готов служить лишь по выбору^[1255]. Правда, этот красивый жест не помешал ему уже через полгода одобрить введение военно-полевых судов, вызвавшее бурные протесты общественности. В результате он тесно сошелся с премьером П.А. Столыпиным, который после разгона II ГД настойчиво стремился утвердить в политической практике новый

думский формат. Гучков стал неутомимым проводником всех столыпинских инициатив: его заинтересованность в благорасположении премьера подкреплялась неудачей на выборах уже и во вторую Госдуму.^[1256] Лишь изменение избирательного закона от 3 июня 1907 года открыло для него путь в нижнюю палату. Премьер всячески, в том числе и финансово, содействовал успешному вхождению своего протеже на законодательную ниву^[1257]. Оказавшись в III Думе в качестве лидера «Союза 17 октября», Гучков незамедлительно начал благодарить верховную власть за дарованные возможности и уверял в такой же своей преданности конституционному монарху, какую демонстрировали его предки к неограниченному самодержцу (заметим, апелляция к «верноподданности» его предков выглядела более, чем сомнительно)^[1258].

Своим непосредственным избирателям, т.е. московскому купечеству, Гучков доказывал эффективность столыпинского думского формата. Надо заметить, что в деловых кругах Первопрестольной он слыл одним из самых правых: участия в перипетиях конца 1905 года, кроме общепримирительных заявлений, не принимал. А потому костяк купеческой элиты с осторожностью отнесся к его стремлению позиционировать себя в качестве посредника между правительством и Москвой, способного в сложившейся политической системе разруливать конкретные вопросы. Претензии Гучкова на эту роль укрепились в 1908 году, после удачного противодействия металлургам юга, когда думским кругам с помощью Столыпина удалось заблокировать трестовую инициативу южан. Однако успех оказался лишь эпизодом в череде неудач, сопровождавших в дальнейшем московскую купеческую группу на коммерческой ниве. Московский биржевой комитет с явной неохотой финансировал орган октябристов «Голос Москвы», вяло воспринимая тот аргумент, что они, мол, не меньше заинтересованы в «Союзе 17 октября», чем партия – в них^[1259].

Тогда Гучков решил усилить свой политический ресурс, а именно добиться постоянного личного общения с императором, которое обеспечивал пост Председателя Государственной думы. Гучков предпринял попытку конвертировать доступ к Николаю II в устойчивое влияние на решение широкого круга вопросов. По мнению

октябриста Н.В. Савича, ради этого в марте 1910 года Гучков и возглавил нижнюю палату, фактически поставив на карту свое политическое будущее^[1260]. Общение с государем вдохновило нового думского главу: они обсуждали не только текущую жизнь палаты, но и пополнение Госсовета новыми членами, внешнюю политику, проблемы военного строительства и т.д. Поначалу Николай II охотно откликался на идеи Гучкова, но тот, как это обычно бывает, начал откровенно бравировать, появившимися у него новыми возможностями. В итоге слова и мнения императора по конкретным ситуациям стали достоянием широкой гласности, что в корне и довольно быстро изменило его отношение к активному думскому предводителю^[1261]. В результате на просьбу Гучкова назначить морским министром князя А.П. Ливена, пользовавшегося авторитетом среди офицеров флота, Николай II отреагировал по-своему: морское ведомство возглавил И.К. Григорович. После этого для всех стало очевидным, что о каком-либо гучковском влиянии на царя говорить не приходилось. С начала 1911 года общение между ними практически прекратилось^[1262]. А в марте, после известного скандала с введением земства в западных губерниях, Гучков оставил председательский пост, дальнейшее пребывание на котором утратило для него всякий смысл^[1263].

После такого фиаско московская буржуазия окончательно уяснила: при существующей политической конструкции воздействовать на власть в нужном для нее ключе невозможно. Тучковский эпизод убедил купечество в необходимости продавливать парламентскую модель, прекратив отстаивать свои интересы в рамках думской системы, предложенной властью. Однако курс на учреждение парламента купечество принялось реализовывать уже без бывшего Председателя Государственной думы: он лишился опоры в правительстве (после гибели Столыпина в сентябре 1911), и купеческие круги потеряли к нему интерес. К тому же в декабре 1911 года Гучков чуть не спровоцировал конфликт экономического характера с США, которые объявили о расторжении торгового договора с Россией. Недовольство американцев вызвали препятствия, чинимые евреям, предъявлявшим при въезде в страну американский паспорт. В ответ Гучков и ряд его сторонников инициировали законопроект, на 100% повышающий пошлины на товары из США,

включая хлопок, необходимый текстильной промышленности. Перспектива удорожания сырья вызвала нешуточные волнения среди купеческой элиты. Инициативу Гучкова встретили в штыки деловые столпы Первопрестольной^[1264], и его перспективы на выборах в IV Государственную думу стали близки к нулю. В результате он действительно потерпел полное поражение, сойдя с политического Олимпа. И лишь начавшаяся вскоре мировая война вынудила оппозиционные круги вновь вспомнить о Гучкове: его связи в армейской среде оказались востребованными в военной обстановке.

Эпопея с продавливанием парламентской модели – интереснейшая страница в политической истории России. Советская историография традиционно концентрируется вокруг деятельности так называемого Прогрессивного блока – своего рода политического инструмента для образования правительства, не подотчетного правящей бюрократии, а облеченного общественным доверием. Создание объединения, провозгласившего такую цель летом 1915 года (т.е. уже в ходе военных действий), стало важной вехой в общественно-политической жизни страны. Солидная литература, посвященная этим событиям, – лучшее подтверждение их исторической значимости^[1265]. Однако попытки продавить парламентское устройство власти, т.е. с назначением министров Государственной думой и их подотчетностью этому органу, восходят ко времени до Первой мировой войны. Многие исследователи писали о желании различных оппозиционных сил создать устойчивое думское большинство и тем самым обуздать влияние высшей бюрократии. Как известно, подобные попытки предпринимались с начала работы IV Государственной думы (в исторической литературе укоренилось мнение об их несостоятельности), но лишь в ходе войны парламентские претензии получили организационное оформление. Тем не менее еще до начала боевых действий (как и позже – в 1915 году) стремление подвести верховную власть к осознанию благотворности и необходимости изменений в государственном управлении было очевидным. Последовательность шагов в этом направлении не вызывает сомнений: их прервала лишь внезапно развязанная мировая война. Это обстоятельство естественным образом отложило исполнение намеченного политического плана. Его авторы смогли приступить к нему лишь спустя год – к лету 1915-го. В этом

смысле уместно говорить о двух заходах по утверждению парламентской модели: в мирных условиях (попытка не доведена до завершения) и в военной обстановке (попытка доведена до конца, но в результате отвергнута Николаем II)^[1266]. Причем вторая попытка явилась продолжением первой – это убедительно подтверждает тот факт, что обе они проводились по одному и тому же плану и одними и теми же лицами, интересы которых в этом деле совпали.

Главными движущими силами данного сценария, определявшего содержание всей политической жизни империи последних пяти лет, стали влиятельный член правительства А.В. Кривошеин^[1267] и московская купеческая буржуазия. Такой странный на первый взгляд политический альянс представителя высшей царской бюрократии и оппозиционных капиталистов составил не вдруг. Пожалуй, впервые в истории российских элит мы сталкиваемся с уникальным случаем, о котором стоит сказать особо. В 1892 году скромный выпускник юридического факультета Московского университета А.В. Кривошеин удачно женился на внучке промышленного магната Т.С. Морозова – Елене Карповой и тем самым породнился с именитой купеческой семьей^[1268]. О том, как это произошло, существуют разные версии: по мнению одних, он был репетитором в морозовском доме^[1269], по мнению других, работая юристом в компаниях С.И. Мамонтова, сумел обратить на себя внимание своей деловой хваткой. Затем А.В. Кривошеин переходит на государственную службу, и здесь его замечает видный деятель царской России И.Л. Горемыкин (Министр внутренних дел в 1894-1899 годах, Председатель правительства в 1906 и 1914-1916 годах), который берет перспективного чиновника под свое покровительство. С тех пор продвижение А.В. Кривошеина по служебной лестнице не задерживается; вскоре он попадает в круг высшего чиновничества страны, становится близким соратником П.А. Столыпина, вошедшего как раз в правительство И.Л. Горемыкина. Заинтересованность в нем купеческого клана очевидно возрастает: свой человек, связанный с ними родственными узами, никогда еще не оказывался так высоко на властном Олимпе. Фонд А.В. Кривошеина в РГИА содержит немало писем к нему от видных представителей московского купечества (Г.А. Крестовникова, А.И. Гучкова, С.И. Четверикова, В.В. Якунчикова и др.): все его благодарят по любому поводу, с нетерпением ждут приезда, хотят видеть и т.д.^[1270] В 1911

году именно Кривошеин (вместе с главой Московского биржевого комитета Крестовниковым) являлся душеприказчиком одной из самых богатых женщин дореволюционной России М.Ф. Морозовой – матери известного Саввы Морозова, погибшего в 1905 году^[1271].

Вот так А.В. Кривошеин и стал одним из редких представителей царской бюрократии, который обладал связями, а главное, был облечен доверием верхушки купеческой элиты Москвы. Их полное взаимопонимание оказалось благодатной почвой, на которой вызревали общие политические планы. Но если для купеческой буржуазии эти вождения были обусловлены проблемами экономической выживаемости, то намерение успешного бюрократа поставить свою судьбу в зависимость от осуществления парламентского проекта кажется не совсем понятным. Позиции А.В. Кривошеина после трагической гибели П.А. Столыпина в 1911 году не поколебались: он пользовался большим расположением царской четы^[1272]. И даже неприязненные отношения с новым премьер-министром В.Н. Коковцовым не сильно сказались на его влиянии. Более того, при расставании с Коковцовым Николай II желал утвердить преемником павшего финансового «гения» именно А.В. Кривошеина. Но тот предпочел уступить премьерское кресло своему давнему патрону – уже стареющему И.Л. Горемыкину. Хорошо известно, что эта рокировка произошла во многом как раз благодаря стараниям Кривошеина. Вежливый отказ от заманчивого предложения (со ссылкой на плохое состояние здоровья) был продиктован серьезной причиной: он никогда не забывал о судьбах предыдущих царских премьеров (того же С.Ю. Витте), которые в мгновение ока могли распрощаться с высоким постом, лишившись почему-либо расположения императора. Быть заложником такой системы осмотнительный Кривошеин явно не желал. Личные перспективы он видел в утверждении такого государственного порядка, при котором политическая устойчивость обеспечивается не только верховной волей, но и в равной степени – поддержкой Государственной думы. Сбалансированная модель существенно расширяла возможности по сохранению должности, оберегала от различных капризов и придворных веяний. Заинтересованность А.В. Кривошеина и его друзей из московской буржуазии в такой политической системе совпали.

К моделированию ее они приступили в 1913 году, т.е. сразу с началом работы Государственной думы четвертого созыва. Уже предвыборная кампания свидетельствовала о том, что координация оппозиционных сил возможна. Так, в Москве кадеты, прогрессисты и представители купечества решили проводить в нижнюю палату по первой курии единого кандидата Д.Н. Шипова. При чем договоренности по поводу него касались не только депутатского мандата, но и поста Председателя думы. Многие в Первопрестольной были бы не прочь видеть Шипова, обладавшего большим авторитетом, вместо близкого к Гучкову М.В. Родзянко. Однако Д.Н. Шипов наотрез отказался от думской карьеры^[1273]. Вообще в российском обществе предвоенного периода преобладало разочарование от думской деятельности, а точнее -от отсутствия ее заметных результатов. Расклад сил, полученный в ходе новых выборов в нижнюю палату, также не предвещал больших прорывов. Как остроумно заметил кадет Ф.И. Родичев, если третья Государственная дума имела все-таки свою тень, то четвертая потеряла и это^[1274]. О невысоком интересе к происходящему в стенах Думы свидетельствует и частое отсутствие кворума на заседаниях; многие говорили, что скоро в Таврическом дворце останется одна только канцелярия с Председателем думы М.В. Родзянко^[1275]. Несомненно, такая обстановка не располагала к выдвижению каких-либо созидательных инициатив. Весь 1913 год прошел в переговорах между октябристами, кадетами и прогрессистами по поводу образования в думе постоянного большинства. Проходили совместные заседания фракций, как, например, «Союза 17 октября» и прогрессистов, где обсуждалась совместная законодательная работа^[1276]. Лидеры этих партий постоянно высказывались о благотворности и необходимости нового пути, общих усилий для продвижения вперед – к процветанию России^[1277]. Заметно, по сравнению с предыдущей думой, активизировалась и практика депутатских запросов: бывало, на повестку дня выносились сразу по три-пять запросов, и за них голосовали разные политические силы^[1278]. Исследователи справедливо указывают, что более частое взаимодействие стало первым намеком на тот «прогрессивный блок», который сложился уже во время войны^[1279].

Тем не менее усилия по сколачиванию большинства продвигались медленно. Ускорили дело заинтересованные лица из состава правительства, и в первую очередь Главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин. С лета 1913 года в думе намечалось некоторое оживление, связанное с интригой против Председателя Совета министров В.Н. Коковцова. Это почувствовал прежде всего он сам, отметив, что впервые в резкую оппозицию к нему встала правая часть думы^[1280]. Правые даже решили не аплодировать во время его выступлений в ходе бюджетных прений^[1281]. Затем фракция националистов неожиданно подняла вопрос о выкупе казной Киевско-Воронежской железной дороги, управляющим которой являлся родной брат премьера. Как утверждалось, руководство дороги ведет хищническую эксплуатацию линии, избегает всяких производительных расходов, пренебрегает нуждами людей. К этой критике присоединились лидеры других фракций: все не на шутку озаботились судьбой конкретной железнодорожной ветки^[1282]. За всеми перечисленными публичными выпадами стоял именно А.В. Кривошеин: опытный царедворец отлично знал, что расположение императорской четы к В. Н. Коковцову таяло на глазах, и потому решил перейти в наступление.

Назначение Председателем Совета министров И.Л. Горемыкина в конце января 1914 года означало, что процесс создания думского большинства переходит в активную фазу. Причем инициативу теперь взяло в свои руки правительство, незамедлительно заявившее о тесном взаимодействии с Государственной думой – основой внутренней политики государства. Как замечал новый Министр финансов П.Л. Барк, эту линию олицетворял именно А.В. Кривошеин, который в действительности руководил и новым Советом министров, и его председателем^[1283]. Уже 1 марта 1914 года состоялось знаковое мероприятие: совещание ряда министров нового кабинета с президиумом ГД и членами бюро всех фракций. Добавим, что оно было посвящено военным вопросам, к обсуждению которых думцы допускались крайне неохотно. Жест произвел большое впечатление: его расценили как первый шаг в преодолении отчуждения между властью и обществом^[1284]. Причем все это происходило на фоне громких заявлений лидеров основных партий о единении. Выделим программную статью видного кадета В.А. Маклакова, который ратовал

за «превращение Думы 3-го июня в прогрессивную думу», что «поднимет к ней интерес и симпатии страны больше, чем красноречие»^[1285]. По его мнению, эта политика менее эффективная, но более ответственная: ее может проводить тот, кто не утратил желания найти выход из тупика^[1286]. Дальнейшие события наглядно показали, кто же не утратил такого желания. На протяжении весны активный (несмотря на состояние здоровья) А. В. Кривошеин сочинил и подписал у Николая II рескрипт на имя И.Л. Горемыкина, официально подтверждающий намерение власти тесно взаимодействовать с Государственной думой по всем насущным вопросам^[1287]. А в конце мая он добился согласия императора на увольнение из состава правительства лиц, не желающих расширения прерогатив нижней палаты и выступающих против ряда реформ. Речь шла о тех, кто вызывал у думских кругов большое раздражение: о Министрах внутренних дел Н.А. Маклакове, юстиции И.Г. Щегловитове и народного просвещения Л.А. Кассо^[1288]. Как говорили, поначалу записка А.В. Кривошеина встретила у Николая II отрицательное отношение; однако в связи с ширящимся недовольством не только политических групп, но и торгово-промышленного сословия предлагаемые шаги были признаны целесообразными. Изменения в составе кабинета намечались на осень 1914 года^[1289].

Из приведенной информации хорошо видно, как умело влиял А.В. Кривошеин на настроения императора. И в этом смысле его роль, конечно, трудно переоценить. Но все же успех в принятии нужных решений был бы невозможен в отсутствие соответствующего фона – и не столько в стенах Государственной думы, сколько в широких общественных слоях. Поэтому повышение политического градуса в обществе становилось заботой тех, кто располагал для этого необходимыми ресурсами. Как именно это следует делать, еще в 1905 году продемонстрировала московская купеческая буржуазия. И теперь ее связи с радикальной публикой пришлось как нельзя кстати. В то время, когда А. В. Кривошеин подготавливал высочайшие рескрипты и записки, купеческая элита мобилизовала революционные кадры. Ряд московских капиталистов во главе с товарищем председателя ГД А.И. Коноваловым собирали представителей социалистических партий для координации своих действий и информирования. На одной из таких встреч присутствовали 27 человек; наиболее актуальным для них был,

разумеется, вопрос финансирования партийных организаций^[1290]. Так, В.И. Ленин, получавший известия от участника этих мероприятий большевика И.И. Скворцова-Степанова, откровенно просил того не брать меньше десяти тысяч рублей^[1291]. Добавим, что после революции это был далеко не первый контакт социал-демократов с московским купечеством. Как свидетельствуют архивные документы, в 1910 году П.П. Рябушинский передал 12 тысяч рублей на проведение очередного съезда РСДРП (съезд так и не состоялся). Полиция сопровождала эту информацию комментарием:

«Откровенно говоря, причислять Рябушинского к партии социал-демократов никто и не подумает, но взять с него деньги на такие дела более чем легко»^[1292].

Купечество постоянно финансово подпитывало и местные комитеты социал-демократов. Возьмем, например, Уральский регион. В Перми регулярную поддержку партии оказывал уже упоминавшийся Н.В. Мешков; в Екатеринбурге это делал золотопромышленник П.А. Конюхов. В 1913 году Конюхов дал средства на приобретение подпольной типографии РСДРП (для ее организации в город приезжал член Государственной думы Г.И. Петровский в компании с И. Джугашвили)^[1293]. Этот купец вообще был хорошо известен местной полиции: он состоял в непосредственных отношениях с революционной публикой, устраивал собрания у себя на дому, вносил денежные залоги за освобождение арестованных по политическим обвинениям^[1294].

Особенно тесно купеческая буржуазия опекала активных членов Государственной думы от тех же социал-демократов и трудовиков, вращавшихся среди народных масс и находившихся на виду. Например, А.И. Коновалов патронировал знаменитого А.Ф. Керенского. Как известно, накануне выборов в IV думу будущий лидер трудовиков не обладал никаким имущественным цензом, поэтому эсеры фиктивно купили ему какой-то дом в Саратовской губернии^[1295]. Однако оказавшись в думе, он развернул бурную деятельность, раздавая крупные суммы (по 15 тыс. руб.) на различные издания^[1296]. (Заметим: годовая зарплата депутата составляла менее 4 тысяч рублей). Источник средств проясняют полицейские документы,

где зафиксировано, что все тот же Коновалов снабдил Керенского деньгами (5 тыс. руб.) с целью заполучить из Департамента полиции копии секретных докладов о деятельности оппозиции^[1297]. Интересная деталь: до А.Ф. Керенского главным оратором фракции трудовиков в III Государственной думе являлся некто К.М. Петров. Депутат от Урала произносил обличительные речи в адрес правительства по любому поводу. Однако он не стал баллотироваться в новый думский созыв, тем самым освобождая место главного оратора фракции. Видимо, в качестве компенсации он оказался на весьма теплом месте – в крупном торговом доме Второва, видного члена московского купеческого клана^[1298]. Следует сказать и о депутатах уже из социал-демократов. Большевик Н.Р. Шагов, избранный в думу от Костромской губернии, откровенно признавался, что постоянно пользуется советами (очевидно, не только ими. – А.П.) Коновалова и совсем не считает это унижительным, поскольку это «*светлая личность, очень умный человек и друг рабочих*»^[1299]. Можно вспомнить и меньшевика М.И. Скобелева, с которым Коновалов постоянно прогуливался под ручку в коридорах думы^[1300]. Или А.Ф. Бурьянова, который приобрел популярность в кругах левой оппозиции, выйдя из состава социал-демократической фракции, дабы уравновесить в ней число меньшевиков и большевиков^[1301]. После этого поступка вчерашний крестьянин из Харьковской губернии зажил на широкую ногу, приобрел недвижимость и всюду заявлял, что теперь будет избираться в думу от Прогрессивной партии^[1302]. Несложно догадаться, в чьей орбите влияния оказался этот избранник народа.

Консервативная часть правительства, противостоявшая А.В. Кривошеину, с тревогой наблюдала за консолидацией сил на различных общественных этажах. Пытаясь противодействовать этим процессам, Министры внутренних дел и юстиции – Н.А. Маклаков и И.Г. Щегловитов – решили атаковать деятелей, игравших весомую организаторскую роль. Их выбор естественным образом пал на активного А.И. Коновалова, занимавшего пост товарища Председателя Государственной думы. Непосредственным поводом для этого послужил эпизод с лидером социал-демократической фракции Н.С. Чхеидзе, который во время своего очередного выступления заявил, что для обновления страны нынешний:

«каторжный режим не годится, а наиболее подходящим является режим демократический, режим парламентский и если хотите еще более точное определение – режим республиканский»^[1303].

Это высказывание МВД и Минюст квалифицировали как публичный призыв к свержению существующего государственного строя; правоохранительные органы потребовали привлечения Н.С. Чхеидзе к уголовной ответственности. Однако вскоре выяснилось, что главной целью являлся вовсе не лидер социал-демократов, а председательствовавший на том заседании А.И. Коновалов. Ему предъявлялись обвинения в бездействии: он не прервал оратора, не сделал ему замечания, а значит, потворствовал его преступным призывам^[1304]. На то, что власти пытались зацепить именно Коновалова, указывает следующее обстоятельство. Слова Чхеидзе не выглядели такими уж преступными на фоне высказываний, которые нередко раздавались в стенах думы. К тому же чуть ранее прозвучал куда более резкий выпад Г.И. Петровского: он отнес к туеядцам всех помещиков и капиталистов, которые высасывают кровь из рабочих и не приносят пользы государству. А.И. Коновалов трижды призывал к порядку возбудившегося депутата, а в случае с более спокойным выступлением Чхеидзе просто не считал необходимым вмешиваться^[1305] – и тут же был подловлен бдительными правительственными наблюдателями. Дело принимало серьезный оборот и обсуждалось на заседании Совета министров, где по этому поводу произошло столкновение А.В. Кривошеина с его непримиримыми оппонентами. В итоге привлечение к суду А.И. Коновалова признали нежелательным: это могло оттолкнуть думу от сотрудничества с правительством^[1306]. Тем не менее 22 апреля 1914 года при выступлении И.Л. Горемыкина в нижней палате произошел скандал – премьеру не давали начать выступление^[1307]. Обструкцию устроили социал-демократы и трудовики, протестовавшие против уголовного преследования их коллег. Эта громкая история закончилась довольно тихо. Сам Коновалов поспешил снять напряжение вокруг своей персоны: он использовал удобный момент и в мае отказался от поста товарища Председателя ГД^[1308]. А в июне Н.С. Чхеидзе был освобожден от ответственности по повелению Николая II^[1309]. Кстати,

именно после этого громкого скандала общество, потерявшее интерес к Государственной думе, вновь обратило на нее внимание и *«стало чутко прислушиваться»*^[1310].

Описанный думский эпизод оказался лишь прелюдией к мощному забастовочному движению, охватившему Петербург и некоторые другие города России. Уже в июне 1914 года в столице чувствовалось напряжение, а с началом июля город охватили массовые забастовки. Около 100 тысяч человек прекратили работу и, несмотря на противодействие полиции, пытались устраивать шествия в разных районах. За Нарвской заставой произошли крупные столкновения с полицией, которая была вынуждена открыть огонь по толпе^[1311]. К 9 июля число бастующих увеличилось до 150 тысяч. Все стачки проходили, как правило, по одному сценарию:

«сначала общее собрание рабочих на заводах, потом демонстрации, шествия по улицам с флагами и пением революционных песен, столкновения с полицией, попытки разгрома трамваев»^[1312].

Столичное «Новое время» пыталось проанализировать обстановку, что называется, по свежим следам. Как отмечала газета, властям давно пора понять, что этот *«человеческий муравейник»*, захваченный враждебными страстями, не подвластен общему гражданскому порядку, *«слушается своих собственных вожakov, поднимается на их зов и начинает творить что-то дикое, смутное и нелепое»*^[1313]. Причем эти вожаки руководствуются какими-то своими интересами, а толпы рабочих выступают в роли *«пушечного мяса»*. Публикация обращала внимание на следующее обстоятельство: пик массовых беспорядков пришелся на дни пребывания в Петербурге Президента Франции Р. Пуанкаре^[1314]. Высокий французский гость ощутил всю прелесть происходящего, как и другие, лишившись возможности свободно передвигаться по городу из-за перевернутых трамваев и разрушений. Власти объясняли беспорядки подстрекательством немецких агентов, часть из которых уже якобы арестована^[1315]. Не станем подтверждать или опровергать версию о связи беспорядков с приездом Р. Пуанкаре, но отметим, что МВД имело довольно полное представление об инициаторах всего

происходящего. Как вспоминал Костромской губернатор П.П. Стремоухов, в эти тревожные дни департамент полиции МВД информировал его о руководящей роли революционных организаций в разгоревшихся, в том числе и у него в губернии, волнениях. В поступавших полицейских сообщениях прямо указывалось на тесное взаимодействие левых партий с членом Государственной думы фабрикантом А.И. Коноваловым^[1316].

Реализация сценария, в который полностью вложилось московское купечество, шла полным ходом. Кстати, ключевое действующее лицо – А.В. Кривошеин – оптимистически смотрел в будущее. К примеру, он делился с французским послом М. Палеологом своей уверенностью в готовности Николая II пойти на реформу государственной власти: расширить контроль думы над правительством и провести децентрализацию всех его ведомств. С видимым удовольствием рассуждал об изменениях в управленческой психологии, связанных с появлением думы^[1317]. Несомненно, что своим оптимизмом он регулярно подпитывал своих друзей из московской буржуазии, однако в это время в Европе разразилась Первая мировая война, в которую, естественно, оказалась втянута и Россия. Начало боевых действий с Германией кардинально изменило внутривнутриполитическую атмосферу. Патриотическая риторика захлестнула общество, рабочие волнения мгновенно сошли на нет, дума во имя победы согласилась перервать работу на неопределенный срок. Ее Председатель М.В. Родзянко в верноподданническом порыве вообще предлагал распустить законодателей до завершения войны, «чтобы не мешали»^[1318]. Нечто подобное происходило и в Германии – вся страна сплотилась вокруг кайзера Вильгельма II. Даже немецкая социал-демократическая партия, крупнейшая организация II Интернационала, с легкостью отбросила международную рабочую солидарность и предпочла сосредоточиться на сугубо национальных интересах.

В России же продавливание реформаторского курса пришлось отложить до лучших времен. Московское купечество с началом военных действий незамедлительно увлеклось перспективным для себя делом – борьбой с германским и австрийским влиянием. Оно выступило с инициативой о невыдаче поданным вражеских государств промысловых свидетельств, о подчинении особому контролю

немецких акционерных и страховых компаний. А главное о причислении в купечество лишь с согласия самих купеческих обществ. Это ходатайство деловая депутация биржевого комитета торжественно огласила перед Николаем II в бытность его в Первопрестольной в октябре 1914 года^[1319]. Другой участник парламентского проекта А.В. Кривошеин также не терял время зря; оставаясь ключевой фигурой в Кабинете министров, он продолжал наращивать свое влияние. Кстати, именно по его настоянию Николай II переименовал столицу России Петербург в Петроград, чему многие в верхах противились^[1320]. В феврале же 1915 года во внутриполитической жизни России произошло знаковое событие: А.В. Кривошеин добился того, чтобы вместо скончавшегося Л.А. Кассо^[1321] Министром народного просвещения был назначен сторонник Кривошеина и его заместитель по Главному управлению земледелия и землеустройства П.Н. Игнатьев. А вот на его место был назначен не какой-либо чиновник, а член Государственной думы князь В. В. Мусин-Пушкин, с которым Кривошеина связывали годы совместной работы. Таким образом, впервые за все время существования нижней палаты депутат занял ответственную правительственную должность. Сам Кривошеин оценивал это назначение как первую ласточку в наступлении новой политической эры^[1322]. Добавим, что товарищем П.Н. Игнатьева в Министерстве народного просвещения также стал член Государственного совета по выборам А.К. Рачинский, сменивший ненавистного оппозиции барона М.А. Таубе. Следующим высокопоставленным чиновником в правительстве, рекрутированным непосредственно из состава думы, стал князь В.М. Волконский: он был назначен на важный пост товарища Министра внутренних дел. Назначение произвело большое впечатление на думцев; по этому поводу был устроен грандиозный банкет, где присутствовали около трехсот депутатов. По обе стороны от Председателя ГД М.В. Родзянко сидели виновники торжества – В.В. Мусин-Пушкин и В.М. Волконский, произносились речи о растущем влиянии нижней палаты в политической жизни страны^[1323]. Конечно, в основе всего этого лежало явное расположение императора к А.В. Кривошеину, точнее – к его стремлению сотрудничать с законодательной ветвью власти. Князь В.Н. Шаховской, назначенный в это же время новым Министром торговли и промышленности, вспоминал, как Николай II говорил ему,

что рассматривает А.В. Кривошеина в качестве фактического Председателя правительства^[1324]. Практически в два дня тот мог устроить аудиенцию у императора, чем многие пользовались^[1325]; к нему шел поток обращений с просьбами посодействовать тому или иному назначению^[1326].

Сложившаяся обстановка позволила главному архитектору парламентского курса обрести и нового сильного союзника в лице великого князя Николай Николаевича. С началом войны этот член царской фамилии, считавшийся крупным знатоком военного дела, выдвинулся на первые роли. К тому же к 1914 году он являлся старейшим из великих князей, пользовался авторитетом у столичной аристократии и известностью в народе. Именно его Николай II назначает Верховным главнокомандующим российской армии. Хорошо известно, что отношения между их семьями были натянутые, и это не могло не отражаться на служебных делах родственников. Вообще, император не без сомнений и колебаний решил отказаться от командования войсками. При отъезде великого князя Николая Николаевича в ставку он даже не приехал проводить его на вокзал, прислав вместо себя дворцового коменданта В.Н. Воейкова^[1327]. До весны 1915 года Николай II лишь дважды (в октябре 1914-го и феврале 1915-го) навещался в ставку, предпочитая поездки по стране^[1328]. Новоиспеченный Верховный главнокомандующий не мог не осознавать шаткость своего положения и был бы не прочь застраховаться от перемен настроения своего венценосного родственника и его супруги. Парламентские планы А.В. Кривошеина пришлись ему явно по душе: сотрудничество между ними стремительно налаживалось.

Военная обстановка вызвала к жизни новые общественные организации: Земский и Городской союзы, образование которых явилось исключительно московской инициативой; их учредительные съезды прошли в Первопрестольной. Лидерами были избраны: в Земском союзе ветеран земского движения князь Г.Е. Львов, а в Городском союзе – глава московского общественного самоуправления М.Н. Челноков. Оба они являлись креатурой купеческой Москвы. Напомним, что Г.Е. Львов всего год назад едва не стал городским главой (чему помешало правительство); его старший брат – Алексей Львов – слыл любимцем местного купечества: в 1896-1917 годах он

возглавлял Московское училище живописи, ваяния и зодчества, содержавшееся в основном на купеческие средства; М.В. Челноков – крупный купец, широко известный в деловых кругах. Эти московские выдвиженцы объединили лучшие силы отечества для помощи фронту^[1329]. Решительный почин общественных сил не выглядел случайным. Все хорошо помнили, что в русско-японскую войну 1904-1905 годов государственный Красный крест, мягко говоря, не справлялся со своими обязанностями. Целый шлейф скандалов тянулся за этой организацией, ее руководство обвиняли во многих злоупотреблениях^[1330]. И теперь о доверии к Красному кресту говорить можно было с трудом. Поэтому с начала Первой мировой войны за оказание помощи раненым и беженцам, за развертывание и оснащение госпиталей и т.д. взялись союзы. Пока все – и народ, и монарх – испытывали единый патриотический порыв, такое сотрудничество ни у кого не вызывало сомнений: работу союзов патронировала ставка, а средства для них, выделявшиеся из казны, выбивались стараниями великого князя Николая Николаевича^[1331]. Лидеры союзов непосредственно к нему обращались за поддержкой во взаимоотношениях с министерствами и ведомствами, военное командование поручало этим общественным организациям массовые поставки снаряжения и для армии. Связи между Верховным Главнокомандующим и руководством союзов установились настолько прочные, что князь Г.Е. Львов на съезде Земского союза в марте 1915 года восторженно именовал Николая Николаевича «*былинным богатырем*»^[1332]. Однако благостное единение продолжалось недолго, а точнее, до той поры, когда российская армия стала терпеть ощутимые поражения на фронте. К лету 1915 года началось немецкое наступление, патриотические порывы сменились разочарованиями и пессимизмом. Сложившиеся условия как нельзя больше располагали к тому, чтобы возобновить давление на верховную власть относительно долгожданных реформ. К тому же вопрос об ответственности за военные неудачи довлел, являясь далеко не праздным. В результате А.В. Кривошеин вновь теперь уже с великим князем обратились к Николаю II, доказывая необходимость скорого созыва Государственной думы – дабы успокоить общественность, взволнованную фронтовыми поражениями. Однако, по их убеждению, открытие думской сессии может иметь значение только в том случае, если правительство

покинут все те же министры: внутренних дел, юстиции, а ныне и военный министр – В.А. Сухомлинов. Их отставки создадут благоприятный фон, на котором единение с обществом обретет новую силу^[1333].

Кстати, общество уже было готово не только к отставке названных персон, но и к участию в новых политических реформах. Об этом свидетельствует учреждение 22 мая 1915 года в Москве «Общества сближения с Англией». Инициаторами его создания стали член Государственного совета М.М. Ковалевский и депутат Государственной думы М.М. Новиков. Торжественное заседание собрало весь цвет московской интеллигенции, лидеров кадетов и прогрессистов из думы, членов Госсовета. По впечатлениям полиции, оно приняло характер серьезного политического события, напомнившего аналогичные мероприятия 1905-1906 годов. В произнесенных речах содержалась ключевая мысль: Россия находится *«накануне своего нового политического строя»*, который поможет осуществить родоначальница парламентских свобод – Англия. Как особо отмечалось в донесении, складывалось впечатление, что присутствующие деятели *«подготавливают какое-то активное выступление в смысле предъявления требований к правительству»*^[1334].

Надо заметить, полицейское чутье не подвело: реформаторские мотивы быстро переместились в центр внимания общественных организаций. В один и тот же день, 5 июня 1915 года, в Москве прошли сразу три мероприятия: Земский и Городской съезды, а также совещание Московского купеческого общества. Все они приняли резолюции о необходимости скорейшего созыва Государственной думы^[1335]. Как отмечали полицейские источники, главную роль играл Земский союз: яркую речь его лидера Г.Е. Львова заранее отпечатали в типографии Рябушинских и распространили по всей Москве^[1336]. В своем выступлении Г.Е. Львов подчеркивал, что масштабы военных действий ширятся, и обеспечение фронта всем необходимым становится для правительственных учреждений непосильной ношей. Власть обязана осознать: без доверия к общественным силам страны, вне полного единения с ними нельзя достичь успеха. На деле же происходит совсем другое: работе, которая ведется на казенные, т.е. народные деньги, чинится все больше препятствий, нет уверенности,

что деятельность союза будет такой же успешной, как ранее. Между тем именно общественность должна брать на себя заботу об армии. Лидер земцев предлагал не только созвать Государственную думу, но и предоставить ей право производить ревизии злоупотреблений в действующей армии^[1337].

Все эти выступления общественности происходили на очень напряженном – и не только военном – фоне. Речь идет о беспрецедентных беспорядках, случившихся тут же, в Москве, 27-29 мая 1915 года. По масштабам они вполне сопоставимы с декабрьским восстанием 1905 года. На сей раз погромы имели ярко выраженную антигерманскую подоплеку и были направлены против немецкого засилья в стране. Как известно, эпизод с этими погромами – не совсем простой. Обращают на себя внимание утверждения свидетелей, будто массовые беспорядки были хорошо скоординированы: они начались одновременно в разных частях города и вспыхивали по аналогичной схеме. Правда, все закончилось банальным грабежом всех подряд, а не только немецких предприятий и магазинов. Полиция довольно долго бездействовала и отреагировала на происходящее слишком поздно. Москва наполнилась слухами, что местные власти сознательно не препятствуют беспорядкам^[1338]. В результате общая сумма причиненного ущерба достигла 70 млн рублей; среди пострадавших 13% являлись коренными русскими, 70,7% – поданными союзных и нейтральных государств, и только 16,3% – подданными неприятельских держав^[1339].

По всей видимости вся эта история с погромами действительно не обошлась без участия московских властей^[1340]. Подобная напряженность внутри страны была явно не лишней для воплощения тех планов, которые обсуждались на самом верху: на таком фоне становилось совершенно очевидным, каким образом нужно разрядить ситуацию и успокоить общество – пойти навстречу его пожеланиям, заявленным на Земском и Городском съездах. К тому же главнокомандующий Первопрестольной князь Ф.Ф. Юсупов, назначенный на данную специально учрежденную должность в начале мая 1915 года, был креатурой Николая Николаевича. Его показания в ходе следствия сводились к простым объяснениям: мол, провокацией послужило исключительно поведение немцев в городе, а градоначальник А.А. Андрианов не справился со своими

обязанностями^[1341]. Московский градоначальник лишился должности 4 июня; сняли также и двух его помощников. Однако этим дело не ограничилось: вместо ожидаемого всеми отстранения Ф.Ф. Юсупова 5 июня, в день открытия съездов общественных организаций и Купеческого собрания, было объявлено об отставке Министра внутренних дел Н.А. Маклакова^[1342]. Неожиданное решение объяснялось его ответственностью не столько за беспорядки, сколько за произведенный в первых числах июня арест председателя Московского общества фабрикантов и заводчиков – Ю.П. Гужона. Задержание видного представителя буржуазии Москвы вызвало небывалые протесты купеческой элиты, что, несомненно, ускорило уход Н.А. Маклакова^[1343].

Такой поворот событий стал победой А.В. Кривошеина и Верховного главнокомандующего. Что не удалось реализовать в июле 1914 года из-за разразившейся войны, благополучно было доведено до конца – во время войны. Вместо Н.А. Маклакова в МВД пришел соратник Николая Николаевича князь Б.Н. Щербатов (его родной брат П.Н. Щербатов – старший адъютант Верховного главнокомандующего)^[1344]. Аналогичные изменения произошли и в военном министерстве. Ненавистного для общества В.А. Сухомлинова, обвиненного в неумелом руководстве в военных условиях, сняли с должности; его заменил ставленник думы генерал А.А. Поливанов, в свое время изгнанный из министерства тем же Сухомлиновым за слишком тесные связи с законодателями. В начале июля 1915 года дело завершилось еще двумя громкими отставками: министра юстиции И.Г. Щегловитова и обер-прокурора Синода В.К. Саблера. Кстати, на должность Министра торговли и промышленности вместо князя В.Н. Шаховского планировался председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников^[1345] (кривошеинский родственник по линии жены). В придворных кругах реакция на эти кадровые перестановки была однозначной:

«Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, однотипных и одинаково мыслящих, который был бы послушным орудием у него в руках»^[1346].

Вслед за переменами, призванными успокоить взволнованную общественность, обновленный состав правительства по инициативе А.В. Кривошеина решил подтвердить желание верховной власти работать в полном единении с Думой, что и было зафиксировано высочайшим рескриптом на имя И.Л. Горемыкина^[1347]. Таким образом, путь к созыву Государственной думы был открыт.

Заседания возобновились 19 июля 1915 года и, естественно, их участники сразу сконцентрировались на вопросе о правительстве общественного доверия. На трибуне побывали все, кто ратовали за большинство, облеченное поддержкой общества. Примечательно, что первыми на эту тему выступили лидеры умеренно правых и националистов. В.А. Бобринский уверил собравшихся, что недостатки в деле снабжения армии будут устранены при участии законодательных учреждений и широких общественных сил. Он огласил формулу успеха, которая, по его словам, заключалась в единении страны с правительством, пользующимся доверием людей^[1348]. Его призыв последовательно развивал Н.В. Савич, поставив под серьезное сомнение существовавшую практику подбора кадров *«на высших ступенях нашей военной и гражданской иерархии»*^[1349]. П.Н. Милюков указал, что *«настоящий источник ошибок есть ненормальное отношение между общественными силами и властью»*^[1350]. Тот факт, что первыми, кому было предоставлено слово на заседании думы оказались представители правого центра, перекликается с думскими атаками 1913 года на В.Н. Коковцова; как и тогда, всеми этими выступлениями дирижировал А.В. Кривошеин. Что касается Государственного совета, то здесь тема правительства общественного доверия прозвучала гораздо сдержаннее. Член Госсовета Д.Д. Гримм заявил, что старый лозунг *«все для народа, но без него»* давно осужден жизнью; *«теперь нужен новый – все для народа, но не врозь, а рука об руку, в тесном сотрудничестве с ним»*^[1351]. Его коллега по верхней палате (бывший Министр торговли и промышленности) В.И. Тимирязев поведал собравшимся о патриотическом почине предпринимательского сословия – о движении, которое назвали, как он заметил, *«несколько мудреным словом “военно-промышленные комитеты”»*^[1352].

Об упомянутой В.И. Тимирязевым инициативе московской буржуазии следует сказать особо. В Петрограде 25-27 июня прошел

первый Всероссийский съезд новой общественной организации – военно-промышленных комитетов (ВПК). Хотя новые структуры для снабжения армии образовывались по аналогии с уже действовавшими на этом поприще Земским и Городским союзами, их деятельность отличалась гораздо большим радикализмом. Об этом наглядно свидетельствуют материалы съезда представителей ВПК. Председательствующим на нем был избран А.И. Гучков, который сразу предложил направить приветственную телеграмму Николай Николаевичу^[1353]. Тон съезду задал лидер Земского союза Г.Е. Львов, заявивший:

«Мы становимся в положение победителей над старым порядком государственного управления... мы берем на себя исполнение наиважнейших функций государственной власти»^[1354].

Вознесясь на высоты государственной ответственности, собравшиеся обрушили шквал критики на правительство. Так, П.П. Рябушинский рассуждал о присущем Москве патриотизме – в отличие от Петрограда, где *«все мертво и совсем не чувствуется необходимости борьбы»*^[1355]. Он говорил о бездействии власти, с пафосом вопрошая: кто же управляет Россией в настоящее время? По его словам, это никому неизвестно, а вот ответ на вопрос, кто же должен взять работу в свои руки – промышленник или отживающий дворянин, – не вызывает сомнений^[1356]. С трибуны съезда звучали ставшие уже привычными слова об ответственном перед народом правительстве, о том, что нынешний Совет министров – это мачеха для русской страны^[1357]. Предлагалось ввести должность товарища военного министра по снабжению армии, назначив на нее гражданское лицо. Даже более того, ходатайствовать перед Николаем II о введении в состав правительства на правах министров без портфеля председателей Земского и Городского союзов, а также и Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Это стало бы первым шагом на пути формирования правительства народного доверия, которое будет отвечать за свои действия, помимо государя, также и перед народным представительством^[1358].

Образование военно-промышленных комитетов следует рассматривать в более широком контексте – в связи с созданием Особого совещания по обороне весной-летом 1915 года. Это учреждение представляло форму сотрудничества правительства и промышленников. Для нас этот эпизод военного времени крайне интересен, поскольку он иллюстрирует борьбу московской буржуазии с питерскими чиновничье-банковскими кругами. Вообще идея помощи государству в наращивании производства военного снаряжения принадлежала группе столичных банков (Русско-Азиатскому, Петербургскому международному, Учетно-ссудному и др.), контролировавших ряд оборонных предприятий страны. В январе 1915 года эту инициативу одобрил Совет съездов представителей промышленности и торговли; в правительство была направлена соответствующая записка от этой предпринимательской организации^[1359]. Ее обсуждение в верхах приобрело конкретные черты, когда глава Русско-Азиатского банка А.И. Путилов предложил создать при военном министре специальное совещание из промышленников и банкиров, которое будет получать и распределять заказы между заводами^[1360]. Тесные отношения руководителя военного ведомства В.А. Сухомлинова с южным синдикатом «Продамет» и петроградскими банками ни для кого не составляли секрета: львиная часть заказов, к большому удовлетворению банков, была им гарантирована. В мае 1915 года Николай II согласился с созданием Особого совещания; в промышленную часть этого органа вошли исключительно столичные дельцы и финансисты.

Однако закрепить успех им не удалось. Реализация этого сценария натолкнулась на резкое недовольство московской буржуазии. Оно прорвалось в конце мая 1915 года, на IX Совете съездов представителей промышленности и торговли, где прозвучали слова о недопустимости решать вопросы помощи фронту в закрытом от общественности, чиновничьем формате. В противовес было предложено создать другую систему – с теми же целями, но с опорой на военно-промышленные комитеты. Отставка В.А. Сухомлинова, произошедшая вскоре после съезда, в корне изменила ситуацию. Новый военный министр А.А. Поливанов не скрывал, что является сторонником других сил. Он ориентировался на Верховного Главнокомандующего, к нему потянулись А.И. Гучков, П.П.

Рябушинский, глава Городского союза М.В. Челноков и др.^[1361] В отличие от столичных вдохновителей Особого совещания они имели здесь собственные – не только коммерческие, но и политические – интересы. Уже в июне специальная комиссия под председательством А.И. Гучкова по поручению Особого совещания начала обследование состояния дел на Путиловском заводе^[1362]. Вместе с названными деятелями А.А. Поливанов выработал новое Положение об Особом совещании, заметно расширившее его компетенцию. Seriously обновился и состав этого органа: вместо петроградских банкиров (креатур Совета съездов) в него вошли представители от Государственной думы, Государственного совета и ЦВПК. Причем состав Особого совещания теперь утверждался не императором, как планировал Сухомлинов, а теми, кто делегировал туда своих членов. Новое положение было утверждено Николаем II 22 августа 1915 года^[1363].

Вообще к августу градус оппозиционности в обществе заметно повысился. Заняв сильные позиции в ЦВПК и в формировавшемся Особом совещании по обороне, представители московской купеческой буржуазии приступили к практическим действиям. Как отмечали некоторые современники, *«купец, с присущей ему наглостью, разошелся вовсю. Все время торговал он нами ради личной наживы, а теперь еще и ради власти, к которой так бешено рвутся и люди общественного доверия»*^[1364]. В начале августа 1915 года в биржевом комитете Москвы состоялось собрание крупных промышленников в количестве около 100 человек. Специально на это мероприятие прибыл Председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Участники собрания согласовывали план действий по созданию правительства общественного доверия^[1365]. Эти же намерения обсуждала группа купеческих тузов у П.П. Рябушинского, с участием председателя Московской городской думы М.В. Челнокова. Здесь говорилось о том, что всю исполнительную и законодательную власть должны захватить общественные элементы. Именно на этом собрании было принято решение о выступлении МГД с требованием обновления правительства. Соответствующую резолюцию затем должны поддержать думы других городов России, что следует организовать через Городской союз, возглавляемый все тем же М.В. Челноковым. Причем, как замечали полицейские источники, городской голова

приезжал на подобные собрания по первому же вызову купечества^[1366]. Резолюция Московской городской думы увидела свет 18 августа 1915 года. В этот день обсуждался вопрос о снабжении армии. Затем слово было предоставлено Н.И. Гучкову: Москва – это подлинный центр, говорил в он в своей пламенной речи, и ее голос должен звучать по всей стране, от края до края. От имени Первопрестольной Гучков заявил, что войну следует вести до победного конца, для чего требуется единение всех сил с правительством – но только с таким, которое пользуется доверием страны. Эту резолюции решили довести до сведения императора. А в завершение заседания было выражено доверие МГД великому князю Николаю Николаевичу^[1367]. Дух, захвативший московскую купеческую элиту, убедительно демонстрировал, что:

«Москва теперь шутить не будет и в случае надобности не только будет просить, а прямо требовать»^[1368].

Московская резолюция отражала те организационные процессы, которые разворачивались в эти дни. Как известно, с середины августа начались регулярные заседания Прогрессивного блока: обсуждается форма обращения к верховной власти по поводу его целей^[1369]. Как отмечали участники блока, в него вошли члены Государственного совета и депутаты Государственной думы, Синод, Рябушинские и вся русская буржуазия с миллионными капиталами, городские организации и союзы. Не было там только русского мужика – потому что если вы хотите собрать *«собрать бородатых Сусаниных, то вы их не соберете, так как этих бородатых Сусаниных больше нет»*^[1370]; и это должно наглядно продемонстрировать государю, на кого следует опираться. Однако уверенная поступь тех, кто выступал за формирование правительства общественного доверия, была прервана: стало известно об отстранении популярного вел. кн. Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего. Часть правительства и думы сочли его отставку в создавшейся обстановке крайне нецелесообразной. Но причины возмущения лежали гораздо глубже: император, несмотря на разговоры о доверии общества, принял решение об удалении Николая Николаевича без совета с министрами, и это было расценено как нежелание идти навстречу

общественности, учитывать ее мнение. Инициатива Николая II принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего вызвало бурные дискуссии в правительстве; возникновение Прогрессивного блока, по сути, стало своего рода ответом на это неожиданное решение. Поднялась новая волна слухов и предположений: мол, император находится под влиянием неких «темных сил»^[1371]. В печати вновь (после некоторого перерыва с 1912 года) замелькала тема Григория Распутина. Начало этому положили «Биржевые ведомости», активно прокомментировавшие выход распутинской книги «Мои мысли и размышления о святых местах». С середины августа издание постоянно помещало на своих страницах нелицеприятные статьи о старце и его кознях. Газета вопрошала:

«Как могло случиться, что темный проходимец так долго издевается над Россией?»

– и призывала в столь тяжелое время серьезно заняться этими гнойниками^[1372]. Очевидно, что публичное возобновление распутинской темы не способствовало конструктивному отношению Николая II к происходящему.

Как мы видели, инициативу по созданию блока взяло на себя московское купечество; организаторская же функция оставалась за А.В. Кривошеиным. Он курсировал между двумя столицами, проводя консультации с московскими промышленными тузами и зачастую меняя свою точку зрения им в угоду^[1373]. На заседаниях Совета министров он ссылался на полученные частным порядком сведения: настроения в Москве самые серьезные, и *«надо откровенно сказать Государю, который не осознает обстановки и не дает себе отчета, в каком положении находится правительство»*^[1374]. Ему вторил недавно назначенный обер-прокурор Синода, известный московский общественный деятель А.Д. Самарин, убеждавший не пренебрегать мнением московского купечества, к которому прислушивается вся Россия^[1375]. В этой ситуации правительство, опирающееся на законодательную ветвь власти, мог возглавить лишь один человек – А.В. Кривошеин; другие кандидатуры на эту высокую должность были просто неприемлемы^[1376]. Вовсю готовились и публиковались списки членов нового кабинета: их варианты распространялись среди

заинтересованных лиц^[1377]. Однако А.В. Кривошеин не стал принимать непосредственного участия в переговорах правительства с прогрессивным блоком и покинул столицу.^[1378]

Такая предусмотрительность, как показали дальнейшие события, была нелишней. Придворные круги все более настойчиво предупреждали императорскую чету о готовившемся государственном перевороте и умоляли удалить его организаторов – Кривошеина с компанией^[1379]. В результате Николай II выразил возмущение играми вокруг правительства общественного доверия:

«он не придавал большого значения политическим домогательствам Прогрессивного блока и смотрел на них как на попытку мало подготовленных и неопытных людей захватить власть»^[1380].

Перемена государственного управления в военных условиях была для него невозможной. Более того, он сожалел, что согласился на обновления в правительстве и уволил тех, кто не устраивал думу^[1381]. Особенное недовольство, как вспоминал Министр финансов П.Л. Барк, император выказал по поводу раскола в Кабинете министров: невозможно представить, сказал он, чтобы в полку часть офицеров обратилась к командиру с ходатайством об увольнении своих товарищей. Проведенная аналогия между Советом министров и полком потрясла Барка: он никак не ожидал, что государь приравняет солидарность среди членов кабинета к корпоративному духу военной среды^[1382]. В результате все усилия реформаторов потерпели полное фиаско: целая группа министров во главе с А.В. Кривошеиным была вынуждена покинуть кабинет, а еще 3 сентября 1915 года заседания Государственной думы вновь прекратились. Тем не менее после этого Николай II совершил то, чего от него так настойчиво добивались. Впервые в российской истории на министерские посты были назначены представители законодательных учреждений: из Государственной думы Н.А. Хвостов министром внутренних дел, из Государственного совета А.Н. Наумов на место А.В. Кривошеина, чье ведомство стало теперь именоваться Министерством земледелия; оба назначенца принадлежали к правым фракциям. Тем самым давалось понять, что верховная власть не против законодателей; однако путь в

правительство обеспечивает не составление политических комбинаций, а соблюдение установленных правил.

Интересно, что после краха совместных с Кривошеиным усилий по продавливанию политических реформ московская буржуазия отвернулась от своего ближайшего союзника; после его отставки она просто потеряла к нему интерес. О том, что расставание получилось не очень хорошим, говорит такой факт: в декабре 1915 года руководители Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков и А.И. Коновалов рассказывали избранной рабочей группе, что их самоотверженные усилия по налаживанию работы тормозил не кто иной, как А.В. Кривошеин^[1383]. Сам же он в последующие годы еще лелеял какие-то надежды по поводу своей политической востребованности. Например, осенью 1916 года, рассуждая о внутренней обстановке и политических настроениях, он объяснял минскому губернатору князю В.А. Друцкому-Сколинскому, что время его правительства просто «еще не настало», и предложил ему пост Министра земледелия в своем будущем кабинете; губернатор отнес это на счет оскорбленного самолюбия бывшего царского фаворита^[1384]. Однако будучи в эмиграции, А.В. Кривошеин совсем иначе трактовал свое чиновничье прошлое. После революции он повествовал княгине Л.Л. Васильчиковой о своих стараниях по роспуску Государственной думы, по закрытию Земского и Городского союзов, но поддержки Государя не чувствовал^[1385].

В завершение сюжета о попытках утвердить в России парламентский строй следует особо подчеркнуть, что в историографическом плане эта тема требовала продолжения. Советские историографы, как правило, отводили руководящую роль в образовании Прогрессивного блока и в выдвижении лозунга «министерство доверия» партии кадетов. Во многом они опирались на свидетельство их лидера П.Н. Милюкова, в мемуарах уверенно изображавшего себя отцом-создателем блока. Причем, по его уверениям, он к этому совсем не стремился, в силу опыта осознавая всю сложность ситуации^[1386]. Однако некоторые советские авторы ясно показали, что в действительности роль архитектора Прогрессивного блока Милюкову явно не грозила, да и сам он начал претендовать на нее лишь в эмиграции. А в августе 1917 года перед

комиссией, которая расследовала преступления высших должностных лиц царского режима, он говорил совсем другое:

«Надо сказать, что, может быть, первая мысль о нем (о блоке. – А.П.) исходила из министерских кругов... Кривошеин все время был начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считая необходимым опираться на большинство в палатах... Так что, может быть, самая попытка первоначальных переговоров была вызвана этим... Посредничество принял на себя Крупенский (лидер фракции центра. – А.П.), который всегда являлся маклером в таких случаях»^[1387].

Как установлено историками, это очень любопытное признание лидер кадетов впоследствии никогда не повторял^[1388], сосредоточившись исключительно на собственных заслугах в структурировании политического процесса того периода. Исходя из этих и других наблюдений, тезис об организаторской роли кадетов в строительстве блока не выдерживает критики^[1389].

Сделанные выводы стали важным достижением в изучении Прогрессивного блока. Однако советская историография не выясняла, какова была роль купеческой буржуазии Москвы в его образовании, – этот аспект находился на исследовательской периферии. В настоящей работе нами сделан следующий шаг: известные события тех лет освещены здесь с точки зрения участия в них московской купеческой группы. Если А.В. Кривошеин продавливал государственное устройство, опираясь на законодательные учреждения сверху, то движущей силой в этом процессе выступала буржуазия Первопрестольной. В поддержку этого взгляда можно привести высказывания оппонентов парламентского курса: они оценивали происходившую борьбу как свое противостояние купеческой буржуазии. На сей счет, лидеры правых высказались в ноябре 1915 года на совещании монархистов, где присутствовали Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов, А.И. Дубровин, А.А. Римский-Корсаков, Н.Е. Марков и др. (заметим, что этот представительный форум посетил и товарищ Министра внутренних дел, руководивший департаментом полиции, С.П. Белецкий)^[1390]. С основным докладом выступил один

из лидеров правых в Государственной думе профессор С.В. Левашов. Он напомнил, что уже прошлую революцию, 1905 года, субсидировали преимущественно московские финансисты. И притязания Прогрессивного блока, совершенно определенно, также исходят из московских финансово-промышленных кругов^[1391]. Многочисленные факты ясно показывают:

«кто является родоначальником теперешней печальной смуты, которая... грозит крайней опасностью самому существованию государства. Родоначальниками этой смуты являются, несомненно, московские финансовые тузы, которые... собрали огромные капиталы в своих руках»^[1392].

При активном содействии большинства Государственной думы они стремятся захватить власть. И, как заметил С.В. Левашов, «уже не находят нужным даже скрывать своих политических вождений»^[1393].

3. На пути к дворцовому перевороту

Роспуск Государственной думы, который последовал 3 сентября 1915 года и стал неожиданностью для поборников парламентаризма, естественно, оказался в центре повестки дня очередных форумов общественных организаций. На съезде Земского союза в Москве 7-9 сентября 1915 года эмоции, вызванные решением Николая II прервать заседания нижней палаты, били через край. Во вступительной речи Г.Е. Львов заявил о страшной ошибке, произошедшей в жизни страны. Он сравнил Государственную думу со светильником, освещавшим путь в темных лабиринтах власти; теперь же страна погрузилась в темноту, под угрозой дело обороны, ослаблена армия.

«Столь желанное всеми мощное сочетание
правительственной деятельности с общественной не
состоялось»,

– заключил Львов^[1394]. Ему вторил целый хор земских деятелей: много говорилось об авторитете земств, об их неутомимой работе по выходу из того положения, в котором оказалась Россия, о необходимости опираться на законодательные учреждения^[1395]. Прогрессивный блок выступающие представляли в качестве «якоря спасения, источником, откуда льется успокоение на всю страну»^[1396]. По итогам дискуссий решили избрать особую депутацию для доклада императору: она должна была напомнить, что войну ведет не правительство, а российское общество. Подобная тональность преобладала и на съезде Городского союза, который проходил одновременно с Земским. Здесь также дебатировался вопрос о направлении специальной делегации к Николаю II как о последней попытке «раскрыть Верховной власти глаза на ту пропасть, в которую толкает страну правительство Горемыкина»^[1397]. Эти решения поддержал и Московский биржевой комитет, направивший в состав делегации своих представителей^[1398].

Как известно, император решил не принимать общественных деятелей. Судя по дальнейшим событиям, именно это его решение

повлекло за собой радикализацию обстановки в стране. Полицейские источники отмечали, что в оппозиционных кругах усилились призывы прекратить любое общение с царем: теперь события должны идти мимо него – ибо он сам поставил себя в такое положение^[1399]. О том же свидетельствуют и материалы заседаний Прогрессивного блока. Так, В.И. Гурко убеждал коллег, что молчать больше нельзя, надо продемонстрировать власти свою политическую дееспособность^[1400]. Оценивая отказ в аудиенции, А.И. Гучков говорил о полном разрыве мирных отношений с властью. Он усиленно призывал членов блока дискредитировать «режим фаворитов, кудесников, шутов»; в это дело, по его убеждению, каждая группа должна внести свой вклад^[1401]. Весьма интересны воспоминания Н.В. Савича, который пишет об активном участии в заседаниях блока группы представителей торгово-промышленного мира Москвы. Они настаивали на изменении тактики думцев в связи с назревающим революционным движением; требовали пойти навстречу обществу, ожидающему решительных выступлений против власти; укоряли членов блока за излишнюю осторожность и недопустимую лояльность к царю, потерявшему связь с народом^[1402]. Тем самым представители купеческой элиты проявили себя как сторонники наиболее радикальных мер по борьбе с существовавшим политическим режимом.

Основным орудием оппозиции стала легендарная личность Григория Распутина. Всего пять лет назад он был едва известен российской общественности. Кадетская «Речь» весной 1910 года писала, что к епископу Гермогену, монаху Илиодору, священнику Восторгову, влияющим на ход церковной жизни, приходится теперь присоединить и «старца» Григория. Как замечала газета, он пока еще не вошел в правую организацию «Союз русского народа», но этого от него ожидали: такой шаг являлся типичным для духовных деятелей, попавших в придворные круги^[1403]. Однако Г. Распутин в новой обстановке повел себя иначе: не в пример названным персонам он проявил равнодушие к политическим раскладам той поры. Если тот же Илиодор гневно обличал министров (включая П.А. Столыпина), чиновничество, аристократию, во всеуслышание называя их предателями монархии и царя-батюшки, то Распутин начал осыпать сиятельных особ не проклятиями, а всевозможными просьбами по самым разным поводам (кого-то принять, устроить, что-то разрешить и

т.д.). Этим он заметно отличался от столпов церковного стана. Конечно, другие радетели за монархию тоже были не прочь побольше получить в ходе святой борьбы, но, как вскоре выяснилось, Распутин здесь был вне конкуренции. Все это привело к неизбежному разрыву между ними^[1404].

Сибирский «старец» сумел наладить настоящий конвейер прошений и просьб во все значимые ведомства. Он ходил по министрам и разным влиятельным лицам с целым ворохом прошений и записок^[1405]. Разумеется, для этого ему требовалось постоянно подогревать молву о своих необычайно продуктивных коммуникативных ресурсах, опиравшихся на особую благосклонность к нему императорской четы. Надо заметить, Распутин виртуозно использовал любую возможность для демонстрации собственного влияния, а главное – для распространения слухов об этом. Между делом он мог сообщить, что ему высочайше велено поразмыслить, как быть с Государственной думой. Или в присутствии посторонних заявить, что сейчас он вызвал великую княжну Ольгу – дочь Николая II (потом, правда, выяснялось, что на самом деле приезжала какая-то непонятная дама)^[1406]. Интересовавшимся его здоровьем после покушения в июне 1914 года, Распутин отвечал, что рана зажила, и не забывал добавить: если бы не этот досадный инцидент, то он *«оттянул бы эту войну еще на год»*^[1407]. При посещении (с очередной просьбой) киевского губернатора «старец» невзначай указал на свой пояс:

«А поясок-то сама матушка-царица вышивала собственными своими ручками»,

– тем самым повергнув чиновника в смятение^[1408]. При входе в его квартиру на Гороховой на видном месте лежала книга с открытой страницей, где красовались телефоны обер-прокурора Синода и других высокопоставленных особ^[1409]. Короче говоря, весь образ жизни Распутина был подчинен определенной цели: извлечь максимум выгоды из своего положения. Причем выгоду эту он понимал своеобразно, в соответствии со своим интеллектуальным уровнем, который никак нельзя назвать высоким. Как говорили его собеседники, он не без труда мог связать две фразы^[1410]. Кстати, у себя на родине, в

Тобольской губернии (еще до того, как он укрепился в Петербурге), Распутин занимался примерно тем же самым: по свидетельству местного губернатора, он постоянно ходил по чиновникам, что-то кланчил, направлял в столицу всевозможные прошения, по которым губернской администрации приходилось отписываться^[1411].

Активность Распутина, козырявшего своей близостью к императорской семье и связями в высшем свете, не могла не привлекать всеобщего внимания. Естественно, появление такого персонажа было замечено и оппозиционно настроенной публикой. Его неутомимая деятельность давала отменный повод задуматься о том, каким образом в верхах решаются дела государственной важности. Впервые антидинастическая атака на власть в связи с распутинской темой была предпринята нижней палатой в начале 1912 года. Инициатором выступил один из лидеров думы третьего созыва А.И. Гучков. Надо подчеркнуть, что это был весьма решительный шаг, хотя пока он и ограничивался церковной сферой. Орган октябристов «Голос Москвы» 24 января 1912 года поместил письмо о чинимых Распутиным безобразиях, взывая к Синоду призвать проходимца к ответу. На публикацию в своем же партийном органе мгновенно откликнулся Гучков: он направил в духовное ведомство официальный запрос с требованием избавить общество от *«мрачных призраков средневековья»*. К избавлению от них дума приступила незамедлительно. В ходе обсуждения сметы Синода лидер кадетов П.Н. Милюков возмущенно говорил о темном влиянии человека *«громадной силы»*, уже устранившего двух обер-прокуроров Синода: ему посылал поздравительные телеграммы П.А. Столыпин, его часами выслушивал В.Н. Коковцов^[1412]. Социал-демократ Е.П. Гегечкори поднялся до обобщений:

«Нужно сказать народу, что корень зла не в Распутине, как бы преступен он ни был, как бы влияние его ни было отвратительным, как и его нравственная физиономия; эти гнойники исчезнут вместе с исчезновением той социально-политической обстановки, которая эти явления порождает»^[1413].

Думские обличения вызвали широкий общественный резонанс. Сама возможность влияния старца на события государственной важности оскорбляла общество. Думская критика вызвала большое недовольство Николая II, который расценил ее не иначе, как вмешательство в свою семейную жизнь. С той поры инициатор всех этих событий А.И. Гучков превратился в личного врага императорской четы.

Поэтому когда осенью 1915 года в отношениях власти и оппозиции наступил кризис, последняя прекрасно понимала, какое оружие против режима ей использовать. Внимание к персоне Распутина перемещается в центр общественной жизни и уже не покидает его вплоть до убийства «старца» в декабре 1916 года. Разочарование от неудачной попытки Прогрессивного блока продавить парламентскую модель резко усилило разговоры о влиянии темных сил, которые полностью контролируют императора и вершат всю большую политику. Ключевую роль здесь играли члены блока; например, уволенный обер-прокурор Синода А.Д. Самарин объяснял свою отставку кознями Распутина и царицы. Как заметила полиция, благодаря этому почтенному деятелю грязные сплетни о царской семье стали достоянием улицы^[1414]. То же отмечают и исследователи: имя Распутина приобрело всероссийскую известность именно в годы Первой мировой войны, а с осени 1915 года слава сибирского «праведника» достигла апогея^[1415]. Ответ на вопрос, кто же в действительности правит Россией, был однозначным.

Надо заметить, что далеко не у всех в высшем свете этот ответ вызывал негодование. Многие увидели здесь своеобразный механизм реализации собственных карьерных и материальных вожделений. Фигуру высочайше обласканного «старца» постоянно окружали просители и посетители самого разного, в том числе и аристократического, ранга. Даже С.Ю. Витте, человек, прошедший большую государственную школу, не избежал искушения: под конец жизни он пытался вернуться во власть именно через Распутина^[1416]. Со «старцем» начали связывать все ключевые назначения той поры; в так называемой министерской чехарде 1915-1916 годов видели доказательство влияния «друга» императорской семьи. Как остроумно заметил депутат ГД националист В.В. Шульгин, общество считало, что распутинские каракули имеют силу наравне с высочайшими

рескриптами^[1417]. Вместе с тем мировоззрение «старца» было абсолютно свободно от политических пристрастий. Он не благоволил не только деятелям Прогрессивного блока, но и правым организациям. В частности, оставался равнодушным к лидерам правых, просившим поддержать то или иное начинание, и те ненавидели его не меньше либералов^[1418]. Один из руководителей полиции А.Т. Васильев, лично хорошо знавший Распутина, отмечал:

«Его политические взгляды, насколько он их вообще имел, были достаточно простыми... Тонкости так называемой высокой политики были далеки от круга его интересов, и он совершенно не мог понять, к чему в конечном счете стремятся различные партии, группировки в Думе, газеты»^[1419].

Иными словами, этот неутомимый устроитель судеб высшей бюрократии проявлял свои симпатии, руководствуясь не идейными соображениями, а личностно-бытовыми предпочтениями.

Распутин – могильщик династии. Это мнение, ставшее затем хрестоматийным, завладело умами современников тех драматических событий (а впоследствии и будущих историков). Оно обстоятельно изложено в обильной мемуарной литературе различных политиков, членов Прогрессивного блока и сочувствующих ему^[1420]. Авторы воспоминаний, написанных в эмиграции, подробно останавливаются на роковой роли «старца» в крушении империи, оставаясь в рамках неизменной логики: Николаем II управляла царица, а ею – Распутин. Эту схему целиком восприняла также советская историография^[1421].

Однако в мемуарах присутствует и совершенно иной взгляд на вещи. Его придерживаются, в том числе, П.Л. Барк, П.В. Воейков, П.Г. Курлов, А.Т. Васильев, А.А. Мордвинов, Н.Д. Жевахов, эмигрантский исследователь С.С. Ольденбург. Заметим, что все эти люди в свое время занимали высокие посты, некоторые были близки с императорской четой. Красной нитью в их мемуарах проходит мысль о сознательном преувеличении влияния темных сил на политическую обстановку тех лет.

«Распутин не лез в первые ряды политической арены, – свидетельствует А. Т. Васильев, – его вытолкнули туда другие люди, стремящиеся потрясти основание российского трона и империи... они распускали самые нелепые слухи, которые создавали впечатление, что только при посредничестве сибирского мужика можно достичь высокого положения и влияния»^[1422].

Аналогичную мысль излагает и флигель-адъютант царя А.А. Мордвинов:

«Я не мог себе представить, чтобы образованный, глубоко культурный, исторически начитанный человек... каким, без всяких сомнений, являлся Государь, смог попасть под влияние и оказаться руководимым, не в частной жизни только, а в государственном управлении, каким-то безграмотным мужиком».

Весьма любопытно и такое замечание Мордвинова: если ни один государственный деятель разных лет не мог утверждать о своем исключительном влиянии на Николая II, то что же тогда говорить о Распутине?!^[1423] Вопреки очевидной ценности этих свидетельств, они долгие годы не воспринимались всерьез. Исследователи обратили на них внимание только в постсоветский период, когда открылся доступ ко многим новым источникам^[1424]. Опираясь на них, специалисты провели большую работу, чтобы установить степень влияния, которым обладали императрица и Распутин^[1425].

Прежде всего обращает на себя внимание следующее обстоятельство: люди, активно распространявшие версию о могуществе темных сил, никак не могли опираться на реальные факты, полученные, что называется, из первых рук. Хорошо известно, что Николай II и его домочадцы вели довольно замкнутый образ жизни; даже с семьями императорской фамилии они общались нечасто, избегая столь обычных в то время развлечений и балов^[1426]. Дворцовый комендант В.Н. Воейков отмечал: все те, кто со знанием дела обсуждали распутинскую тему, не знали и не могли знать подноготной царской семьи, но рассказы об этом принимались за

чистую монету^[1427]. Распутин действительно стал частью жизни семьи царя. Как известно, этому способствовало его благотворное воздействие на наследника, страдавшего тяжелой болезнью, а также расположенность монарха и его супруги к представителям народа. Николай II говорил о Распутине:

«Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий. Императрице он нравится своей народной искренностью... она верит в его преданность и в силу его молитв за нашу семью и Алексея... но ведь это наше совершенно частное дело... удивительно, как люди любят вмешиваться во все то, что их совсем не касается. Кому он может мешать?!»^[1428]

В самом деле, по свидетельствам очевидцев, поведение Распутина в Царском селе было безупречным и не давало никаких поводов сомневаться в его нравственной чистоте^[1429]. Скорее всего, «*старец*» не решался выйти за установившиеся рамки общения с семьей Николая II. Другое дело, что возвратившись в столицу после очередного визита ко двору, он разыгрывал уже совсем иную роль – высочайшего советчика по ключевым вопросам государственной жизни, а главное, кадровой политики. Иногда сквозь маску «*вершителя судеб*» у него прорывалось сожаление о своем ничтожном влиянии. Полицейский чиновник П.Г. Курлов, встречавшийся с Распутиным у врача Бадмаева, вспоминал:

«Я никогда не забуду характерного выражения, которое сорвалось с уст Распутина: “иногда приходится царя и царицу упрашивать целый год, пока допросишься у них чего-нибудь”»^[1430].

Кстати, во время войны он долго не мог добиться разрешения на то, чтобы устроить собственного сына-новобранца Дмитрия в место побезопаснее. В конце концов распутинского отпрыска определили в санитарный поезд императрицы, доставлявший раненых в госпитали^[1431]. О том, как действительно относился император к советам Распутина, передаваемых через императрицу, хорошо показал

С.С. Ольденбург: он приводит целый список различных советов «друга семьи», которыми Николай II просто пренебрег^[1432]. К успешным кадровым делам, где имелся прямой интерес «старца», можно отнести лишь назначение Тобольским губернатором Н.А. Ордовского-Танаевского. Распутин хлопотал об этом чиновнике Пермской казенной палаты, у которого часто останавливался проездом в Тобольск, мотивируя просьбу требованием безопасности собственной персоны во время пребывания на родине (ведь именно там произошло покушение на его жизнь в 1914 году). В этом случае ему пошли навстречу^[1433].

Что же касается влияния Александры Федоровны на супруга, то и оно, по-видимому, сильно преувеличено. Один из лидеров оппозиции, председатель Государственной думы М.В. Родзянко, уверял, что после отъезда Николая II в ставку всеми делами начала распоряжаться императрица, превратившаяся в своего рода регентшу^[1434]. Однако люди приближенные высказывали большие сомнения относительно данного мнения. Например, Министр финансов П.Л. Барк утверждал, что государь «очень редко следовал советам государыни, которые она ему давала в своих письмах в ставку»^[1435]. О том же говорил и осведомленный дворцовый комендант В.Н. Воейков^[1436]. В конце концов, показателен и эпизод с назначением на должность товарища обер-прокурора Синода князя Н.Д. Жевахова, который являлся креатурой царицы: она в течение года упрашивала супруга произвести это назначение^[1437]. Так что на контроль над императором это не очень похоже. А о влиянии Распутина красноречиво говорит еще и такой факт: современные исследователи подсчитали, что в течение войны императрица в своих письмах мужу упомянула имя «старца» 228 раз, тогда как он – всего лишь 8^[1438].

Если распутинская тема являлась тараном по разрушению политического режима царской России, то роль организационного инструмента в этом деле выполнили общественные объединения, о которых уже говорилось: Земский и Городской союзы, военно-промышленные комитеты. Бенефис, устроенный им при открытии заседаний Государственной думы 9 февраля 1916 года, – лучшее подтверждение значимости этих общественных организаций для оппозиционного движения; редкое выступление обошлось без

дифирамбов. С.И. Шидловский, произносивший речь от Прогрессивного блока, буквально воспевал усилия общественности на ниве помощи фронту; и вклад мог бы быть еще большим, подчеркивал он, если бы не подозрительность правительства к светлым начинаниям здоровых сил. Без них, с удовольствием заключил оратор, власти не в состоянии справиться с грузом накопившихся проблем; нужны незамедлительные изменения в управлении страной^[1439]. А.И. Коновалов с думской трибуны оглашал благодарственные телеграммы в адрес военно-промышленных комитетов от начальника штаба российских войск М.В. Алексева^[1440]. М.В. Родзянко расценил деятельность общественных организаций как небывалый подвиг перед страной и т.д.^[1441] Выражая общее настроение, председатель Государственной думы подчеркнул, что *«думская и общественная критика властей приравнивалась к работе, создающей победу»*^[1442]. В заседавшем в те же дни Государственном совете на эти темы высказывались те его члены, которые входили в Прогрессивный блок. Причем выступления были намного острее, чем на предыдущей сессии летом 1915 года. В качестве иллюстрации приведем выдержку из выступления проф. Д.Д. Гримма:

«Правительство, состоящее из лиц, в большинстве своем отрицающих конституционный строй и органически неспособных оценить то огромное значение, которое в настоящий исторический момент имеет сам факт существования народного представительства... Такое правительство никогда и ни при каких условиях ничего, кроме всеобщего недоверия к себе, вызвать не может»^[1443].

Следует согласиться с замечанием английского посла Д. Бьюкенена: верхняя палата *«заговорила почти языком думы»*^[1444].

Николай II пытался наладить взаимодействие с Государственной думой, прерванное им в сентябре 1915 года. С этой целью он снял И.Л. Горемыкина с поста Председателя Совета министров и впервые лично посетил нижнюю палату, демонстрируя свою расположенность к совместной работе. Однако выбор преемника Горемыкина не был удачным. Хотя Б.В. Штюмер слыл мастером компромиссов и, казалось бы, вполне соответствовал требованиям сложной

политической обстановки, его кандидатура вызывала у оппозиции стойкое неприятие. Этому способствовал один малоизвестный исследователям случай, который произошел при вступлении Б.В. Штюмерера в должность премьера и сделал невозможными нормальные отношения с московским купечеством. Накануне своего назначения Б.В. Штюмерер приехал в Москву поклониться Иверской чудотворной иконе. Купеческие тузы, воспользовавшись его пребыванием в городе, заявили к будущему премьеру засвидетельствовать почтение. Помимо прочего они попросили его назначить на свободную в тот момент должность Московского губернатора действующего вице-губернатора В.М. Устинова: тот уже около десяти лет служил в Москве и пользовался доверием купечества. Б.В. Штюмерер обещал выполнить эту просьбу. Однако в Петрограде к нему обратилась его давняя знакомая А.С. Сипягина (сестра убитого в 1902 году Министра внутренних дел Д.С. Сипягина) с ходатайством позаботиться о ее зяте Н.А. Татищеве, который, будучи губернатором оккупированной Курляндии, фактически находился не у дел^[1445]. Штюмерер и сам давно знал как самого Н.А. Татищева, так и всю его семью: их имения находились рядом^[1446]. В результате он решил назначить в Москву проверенного человека, «забыв» о своем обещании купечеству. Реакцию представить не сложно: буржуазия Первопрестольной на Штюмерере как на государственном деятеле «поставила крест»^[1447].

Дебют Б.В. Штюмерера, призванного для нормализации отношений с Прогрессивным блоком и общественными объединениями, не сулил ничего хорошего. Начало его работы ознаменовалось усиленным натиском оппозиционных сил на правительство. На съезде Городского союза 12 марта 1916 года его лидер, глава Московской гордумы М.В. Челноков, заявлял:

«Мы верили, что Петербург действительно стал Петроградом, но теперь нам совершенно ясно, что эти господа ничему не научились, говорить с ними не о чем»^[1448].

Известный московский буржуа С.Н. Третьяков уверял, что в тесном единении общественных организаций образуются «те ячейки,

вокруг которых объединится русское общество»^[1449].
Правительственный лагерь также наблюдал сплочение оппозиции – исключительно с целью противостояния властям, для чего:

«ЦВПК, союзы земств и городов образовали нечто вроде параллельного правительства, задачей которого явилось уничтожение государственной мощи России»^[1450].

Кстати, к ним планировалось присоединить и еще одно общественное движение. К весне 1916 года относится попытка создать Всероссийский продовольственный комитет. Вдохновителями проекта выступали известные деятели оппозиции князь Д.И. Шаховской и ветеран народнического движения, а ныне пропагандист кооперации Н.В. Чайковский. Они стремились получить влияние на сельскую среду, чтобы взять в свои руки продовольственное дело. Новую структуру предполагалось выстраивать по аналогии с действующими военно-промышленными комитетами. За содействием обращались к Московскому обществу сельского хозяйства, который возглавлял кадет, бывший председатель II Государственной думы Ф.А. Головин. Однако повторить почин буржуазных ВПК не удалось, все ограничилось лишь совещаниями и переговорами^[1451].

Хотя сельским комитетам не суждено было пополнить общественный фронт, тот неуклонно разрастался: земский и городской союзы, ВПК превращались в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями. Правительственные ведомства, связанные определенными нормами и штатами, с трудом конкурировали с ними. А тогда мало кому было известно, что громадные расходы этих общественных организаций пополнялись не из земских или городских касс, а из казны и к тому же без отчетности, установленной законом для правительственных учреждений. Союзу земств и городов на 1 октября 1916 года из бюджета были выделены огромные суммы – около 560 млн рублей; ВПК получил 170 миллионов^[1452]. В начале войны, когда царило единение царя и народа, никто и не представлял, к чему может привести такое бесконтрольное накачивание средствами. Несмотря на столь масштабные поступления, влияние общественных организаций было значительным лишь в элитах, военных и гражданских, а вот в низах деятельность земского и

городского союзов ощущалась гораздо слабее. В своем кругу, на одном из кадетских мероприятий, об этом откровенно говорил А.А. Кизветер: за союзами:

«стоит известная группа интеллигентов, стоит печать, но действительной и широкой опоры в самих недрах общества за ними все еще нет»^[1453].

На наш взгляд, справедливость этой оценки подтверждает следующее наблюдение: в воспоминаниях рядовых участников фронтовых действий общественные организации упоминаются гораздо реже, чем в мемуарах представителей высших эшелонов власти^[1454].

Перед правительством Б.В. Штюмерера стояла задача ввести деятельность общественных организаций в приемлемые для властей рамки. Весной-летом 1916 года эти вопросы постоянно обсуждал Совет министров. Предлагалось контролировать эти структуры аналогично контролю над частными железными дорогами, для чего создать особую комиссию при Государственном контроле из представителей МВД, Минфина, военного ведомства и др.^[1455] Однако реализовать эти замыслы в условиях войны оказалось весьма затруднительно: около трети личного состава контрольных учреждений находилось в войсках для проверки оборотов министерств. Речь могла идти лишь о частичной ревизии общественных организаций: вся обработка отчетности потребовала не менее двух лет^[1456]. Но даже такие попытки контроля встречали резкое неприятие лидеров общественных организаций, которые расценивали их не иначе, как проявление недоверия. «Русские ведомости» писали о неизбежных срывах в работе, нужной фронту, о недостойных намеках, бросающих тень на уважаемых людей. Кроме того, отмечалось, что, например, отчетность по расходам Русско-турецкой войны 1877-1878 годов поступила спустя двадцать лет после ее окончания, а по Русско-японской войне – еще не была завершена^[1457]; следовательно, и сейчас не стоит ожидать никаких результатов.

Особое внимание правительство уделяло военно-промышленным комитетам, игравшим важную роль в оппозиционном движении. ЦВПК координировал деятельность 220 городских комитетов^[1458]. Это

разветвленное объединение, созданное буржуазными кругами, отличалось наибольшим радикализмом. С первых дней своего существования свободные от правительственной опеки структуры фактически превратились в поле деятельности видных оппозиционеров (А.И. Гучкова, А.И. Коновалова, М.И. Терещенко, П.П. Рябушинского и др.). В связи с этим в марте-апреле 1916 года предлагалось подготовить новое положение о комитетах, позволяющее государству оперативно реагировать на их уклонение от непосредственной помощи фронту. В июне инициатива МВД вновь обсуждалась на заседании Совета министров. Однако правительство сочло несвоевременным издавать новое положение о ВПК: эта мера вызвала бы новый шквал критики и лишь усилила бы антиправительственную агитацию. Вместо этого было решено постепенно сокращать заказы комитетам, прекратить авансировать их работу, а затем и вообще перестать обращаться к их услугам; распространить среди населения и в войсках сведения о действительном участии комитетов в деле обороны и о стоимости произведенных работ^[1459].

Надо заметить, что информировать было о чем. Буржуазные круги, охваченные патриотическим порывом, ни на минуту не забывали о своих коммерческих интересах. Получая через систему ВПК различные заказы, они с готовностью их выполняли лишь по завышенным расценкам, накручивая собственную прибыль. Имена промышленников, получивших за год работы в военных условиях при тех же объемах производства в четыре-пять раз больший доход, были известны. Например, московский фабрикант Н.И. Прохоров нажил на поставках фронту столько, что этих средств хватило для погашения банковских обязательств на 6 млн рублей, да кроме того была зафиксирована прибыль в 7 миллионов^[1460]. Это стало возможным за счет распределения заказов среди дружественных предприятий, исходя не из выгоды и дешевизны выполнения, а из личной заинтересованности. Так, Московский ВПК заказывал одному из местных фабрикантов колючую проволоку по 12 руб. за пуд; и хотя земство предлагало выполнить тот же самый объем работы по 6,5 руб., заказа оно не получило^[1461]. Большую огласку получил случай в Нижегородском ВПК, возглавляемом известным капиталистом Д.В. Сироткиным. Здесь один из заводов обязался изготовить лопаты по 45

коп. за штуку, но руководство местного комитета недолго думая отдало заказ другому производителю, из расчета 75 коп. за лопату^[1462]. Такое малопонятное решение Д.В. Сироткина было обжаловано: соответствующие обращения поступили в Министерство торговли и промышленности, а также в военное министерство. Руководство ЦВПК отреагировало своеобразно: А.И. Гучков весь свой гнев обрушил на жалобщиков: мол, какое удовольствие они доставили бюрократии, пойдя к ней на поклон!^[1463] Подобные случаи с распределением заказов фиксировались повсеместно; власти постепенно стали отдавать себе отчет о сомнительной пользе ВПК в деле военного снабжения. Как показало обследование, стоимость выполнения заказов оказалась крайне высокой, а процент их реализации, напротив, низким^[1464]. Зато на должном уровне находилась реклама. Например, ящики для боевого снаряжения неизменно украшались надписями «ЦВПК», что создавало впечатление необычайной продуктивности этой организации^[1465].

Правительство пыталось организовать общественную альтернативу военно-промышленным комитетам. В феврале-марте 1916 года в Петрограде состоялся съезд представителей металлообрабатывающей промышленности; на него собрались директора предприятий тяжелой индустрии, контролировавшихся столичными банками. Одним из инициаторов проведения съезда выступил депутат Государственной думы А.Д. Протопопов (ставший в сентябре последним Министром внутренних дел империи). Выступавшие заявили о фактической несостоятельности всей системы ВПК. А.П. Мещерский обратил внимание на такое обстоятельство:

«Просматривая списки ЦВПК, мы видим, что среди них много лиц очень почтенных, но очень мало промышленников и особенно представителей крупных заводов, работающих на оборону. Понятно, что члены ЦВПК не могли быть представителями наших заводов уже и потому, что мы в массе своей в их избрании не участвовали»^[1466].

Отмечалась агрессивная деятельность военно-промышленных комитетов: они, по сути, отодвинули на второй план другие предпринимательские объединения, в частности Совет съездов

представителей промышленности и торговли, который практически перестал функционировать^[1467]. Критические стрелы летели и в адрес руководства ЦВПК. Знаменитый банковский делец, глава Русско-азиатского банка А.И. Путилов обвинил А.И. Гучкова в некомпетентности, рассказав, что тот в течение двух часов выносит решения, требующие тщательного профессионального изучения^[1468]. А.Д. Протопопов в своем выступлении подчеркнул: около 80% военного снаряжения идет с заводов, представители которых присутствуют на съезде; роль же предприятий, сотрудничавших с военно-промышленными комитетами, в производительном смысле незначительна, зато в политическом – крайне велика^[1469].

Вообще, правительство более всего как раз беспокоила политическая ангажированность общественных организаций, особенно детища московского купечества – ВПК. Ведь как утверждали современники, в военно-промышленные комитеты входили «группы буржуазии, настроенные враждебно к царскому режиму»^[1470]. Чего стоит одна только инициатива по созданию рабочих групп, которые появились практически при каждом четвертом военно-промышленном комитете^[1471]. Это начинание обосновывалось неурегулированностью рабочего вопроса, неизбежно проявлявшейся в стихийности забастовочного движения. По мнению руководства ЦВПК, власти всегда рассматривали пролетариат как враждебный элемент; рабочий класс не слышал призывов, которые будили бы в нем высшие патриотические чувства, раскрывали бы перед ним ближайшие перспективы, вливали бы него бодрость и силы в борьбе с лишениями. Государство не могло найти общего языка с трудовыми массами в прошлом, не находит его и теперь, во время войны^[1472]. Вот эту-то миссию в тревожное для страны время и решила возложить на себя купеческая буржуазия. В военных условиях общие с рабочими цели определились быстро: одолеть врага и стремиться к лучшему устройству внутренней жизни России. Для достижения этих целей буржуазия считала необходимым участие рабочих в деятельности ВПК; а те, в свою очередь, заявили, что «власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии»^[1473]. В результате был сформулирован лозунг «революция во имя победы», украсивший знамена военно-промышленных комитетов. Такая установка,

оглашенная на заседании ЦВПК еще в начале декабря 1915 года, получила одобрение его первых лиц^[1474]. Руководство оберегало рабочих от полиции, оплачивало финансовые расходы группы; широко распространялись отчеты о собраниях, на которых постоянно участвовали члены фракции меньшевиков и трудовиков Государственной думы во главе с Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенским. По воспоминаниям секретаря рабочей группы Б.О. Богданова, собрания, перераставшие в митинги, проходили почти ежедневно^[1475]. Только в 1916 году члены рабочей группы совершили 41 поездку в 35 регионов страны^[1476]. А потому совершенно правы были те, кто прямо утверждали: рабочая группа вела «подготовку революции». Причем это была не какая-то сепаратная политика, а линия руководства ЦВПК^[1477]. Это позволило заметить А.Д. Протопопову, что в 1915 году:

«рабочий союз создавался... не на собранные рабочими гроши, а на правительственные средства (т.е. выделяемые правительством для ЦВПК. - А.П.), получил законодательную санкцию и существовал легально»^[1478].

Весьма симптоматична и попытка превратить рабочую группу в орган, куда направлялись обращения отдельных предприятий по урегулированию конфликтных ситуаций. Это серьезно повышало авторитет группы в глазах трудящихся, поэтому она начала быстро реагировать на вспышки забастовок. Поступившие жалобы передавались в ЦВПК, чьи уполномоченные вступали в переговоры с администрацией заводов. Подобная практика получила широкий общественный резонанс. Некоторые исследователи считают ее близкой к «зубатовской» методике начала века, с той лишь разницей, что теперь вместо государственных органов, в частности полиции, давление на предпринимателей оказывал военно-промышленный комитет^[1479]. Дополним эту мысль еще одним важным наблюдением. Как известно, урегулирование конфликтов при посредничестве ЦВПК происходило на целом ряде предприятий: на электротехническом заводе «Динамо», Адмиралтейском судостроительном заводе, механическом Нобеля, судостроительном «Наваль», Путиловском заводе, механическом заводе Леснера, фабрике Ф. Мельцера, Никопольском

металлургическом объединении, Петроградском металлическом заводе, текстильной мануфактуре Вронина, Лютина и Чешера^[1480]. Глядя на этот список, несложно заметить, что все перечисленные предприятия располагались в столице или на юге страны. Среди них нет ни одного из Центрального региона России или Поволжья. То есть неприятности купеческая буржуазия доставляла прежде всего своим конкурентам; в то же время предприятия дружественных владельцев в эпоху с деятельностью рабочей группы не фигурируют, хотя, несомненно, защитникам интересов трудящихся и там было на что обратить свой взор. Не случайно столичная буржуазия, прекрасно понимая, кто организует давление на нее, неизменно отвергала предложения, разработанные рабочей группой. Так, Петроградское общество фабрикантов и заводчиков отказалось участвовать в создании примирительных камер по урегулированию конфликтов: это начинание активно пропагандировали именно в ЦВПК^[1481]. Капиталисты столичного региона и Юга России проигнорировали поддержанную ЦВПК инициативу рабочей группы по введению на производствах института старост^[1482]. Буржуазия, тесно связанная с властью, явно сторонилась начинаний, исходящих от враждебных ей сил, предпочитая обсуждать нейтрализацию забастовочного движения на совместных заседаниях с полицией, взаимодействие с которой было для нее гораздо привычнее и комфортнее^[1483]. Представить же подобные полицейские мероприятия с участием московского купечества сложно. И это тоже демонстрирует, насколько разные политические цели преследовали два основных отряда российской буржуазии.

Заключительная попытка царского правительства, опиравшегося на петроградский бизнес, дать отпор купеческим оппозиционерам связана с именем последнего Министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Этому персонажу явно не повезло с исторической репутацией. Выходец из Государственной думы, где он занимал пост товарища председателя ГД, в сентябре 1916 года Протопопов получил назначение на одну из ключевых должностей в правительстве, за что и был заклеен как предатель. К тому же он являлся членом ЦВПК, куда был включен по должности товарища председателя ГД, а потому неплохо осведомлен о движущих силах оппозиции и ее планах. Еще до своего назначения в министерство Протопопов сблизился с

руководством столичных банков, контролировавших обширные торгово-промышленные активы (кстати, его личный кредит был открыт в Петроградском международном банке^[1484]). Выше говорилось об их совместной инициативе по проведению съезда представителей металлообрабатывающих предприятий, выдвинутой в качестве противовеса системе ВПК. Теперь же сотрудничество нового Министра внутренних дел с финансистами укрепилось: он стал своего рода знаменем политического проекта по обузданию московской буржуазии. На средства петроградских банков по предложению А.Д. Протопопова начала выходить газета «Русская воля», задуманная как противовес оппозиционной прессе^[1485]. Власть сумела привлечь к ее изданию многих общественных и литературных деятелей. Газету возглавил А.В. Амфитеатров, долгое время пребывавший в эмиграции. В редакцию вошли бывшие члены Государственной думы социал-демократ Г.А. Алексинский, кадет Н.А. Гредескул (за что их не замедлили объявить предателями), с газетой тесно сотрудничали известные писатели Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, Ф.И. Сологуб. Между прочим, издание позиционировало себя как независимое, беспристрастно освещающее насущные проблемы дня и декларировало необходимость единения всех классов^[1486]. Кроме того, правительство предприняло попытку переманить на свою сторону знаменитого купеческого издателя И.Д. Сытина. Премьер Штюрмер предлагал ему возглавить государственный литературный холдинг, для которого выделялись большие финансовые ресурсы. Сытину была даже устроена аудиенция у Николая II. Однако издательский магнат отказался, решив, что его согласие будет равносильно «моральной кончине», а на приеме у императора сумел перевести разговор на помощь национальной школе^[1487].

В конце 1916 года купеческая элита страны решила провести всероссийский предпринимательский съезд. Ряд частных собраний в Москве обсудил эту идею, и в результате по поручению биржевых комитетов Центра, Поволжья и Сибири в правительство поступило ходатайство о разрешении съезда^[1488]. С этого момента Министерство внутренних дел было озабочено тем, как бы воспрепятствовать купеческому начинанию, которое планировалось оформить в новый торгово-промышленный союз. В правительстве никто не сомневался в оппозиционности очередной инициативы Первопрестольной.

Московские власти также информировали о готовившихся на съезде выступлениях в духе требований Прогрессивного блока^[1489]. А.Д. Протопопов всеми силами старался не допустить появления на политической арене подобной организации, и, разумеется, ходатайство признали несвоевременным, мотивируя отказ тем, что в напряженных военных условиях не следует отвлекать представителей предпринимательских кругов от работы на оборону на местах^[1490]. В качестве противодействия подобным политизированным инициативам предлагалось также больше поддерживать окраинную, а не центральную промышленность, что *«окажет сдерживающее воздействие на политиканов из числа крупных промышленников»*^[1491]. МВД пыталось умерить и их политические претензии в связи с предстоящими выборами в V Государственную думу; в ее новый состав планировалось провести 50-70 депутатов, связанных с банковскими кругами Петрограда^[1492]. Со своей стороны, крупные столичные финансовые и биржевые игроки проявляли серьезную заинтересованность в усилении своих позиций в думе. Их также не устраивала ситуация, когда контроль над нижней палатой оказался в руках прогрессивного блока, вдохновляемого идеями, формирующимися в Москве. Оппозиционно настроенные депутаты под разными предлогами тормозили предлагаемые столичными предпринимателями коммерческие начинания. Например, именно усилиями кадетов и их союзников по депутатскому корпусу было отклонено предложение ряда петроградских банков о предоставлении казенной ссуды в 20 млн. руб. на строительство металлургического комбината в Кузнецком бассейне Томской губернии^[1493]. Этот эпизод, произошедший в марте 1916 года, вызвал большое раздражение в питерских деловых кругах, которые усиленно муссировали утверждение, что *«наш молодой парламент, к несчастью, занял враждебную позицию по отношению к промышленности, бирже, банкам»*^[1494].

Еще одним ударом, нанесенным А.Д. Протопоповым по политическим позициям Первопрестольной, стало давление на Московскую городскую думу, которую правительственные круги уже давно считали рассадником оппозиционности. С начала неутомимый министр увлекся идеей устранения М.В. Челнокова от должности главы МГД, предполагая высылать его из Москвы и назначить на его

место закаленного в противостоянии с революционной публикой полицейского генерала А.И. Спиридовича^[1495]. Однако поняв, что этим немногого достигнет Протопопов решил разом нейтрализовать всю городскую думу, воспользовавшись ее переизбранием на новый срок. Очередные выборы состоялись в декабре 1916 года, принеся небывалую победу оппозиционно настроенным силам. Купечество не то что не стесняясь, а с энтузиазмом поддержало их. «Мы знаем, – говорили состоятельные избиратели, – что прогрессисты плохие хозяева, но они будут бороться с правительством, поэтому мы их избираем»^[1496]. МВД решилось на беспрецедентный шаг, отказавшись признать итоги народного волеизъявления. Группа депутатов Государственной думы в связи отказом министерства утвердить результаты выборов направила запрос в Совет министров с требованием дать юридическое разъяснение по этому поводу. Избранники народа недоумевали: как Министр внутренних дел мог объявить свою же инструкцию, в соответствии с которой проходило голосование, нарушающей закон?^[1497] Однако на ответ времени не оставалось; выборы были утверждены в марте 1917 года – уже при Временном правительстве.

Все эти действия «спасителя царизма» А.Д. Протопопова были запоздалыми. Они уже не помогали совладать с оппозиционными настроениями, которые захлестнули российское общество. Противостоящие правительству силы, набрав необходимую мощь, стремились к последнему рывку. По свидетельству современников, в структуре оппозиционного движения России образовалось два центра. Один из них включал в себя главным образом политических деятелей и промышленников Москвы (приблизительно сорок человек); они выделяли большие финансовые средства на революционную деятельность. Этот центр, располагавший многочисленными сторонниками, работал в верхах армейского командования и в среде высшей администрации. Но его представители в силу своего положения не могли развернуть работу в казармах и на предприятиях. Для этого как раз и существовал второй центр: он состоял из революционеров, агитировавших массы в чисто социалистическом духе. Его активная деятельность финансировалась оппозиционно настроенной купеческой буржуазией^[1498]. Это воспоминание, оставленное членом Прогрессивного блока, октябристом Н.В.

Савичем, не является исключением. Еще один очевидец тех лет, уже из придворных кругов, офицер Ф. Винберг, касаясь роли московских буржуа в подготовке революции, писал:

«Они стали швырять свои миллионы на потребу подготовителей русской революции, тех оголтелых маньяков-идеологов и подлых бессовестных космополитических проходимцев, делом которых Россия доведена до последней грани позора и страдания».

Характерно, что под буржуазией Ф. Винберг имел в виду не капиталистов вообще, а именно «кулаков-скопидомов», развернувшихся «во всю ширь замоскворецкой бестолковщины»^[1499]. То же самое утверждал в мемуарах В.М. Вонлярлярский (близкий друг М.В. Родзянко): он считал, что денежное участие московских купцов – Морозовых, Гучковых, Терещенко и др. – в организации революции хорошо выясненным^[1500]. К этому присовокупим и мнение бывшего сенатора В.Н. Смольянинов, хорошо знавшего обстановку в Москве:

«Действительно, купец отсыпал на наших глазах немало денег на революцию»^[1501].

Отметим, это не было секретом и для Николая II: близкий к императору великий князь Александр Михайлович, характеризуя обстановку перед февралем 1917 года, обращал внимание своего венценосного родственника на деятельность купечества, которое давно уже:

«не то, что было прежде, достаточно вспомнить 1905 год. – И добавлял: – Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»^[1502].

Как известно, лидеры оппозиционного движения не ставили главной своей целью свержение монархии. Их политические неудовлетворенности концентрировались главным образом на фигурах Николая II и его супруге. Именно императорская чета рассматривалась прогрессивной общественностью как ключевое препятствие на пути парламентского образа правления. Оппозиционеры требовали их

замены более приемлемыми лицами из царской фамилии. В частности, речь шла о командующем на Кавказе Николае Николаевиче. В декабре 1916 года, после очередного разгона Земского и Городского съездов их лидеры направили к великому князю Тифлисского городского главу А.И. Хатисова: провести переговоры о дворцовом перевороте для утверждения ответственного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым. Царский родственник, подумав пару дней, ответил отказом, посчитав, что армия переворот не поддержит^[1503].

Имелся и другой кандидат на роль монарха в парламентском государстве – младший брат Николая II великий князь Михаил Александрович. Он находился под полным контролем супруги, Н.С. Брасовой, чья семья была тесно связана с московским купечеством. История их личных отношений с великим князем подробно описана исследователями^[1504]. Однако купеческий подтекст этой истории не привлек должного внимания. Заметим, что отец Н.С. Брасовой С.И. Шереметьевский был известным в Москве присяжным поверенным, доверенным лицом самого П.П. Рябушинского. Кстати, крестным его дочери, родившейся в 1880 году, стал видный фабрикант А.И. Хлудов. Дважды побывав замужем, Н.С. Брасова сумела сойтись с Михаилом Александровичем. Их связь, а затем и брак, вызвали негодование царской семьи, которая лишила великого князя всех прав. В московских кругах этот любопытный случай вначале расценили неоднозначно. Родители Н.С. Брасовой даже прекратили общение с ней^[1505]. Да и сама она, судя по письмам, не рассчитывала на долгие отношения с венценосной особой^[1506]. Однако все сложилось иначе: с началом войны ее супруг получил прощение и возвратил свое положение. Вот это уже серьезно заинтересовало московскую элиту: прежде «зацепить» подобным образом царскую семью не могли и мечтать. Как показывают документы, Н.С. Брасова оказалась в центре внимания купеческой буржуазии. Ей был открыт личный счет в Московском купеческом банке, на который поступали немалые средства. Например, только в Петроградском отделении банка за год проходили суммы в объеме 150 тыс. рублей^[1507]. За нужными покупками Брасова ездила не куда-нибудь, а на фирму Рябушинских, о чем с гордостью сообщала мужу^[1508]. Отдыхали они в Крыму, вместе с семьей председателя Московского общества фабрикантов и заводчиков

Ю.П. Гужона. Причем полиция сопровождала эту информацию замечанием, что Брасова окончательно:

«окутала своего доброго и мягкого супруга атмосферой московской коммерческой буржуазии, со всеми ее характерными черточками»^[1509].

Из сказанного выше можно заключить, насколько тщательно готовилась оппозиция к схватке с Николаем II и подотчетным только ему правительством; как подробно просчитывались варианты, к которым могло привести противоборство. Вообще, в советской историографии участие буржуазии, а именно московского купечества, в оппозиционном движении всегда недооценивалось. Это связано с тотальным господством ленинско-сталинских взглядов на революционную практику. В соответствии с ними, российская буржуазия как класс являлась политически недееспособной; она могла выступить только против революции, а значит – и против пролетариата; причем выступить лишь при помощи царизма и его полицейского режима. Отсюда невнимание ученых к фактической стороне, которая отражала совсем другие тенденции исторического процесса – противоречащие устоявшимся партийным канонам. В этом смысле общественным организациям, созданным при деятельном участии купеческой Москвы, не очень повезло: в советские годы они находились на периферии исследований, занятых в основном иллюстрированием ленинских выводов на конкретном материале. Допустить, что объявленная отсталой отечественная буржуазия могла участвовать в революционных баталиях, было невозможно. А уж говорить о ее ведущей роли в борьбе с режимом тогда тем более никто не мог решиться. Это поставило бы под сомнение борьбу рабочего класса и его пролетарскую сознательность, с помощью которой решались грандиозные исторические задачи. Те самые задачи развития страны, оказавшиеся не под силу российским буржуа.

4. Российские политические элиты и народ

В настоящей главе разговор шел о противоборстве петербургского и московского кланов, определявшем содержание и градус политической борьбы вплоть до краха 1917 года. Вместе с тем не нужно забывать, что противостояние это происходило в элитах империи: дворянско-аристократическая и буржуазно-купеческая прослойки сошлись в жесткой схватке за реализацию своих экономических интересов. Заметим, что борьба не выходила за рамки традиционных буржуазных ценностей, которые ни одна из сторон не ставила под сомнение. Однако этими, несомненно острыми, проблемами далеко не исчерпывалась вся полнота процессов, протекавших в российском обществе, и прежде всего в его глубинах. Борьба отечественных элит за первенство разворачивалась на куда более масштабном и взрывоопасном социальном фоне, с диаметрально противоположными устремлениями правящих групп с их проблемами и основной массы русского народа. В последнее десятилетие существования царской России столкновение этих интересов происходит наиболее часто. Причем факты позволяют говорить об их предельной разобщенности, далеко превосходящей противоречия во властных элитах.

Оппозиционные группировки неизменно апеллировали к народным массам, во чье благо, по их уверениям, и велись ожесточенные баталии. Попытки привлечь крестьян и рабочих для полноты образа радетелей за счастье народное характеризуют весь политический спектр тех лет. С 1905 года, т.е. с возникновением политической публичности, в рядах как проправительственных, так и оппозиционных сил появляются представители трудовых низов. Однако, как мы увидим, их присутствие немного добавляло к имиджу лидеров. Во время обсуждения проблем, касавшихся не большой политики, а нужд простых людей, крестьяне, рекрутированные в состав тех или иных организаций, мгновенно забывали о своей партийной принадлежности и обрушивались на собственных лидеров, имевших иную точку зрения. Наиболее яркая иллюстрация к сказанному – дебаты в Государственной думе по поводу знаменитого

указа от 9 ноября 1906 года о праве выхода из общины. Как известно, в нижней палате третьего созыва, в отличие от первых двух, крестьян насчитывалось немногим больше сорока человек. Больше половины из них входили в правые фракции, остальные числились у октябристов, умеренных групп и трудовиков^[1510]. Однако не сложно заметить, что участие депутатов из народа в дискуссиях происходило совершенно вне контекста их партийной принадлежности; они единодушно выступали против указа, игнорируя общую позицию фракций и групп, куда официально входили. Стенограмма показывает, что крестьяне легко вступали в открытые конфликты с фракционным руководством, отстаивая свои взгляды на устройство жизни, весьма далекие от представлений правящих сословий. Так, законодательное принятие указа они расценили как разрушение крестьянской жизни, уничтожение ее коренных общинных основ. И это беспокоило их гораздо больше думских и правительственных раскладов вместе взятых. На предостережение о том, что в случае неутверждения указа дума может быть распущена, последовал ответ:

«Нас сюда послал народ не для того, чтобы думу беречь, а для того, чтобы облегчить жизнь исстрадавшемуся народу»^[1511].

Очевидно, крестьянство в отличие от либерально настроенной интеллигенции не очень дорожило парламентским институтом.

Всех крестьянских ораторов, независимо от партийной принадлежности, объединяло стойкое неприятие частной собственности как основы хозяйственной среды. В ходе прений они как заклинание повторяли извечную для них истину: земля должна находиться во владении только того, кто на ней работает. Это раздражало помещичье дворянство, заполнившее думу. Лидер крайних правых Н.Е. Марков клялся в безграничной в любви к крестьянам, наставляя их при этом, что земля должна принадлежать тем, кто может извлечь из нее наибольшую пользу. Он отказывался понимать крестьянские требования о земле:

«Ведь и сапожник трудится над сапогами, значит, по этой теории справедливости сапоги должны принадлежать

только сапожнику, а мы все должны ходить босыми»^[1512].

В первых рядах защитников частной собственности оказалось и синодальное духовенство в лице епископа Митрофана. Этот архиерей из правого лагеря пропел дифирамбы частной собственности, не забывая чередовать их с анафемой общинным порядкам. Аргументируя свою позицию, он ссылаясь на благотворный опыт, который демонстрировали европейские державы, в свое время отказавшиеся от общины. Епископ воздал должное даже латышам из Остзейского края, вырвавшимся из тисков отсталости и по-новому наладившим свой быт^[1513]. Столь трепетное отношение к западным экономическим образцам, проявленное православным архиереем, стало подлинным откровением для крестьянских депутатов.

«Я не знаю, – восклицал один из них, – с каких пор наше духовенство стало стоять за частную собственность; я не знаю, с каких пор у них изменилось учение»^[1514].

После чего были приведены высказывания почитаемых отцов церкви – Иеронима, Амвросия, Василия Великого – о том, что собственность – плод воровства, совершенного если не теперешними владельцами, то их предками; а бедность – результат скопления имуществ в руках небольшой кучки людей. Вот эти взгляды святых отцов народу были близки и понятны, тогда как речи нынешнего служителя православия приводили в недоумение^[1515].

Вообще само появление Указа от 9 ноября 1906 года дворяне и крестьяне трактовали совершенно по-разному. Официальная точка зрения выводила его из великих реформ начала 1860-х годов, рассматривая нынешние аграрные мероприятия как завершение освобождения крестьянства, начатого полвека назад Александром II. Такой идеологической преемственности, разумеется, придавалась подчеркнуто прогрессивная значимость. Только вот в народном сознании отмена крепостного права воспринималась совсем не так вдохновенно, как властями предрежащими. С думской трибуны крестьянский взгляд на великое освобождение наиболее полно изложил архангельский крестьянин И.С. Томилов. Он предложил вспомнить, как обильно в дореформенный период Государственный

банк субсидировал помещиков под земли, в результате чего образовалась огромная задолженность, по которой те были уже не в состоянии расплатиться. Из этого-то тупика и вывел 1861 год, когда правительство перевело долги дворян на трудовое крестьянство посредством выкупных платежей за нарезанные ему при освобождении нищенские наделы, которые стали «просто выброшенной обглоданной костью с барского стола, более ничего»^[1516]. Несложно представить, какие чувства овладевали помещичьим большинством, вынужденным выслушивать подобные откровения в свой адрес.

Острые конфликты между крестьянскими депутатами и лидерами правых возникали постоянно, не только в ходе слушаний по указу 9 ноября 1906 года и, что называется, на ровном месте. Как, например, в октябре 1911 года, во время доклада в думе о голоде в ряде районов страны. Поводом послужили речи Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича, назвавших причинами голода праздность и пьянство крестьян (*«если по девять месяцев в году бездельничать и пьянствовать, тогда будет и голод»*). Реакция не заставила себя ждать. Ораторам напомнили, кто их кормит: если бы крестьяне пьянствовали большую часть года, то как бы Марков и Пуришкевич жили?! Причины же голода не в лени, а в том, что по двадцать тысяч десятин земли находится в одних руках^[1517]. Затем другой представитель крестьянства из правой же фракции предложил установить предельную норму владения землей, а до подготовки соответствующего законопроекта запретить приобретение угодий тем, у кого уже имеется свыше тысячи десятин^[1518]. Это предложение поставили на голосование, и оно, благодаря активности рабоче-крестьянских депутатов, было принято, что повергло в небывалый шок думские круги. Руководство палаты поспешило исправить возникшее недоразумение, устроив переголосование, по итогам которого это предложение было благополучно отклонено^[1519]. Однако сам факт конфликта наглядно подтверждает: думская деятельность не исчерпывалась противоборством правых и левых, правительства и оппозиции. В его недрах просматривалось и еще одно, не менее острое и более масштабное, противостояние – между бедными и богатыми, правящими сословиями и народом. И хотя дума функционировала в соответствии с партийным принципом, эта проблема, остававшаяся

пока на заднем плане, давала о себе знать в публичных дискуссиях, причем в исполнении не только штатных ораторов из социал-демократов^[1520].

Это наблюдение верно не только для проправительственных сил монархической окраски, стремившихся привлечь в свои ряды крестьянство. Такая же картина сложилась и в кругах, оппозиционных царскому режиму; им в неменьшей степени требовалась демонстрация солидарности с трудовым народом. С той лишь разницей, что здесь фаворитом являлись рабочие, поскольку оппозиционные деятели представляли главным образом городскую интеллигенцию и купцов-промышленников. С рабочими у них возникали такие же сложности, как и у правых – с крестьянами. Например, когда летом 1915 года оппозиционный Всероссийский городской союз собрался проводить съезд по проблеме растущей дороговизны жизни, для этого мероприятия было решено привлечь группу рабочих. Однако те не оправдали возлагавшихся на них надежд; сразу после открытия они зачитали декларацию, где устроители съезда прямо объявлялись сторонниками буржуазии, т.е. хозяев, с которыми никакого объединения нет и быть не может. Это заявление внесло заметную нервозность в собрание городских деятелей: во избежание подобных речей рабочих представителей не замедлили лишить слова. Попытки присутствовавших депутатов Государственной думы (Керенского, Скобелева, Хаустова) заступиться за них ни к чему не привели^[1521]. Любопытно, что некоторые организаторы съезда предчувствовали такой поворот событий; они изначально не усматривали в этой затее ничего позитивного, поскольку осознавали: различие интересов не позволит изобразить нужного единения прогрессивных сил с трудовыми массами. Последние «примажутся» к съезду лишь для оглашения нежелательных для Городского союза деклараций^[1522].

Не менее остро складывались отношения у купеческой буржуазии с рабочими в рамках другой общественной организации – Центрального военно-промышленного комитета. Крупные московские капиталисты, создавшие и контролировавшие это оппозиционное объединение, ввели в его состав рабочую группу, дабы пролетариат усилил борьбу русских промышленников с антинародным режимом. Но и здесь голоса рабочих зазвучали совсем не так, как хотелось бы лидерам комитета. Получив публичную трибуну, рабочие первым

делом обрушились на них с критикой: капиталисты, мол, не видят в них людей, с которыми можно и нужно разговаривать, ничего не желают делать для улучшения положения простого люда: военнопленные находятся в лучших условиях, чем русские рабочие^[1523]. И если теперешний режим будет опрокинут, то плоды победы достанутся буржуазии, т.е. Коновалову, Рябушинскому и др. При этом, однако, никому не надо забывать: все богатство страны создается трудовым человеком, который тем более вправе требовать себе лучшей доли^[1524]. Накал страстей серьезно обеспокоил руководителей ЦВПК, пытавшихся перевести ситуацию в спокойное русло. Как уверял рабочих представителей А.И. Гучков, он вполне понимает:

«что накопилось много счетов и многое наболело, но сводить эти счета и врачевать эти недуги придет свое время»^[1525].

Его призывы к социальному миру не произвели должного впечатления на рабочую группу: последовал ответ, что он обратился не по адресу^[1526].

Приведенный материал помимо политического противостояния правящего клана и либеральной оппозиции выявляет наличие другого вектора, который берет начало не в противоборстве верхов, в нараставшей активности низов. Народные массы с их жизненными потребностями не втягивались в схватку элит, по существу, оставались глухи к призывам лидеров той или иной стороны и придерживались собственного отношения к происходящему. Можно сказать, что простой народ (в отличие от российских верхов), по большому счету, неправомерно делить на правых и левых. Эту мысль подтверждает и наблюдение одного современника тех событий:

«Народ устал от опеки господ (дворян, интеллигенции – все равно)... и в один прекрасный день возьмет в руки дубину и будет бить каждого, кто носит облик барина»^[1527].

Нельзя сказать, что подобные свидетельства были неожиданными для властей романовской России последнего десятилетия. Конечно,

1905 год не прошел для правительства даром. Возникшее с начала XX века тревожное ощущение пропасти, зияющей между народом и образованными сословиями, уже не могло не беспокоить; сохранение прежнего статус-кво грозило самыми плачевными последствиями для судеб российских элит и династии. Столыпинские реформы – вот инструмент, с помощью которого правительство взялось выправлять ситуацию. Надо заметить, что в императорской России последних двухсот с лишним лет выдвижение любого нового курса, призванного стать судьбоносным для империи, как правило, обосновывалось западной практикой. Властные круги обращались к европейскому опыту и черпали в нем вдохновение для политических и экономических преобразований начиная с Петра Великого.

Вместе с тем часть правящей элиты считала, что следует не трансформировать западные модели на местной почве, а творчески перерабатывать их, отменяя нежелательные модернизационные издержки. Наиболее полно такой подход проявился во взгляде на общину как оптимальную форму устройства хозяйства и быта русского народа. Консервация общинных порядков, воспетых славянофилами, представлялась своего рода залогом от социальных потрясений, которых не смогли избежать европейские державы. Однако небывалые народные волнения в России начала XX столетия поставили под сомнение почвеннические традиции, стимулировав более внимательное отношение к западному опыту. Российская элита, столкнувшись с крестьянскими бунтами и рабочими забастовками, заговорила о необходимости реформирования всего общества. В правящих кругах крепло осознание того, что русский народ не заинтересован в сохранении существующего государственного строя, поскольку не является его органической частью. Решение этой серьезной проблемы теперь стали связывать не с сохранением специфических национальных черт, а с реализацией западных моделей, позволяющих смягчать социальные дисбалансы. Тем более что пример этому предлагало недавнее европейское прошлое: после потрясений Парижской коммуны 1871 года французское правительство сумело снять общественно-политическое напряжение, объединив большую часть своего населения вокруг сугубо буржуазных ценностей.

После событий 1905 года было решено продвигаться по этому пути и в России. Реформаторский курс, начатый П.А. Столыпиным, предусматривал консолидацию всего общества, а не только правящих классов, на основе частной собственности, единого для всех слоев принципа управления и православия. По мнению властей, проведение такой политической программы надолго избавило бы страну от призрака революции. Заметим, что эти масштабные реформы, именуемые столыпинскими, не являлись, да и не могли являться плодом творчества одного, пусть и несомненно талантливого государственного деятеля. Над ними еще до появления на властном Олимпе Столыпина уже работал целый ряд правительственных чиновников. Поэтому справедливости ради нужно сказать: данный реформаторский курс вызревал в недрах высшей бюрократии, а не в голове одного из лучших ее представителей, как сегодня это пытаются изобразить некоторые страстные почитатели П.А. Столыпина.

Стержнем новой преобразовательной практики явилось разрушение общинных, т.е. коллективистских форм собственности. Намеченная замена общины массовым частным собственником означала коренной переворот ситуации в деревне: изменение в правовом пользовании, по сути, в каждых 70-ти из 100 десятин российской земли^[1528]. Это должно было максимально оживить психологию личного предпринимательства, увлечь трудовой народ в реальное рыночное хозяйство, а не в погромы богатых. Столыпинская политика пыталась устранить то нелепое положение, когда у крупной и средней собственности были владельцы, а у мелкой – нет. Поэтому главные заботы правительства концентрировались на создании мелкого земельного собственника, а не на поддержании крупного землевладения или пестовании узкого слоя кулаков-мироедов, как вслед за В.И. Лениным уверяла советская историография^[1529]. Власти устанавливали четкие ограничения по скупке земли, считая, что иначе, при свободном ее обращении, на земельном рынке сложится неуправляемая ситуация, когда наделы станут инструментом для образования крупных и средних владений^[1530]. Было предложено ограничить приобретение наделов шестью или двадцати пятью десятинами; сверх указанной нормы покупка земли одним лицом запрещалась. Этот лимит выводился из средней по стране численности

семьи – три души мужского пола с удвоением нормы наделения земель, установленной еще в 1861 году^[1531].

Усилия по коренному изменению социального облика русского крестьянства преследовали и определенную экономическую задачу, связанную с повышением эффективности частника-единоличника. Авторы реформы в русле передовой западной мысли того времени утверждали: если в промышленности мелкое производство уступало крупному, то в сельской экономике мелкое хозяйство более выгодно. Так обстояло дело везде, кроме России, где, наоборот, крупные поместья на двадцать и более процентов были производительнее крестьянских^[1532]. В связи с этим акцент делался на рыночной состоятельности прежде всего мелких владений, без чего «нам не устоять в великом трудовом состязании народов», продолжая «кормиться, оплачивать нашу внутреннюю промышленность, покупать иноземные товары, платить наши долги»^[1533].

Но, как известно, укрепление института мелкого земельного владения не привело к триумфу массового собственника на российских просторах. Крестьянство неохотно шло на выделение из общины, с большим предубеждением воспринимая инициативы индивидуального землеустройства. Желавшие выйти из общины не получали для этого разрешений от мира, о чем убедительно свидетельствует статистика. К середине 1909 года по заявлениям на выход из общины в Курской губернии вынесено более половины отказов, в Орловской – 68%, в Тульской – 71%, в Рязанской – 84%, в Тамбовской – 85%^[1534]. В результате к 1910 году по России в целом лишь 17% домохозяйств смогли воспользоваться укреплением наделов в личную собственность и покинули общину^[1535]. Эти цифры показывают, насколько напряженной была ситуация в русской деревне того периода, какое негодование вызывали попытки государства избавиться от власти мира. Как вспоминал, будучи еще Пензенским губернатором, И.Ф. Кошко:

«мир трактовал таких людей как мятежников, не только не подчинявшихся авторитету схода, но и своекорыстно урывавших себе общественную землю вопреки воле мира... Против таких смельчаков стали применяться всякие способы

преследования вплоть до поджогов и убийств включительно»^[1536].

Неслучайно, по наблюдениям исследователей, борьба с новыми хозяевами по жестокости превосходила погромы дворянских гнезд^[1537]. Кстати, в 1904-1905 годах подобный сценарий прогнозировался в ходе дискуссий, развернувшихся в рамках Особого совещания по сельскохозяйственной промышленности, о чем говорилось в предыдущей главе.

В думских слушаниях по указу от 9 ноября 1906 года эти опасения прозвучали более внятно. В.С. Соколов напомнил в своем интересном выступлении, что государство держится не верхами: ведь по законам механики если центр тяжести располагается низко, то тело держится прочно, а с перемещением центра выше – теряет устойчивость. То же самое, пояснил депутат, и с государством: центр должен находиться внизу – в общине, вынесшей на своих плечах все невзгоды и, по сути, создавшей Россию. Теперь же власти озаботились оздоровлением русского общества и, исходя из теоретических соображений и отвлеченных научных цитат, решили вышибить из-под него фундамент чтобы построить его на новых началах – на частной собственности^[1538]. Все это, заключал он, приведет к тяжелым последствиям, и:

«через 20-50 лет будут у нас историки; они заглянут в наши стенограммы и они скажут, кто был предусмотрителен, кто это предвидел»^[1539].

Но эти яркие предостережения, звучавшие из уст ряда интеллигентов, все же мало проясняли существо вопроса: почему крестьяне упорно держатся за общину, не желая вступать на частнособственническую стезю? Если же вчитаться в выступления самих крестьян, то можно заметить, что, в отличие от целого сонма глашатаев из правящего лагеря, они вовсе не считали общинное владение отсталой формой хозяйствования. Крестьянские ораторы убеждали, что общинный порядок с его уравнительными переделами земли наиболее полно отвечает условиям крестьянского безземелья:

«Если вы уничтожите переделы, то получится, что одни будут с избытком всегда пользоваться достоянием от земли, а другие будут тут же голодать; мы говорим, что общинное владение – это есть страхователь всех родившихся в общине людей»^[1540].

Отметим: перед нами крайне важный пункт в рассуждениях крестьян; здесь изложена сердцевина общинной психологии, которую никак не могли постигнуть просвещенные оппоненты. Ведь характеристика общины как *«страхователя всех в ней родившихся»* означала, что ее механизмы не просто могли предоставить, но в обязательном порядке гарантировали каждому свой кусок хлеба. Причем такой кусок, который будет не меньше, но и не больше, чем у другого. Наличие земли в пользовании домохозяйства прочно увязывалось с количеством душ; рождение или смерть были связаны с дополнительной прирезкой или передачей земли нуждающемуся. Кстати, пресловутая чересполосица, вызывавшая бурное возмущение экспертов по сельскому хозяйству, препятствовала тому, чтобы лучшие участки доставались избранным; потому-то и возникла практика наделения одного человека землей различного качества, иногда даже в разных частях волости. Несомненно, в столь гибкой системе обеспечения жизнедеятельности усматривается воплощение по-настоящему справедливых отношений между общинниками. Можно сказать, что она представляла собой своего рода прообраз того социального устройства, которое возникло в советское время. Успешное функционирование этой системы было необходимо народу, полагавшегося на свои силы и справедливость мира; ни на что другое ему рассчитывать не приходилось. Поэтому нарушение принципа экономического равенства всех членов общины вызывало у крестьян неподдельное раздражение. Так было, например, с выкупными платежами при отделении от мира; в течение многих лет они вносились по круговой поруке, без ведения лицевых счетов, а значит, доказать, кто сколько внес за выкуп, не представлялось возможным. Но по закону, навязанному крестьянам, получалось, *«как будто бы лица, желающие выделиться, внесли все выкупные платежи сами; на самом деле половину за них внесла община»*^[1541]. Таких поворотов крестьянское сознание принять не могло.

Сознание правящего класса работало совсем иначе, его определяла исключительно личная экономическая целесообразность. Сквозь такую призму крестьянские переделы, чересполосица, суды по совести изумляли, казались дикостью, порождением слабоумия. По мнению образованной публики, эта отсталая система подавляет любое проявление инициативы, закабальет личность; от тяжелых оков, т.е. от общины, следует немедленно избавиться. Что отвечали на подобные заявления крестьяне? Приведем очень интересное рассуждение крестьянского депутата: русский человек как отдельная единица слаб, поддается всяческим влияниям, особенно иностранным; община же является спасением: вне ее русский человек как рыба без воды, а в ней он из слабого делается сильным, из малодушного – храбрым^[1542]. Отсюда очевидный вывод:

«Нет, господа, подавления личности я в общине не вижу... я вижу, напротив, в общине укрепление личности»^[1543].

Говоря иначе, народная идентификация обосновывалась прежде всего общинными связями, а не индивидуальной практикой, опиравшейся на частную собственность. Причем привлекательность общинных порядков, их справедливость напрямую соотносились с православной верой. Как провозглашал оратор, христианские начала существуют не только для неба: они должны утверждаться и на земле.

«Можем ли мы сказать, что готовность поступиться частью своих интересов в пользу ближнего, признание принципа: живи и давай жить другим, друг друга тяготы несите и так исполните закон Христов, – можем ли мы признать, что в этом заключается что-то вредное, с чем нужно бороться?!»^[1544]

Приведенный выше материал дает некоторое представление о том, почему вживание института частной собственности в ткань жизни русского народа проходило столь болезненно. Но дело не только в нежелании низов с их коллективистским сознанием жить по-новому. Еще одна причина кроется в том, что часть правящей элиты была

непоследовательна в осуществлении реформ. Закрепление земли за отдельными мелкими собственниками – это, конечно, необходимое, но недостаточное условие для запуска рыночных механизмов. Требовалось вовлечь новые домохозяйства в товарно-денежный оборот – от этого напрямую зависела их коммерческая состоятельность. В результате на повестку дня выдвинулся вопрос о кредитовании, поскольку в том нищенском состоянии, в котором пребывала деревня, начать самостоятельное развитие мелкому частному владельцу было крайне трудно. Общепринятая капиталистическая практика предусматривала выдачу кредитов под залог частных угодий. Собственно, все российское дворянство издавна и активно пользовалось подобными займами, в получении которых никогда не испытывало больших проблем. Можно сказать, что теперь речь шла о распространении этой практики на множество возникающих частных домохозяйств. И 15 ноября 1906 года был обнародован указ о выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель [\[1545\]](#). Однако этот акт был незамедлительно снабжен поясняющими правилами Министерства финансов, которые фактически лишали крестьян возможности кредитоваться под залог их наделов.

С этого момента в высшей бюрократии разворачивается противоборство, не прекращавшееся вплоть до начала Первой мировой войны. За этот период состоялись три крупные дискуссии (1908, 1910, 1913 годов) по кредитованию мелких земельных владельцев [\[1546\]](#). Рассматривались варианты создания специализированной банковской структуры, воспринимающей заемщика не как представителя определенного сословия, а прежде всего как собственника, когда важно качество залога, а не сословная принадлежность. Защитники этих проектов убеждали: пока отсутствует кредитная ответственность земель и имуществом по ссудам, крестьянство не будет приобщено к цивилизованному порядку. Контраргумент звучал так: предлагаемая система залогов, по сути, отдает крестьянство во власть капитала; в этом случае государство лишится контроля над земельным рынком, что приведет к разорению тех мелких частных домохозяйств, для образования которых приложено столько усилий. Поэтому надо ждать, когда русский народ созреет для производительного использования финансовых

средств^[1547]. Иными словами, крестьянству отказывали в хозяйственной самостоятельности, мотивируя отказ его неподготовленностью к ведению кредитных операций; такой подход заметно тормозил перевод деревни на капиталистические рельсы. Крестьянский собственник, имеющий доступ к кредитной системе, смущал дворян и чиновничество, не желавших видеть в нем равноправного экономического субъекта. А.В. Кривошеин разочарованно заметил:

«Я совершенно не понимаю, почему благожелательное отношение к крестьянской массе, покуда она бедна, внезапно превращается в неприязнь к людям той же среды, как только они сумели выбиться из нищеты»^[1548].

Все сказанное в полной мере относится и к кооперативному движению, широко развернувшемуся в 1905-1914 годах. По подсчетам исследователей, общее число кооперативов в стране к началу 1905 года не превышало 4 тысяч, а к концу 1914 года их насчитывалось уже около 30 тысяч, и половину из них составляли кредитные кооперативы^[1549]. Эти данные постоянно воспроизводятся специалистами, но они не отражают того, что отличало российскую кооперацию от западных аналогов. В России практически отсутствовали начала самостоятельности и самоуправления: все определялось разнообразными циркулярами и инструкциями властей. К тому же кредитные товарищества отличал высокий удельный вес казенных ассигнований^[1550]. Это объяснялось тем, что кооперативное становление шло сверху, при прямой поддержке правительства в лице Государственного банка, выделявшего мелкие субсидии населению через кооперативную сеть. Понятно, что все то же Министерство финансов не могло не озаботиться проблемой возврата денежных средств. И так как главное финансовое ведомство постоянно отказывало крестьянству в допуске к общепринятой кредитной практике, оно решило вернуться к проверенному принципу круговой поруки. В результате именно таким образом – а не в залоговом режиме – функционировали российские кооперативы (все члены кооператива связывались общим ручательством за возврат каждой взятой ссуды не как отдельные частные собственники, а как представители

крестьянского сословия). Конечно, это не может не удивлять: совсем недавно круговая порука по уплате податей была осуждена и официально отменена, ныне же в кооперативах произошло ее возрождение.

К тому же роль всех этих расплодившихся кооперативов, вызывавших восторг у многих деятелей царской России, в деле подъема экономики была более чем сомнительна. А вот о чем можно говорить с уверенностью, так это о превращении их в систему по обслуживанию богатых домохозяев: именно данная прослойка деревни размещала здесь свои средства^[1551]. Это становилось выгодным делом, поскольку в кредитной кооперативной сети, несмотря на повышенные финансовые риски, проценты установились выше, чем в отделениях Государственного или частных банков: 6-8% против 3-4%^[1552]. Постепенно, по мере углубления реформ и появления частника, кооперативы начали работать уже не на казенных субсидиях, а на деньгах деревенских богатеев. Этот вывод убедительно подтверждают цифры: мелкие вклады (до 50 руб.) в системе составляли 55%, но это всего 9% от общих вложений; крупных же вкладов (от 500 руб.) было только 12%, зато давали они почти 61% размещенных средств^[1553]. Что касается самых многочисленных мелких вкладчиков, то они входили в кооперативы, как правило, для того, чтобы иметь возможность получить хоть какие-то деньги – но совсем не на развитие или какое-нибудь хозяйственное улучшение, а для решения своих бытовых потребностей. (Собственно, сумма в 30-40 рублей только для этого и годилась)^[1554].

Непоследовательность в создании полноценного мелкого собственника, о которой шла речь, не могла не сказаться и на планах правительства П.А. Столыпина по реформированию управленческих структур. В соответствии с ними предлагалось преобразовать местное самоуправление по бессословному принципу; правовой статус того или иного лица должен был определяться по имущественному цензу, а не по сословной принадлежности. Эту идеологию отражал законопроект по образованию бессословного низового звена – волости, внесенный в Государственную думу в 1908 году. Он предусматривал избирательную систему, где избирателями признавались бы только собственники недвижимых имуществ, облагаемых волостным земским сбором. В то же время члены общины в избирательном отношении не

ставились в один ряд с мелкими частными владельцами. Законопроект отказывался и от института волостного старшины, превратившегося из представителя крестьянских интересов в исполнителя указаний уездного начальства; а для соблюдения интересов крестьян предлагалось избирать коллегиальные волостные органы с председателем во главе. Переход к бессловной единице утверждал и новую систему уплаты податей, которые теперь переставали быть прерогативой крестьянства^[1555].

Акцент на имущественный ценз как главный регулятор жизни вызвал резкие возражения нижней палаты. Уже в докладе по законопроекту говорилось, что идея автоматического признания гласными лиц, обладающих высоким цензом, выглядит просто кощунственной:

«Можно быть душевнобольным, можно быть человеком абсолютно никуда не годным... опороченным всем местным обществом, но если у такого человека имеется ценз, тем самым он гласный без выбора. Трудно представить более неудобное, более абсурдное предложение»^[1556].

Выводы думской комиссии поддержали многие депутаты. Трудовик Дзюбинский возмущался: в то время как понятие «гражданин» уверенно завоевывает правовое пространство, нам предлагают мерить всех людей по недвижимому имуществу и в зависимости от этого наделять их привилегиями. Следовательно, избирательное право получит не человек, не личность, а его имущество, его кошелек:

«Земля, дом, даже скотный сарай – все это дает право быть участником в улучшении состоянии местной жизни; но образование, знания, личность не существуют, а существует только имущество, и оно дает человеку значение и право»^[1557].

С этим трудно не согласиться: при таком подходе, декларирующем бессловность, на первый план выступали имущественные различия, подрывая тем самым идеологию самоуправления.

Но с наиболее страстной критикой обрушились на законопроект проправительственные силы. Перспективу уравнивания в правах с зажиточными крестьянами-хозяевами дворянство встретило без восторга. Именно его сопротивлением объясняется крайне медленное прохождение законопроекта о местном самоуправлении в обеих палатах: и в Государственной думе, и в Государственном совете он лежал по три года^[1558]. В ход пошли знакомые аргументы о преждевременности такого развития событий, о неподготовленности крестьянства к участию в проектируемой управленческой модели, о том, что влияние правительства на ход сельской жизни будут сведено на нет и т.д.^[1559] Кроме того, влиятельные оппоненты законопроекта уверяли: состыковать новую бессословную единицу с сословным земством – это все равно, что пристроить к петербургскому Исаакиевскому собору московский храм Василия Блаженного.^[1560] Тревожил правых и политический аспект: они видели в бессословной волости площадку для разложения народа^[1561]. Их недоумение вызывал также тот факт, что в одном управленческом органе власти предполагали собрать дворян и крестьян. Как заявил П.Н. Дурново:

«рискованно создавать самоуправляющиеся единицы, смешивая в них большое число людей неимущих с весьма малым числом имущих... когда все помыслы неимущих направлены к отбиранию земли у имущих»^[1562].

В итоге важное дело реформы местного самоуправления было свернуто: провести в жизнь новые принципы управления не удалось. Кстати, заметим: во время слушаний по земельным делам крестьянские депутаты буквально не сходили с думской трибуны, страстно отстаивая свою точку зрения. А в дебатах о бессословной волости никто из них не выступил ни разу; они даже не появились в зале, что и было замечено другими ораторами^[1563]; очевидно, перспектива единого с дворянством волостного органа их не очень занимала.

Возвращаясь к столыпинским преобразованиям в целом, следует сказать, что перевод крестьянского мира на рельсы частной собственности сопровождался ломкой привычного жизненного уклада. Перестройка общества в русле буржуазных ценностей потребовала

усиления национально-православной риторики, особая роль отводилось религиозной политике. П.А. Столыпин провозглашал:

«Православие – это жизненная основа нашего государства, душа народная, объединившая и объединяющая миллионы русских»^[1564].

По мысли государства, именно православие обязано взять на себя функцию сглаживания издержек капиталистической практики; православная религия должна, насколько это возможно, смягчать, гармонизировать отношения между бедными и богатыми.

Подобный опыт был наработан западными странами, которые столкнулись в свое время с теми же проблемами. К их решению там активно подключались христианские церкви, на основе религии пытаясь наладить взаимодействие разных экономических слоев. О том, как это происходило, поведал чиновник духовного ведомства В.К. Саблер (обер-прокурор Синода в 1911-1915 годах), собравший обширный материал о работе на этой ниве европейских церквей. Он посетил целый ряд предприятий в разных странах, где сумел разглядеть, как два, казалось бы, враждебных фактора – капитал и труд – сливаются в одну творческую силу. Например, подобную идиллию В.К. Саблер обнаружил на фабрике в г. Реймсе (Франция). Хозяин с семьей являли рабочим образец добротной христианской жизни, постоянно заботились об условиях их существования, жили с ними одними интересами, все вопросы обсуждали совместно, вместе пели псалмы, штрафы назначали ничтожные, мастерам в обиду не давали и т.д. В результате хозяева окружены вниманием и заботой: нет даже намека на конфликты^[1565]. Затем Саблера привлекла итальянская Феррара, где один крупный землевладелец не мог ни о чем думать, кроме как о крестьянах, живущих по соседству. Он настойчиво учил их хозяйствовать по науке; серьезно беспокоясь о досуге тружеников, отдал старинный замок с садом под народный дом для лекций и конференций^[1566]. Таких примеров на страницах книги немало. Их упоительное изложение сопровождается повторением глубокой мысли:

«Только совместная работа в христианском духе есть единственное спасительное средство, упрочивающее

нравственное и материальное благополучие»^[1567].

Не беремся здесь детально рассматривать взгляды очарованного В.К. Саблера на европейскую действительность, отметим лишь, что роль христианства в качестве инструмента по достижению социального мира широко рекламировалась и в России. В этом смысле власти возлагали на православие определенные надежды. Напомним, что подобный подход разделяли также религиозные круги, призывавшие к обновлению синодальной церкви. Среди обновленцев наиболее ярко заявлял о своей социальной позиции известный священник Г.С. Петров (в 1908 году лишенный за это сана). Он прямо говорил, что для оздоровления общественной обстановки одни должны дать, другие – получить; если этого не произойдет по доброй воле, то неимущие прибегнут к силе^[1568]. Решить дилемму должна помочь православная церковь: для нее открывается широкое и светлое поле деятельности. Причем она:

«должна идти не с одним только словом утешения к обездоленным, не с одной проповедью покорности, а и с призывом к справедливости к людям, могущим черному труду создать более светлое положение»^[1569].

Но для того, чтобы приступить к решению этой задачи, РПЦ нуждается в серьезном обновлении, в противном случае она будет просто не в состоянии адекватно отвечать на вызовы времени. Собственно, в этом и состояло основное отличие: Синод считал, что православной церкви все по плечу, если безбожники не будут чинить ей препятствий, а религиозные реформаторы настаивали на формировании ее нового облика. Но никто из них не ставил под сомнение действенность православия в России. Православная принадлежность большинства русских людей не обсуждалась. Отход же значительной части населения от господствующей церкви, особенно явно наметившийся после 1905 года, находил свое обоснование: официоз расценивал это как следствие агитации атеистов, а оппоненты – как ущербность синодальной практики.

Вот в этом, на наш взгляд, и заключалась коренная ошибка. Понятно, что объединительные христианские мотивы могут возыметь

реальное действие в смысле сглаживания социальных противоречий только в однородной конфессиональной среде. При проведении болезненных реформ с различными интересами это позволяло сохранять идейно-нравственный стержень, апеллируя к которому можно выстраивать какие-то невраждебные отношения между бедными и богатыми. Кстати, идеолог российской землеустроительной реформы датчанин А.А. Кофод хорошо это чувствовал. Как он отмечал, в Ковенской губернии антагонизма между помещиками-поляками и крестьянами-литовцами не наблюдалось, поскольку те и другие были католиками. А в тех западных губерниях, где помещики-поляки были католиками, а русские крестьяне – православными, всегда ощущалась повышенная напряженность^[1570]. Да и примеры из европейского опыта, приведенные Саблером, относились либо к католикам, либо к протестантам. В Европе эти недружественные христианские течения история уже давно развела по отдельным странам, и там речь шла о работе церквей в однородной религиозной среде. О том, что единая – в данном случае православная – церковь существует и в России, доказывать кому-либо, тем более в начале XX века, было излишне. И все-таки социальное сотрудничество под эгидой православия в России, мягко говоря, не налаживалось. Та атмосфера, в которую в ходе перемен погружалось российское общество, приводила в растерянность наблюдателей. Известный философ и публицист князь Е.Н. Трубецкой отмечал настойчивость властей по насаждению слоя мелких владельцев, писал об улучшении материального благосостояния и т.д. Но, с другой стороны, его все больше беспокоила идейная, духовная сторона дела. Будущее страны, рассуждал князь, не может основываться исключительно на экономических трансформациях:

«между тем тех нравственных устоев, на которых могла бы утвердиться новая великая Россия, в нашей жизни пока еще не видно»;

облик нашей мелкой буржуазной демократии едва ли можно назвать симпатичным^[1571]. Весьма любопытна и такая мысль:

«Если у нас есть основание верить в будущее России, то основание это – скорее в прошлом, чем в настоящем. Трудно поверить, чтобы народ, родивший Сергия Радонежского и Серафима Саровского и давший миру таких великих гениев, как Пушкин, Достоевский, Толстой и Соловьев, – затем утратил смысл своего существования и отдал все свои силы бессмысленному плотскому идеалу материального благополучия»^[1572].

Мнение известного российского интеллектуала свидетельствует о слабости тех морально-нравственных устоев, на которых могло бы завязаться социальное взаимодействие. Вопреки надеждам православие не стало объединительным фундаментом для российского общества, так как значительная часть народа не была приверженцем его синодальной версии. В отличие от правящих элит русский мужик всегда жил в пестрой конфессиональной старообрядческой среде. Ему было абсолютно безразлично все, касающееся никонианства – реформированного или не очень: разницы между чиновником Саблером и либералом Петровым он не видел, да и вряд ли хотел видеть. А значит, попытки нащупать какие-то консолидирующие начала с народными низами посредством никонианского религиозного инструментария были абсурдными. Это равносильно тому, как если бы кто-то решил с помощью христианства налаживать жизнь в мусульманской стране. А вот с православием господствующей синодальной церкви в царской России примерно это и произошло. Единой конфессиональной среды в стране со времен раскола (уже двести с лишним лет) не существовало, потому как конфессиональная рассортировка не приняла здесь конкретных географических очертаний, как это произошло у западных соседей. При этом российское правительство вместе со всем образованным обществом пребывало в полной уверенности, что в религиозном плане простые русские люди точно такие же, как они, – правоверные никониане. Причин сомневаться в никонианской принадлежности народа у просвещенных умов не имелось, т.к. всеобщая перепись 1897 года гласила: численность паствы РПЦ достигает 70%, староверов выявлено всего около 2% – меньше, чем католиков (9%) и лютеран

(около 3%). Исходя из этих официальных данных, обсуждать действительно было нечего.

Однако некоторые представители образованных классов все-таки обращали внимание на специфические народные черты, питавшиеся явно не официальным православием. Например, светский богослов С.Д. Бабушкин, отдавший много лет судебно-прокурорской системе, под конец жизни изложил необычные для тех лет взгляды. По его убеждению, православие в России только тогда обретет истинную силу (т. е. укроет русского человека от социальных бед), когда отбросит юридическое понятие частной собственности и всю систему римского права, расходящуюся с внутренним смыслом народной жизни. Законы римского права, зародившись на почве эгоизма, далеки от православного духа, от сознательного служения правде и справедливости^[1573]. Такой правовой строй «положительно ненавистен не только православному человеку, но и человеку, подчиняющемуся чувству стыда, велению совести и жалости к ближнему»^[1574]. Несомненно, неприятие С.Д. Бабушкиным института частной собственности было навеяно его служебной практикой; он видел, что синодальное православие совершенно не отвечает внутренним запросам простых людей, весьма далеких, не в пример правящим элитам, от капиталистических прелестей. Несоотнесенность официального православия с жизненным укладом русского народа отмечали и отдельные представители самой РПЦ. Так, ректор Московской духовной семинарии архимандрит Феодор (Поздеевский) в ходе полемики с интеллигенцией из религиозно-философских обществ, жаждавшей церковного обновления, говорил, что она не сможет увлечь этой задачей простых людей, поскольку те гораздо ближе к старообрядчеству. И ничего общего с воззрениями просвещенной публики русский народ не имеет^[1575].

Однако все это лишь отдельные наблюдения и замечания: сколько-нибудь серьезных выводов относительно роли староверия в жизни русского народа в то время сформулировать было невозможно. Этому не способствовали и данные о переходах из православия в старообрядчество после провозглашения свободы вероисповедания, т.е. после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 года. По сведениям МВД, с 1905 по 1911 год из РПЦ в старую веру обратились всего около 24 тыс. человек; даже в различные секты (баптистов,

евангелистов, адвентистов) из православия за тот же отрезок времени перешли в два раза больше человек (48 тыс.)^[1576]. Широкого притока якобы никонианской паствы в староверие не произошло, а ведь некоторые светские и богословские интеллектуалы пореформенной России прогнозировали, что в условиях свободного вероисповедания до половины населения ударится в раскол.

Почему же не произошел массовый переход из православия в старообрядчество после провозглашения свободы вероисповедания? Это обстоятельство требуется осмыслить по-новому. Во-первых, необходимо уточнить, чего же именно не произошло. Если быть точным, то не состоялась массовая регистрация староверов и их общин, намеченная государством с учетом новых условий. Ведь статистические органы естественно ориентировались на официальные, а не какие-либо иные цифры: они добросовестно фиксировали сведения об обратившихся к старой вере; когда же таких данных к ним не поступало – отражать в своих отчетах им было просто нечего. Если от статистики обратиться к существу проблемы, то следует повторить: в реальности значительная часть простых людей всегда находилась в орбите различных староверческих толков и согласий, и официально фиксировать переход, которого фактически не было, им казалось просто бессмысленным. Вот почему после 1905 года отмечаемый всеми исследователями отход населения от господствовавшей церкви не сопровождался повальным переходом в старообрядчество.

Во-вторых, следует учитывать стойкое нежелание староверов регистрировать официальным порядком свои общины, утверждать у властей своих наставников. Об этом прямо говорится в письме епископа-старообрядца Иннокентия в старообрядческую комиссию Государственной думы. Как он разъяснял, массы староверов с большой опаской относятся к закону о регистрации своих общин, поскольку «входить в общение с господствующей церковью», с иноверными, т.е. с никонианами, не желают^[1577]. Попросту говоря, староверам были абсолютно безразличны предлагаемые государством правила по упорядочиванию их религиозной жизни. А детальная регламентация деятельности общин лишь усиливала их неприятие и подозрения^[1578]. Резюмируя сказанное, подчеркнем: мы имеем дело не с проблемой обретения религиозной идентичности, как думали тогда, затем в советскую эпоху и как думают до сих пор, а с особенностями

юридического оформления в правовом пространстве российской империи. Поэтому рассуждения об утрате старообрядчеством привлекательности в народных массах выглядят по меньшей мере несостоятельными.

Напротив, после декларации 1905 года о свободе вероисповедания староверие в России заметно активизировалось. Что касается поповцев, то их усилия, как и всегда, сосредоточились на выстраивании полноценной церковной инфраструктуры, благо теперь для этого открылись невиданные возможности. И поповцы воспользовались ими сполна: во всех регионах Рогожская иерархия, опиравшаяся на финансовый потенциал богатого купечества, стремительно набирала силу. Поповцы неизменно подчеркивали древние традиции своего благочестия, устраивали торжественные пения, крестные ходы со старинными иконами, чем привлекали множество людей. Именно публичность их богослужебной практики вызывала большую тревогу у господствовавшей церкви. Еще К.П. Победоносцев усматривал в организованной иерархии поповцев конкурентов синодальному духовенству. Теперь же, в новых условиях, это соперничество превращалось в открытое противостояние. Как считали многие, образование двух церквей (синодальной и староверческой поповской) оставалось лишь делом времени^[1579]. Допустить подобное развитие событий хранители веры из РПЦ не могли. На IV Миссионерском съезде в 1908 году, собравшем свыше восьмисот священнослужителей и мирян, они обрушились на Рогожскую иерархию, потребовав от правительства признать ее вне закона как *«не имеющую правового и спасительного исповедания веры и непрерывного преемства благодатной хиротонии от Христа»*^[1580]. Для разоблачения ее зловредной сущности съезд призывал приложить все силы. В этой связи даже Государь император был объявлен не кем иным, как *«Первым Миссионером Православной Веры и Церкви»*^[1581].

Не будет преувеличением сказать, что после 1905 года РПЦ в своем противостоянии старообрядчеству сосредоточилось на борьбе с поповцами. Достаточно просмотреть журнал «Миссионерское обозрение» за 1905-1914 годы: около 70% помещенных в нем материалов посвящены критике Рогожской иерархии, информации о жизни и деятельности этого согласия. Заметим, что и для церковных обновленцев староверие как таковое означало прежде всего рогожское

течение, а не беспоповские толки. Либерально настроенный священник Г.С. Петров вел переписку именно с поповцами; православный архимандрит Михаил принял старую веру, став старообрядческим епископом^[1582]. И на тот же миссионерский съезд в Киев, для бесед с участниками, прибыли представители рогожан, а не каких-либо беспоповцев^[1583]. Об активности поповского согласия свидетельствуют также всероссийские и региональные съезды, проведенные староверами: до Первой мировой войны прошло 49 съездов, из них поповских – 41 (39 белокриницких и 2 беглопоповских)^[1584].

Взросшая публичная активность поповцев превращала их в главную мишень господствовавшей церкви. Другие представители староверия – беспоповцы – раздражали гораздо меньше. Прежде всего потому, что они не демонстрировали такую же вызывающую открытость, т.е. попросту не мозолили глаза: такую поведенческую модель предопределяло отсутствие иерархии и связанных с ней таинств. Однако это обстоятельство нельзя трактовать как угасание беспоповства на фоне укреплявшейся Рогожской иерархии. Современники подчеркивали, что беспоповщина являлась самым многочисленным направлением старообрядчества, причем в нем практически отсутствовала интеллигенция^[1585]. Беспоповцы не только не афишировали свою жизнь, но и всячески стремились избегать контактов с властями. Отсюда такое незначительное число съездов, устроенных их толками в 1905-1914 годах. Например, верхи федосеевцев в лице совета Преображенского богадельного дома хотели в официальном порядке (т.е. с разрешения МВД) созвать в Москве Всероссийский съезд для обсуждения старообрядческого законодательства. Но от этой затеи пришлось отказаться, поскольку рядовые единоверцы, настроенные резко против регистрации общин и ведения метрических книг, грозили «проклясть устроителей съезда». В результате вместо него состоялось лишь совещание ряда наставников, которые тем не менее отказались поддержать правительственный законопроект об общинах, расценив его как «попытку сломать веру»^[1586].

Материалы о старообрядчестве последнего десятилетия царской России показывают: если в видимой части староверческого айсберга наблюдалась безусловная гегемония богатых рогожан, то в невидимой

заметно нарастала активность радикальных согласий, и в первую очередь бегунов-странников, численность которых с развитием железнодорожной сети заметно возросла^[1587]. Отчеты различных епархий, поступавшие в департамент духовных дел МВД, неизменно содержали сведения о серьезном присутствии в разных губерниях последователей этого течения. Владимирский архиепископ сообщал о зараженности многих уездов и города Иваново-Вознесенска; в одном только Шуйском уезде было выявлено около шестисот бегунов. Суть их представлений о российской действительности выражали наставники, которые продолжали развивать учение о воплощении антихриста, заявляя, что *«в жизни два пути к спасению – борьба и бегство. Сильные да борются, а не могущие да бегут»*^[1588]. В основе взглядов странничества лежало полное отрицание частной собственности и обязанность каждого трудиться на пользу всего общества. Наставники даже вели особые «завещательные» книги, куда записывалось, какие вещи принадлежат тому или иному единоверцу^[1589]. Старые и тяжелобольные у бегунов, как правило, умирали вдали от посторонних, лишь среди своих единоверцев; считалось, что последние минуты не должны быть омрачены присутствием никониан^[1590].

Сведения о бегунах оставались крайне скудными и приблизительными. К тому же отличить их было нелегко: они легко крестились, могли заявиться прямо в храм и *«вообще притворно выдавали себя за православных»*^[1591]. После 1905 года они, как и ранее, отказывались регистрировать общины, вести метрические книги и тем более утверждать у властей своих наставников. Известный центр бегунов, обнаруженный еще в середине XIX века в селе Сопелки Ярославской губернии, давно утратил свое прежнее значение: к 1908 году здесь уже не существовало ни одного странноприимного дома^[1592]. Любопытные сведения о секте содержатся в отчете чиновника МВД, который присутствовал на региональном съезде беспоповцев другого – часовенного – согласия в г. Екатеринбурге в сентябре 1911 года. Из донесения следовало, что широкое распространение бегунов оказывает влияние на часовенное согласие. Здесь радикальные призывы, в отличие от пропаганды поповцев, находили большой отклик. Как удалось выяснить чиновнику, странническое согласие представляло собой разветвленную сеть,

разбросанную по всей России и состоявшую из так называемых «переделов». Во главе каждого из них стояла тройка наставников, именовавшихся «преимуществами»: первый являлся духовным главой «передела», второй присматривал за ним и доносил собору о его проступках, третий выполнял функции секретаря при них. Они вершили в согласии свой собственный суд. Бегуны располагали и денежными средствами: когда кого-то задерживала полиция, они открыто заявляли, что могут внести значительные суммы на выкуп единоверца^[1593].

Изучение старообрядческих корней позволяет лучше осознать, что народные массы не были аморфными, как может показаться на первый взгляд; они представляли собой простроенные в рамках определенных согласий организационные структуры и, по сути, пронизывали низы общества вдоль и поперек. Однако понимание этих реалий было давно утрачено: несколько десятилетий прошло со времени увлечения российского общества расколом. В 60-70-х годах XIX столетия народническая интеллигенция и староверы не могли понять друг друга; теперь, в начале нового века, староверческую суть русского мужика различали вообще немногие, а точнее, только те, кто сами вышли из народных глубин.

Одним из таких людей был известный литератор Максим Горький. Действительно, в знании народной жизни, в отличие от подавляющего большинства интеллигенции, в том числе и радикальной, ему отказать трудно. Горький был знаковой фигурой в событиях 1905 года; находясь в эмиграции после поражения революции, он решает внести серьезные коррективы в подготовку будущей борьбы. Как мы видели, в начале XX века огромная популярность сделала его своего рода связующим звеном между различными революционными группами и московской буржуазией, разыгрывавшей тогда (впрочем, как и всегда) свою карту. После революции Горький, примкнувший к большевикам, отвергает сотрудничество с оппозиционными староверческими капиталистами. Он сосредотачивается на взаимодействии с низами раскола, понимая, что именно здесь кроются потенциальные силы для борьбы с правящим режимом. (Все это очень напоминает рассмотренную нами в первом разделе эволюцию А.И. Герцена и Н.П. Огарева: от контактов с раскольничьими богатеями к хождению в народ). Кстати, религиозная

окраска этого начинания, далекого от классического марксизма, вызвала большое неудовольствие В.И. Ленина^[1594].

История открытия на итальянском острове Капри школы для революционных пропагандистов из народа хорошо известна в литературе. Однако ряд выявленных архивных документов позволяет взглянуть на это горьковское детище более обстоятельно. Своего рода идеологическим обоснованием сотрудничества народных масс и интеллигенции стала повесть М. Горького «Лето», вышедшая в 1909 году. Сюжет ее таков: интеллигент приезжает в деревню – вести революционную работу; основным его помощником становится раскольничий начетчик, беспоповец Петр Кузин. Именно он собирает подходящих людей из уездной бедноты, очевидно своих единомышленников, среди которых и разворачивается антиправительственная агитация. Кстати, по поводу православия господствующей церкви он замечает, что это вера денежная^[1595]; и делает такие, например, заявления:

«Интеллигентов бы нам парочку хороших... когда нас будут тысячи и миллионы, мы без злобы возьмем за горло кого надо»^[1596].

В таком именно ключе и решил действовать Горький: готовить агитаторов для староверческого большинства из старообрядцев. Поэтому кадры для школы набирались, как правило, из регионов со сложившейся староверческой репутацией: Владимирской и Нижегородской губерний, из Лефортовского и Рогожского районов Москвы^[1597]. Как установила полиция, в школе занимались некий крестьянин И. Панкратов с характерной кличкой Старовер, рабочий И. Казанец – с такой же кличкой, и еще один персонаж – с фамилией Староверов. Был здесь и гражданский муж Елизаветы Шмидт – сестры погибшего Николая Шмидта, также беспоповца^[1598]. Именно этим слушателям Горький адресовал лекции о русской душе и о роли староверия в русской истории. Для обоснования своих мыслей он использовал, в частности, рассказ В.Г. Короленко «Река играет»^[1599]. По мнению Горького, в образе героя этого рассказа, раскольника с Ветлуги, удачно:

«дан исторически верный тип великорусса – того человека, который ныне сорвался с крепких цепей мертвой старины и получил возможность строить жизнь по своей воле»^[1600].

Достоин внимания и организационное устройство школы. Все дела в ней, кроме мелких хозяйственных, решались советом, состоящим из шести лекторов и шестнадцати слушателей. А исполнительный комитет состоял из двух преподавателей и трех воспитанников, так что ученики имели полную возможность высказывать свое мнение и, по сути, руководить школой^[1601]. Именно от лица этого совета последовало приглашение В.И. Ленину – прочитать лекции; тот отказался, пригласив всех к себе в Париж: так будущий вождь мирового пролетариата выражал свое недовольство. Слушатели школы написали ему в ответ:

«Мы не можем быть орудием в руках каких-либо личностей или групп: все решения здесь проводятся большинством»,

и

«наше настояние есть осуществление воли пославших нас организаций»^[1602]

(особенно примечательна последняя фраза). Лекции Ленина на Капри не состоялись; как мы понимаем, обосновывать перспективы революции в Европе, увлекавшей вождя и его свиту, в данной аудитории было не совсем правильно. Да и Горький считал, что Россия должна собственными силами освободиться от царизма, не дожидаясь Запада; такой подход, в отличие от большевистских интеллектуалов, представлялся ему более верным.^[1603]

Заметим, что эта горьковская мысль была не лишена смысла. Маститый писатель лучше представлял психологию русского народа, чем его оппоненты по партии. Перспективу он видел в переориентации наиболее организованных слоев русского народа, т.е. тех же старообрядцев, с преобладавших монархических позиций на

революционные. Как известно, низы рассматривали царя в качестве заступника, способного отобрать землю и фабрики у ненавистных богатеев. Перед пропагандистами стояла задача продемонстрировать им новый – реальный, а не мифический – инструмент для решения своих нужд: народную революцию. Неслучайно Горький с энтузиазмом пишет о трансформации черносотенных воззрений в революционную практику. В упомянутой повести «Лето» начетчик П. Кузин, помогающий налаживать агитационную работу среди единоверцев, раньше числился активистом черной сотни^[1604]. Или взять воспоминания Горького о слушателе школы на острове Капри М. Вилонове, который рассказывал писателю, насколько болезненно происходило у староверов-уральцев изживание монархических иллюзий: рушились семьи и родственные связи, но ненависть к старому миру брала свое^[1605].

Чем ближе к 1917 году, тем явственнее ощущались изменения в староверческой среде. Полицейские источники фиксировали, что в 1910 году, после провала вероисповедных законов, староверческая масса сильно полевела^[1606]. Ее монархические пристрастия постепенно таяли, причем -что особенно важно – их вытесняли отнюдь не либерально-конституционные взгляды, с начала XX века овладевшие большей частью российской интеллигенции. Староверы оставались абсолютно равнодушны к знаменам либерализма. О беспоповцах, представлявших главным образом бедные крестьянско-пролетарские слои, уже говорилось выше: шкала их жизненных ценностей слабо соотносилась с принципами либерализма. Даже у поповцев Белокриницкой иерархии группа либеральных миллионеров, которая заправляла делами согласия, с огромным трудом продавливала нужные им политические решения. На XIV старообрядческом съезде, в августе 1915 года только неимоверными усилиями П.П. Рябушинского, Д.В. Сироткина, М.А. Пуговкина, Г.М. Кузнецова и др. была принята резолюция о поддержке Прогрессивного блока^[1607].

Вместо либеральной идеологии старообрядческие низы проявляли интерес к радикальным рецептам, а именно к завладению землей и собственностью правящих сословий. О том, как протекал этот процесс, свидетельствует видный оппозиционный деятель П.Н. Милюков. Он посетил Москву в октябре 1916 года и был поражен тем, насколько изменилось старообрядческое лицо Первопрестольной;

консервативные низы Преображенского, Замоскворецкого, Рогожского районов заговорили языком, более свойственным швейцарской эмиграции. Лидер кадетов замечал:

«Если бы представители правительства слышали этот язык, им должно было бы стать страшно, они поняли бы тогда, чем они шутят»^[1608].

На этом фоне заметно выросла и популярность социалистов. Например, если для социал-демократов город Москва как поле политической деятельности раньше просто не существовал, то теперь их пропаганда силового решения социально-экономических проблем находила здесь живой отклик^[1609]. О тех же процессах говорили не только оппозиционеры, но и правительственные чиновники. Так, представитель правящей царской бюрократии С.Е. Крыжановский обращал внимание на схожесть чаяний правых низов и социальной программы левых партий: просто одни жаждали перераспределения собственности именем самодержавного царя как защитника интересов народа от утеснения богатых, а другие предлагали проделать то же самое именем республики^[1610].

«В этом обстоятельстве следует, по-видимому, искать объяснение того странного на первый взгляд явления, что крайне правые и крайне левые элементы так легко переходили у нас из одного лагеря в другой»^[1611].

В свете этого наблюдения, высказанного опытным чиновником, более понятным становится странное на первый взгляд заявление крайнего черносотенца А.И. Дубровина, который называл себя коммунистом-монархистом. Лидер «Союза русского народа» выступал за улучшение благосостояния народа, за урезонивание бюрократии, против эксплуатации масс помещиками и капиталистами; а в качестве инструмента для достижения этих, по сути, социалистических целей он видел монархию^[1612].

Представленные мнения показывают, как именно решалось главное противоречие российского общества: между бедными массами и богатыми слоями. Политическое противостояние внутри элит мало

интересовало русский народ. Традиционно он связывал удовлетворение своих жизненных потребностей с монархией, но получил от нее активизацию буржуазных реформ в православно-синодальном облике. И люди стали постепенно отворачиваться от власти, довольно быстро осваивая иной идейный инструментарий. В первую очередь сказанное относится к самой многочисленной части народных низов – старообрядцам. Этот вывод, не имеющий ничего общего с советской историографической традицией, подтверждается советской же литературой. Профессиональные историки, как известно, не балуют своим вниманием труды литераторов, не видя в них особой ценности для исследовательского поиска. Между тем острый писательский взгляд способен заметить детали, из которых складываются многообразные жизненные процессы. В ранней советской литературе представлена целая галерея народных персонажей – участников революционных событий. Внимательное знакомство с ними позволяет утверждать: активных деятелей, принявших сторону большевиков, авторы относят главным образом к старообрядцам.

Обратимся к известной повести Бориса Пильняка «Голый год» (1920). Среди ее героев мы видим Архипа Архипова, который сидит в местном исполкоме и утверждает списки буржуев на расстрел. Этот крестьянин в кожаной куртке и с внешностью Пугачева – не кто иной, как сын известного раскольникового начетчика: он очень дружен с отцом, советуется с ним, горюет о его смерти^[1613]. Другой персонаж повести, Семен Зилотов, также является уважаемым раскольниковым начетчиком: его непререкаемый авторитет у бедного населения обеспечил ему путь в Совет, от имени которого он разъезжал для бесед о помещиках, о братстве, о республике^[1614]. Идея повести в том, что интеллигенция в своем большинстве не пошла за Октябрем; зато автор показывает, кто пошел, и утверждает, что вся *«история России мужицкой – история сектанства... а оно пошло с раскола»*^[1615]. События знаменитой повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69» (1922) происходят на Дальнем Востоке: красные воюют с белыми. Руководители отряда – начальник штаба Никита Вершинин и казначей Васька Окорок – опять-таки староверы. Командир – выходец из пермских земель, его ближайший помощник и вся его родня – испокон веку *«раскольной веры»*^[1616]. Те же особенности отражены в

грандиозном романе Л.М. Леонова «Пирамида». Об одном из лидеров большевистской партии, Тимофее Скуднове, рассказывается, что он в кожаной комиссарской куртке воевал на фронтах Гражданской войны, взрывал церкви, имел «репутацию всенародного человека». Но, как замечает Л.М. Леонов, только одно в его описании упущено из виду – «кондовое староверческое происхождение»^[1617].

Вспомним и широко известную трилогию А.Н. Толстого «Хождение по мукам». Один из ее главных героев, инженер Иван Телегин, по сюжету оказывается на стороне большевиков. Но самое интересное – как он к ним попадает. Будучи заводским инженером, он сходитя с рабочей семьей Рублевых, про которых замечено, что они староверы из пермских лесов^[1618]. Когда свершилась революция и Телегин пребывал в полной растерянности относительно своего будущего, он встретил на улице Петрограда Василия Рублева (сына). Тот, ставший у большевиков заметной фигурой, говорит: «Приходи завтра в Смольный, спросишь меня»^[1619]. После этой судьбоносной встречи Телегин делает любопытное признание героине романа Даше:

«Я не верю, чтобы эти большевики так вдруг и исчезли. Тут корень в Рублеве... их действительно никто не выбирал, и власть-то их на волоске... но тут весь секрет в качестве власти... эта власть связана кровяной жилой с такими, как Василий Рублев... у них вера»^[1620].

Та же самая мысль лежит в основе знаменитого «Чапаева» Д. Фурманова (1923). Главный герой представлен здесь как продолжатель традиций Степана Разина и Емельяна Пугачева: «те в свое время свои дела делали, а этому другое время дано» (те, напомним, громили дворянство и никонианских священников)^[1621]. Как и названные исторические персонажи, Чапаев больше народный герой, чем сознательный революционер:

«программы коммунистов не знал нисколько, а в партии числился уже целый год, – не читал ее, не учил ее, ни разбирался мало-мальски серьезно ни в одном вопросе»^[1622].

Вот из такого народного материала партия в лице комиссара Федора Клычкова (прототипа Фурманова) умело и осторожно создает человека для новой жизни. А этот будущий человек, между прочим, наделен следующими до боли знакомыми чертами: неверие в международную пролетарскую солидарность, недоверие к начальству, штабам (там окапались враги), полное отторжение интеллигенции, стремление поделить все по справедливости. Наконец самое интересное: Чапаев проявляет жгучую ненависть к священникам – *«а то какой же поп, коль обману нет?»* – и в тоже время креститься^[1623]. Конечно, этот нюанс имеет принципиальное значение, ведь паства никонианской церкви, выстроенная на строгом почитании иерархии так поступать, естественно, не должна. Очевидно, что жизненные взгляды Чапаева являются продуктом совершенно иной религиозно-мировоззренческой среды, которая и становится опорой большевизма. Художественный образ староверия как питательной почвы революции мы находим и в повести Л.Н. Сейфулиной «Виринея» (1924). Образ России в этом произведении воплощает женщина-раскольница. Ее жизненный путь очень симптоматичен: сначала она расстается с мужем и свекровью: *«У вас бог православный, креста моего староверческого не примет»*^[1624]; затем отвергает домогательства земского и какого-то инженера и в конце концов связывает свою судьбу с большевиком^[1625].

Помимо явной общности большевистской идеологии и жизненных чаяний русского простонародья, следует упомянуть об одном любопытном, на наш взгляд, наблюдении, а именно о созвучии слов «большевик» и «большак». Исконно народное понятие «большак» означает человека, имеющего неофициальный авторитет в общинной среде. Еще дореволюционные исследователи крестьянского хозяйства отмечали его важную роль в жизни низов: так называли только того человека, который выделялся *«своим умением хозяйничать и распоряжаться»*. Его функция состояла в поддержании *«хозяйственного порядка и добрых нравов»*^[1626]. Как особо подчеркивалось, большаком могло быть лицо, не связанное кровными узами с большинством членов конкретного хозяйства. Здесь преобладало выборное начало: большаком становился не старший в роде или старший по возрасту, а более опытный и расторопный^[1627]. Большак вел все дела хозяйства, распоряжался имуществом, заключал

соглашения, но при этом владельцем двора не являлся. По обычаю он не мог принимать важные решения без согласия взрослых членов семьи^[1628]. Советские историки также заметили, что во многих общинах наряду с официальным сельским старостой действовал еще один, неофициальный. Он выступал в качестве распорядителя и устроителя общественных интересов, собирал крестьян на мирские работы, разбирал дела о хозяйственных неурядицах, следил за сохранностью мирского поля. Что же касается официального сельского старосты, то он имел своим прототипом помещичьего старосту крепостной эпохи. В его деятельности, чуждой общинному духу, преобладали не только фискальные, но и полицейские функции. Поэтому авторитет официальных сельских старост, как известно, был крайне невысок, в отличие от неофициального главы сельского мира^[1629]. Остается заметить, что результаты исследований, посвященных экономической стороне дела, вполне согласуются и с религиозным аспектом. Староверы именовали своих наставников большаками; причем речь идет именно о беспоповцах (очевидно, никто из поповцев не называл так своих священников)^[1630]. Созвучие терминов – большак и большевик – для полуграмотных масс, в отличие от современного человека, явно не было случайным, а шло в русле привычного опыта. Именно здесь корень несуразной на первый взгляд ситуации, когда крестьянские массы, охотно признавая власть большевиков, отказывали в доверии коммунистам! Например, этот парадокс отмечает Д. Фураманов на страницах своего «Чапаева»^[1631]. Все эти наблюдения представляют значительный интерес и, надеемся, послужат отправной точкой для серьезной научной разработки.

Заключение

Осмысление особенностей российского пути – в его отличии от западного – давно занимает умы отечественных и зарубежных историков, философов, политологов. Эти размышления касаются различных исследовательских аспектов: экономических, социальных, культурных и т.д. Однако в настоящей работе в качестве ключевого фактора, определившего разновекторность русских и западных реалий, выделен фактор религиозный. Облик современных стран, относящих себя к европейской цивилизации, определялся генезисом последних трехсот-четырёхсот лет. Отправной точкой в формировании этого облика стал религиозный раскол, через горнило которого прошли страны Европы и последствия разрешения которого во многом обусловили специфику европейского и российского обществ. Западная Реформация, взорвав средневековый европейский мир, привела к кровопролитным войнам на большей части Старого Света. Как известно, их итогом явился мир, подводивший черту под противостоянием католиков и протестантов и основанный на знаменитом принципе «*cuius regio, ejus reli-gio*» («чья страна, того и вера»), В результате сторонники и противники Реформации оказались по большей части разделены государственными границами. В одних странах возобладали католики (Италия, Испания, Австрия, Бельгия, Франция, Польша, Бавария и т.д.), а в других – различные протестантские течения (Англия, Нидерланды, Швеция, Дания, целый ряд германских княжеств и т.д.).

И в России, как мы видели, церковное размежевание поделило общество на два непримиримых лагеря: приверженцев старого обряда и последователей реформ патриарха Никона. Но в России это ожесточенное противостояние не привело к территориальному разводу враждебных сторон, как это произошло в Европе. Правда, в определенном смысле победу сторонников никоновских новин, мощно поддержанных царской властью, тоже можно считать воплощением принципа «чья страна, того и вера». Однако здесь противоборствующие силы оставались по одну сторону границы, в одном государстве. Россия в отличие от европейских стран

разделилась внутри себя: на географической карте она была единой, на деле же в ней образовались два социума с различной социальной и культурной идентификацией. Разумеется, подобный расклад не мог не повлиять на все стороны жизни общества. Вынужденное сосуществование на одной территории двух враждебных сил и определило присущую России специфичность.

Однако это ключевое обстоятельство совершенно игнорируется как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Российское общество традиционно рассматривается в качестве однородного – т.е. православного – конфессионального образования с незначительными мусульманскими и лютеранско-католическими, главным образом окраинными, вкраплениями (Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика, Финляндия, Польша), неизбежными для страны с великодержавным статусом. Ситуация с большинством русского населения страны всегда казалась предельно ясной: его представляли приверженцем синодальной версии православия с незначительным старообрядческим налетом. Статистика неизменно подкрепляла эту иллюзию. С первой ревизии Петра Великого 1716 года и до переписи 1897-го количество раскольников всегда оставалось на уровне не более двух процентов от населения империи. Добавим, что, по официальным данным, в XIX столетии мусульмане, лютеране и католики заметно превосходили староверов по численности. Но если от общей картины обратиться к конкретным местностям (уездам, волостям, деревням), то конфессиональное лицо России – в Центре, Поволжье, на Урале и в Сибири – меняется до неузнаваемости. Привлеченные свидетельства определенно указывают, что влияние господствующей церкви в крестьянских низах было не таким, каким оно виделось чиновникам из правительства, синода и губернских администраций и каким представало в научных трудах. В названных регионах страны простые люди, практически поголовно внесенные в синодальные ведомости, состояли, мягко говоря, в весьма сложных отношениях с РПЦ. Можно сказать и жестче: они не хотели бы иметь ничего общего с государственной церковью дворян-помещиков, обративших в рабов собственный народ.

Имперские амбиции правящих верхов, обслуживаемые никонианской церковью, в корне отличались от старообрядческих чаяний, ориентированных на сугубо национальные приоритеты.

Нужно признать, что власть интуитивно ощущала укорененность староверия среди русского крестьянства. В конце своего царствования Николай I инициировал серьезные меры по выяснению подлинных масштабов раскольничьей общности. Как следовало из проведенных в ряде губерний Центральной России обследований Министерства внутренних дел, реальные цифры в десять раз превышали те, что были заявлены в отчетах местных гражданских и духовных администраций. С тех пор и вплоть до начала XX века тема распространения староверия неизменно сопровождалась разговорами о десятикратном занижении количества старообрядцев. Если по переписи 1897 года их насчитывалось около двух миллионов, то общественность предполагала более справедливым говорить о двадцати миллионах. Хотя и эти цифры не давали полного представления о положении дел в двух ветвях православия. Большая часть раскольников (прежде всего беспоповцев, не принимавших священство и церковных таинств) числилась обычными православными, не желая в официальном порядке заявлять о своей религиозной идентификации. Со времени правления Александра II был взят курс на включение староверия в сферу государственного влияния и на подчинение его гражданскому имперскому законодательству. После чего на правительственном уровне уже не было попыток определить истинные параметры раскольничьей общности. Угасанию интереса к старообрядчеству способствовало также полное фиаско революционно-демократических кругов, которые в 60-70-х годах XIX столетия рассчитывали поднять раскол на борьбу с самодержавием. И уже к концу пореформенного периода раскольничья тематика оказалась далеко на периферии исследований.

Поэтому взгляд на основные вехи российской истории сквозь призму русского раскола, а точнее его генезиса, кардинально меняет многие, казалось бы, незыблемые исследовательские оценки. Признание конфессиональной неоднородности российского общества, а именно наличия двух противоборствующих ветвей православия, приводит к новому видению экономического – прежде всего – ландшафта империи. Речь идет об обширных слоях населения, не принявших нового государственно-церковного облика и отстраненных от государственной службы, а значит, и от собственности, т.е. от земельного фонда страны. По этим причинам уже с конца XVII века

старообрядчество становится уделом тех, кто не был и не желал быть вмонтированным в новое государственное здание, выстроенное по западным образцам на имперский лад. К тому же карательные меры по отношению к расколу со стороны властей заставили его приверженцев перейти, по сути дела, на нелегальное положение. И эта часть населения, оказавшаяся на периферии новой административной системы и бесправная в экономическом отношении, была вынуждена устраивать свою хозяйственную жизнь по собственным принципам.

Экономические представления дворянства были связаны с институтом частной собственности; он обеспечивал, в их глазах, наиболее естественный путь развития, позволявший эффективно реализовывать свои интересы. У староверов же вследствие дискриминационного положения предельную актуальность приобретала задача выживания во враждебной среде. И оптимальным инструментом для этого, позволяющим максимально концентрировать как экономические, так и духовные ресурсы, стала знаменитая русская община; общинно-коллективистские (а не частнособственнические) отношения послужили тем фундаментом, на котором строилась вся жизнь раскола. Таким образом, конфессиональные мотивы стали важным фактором консервации общинных порядков снизу – в среде русского крестьянства – вплоть до начала XX века.

Общинная составляющая проявилась также и в организации торгово-мануфактурного сектора, становлением которого озаботилась власть, претендующая на статус полноценной европейской державы. Стойкое нежелание дворянства участвовать в производственных хлопотах заставило государство привлечь к ним всех, кто был способен к промышленному строительству. В этих условиях для староверов открылись прекрасные возможности. Причем если в первой половине XVIII века, когда мануфактуры в основном насаждались сверху, участие старообрядческих низов еще не было значительным, то во второй половине их созидательный потенциал задействуется во всю мощь. Со времен Екатерины II, снявшей ограничения на торгово-мануфактурную деятельность, формирование внутреннего рынка страны становится главным делом русского раскола. К середине XIX века он постепенно трансформировался в огромную конфессионально-хозяйственную корпорацию, преобразившую российское гильдейское купечество. Однако в

развитии этого – купеческо-крестьянского – капитализма институт частной собственности и конкурентное начало не играли существенной роли. Более того, стремление властей развивать промышленность на этих принципах на практике привело к возникновению уклада, который эти самые принципы и отвергал. Раскольники вели хозяйство не для извлечения прибыли отдельными лицами и их семьями, а для противостояния никонианскому миру. А потому законные с точки зрения официального гражданского права владельцы торгово-промышленных активов в раскольничьей среде таковыми не считались, выступая лишь в качестве управленцев, которых община наделила соответствующими полномочиями.

Вот этой хозяйственно-управленческой модели, сформированной расколом, и был брошен вызов в 50-х годах XIX века. Она слишком явно напоминала российскому правительству о социалистических и коммунистических воззрениях, к этому времени уже ставших популярными на Западе. Николай I со свойственной ему решимостью приступил к демонтажу экономической системы староверия. Главный удар был направлен на купечество, по имперскому законодательству – на владельцев предприятий и мануфактур, которые создавались, однако, на средства раскольничьих общин. Отныне попасть в купеческие гильдии могли только те, кто принадлежали к синодальной церкви или единоверию; все русские купцы обязывались предоставить свидетельства об этом от православных священнослужителей; в случае отказа предприниматели переводились на временное гильдейское право сроком на один год. В результате все староверческое купечество оказалось перед жестким выбором: лишиться всего или поменять веру; большинство склонялось (или делало вид, что склонялось) к последнему варианту.

Главным последствием государственно-церковной регистрации стало то, что купцы-староверы и члены их семей в правовом отношении оказались полностью привязаны к своим торгово-промышленным делам. Теперь сменить собственника по инициативе раскольничьих наставников или советов стало гораздо сложнее, чем прежде: решения каких-то малопонятных и нелегитимных структур власть, даже с учетом немалой коррупции, не признавала. Более всего это коснулось крупных коммерческих предприятий, ставших слишком заметными, чтобы без законных на то оснований проводить смену

легальных владельцев. Юридический фактор становился все более весомым, а общинные возможности в управлении торгово-экономическими сетями резко снижались. Поэтому с 60-х годов XIX века появление новых имен среди крупных купцов-старообрядцев практически прекратилось, а известные фамилии закрепили свои позиции.

Этот процесс вызвал расщепление общинно-хозяйственной модели в промышленной сфере. Отмена крепостного права интенсифицировала капиталистическое развитие, начался приток иностранного капитала: теперь староверческим хозяйствам пришлось присутствовать в экономике только на основе реальных буржуазных отношений; соблюдение прежних солидарных принципов теряло свою актуальность. В среде старообрядцев сформировалась прослойка управленцев раскольничьей собственностью и капиталами, стремительно вживающихся в роль подлинных хозяев вверенных им активов. Николаевский запрет на веру фактически привел к образованию многих предпринимательских династий крестьянского происхождения. В результате этих процессов на экономической арене России появляется мощная группа купеческой буржуазии. Ее формирование происходило без помощи придворных и правительственных кругов, всегда ориентированных на иностранный и дворянский бизнес.

Хотя вышедшие из крестьян капиталисты вызывали пренебрежительное, в лучшем случае снисходительное отношение со стороны аристократии, а для правительственной бюрократии их коммерческие интересы оставались на втором плане, они настойчиво стремились встроиться в новые экономические реалии, формирующиеся под контролем власти. И в этом народные капиталисты обрели поддержку у части правящей элиты, которая представляла славянофильство, а также другие патриотические течения, – в литературе ее именуют русской партией. Благодаря завязавшимся отношениям купеческая группа приобретала политический ресурс, позволяющий ей продвигать свои интересы на всероссийском уровне; русская же партия, со своей стороны, нашла в вышедших из низов капиталистах воплощение образа народа, который отвечал их представлениям о русском пути развития. Можно сказать, что в пореформенный период старообрядческое купечество стало

своего рода экономическим отделением русской партии. Опора на национальные традиции, борьба с иностранным засильем, неприятие либеральных принципов государственного строительства - вот те узловые точки, вокруг которых выстраивалось сотрудничество национально ориентированной части элиты и московской купеческой группы. Их союз принес свои плоды в царствование Александра III, когда, благодаря стараниям М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, В.П. Мещерского, И.А. Вышнеградского, народные предприниматели смогли наконец приобщиться к административному ресурсу для приумножения своих капиталов.

Но идиллия закончилась довольно быстро – в конце XIX века. В этот период началось движение в сторону буржуазной монархии, полноценно присутствующей на международных финансовых рынках, – таким образом, правительственная бюрократия пыталась сбалансировать устои правящего режима. Начавшаяся модернизация существенно изменила промышленный ландшафт страны, сложившийся в пореформенные десятилетия. В экономическом смысле процесс сопровождался небывалым притоком в Россию иностранного капитала. Эти инвестиции оказались для властей куда более привлекательными, чем обеспечение потребностей фабрикантов крестьянского происхождения. На этом фоне произошло резкое усиление петербургских банков – давних соперников промышленников Центра в борьбе за первенство. Столь стремительно меняющиеся условия повлекли системный кризис в купеческой группировке, коммерческие позиции, а главное – перспективы которой оказались серьезно подорваны.

Это обстоятельство имело ключевое значение для хода последнего отрезка отечественной истории, вплоть до 1917 года. Купеческая буржуазия больше не желала оставаться заложницей правящей бюрократии: необходимость выживания актуализировала ее потребность в активных действиях (раскольничья кровь все-таки!). В результате прежняя верноподданническая модель, исчерпав свой потенциал, была отброшена. Купеческая элита решительно распрощалась со славянофильскими идеями о возможности развития на монархической почве. Взамен она начала осваивать новые политические рубежи, связанные с ограничением власти и утверждением прав и свобод, которые устанавливаются

конституционно-законодательным путем, а не по верховной воле. Иными словами, ущемленное купечество влилось в ряды российского либерально-общественного движения. Это произошло через масштабный культурно-просветительский проект, инициированный представителями московского клана. Именно они оплачивали формирование той среды, в которой утверждались либеральные ценности, неприятие чиновничьей опеки, протест против полицейского произвола. Идейные потоки, направляемые дорогостоящей культурно-просветительской инфраструктурой, множили число тех, кто жаждал отказа от рудиментарного политического устройства.

Лидеры купечества постепенно становились заметными деятелями либерального движения. Имена Морозовых, братьев Рябушинских, Гучковых, Сабашниковых, С.И. Четверикова и др. приобретают все большую известность в оппозиционных кругах. Правда, в начале XX века первые роли принадлежали либералам-земцам. Но следует признать, что представители купечества вели довольно гибкую политику. Они изначально не ограничивались посещением тех же земских съездов, ясно осознавая, что реформаторского порыва дворянско-профессорской публики для продавливания нужных политических изменений будет недостаточно. А потому либерализовавшееся купечество предусмотрительно обратилось к радикальным элементам, которые концентрировались в кружках социал-демократов и социал-революционеров, делавших ставку на силовое выяснение отношений с царизмом. Налаживание контактов с радикальной средой существенно отличало народных капиталистов от либеральной и профессорской публики, не готовой тесно общаться с радикалами. Наличие этих связей делало купеческую буржуазию наиболее подготовленным участником развернувшихся политических процессов. Обладание столь разносторонним коммуникативным ресурсом, а также финансовым потенциалом обеспечивало ей особое положение в оппозиционном движении. Именно эти возможности позволили московскому клану осуществить эскалацию напряженности, переросшую в беспрецедентные беспорядки 1905 года. Респектабельные либерально-профессорские деятели явно не желали такого поворота событий, а жаждавшие его радикалы были попросту не в состоянии его осуществить.

Конкретная цель купеческой буржуазии состояла в срыве конституционно-монархического сценария, реализуемого правительством сверху. Стремление властей избрать Государственную думу с подавляющим преобладанием дворянства и крестьянства не отвечало желаниям купечества: оно явно не ради этого вступало на либеральную стезю. Результатом московского обострения октября-декабря 1905 года и стал переход конституционной инициативы от правительства к оппозиции. Его можно также характеризовать как первое самостоятельное выступление купеческой элиты; именно ее представители фактически оплатили забастовочное движение, начавшееся на конкретных предприятиях. Ряд владельцев московских фабрик и заводов инициировали стачечную волну, продолжая выплачивать заработную плату работникам в период забастовок. Декабрьское вооруженное восстание также имело своей главной опорой фабрики, принадлежащие купечеству Первопрестольной и ставшие очагами сопротивления царским войскам. Характерно и то, что в ходе масштабных беспорядков московская буржуазия не предавалась панике (как это изображалось в советский период), хладнокровно используя их для достижения конкретных коммерческих целей. Так, забастовка почтово-телеграфных служащих послужила поводом для выдвижения требований к правительству: передать эту стратегическую по тем временам отрасль в руки купечеству, которое вызвалось позаботиться о ее развитии. А итогом боевых действий в Москве стало предложение о переводе в местные банки огромных финансовых средств, необходимых для восстановления нормальной экономической жизни. То есть купеческая буржуазия, с одной стороны, инициировала борьбу против власти, а с другой – за ее же счет пыталась реализовать свои коммерческие потребности. Но главное, после 1905 года купечество уверенно выдвигается на первые роли в оппозиционных кругах. Отныне и уже до крушения царизма оно будет задавать тон политической инициативе.

Вообще, оценивая революционное движение в России последнего десятилетия царизма (1907-1917 годы), следует учитывать его тесную зависимость от политических потребностей московского клана. У купцов Первопрестольной возникли интересы, связанные с либерально-конституционным проектом; это заставило их оказывать финансовую поддержку различным оппозиционным силам, чья

активность способствовала продавливанию нового государственного порядка. Собственно, этим и определяется содержание общественного подъема, завершившегося первой русской революцией. Эти потрясения скорректировали конституционные планы правительства и привели к форсированному учреждению законодательной, а не совещательной Государственной думы. Но затем оппозиционный пыл московской буржуазии быстро охладел: она занялась практическим апробированием нового политического формата, а потому взаимодействие с радикальными элементами потеряло актуальность, отошло на второй план. В этот период (1907-1912 годы), именуемый советской историографией реакцией, партии эсдеков и эсеров практически прекращают свое существование: их деятельность опять сводится к перманентному соперничеству эмигрантских кружков. Возрождение радикальных организаций происходит, только когда купеческий клан, разочаровавшись в думском формате, приступает к продавливанию полноценной парламентской модели с ответственным правительством, где министры назначаются непосредственно Думой. У московской буржуазии, вложившейся в парламентский проект, вновь появляется острая потребность в разогреве социальной ситуации. И вновь реализовывать эти цели призваны радикальные организации, которые получают финансирование на подъем рабочего движения.

Рабочее движение должно было стать тем фоном, на котором произошло бы объединение части элиты, ратовавшей за парламентаризм. Такой сценарий намечался еще до Первой мировой войны; его архитектором выступил видный правительственный чиновник А.В. Кривошеин, тесно связанный с московским купечеством родственными узами. Политический альянс оппозиционных капиталистов и представителя высшей царской бюрократии стал движущей силой парламентского проекта. В осуществлении модели, где политическая устойчивость обеспечивается не только верховной волей, но и в равной степени поддержкой Государственной думы, осмотнительный Кривошеин видел свои личные карьерные перспективы: в этих условиях существенно расширились возможности по сохранению должности, появлялась гарантия от различных капризов и придворных веяний. Заинтересованность А.В. Кривошеина и его друзей из московской буржуазии в подобной политической системе полностью совпадали.

Начало Первой мировой войны отодвинуло эти планы. Их осуществление возобновилось уже в военных условиях, в рамках формирования Прогрессивного блока. Но в конце концов парламентские претензии были отвергнуты Николаем II в сентябре 1915 года. Потерпев фиаско, московская буржуазия настроилась на откровенное расшатывание государственного порядка. Главным орудием в этом деле становятся общественные организации, созданные при ее активном участии для помощи фронту, – Земский и Городской союзы, военно-промышленные комитеты. Дискредитация же самой верховной власти проводилась посредством интенсивной эксплуатации распутинской темы. Итогом, к которому стремился московский клан, освоивший либеральные рубежи и ставший душой оппозиционного проекта, явилась Февральская революция. Февраль 1917 года – звездный час купеческой буржуазии. Заметим, что список кадетов, социал-демократов (меньшевиков) и эсеров, принявших участие в работе разных составов Временного правительства, практически полностью совпадает с кругом оппозиционных деятелей, собираемых и финансируемых купечеством Первопрестольной в 1912-1916 годах. Так закончилось противостояние между правительством и общественными либералами; перевес в пользу общественного либерализма был достигнут благодаря его поддержке купеческим кланом. Это фактически определило политическое развитие России двух последних десятилетий. В истории движения купеческой буржуазии, вышедшей из старообрядческой общности, была поставлена точка.

Как известно, крушение царской России – излюбленная тема историков XX столетия и настоящего времени. В качестве причин, приведших к этим эпохальным событиям, назывались и обсуждались множество факторов, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Один из них – противостояние между элитами империи: дворянско-аристократическая и буржуазно-купеческая прослойки сошлись в жесткой схватке за реализацию своих экономических интересов. Их борьба не выходила за рамки традиционных капиталистических ценностей, которые ни одна из сторон не ставила под сомнение. Подобные политические процессы имели место и в европейских странах, где буржуазия утверждалась на властном Олимпе отнюдь не мирным путем. Но в России эти

метаморфозы пошли намного дальше, послужив отправной точкой для куда более глубоких трансформаций, чем крах царизма, и приведя к коренной ломке всего государственного строя.

Объяснение этому историческому своеобразию, помимо всего прочего, следует искать в том глубинном общественном конфликте, который имел конфессиональные корни и явился следствием раскола. Как уже было сказано, в Европе эти процессы после кровопролитных войн завершились во второй половине XVII столетия, в России же аналогичные трансформации приняли крайне специфичные формы. Сосуществование двух враждебных социумов – правящих никониан и раскольников – в рамках единого государства серьезно деформировало всю социально-экономическую ткань государства. Победенные староверы черпали ресурсы в коллективизме своих единоверцев, а не в утверждении примата частной собственности. В результате у значительной части населения произошла консервация общинных принципов хозяйства: крестьянские низы видели в них главный инструмент выживания.

Важно понять, что община являлась для народа такой социальной сферой (в современном смысле этого слова), где все ее члены, даже еще не родившиеся, были гарантированно обеспечены земельным участком пусть не лучшего, но, главное, не худшего, чем у других, качества. И в представлении русского мужика это отвечало понятию справедливости. А вот от частного собственника с его навыками присвоения и жаждой накопления справедливости ожидать не приходилось, из-за чего этот базовый институт цивилизованной экономики не вызывал в народе ни оптимизма, ни одобрения. К тому же само понятие собственности для человека с общинной психологией было неразрывно связано с трудом. Любые имущественные приобретения без трудовых усилий считались незаконными и несправедливыми. А частное владение землей, недрами, водами вообще рассматривалось как невозможное, поскольку эти богатства не являются продуктом человеческой деятельности. Отсюда проистекало и пренебрежительное отношение русского народа к гражданско-правовым нормам и законам, обслуживавшим институт частной собственности.

С 60-х годов XIX века указанные специфические черты народного сознания вызвали большое беспокойство у правительственной

бюрократии и российских ученых. Власти хорошо понимали абсурдность сложившегося положения, при котором жизнь подавляющей части населения регулируется при помощи обычаев и волостных судов, выносящих приговоры по совести, а не по официальному закону. Следовательно, русский народ не заинтересован в сохранении существующего государственного порядка, а это чревато взрывоопасными ситуациями. Поэтому российская элита активно обсуждала пути включения самой многочисленной части общества в действующее гражданско-правовое поле. Решить эту задачу должны были мероприятия, получившие широкую известность как столыпинская реформа. Преобразовательный курс, начатый П.А. Столыпиным, предусматривал консолидацию всего общества, а не только правящих классов, на основе принципов частной собственности, единого для всех слоев управления и православия. По мнению властей, проведение такой политической программы должно было избавить страну от призрака революции. Предложенные масштабные реформы не являлись, да и не могли являться плодом творчества одного, пусть и несомненно талантливого, государственного деятеля. Над ними еще до появления на властном Олимпе Столыпина уже работал целый ряд правительственных чиновников. Поэтому справедливости ради нужно сказать: данный курс вызревал в недрах высшей бюрократии, а не в голове одного из лучших ее представителей, как сегодня пытаются изобразить некоторые страстные почитатели П.А. Столыпина.

Стержнем новой преобразовательной практики явилось разрушение общинных, т.е. коллективистских, форм собственности и изменение всего крестьянского уклада. Это должно было максимально оживить психологию личного предпринимательства в трудовом народе, увлечь его в реальное рыночное хозяйство, а не в передел помещичьих земель. Столыпинская политика пыталась устранить то нелепое положение, когда у крупной и средней собственности были владельцы, а у мелкой – нет. Намеченная замена общины массовым частным собственником означала коренной переворот ситуации в деревне, а значит, и во всей стране. Ведь для определения судеб России аграрные преобразования имели гораздо большее значение, чем конфликты в партийных элитах. Однако оказалось, что правительственные усилия, всколыхнув все русское крестьянство,

ведут к прямо противоположным результатам. Успешно апробированные европейские технологии слабо приживались на русской почве. Ни в экономическом, ни в социальном смыслах взаимодействие правящих верхов и народных низов не налаживалось. И это не удивительно: западные модернизационные рецепты, позаимствованные правительственной бюрократией в начале XX века, были пригодны лишь для однородной общественной среды, прежде всего в конфессиональном плане. Именно такое ее устройство позволяло выстраивать невраждебное сотрудничество между различными экономическими классами. Однако в России со времен раскола (т.е. двести с лишним лет) единой религиозной среды не существовало, потому как в отличие от западных соседей конфессиональная рассортировка здесь не приняла конкретно-географических очертаний. Российское правительство вместе со всем образованным обществом пребывало в полной уверенности, что русские люди точно такие же правоверные никониане, как они сами. На самом же деле русский мужик всегда находился в пестрой среде староверчества, с недоверием (и даже враждебностью) относившейся к инициативам правящих никониан.

Прояснение данного обстоятельства имеет ключевое значение для понимания российского исторического пути с его специфичностью. Старообрядческие согласия и толки освящали общинные принципы жизненного устройства прежде всего русских низов. В то время как господствующая церковь обслуживала воззрения правящих классов, ориентированных на частную собственность и незыблемость соответствующего государственного порядка. Иными словами, религиозность русского народа, с одной стороны, и властителей России – с другой, при всей их внешней схожести, внутренне питалась различными представлениями о духовности и справедливости. Это обстоятельство наиболее полно отражено в творчестве Ф.М. Достоевского, оперировавшего понятием народного православия в отличие от его синодальной версии. Причем, по убеждению писателя, российские верхи со своей господствующей церковью обязаны были просветиться именно народным православием, а никак не наоборот. По-своему это чувствовал и Л.Н. Толстой, когда в 1902 году призывал Николая II ликвидировать частную собственность на землю, что полностью отвечало бы истинным чаяниям русского народа. Но к

подобным предложениям не относились серьезно: усилия властей концентрировались на переводе крестьянских низов на частнособственнические рельсы имперского гражданского поля. Именно в этом им виделась благая возможность преодолеть отсталость народа, все еще находящегося в плену давних предрассудков.

И именно в этом власти потерпели полный крах. Борьба элит, завершившаяся падением династии Романовых, привела не просто к переменам; она стала прелюдией к невиданному в мире эксперименту по демонтажу социально-экономической системы, базирующейся на институте частной собственности. Общинная психология с ее староверческой подоплекой стала той мощной силой, которая выдавила старые порядки. Временное правительство оказалось бессильным перед массами, жаждущими устройства жизни на новых – справедливых, с их точки зрения, – началах. Подчеркнем: движущими силами этого процесса явились не какие-то аморфные «низы», а различные староверческие согласия и толки, которые пронизывали народные массы. Именно их реальная, а не документальная, внушительная численность в конфессиональной структуре населения России позволила большевикам выйти победителями из Гражданской войны. Рабоче-крестьянские массы поистине легли костями, чтобы не допустить возвращения дворянства и чиновничества (либерального или не очень), благословляемого РПЦ. Здесь чаяния части населения и планы кучки большевиков-комиссаров совпали. Участие староверов в войне на стороне большевиков показано в произведениях ранней советской литературы – что называется, по горячим следам. По большому счету, Гражданская война стала тем рубежом отечественной истории, на котором сошлись «две» России. Результатом этой смертельной схватки и явилось появление на карте мира нового государства.

Составляющими новой идеологии стали марксистская теория большевиков и общинно-коллективистская психология низов: они определяли вектор развития новой народной власти. Именно здесь кроются и истоки конфликта, вспыхнувшего внутри большевистской партии в первые послереволюционные десятилетия. В аппаратном смысле его суть состояла в борьбе за власть в руководстве партии, возвышении Сталина и вытеснении соперничавших с ним группировок из старых ленинцев. Состоящая из интеллигентов

«ленинская гвардия» постепенно, но неотвратно разбавлялась полуграмотными представителями крестьянских и пролетарских низов, не обремененными какими бы то ни было интеллектуальными познаниями. (Поэтому выяснение конфессионального происхождения большевистского руководства – актуальная задача исторической науки). В содержательном плане шел принципиальный спор о выборе пути построения нового общества. Как известно, большевистские лидеры находились в ожидании революции в Европе и рассматривали Россию в качестве плацдарма для настоящих и серьезных дел на Западе. Однако в руководстве партии образовалось течение, представители которого придерживались диаметрально противоположного взгляда. Сталин и его соратники выступили с идеей построения светлого будущего не где-то там, в далекой и малознакомой Европе, а непосредственно здесь – в России. Очевидно, что эта идея, гораздо более понятная малообразованному большинству, нашла горячий отклик. Сталин твердо обещал светлое завтра на земле, откуда уже изгнаны ненавистные эксплуататоры. На практике он, по сути, соединил идею построения коммунизма в одной стране с верой народных масс в *«царство божие на земле»* – ведь именно созидание такого царства составляло суть старообрядческой психологии. Так что адаптированный в соответствии с новым подходом марксизм вполне соответствовал менталитету «мужицкой» страны, которую довольно трудно было бы увлечь перспективой обретения счастья где-то за тридевять земель.

Кстати, в пользу староверческой окраски низов свидетельствуют и факты невиданных гонений на иерархию РПЦ. В изменившихся государственных условиях этим низам, ставшими верхами, не нужно было долго размышлять о том, как поступать с чуждыми русской душе проповедниками никонианства, которые всегда обслуживали ненавистных богатеев и чиновничество. И Сталин неизменно ориентировался именно на эти слои, понимая, что от них зависят его политическая популярность и личное возвышение. Этим объясняются и риторика, и поведение Сталина, в которых преобладал привкус религиозности, что давно подмечено в литературе. Практически он стремился к утверждению новой религии, понимая, насколько восприимчивы к этому его сторонники и почитатели. Отсюда и его настойчивые усилия по созданию культа Ленина, насаждение – по

сути, религиозного – поклонения ему, что шокировало многих большевиков-интеллигентов с дореволюционным стажем. Отсюда и знаменитая сталинская русофилия, превозношение доморощенного и нетерпимость ко всему иностранному. Новый вождь утверждался в рамках «фирменной» беспоповской староверческой психологии, обретшей новый, теперь уже государственный, формат. В этом смысле можно говорить о том, что старообрядческий проект состоялся, но состоялся уже в исторических рамках советской России. Такая исследовательская новация совершенно не вписывается в господствующую историографическую традицию. Современная историческая наука продолжает видеть русское старообрядчество исключительно сквозь «оптику» ущербной конфессиональной статистики, доставшейся с дореволюционных времен. А этот взгляд, доказывающий маргинальность староверия, не располагает к каким-либо серьезным размышлениям.

notes

Примечания

См.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2006. Т. 2. С. 485.

См.: *Смирнов П.* Литература истории и обличения старообрядческого раскола в XIX столетии // *Христианское чтение*. 1901. №1. С. 47.

См.: *Лесков Н.С. С людьми древнего благочестия* // Библиотека для чтения. 1862. №11. С. 9.

Уплата обычной подушевой подати, которой при Петре I стало облагаться все население страны, с раскольников, т.е. лиц, объявивших себя приверженцами старой веры, бралась в двойном размере. Отсюда и понятие двойного оклада.

См.: *Шлеев С.* Единоверие в своем внутреннем развитии. М., , 2004. С. 27-28.

Разработка принципов единоверия шла довольно трудно. К примеру, переговоры со стороны старообрядцев возглавили лидеры Рогожского кладбища в Москве, которые выступали как поверенные других регионов страны. Но власти оспаривали право такого представительства. К тому же, как выяснилось, раскольники при молении за Павла I не соглашались именовать его императором, а лишь царем, поскольку только эта форма соответствовала старопечатным книгам. См.: Прот. Жмакин В.И. Эпизод из истории единоверия // Христианское чтение. 1903. Ч. 2. С. 10.

Подробнее о просветительской политике по отношению к расколу в обстоятельной монографии российского исследователя А. Ряжева. См.: *Ряжев А.С. «Просвещенный абсолютизм» и старообрядцы: вторая половина XVIII – начало XIX века. Ч. 2.* Тольятти; М., 2006.

См.: *Пестель П.И.* Русская правда. Наказ Временному Верховному Правительству. СПб., 1906. С. 171-172, 239; *Муравьев-Апостол С.И.* Православный катехизис // В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М., 1952. С. 191-193.

В России «История» Полевого пользовалась значительно меньшей популярностью, чем «История» Карамзина, за которой оставалось первенство. Его труд читается гораздо интереснее и значительно легче. Характерно замечание А.С. Пушкина:

«Желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия «Истории государства Российского», так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа».

См.: *Пушкин А.С. История русского народа*, соч. Николая Полевого. Т. 6. М., 1962. С. 37 // *Собр. соч. в 10-ти томах*. М., 1959-1962.

См.: Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Сочинения в 2-х томах. М., 1990. Т. 2. С. 92.

См.: *Масальский К.С.* Бородолюбие. Исторические сцены из жизни времен Петра Великого в 2-х частях. СПб., 1837.

Произведения этих крестьянских поэтов очень похожи, поскольку в них обыгрываются одни и те же мотивы. Знакомство с подобным творчеством для того, кто родился в СССР, глубоко символично: оно живо напоминает 30-е годы, только уже другой эпохи, XX столетия. Объединяющей нитью здесь вполне могут выступать напевы в стиле «спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь» // См, например: Стихотворения крестьянина Егора Алипанова. СПб., 1830.

См.: *Пушкин А.С. История Пугачева*. М., 1962. Т. 7. С. 18, 35 // Собр. соч. в 10 томах. М., 1959-1962.

См.: Там же. С. 35, 88, 127..

См.: Там же. С. 36.

Граф С.С. Уваров (1786-1855) – идеолог николаевской эпохи, министр просвещения с 1835 по 1849 годы. Учился за границей в Геттингенском университете, общался со столпами романтической школы И. Гете, Ф. Шлегелем и др., находился под влиянием их творчества и авторитета. Затем на дипломатической службе в Германии. На немецком языке изъяснялся гораздо лучше, чем на русском. Став министром просвещения, проводил реакционную, крайне охранительную политику, проводя в жизнь теорию официальной народности. Нельзя не отметить оригинальность того факта, что штатный поборник народа страдал гомосексуальными наклонностями. Подробнее о нем см.: Зорин А.Л. Идеология «православия, самодержавия, народности» и ее немецкие источники // В кн.: В раздумьях о России (XIX в.). Сб. статей. М., 1996. С. 105-120; Он же. Идеология православия, самодержавия, народности: опыт реконструкции // НЛЮ. 1997. №26. С. 71-104; Иванов О.А. Идеология «православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова // В кн.: Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. трудов. Воронеж. 2001. С. 92-111 и др.

См.: Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности. 1842. Т. 1. С. 151.

См.: Маяк. 1842. Т. 3. С. 85-86

См.: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 358-359.

Как в этот период происходили религиозные притеснения раскола на местах показано, например, в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Т. 5. С. 511-525 // См.: *Писемский А.Ф.* Полн. собр. соч. в 8-ми томах. СПб., 1911.

Подробнее о славянофилах см.: *Бродский Н.Л.* Ранние славянофилы. М., 1910; *Цымбаев Н.И.* Славянофилы. М., 1982 и др.

См.: Хомяков А. С. О церковно-административных вопросах. Т. 2. М., 1900. С. 431 // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. в 8-ми томах. М., 1990-1904.

См.: Герцен А. И. Россия (статья 1849 г.). Т. 6. М., 1955. С. 195 // Собр. соч. в 30-ти томах.

Маркиз Астольф де Кюстин (1790-1857) – литератор, автор ряда романов, испытал художественное влияние известного писателя Ф. Шатобриана. Во Франции был замешан в ряде скандалов на почве гомосексуальных склонностей. Выехав в Россию, по протекции министра просвещения С.С. Уварова попал к Николаю I, который поручил ему описать страну для иллюстрации своего мудрого правления. Однако де Кюстин поступил иначе: он выступил с неприглядными зарисовками, выставляя отсталость и дикость России, ее непохожесть на государства Европы. Его книга, оскорбительно много увидевшая, была запрещена властями и пятью изданиями вышла за границей. Подробнее о нем см.: *Мильчина В.* Несколько слов о маркизе де Кюстине, ее книге и ее первых русских читателях // В кн.: *Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году».* СПб., 2008. С. 709-725.

См.: *Астольф де Кюстин*. Россия в 1839 году. СПб., 2008. С. 525.

См.: Там же. С. 528, 585.

См.: Там же. С. 647-648.

Барон Август фон Гакстгаузен (1792-1866) – прусский юнкер, учился в Геттингенском университете. Занялся изучением народной жизни, истории, фольклора Пруссии, которую объехал в 1830-1837 г. г., чем приобрел научную известность. В качестве ученого был приглашен в Петербург великой княгиней Еленой Павловной (урожденной принцессой Вюртембергской, супругой Михаила Павловича – брата Николая I), устроившей ему аудиенцию у императора. Для барона целью знакомства с Россией являлось научное изучение русского крестьянства. Поездки А. Гакстгаузена по стране, включая Закавказье, состоялись в 1843-1844 г. г. После знакомства с нашими реалиями, он признавал Россию европейской державой. Однако полагал, что ей не стоит слепо брать пример с Европы, а следует ориентироваться на собственный путь с учетом существующего своеобразия. Подробнее о нем см.: *Авдеева О.А. Август фон Гакстгаузен и его труды о России (40-60-е годы XIX в.). Автореферат диссертации на соискание научной степени канд. ист. наук. М., 1998.*

См.: *Нерознак В.П.* Новые материалы к биографии В.И. Даля (В.И. Даль и Август фон Гакстгаузен) // В кн.: В.И. Даль и общество любителей русской словесности. СПб., 2002. С. 213-221.

См.: Письмо Л.А. Перовского А. Гакстгаузену // РГИА. Ф. 1021.
Оп. 2. Д. 21. Л. 2. (на франц. языке).

См.: *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С. 72.

См.: Там же. С. 32, 36.

См.: РГИА. Ф. 1589. Он. 1. Д. 1059. Л. 3-5.

См.: *Иванов-Разумник Р.* История русской общественной мысли.
Т. 1. СПб., 1907. С. 269.

См.: *Гакстгаузен А.* Указ соч. С. 54. Автор подчеркивает: в Ярославле насчитывалось 60 церквей, одна – на 500 жителей, тогда как в Берлине на одну церковь приходилось 5000 жителей // Там же. С. 133.

См.: Там же. С. 221.

См.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 271. Л. 25об.

См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1059. Л. 55об.

См.: Гакстгаузен А. Указ. соч. С. 236-238.

См.: Там же. С. 234.

См.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1 Д. 271. Л. 10.

См.: «О Высочайше утвержденных относительно раскольников правил». 5 ноября 1830 года // ГАРФ. Ф. 1053. Оп. 1. Д. 109. Л. 1-2.

См.: *Васильев А.* «Картина старообрядчества и раскольников в России». 1839 год // ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1838. Д. 33. Л. 81-232.

Заметим, что если обзор разных сект сделан довольно профессионально и подробно, то меры по противодействию расколу, предлагаемые полицейским чиновником, просто поражают своим утопизмом и узостью. Он выступает за создание так называемой исправительной губернии для раскольников всех мастей, свозимых туда со всей страны. Ее следует образовать в Костроме, поскольку там живут потомки Ивана Сусанина и находится Ипатьевский монастырь, священный для дома Романовых и всего русского народа. В такой губернии должны располагаться монастыри для сектантов, богадельни, фабрики и мануфактуры, а также войска на случай возможного ослушания. Вообще, исправительная губерния должна иметь военный порядок и военное устройство. Через 3-4 года в случае успешного исправления бывших раскольников и сектантов можно возвращать на родину // Там же Л. 162-168.

См.: Собрание постановлений МВД по части раскола. СПб., 1875.
С. 329.

См.: План полного собрания сведений, относящихся к расколам и раскольникам, представленный Н.И. Надеждиным, бывшему министру внутренних дел Л.А. Перовскому // Братское слово. 1871. Т. 2. С. 118-138.

См.: *Головин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004. С. 48.

См.: План полного собрания сведений... // Братское слово. 1871. Т. 2. С. 136.

Когда известный историк М.Н. Погодин в своем журнале «Московитянин» (1846. № 2. С. 257) написал, что Н.И. Надеждин давно занимается историей раскола, тот ответил ему в крайне раздражительном тоне, требуя, чтобы подобной огласки больше не было.

См.: Письмо Н.И. Надеждина к М.П. Погодину от 19 апреля 1846 года // В кн.: ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып. 39. М., 1978. С. 210.

Об огромной архивной работе по выявлению материалов о расколе в этот период см.: *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Т. 8 (дополнительный). СПб., 1863. С. 324-326.

См.: Сборник постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Т. 2. СПб., 1860. С. 527.

Во второй половине 40-х годов XIX века под эгидой МВД в ряд центральной России губерний прибывают специальные комиссии с самыми широкими полномочиями для изучения раскола. Такие комиссии в течение двух-трех лет находились в Нижегородской, Ярославской и Костромской губернии.

И.С. Аксаков пишет:

«Читаю я теперь в досужее время барона Гакстгаузена. Его путешествие чрезвычайно для нас важно: в России нет книги с более достоверными, интересными данными».

См.: Аксаков И. С. в его письмах. Т. 2. М., 1888. С. 285 // Собрание писем в 3-х томах. М., 1888-1889.

См.: Там же. Т. 2. С. 181.

См.: Там же. С. 185.

Интересны такие строки:

«В Московском расколе есть еще что-то почтенное, Рижский раскол бесстыдно откровенен, а здешний (ярославский – А.П.) подл в высшей степени; ни один не признается, что он раскольник, все притворяются до такой степени, что иной может и ошибиться и почесть их самыми усердными православными»

// Там же.

См.: Там же. С. 199-200,171.

См.: Там же. С. 212.

Как замечал И.С. Аксаков:

«Министр очень доволен, замолчал совершенно, и все
письма мои остаются без ответа»

// Там же. С. 259.

Эта информация, поступившая от комиссии графа Стенбока, рассматривалась в Петербурге на секретном Комитете по делам о раскольниках и отступниках от православия. 29 ноября 1850 года.

См.: «Об открытии в Ярославской губернии новой раскольничьей секты» // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 31. Л. 171-173.

См.: Гакстгаузен А. Указ. соч. С. 124.

Приведем его любопытное наблюдение:

«Русский народ любит передвижение: в нем очень развита любовь к отечеству, но нет привязанности к месту своего рождения; он обрабатывает землю из нужды, а не с любовью, как немец; он боится тяжелой и особенно продолжительной работы»

// Там же. С. 69.

Конечно, местным властям всегда было известно, что через леса губернии следуют толпы людей. Разные пойманные бродяги и дезертиры показывали, что на территории губернии находятся раскольники какой-то секты, отвергающей власть и не признающей государя. Но в 30-40-е годы XIX века учение секты и ее догматы еще не были достаточно установлены // См.: ГАРФ. Ф. 109.4 экспедиция. 1840. Д. 211. Л. 15-16.

Из 56-ти обследованных домов только в 12-ти не было тайных помещений // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 31. Л. 410.

См.: Аксаков И.С. Указ. соч. С. 339.

См.: Там же. С. 354.

См.: Аксаков И.С. Указ. соч. С. 357. Информацию о контактах в ярославской губернии со странниками И.С. Аксаков изложил в «Краткой записке о странниках или бегунах» (1851) // Опубликовано в журнале Русский архив. 1866. № 4. С. 627-644.

Странническое согласие является самым радикальным в староверии, сформировавшись в конце XVIII века. В течение XIX века согласие бегунов сильно разрослось, огромные массы присоединялись к ним, в этом виделся удобный способ ухода от давления правительства и связанных с ним различного рода обязанностей (военных, налоговых, правовых и т. д.). Для вступления не требовалось никакого отчета о прежней жизни. Странничество осуществлялось по определенным маршрутам, пролегающим по всей стране. Вдоль этих путей располагалось множество пристанодержателей, обслуживающих передвижения бегунов. Подробно о бегунах см, например, *Пятницкий И.К.* Секта странников и ее значение в расколе. СПб., 1912; *Дудчак Е.Е.* Старообрядческое согласие странников (втор. половина XIX – XX в. в.). Автореферат диссертации на соискание науч. степ. канд. истор. наук. Томск, 1994.

См.: Записка И.И. Синицына «Раскол в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках, (составитель В.И. Кельсиев). Вып. 4. Лондон, 1862. С. 147-148.

По данным нижегородских властей здесь насчитывалось 20 тысяч раскольников, а, по мнению комиссии – 172 тысячи, в Костромской губернии соответственно 20 тысяч и 105, в Ярославской -7,5 и 248,5. Об этом подробнее см.: *Мельников П.И.* Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. №2. (Т. 73). С. 423-426.

См.: *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества. М., 1913.

См.: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 346.

Подчеркивалось, что «Православный собеседник» является «духовным журналом с преимущественным направлением против раскола в разных видах» // См.: Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Т. 2. СПб., 1860. С. 568.

См.: Православный собеседник. 1856. №4. С. 431-435; 1858. №5. С. 138-156, №6. С. 262-309; №9. С. 42-80; №10. С. 291-327; 1861. №4. С. 423-443 и др.

Подробнее о А.П. Щапове см, например: *Аристов Н.Я.* Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб., 1883; *Вишленкова Е.А.* Проблема раскола в трудах А.П. Щапова. Автореферат диссертации на соискание науч. степ. канд. истор. наук. Казань. 1992; *Маджаров А.С.* А.П. Щапов: история жизни и жизнь «истории». Иркутск. 2005.

См.: *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII века. Казань. 1859. С. 212.

См.: Записка Липранди И.П. «Несколько слов об элементах, подготавливающих политические перевороты в государствах» // ГАРФ. Ф. 109. с/а. Оп. 3. Д. 76. Л. 35.

См.: Там же. С. 31.

См.: *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань 1914. С. 70.

См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 6. Л. 225-228.

См.: «Объяснения А.П. Щапова по поводу обстоятельств панихиды 8 мая 1861 года» // Там же. С. 206об-207. Данный документ, хранящийся в РГИА, содержит гораздо более значимые сведения, чем опубликованная в советский период речь А.П. Щапова со множеством пропусков. См.: Речь А.П. Щапова во время панихиды по убитым крестьянам в с. Бездны 16 апреля 1861 года // Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 г.г. М., 1963. С. 364-365.

См.: «Объяснения А.П. Шапова... // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 6. С. 208об.

См.: «О Всеподданнейшем письме г-на Щапова» // РГИА. Ф. 832.
Оп. 1. Д. 50. Л. 53-54.

См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Д. 149. Л 144.

См.: Там же. Л. 148-149.

См.: Там же. *Аристов Н.Я.* Указ. соч. С. 103-104.

См.: Усов П. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский): его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1896. С. 90,95.

См.: *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Ч. 2. Н. Новгород, 1910.

Комиссия кн. А.В. Лобанова-Ростовского собиралась с марта по июнь 1875 года; всего состоялось 10 заседаний, на третьем из них и была зачитана записка П.И. Мельникова, подготовленная им по просьбе кн. А.Б. Лобанова-Ростовского. См.: Записка д. с с., состоящим при МВД, П.И. Мельникова // РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 25. Л. 212-220.

См.: Там же. С. 212об-213. Вот одна выдержка из записки:

«Они не поминают Государя в своих молитвах – это правда, но кто из первых вооружился в 1863 году в Западном крае против мятежных поляков? – Федосеевцы. Кто ловил и представлял по начальству распространителей золотых грамот и возмутительных прокламаций? – Федосеевцы. В синодальной классификации 1842 года сказано про них: «они всякую власть нынешнего времени почитают антихристовой» – это правда. Но в этом ужасного нет ничего. Это фигуральное выражение в переводе на обыкновенный язык значит: признают власти нынешнего времени не принадлежащими к их секте, что совершенно справедливо»

// Там же. С. 212.

См.: Там же. С. 220об.

См.: ГАРФ. Ф. 109. Секрет, архив. За. Д. 2065. Л. 9об.

Оценку Ф.В. Ливанова можно найти у Н.С. Лескова. См.: *Лесков Н.С. Народники и расколоведы на службе. Т. 11. С. 43 // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 томах. М., 1956-1958.*

См.: Письмо Ф.В. Ливанова к М.М. Стасюлевичу. 8 февраля 1869 года // М.М. Стасюлевич и его современники в переписке. Т. 2. СПб., 1912. С. 468.

См.: Дело по жалобе московского купца И.П. Бутикова на автора книги «Раскольники и острожники» Ф.В. Ливанова // Истина. 1871. кн. XIX. С. 26-44.

См.: *Островский А.Н.* Записки замоскворецкого жителя. Т. 13. М., 1952. С. 14 // Поли. собр. соч. в 16-ти томах. М., 1949-1953.

См.: *Максимов С.В.* Александр Николаевич Островский // В кн.: Максимов С.В. По русской земле. М., 1989. С. 424-425.

См.: Боборыкин П.Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1965. С. 292.

См.: *Островский А.Н.* Свои люди – сочтемся. Т. 1. М., 1949. С. 58,34.

См.: *Островский А.Н.* Не в свои сани не садись. Т. 1. М., 1949. С. 237; Не так живи, как хочется. Т. 1. М., 1949. С. 330; Праздничный сон – до обеда. Т. 2. М., 1950. С. 127; Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Т. 2. М., 1950 С. 315 и др. // Там же.

См.: *Островский А.Н.* Гроза. Т. 2. С. 210. Смысловое значение бытовых атрибутов – ношения бороды и русского платья – хорошо показано в трудах известного популяризатора раскола 60-70-х годов XIX столетия Г. Есипова. См.: *Есипов Г.В.* Русская борода и немецкое платье // В кн.: *Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым.* СПб., 1863. С. 157-186.

См.: *Островский А.Н.* На всякого мудреца довольно простоты. Т. 5. М., 1950. С. 152 // Там же.

В 1855 году Великий князь Константин Николаевич, младший брат Александра II, задумал необычное по тем временам предприятие. Он поручил ряд экспедиций молодым писателям, которые уже заявили о себе в обществе. За каждым закреплялся отдельный регион: Островскому предоставлено описание верхней Волги, Потехину – средней (до Саратова), Писемскому – нижней Волги, Максимова – север страны, Афанасьеву-Чужбинскому – юг, Михайлову – Урал. Великий князь Константин Николаевич, будучи контр-адмиралом, преследовал свои прагматические цели: для реформы флота выяснить, где население занимается промыслами на воде и откуда эффективнее всего брать людей в матросы. Для этого требовалось описать местных людей, их быт, привычки и традиции // См.: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 2. СПб., 1891. С. 56-57.

См.: *Максимов С.В.* Куль хлеба. Рассказы и очерки. М., 1987.

См.: *Максимов С.В.* Рассказы из истории старообрядства, переданные по раскольничьим рукописям». СПб., 1861. С. 2.

См.: О торговле раскольничьими книгами. 1862 год // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 59. С. 1-2; Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 208.

См.: *Шелгунов Н.В.* Воспоминания в 2-х томах. М., 1967. Т. 1. С. 178.

См.: Бобров А.Е. В.Г. Варенцов (Биографическая заметка на основании неизданных источников) // Русская старина. 1903. № 12. С. 515-522.

См.: Письмо обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого митрополиту Филарету. 19 января 1867 года // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 36. Л. 12-13.

См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. Т. 10.С.295-296 // Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1988.

См.: Письмо М.Е. Салтыкова-Щедрина – А.М. Скабичевскому. 9 февраля 1885 года // Литературное наследство. Т. 1967. М., 1959. С. 514.

См.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Убежище Монрепо. Т. 6. М., 1988. С. 319 // Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1988.

См.: *Кожурин К.* Духовные учителя сокровенной Руси. М., 2007.
С. 228.

См.: *Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома. Т. 4. М., 1972. С. 33 // Полн. собр. соч. в 30-ти томах. М., 1972-1977. Об этом раскольнике говорится:

«Во всем остроге старик приобрел всеобщее уважение, которым нисколько не тщеславился... старику мало-помалу почти все арестанты начали отдавать свои деньги на хранение. В каторге почти все были воры, но вдруг все почему-то уверились, что старик никак не может украсть. Знали, что он куда-то прятал врученные ему деньги, но в такое потаенное место, что никому нельзя было их отыскать»

// См.: Там же. С. 34.

См.: Там же. С. 33.

См.: *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Т. 6. М., 1973.
С. 347-348.

См.: *Долин А.С.* Вступительная статья // В кн.: *Суслова А.П.* Годы близости с Достоевским. М., 1928. С. 40,42.

См.: Дневник А.П. Сусловой // Там же. С. 49.

Приехав в Россию, Голубов отказался жить в Петербурге или Москве, мотивируя это тем, чтобы быть подальше от начальства и не попасть под руководство влиятельных лиц. Он поселился в провинциальном Пскове, где и издавал свой журнал // Истина. 1885. Кн. 100. С. 4.

См.: Веротерпимость// Истина. 1869. Кн. 12. С. 92-94.

См.: Там же. С. 98.

См.: Верования духовных христиан // Истина. 1869. Кн. 10. С. 13-16.

См.: *Достоевский Ф.М.* Письмо к А.Н. Майкову, 11 декабря 1868 года. Т. 28. С. 328.

См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Рукописные редакции. Т. 11. С. 121, 126. 130-136.

См.: Там же. С. 5-31.

Вот как пишет Достоевский о Макаре Долгоруком:

«Убеждения есть и твердые, и довольно ясные... и истинные. При совершенном невежестве, он вдруг способен изумить неожиданным знакомством с иными понятиями, которых в нем и не предполагал. Хвалит пустыню с восторгом, но ни в пустыню, ни в монастырь, ни за что не пойдет, потому что в высшей степени «бродяга»

// Сп.: Достоевский Ф.М. Подросток. Т. 13. М., 1975. С. 312.

См.: Там же. С. 407-408.

См.: *Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Т. 27. М., 1984. С. 65.*

См.: Там же. С. 19.

См.: Там же. С. 24.

См.: Там же.

См.: Там же. С. 25.

См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т. 15. М., 1976. С. 189-197.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1838. Д. 33. Л. 25, 29.

См.: Там же. Л. 50, 55.

См.: Там же. Л. 56-58.

См.: *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С. 234.

См.: Там же. С. 279.

См.: Записка А. Гакстгаузена «О некоторых судебных мероприятиях по отношению к раскольникам» // ГАРФ. Ф. 7647. Оп. 1. Д. 404. Л. 13об. (на немец, языке)

См.: Там же. Л. 5. (на немец, языке)

См.: *Кошелев А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812-1883 годы. Берлин. 1884. С. 139-140.

Аурелио Буддеус – родился в г. Альтенбурге в 1819 году, учился в Лейпциге, потом в течение многих лет путешествовал по Европе, объехав ее значительную часть. Написал много книг по политической истории европейских стран. России посвятил двухтомник «*Russlands und die Gegenwart*» («Россия и современность»), изданный в Лейпциге в 1851 году. Он основывается на публикациях в различных немецких периодических изданиях, которые затем собраны и переработаны в книгу. В отдельной большой главе этого труда рассказывается о сетах в русской церкви. Умер в 1881 году в Мюнхене.

Автор использовал текст главы «Секты в русской церкви» («Россия и современность»), содержащийся в «The North British Review». №CVI. January. 1871. P. 219-233.

См.: Там же.

Гагарин И.С. (1814-1882) – служил в российских дипломатических миссиях в Мюнхене, Париже, Лондоне, Вене. В 1842 году в Париже перешел в католичество и вышел в отставку, в 1843 вступил в иезуитский орден, ратовал за усиление просветительской и издательской деятельности среди славянских народов. В 1856 году в Париже вышла его программная книга «О примирении Русской церкви с Римской», этому делу он посвятил всю свою жизнь. Тесно общался с бароном А. Гакстгаузеном. Подробнее о И.С. Гагарине см.: Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. С. 1166-1170.

См.: *Гагарин И.* Староверы, русская церковь и Папа // Труды по теологии, философии и истории. Париж. 1857. Т. 2. С. 4-5.

См.: Взгляд русских раскольников на римскую церковь (ответ Гагарину) // Православный собеседник. 1860. № 3. С. 306-307.

См.: Записка И. Липранди «Несколько слов об элементах, подготавливающих политические перевороты в государствах» // ГАРФ. Ф. 109. с/а. Оп. 3. Д. 76. Л. 58об.

Липранди И.П. (1790-1880) – активный участник русско-турецкой войны 1828-1829 годов. С 1840 года на службе в МВД, руководил разработкой и разоблачением кружка петрашевцев, затем сосредоточился на наблюдении за раскольниками. Написал несколько записок о расколе, которые высоко оценены руководством.

См.: Записка В. Фукса «Раскол в России», подготовленная для вел. князя Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 346.

См.: Там же. Л. 363.

См.: ГАРФ. Ф. 109. с/а. Оп. 3. Д. 76. Л. 84.

См.: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 354.

См.: Там же. Л. 358-359.

См.: Петрашевцы. Сборник документов. М., 1907. С. 69-71.

См.: Петрашевцы. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 3. М.; Л., 1928. С. 250.

Нужно заметить, что советский историк В.П. Козьмин, говоря о кружке петрашевцев, упоминал о предложении Р. Черносвитова поднять бунт на уральских заводах, но только тема раскола в этой связи абсолютно исчезает. Интерпретация В.П. Козьмина совсем иная: он рассуждает о сознательности уральских рабочих, по сравнению с крестьянской массой, на что, по его мнению, и делает ставку Р. Черносвитов.

См.: *Козьмин В.П.* Рабочее движение в России до революции 1905 года. М., 1925. С. 42-43.

См.: *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826-1857 годах. М., 1990. С. 217.

В. Кельсиев в своей «Исповеди» упоминает, что А.И. Герцен увлекся староверием под влиянием книги А.П. Щапова о расколе. Однако эти сведения вызывают серьезные сомнения. Очевидно, что А.И. Герцен, в совершенстве владевший немецким языком, был прекрасно знаком с трудами А. Гакстгаузена и А. Буддеуса, их точкой зрения на русский раскол. Вне всякого сомнения, эти немецкие авторы оказали серьезное воздействие на А.И. Герцена, причем в гораздо большей степени, чем возможное влияние молодого казанского ученого А.П. Щапова.

См.: *Кельсиев В.И. Исповедь* // Литературное наследство. Т. 41-42. М., 1941. С. 282.

См.: «Сборник правительственных распоряжений по расколу». Часть 1-4. Лондон. 1862-1864.

Кельсиев В.И. (1835-1872) – участник революционного движения. Эмигрировал в Лондон, где работал в редакции «Колокола». Выезжал в Москву и Петербург для контактов с раскольниками. Затем находился в Турции и Австро-Венгрии, где вел пропаганду среди живущих там староверов. В 1867 году сдался российским властям, написал мемуары о своей предыдущей деятельности, где заявлял о бесперспективности революционной борьбы.

Вообще исследование о скопцах было выполнено В.И. Далем, после чего министр Л.А Перовский представил его Николаю I. Тот одобрил работу и хотел разослать ее по епархиям для ознакомления и использования в миссионерских целях. Однако, узнав, что автором исследования являлся лютеранин В.И. Даль, счел неудобным, дабы иноверец наставлял местных архиереев по вероисповедным вопросам. В результате труд отдали редактору журнала МВД Н.И. Надеждину, в прошлом выпускнику московской духовной академии и профессору московского университета. Он переработал книгу В.И. Даля, и она вышла в свет.

См.: Мельников (Печерский) П.И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк // В.И. Даль (Казак Луганский). Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1897. С. LIV-LV.

См.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество в 2-х томах. Т. 2. М., 2006. С. 495-497.

См.: Субботин Н. Раскол как орудие враждебных России сил. М., 1867. С. 128.

Известный профессор московской духовной академии Н. Субботин на протяжении многих лет выступал непримиримым противником и критиком староверия. В данной книге содержится интересная для нас фактура, хотя ее основная цель заключается в откровенной дискредитации раскола, не брезговавшим, сотрудничеством с иностранными врагами России. Ему принадлежит формулировка – антироссийский турецко-польско-раскольничий союз

//Там же. С. 15.

См.: *Герцен А.И.* Письмо к И.С. Тургеневу от 22 ноября 1862 года. Т. 27. М., 1963. С. 265 // Собр. соч. в 30-ти томах.

Руководство «Общим вече» осуществлял Н.П. Огарев. Объем издания был невелик: в течение двух лет вышло всего 29 номеров газеты, где помещено 111 статей, заметок. 47 публикаций принадлежит перу Н.П. Огарева.

Подробнее об издании // См.: *Рудницкая Е.А.* Н.П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969. С. 280-281.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1862. Д. 230. Ч. 74. Л. 65.

См.: От издателей // Общее вече. № 1. 15 июля 1862 года.

Призывы Огарева к собору всех старообрядцев вызывали недоумение у тех, кто хорошо знал раскольничью среду. Так, Н.С. Лесков отвечал лондонским сидельцам:

«И что за возмутительная недобросовестность обманывать себя, обманывать других... Говорят, раскол – сила, а еще верно и то, что раскол вовсе не сила, а толпа... раскол в чем солидарен в ненависти к духовенству господствующей церкви и в неуважении к чиновникам, теснившим и угнетавшим раскол. Ну а дайте этому расколу такое же право гражданственности, какое имеют в России лютеранин, евангелист и католик, и тогда в чем будет выражаться его ненависть? В чем сопелковский вечный бегун будет солидарен... с филипповцем, обтирающим ручку двери, к которой прикасался еретик? Они и теперь друг другу на след не наступают... Что же это за сила, неспособная соединиться. «Общее вече» часто помещает известия о соединении разнокалиберных раскольничьих обществ, но к сожалению это соединение происходит только в вече, а на русской земле мы его не видим».

См.: Лесков Н.С. С людьми древнего благочестия // Библиотека для чтения. 1864. №9. С. 30-31.

См.: Общее вече. № 3. 1 сентября 1862 года.

См.: От старообрядца старообрядцам // Общее вече. №11. 1 марта 1863 года.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1861. Д. 148. Л. 2-3.

См.: ГАРФ. Ф. 109.1 экспедиция. 1862. Д. 230. Ч. 74. Л. 6.

См.: Там же. Л. 65-66.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1862. Д. 230. Ч. 83. Л. 17.

См.: *Бакунин М.А.* Русским, польским и всем славянским друзьям
// Колокол. 1862. 15 февраля. (Колокол. Вып. 5. М., 1962. С. 1022).

См.: *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. М., 1935. С. 405; Т. 4. С. 37.

См.: *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 6. С. 366 // Собр. соч. в 30-ти томах.

М.А. Бакунин высказывал весьма оригинальную мысль. Он утверждал, что участие различных жуликов и авантюристов в революционных делах служит доказательством их успеха:

«ибо жулики – такой народ, который скорее других определяет истинное положение дел и дает настоящую оценку событиям. Они сразу чувствуют, где может быть нажива и что может принести им выгоду»

37. // Дебогорий-Мокриевич В.Л. Воспоминания. Штутгарт. 1903. С.

См.: *Карелин А. Жизнь и деятельность М.А. Бакунина*. М., 1919.
С. 14.

См.: Выдержка из письма нашему старознакомому путешественнику // Истина. 1864. Апрель. С. 3.

См.: Там же.

См.: *Кельсиев В.И.* Исповедь // Литературное наследие. Т. 41-42. М., 1941. с. 332.

См.: РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Д. 79. Л. 151об.

Подавление восстания в Польше в 1863 году вызвало поток верноподданнических адресов от различных общественных групп с поддержкой силовых правительственных действий. Староверческое купечество проявило в этом особенное усердие, решив использовать адреса как повод продемонстрировать властям свою безоговорочную лояльность. Но и этим дело не ограничилось: в 1863 году появилось даже специальное архипастырское послание (от поповцев) А.И. Герцену и всем, кто будет находиться с ним в сношениях, где их деятельность по возмущению староверов предавалась анафеме.

См.: *Огарев Н.П.* Письмо к иноку // Общее вече. № 22. 1 ноября 1863 года.

См.: *Огарев Н.П.* Второе письмо к инокy // Общее вече. №23. 15 ноября 1863 года.

См.: *Лесков Н.С.* Некуда // Собр. соч. в 11-ти томах. Т. 2. М., 1956. С. 397-401; *Писемский А.Ф.* Взбаламученное море // Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 4. СПб., 1910. С. 532-537.

Эти произведения талантливых русских писателей принесли им немало испытаний. В те годы они были крайне плохо встречены демократическими кругами, так как ставили под сомнение перспективы ведущейся борьбы. Неверие в возможности использования раскола для антиправительственных выступлений явилось только частью их общего пессимизма по поводу тех действий, которые практиковали революционеры. В итоге оба литератора подверглись шквалу критики и ни один год испытывали трудности с публикацией своих трудов. Это лишний раз доказывает, насколько сильны были революционные ожидания в 60-70-х годах XIX столетия.

Вдохновителем сближения с народом был не только М.А. Бакунин, но и еще один известный лидер эмиграции П.Л. Лавров, но не в бунтарском ключе, а просветительском смысле. Им делался акцент на просвещение народа, благодаря чему тот постепенно созреет до революции. Поэтому П.Л. Лаврову были гораздо ближе беседы о потребностях образования народа с тем же писателем И.С. Тургеневым, чем сотрудничество с, заряженным на борьбу, М.А. Бакуниным. Один из сторонников последнего отмечал:

«Петр Лаврович был, прежде всего, теоретик-философ, привыкший жить в заоблачной выси теорий. Когда ему приходилось спускаться на землю, он проявлял полную беспомощность»

// См.: *Сажин М.П. (Арман Росс). Воспоминания. 1860— 1880 г.г.* М., 1925. С. 52.

См.: *Иванов-Разумник Р.* История русской общественной мысли. Т. 2. СПб., 1907. С. 104.

Вообще «хождение в народ» подразделяется на два этапа. Начиналось все с кратковременных поездок в различные губернии, уезды, селения с постоянной сменой мест. Однако затем было признано, что такая практика не способствует качественной агитации. Тогда вместо агитационных набегов стали переходить на организацию поселений – небольших колоний, которые устраивались уже с расчетом на более или менее продолжительную работу в конкретном месте. Под видом учителей или врачей молодежь поселялась в деревни, ведя агитационную деятельность. Зачастую осваивались и рабочие профессии, с помощью которых налаживались отношения с населением.

См, например, известные и обстоятельные монографии: *Итенберг Б.* Движение революционного народничества. М., 1965; *Филиппов Р.В.* Из истории народнического движения (1863-1874 г.г.). Петрозаводск, 1967.

В них подробно разбирается «хождение в народ», позиции различных течений в народничестве, степень влияния кружков, групп, действовавших в губерниях и т.д. Однако о расколе речи не ведется вообще. Такая тема отсутствует даже при обращении к идейным позициям А.И. Герцена и М.А. Бакунина. Лишь крайне глухо говорится о роли религии в народническом движении, в том смысле, что некоторые участники говорили о трудностях налаживания контактов с населением без священного писания

// *Итенберг Б.* Указ. соч. С. 354-355; *Филиппов Р.В.* Указ. соч. С. 196-197, 211.

См.: Антекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 109.

См.: *Короленко В.Г.* История моего современника. Т. 7. М., 1955. С. 357 // Собр. соч. в 10-ти томах; *Аптекман О.В.* Указ. соч. С. 109.

М.А. Натансон (1850-1919) – известный революционер, координировал действия народнических кружков, групп. Арестовывался в 1872 году. В 1878-1887 – в якутской ссылке. В 1894 г. вновь сослан в Восточную Сибирь сроком на пять лет. Вошел в партию социалистов-революционеров, эмигрировал. В 1917 году вернулся, находился среди левых эсеров.

Михайлов А.Д. Воспоминания. Женева. 1903. С. 17. Этот же текст опубликован в советские годы: См.: *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Сб. док. Л. 1925.

См.: Там же. С. 17

См.: *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. Пг., 1923. С. 28, 107.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1874. Д. 144. Ч. 87. Л. 73об.

См.: ГАРФ. Ф. 109.3 экспедиция. 1874. Д. 144. Ч. 1. Л. 360-362.

См.: Там же. Л. 62-64.

См.: Агитационная литература русских революционных народников. 1873-1875 г. г. Л. 1970. С. 109-110.

См.: Там же. С. 156-174.

Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1874. Д. 144. Ч. 6. Л. 122.

См.: *Тургенев И.С. Новь.* Т. 4. М., 1954. С. 251, 405, 297, 425 // Собр. соч. в 12-ти томах. М., 1954-1958.

См.: Быков П. Вступительная статья к изданию. // Федоров-Омулевский И.В. Собр. соч. в 2-х томах. Т. 1 СПб., 1906. С. 1, 13.

Роман «Шаг за шагом», помещенный в первом томе издания (другое название «Светлов»), написан в 1871 году. И.В. Федоров-Омулевский (1836-1883) – уроженец Камчатки, с 1842 г. жил в Иркутске, гимназии не окончил. Псевдоним «Омулевский» – от сибирской рыбы омуль. Увлекался польской литературой, особенно переводами Адама Мицкевича. Затем в Петербурге, являлся вольным слушателем университета. Работал в Иркутске, Витебске. Умер в Петербурге.

См.: Федоров-Омулевский И.В. Шаг за шагом. Т. 1. С. 302.

Характерная деталь, управляющий фабрикой не признавал эту народную власть, бросая им упрек: кто вас выбирал? На что следовал ответ:

«у «мира» спроси, он про то и знает»

// Там же. С. 310.

См.: Там же. С. 390.

См.: *Короленко В.Г.* История моего современника. Т. 5. М., 1954.
С. 316-317.

См.: *Мордовцев Д.Л.* Знамена времени. М., 1957. С. 88-89.

См.: Там же. С. 108, 192, 196.

См.: Там же. С. 196, 215, 347.

См.: Там же. С. 92-95, 98, 154-156 и др.

См.: Момот В.С. Даниил Лукич Мордовцев. Ростов-на-Дону, 1978. С. 50.

Д. Л. Мордовцев (1830-1905) родился на Дону в купеческой семье. Учился и работал учителем в Саратове, где входил в круг местной интеллигенции с Н. Чернышевским и его двоюродным братом А.Н. Пыпиным, Н.И. Костомаровым и др. В 70-х годах – в Петербурге, а в 1885 г. уезжает на родину, на Дон. Автор большого количества произведений главным образом исторического характера. Широкую известность получил его роман «Знамение времени» (1866), где обосновывается перспективность контактов с расколом.

См.: *Мордовцев Д.Л.* Великий раскол // Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов. Т. 5. С. 183.

См.: Анзимиров В.А. «Крамольники». (Хроника из радикальных кружков семидесятых годов). М., 1907. С. 103.

Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. Т. 2. СПб., 1907.
С. 22 // Собр. соч. в 6 т.

См.: ГАРФ. Ф. 109.3 экспедиция. 1874. Д. 144 Ч. 9. Л. 255об.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1875. Д. 85. Л. 21.

См.: Засодимский П.В. Из воспоминаний. М., 1908. С. 312.

См.: *Каблиц И.И.* Основы народничества в 2-х томах. Т. 1. СПб., 1888. С. 332.

См.: *Каблиц И.И. (Юзов И.)* Политические воззрения староверия
// Русская мысль. 1882. №4 С. 183-217.

См.: *Златовратский Н.Н.* Устой. Т. 2. С. 125 // Собр. соч. в 3-х томах. СПб., 1897.

См.: *Эртель А.И.* Гарденины. Т. 2. М., 1933. С. 340

См.: *Пругавин В.* Русская поземельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 10.

Увлеченность приверженцев К. Маркса заводским пролетариатом становилась объектом иронии со стороны их оппонентов. Как говорили, им фабричная труба закрыла весь мир, и они ничего не хотят в нем видеть, кроме нее. Даже крестьянство целиком мечтают спустить в трубу // См.: *Фаресов А.* Народники и марксисты. СПб., 1899. С. 41.

См.: *Фигнер В.Н.* Автобиографические очерки. Т. 5. С. 91-92 // Поли. собр. соч. в 7-ми томах. М., 1932.

См.: Там же. С. 214.

См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Старообрядчество и самодержавие (1902); Раскол и сектанство в России (доклад II съезду РСДРП) // Избр. соч. в 3-х томах. Т. 1. М 1959.

См.: Бонч-Бруевич В.Д. К сектантам // Рассвет. 1904 №1. С. 4.

Хотя газета заявлена как издание для раскольников и сектантов, большее место в ней отведено освещению различных сект – штундистов, духоборов, молокан. Лишь объединенный выпуск № 6-7 публиковал большой материал о всероссийских старообрядческих съездах, проходивших в 1900-1903 годах. За этот период состоялось три таких съезда, которые были охарактеризованы как «симпатичное явление в нашей жизни» // Рассвет. 1904. №6-7.

См.: *Глинчикова А.* Раскол или срыв «русской Реформации?». М., 2008. С. 201.

См.: Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998.

См.: Указ «О хождении на исповедь повсягодно, о штрафе за использование сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада». 8 февраля 1716 года // Полный Свод Законов. №2991. Т. 5. СПб., 1830. С. 196; Указ «О сборе с раскольников двойных податей». 17 октября 1720 года // ПСЗ. №3662. Т. 6. С. 248-249.

См.: «Высочайшие резолюции на доклады Синода». 19 ноября 1721 года // ПСЗ. № 3854. Т. 6. С. 457-458; Указ «О сборе с раскольников двойных податей, о небытии им ни у каких дел начальниками, и о непринимании их ни в какие свидетельства». 4 июня 1724 года// ПСЗ. №4526. Т. 6. С. 500; Указ «О непечатании новых книг без позволения Духовной коллегии». 5 октября 1720 года// ПСЗ. №3653. Т. 6. С. 244-245.

См.: Выписка из журнала Правительствующего Сената. 29 марта 1753 года// РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск, 1974. С. 25.

См.: Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода в 2-х томах. Т. 1. СПб., 1860. С. 79-80.

См.: Указ «О мерах по взысканию с раскольников и бородачей положенного с них двойного оклада; об увещевании тех, которые захотят вступить в раскол и о положении с них оклада против раскольников вдвое». 12 декабря 1726 года // ПСЗ. №4985. Т. 7. С. 713-715.

См.: Прибавления к «Духовному регламенту». 31 мая 1722 года // ПСЗ. №4022. Т. 6. С. 705.

См.: Указ «О показании священниками в книгах о исповедовавшихся и не явившихся на исповедь; о наблюдении священникам, чтобы прихожане их ходили в церковь по праздничным дням: о несовершении таинств раскольничьими учителями и о нераспространении раскольникам их учения». 16 июля 1722 года // ПСЗ. №4052. Т. 6. С. 738-741.

См.: Указ «О наказании раскольников за подговор к переходу из православной веры в раскольничью секту и за распространение раскола». 21 марта 1736 года //ПСЗ. №6928. Т. 9. С. 790-791.

См.: РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 420. Л. 1, 4, 68.

См.: РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 296. Л. 1-1об.

См.: РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 855. Л. 3-4.

См.: РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 864. Л. 1-1об.

См.: Сенатский Указ «О подтверждении, чтобы никто, кроме священного и церковного притча и крестьян, не ходил в неуказном платье и не носил бороды». 11 февраля 1748 год // ПСЗ. №9479. Т. 12. С. 828-829.

См.: Там же.

См.: РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 219. Л. 1-2.

См.: Там же.

См.: *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России. Т. 1. С. 550 // Собр. соч. в 7-ми томах. СПб., 1896.

См.: Высочайшие резолюции на доклады Синода. 19 ноября 1721 года // ПСЗ. №3854. Т. 6. С. 457.

См.: Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664-1723 годы. М., 1989. С. 34.

См.: Юхименко *Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. М., 2002. С. 431-434.

См.: Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 69.

См.: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 102.

См, например, *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVII – первой половине XIX века. М., 1971. С. 6.

О миграционных процессах в России говорится также и в работе *Водарского Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII веков. М., 1977. С. 156-157, 162-163.

См.: Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XIX века. М., 2008. С. 51-67.

См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 118.

См.: Сенатский указ «Об учинении во всех пограничных городах по рубежам застав и об определении на оные из полков офицеров для поимки беглых». 8 марта 1723 года // ПСЗ. №4181. Т. 7. С. 29-30.

См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 397. Л. 324-324об.

См.: Сенатский Указ «О нечинении наказания беглым людям и крестьянам, явившимся из бегов». 5 июля 1728 года // ПСЗ. №5301. Т. 8. С. 62.

См, например: Указ «О свободном возвращении беглецам в Россию с публикования сего указа в два месяца». 17 января 1734 года // ПСЗ №6534. Т. 9. С. 255-256; «О свободном возвращении в Россию беглых солдат, посадских, крестьян и всякого звания людей, ушедших за границу». 11 июня 1734 года // ПСЗ. №6586. Т. 9. С. 350-351 и др.

См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 397. Л. 63-64.

Подробно о выселении бывших российских подданных из Речи Посполитой в 1735-1736 годах, См.: *Поташенко Г.В.* Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX века: исследования, документы и материалы. Вильнюс, 2006.

См.: Указ «О порядке рассылки беглых раскольников, о непоселении их в Украине и при Украинской линии, и о старании открывать их учителей». 4 сентября 1735 года // ПСЗ. №6802. Т. 9. С. 572-575.

См.: Юркин И.Н. От города до города на прежние жилища («выгонки» беглых из-за польской границы в 30-х годах XVIII века и распространение старообрядчества) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 29-32.

Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник русского исторического общества. Т. 8. СПб., 1871. С. 57.

См.: *Тургенев А.И.* Россия и русские. Ч. 2. М., 1907. С. 9.

Самарин Ю.Ф. О крепостном состоянии и о переходе от него к гражданской свободе. Т. 2. М., 1878. С. 85 // Собр. соч. в 4-х томах.

См.: Там же. С. 40.

См.: *Хомяков А.С.* Современный вопрос. Т. 1. М., 1978. С. 638 // Полн. собр. соч. в 8-ми томах.

См.: *Хомяков А.С.* Из письма к другу (около 1849 года) // Русский архив. 1884. Кн. 4. С. 263.

См.: *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси. М., 1903.

См.: *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1958. С. 10-11,14,27.

См.: *Головин К.Ф.* Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 122-124.

См, например, советскую монографию *Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX веков)*. М., 1976.

См.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб 1877. С. 159.

См.: Там же. С. 136.

См.: *Миров Л.В.* Великорусский пахарь и особенности
русского исторического процесса. М., 1998. С. 434.

См.: Указ «О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания». 2 марта 1711 года // ПСЗ. №2327. Т. 4. СПб., 1830. С. 634.

См.: Сенатский указ «Подробные распоряжения в исполнение Высочайших пунктов, состоявших 2 марта 1711 года». 13 апреля 1711 года // ПСЗ. №2349. Т. 4. С. 663-664.

См.: Сенатский указ «О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вызванных из других государств, об отпуске их в отечество по миновении сроков по контрактам и др.». 5 ноября 1723 года // ПСЗ. №4345. Т. 7. С. 150-151.

См.: Пушкин А.С. Арап Петра Великого. Т. 5. М., 1960. С. 21,25 // Собр. соч. в 10 томах. М., 1959-1962.

См.: «Регламент или Устав Главного Магистрата». 16 января 1721 года // ПСЗ. №3708. Т. 6. С. 295.

См.: Там же. С. 306-307.

Подробнее о том, как попытка Петра I внедрить цеховую систему не смогла перестроить российское купечество по европейским стандартам см.: *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России в XVIII в. М., 1903. С. 4,130 и др.

См.: *Посошков И.Т.* О скудности и богатстве. М., 2003. С. 115.

См.: Там же. С. 116-117.

См.: «Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдии Старшинам и Старостам с товарищи». 19 января 1742 года//ПСЗ. №8504. Т. 11. С. 560- 565.

Обстоятельно духовные аспекты позитивного санкционирования торговли и производств в староверческом мире рассмотрены в монографии российского ученого В.В. Керова // См.: *Керов В.В. «Се человек и дело его»*. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2004. С. 462-467.

Подробнее о взаимоотношениях выговцев и властей в петровскую эпоху см.: *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. М., 2002. С. 39-44.

См.: Архиепископ Палладий. Обозрение Пермского раскола так называемого «старообрядчество». СПб., 1863. С. 4-5.

О том, кто в основной массе работал на уральских заводах показано в художественной литературе. К примеру, в произведениях талантливого писателя Ф.М. Решетникова (1841-1871), уроженца Урала. Он описывает местные заводы, касаясь истории их становления, замечая, что основной контингент там раскольники. См, например: *Решетников Ф.М.* Глумовы. Т. 1. М., 1896. С. 98; Горнорабочие. Т. 2. С. 706-707 и др.

См.: Указ «Об укреплении за фабриками, оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян». 7 января 1736 года // ПСЗ. №6858. Т. 9. С. 708.

См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1732 года // ПСЗ. №6262. Т. 8. С. 976-977.

Мысль о всевластии правительства в промышленных и финансовых делах хорошо прослеживается в творчестве купца И.Т. Посошкова. Примечательно, что он усматривал в этом обстоятельстве не минус, а крупное преимущество отечественного предпринимательства перед иноземным. См.: *Посошков И.Т. О скудности и богатстве*. С. 110, 209.

См.: *Нисселович Л.Н.* История фабрично-заводского законодательства российской империи. Ч. 1. СПб., 1883. С. 54, 60.

См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1736 года // ПСЗ. № 6262. Т. 9. С. 976.

Шувалов П.И. (1711-1762) – один из активных участников возведения на трон Елизаветы I, с 1746 года граф. Его жена М.Е. Шепелева являлась наперсницей императрицы, а двоюродный брат И.И. Шувалов с 1749 года был ее фаворитом. П.И. Шуваловым разрабатывались и вносились в Сенат многие наиболее значимые проекты законов и указов по экономическим вопросам. Свою деятельность по развитию капиталистических отношений в России он определял как продолжение преобразований Петра Великого. П.И. Шувалов также выступил в качестве крупного предпринимателя того периода, владея и развивая различные предприятия, участвуя в обширной экспортной торговле. Вел роскошный образ жизни, оставив после себя около одного миллиона рублей долгов, из-за чего многие из заводов были конфискованы казной. Подробнее о нем см.: *Корякина Е.П.* Программа социально-экономических преобразований П.И. Шувалова. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1992.

См.: По донесению генерал-аншефа кавалера П.И. Шувалова об извозчике Муромского полка Ф. Андрееве, явившемся в раскольничьем заблуждении. 19 августа 1755 года // РГИА. Ф. 176 . Оп. 36. Д. 285. Л. 2-12.

Идеи о «приведении народа в лучшее состояние» развиты П.И. Шуваловым в записке, за которой закрепилось название «О сохранении народа». Ее суть – в обосновании тезиса: умножить численность народа, значит увеличить государственный доход. См.: Проект П.И. Шувалова «О разных государственной пользы способах», (вступительная статья С.О. Шмидта) // Исторический архив. 1962. № 6. С. 100-118.

См.: Экстракт о раскольниках // РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2112. Л. 1-2.

См.: Указ «О Всемиловитивейшем прощении живущих в Польше и в Литве русских подданных, если явятся к 1 января 1757 года». 4 сентября 1755 года // ПСЗ. №10454. Т. 14. С. 414-415.

См.: Там же.

См.: Указ «Об отдаче выдаваемых из Польши и Литвы российских беглых на прежние жилища без наказания. 5 ноября 1756 года // ПСЗ. №10619. Т. 14. с. 636-637.

См.: Манифест «Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разные времена в Литву и Польшу». 2 января 1761 года// ПСЗ. №11179. Т. 15. С. 595.

См.: Указ «О вызове из Польши российских беглецов; о поселении их при крепости Св. Елизаветы и о даровании им льгот на 6 лет и других выгод». 5 июня 1761 года // ПСЗ. №11265. Т. 15. С. 724-725.

См.: Доношение Правительствующего Сената из Коллегии иностранных дел. 14 января 1759 года // РГАДА. Ф. 248. Кн. 2818. С. 506-508.

См. *Ломоносов М.В.* О сохранении и размножении российского народа. Т. 6. М., 1952. С. 401-402 // Полн. собр. соч. в 10 томах.

См.: Указ «О недопускании раскольников строиться в особливых отдаленных местах и производить там самосожжение». 18 июля 1756 года. // ПСЗ. № 10585. Т. 14. С. 599-600; Указ «Об учинении в малороссийских раскольничьих слободах новой переписи, и о наблюдении, чтоб в оных слободах не было беглых людей». 15 февраля 1761 года. // ПСЗ. №11205. Т. 15. С. 650-652; «О переписи, положения в оклады и возвращении на прежние места вышедших самовольно из Казанской губернии и других мест татар, черемес, чуваш и новокрещен, поселившихся в Уфимском уезде». 15 марта 1761 года // ПСЗ. №11214. Т. 15. С. 664-665.

См.: Указ «О сочинении особого положения для раскольников, которые удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество, с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было». 29 января 1762 года // ПСЗ. №11420. Т. 15. С. 894-895.

См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 4. М., 1989. С. 119.
// Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1987-1990.

См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1965. С. 20-21 // Собр. соч. в 15-ти книгах. М., 1960-1965.

См.: Манифест «О продлении срока для возвращения в Россию бежавших в Польшу, Литву и Курляндию разного звания людей. 28 февраля 1762 года // ПСЗ. №11456. Т. 15. С. 926.

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. ИЗ. Д. 1491. Л. 6.

См.: Там же. Л. 53.

См.: Там же. Л. 79об.

См.: Там же. Л. 80об.

См.: Указ «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». 20 декабря 1753 год // ПСЗ. №10164. Т. 13. С. 947-953. Идеи данного указа закреплялись в «Таможенном Уставе», принятом 1 декабря 1755 года. Его преамбула гласила:

«К облегчению всенародному надлежит все внутренние пошлины уничтожить и разного звания пошлинные и прочие изнутри Нашего Государства собираемые сборы, от которых всегдашнее Нашим подданным происходило отягощение и немалое разорение оставить»

// ПСЗ. №10486. Т. 14. С. 462.

См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1964. С. 179.

См.: Указ «О запрещении заводить фабрики без дозволения Мануфактур-Коллегии». 15 октября 1751 года // ПСЗ. №9889. Т. 13. С. 507.

См.: Указ «О делании новых медных копеек для лучшего распространения и умножения коммерций». 7 марта 1755 года // ПСЗ. № 10370. Т. 14. С. 323; «О делании новых серебряных пятикопеечников». 25 мая 1755 года // ПСЗ. №10415. Т. 14. С. 369.

См.: Волков М.Я. Отмена внутренних пошлин в России // История СССР 1957. №2.

В статье Н.В. Козловой хорошо показано, что в середине XVIII века в российском купечестве не преобладали старообрядцы. По официальным документам это действительно так. Заметим, в данный период государство еще не озаботилось вовлечением крестьянства в предпринимательскую деятельность, а торгово-промышленное сословие формировалось, главным образом, сверху. Положение меняется при Екатерине II. См.: *Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах европейской России в середине XVIII века // Отечественная история. 1999. №2. С. 2-16.

См.: Челобитная, поданная в Правительствующий Сенат, вышедшего из Польши доропецкого купца Мирона Плотникова. Март 1762 года // РГАДА. Ф. 248. Оп. ИЗ. Д. 1491. С. 138-139.

См.: Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». 4 декабря 1762 года// ПСЗ. №11720. Т. 16. С. 126-127.

См.: Указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом реестре». 14 декабря 1762 года // ПСЗ. №11725. Т. 16. С. 129.

См.: Указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает». 20 января 1763 года//ПСЗ. №11758. Т. 16. С. 140-142.

См, например.: Указ «О вызове из Польши и Литвы беглых российских помещичьих и всякого звания людей, о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает, и о даче им льготы от податей и работ на 6 лет». 13 мая 1763 года // ПСЗ. №11815. Т. 16. С. 247-248; «О распространении силы Манифеста от 4 декабря 1762 года на тех только, кто до состояния оногo Манифеста из отечества своего самовольно отлучились». 5 марта 1764 // ПСЗ. №12074. Т. 16. С. 600-601.

См.: Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода в 2-х томах. Т. 1. СПб., 1860. С. 603-604.

См.: Там же. С. 637-638.

См.: «О закрытии Раскольничьей конторы». 15 декабря 1763 года
// Там же. С. 599-600.

Апогеем вытеснения южнорусских архиереев стало громкое дело митрополита Арсения Мациевича, являвшегося выпускником Киевской академии. Он фактически бросил вызов Екатерине II, протестуя против изъятия церковных имуществ государством. Последним из киевлян среди высшего состава РПЦ был Архиепископ Московский Амвросий (Зертис Каменский), шляхтич по мысли и образу жизни. В 1771 году он был убит во время чумного бунта в Москве.

См.: *Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 2000. С. 599, 702.*

См.: Доношение лейб-гвардии Измайловского полка капитана А. Грузинского, полученного в Коллегии иностранных дел. 18 сентября 1763 года // РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 200. Л. 2.

См.: Манифест «О вызове воинских нижних чинов, крестьян и посполитных людей, самовольно отлучившихся за границу». 5 мая 1779 года // ПСЗ. №14870. Т. 20. С. 817-819.

См.: Манифест «О разных милостях, дарованных преступникам, по случаю открытия монумента Императору Петру I». 7 августа 1782 года // ПСЗ. №15488. Т. 21. С. 650. (пункт 5).

См.: «О плане раздачи в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». 22 марта 1764 года // ПСЗ. №12099. Т. 16. С. 666-667.

См.: Указ «О дозволении всем желающим заводить ткацкие станы, с объявлением о том в Мануфактур-Коллегию и с платежом положенным на них». 30 октября 1769 года // ПСЗ. №13374. Т. 18. С. 1007-1008.

См.: Высочайше утвержденный доклад Сената «О допущении к откупам не только Дворян и разночинцев, но и крепостных людей и крестьян». 13 февраля 1774 года // ПСЗ. №14123. Т. 19. С. 914-915.

Правда, надо заметить, что указ допускал к участию в откупах только тех крестьян, за кого «надежные помещики в исправном платеже откупной суммы обяжутся» // Там же.

См.: Указ «О Высочайше дарованным разным сословиям милостям, по случаю мира с Портой Оттоманской». 17 марта 1775 года // ПСЗ. №14275. Т. 20 С. 82-86.

См.: Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник Русского исторического общества. Т. 8. СПб., 1871. С. 42-43.

См.: Сенатский указ «О записывании крестьян в купечество». 25 июля 1777 года// ПСЗ. №14632. Т. 20. С. 339.

См.: Указ «О сборе с купцов вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии». 25 мая 1775 года // ПСЗ. №14327. Т. 20. С. 145-146.

Напомним, что в ноябре 1779 года Мануфактур-Коллегия, надзиравшая за промышленностью была упразднена. Правительство перестало видеть в ней какую-либо надобность, поскольку всем предоставлялась свобода коммерческой инициативы. Правда, через почти 20 лет Павел I снова восстановил ее. См.: Указ «Об уничтожении Мануфактур-Коллегии и ее конторы». 22 ноября 1779 года // ПСЗ. №14947. Т. 20. С. 882.

См.: *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII века. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 61.

См, например, работу советского периода И.В. Мешалина и монографию российского ученого А.В. Ковальчука // *Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века.* М., 1950. С. 240-245; *Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века.* М., 1999. С. 81.

В своей работе П.А. Берлин приводит следующую статистику. Из этих 30 тыс. душ 900 человек заплатили за выкуп 139-199 руб; 7172 человека – по 200-300 руб; 907 – менее 600 руб; 3187 душ – около 700 руб; 44 -около 800 руб; 11 человек – свыше 900 руб; 33 человека – свыше тысячи; 43 души – около 1400 // *Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 89.*

См.: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. С. 33.

Таких же оценок придерживалась известный советский историк А.М. Панкратова. По ее оценке, в руках дворян в стране в первой половине XIX века находилось всего лишь 15% действующих мануфактур // См.: *Рабочее движение в России в XIX веке*, (вступительная статья А.М. Панкратовой). Т. 1. М., 1951. С. 24.

См.: *Куйбышева К.С.* Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859-1861 годах // В кн.: Революционная ситуация в России в 1859-1861 годах. Сб. Статей. М., 1965. С. 318.

См.: Манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные». 5 апреля 1797 года // ПСЗ. №17909. Т. 24. С. 577.

См.: Яковцевский В.Н. Купеческий капитализм в феодально-крепостнической России. М., 1957. С. 149.

См.: Указ «О дополнительных правилах для дозволения крестьянам производить разными товарами торговлю с получением на сие право свидетельств и с платежом определенных пошлин». 29 декабря 1812 года // ПСЗ. №25302. Т. 32. С. 491-492.

См.: Манифест «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний». 14 ноября 1824 года // ПСЗ. №30115. Т. 39. С. 601.

См.: Указ «О записке крестьян в купеческое звание; о переписке купцов из города в город; о даче купцам паспортов на случай отлучек их по коммерции и о взыскивании недоимок». 19 августа 1820 года // ПСЗ. №28389. Т. 37. С. 420-421.

См.: *Левшин В.* Русский полный фабрикант и мануфактурист. Т. 1. М., 1812. С. 8.

В воспевании земледельческого труда особенно преуспело издание «Дух журналов», выходившее в 1815 по 1820 год. На его страницах пропагандировалось, что сельский народ самый здоровый телом и духом, а фабричные люди по большей части хворые и больные. Это издание неизменно ратовало за вложение капиталов, прежде всего в сельское хозяйство, выступало за прекращение покровительственной политики по отношению к промышленности. См.: *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1991. С. 292-295.

См.: Указ «О дозволении помещикам производить заграничную
оптовую торговлю». 4 ноября 1802 года // ПСЗ. №20493. Т. 27. С. 340.

См.: Манифест «О даровании купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». 1 января 1807 года // ПСЗ. №22418. Т. 29. С. 973.

См.:«Высочайше утвержденное положение о кампаниях на акциях» 6 декабря 1836 года // ПСЗ (2). №9763. Т. 11. Отд. 2. С. 257-266.

См.: Гончаров И.А. Обломов. Т. 4. М., 1979. С. 179 // Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1977-1980.

См.: Кузьмичев А.Д. , Петров Р.Р. Русские миллионщики. М., 1999. С. 7.

См.: *Безобразов В.* Очерки Нижегородской ярмарки. // Русский вестник. 1866. Т. 61. С. 277.

См.: Записка макарьевского купца Оланцова «О московской железной дороге» // ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1830. Д. 390. Л. 96.

Н.А. Полевой (1796-1846) – писатель, историк, журналист. Выходец из купечества, занимался самообразованием при Московском университете и за границей. Много путешествовал по России, Сибири, с развитием купеческого сословия и промышленности связывал надежды на экономическое развитие страны. Выступал против гегемонии дворянства в русской культуре. Собственно из-за невозможности соперничать с дворянскими литераторами, обратился к изучению истории русского народа. Издатель популярного журнала «Московский телеграф» (1825-1834). Неодобрительно относился к бунту Разина и Пугачева, превозносил Петра I, как устроителя русской промышленности, давшему долгожданный толчок ее развитию. Подробнее о воззрениях Н. Полевого см.: *Ставрин С.* Н.А. Полевой и «Московский телеграф» // *Дело*. 1875. № 5, 6, 7; *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

Полевой Н.А. Речь о купеческом звании, и особенно в России, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии 10 июля 1832 года. М., 1832. С. 18.

См.: Вести из Москвы // Московский телеграф. 1831. Ч. XXXIII.
С. 394, 396.

См.: Прогулки по Московской выставке российских изделий // Московский телеграф. 1830. Ч. XXXVIII. С. 425.

См.: *Кокорев И.Т.* Московские рынки. Ч. 3. С. 30 // *Кокорев И.Т.* Очерки и рассказы в 3-х частях. М., 1858.

См.: Там же. С. 32.

См.: *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности в 20-50-е годы XIX века. М., 1968. С. 103.

См.: *Епифанова Л.М.* Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 239.

См.: Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М.. 1870. Т. 1. С . 94.

Интересно привести его описание:

«Мы вошли в большой трактир рядом с биржей: действительно все богатые, биржевые купцы сидели неподвижно вдоль стен, как идола, чинно молча, все в поту, пили чай, и только изредка шепотом менялись словами с соседями. Не смотря на то, что тут сидело более ста человек, шума было меньше, чем при десяти посетителях в пивной немецкого городка».

См.: *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 100.

Заметим, что этот именной указ всего в восемь строк был дан Главнокомандующему в Москве графу Чернышеву. См.: Указ «О несобирании в казну двойного оклада с городских и сельских жителей. 20 августа 1782 года // ПСЗ. №15473. Т. 21. С. 634.

См.: «О неупотреблении причтами ни в письменных актах, ни в разговорах, наименования раскольников». 6-7 марта 1783 года // Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Т. 1. СПб., 1860. С. 710.

В литературе распространено мнение о том, что в официальном порядке термин раскольники вернулся в употребление лишь во времена Николая I, начавшего гонение на староверие. Однако документы опровергают это утверждение. Даже в либеральную эпоху Александра I законодательные акты содержат наименование раскольники. Видимо этого запрета не особенно придерживались. В качестве примера сошлемся на документы, где употреблено название раскольники. См.: Указ «О запрещении заводить с простым народом рассуждения о верховной власти». 6 декабря 1802 года // ПСЗ. №20545. Т. 27. С. 398; Указ «Об учреждении из состоящего в Костромской губернии в Макарьевском округе Высоковского скита единоверческой общежительной пустыни с наименованием ее Высоковской Успенскою». 15 июня 1820 года // ПСЗ. №28313. Т. 37. С. 552. и др.

См.: Всеподданнейшая докладная записка Св. Синода. 2 апреля 1855 года // РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. д. 452. Л. 15.

Свидетельства бурного развития раскола в этот период содержатся в литературе. Например, в известной работе Н.С. Соколова об истории раскола в саратовской губернии подчеркивается:

«В эту эпоху усилилась до небывалых размерах раскольничья пропаганда в здешнем крае, рассылались повсюду наставники и начетчики, построены были моленные и часовни... Результат получился столь благоприятный, что к концу 30-х годов по всему Саратовскому краю не осталось, за исключением селений магометанских и некоторых мордовских, села, деревушки или хутора, который не был бы заражен духом раскола»

// Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. Саратов. 1888. С. 209.

См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 212. Л. 43.

См.: Письмо московского гражданского губернатора министру финансов Ф.П. Вронченко. 5 марта 1845 года // РГИА. Ф. 40 Оп. 1. Д. И. Л. 154-155.

См.: Записка д.с.с. Игнатьева министру внутренних дел Д.Г. Бибикову «О современном положении раскола безпопщинской секты в Москве и ее окрестностях». 19 июня 1854 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 212. Л. 22-23, 32.

См.: *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // *Борьба классов.* 1934. № 7-8. С. 74.

Репорт К.И. Арсеньева министру внутренних дел Л. Перовскому
«О Черниговских скитах и расколе в губернии». 14 июля 1850 года // РГИА. Ф. 1284. Оп.205.д. 140. Ч. 1, Л. 46об.

См.: *Витковский Г.* О раскольниках в Подольской губернии // Отечественные записки. 1862. №5. С. 360.

См.: *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. С. 110, 240.

См.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Т. 2. М., 2006. С. 616.

Островский А.Н. Записки замоскворецкого жителя. Т. 13. М., 1952. С. 37 // Полн. собр. соч. в 16-ти томах. М., 1949-1953.

См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 7. С. 409-411. М., 1976.

По утверждению П.И. Мельникова еще одним преступным промыслом, которым после войны 1812 года активно занялись староверы, стала продажа товаров ввозимых в Россию контрабандным путем. Наличие единоверцев по всей стране позволило с успехом наладить сети по распространению контрабанды в масштабах империи, что наряду с подделкой денег стало еще одним «золотым дном» раскольничьей экономики, способствовавшим ее стремительному подъему. Взгляды на раскол, как исключительно криминальную организацию, были усилены Ф.В. Ливановым – еще одним чиновником МВД на литературном поприще. Его труды «Раскольники и острожники. Очерки и рассказы» (СПб., 1868), «На рассвете. Очерки и рассказы из быта раскольничьего» (СПб., 1875) расценивались многими современниками как оскорбительные. Раскольничья жизнь изображается в них источником различного рода преступлений. Подробнее см.: Лесков. Н.С. Народники и расколоведы на службе. Т. 11. М., 1958. С. 34-44 // Собр. соч. в 11-ти томах. М., 1956-1958.

См.: Письма В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 51-52. (публикация Н.В. Черниковой).

Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Ч. 3. С. 33. М., 1867 // Части 1-3. М., 1865-67.

А.С. Ушаков (1836-1902) – соратник И.С. Аксакова, работал во всех его изданиях, выходивших в 60-80-х годах XIX века. Кроме публицистической деятельности писал и книги, в их числе пьеса «Старообрядка».

Златовратский Н.Н. Устой. Т. 2. С 246 // Собр. соч. в 3-х томах.
СПб., 1897.

См.: *М. Горький*. Фома Гордеев. Т. 3. С. 103. М., 1960; Жизнь Матвея Кожемякина. Т. 6. С. 118. М., 1961; Дело Артамоновых. Т. 11. С. 11. М., 1962 // Собр. соч. в 18 томах. М., 1960-1963.

См.: *М. Горький*. Н.А. Бугров. Т. 18. С. 191. М., 1963.

См.: *Шахназаров О.Л.* Отношение к собственности у старообрядцев // Вопросы истории. 2004. №4. С. 53-70.

См.: *Аристов Н.Я.* Устройство раскольничьих общин. М., 1863. С. 2, 6, 27.

См.: *Пришвин М.М.* Осударева дорога. Т. 6. М., 1984. С. 8, 21 // Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1982-1984.

Поволжье стало активно заселяться старообрядцами, и в саратовском крае ими были основаны Иргизские монастыри, ставшие крупным центром староверия поповщинского согласия. Иргиз признало государство, закрепившее за монастырями значительные участки земли, освободившее их обитателей от рекрутской повинности. Власти пошли даже на признание беглых попов, которые принимались, а затем направлялись отсюда в различные регионы страны. По сути, все это ставило Иргиз наравне с православными церквями.

См.: *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России. Т. 1
СПб., 1896. С. 550-551 // Собр. соч. в 7-ми томах. СПб., 1896.

См.: «Мысли и предположения митрополита Филарета о средствах по уменьшению расколов». 1835 год // Собрание мнений и отзывов Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 2. СПб., 1885. С. 366.

См.: «Донесение митрополита Филарета Св. Синоду с отзывом о рукописях московского раскольника, мещанина Леонтия Круглоумова. 5-10 ноября 1841 года // Там же. Т. Дополнительный. М., 1887. С. 90.

См.: Там же. Т. 3. С. 254.

См.: *Синицын И.И.* Раскол в Ярославской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках (составитель В.И. Кельсиев). Вып. 4. Лондон, 1862. С. 148.

См.: *Леопольдов А.* Биография Волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов. 1871. С. 4-26.

Вхождению в высшие сферы В.А. Злобин обязан тогдашнему Генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Занимаясь делами этого сановника в волжском регионе, В.А. Злобин приобрел его полное доверие. Руководителем канцелярии генерал-прокурора являлся способный чиновник А.И. Васильев, который впоследствии стал первым министром финансов России (1802-1807) и чьим расположением пользовался доверенный партнер А.А. Вяземского. После смерти А.И. Васильева министром финансов стал его племянник Ф.А. Голубцов, который начинал чиновничью карьеру в канцелярии того же А.А. Вяземского под руководством своего дяди. Отсюда и связи В.А. Злобина в Петербурге.

Эти материалы из бумаг И.П. Липранди были опубликованы А.А. Титовым в ряде выпусков «Чтений в Обществе истории и древностей российских» под названием «Дневные дозорные записи о московских раскольниках» // См.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1885. Кн. 3, 4; М., 1886. Кн. 1; М., 1892. Кн. 1, 2.

См.: Записка «О Преображенском кладбище». 6 мая 1847 года // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

См.: *Васильев В.* Организация и самоуправление Федосеевской общины на Преображенском кладбище в Москве // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 578-579.

См.: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 193.

См.: Дневные дозорные записи о московских раскольниках. 1846 год // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1892. Кн. 2. С. 202.

См.: Там же. С. 200.

См.: РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 35. Л. 101; *Ливанов Ф.В.*
Раскольники и острожники. СПб., 1868. С. 43-46.

См.: «О завещании московской купчихи Капустиной в пользу Рогожского старообрядческого богодельного дома». 28 сентября 1837 года //РГИА. Ф. 1284. Оп. 197. Д. 147. Л. 1-3.

См.: Собрание постановлений МВД по части раскола. СПб., 1875. С. 161; ГАРФ. Ф. 109. 2 экспедиция. 1838. Д. 33. С. 35об.

См.: «Письмо старообрядца Леонтия Гаврилова Министру внутренних дел Д.Н. Блудову». 7 октября 1838 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 197. Д. 6. Л. 8—9.

См.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М 1913. С. 22, 26.

Брак П.М. Рябушинского и А.С. Фоминой оказался не удачным, поскольку состоялся против его желания, по воле родителей. К тому же в нем родилось шесть дочерей, один сын умер во младенчестве. Как только скончались его родители, он развелся, женившись вновь на старообрядке из купеческой семьи. Как известно, у него было восемь сыновей, ставших впоследствии видными участниками политической, деловой и культурной жизни страны. И.М. Ястребов (1770-1853) – один из наиболее известных иереев Рогожского кладбища с 1825 года. Во время вторжения Наполеона в Москву прятал там общинную кассу, иконы и др. Являлся духовным наставником многих прихожан кладбища, в том числе и самых влиятельных.

Подробнее о нем см.: *Мельников П.И. (Андрей Печерский) Очерки поповщины*. Т. 7. С. 437-441 // Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1976;

Андреев В.В. Раскол и его значение в русской народной истории.
СПб., 1870. С. 163.

См.: Ведомость, учиненная в Мануфактур-Конторе о московских фабрикантах // РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 4-61.

См.: *Шелехов Д.П.* Путешествия по русским проселочным дорогам. СПб., 1842. С. 27,39-40.

В тот период все крупные операции в России осуществлялись через иностранных банкиров. В это время действовало несколько банкирских домов – Штиглиц, Юнкер, Симон Якоби, Кенгер и др. Примечателен такой факт, когда потерпел крах английский банкир Сутерланд, основной кредитор российского правительства в 1780-90 годах, то его долги приходились на казну и аристократию. Лишь изредка среди его деловых партнеров встречались купцы, к тому же только те, которые вели внешнюю торговлю // См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860-1914 г. г. Л. 1991, С. 12-13.

См.: *Мигулин П.П.* Наша банковская политика (1729-1903 гг.). Харьков, 1904. С. 35.

См.: Рожкова М.К. Экономическая политика правительства // В кн.: Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 366; Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958. С. 101.

Подоплеку этих событий позволила выявить переписка по поводу перевода фабрики и покупки крестьян между правительством и купцом. См.: РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 27. Л. 2—14.

См.: Беллюстин И. Еще о движениях в расколе // Русский вестник. 1865. Т. 57. (№ 6). С. 762.

И.С. Беллюстин (1819-1890) – окончил в 1839 году тверскую духовную семинарию, от поступления духовную академию отказался. Практически всю жизнь прослужил священником в г. Калязин (Тверской губернии). Сотрудничал с рядом журналов и газет, известна его книга «Описание сельского духовенства» (1858 г.), вышедшая с помощью М.Н. Погодина в европейских странах. Официальные власти относились к нему настороженно, находился под надзором полиции.

Подробнее о нем см.: Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 531-532.

См.: *Нефедов Ф.Д.* Наши фабрики // Повести и рассказы. Т. 1. М., 1937. С. 14-15.

Ф.Д. Нефедов (1838-1902) – представитель народничества, входил в круг многих деятелей этого направления, друг и соратник известного писателя А.И. Левитова. Вырос в семье крестьянина-предпринимателя в Иваново, хорошо знаком с купеческой средой московско-владимирского региона. Очерк «Наши фабрики» написан в 1872 году. Иваново-вознесенский район он называл «нашим русским Манчестером» // Там же. С.3.

См.: *Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле в 2-х частях. Ч. 1 СПб., 1846. С. 187.

См.: *Козьмин Б.П.* Рабочее движение в России до революции 1905 года. М 1925. С. 21-22.

См.: Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1.С. 234.

См.: Вебер М. Протестантская этика дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

См.: *Васильев В.* Организация и самоуправление федосеевской общины на Преображенском кладбище в Москве. // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 611.

См.: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 241, Д. 23. Л. 186-187.

См.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 452. Л. 54.

Сам Ф.А Гучков решил не менять веру предков на общественное положение, которое занимал как крупный купец. Власти охарактеризовали его «закоренелым раскольников», арестовали и сослали г. Петрозаводск, где и он скончался.

Подробнее об этом см.: *Румынская И.Н.* Ф.А. Гучков в петрозаводской ссылке // В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. С 142-148.

См.: Братское слово. 1890. Т. 1 С. 604.

См.: Братское слово. 1891. Т. 2. С. 457.

На архивном хранении находятся дела, состоящие из нескольких сотен страниц жалоб купечества на временное право. См., например, РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. д. 35.

Письмо на имя Александра II от купцов-раскольников. 20 марта 1855 года. // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 35. С. 32.

Под этим письмом находятся подписи сорока крупных представителей торгово-промышленного мира. Среди них значится беспоповец Елисей Морозов, который некоторое время назад вынашивал планы об организации толка под названием морозовского, тем самым, желая увековечить свое имя. Однако теперь явно стало не до вдохновляющих перспектив, поскольку неопределенность положения ставило под угрозу основы всего дела.

См.: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 452. Л. 52-53.

Закревский А.А. (1782-1865) – граф, чиновник николаевской эпохи, являлся министром внутренних дел (1828-1831), но больше известен в качестве московского военного генерал-губернатора (1848-1859). Отличался самодурством, что, однако не мешало ему регулярно доставлять ходатайства староверов в правительство. С 1849 года он постоянно высказывался за разрешение поповцам иметь священников, зависимых от гражданских властей, препятствовал закрытию часовен на Рогожском и Преображенском кладбище. Отстранял чиновников центрального аппарата МВД, надзиравших за раскольниками, заменяя их своими подчиненными, чем вызывал гнев московского митрополита Филарета.

Подробнее об этих эпизодах см.: *Петров Н.* Дело о московских старообрядцах // *Русский вестник*. 1881. Т. 156. №12. С. 641-710.

См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 318. Л. 8, 32, 98-99, 131.

См.: *Миронов Б.Н.* Социально-политическая история России. Т. 1. СПб., 1999. с. 116.

См.: *Нифонтов Л.С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX века // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 246.

В качестве примеров сошлемся на Высочайше утвержденный устав товарищества Измайловской бумагопрядильной мануфактуры. 10 февраля 1861 года. Учредители – петербургский купец первой гильдии Ф. Мейер, потомственный почетный гражданин Л. Прен, московский купец второй гильдии Р. Гилль. // ПСЗ-2. №36603. Т. 36. Отд. 1. СПб 1863. С. 90; Высочайше утвержденный «Устав товарищества Шлиссельбургской ситце-набивной мануфактуры». 15 января 1865 года. Учредители – Выборгский первостатейный купец Э. Морган и подданные Великобритании В. Губард и Д. Максвелл с капиталом в один миллион рублей серебром. // ПСЗ-2. №41686. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 51; Высочайше утвержденный Устав товарищества под названием «Алтон-льнопрядильня». 11 февраля 1866 года. Учредители – Г. и Ф. Робинсоны, Ф. и О. Гар, Г. Нип. // ПСЗ-2. №42996. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 103-104. и др.

См.: «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов». 1 января 1863 года // ПСЗ-2. №39118. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. С. 3-15.

См.: *Вольтке Г.* Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. СПб., 1905. С. 20.

См.: «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов». 1 января 1863 года // ПСЗ-2. №39118. Т. 38. Отд. 1. Л. 7. Разрешение о совмещении государственной службы и коммерческой деятельности просуществовало до конца 1884 года, когда было запрещено: см.: «О порядке совмещения государственной службы и участия в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях». 3 декабря 1884 года // ПСЗ-3. №2559. Т. 4. СПб., 1887. С. 541-543

См.: «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов». 9 февраля 1865 года // ПСЗ-2. № 41779. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 170-175, 59.

См.: *Фармаковский В.* О противогосударственном элементе в расколе // Отечественные записки. 1866. Кн. 2. С. 633.

Данный документ хорошо известен, о нем писали многие исследователи: см., например, *Усов П. П.И. Мельников: его жизнь и деятельность. М., 1896 С. 263; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 331-332.*

См.: Дневник Ф.В. Чиждова // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 332. Кор. 2. Ед. хр. 9. Л. 24. Эту запись Ф.В. Чиждов сопроводил замечанием, что заносит данный факт, дабы в будущем, перечитывая эти строки, было бы, чем потешиться и развлечься.

См.: Старообрядческий адрес к Александру II. 20 апреля 1863 года // ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Секрет, архив. Д. 1506. Л. 1-2.

См.: Там же. Л. 3.

ОР РГБ. Ф. 246 (Рогожское кладбище). Кор. 208. Ед. хр. 2. Л. 52,
53-54.

Там же. С. 32об.

См.: ОР РГБ. Ф. 246. Кор. 209. Ед. хр. 2. Л. 47-48.

См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 649. Л. 7.

См.: *Субботин Н.* Современные движения в расколе // *Русский вестник*. 1863. Т. 46. №7. С. 402, 407.

См.: Записка Архиепископа Рижского Платона «Какие меры полезно принять касательно русских раскольников в религиозном отношении». 25 мая 1863 года // ГАРФ. Ф. 109 Оп. За. Секрет, архив. Д. 1507. 1-4.

Всеподданнейшая записка графа В.Н. Панина о раскольниках. 4
октября 1863 года // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2087. Л. 30.

Там же. Л. 13об.

См.: Там же. Л. 33-34.

Там же. Л. 34.

См.: Там же. Л. 41.

См.: Записка великого князя Константина Николаевича Александру II по вопросу об установлении единой системы управления сектантами // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 541. Л. 2-5.

См.: Журнал Особого Временного Комитета по делам о раскольниках. Заседания I – X от 14 марта – 19 мая 1864 года // РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 439. Л. 2-37.

Для составления проекта о браках между раскольниками при МВД учреждалась комиссия под председательством товарища министра кн. Лобанова-Ростовского. В 1868-1869 годах состоялось 13 заседаний комиссии, ее труды послужили основой проекта, внесенного в Государственный Совет 23 декабря 1872 года.

Весь следующий год проект рассматривали, и, наконец, 4 марта 1874 года прошло собрание Госсовета, возглавляемого в. кн. Константином Николаевичем. На заседании подчеркивалось, что дело о браках раскольников по своей важности соизмеримо с такими вопросами как освобождение крестьян и судебная реформа. С резкой критикой раскола выступил Победоносцев, назвав староверов отщепенцами от православия. Ему оппонировал А.В. Головин (бывший министр народного просвещения). Он заявил, что нынешних старообрядцев нельзя считать противниками власти и оставлять без прав, поскольку такое несправедливое отношение создает почву для недовольства, чем попытаются воспользоваться действительные враги государства. Головин выразил сожаление, что Комитет 1864 года не стал признавать законности религиозных обрядов раскольников и предоставил им разные льготы, исходя из этого, по сути, ограничившись полумерами. Его предложение заключалось в признании законными браки раскольников, занесенные в полицейские метрические книги. С возражениями выступил П.А. Шувалов. Как он отмечал, такой подход означает договор и здесь не просматривается религиозного элемента, а брак должен быть освящен обрядами. Получается, что христианское правительство вовсе не требует участия религии в столь важном деле. С другой стороны, многие опасались впечатления о признании государством самого раскола. В результате потребовалось дополнительное согласительное совещание в МВД, где решили, что браки раскольников получают силу и последствия законных через запись их в особые метрические книги. // РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 33. Л. 3-8.

См.: Возражения московского митрополита Филарета графу В.Н. Панину. 5 июля 1864 года // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 84 Л. 160-183.

См.: Письмо князя С.А. Урусова московскому митрополиту Филарету. 21 июля 1864 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 825. Л. 12.

См.: *Уэст Дж.* Макс Вебер в тени Антихриста: тезис Вебера и староверы // В кн.: Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX века. М., 2010. С. 19.

См.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2006. Т. 2. С. 431.

См.: *Никольский Н.М.* Раскол в первой половине XIX века // В кн.: *История реформ в России в XIX веке.* М., 2001. С. 375.

Белокриницкая иерархия (по названию местечка Белая Криница на Буковине в Австрийской империи) основана в 1846 году с присоединением к старообрядчеству митрополита босно-сараевского Амвросия. Этому предшествовали настойчивые попытки поповского согласия обрести каноническую устойчивость в получении служителей для исполнения религиозного культа. В течение долгого периода согласие пользовалось услугами беглых попов из господствующей церкви, которых перекрещивали по старому обряду. Однако масштабные николаевские гонения сделали невозможным продолжение этой практики. Тогда верхи поповщины нашли выход в присоединении к старообрядчеству опального боснийского митрополита, чтобы с его помощью провести постановление священнослужителей и тем самым дать новую жизнь своей иерархии.

Подробнее об этом, например, см.: Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 44-47; Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул. 1999. С. 160-314 и др.

В дореформенной России для управления городским хозяйством существовали: общая и шестигласная дума. По «городовому положению» 1785 года общая дума состояла из представителей трех купеческих гильдий, почетных граждан, мещан и ремесленников. Именно от этих шести городских слоев избиралась так называемая шестигласная дума. Она заседала еженедельно, тогда как общая дума выполняла лишь роль избирательной инстанции для нее, собиравшейся раз в три года. У шестигласной думы было мало прав, по сути, она находилась под контролем губернских властей. Определенную роль играл только городской голова: он представлял город, через него осуществлялись все сношения с губернской администрацией и с правительственными учреждениями.

Подробнее о городских органах управления см.: *Дитятин И.* Городское самоуправление в России. Т. 2. Ярославль. 1877. С. 166-167.

См.: Выписка из журнала Секретного комитета по делам о раскольниках. 6 сентября 1835 года // РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23034. Л. 16.

См.: *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Т. 2. СПб., 1869. С. 31-32.

См.: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х годов XIX века. Л. 1984. С. 80.

См.: Письмо Министра внутренних дел П. Валуева к Обер-прокурору Синода. 27 мая 1862 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 126. Л. 1-4

См.: Выписка из журнала Комитета министров. 23 марта 1863 года // РГИА. Ф. 1149. Оп. 6 (1863). Д. 28. Л. 1-3.

См.: «О выборе раскольников в общественные должности и о порядке их привода к присяге». 18 мая 1863 года //Там же. С. 15-18.

См.: Городская дума Нижнего Новгорода: история и современность. Нижний Новгород, 2009. С. 28-50.

См.: *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума. 1863-1917
годы. М., 1998. С. 37.

См.: *Боборыкин П.Д.* Китай-город. Т. 1. М., 1897. С. 22 // Собрание романов, повестей и рассказов в 12 томах.

См.: *Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 116.

См.: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х-начале 90-х годов XIX века. С. 169-170.

См.: Наши общественные дела // Отечественные записки. 1873.
№3. С. 117-118.

См.: *Материкин Л.В.* Царицынская городская дума. 1870-1914 годы. Волгоград, 2008. С. 47-53.

См.: Народное хозяйство. 1901. №12. С. 127.

См.: Петербургская городская дума. 1846-1918 годы. СПб., 2005.
С. 32.

Подробнее об этих проектах в монографии *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л. 1978.

Записка В. Мещерского в.кн. Александру Александровичу и Марии Федоровне. 1870 год. (на франц. языке) // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 106. Л. И об.

См.: Там же.

В.П. Мещерский (1839-1914) – известный российский деятель, писатель, публицист, внук знаменитого придворного историка Н. Карамзина. Приверженец самодержавия и противник любых попыток его ограничения посредством конституционных или каких-либо еще представительных форм. Автор целого ряда художественных произведений патриотического характера, например, «Хочу быть русской» (1877). Находился в дружеских отношениях с Александром III, при дворе которого пользовался влиянием, протектировал ряду лиц в назначении на ведущие государственные должности. Играл видную роль и при Николае II, выступая врагом либеральной интеллигенции.

См.: Место «смутной» партии (передовая) // Гражданин. 1886. 27 апреля (№34).

См.: *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России. (Письмо V). СПб., 1882. С. 58.

См.: Там же. С. 59.

См.: Там же. (Письмо VII). С. 73-75.

См.: Там же. (Письмо XII). С. 137.

См.: *Либерман А. Федор Васильевич Чижов. Краткий биографический очерк.* М., 1905. С. 5-24.

См.: Там же. С. 34-35.

См.: Дневник Ф.В. Чиждова // ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 2-12, 26-27.

См.: *Симонова И.* Федор Чижов. М., 2002. С. 229.

См.: Письмо И.С. Аксакова Ф.В. Чижову. 27 мая 1876 года // ОР
РГБ. Ф. 332. К. 15. Ед. хр. 10. Л. 9.

См.: Письмо И.С. Аксакова Ф.В. Чижову. 11 мая 1876 года // Там же. Ед. хр. 8. Л. 2.

Подробнее об этом издании см.: *Цымбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 130-137.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. Секрет, архив. Д. 1314. Л. 3-6.

См.: Передовая // Москва. 1868. 9 августа.

См.: *Чичерин Б.Н.* Земство и Московская дума. Воспоминания. М., 1934. С. 176.

См.: И.С. Аксаков в письмах. Т. 3. С. 428.

См.: *Чичерин Б.Н.* Земство и московская дума. М., 1934. С. 179.

Исключение составлял лишь либерал Б.Н. Чичерин, возглавлявший Московскую городскую думу в 1882-1883 годах. Смещения его с поста добивались и славянофилы и Катков.

См.: Дневник П. А. Валуева. Т. 2. Пг., 1919. с. 133-134.

См.: Там же. С. 222.

См.: Историческое обозрение старообрядческого раскола и о необходимости изучения различных раскольничьих сект. 5 октября 1866 года. // Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. С. 467.

См.: Передовая // Московские ведомости. 1863. 16 ноября.

См.: Сементовский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность. СПб., 1891. С. 77.

См.: Московское купеческое собрание. Исторический очерк. М., 1914. С. 38.

См.: *Любимов Н.А.* М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. 231-232.

Подробнее об этом конфликте см.: Там же. С. 247-259.

См.: Письмо В. Мещерского Ф. Чижову. 16 февраля 1871 года // ОР РГБ. Ф. 332. К. 20. Ед. хр. 18 Л. 2.

См.: Из записной книжки московского старовера // Гражданин.
1876. 9 мая. С. 401.

О нем см. например, *Майоров Р.А.* Внутренний мир петербургского единоверческого священника Иоанна Верховского // В кн.: старообрядчество. История. Культура. Современность. Великий Новгород, 2010. С. 154-166.

См.: *Верховский И.* К вопросу о старообрядцах // Гражданин. 1876. № 34-35. 25 октября. С. 868.

См.: Там же. С. 871-872.

Например, мнение о том, что московское купечество находилось под идейным влиянием славянофильства, давшему предпринимательскому миру программу и, тем самым, объединившему его перед лицом власти, высказывается российским ученым Ю.А. Петровым // См.: *Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика*. М., 2002. С. 227.

Л. Кноп (1821-1894) – партнер буржуазии центрального региона, основной поставщик европейского оборудования для текстильной и легкой отраслей. Обладая информацией о производственных потребностях Москвы, он с успехом выступал в роли заказчика на промышленных предприятиях Манчестера. Л. Кноп обязался заказывать технику только здесь, а производители должны были сбывать свою продукцию в Россию исключительно через него. Кроме этого, Л. Кноп предоставлял льготные условия расплаты для того, кто заказывал через него оборудование. С 1852 года работал его торговый дом в Москве, принял российское подданство.

См.: *Шульце-Геверниц Г.* Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. М., 1901. С. 75-80.

Л. Кноп на комиссию оборудовал ему фабрику, поддерживал техническое обслуживание, снабжал хлопком, а обеспечением всего этого стали акции и векселя предприятия, перешедшие к нему в залог. Но после Сергеев забросил дело, поведя расточительный образ жизни. Немец, посмотрев на все это, решил предъявить ему финансовые претензии и потребовал уплаты. Однако тот, используя удобный момент, умудрился выкрасть книгу со своими акциями и обязательствами из кноповского офиса.

См.: *Шульце-Геверниц Г.* Указ. соч. С. 84-85.

Некоторые авторы приписывают Л. Кнопу небрежное отношение к русской старообрядческой клиентуре, которую он считал необразованной, косной и неспособной к прогрессу. Высказываются мнения, что он тоном диктатора указывал староверческим фабрикантам, чем им надо заниматься: больше молиться, собирать картины, но только не касаться производственных дел. Л. Кноп объявляется агентом английского империализма, поддерживающим русских старообрядцев, чтобы из них выпестовать в будущем неполноценную буржуазию. На наш взгляд, комментарии здесь излишни.

См.: Д. Галковский. Как работали против России // <http://www.vz.ru>.

Л. Кноп активно занимался поставкой сырья для тех ткацких фабрик, которые им же и переоборудовались. В этом хозяйственном аспекте, в определении ценовой политики ощущается его активное участие. В 1857 году им основана Кренгольмская прядильная мануфактура под Нарвой (Эстония). Место для предприятия обусловило его удобное расположение у нарвского водопада, что позволило с избытком получать дешевую энергию. В результате мануфактура, оснащенная новейшим оборудованием, стала поставщиком недорогой, но качественной пряжи на фабрики московско-владимирского региона. Это предприятие Л Кноп учредил вместе с известными представителями староверческого капитализма К.Т. Солдатенковым и А.И. Хлудовым.

Этот любопытный факт выявлен российским исследователем Ю.А. Петровым // См.: *Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предприниматели и политика*. С. 183.

См.: Финансовые предложения на приобретение Николаевской железной дороги, образуемым в Москве Товариществом // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3344. Л. 757.

См.: Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884. С. 191-192.

См.: Кокорев В. Экономические провалы. Из воспоминаний. М., 2002. С. 276; Уортман Р. Сценарии власти. Т. 2. М., 2004. С. 253-254.

Бабст И.К. (1821-1881) – известный экономист, преподавал в Казанском университете, где выступил с речью «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», сделавшей его популярным в научных кругах страны. С 1857 года профессор Московского университета, автор ряда книг, участвовал в изданиях Чижова и Аксакова, публикуя статьи по экономической проблематике. В 1862 году приглашен учителем экономики к цесаревичу Николаю, а после его кончины к Александру – будущему императору, сопровождал его в поездках по стране. Тесно сотрудничал с московским купечеством, участвуя в продвижении банковских проектов, много лет возглавлял крупнейший банк Москвы – московский купеческий, из-за чего в 1874 году оставил профессию. Подробно о нем см.: Чупров А.И. Иван Кондратьевич Бабст. М., 1881.

См.: Докладная записка уполномоченных Московского Товарищества по приобретению Николаевской железной дороги // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3344. Л. 462-463.

См.: *Дельви́г А.И.* Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 465.

См.: «Главное общество российских железных дорог». 6 февраля 1868 года // *М.Н. Катков*. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1868 год. М., 1897. С. 70.

См.: Передовая «Московских ведомостей» от 14 июля 1868 года // Там же. С. 339.

См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3533. Л. 332-335.

См.: Ходатайства московских и других русских фабрикантов и заводчиков между 1811 и 1816 годами // Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. Т. 3. СПб., 1865. С. 155-159, 179.

См.: Всеподданнейшее прошение московских фабрикантов о некоторых изменениях в ныне действующем тарифе. 25 октября 1827 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 404. Л. 2-8; Записка московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына «Об упадке в Москве торговой промышленности». 7 ноября 1840 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1065. Л. 3-4.

А.П. Шипов (1800-1878) – из дворян костромской губернии, учился в институте путей сообщений, откуда отчислен за дуэль с преподавателем, в течение 10 лет служил в Преображенском полку, затем состоял по ведомству государственных имуществ в г. Костроме. Основал там механический завод, сблизился с московским купечеством. Автор многих трудов по российской экономике, страстно выступал за введение высоких пошлин на иностранные товары. Будущее страны А.П. Шипов связывал с развитием отечественной промышленности. Вместе с Ф.В. Чижовым участвовал в издании журнала «Вестник промышленности». Пользовался большим уважением в купеческих кругах. В 70-х XIX века являлся председателем Нижегородского ярмарочного комитета.

Например, сошлемся на сведения о такой встрече, проходившей 23 февраля 1856 года в особняке почетного гражданина А.И. Хлудова, на которой присутствовали 15 крупнейших действующих лиц промышленной Москвы и, где А. Шипов читал отрывки из своего сочинения «О значении хлопчатобумажной промышленности в России» // РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1584. Л. 30.

См.: *Шунов А.П.* Практическое применение к началам рационального тарифа. СПб., 1868. С. 286.

См.: Всеподданнейший доклад министра финансов М. Рейтерна по вопросу о пересмотре таможенного тарифа. 30 июня 1867 года // РГИА. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1. Л. 65-66.

См.: Заседание экспертной комиссии по статьям тарифов о бумажной пряже и тканях. 28 ноября 1867 года // РГИА. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1. Л. 700.

См.: Там же. Л. 712.

См.: *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 186.

См.: Там же. С. 191.

См.: Там же. С. 192.

См.: Там же. С. 207.

См.: Прокламация «К русскому купечеству». 1870 год // Литературное наследие. Т. 41-42. М., 1941. С. 141.

См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. Секр. Архив. Д. 1963. Л. 1-2.

См.: Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. М., 1891. С. 172-174.

Барятинский А.И. (1815-1879) – российский фельдмаршал, командовал войсками на Кавказе в ходе заключительной стадии военных действий. Его адъютантами тогда были Р.А. Фадеев и И.И. Воронцов-Дашков. Отличался славянофильскими взглядами, высказывая ряд идей в рамках данного идеологического русла. В частности, ратовал за перенос столицы из Петербурга в Киев, подальше от онемеченной бюрократии, поближе к славянским истокам. Александр II с иронией воспринимал подобные предложения. Затем фельдмаршал предлагал вмешаться в конфликт 1866 года между Пруссией и Австро-Венгрией, что, по его убеждению, привело бы к развалу австрийской империи, чьи славянские территории отошли бы к России, под сенью которой объединятся все славянские народы.

См.: Записка об отношении правительства к расколу в Кубанском и Терском казачьем войске // РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. д. 25. Л. 330.

См.: Записка «О создании министерства коммерции и промышленности» (без подписи) // РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 292. Л. 12-17. Российский исследователь Л.Е. Шепелев считает, что вероятным автором данной записки являлся Ф.В. Чижов // См.: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л. 1981. С. 53.

См.: Письмо Общества для содействия русской промышленности и торговли в распорядительный комитет по устройству промышленного съезда в Москве. 17 января 1872 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

См.: Письмо Министра финансов М.Х. Рейтерна в Министерство внутренних дел. 23 мая 1872 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 286. Л. 2-5.

Такое положение дел хорошо известно, наглядные примеры приводятся советским исследователем, изучавшим российский капитализм В.Я. Лаверычевым // См.: *Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России*. М., 1974. С. 47-48.

См.: Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. Т. 2. С. 449-460 // Собр. соч. в 8-ми томах. М.,

Из докладной записки по этому делу явственно просматривалось, что вопрос о хлебном продовольствии для предотвращения голода, послуживший поводом для просьбы, отошел на второй план, сделавшись частью обширного проекта, где продовольственная нужда сочеталась с кредитными задачами для торговли и промышленности. Данный проект представлялся прихожанином Рогожского кладбища купцом О.Л. Свешниковым. Однако, в течение 9 лет, никакого ответа от правительства не получено. Лишь в 1843 году купечество решилось напомнить о проекте по созданию хлебного магазина и Городового банка. Однако новый военный генерал-губернатор Москвы князь А.А. Щербатов дал понять, что настаивать на данной просьбе не стоит// См.: История Московского купеческого общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1916. С. 370-374, 393.

См.: *Симонова И.* Федор Чижов. С. 211.

См.: Высочайше утвержденный устав Петербургского частного коммерческого банка. 28 июля 1864 года // ПСЗ-2. № 41122. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. С. 664-668.

См.: Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского // Русская старина. 1915. №11. С. 209.

См.: Там же. С. 211.

См.: Там же // Русская старина. №12. С. 412-413.

См.: Устав Московского Купеческого банка. 1 июня 1866 года // ПСЗ-2. №43360. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 613-622.

См.: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы (конец XIX века – 1914 год). М., 1998. С. 28.

См.: *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 224.

См.: Речь, сказанная Сергеем Игнатьевичем Сазиковым на обеде данным учредителями Московского учетного банка Алексею Ивановичу Абрикосову. М., 1871. С. 3.

См.: Волжско-Камский коммерческий банк. Краткий обзор за 25-лет (1870-1894 годы). СПб., 1895. С. 10.

См.: Там же. С. 4.

См.: Московские ведомости. 1899. 22 января.

См.: *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 220, 234.

См.: Письмо Цесаревича Александра в К.П. Победоносцеву. 6 апреля 1875 года // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 39.

См.: Нечто о «смутной» партии (передовая) // Гражданин. 1886. 27 апреля. (№34).

См.: Доклад Д.И. Менделеева «Об условиях развития заводского дела в России» // Труды Высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного обществом для содействия русской промышленности и торговли в Москве в июле 1882 года. СПб., 1883. С. 8-9.

См, например, наиболее яркое выступление Г.А. Крестовникова // Там же. С. 264-265.

См.: Речь Министра финансов Н. Х. Бунге // Там же. С. 119.

Заявление Московского биржевого комитета «По вопросу о транзите иностранных товаров через Закавказский край. 5 ноября 1882 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 24-26.

См.: *Куприянова Л.В.* Буржуазия и проблемы протекционизма в России. 1860-1880 годы // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 2000. С. 185, 197.

См.: О Закавказском транзите // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. Часть 13. СПб., 1883. С. 128-129.

См.: *Половцев А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 2005. С. 40.

См.: Там же. С. 132.

См.: Передовая // Московские ведомости. 1884. 29 января.

См.: Там же.

См.: *Половцев А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 212-213.

См.: Там же. С. 209-210.

Подробно о жизненном пути и деятельности Шарапова см.:
*Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и
программа преобразований. Автореферат дис. на соискание уч. степ.
канд. истор. наук. М., 1995.*

См.: *Шарапов С.Ф.* Речь о промышленной конкуренции Лодзи и Сосновиц с Москвой // *Шарапов С.Ф. Сочинения. Т. 1.* СПб., 1892. С. 84.

См.: Там же. С. 92.

См.: Там же.

См.: *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 190.

См.: Письмо за подписями 24-х крупных фабрикантов Центрального региона в Московский биржевой комитет. 23 ноября 1883 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 61. Л. 53-54.

См.: Письмо Министерства финансов в Московский биржевой комитет. 15 января 1884 года // Там же. Л. 62-62об.

См.: Письмо ряда фабрикантов Центрального региона в Московский биржевой комитет. 15 ноября 1888 года // Там же. Л. 115.

См.: Письмо членов Московского биржевого комитета. 1 мая 1889 года // Там же. Л. 137.

См.: Ярмарочная хроника // Нижегородские губернские ведомости. 1887. 26 августа.

См.: Докладная записка торгующего на нижегородской ярмарке всероссийского купечества // Нижегородские губернские ведомости. 1887. 2 сентября.

См.: Записка Министерства финансов «Об общем пересмотре таможенного тарифа» в Государственный совет. 1891 год // РГИА. Ф. 1152. Оп. И. Д. 225. 4.5. Л. 526.

См. например.: Свободная торговля и покровительственная система 4 июня 1885 года // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1885 год. М., 1898. С. 321-322.

См.: Ходатайство Вольного экономического общества об изменениях в русском таможенном тарифе // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 225. Ч. 5. Л. 229об.

См.: *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое. 1991. №2. С. 39.

См.: *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг. 1917. С. 290.

См.: Проект Устава Каспийского банка. М., 1889. С. 2-3.

См.: Об утверждении Устава «Русского торгово-промышленного банка в С-Петербурге» // Собрание узаконений и распоряжений правительства 1890 год. Первое полугодие. СПб., 1890. 248-255.

См.: Волжско-Камский коммерческий банк. Краткий обзор за 25 лет (1870-1894 годы). СПб., 1895. С. 4.

Подробнее о противодействии С.Ю. Витте валютным спекуляциям См.: *Ильин С. С.Ю. Витте. М., 2006. С. 144-150.*

См.: Письмо Московского биржевого комитета к Министру финансов С.Ю. Витте. 27 января 1893 года// ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 157. Л. 1-2.

См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О некоторых изменениях в постановление о биржах». 8 июня 1893 года // ПСЗ-3. №9742. Т. 13. С. 412-413.

См.: Письмо Н.А. Найденова к биржевому маклеру Шлезингеру.
26 августа 1895 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 157. Л. 5-6.

См.: О выкупе казной Московско-Курской железной дороги. 1893 год // РГИА. Ф. 273. Оп. 15. Д. 277. Л. 1-16; О приобретении в казну Донецкой железной дороги. 1893 год // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 107. Л. 43-54.

См.: *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 22.

См.: РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 787.

См.: Положение о стипендиях статс-секретаря, д.т.с. М.Х.
Рейтерна // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

См.: *Сенчакова Л.Т.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. Серия «История». 1967. №2. С. 67-73.

См.: *Дорошевич В.М.* Воспоминания. М., 2008. С. 24.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 486 // Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.

См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924.
С.144.

См.: *Половцев А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 415.*

Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889-1898 годы. (вступительная статья и комментарии С.В. Куликова). М., 2009. С. 301, 331.

См.: Дело по ходатайству московских раскольников о распечатывании алтарей в часовнях Рогожского кладбища. 2 апреля 1880 года // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4507. Л. 5-12.

См.: Валуев П.А. Дневник (запись от 14 апреля 1880 года). Т. 2. Пг., 1919. С. 83.

Маков Л.С. (1830-1883) – чиновник МВД, прослуживший там долгие годы, являлся начальником канцелярии министерства, товарищем министра А. Тимашева, затем в 1878-1880 годах и министром. На посту министра Маков пробыл недолго. Он покончил жизнь самоубийством в 1883 году из-за участия в неудачной финансовой махинации.

См.: Всеподданнейший доклад Министра внутренних дел. 14 июня 1879 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 78. Л. 368-369.

См.: *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 258.

См.: Адрес старообрядцев-беспоповцев прихожан Преображенского богадельного дома в Москве Александру II по случаю 25-летия его царствования (107 подписей) // ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1 .Д. 58. Л. 1.

См.: Уортман Р. Указ. соч. С. 253-254.

В феврале 1865 года один раскольник, прибыв в Петербург с каким-то прошением, обратился к А.В. Адлербергу, прося его посодействовать нужному решению. За эту услугу графу было предложено 100 тыс.руб. взаймы, на какой угодно срок. Опасаясь гнева императора, А.В. Адлерберг все же отказался // См.: ГАРФ. Секрет, архив. За. Д. 1508. Л. 8-9.

См.: Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца (1880-1883 годы). М-Л 1927. С. 29.

См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». 3 мая 1883 года // ПСЗ-3. № 1545. Т. 3. СПб., 1886. С. 219-221.

См.: РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 25. Л. 306.

Рассмотрению этого закона предшествовало обращение московских старообрядцев в Государственный совет, где они напоминали о своих заслугах перед престолом и отечеством.

См.: записка московских старообрядцев, приемлющих священство. 9 февраля 1883 года // ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 824. Л. 1-6.

См.: Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца (1880—1883 годы). С. 145.

См.: Дарование льгот раскольникам. 19 мая 1883 года // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1883 год. М., 1898. С. 237-238.

См.: *Половцев А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 54-55.

См.: Раскольничий патриотизм // Истина. 1885. Кн. 100. С. 33-34.

См.: Письмо Обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева
Министру внутренних дел Д.А. Толстому. 22 сентября 1888 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 101. Л. Л. 5.

См.: Сведения о расколе // Истина. 1886. Кн. 104. С. 9-10. Савватий (1825-1898) – архиепископ московский и всея Руси (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию), в 60-х годах неоднократно арестовывался по обвинению в пропаганде раскола. Возведен в архиепископский сан после смерти в 1882 году архиепископа Антония // См.: Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 247-248.

См.: Записка «Раскольничьи учреждения в Москве, принадлежащие последователям Австрийской лжеиерархии» // РГИА. Ф. 796. Оп 445. Д. 337. Л. 27-29.

См.: *Половцев А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 294.*

См.: Из бумаг Обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 59. Л. 6-6об.

См.: Всеподданнейший доклад Министра внутренних дел. 9 января 1886 года//РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 91. Л. 15-17.

См.: *Кельсиев В.И.* Исповедь // Литературное наследство. Т. 41-42. М., 1941. С. 302.

См.: Сектанская Москва // Утро России 1917. 12 февраля.

См.: Объяснительная записка к проекту нового устава Преображенского богадельного дома // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 107а. Л. 45об.

См.: Письмо Московского военного генерал-губернатора В.А. Долгорукова в МВД. 25 мая 1889 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 101. Л. 46об.

См.: По отношению Московского генерал-губернатора о сделанном потомственной почетной гражданкой Е.П. Соколовой завещания в пользу Преображенского богадельного дома // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 132. Л. 2-8.

См.: *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. М., 1978. С. 195-196.

См.: *Найденев Н.А.* Вспоминая о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 156.

См.: *Морской А.* Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса. М., 1913. С. 100.

См.: *Воронцов В.П.* Очерки экономического строя России. СПб., 1908. С. 100; *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990. С. 167; *Кузьмичев А.Д., Петров Р.Р.* Русские миллиончики. Семейные хроники. М., 1999. С. 51.

В пореформенный период старообрядческий характер этих регионов не изменился, хотя внешне раскольников казалось меньше. Николаевские гонения сделали свое дело: многие под давлением властей поспешили записаться в православные или в единоверие. Например, на Урале управляющий горнозаводской отраслью генерал Глинка, пользуясь своей неограниченной властью, задался целью присоединить преобладающий староверческий элемент к единению с господствующей церковью. Генерал насильно причислял массы раскольников к РПЦ или единоверию, заставляя их детей крестить по православному.

Подробнее о благотворительности в обстоятельной монографии Г. Ульяновой. На наш взгляд, дальнейшая разработка данной темы связана с выявлением конфессиональной принадлежности этого исторического феномена // Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914 годы. М., 1999.

См.: Истина. 1877. Кн. 51. С. 29.

К примеру, астраханские беспоповцы (никудышкины) выводили доказательства о проявлении антихриста в Александре III // РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 436. Л. 9об. (Записка департамента духовных дел МВД о согласиях и толках старообрядчества и сектанства).

См.: *Достоевский Ф.М. Дневник писателя*. Т. 27. М., 1984. С. 21-22 // Полн. Собр. Соч. в 30-ти томах.

См.: *Успенский Г.И.* Новые времена, новые заботы. Т. 3. С. Н//
Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1956-1957.

См.: *Нефедов Ф.Д.* Наши фабрики // Повести и рассказы. Т. 1. М., 1937. С. 21.

См.: *Дионисиев Д.* Движение в расколе // Отечественные записки. 1874. №11. С. 115.

См.: Там же. С. 114.

См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О правилах для учреждения Православных церковных братств». 8 мая 1864 года // ПСЗ-2. №40863. Т. 39 Отд. 1. СПб., 1867 С. 409-410.

См.: Высочайше утвержденное Положение «О приходских попечительствах при православных церквях». 2 августа 1864 // ПСЗ-2. №44144. Т. 39. Отд. 1. С. 690-691.

644

См.: Там же.

См.: *Папков А.А.* Упадок православного прихода (XVIII-XIX вв.). М., 1899. С. 80.

См.: *Он же*. Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1900. С. 61-62.

Подробно о кружке А.И. Васильчикова См.: Подколзин Б.И. Петербургский кружок кн. А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60-70-е годы). Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. М., 1994.

См.: Стенографический отчет политико-экономического комитета Императорского Вольного экономического общества. 5 января 1872 года //Труды ВЭО. 1872. Т. 2 Вып. 2. С. 210.

См.: Стенографический отчет политико-экономического комитета Императорского Вольного экономического общества. 14 марта 1872 года // Там же. С. 436, 465.

См.: Выступление кн. А.И. Васильчикова // Там же. С. 210-211.

Правительство обратило серьезное внимание на вопросы организации различных кооперативов лишь в середине 90-х годов XIX века, только теперь устройство мелкого кредита было признано государственным делом. Во второй половине 90-х начинает создаваться правовая база кооперативного движения, принимается и целый ряд законов по этому направлению.

См.: *Фигуровская Н.К., Подколзин Б.И.* Петербургский кружок кн. А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России //В Кн.: Кооперация. Страницы истории. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2001. С. 5-33.

См.: Стенографический отчет политико-экономического комитета Императорского Вольного экономического общества. 5 января 1872 года // Труды ВЭО. 1872. Т. 2. Вып. 2. С. 217.

См.: *Чукмалдин Н.* Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1899. С. 59.

См.: Труды ВЭО. 1872. Т. 2. Вып. 2. С. 209.

См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О противозаконных обществах». 27 марта 1867 // ПСЗ-2. №44402. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. С. 330.

См.: *Дихтяр Б.В.* Внутренняя торговля в дореволюционной России М., 1960. С. 150.

См.: *Горемыкин И.Л.* Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. Т. 1. СПб., 1893. С. 305.

См.: Там же. С. 76.

См.: *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. СПб 1910. С. 136.

См.: Рабочее движение в России в XIX веке / Под ред. А. М. Панкратовой. Т. 2. Ч. 1. М., 1950. С. 35-45.

См.: Там же. С. 46, 50-51, 488-500.

Для нашего исследования эти стачки представляют интерес. Даже в таком советском академическом издании содержатся любопытные сведения о забастовках. Так, по поводу волнений на Нижне-Тагильском заводе Демидова говорится, что началом стачки летом 1874 года послужило введение на предприятии рабочих книжек. В связи с чем распространились слухи, что их раздача происходит с целью снова закрепостить людей. Как установила прибывшая из Петербурга комиссия, к противоправным действиям подстрекали раскольники-староверы, объявившие гербовую печать на рабочих книжках «печатью антихриста». Роль раскольников в организации беспорядков на заводе не вызывает удивления, более того она выглядит вполне закономерной, если вспомнить, кто в основной массе работал на уральских заводах.

См.: Записка генерал-майора Е. Богдановича о причинах возникновения и мерах борьбы с революционным движением в России. 9 марта 1880 года // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 646. Л. 27об.

См.: Предшественница морозовской стачки (публикация А.М. Панкратовой, В.М. Соколова) // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 140.

Там же. С. 154.

666

См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 37. Д. 855. Л. 2-4.

См.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К столетию морозовской стачки. М., 1985. С. 81, 101.

См.: ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Д. 2. Ч. 3. Л. 49; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. I. М., 1952. С. 126-127.

См.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М. Указ соч. С. 117.*

См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. I. С. 345.

671

См.: ГАРФ. Ф. 109. 1878, 3 экзд. Д. 40. Л. 37-38.

См.: *Лядов М.* Как зародилась московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников московского рабочего союза (1893-95 г.г.). М., 1932. С. 75,52.

См.: *Спиридович Л.И.* Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 98.

См.: *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России. 1882-1914 годы. М., 2009

См.: Выступление Министра внутренних дел В.К. Плеве на заседании Государственного совета по делу об учреждении старост в промышленных заведениях. 7 мая 1903 года // РГИА. Ф. 1153. Оп. 1.Д. 153. Л.92об.

См.: *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. М., 1934. С. 323.

См.: Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России. Вторая половина XIX века. М., 1947. С. 106.

См.: Янжул И.И. О пережитом и виденном. 1864-1909 г. г. М., 2006. С. 223-224.

См.: *Мартов Л.* Развитие крупной промышленности и рабочего движения. Пг. 1923. С. 27.

См.: *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 221.

См.: Янжул И.И. Указ. соч. С. 224.

См.: *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Екатеринбург, 2007.
С. 112-113.

См.: Там же. С. 115.

О том, кем в конфессиональном плане действительно была семья Коноваловых можно узнать у П.И. Мельникова-Печерского. В романе «В лесах» он пишет о раскольнике Коновалове:

«выискался смышленный человек с хорошим достатком, нашего согласия был, по древнему благочестию, Коноваловым прозывался, завел небольшое ткацкое заведение, с легкой его руки дело и пошло да пошло... Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось».

См.: П.И. Мельников (Андрей Печерский). Т. 3 М., 1976. С. 361 // Собр. соч. в 8-ми томах.

Это отмечал известный профессор Г.В. Вернадский. См.:
Зеньковский А.С. Русское старообрядчество. Т. 2. С. 356.

См.: *Ленин В.И. Что делать?* // Поли. собр. соч. Т. 6. М., 1979. С. 90.

В мае 1907 года в докладе V съезду РСДРП об отношении к буржуазным партиям Ленин повторял свой неизменный вывод:

«буржуазия не может быть вождем нашей революции»

// Полн. собр. соч Т. 15. М., 1979. С. 332.

См.: *Ленин В.И.* Анкета об организациях крупного капитала. Май 1907 года // Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1980. С. 295-296.

Тезис об отсталости российской буржуазии органично вытекал из ленинско-сталинского наследия. Нужно сказать, что это утверждение начало ставиться под сомнение уже в советское время. Историки И.Ф. Гиндин и А.Л. Сидоров в 60-х годах XX столетия доказывали состоятельность отечественного предпринимательского класса, не являвшегося, по их убеждению, простым придатком западного бизнеса. Наиболее же полно миф о недееспособности российской буржуазии развеян в работах В.И. Бовыкина. Однако эти важные научные выводы затрагивали исключительно лишь сферу экономики, не касаясь политической области.

См.: *Ленин В.И.* Указ соч. // Там же. С. 302.

В советской историографии наиболее полные наблюдения о существовании различных групп российской буржуазии сделаны В.Я. Лаверычевым. Он, в частности, подчеркивал, что петербургская буржуазия абсолютно не желала ничего менять в своем положении, поскольку ее самые тесные отношения с правительством позволяли легко решать любые нужные вопросы. Однако этого нельзя сказать о московском клане, который стремился к более выгодным позициям, но не получал желанного. В исследовании рассмотрено позиционирование московской буржуазии, ориентированной, прежде всего, на рынок, и не связанной с казенными заказами и со столичными банками, контролировавшимися бюрократией и иностранным капиталом. Отсюда ее большая независимость, в конце концов, перешедшая в оппозиционность. Разумеется, религиозный фактор формирования основных буржуазных групп России оставался за рамками исследования. // См.: Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 22.

См.: *Амфитеатров А.В. Дрогнувшая ночь* (Памяти хорошего человека С.Т. Морозова посвящается этот роман). СПб., 1914. С. 55.

Из 218 статей русского тарифа снижение было произведено по 71. Наибольшее уменьшение ставок коснулось шерстяной, камвольной и красильной продукции // См.: Субботин Н.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. М., 1996. С. 75.

См.: Таможенное покровительство и овцеводство // Московские ведомости. 1894. 26 января.

См.: Германия ликует? // Московские ведомости. 1894. 2 февраля.

696

См.: Новое время. 1894. 1 февраля.

См.: Московские ведомости. 1894. 30 января.

См.: К русско-германскому договору // Гражданин. 1894. 5 февраля.

См.: Московские ведомости. 1894. 26 января.

См.: Русско-германский договор // Гражданин. 1894. 6 марта.

701

См.: Гражданин. 1894. 5 февраля.

См.: Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. Т. 8. СПб., 1897. С. 21.

См.: Выступление В. И. Тимирязева // Там же. С. 31-32.

В частности, руководитель департамента торговли и промышленности министерства финансов приводил такую цифру:

«Как известно, соглашение наше с Германией застало нас в таком положении, что наш вывоз, главным образом хлеба, оказался поставленным в условия неравномерные с вывозом других конкурирующих стран; а именно, нашему хлебу пришлось с 1892 года оплачивать при ввозе в Германию пошлину в размере пяти марок, в то время как другие – три марки»

// Там же. С. 31.

См.: Там же С. 21.

На отделении, где обсуждалась российская таможенная политика, за понижение пошлин высказался 51 участник, а за сохранение – 45. На общем заседании съезда 14 августа 1896 года также прошло голосование по этим резолюциям. При чем каждого голосующего по отдельности приглашали к председательствующему Д.Ф. Кобеко и каждый подавал свою записку секретарю. В результате за понижение тарифов высказались 140 человек, за сохранение – всего 63. // См.: Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. Т. 1 (общая часть). СПб., 1897. С. 41.

См.: *Ерманский А.* Крупная буржуазия до 1905 года. // *Общественные движения в начале XX века*, (под редакцией Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова). Т. 1. СПб., 1909. С. 346.

О конфликте С.Т. Морозова и С.Ю. Витте во время проведения Нижегородского съезда и ярмарки см.: *Амфитеатров А.В. Жизнь человека неудобного для себя и для многих. Т. 1. М., 2004. С. 242-243; Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 53-54.*

См.: Хроника // Нижегородские губернские ведомости. 1896. 21 августа.

См.: *Скоробогатый Д.* Насущный вопрос // Нижегородские губернские ведомости. 1896. 28 августа.

См.: Главный экономический вопрос (передовая) // Новое время.
1896. 22 апреля.

См.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973. С. 237-245.

В следующем 1897 году в рамках Особого совещания по делам дворянства С.Ю. Витте еще более резко развил данную аргументацию. Он пророчески обещал, что через 50 лет дворянство при нынешних условиях своего существования *«останется только при чести»* // Там же. С. 294-295.

См.: Финансовые фантазии А.Я. Антоновича // Московские ведомости. 1896. 9 апреля.

См.: *Большаков С.* Наш новейший «капитализм» // Русский труд. 1898. 25 апреля.

См.: Дневник А.С. Суворина. Запись от 14 апреля 1896 года. М., 1999. С. 215.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 96.

См.: Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете Министров в 90-е годы XIX века // Исторический архив. 2002. №2. С. 187.

«Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи». // См.: Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 181-182 (публикация И.Ф. Гиндина).

См.: Там же. С. 184.

См.: Там же. С. 185.

См.: Там же. С. 191.

Из дневника А.А. Половцева // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 119-120.

См.: Постановление Московского биржевого общества // Московские ведомости. 1899. 22 января.

723

См.: Там же.

См.: Там же.

См.: Влияние иностранного капитала // Московские ведомости.
1899. 9 марта.

См.: Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России (под ред. Н.Ф. фон Дитмара). Харьков. 1908. С. 106-107.

См.: Из Москвы // Русский труд. 1897. 19 июля.

См.: Волынец А. Иностранцы и наша южная горнопромышленность. // Московские ведомости. 1898. 18; 21; 22; 24; 25; 28; 30; 31 декабря.

Подробнее об этом, см.: *Соловьев Ю.Б.* Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема // Из истории империализма в России. Сб. статей. М-Л. 1959. С. 361-380.

Великий князь Александр Михайлович (1862-1933) – сын в. кн. Михаила Николаевича, четвертого сына Николая I, который пользовался расположением Александра III, назначившего его Председателя Государственного Совета. В.кн. Александр Михайлович был женат на родной сестре Николая II Ксении Александровне. Он выступал оппонентом С.Ю. Витте по многим вопросам. Не случайно, в своих мемуарах тот выставляет его в крайне неприглядном свете. В.кн. Александр Михайлович на почве нелюбви к иностранному капиталу сблизился с верхушкой московского купеческого клана. В частности, предавал их прошения по разным вопросам непосредственно Николаю II, с братьями Рябушинскими занимался организацией строительства первых отечественных самолетов.

См.: «Докладная записка в.кн. Александра Михайловича императору Николаю II о нецелесообразности передачи российской нефтяной промышленности на Каспии иностранным компаниям и о мерах по развитию нефтедобычи на участках в Бакинском уезде». 20 марта 1898 года // ГАРФ. 543. Оп. 1. Д. 579. Л. 1-9.

См.: Федоров М. Письма о русской промышленности и иностранных капиталах // Торгово-промышленная газета. 1899. 24 января; 26 января; 27 января.

См.: Откровенные ходатаи // Торгово-промышленная газета. 1899.
29 января.

734

См.: Там же.

См.: *Авдаков Н.* Горнопромышленное движение на юге России. // Новое время. 1896. 16 августа.

См.: *Карцев А.С.* Иностранный капитал // Торгово-промышленная газета. 1899. 26 февраля.

737

По поводу рабочих беспорядков // Новое время. 1901. 11 мая.

Вел.князь Сергей Александрович (1857-1905) – дядя императора Николая II, женатый на родной сестре императрицы. В 1891 году Александром III был назначен московским военным генерал-губернатором. Однако сразу вступил в конфронтацию с купечеством. Впоследствии в.кн. Сергей Александрович не упускал ни одного удобного случая досадить московскому купечеству. Убит 5 февраля в Кремле эсером-террористом Каляевым. Зубатов С.В. (1864-1917) – начальник московского охранного отделения. Ранее был связан с революционными кругами, затем порвал с ними и перешел на службу в полицию. Стал автором политики по полицейскому руководству рабочим движением. Впоследствии отстранен от работы, узнав об отречении Николая II, покончил жизнь самоубийством.

См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919
годы. Кн. 1. М., 1992. С. 53.

См.: Записка В.Н. Коковцова С.Ю. Витте. 19 июля 1898 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 43. Д. 6. Л. 1-4.

Как подчеркивал Зубатов, нужно внушить рабочим, что в их отношениях с работодателями интеллигенция, даже самая передовая, а тем более, учащаяся молодежь никогда и ничего им дать не смогут уже по одному тому, что интересы их совершенно противоположны. Поэтому опираться в своих домогательствах они могут только на крепкую правительственную власть.

См.: Отрывки из воспоминаний Д.Н. Любимова (1902-1904 годы)
// Исторический архив. 1962. №6. С. 76.

См.: *Герасимов А.Я.* На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С.157.

См.: ГАРФ. Ф. 63. 1902. Д. 115. Т. 1. Л. 79.

744

См.: Заявление фабриканта Колосова Ф.Т. 8 марта 1902 года // ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-2.

Заявления рабочих с различными жалобами на администрацию предприятий, просьбами о повышении расценок содержатся в.: ГАРФ. Ф. 63. 1902. Д. 25. Т. 2.

В ходе манифестации рабочие выражали желание, чтобы день 19 февраля как славная дата отечественной истории был объявлен ежегодным праздником // ГАРФ. Ф. 102. 1902. Д. 95. Л. 4.

См.: Письмо из Москвы по парижскому адресу. 15 апреля 1902 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1902. Д. 5. Ч. 2. Л. 49.

О неудачах революционного движения в Москве говорилось и на II съезде РСДРП. В докладе о московском социал-демократическом движении отмечалось:

«Несомненно, самой главной причиной является зубатовщина. Здесь вполне оправдываются слова «Искры», что полицейский разврат нам страшнее полицейского насилия»

// II съезд РСДРП. Июль-август 1902 года. Протоколы. М., 1959. С. 635.

Зубатов С.В. Из переписки с МВД. // Каторга и ссылка. 1925. №14. С. 116.

Этот любопытный эпизод С. Зубатов комментировал следующим образом:

«я относил означенные слухи к злостным инсинуациям со стороны оппозиционной интеллигенции, теперь же для меня стало ясно..., что в сказках народной молвы рельефно выступает наше чисто национальное мировоззрение; очевидно, политика беспристрастия и справедливости в рабочем вопросе глубоко задела сердце и ум народа, и последний, сиюсь понять, дает им поэтическое и идеально монархическое объяснение. С одной стороны, это доставляет мне высшее духовное наслаждение, так как дает наглядное доказательство тому, что я верно схватил и усвоил себе смысл нашего национального идеала, а с другой, оно образно рисует те концы, к коим несомненно приведет легализация рабочего движения, т.е. к укреплению и пышному расцвету именно идеи монархической, а не либерально-демократической»

// Там же.

См.: Морской А. Зубатовщина. Страничка из рабочего вопроса в России. М., 1913. С. 129.

См.: Письмо Ф.А. Слепова к рабочим в механическом производстве. 17 октября 1902 года // ГАРФ. Ф. 63.1901. Д. 1090. Т. 5. Л. 85.

См.: Там же. Л. 86-87.

752

См.: Там же. Л. 88.

См.: Письмо С.В. Зубатова в МВД. 1 сентября 1901 года // Каторга и ссылка. 1925. №14. С. 109.

754

См.: Прошение фабрикантов г. Москвы в Министерство финансов.
27 марта 1902 года // ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

755

См.: Там же.

756

См.: Там же. Л. 17-18.

См.: Совещание в министерстве финансов для выяснения положения на фабриках и заводах г. Москвы и настроениях рабочих. 4 апреля 1902 года // ГАРФ. Ф. 102.1902. Д. 76. Л. 125-126.

См.: Былое. 1917. № 4. С. 162-163.

759

См.: Дневник Л.А. Тихомирова // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

См.: Записка из 17 пунктов о встрече фабрикантов г. Москвы с начальником московского охранного отделения Зубатовым // ГАРФ. Ф. 102. 1902. Д. 76. Л. 155-158.

Письмо министра финансов С.Ю. Витте министру внутренних дел В.К. Плеве. 21 августа 1902 года // Там же. Л. 154.

Завершал Витте свое письмо любопытным замечанием:

«...сведения сообщены мне московскими фабрикантами совершенно доверительно, почему факт доставления ими этих сведений не подлежал бы оглашению, дабы не поставить фабрикантов в неудобное положение»

// Там же.

Как отмечали современники тех событий, соперничество С.Ю. Витте и В.К. Плеве, помимо личной неприязни, представляло собой идейное противостояние экономиста и государственника-администратора // См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 248.

763

См.: Дневник Л.А. Тихомирова // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 11. Л. 8-9.

См.: Былое. 1917. №4. С. 178.

Реакция соратников Зубатова на его перевод в Петербург была удручающей. Один из активистов движения М.А. Афанасьев писал ему 12 сентября 1902 года:

«после вашего отъезда в отделении чувствовалась какая-то пустота, и тот гостеприимный кабинет, в котором так много проведено для меня дорогих часов, казался каким-то необитаемым и неуютным»

// ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

См.: Выступление С.Ю. Витте на заседании Государственного Совета по делу об учреждении старост в промышленных заведениях. 2 мая 1903 года // РГИА. Ф. 1153. Оп. Д. 153. Л. 37-37об.

Как он подчеркивал:

«По-новому закону собрание всех рабочих фабрики воспрещены, только через старост. Они не только фактически, но и юридически будут уполномоченными рабочих. В отсутствии законодательной санкции следует искать причину того обстоятельства, что самая деятельность, имеющихся уже кое-где уполномоченных или выборных от рабочих не может приобрести надлежащего значения, как по отношению к заводчику, так и в особенности к властям»

// Там же.

См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении старост в промышленных предприятиях». 10 июня 1903 года // ПСЗ-З. №25122. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. С. 734-735.

См.: Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (Из наблюдений и практики в период 1894-1908 годов). М., 1911. С. 249.

768

См.: Запрос Св. Синода к Министерству финансов. 4 мая 1900
года // РГИА. Ф. 22. Оп. 5. Д. 161. Л. 2.

См.: Донесение С.В. Зубатова в Департамент полиции МВД. 4 февраля 1902 года // ГАРФ. Ф. 102. 1898. Д. 2. Ч. 1. Л. 4.

См.: *Тихомиров Л.А.* Чем живет человеческое общество // Московские ведомости. 1902. 29 сентября.

См.: Докладная записка обер-прокурору Св. Синода «Об учреждении в Москве для усиления борьбы с расколом наблюдения за его деятелями и отдельными случаями в его жизни». 28 января 1897 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 67. Д. 27. Л. 2-4.

См.: Журнал Особого совещания. 5 февраля 1900 года // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 58. Л. 110.

См.: Там же. С. 114-115.

Обращение по поводу мер, предпринимаемых в сем XX веке к преследованию в России старообрядцев. 15 января 1900 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 29. Л. 15.

775

См.: Объяснительная записка В.К. Плеве. 14 декабря 1900 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 29. Л. 70-70об.

См.: Прошение старообрядцев Николаю II о сохранении за ними их прав по закону от 3 мая 1883 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 141. Л. 1-2.

См.: Всеподданнейший доклад Министра внутренних дел Д.С. Сипягина. 8 марта 1901 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 29. Л. 17об-18,20.

Учреждение всероссийских съездов, а по факту собраний старообрядцев-поповцев, весьма любопытная страница истории раскола. В начале эти мероприятия возникли в рамках этого согласия в качестве оппозиции крупному купечеству Москвы со стороны старообрядческой провинции. Инициатором созыва съездов на постоянной основе стал епископ уральский Арсений (Швецов). Будучи известной фигурой староверия, он даже выдвигался на ключевой пост архиепископа московского, но не был поддержан крупным купечеством. Съезды стали собираться ежегодно в Нижнем Новгороде во время ярмарки. Их участники критиковали Москву за отрыв от миллионов единоверцев, предлагали перенести московскую архиепископскую кафедру во Владимир, чтобы уменьшить влияние купеческой элиты. Понятно, что все эти инициативы вызвали опасения со стороны Москвы. Активными деятелями съездов являлись Д. С. Сироткин, М.И. Бриллиатов, Ф.Е. Мельников и др. Для признания большей легитимности своему начинанию они в 1902 году выезжали в Белую Криницу к митрополиту Афанасию, от которого получили необходимое благословение. С 1905 года московское крупное купечество признало съезды и, чтобы не создавать ненужного напряжения, начинало принимать участие в их работе. Денежную помощь съездам, проводившимся с 1906 года уже на Рогожском кладбище в Москве, оказывали П.П. Рябушинский, П.С. Расторгуев, С.М. Кузнецов, А.И. Морозов и др.

Материалы об этой ситуации См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 12. Ч. 3; Д. 12. Ч. 3. Л. Б.

Например, См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 76.

Григорьевский М. Полицейский социализм в России. СПб., 1906. С. 43.

См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-80-х годов. М., 1964.

Для примера приведем весьма профессиональную монографию, где нащупываются новые подходы в исследовании общественного подъема в начале XX века. См.: *Павлов С.Б. Опыт первой русской революции. 1900-1907 годы.* М., 2008.

В частности, Бунге разъяснял наследнику престола суть и значение реформ Александра II, характеризуя их как благотворительные для России. См.: Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. 1991. №2. С. 34.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 500-501.

Как вспоминал чиновник МВД В.И. Гурко, Николай II не руководствовался желанием сохранить в своих руках неограниченную власть, а глубоким убеждением, что Россия не доросла до самоуправления и передача государственной власти в руки общественности была бы губительной для страны // Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 580.

См.: Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. № 6 (19). С. 128.

Эту идею подробно обосновывали российские правоведы. См., например, *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса. 1913. С. 302.

См.: *Киреев А.А. Дневник. 1905-1910 годы.* М., 2010. С. 78.

См.: 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив.
1930. №2(39). С. 67.

Сольский Д.М. (1833-1910) – сподвижник великого князя Константина Николаевича (младшего брата Александра II). Он являлся секретарем Государственного совета, управляющим II канцелярии Е.И.В. С 1878 по 1889 годы – Государственный контролер. Затем в Государственном совете, где возглавлял Департамент экономии, утверждавший бюджеты всех министерств и ведомств. С 1903 года, по болезни великого князя Михаила Николаевича, исполнял обязанности Председателя Государственного совета.

См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 417, 429; *Его же.* Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 115.

См.: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 95.

См.: Высочайше утвержденное Утверждение Государственного совета. 30 марта 1901 года // ПСЗ-3. №19883. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. С. 177.

См.: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 42.

Подробнее об Особом совещании по нуждам сельскохозяйственной промышленности см.: *Симонова М.И.* Кризис: аграрная политика царизма накануне первой русской революции. М., 1987.

См.: Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения-2007. СПб., 2008. С. 27.

См.: *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1991. №2. С. 118-119.

Характерен пример, известного в будущем кадета Ф.И. Родичева, который с середины 70-х годов XIX века проявлял недовольство самодержавием, распространял разные конституционные петиции. Ему воспрещалось жительство в обеих столицах и университетских городах, а также участие в сословных собраниях и выборах.

См.: Справка о Родичеве Федоре Измайловиче (1856 г.р.) // ГАРФ. Ф. 102. 1905. Д. 999. Ч. 43. Л. 13-15.

См.: ГАРФ. Ф. 102. 1898. Д. 6. Ч. 47. Л. 3-3об., 74-75.

См.: Донесения чиновника МВД по особым поручениям Рачковского. 16-28 октября 1894 года // Там же. Л. 75.

См.: *Тихомиров Л.А.* Почему я перестал быть революционером?.
М., 1896. С. 24.

См.: *Шидловский С.И.* Воспоминания. Кн. 1. Берлин. 1923. С. 186.

См.: Сумбатов-Южин А.И. Джентельмен. // Сумбатов-Южин А.И. Пьесы. М., 1961. С. 357,364.

См.: М. Горький. Фома Гордеев. Т. 3. М., 1960. С. 211 // Собр.соч. в 17-ти томах. М., 1960-1963.

См.: Там же. С. 217.

Здесь хотелось бы отметить один крайне любопытный и явно не случайный факт: обличитель купеческих нравов Фома Гордеев – выходец из старообрядчества. Его мать казачка-старообрядка с Урала, о чем предусмотрительно замечено в начале повествования. Когда же Ф. Гордеев начинает бурно протестовать против купеческо-буржуазного бытия, то Маякин предполагает, что это у него «*материно, староверческое*» прорывается. Тем самым, как бы противопоставляются истоки справедливости, берущие начало в расколе и купцы, оторвавшиеся от народа. Наиболее отвратительным образом купеческого дельца в повести является старовер Ананий Щуров, сживший со свету своего родного сына // Там же. С. 10, 103, 158.

См.: ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

Данный вывод делался московским охранным отделением в контексте предложения о помощи купечеству в преодолении сложившегося вокруг него негативного имиджа. Полицейское учреждение считало, что торгово-промышленное сословие могло бы рассчитывать на его поддержку для реставрации своего незавидного положения. Но этого нельзя осуществить без доверия к полиции, а вот его-то у купечества имеется немного.

Эти слова взяты из многочисленных пассажей Якова Маякина о роли купечества // См.: Горький М. Фома Гордеев. Т. 3. С. 158.

См.: *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 228.

Подробнее об этом см.: *Гавлин М.Л.* Предприниматели и становление русской национальной культуры // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 2000. С 467-549.

См.: *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин и его дело. М., 2003. С. 28.

См.: *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.
С. 213.

См.: ГАРФ. Ф. 102. 1898. Д-3. Оп. 96. Д. 1813. Л. 21.

См.: *Кизиветтер А.А.* На рубеже веков. Воспоминания. 1881-1914 гг. М., 1997 С. 272.

См.: Дневник А.С. Суворина. М., 1999. С. 324.

См.: *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1960. С. 123.

См.: *Кочетков П.* Орудие борьбы // 1905 год в Тверской губернии. Тверь 1925. С. 106-107.

Подробно об издательском пути Сабашниковых: См.: *Белов С.* Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1994.

См.: Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995. С. 290-291.

В репертуар театра в начале XX столетия постоянно входили пьесы А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского и др.
// См.: Московский художественный театр в иллюстрациях и документах. 1891-1938. М., 1938. С. 40-41

В своих мемуарах К.С. Станиславский перечисляет известных старообрядческих предпринимателей конца XIX – начала XX столетия П.М. Третьякова, М.В. Сабашникова, С.И. Щукина, А.А. Бахрушина, С.И. Мамонтова, С.Т. Морозова и др. // См.: *Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве*. М-Л. 1931. С. 37-38.

См.: *Бахревский В.А.* Савва Мамонтов. М., 2000. С. 396-397.

Напомним, что операцию по разорению С.И. Мамонтова вел тесно связанный с правительством Петербургский международный коммерческий банк. После ареста С.И. Мамонтова московское купечество хлопотало о его освобождении под огромный залог до 1 млн. руб., но власти в ответ увеличили сумму залога до 5 млн. руб. После краха С.И. Мамонтова Частная опера стала испытывать трудности; в начале 1904 года распущена.

См.: *Бахревский В.А.* Указ. соч. С. 364.

См.: Секринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995. С. 138-141.

См.: Д.И. Шаховской. Доклад на Учредительном съезде «Союза освобождения». 3-5 января 1904 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 69.

826

См.: Копия письма с подписью «Л-въ» в г. Штутгарт г-ну Ф. Цунделю. 2 апреля 1903 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 860. Л. 8об.

827

См.: Рапорт начальника нижегородского охранного отделения в Департамент полиции МВД. 1 апреля 1903 года. // ГАРФ. Ф. 102. ОО.1898. Д. 9. 4.2. Л. Б. С. 49.

828

См.: Там же.

См.: *Пайнс Р. П.Б. Струве. Биография. Т. 1. М., 2001. С. 373.*

830

См.: Дневник А.А. Бобринского //РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292.
Л. 12, 117об, 121-122.

См.: Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 282.

См.: Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Лена» к Н. Плотниковой в Псковскую губернию. 7 июня 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 24. Л. 38.

См.: *Шестаков А.В. (Никодим)*. В цикле 25 лет // Путь к Октябрю.
Вып. 3. М., 1923. С. 21.

См.: «Окружники». Второй вечер воспоминаний (Масленников) //
Путь к Октябрю. Вып. 2. С. 117.

См.: *Шаццiлo К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов. М., 1986. С. 292-293.

См.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1906 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 17.

См.: *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Прага. 1934. С. 355.

См.: «Заявление 74 гласных, рассмотренное и единогласно принятое в собрании Московской городской думы». 30 ноября 1904 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 50. Л. 2об-3.

См.: *Ерманский А.* Крупная буржуазия // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1910. С. 63-64.

840

См.: Дневник А.А. Бобринского // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292.
Л. 118об.

С.И. Четвериков выехал со своего предприятия на железнодорожную станцию, но в это время на фабрику прибыл полицейский пристав. Узнав, что хозяин только что отъехал, он приказал немедленно вернуть его обратно. За Четвериковым были посланы казаки, которые, настигнув его, потребовали вернуться, ударив фабриканта-миллионера пару раз нагайкой // *Четвериков С.И. Безвозвратно ушедшая Россия. Б. г. С. 51-52.*

См.: Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 260.

См,: Именной Всеподданнейший указ «О предназначениях к усовершенствованию государственного порядка». 12 декабря 1904 года// ПСЗ-З. №24495. Т. 24. Отд. 1. СПб 1907. С. 1196-1198.

См.: Письмо И.И. Петрункевича сенатору К.З. Постовскому // Архив русской революции. Т. 21. Берлин. 1934. С. 457.

См.: *Мусин-Пушкин В.В.* Воспоминания // Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 67.

Например, чиновник МВД В.И. Гурко следующим образом характеризовал П.Н. Святополк-Мирского:

«Едва ли не отличительной его чертой было желание жить со всеми в мире, и чувствовать себя окруженным благожелательной атмосферой... Он просто по основному свойству своего характера не только не был склонен к принятию каких-либо и кого-либо раздражающих мер, но вообще был лишен того, что называют хваткой».

// Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 351.

См.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 467.

См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919
годы. Кн. 1. С. 58.

См.: *Шунов Д.Н.* Воспоминания о пережитом. С. 303.

См.: *Киреев А.А. Дневник. 1905-1910 годы.* С. 19.

См.: Из дневника князя А.Д. Оболенского // Красный архив. 1925. №4-5 (11-10). С. 75.

См.: Письмо С.Ю. Витте к Обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву. 25 марта 1905 года // Красный архив. 1928. №5 (30). С. 112.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 332.

См.: Дневник А.А. Бобринского // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292.
Л. 148об, 150об.

См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время.* СПб., 1999. С. 17-20.

См.: Письмо С.Ю. Витте к Министру просвещения В.Г. Глазьеву.
17 января 1905 года // Красный архив. 1925. №4-5 (11-12). С. 28.

См.: Записка А.С. Ермолова. 17 января 1905 года // Красный архив. 1925. №1 (8). С. 54-55.

См.: *Вутте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 370.

См.: Там же. С. 371.

См.: Именной высочайший указ, данный сенату «О возложении на Совет Министров, сверх дел ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения, поступающих на Высочайшее Имя от частных лиц и учреждений видов и предложений по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». 18 февраля 1905 года // ПСЗ-З. №25853. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. С. 133.

См.: Манифест «О призыве властей и населения к содействию Самодержавной Власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней». 18 февраля 1905 года // ПСЗ-З. №25852. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. С. 132-133.

См.: Письмо Вильгельма II к Марии Федоровне (матери Николая II). 6 февраля 1905 года // Красный архив. 1925. №2 (9). С. 65.

См.: *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж. 1988. С. 285.

См.: Выписка из полученного агентурным путем письма к А. Самойловой в г. Казань. 1 апреля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. 00. 1905. Д. 1000. Л. 9.

См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже веков. Воспоминания. М., 1997.
С. 168.

866

См.: ГАРФ. Ф. 63.1904. Д. 806. Т. 2. Л. 10.

См.: Съезд «Союза земцев-конституционалистов» в Москве. 9-10 июля 1905 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 364.

См.: Донесение Московского градоначальника в Департамент полиции. 29 апреля 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. 1904. Д. 806. Т. 2. С. 43,72-73.

См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 282.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 372.

См.: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин. 1938. С. 40.

872

См.: Дневник А.А. Бобринского // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292.
Л. 203-203об.

См.: К вопросу об организации будущего представительства // Русские ведомости. 1905. 6 июля.

См.: Общероссийский съезд земско-городских деятелей в Москве. 6-8 июля 1905 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 277.

См.: *Медушевский А.Н.* Сергей Андреевич Муромцев //Российские либералы. М., 2001. С. 277.

См.: Там же. С. 279-280, 286.

См.: Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. №6 (19). С. 132.

В подтверждении значимости законодательного органа власти Муромцев приводил пример отношения к Председателю французской палаты депутатов со стороны Александра III. Во время посещения Парижа тот первые визиты сделал к Президенту и Председателю палаты, но не министрам.

См.: *П. Н. Милуков*. С.А. Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. М., 1911. С. 44.

879

См.: Там же.

См.: *Кокошкин Ф.Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Там же. С. 224-225.

См.: Там же. С. 227.

См.: Там же. С. 226.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 48.

См.: Из записок Ф.А. Головина // Красный архив. 1933. №3 (58).
С. 146.

885

См.: Там же.

См.: Докладная Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 113.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 549.

См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 67.

См.: *Кокошкин Ф.Ф. С.А. Муромцев и земские съезды* // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. С. 240.

См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 72.

См.: Земцы и сенатор Постовский // Освобождение. 1905. 18 (5) сентября. С. 506.

См.: Выписка из письма В. Вернадского к Е.А. Короленко в Петербург. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1.Т. 2.Л. 160.

См.: Докладная записка Отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 29 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 159-159об.

См.: Письмо И.И. Петрункевича к сенатору К.З. Постовскому // Архив русской революции. Т. 21. С. 459.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 69, 165.

См.: Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 70.

Например, эту тему обсуждал И.И. Петрункевич с С.Н. Трубецким. Их разговор не оставлял сомнений в уверенности оппозиции относительно планов правительства по учреждению думы.

См.: *Трубецкая О.* Из пережитого // *Современные записки.* Париж. 1937. С. 308-309.

См.: Письмо Вильгельма II к Николаю II. 22 августа 1905 года // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 годы. М., 2007. С. 387.

См.: *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 228.

См.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 306-307.

См.: Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 340.

См.: Доклад В.Е. Якушкина на Общероссийском съезде земских и городских деятелей в Москве. 12-15 сентября 1905 года //Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. С. 404.

903

См.: Там же.

См.: Там же. С. 406.

См.: Там же. С. 405.

См.: *Киреев А.А. Дневник. 1905-1910 годы.* М., 2010. С. 88.

Вильям Стед (1849-1912) – британский журналист, много писал об английском флоте. С 1871 года издавал газету «Северное эхо», с 1890 – «Review of reviews». В ходе гаагской международной конференции был представлен российскому императору Николаю II, в последующие годы имел у него аудиенции, где, в частности, обсуждал проблемы политических реформ. Погиб во время катастрофы на «Титанике» в 1912 году.

См.: В. Стэд. В защиту моей жизни // Слово. 1905. 14 сентября; Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября; В. Стэд. Царь и народ // Московские ведомости. 1905. 16 сентября.

См.: Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 342-343; Киреев А. А. Дневник. С. 88.

См., например, Добрый мистер Стэд // Сын Отечества. 1905. 16 сентября; Еще о мистере Стэде // Сын отечества. 1905. 17 сентября.

См.: *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Тайны Русско-японской войны. М., 1993. С. 42, 46-47.

См.: Там же. С. 80.

См.: Там же. С. 53-55.

Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 193.

См.: Докладная Л.А. Ратаева в Департамент полиции. 13 апреля 1905 года//ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Л. 182об.

См.: III съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 105-106.

См.: Выступление Максимова // Там же. С. 108.

См.: Там же. С. 115.

См.: Там же. С. 118.

См.: Резолюция «О вооруженном восстании» //Там же. С. 450-451.

См.: Состав Государственной думы (передовая) // Сын Отечества.
1905. 17 августа.

См.: Передовая // Сын Отечества. 1905. 9 августа.

См.: Письмо Председателя Московского биржевого комитета Н.А. Найденова к Министру финансов В.Н. Коковцову. 14 июля 1905 года // РГИА. Ф. 150 Оп. 1. Д. 373. Л. 29.

Хотя надо признать, что и в этом вопросе начали происходить позитивные сдвиги. Наиболее ярким примером является монография польского ученого Э. Вишневы, специально изучавшего московское купечество и его участие в первой русской революции. Автор не соглашается с краеугольным тезисом советской историографии о контрреволюционности крупной русской буржуазии // Вишневы Э. Капитал и власть в России. М., 2006. С. 297.

См.: *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 287.

О попытках буржуазии создать свою партию подробно см.:
Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 годы. Л. 1987. С. 77-82.

См.: ГАРФ. Ф. 63. 1905. Д. 793. Л. 30-31.

См.: Там же. С. 39-40.

См.: Бурьшкин П.А. Москва купеческая. С. 263.

См.: ГАРФ. Ф. 63. 1905. Д. 793. С. 68-69.

См.: Там же. С. 94.

М. Горький упоминал С. Морозова, Н. Мешкова, Н. Бугрова, Н. Зарубина, которые были связаны с революционерами. См.: Горький М. Н.А. Бугров. Т. 18. М., 1963. С. 207 // Собр. соч. в 18-ти томах.

В мемуарной литературе приводятся данные, что только С.Т. Морозов потратил на социал-демократическую партию (или как называли тогда – анархистов) в общей сложности несколько миллионов рублей // См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 348; *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 167.

См.: Высочайше утвержденные Правила о вознаграждении потерявших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. 2 июня 1903 года // ПСЗ-З. №25060. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. С. 600.

Утверждения о политической направленности рабочего движения со стороны московской буржуазии звучали постоянно и открыто // См.: Докладная записка группы фабрикантов и заводчиков центрального района В.Н. Коковцову; Заявление от группы московских фабрикантов; Докладная записка в Высочайше учрежденную комиссию для обсуждения мер и упорядочивания быта и положения рабочих на фабриках и заводах империи // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 484. Л. 59-63, 66-68, 92-103.

См.: *Спиридович А.И.* Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 86.

Беседа двух старообрядческих миллионеров пересказана присутствовавшим на ней Горьким. См.: *М. Горький*. Н.А. Бугров. Т. 18. С. 209.

См.: Рабинович Р.И. Опальный миллионер. Пермь. 1990. С. 64.

См.: Там же. С. 69-70.

См.: *Пастухов И.* Мои краткие отрывочные воспоминания о личных переживаниях и о прохождении суровой школы жизни // *Путь к Октябрю*. Вып. 3. М., 1923. С. 60.

939

См.: Там же.

См.: Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 378.

См.: Там же. С. 456.

См.: *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 673.

См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 26 ноября 1905 года // ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Оп. 1. Д. 609. Л. 98.

Автор письма крупный ивановский фабрикант, бывший головою городской думы, – И.Н. Дербенев. По крестьянскому происхождению он являлся типичным представителем купеческой буржуазии центрального региона. И.Н. Дербенев постоянно участвовал в заседаниях Московского биржевого комитета и в своих письмах домой сообщал немало интересных подробностей относительно внутренних настроений в купеческих верхах.

См.: Листовка РСДРП «Накануне вооруженного восстания» // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 44. Т. 1. Л. 287 об.

Подсчитано по: Докладу начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице начальнику С-Петербургского жандармского управления. 14 апреля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 5. Ч. 1. Л. А. С. 110-113.

Создание Совета рабочих депутатов Петербурга всегда оставалась крайне болезненной темой советской историографии. Истоки формирования этого боевого пролетарского органа восходят к комиссии сенатора Н.В. Шидловского, образованной для изучения нужд рабочих после кровавых событий 9 января. В комиссию должны были войти выборные петербургских заводов и фабрик. Однако на деле там оказались представители интеллигенции вряд ли когда бывавшие на предприятиях. Радикально-либеральные круги воспользовались выборами в комиссию. В архивных делах имеется множество заявлений, где рабочие уполномачивали на защиту своих интересов других лиц. В результате к началу работы комиссии пришли практически одни интеллигенты. Как, например, присяжный поверенный Носарь, которому передал мандат рабочий завода Чешера Хрусталева. Увидев это, власти распустили комиссию, но, заявившиеся туда персоны не думали расходиться, собираясь по квартирам. Вот эта-то группа осенью 1905 года и объявила себя Советом рабочих депутатов Петербурга.

См.: *Радин Б.* Первый Совет рабочих депутатов. СПб., 1906. С. 7.

На заседании Совета рабочих депутатов чествовали ветерана революционного движения В. Засулич, надо полагать малознакомой пролетарским массам. После долгих лет эмиграции (с 1878 года, после покушения на Ф. Трепова) она приехала в Россию. По этому случаю приветственную речь произносил член Совета – Л. Троцкий // См.: *Зензинов В. Пережитое*. Нью-Йорк, 1953. С. 216-217.

Подробнее об этом, см.: Революционное христианство. Письма Мережковских к Борису Савинкову. (Вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Е.И. Гончаровой). СПб., 2009. С. 22, 29, 58, 262, 269 и др.

См.: *Андреев Л.Н.* Романы. Повести. Рассказы. М., 2008. С. 689.

См.: Рабинович Р.И. Опальный миллионер. С. 74.

См.: Донесение Л. Ратаева директору Департамента полиции
МВД // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1. Ч. 1. Л. 41.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1380. Ч. 26. Л. 2.

См.: *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 503.

См.: *Голлербах Е.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 31, 66.

956

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 999. Ч. 43. Л. 26об.

См.: Программа конституционно-демократической партии.
Октябрь 1905 года //Там же. С. 89.

См.: *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-07 годов. М., 1983. С. 128.

См.: «Чего хочет конституционно-демократическая партия?» // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 265. Л. 204.

Один из членов кадетской партии А. Голицын успокаивал своих сторонников, информируя о получении денег от торгового дома Рябушинских. 1 декабря 1906 года // См.: ГАРФ. Ф. 102. 00. 1 905. Д. 725. Ч. 46. Л. 15.

См.: Издание «Союза 17 октября» «О Государственной думе». 15 ноября 1905 года // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 265. Л. 110.

Это заключение С.Ю. Витте высказал Министру просвещения И.И. Толстому, когда тот оценивал шансы кадетов и октябристов на предстоящих выборах в Москве // См.: *Толстой И.И. Мемуары*. М., 2002. С. 271.

См.: «Легальные» и подпольные революционеры // Московские ведомости. 1905. 8 марта.

См.: На чей счет содержатся революционные шайки? // Московские ведомости. 1905. 19 марта.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 56. Т. 1. Л. 35.

См.: *Островский А.В.* Сентябрьские события 1905 года в Москве
// Политическая история России первой четверти XX века. СПб., 2006.
С. 137-142.

См.: *Сытин И.Д.* Жизнь для книги. М., 1960. С. 159.

См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 143-144.

См.: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 43. Л. 81, 84.

См.: Письмо товарища Министра внутренних дел Д.Ф. Трепова Министру путей сообщений М.И. Хилкову. 9 октября 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2555. Л. 145-145об.

См.: Донесение Начальника московского жандармского полицейского управления железных дорог в Департамент полиции. 8 октября 1905 года // Там же. С. 124,126.

См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 87.

См.: Письмо Министра финансов В.Н. Коковцова к Д.Ф. Трепову.
9 октября 1905 года //Там же. С. 159-159 об.

См.: Заявление выборных от фабрикантов г. Москвы к Московскому генерал-губернатору // Русское слово. 1905.16 октября.

975

См.: Там же.

См.: Письмо Председателя Московского биржевого комитета Н.А. Найденова к Московскому генерал-губернатору П.П. Дурново. 21 сентября 1905 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 235. Л. 24-24об.

Найденов, в течение 25-ти лет, возглавлявший Московский биржевой комитет, с трудом вписывался в перемены, происходившие в купеческой среде. Он так и не смог адаптироваться к переходу купеческой буржуазии на конституционно-либеральные ценности. Особенно это стало заметным в 1905 году в период обострения отношений с правительством. Найденов опасался поддерживать радикальные инициативы купеческой элиты, но уже ничего не мог поделать с этими настроениями. Он скончался в ноябре 1905 года.

См.: Письмо Московского градоначальника к Московскому генерал-губернатору. 28 сентября 1905 года // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 45. Л. 111.

См.: Там же. С. 103.

См.: Письмо Штаба Московского военного округа к Московскому генерал-губернатору. 12 ноября 1905 года // Там же. С. 115.

См.: *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж 1936. Ч. 2. С. 398.

См.: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин. 1938. С. 55.

См.: *Ерман Л.К.* Всероссийская почтово-телеграфная стачка 1905 года // Исторические записки. Т. 53. М., 1955. С. 119.

См.: Туннель. Накануне суда (очерки экономической и политической борьбы почтово-телеграфных служащих России). М., 1908. С. 19-20.

См.: Там же. С. 22.

См.: Доклады С.Ю. Витте Николаю II. 20 ноября 1905 года // Революция 1905 года и самодержавие. Сб. док. М-Л. 1928. С. 25.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2100. Л. 94-96.

См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 72.

988

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2100. Л. 98.

См.: «Манифест первого всероссийского почтово-телеграфного съезда». 24 ноября 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2100. Т. 2. С. 1.

См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 26 ноября 1905 года // ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 609. Л. 98.

См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 12 января 1906 года // Там же. Л. 104.

См.: Письмо Петербургского биржевого комитета к торгово-промышленным сообществам России. Начало декабря 1905 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 235. Л. 26-26об.

См.: Доклад Ю.П. Гужона Московскому биржевому комитету. 6 февраля 1906 года // Там же. Л. 74-76.

См.: Декабрьское восстание в Москве 1905 года. М., 1920. С. 221.

См.: Письмо М. Горького Е.П. Пешковой. 2 декабря 1905 года // *Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах Т. 28. М., 1954. С. 396.*

См.: Выписка из письма служащего на телеграфе в 53-м отделении г. Петербурга. 15 ноября 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2100. С. 105об.

Князь С.И. Шаховской выдавал денежные пособия для организации забастовок на фабриках Гоппера, Ронталлера, Миронова, Кушнерева, Союзу столяров и др. См.: Протокол допроса Н.П. Шмидта. 21 декабря 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 839. Л. 39об.

См.: Анонимное письмо, полученное графом С.Ю. Витте. 2 декабря 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2203. Л. 102-ЮЗ.

В письме сообщалось:

«всей анархией командует «стачечный комитет», находящийся в Москве... сюда входят Стыранкевич (главный их президент), Лидовы, А.Б. Розенблюм, Коссовский, Муравьев, Калашников, Левицкий (все они присяжные поверенные и адвокаты)... главным агентом по развозке прокламаций этого почтенного бюро состоит простая баба Елизавета Сергеевна, пользующаяся у них особым почетом. Прокламации, револьверы и патроны возит по железным вагонам в простых базарных открытых корзинах, покрытыми сверху сухарями, яблоками и т.д. Ее постоянное местожительство Иваново-Вознесенск, где все ее знают отлично. Под настоящим именем она разъезжает очень часто в разные города Ригу, Орел, Ревель, Литву – ее район действий северо-западный край»

// Там же Л. 2-3.

О забастовке в «Товарищество Прохоровской мануфактуры», в ходе которой хозяину предприятия Н.И. Прохорову были предъявлены претензии рабочими. См.: Донесение фабричного инспектора московской губернии. 3 февраля 1898 года. // РГИА. Ф. 23. Оп. 30. д. 11. Л. 55-57

1000

Письмо Московского обер-полицмейстера в Департамент полиции. 6 июня 1897 года. // ГАРФ. Ф. 102. Д-З. 1896. Д. 606. Ч. 2. Л. 271-271об.

1001

Протокол допроса С. Дмитриева. 23 февраля 1906 года // ГАРФ. Ф.
63. Оп. 14. Д. 65. Т. 1. Л. 524-527.

1002

См.: Протокол допроса А. Папе. 20 января 1906 года // Там же. Л. 250.

1003

См.: Анонимное письмо о преступной агитации, ведущейся на фабрике «Товарищества Прохоровской мануфактуры» в Московское охранное отделение. 14 января 1906 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 785. Т. 2. Л. 180-182.

Об этом сообщал в своем письме в Иваново И.Н. Дербенев. Как он писал, фабрикант Н.И. Прохоров отправил семью за границу, а сам руководит действиями революционной боевой дружиной, держит в плену нескольких городских, демонстрируя их своим рабочим с похвалой. См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 14 декабря 1905 года. // ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 609. Л. 114.

См.: Протокол допроса Н.П. Шмидта. 21 декабря 1905 года. // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 839 Л. 53.

В ходе следствия Н.П. Шмидт объяснял факты закупки им оружия исходя из чисто оборонительных соображений. Он говорил, что опасался нападений на его фабрику черносотенцев, т.е. просто старался защитить свою собственность. Однако рабочие использовали оружие в других целях, но его вина в этом лишь только в том, что он легкомысленно доверился обещаниям работников не употреблять оружие иначе как против «черной сотни». // Там же. Л. 39.

См.: Андриканис Е. Хозяин «чертога гнезда». М., 1975. С. 211-212.

См.: *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. М., 2007. С. 70.

1008

Письмо Любарской-Письменной вел.кн. Ксении Александровне.
10 сентября. 1906 года. // ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 80. Л. 9-9об.

1009

См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 17 декабря 1905 года // ГАИО.Ф. 154. Оп. 1. Д. 609. Л. 116.

См.: Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 212-213.

См.: Письмо управляющего московской конторой Государственного банка управляющему Госбанков С.И. Тимашеву. 19 января 1906 года. // РГИА. Ф. 587. Оп. 40. Д. 1161. Л. 124-125.

См.: Письмо управляющего московской конторой Государственного банка управляющему Госбанком С.И. Тимашеву. 28 января 1905 года. // Там же. С. 158об.

См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 168.

См.: *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 72.

См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 113.

1016

Материалы исследований из разных регионов страны хранятся в фондах Министерства государственных имуществ. См.: РГИА. Ф. 398. Оп. 12. Д. 4338а.

Некоторые материалы обследования российских губерний по практике наследования имущества опубликованы в ряде номеров «Журнала Министерства государственных имуществ» за 1862 год. См.: *Барыков Ф.* Обычаи наследования у государственных крестьян // Журнал министерства государственных имуществ. 1862. №9. С. 4.

См.: Там же. С. 5.

См.: Там же. С. 6-7.

Об инвентарной реформе см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права. 1856-1861 годы. М., 1984. С. 40; *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 111-112.

См.: *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Т. 3. Пг., 1915. С. 80.

1022

См.: Там же.

1023

См.: Там же. С. 229.

Председатель Редакционных комиссий А.Я. Ростовцев неоднократно повторял:

«Нет, господа, ломать истории я вам не позволю, я не профессор и не буду вам объяснять, как образовалась у нас община. В нашей литературе много об этом рассуждений споров; но у нас община есть и, следовательно, еще нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободе, я вам уступаю: отворите, как хотите широко ворота для выхода всякого крестьянина из общины, но не ломайте общины, – пусть она останется»

// См.: Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 2. СПб., 1890. С. 383.

См.: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 3. С. 230.

См.: *Изгоев А.С.* Общинное право. СПб., 1906. С. 15.

По реформе 1861 года крестьяне должны были заплатить за землю огромные суммы: выкупная стоимость земли на 80% превышала рыночную. По дореформенным ценам крестьянские наделы стоили 544 млн. руб. , а в период реформы их оценили почти в 900 млн. руб. В результате помещичьи долги казне были переложены на крестьянство и под видом выкупных платежей за землю они оплачивали и выкуп себя у помещиков. Правительство дало крестьянам рассрочку выплат на 49,5 лет при 5% годовых. В итоге к 1905 году крестьяне заплатили за землю 1544 млн. руб. , т.е. намного больше. // См.: Лосицкий А. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 14.

Комиссия собиралась в Петербурге с ноября 1872 по апрель 1873 года. Всего состоялось 52 ее заседания. См.: Журналы «Комиссии для исследования нынешнего положения сельскохозяйственного производства и сельской производительности в России» // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652а.

См.: *Брежский Н.* Общинный быт и хозяйственная
необеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. 15.

1030

См.: Стенографические отчеты лиц, приглашенных в Высочайшую учрежденную комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности. 6 декабря 1872 года// РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652 (2). Л. 13.

1031

См.: Там же.

1032

См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652а. Л. 19об.

Подробно о работе комиссии П.А. Валуева см.: *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России в 60-70-х годах. Л. 1972. С. 163-164.

Рекомендуем произведения Г.И. Успенского «Разоренье», «Из деревенского дневника», «Новые времена – новые заботы» и др. // *Успенский Г.И. Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1956. Т. 2-4.*

За четыре месяца после объявления Манифеста 19 февраля 1861 года было зафиксировано 647 крестьянских бунтов – столько же, сколько за все тридцатилетнее царствование Николая I // См.: *Чернышев И.В.* Откуда пошла крестьянская бедность в России. Пг. 1917. С. 43.

См.: Передовая // Московские ведомости. 1885.17 сентября.

1037

См.: Правила «О приведении в известность пространства крестьянских земель посредством съемки их на планы». 11 июня 1877 года // РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 1. Л. 191а-ю.

1038

Фактический материал о надеждах крестьянства на уравнильный передел земель в 1878-1880 годах содержится в РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1081

Например, См.: Донесение Новгородского губернатора в МВД. 8 августа 1879 года // Там же. Л. 307об.

1040

См.: Там же. Л. 120.

1041

См.: Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам. 27 марта 1881 года// РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 676. Л. 6.

См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. 1. М., 2005.
С. 466-479.

См. *Ефименко А.* Исследования народной жизни. М., 1884. С. 139.

1044

См.: Там же.

См.: *Кочаровский К.* Народное право. М., 1906. С. 137.

1046

См.: РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 3356. Л. 3.

Никольский А. Земля, община и труд. СПб., 1902. С. 110-111,113.
Приведем еще одно любопытное высказывание:

«Наш культурный мир и крестьянский мир – это два полюса, которые, как бы, близко не стояли друг к другу, остаются взаимно чужими. Вот где объяснение того факта, что сельский крестьянский мир в своей внутренней жизни, обособленный от не крестьянского мира, относится к последнему, не то чтобы недоверчиво, а примерно так, как мы относимся к тому, что происходит на театральной сцене: сморим, иногда любимся и трогаемся, но ни на минуту не забываем, что это не настоящее»

// Там же. С. 143-144.

1048

См.: *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 320.

См.: *Пругавин В.* Русская поземельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 10.

См.: *Н.М. Чукмолдинов. Мои воспоминания.* СПб., 1899. Ч. 1. С. 16.

См.: Там же. С. 56.

См.: *Белдыцкий Н.П.* В парме. Очерки северной части Чердынского уезда // В кн.: В парме. Пермь. 1988. С. 363-365, 373.

См.: *Монякова О.А.* Ковровские старообрядцы и офени: грани взаимоотношений // В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность. Великий Новгород. 2010. С. 333.

См.: Церковно-приходская летопись Ковровского уезда Владимирской губернии. Л. 11-12 // Частное собрание настоятеля единоверческого храма г. Куровское Московской области о. Д. Кузнецова.

См.: *Добротворский Н.* Раскольничья община на Вятке // Русские ведомости. 1884. 24 января.

См.: *Он же* // Русские ведомости. 1884. 26 января.

1057

См.: Там же.

1058

См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 1.

См.: Размежевание земель. Письмо из Вятки о волнениях в Орловском уезде Вятской губернии // Голос. 1880. 17 ноября.

1060

См.: Всеподданнейший рапорт И.И. Шамшина. 14 сентября 1881 года. С. 3 // Библиотека РГИА.

См.: Всеподданнейший рапорт С.М. Мордвинова. 5 октября 1881 года. С. 17. // Там же.

См. *Астырев Н.М.* В волостных писарях. М., 1896. С. 217.

См.: *Емелях Л.И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М-Л. 1965. С. 126,128.

См.: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
С. 511-512.

См.: *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность. Тамбов. 2004. С. 237-262.

1066

См.: Справка к проекту закона о старообрядческих общинах // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 602. Л. 67.

1067

См.: ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 867. Л. 3-4.

См.: *Ниякий В.В.* Нижегородская деревня. Горький, 1981. С. 32-33.

См.: *Чернышев И.В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 255.

Та же Л.И. Емелях приводит обширный фактический материал о том, как священники, чтобы спасти от разгрома крестьян помещичьи усадьбы, печатавали их церковными печатями, вывешивали тексты оградительных молитв «от поджога бунтовщиками», «от грабежа» и т.д. // *Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965. С. 48-66.*

См.: *Якушкин Е.И.* Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 4.

См.: *Сенатов В.* Сошествие Христа в ад // Правда. 1921. 1 мая.

В. Сенатов – известный дореволюционный деятель, беспоповец. Писал работы о старообрядчестве, его значении, эсхатологии и т.д. После революции вошел в ряды новой власти, обличал власть имущих царской России.

1073

См.: Аграрное движение в 1905-07 годах. Материалы и документы. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 519.

Здесь нужно напомнить, что и в рамках старообрядческой общности также продолжало усиливаться взаимное удаление богатых промышленных верхов и рабоче-крестьянских низов. К началу XX века существовавшее расхождение дополнилось хозяйскими либеральными пристрастиями далекими от народных масс. Даже решение насущных конфессиональных потребностей в русле либерального принципа свободы вероисповедания мало привлекало рядовых единоверцев.

См.: Выступление министра внутренних дел В.К. Плеве на заседании Государственного совета по делу об учреждении старост в промышленных заведениях. 7 мая 1903 года // РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 153. Л. 96.

1076

См.: Там же. С. 9.

1077

См.: Мануйлов А.А. Очерки по крестьянскому вопросу. М., 1904.
С. 8.

1078

См.: Передовая // Русские ведомости. 1902.13 февраля.

1079

См.: Передовая // Русские ведомости. 1902. 14 марта.

См.: Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 5 января 1905 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. С. 56-57.

См.: Выступление А.А. Риттиха . 8 декабря 1904 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 18. Л. 403-404.

См.: Выступление Н.А. Хвостова. 22 декабря 1904 года // Там же.
Л. 317.

1083

Приговор ивановского сельского общества балашовского уезда Самарской губернии. 29 марта 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 80. Ч. 5. Л. 3-Зоб.

См.: Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. 27 марта – 2 апреля 1907 года. СПб., 1907. С. 247-249. (выступление Я.А. Ушакова).

Там же. С. 264. (выступление Н.Е. Маркова).

1086

Выдержка из перлюстрированного письма. 10 января 1906 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 (И). Д. 5. Ч. 57 л. 3.

Подробнее о деятельности этой организации см.: *Колесниченко Д.А.* Всероссийский крестьянский союз в 1905-1907 годах. М., 2006.

1088

См.: Донесение начальника Саратовского охранного отделения в департамент полиции. 2 июня 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 80. 4.5. Л. 18.

1089

См.: Сообщение российского телеграфного агенства. 27 июня 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 120.

См.: *Веселовский Б.Б.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902-1906 годы). СПб., 1907. С. 41.

См.: Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 33, 35.

1092

См.: Доклад Воронежского губернского жандармского управления
в МВД. 25 марта 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. Д-7. 1904. Д. 2. Ч. И. Л. 44.

1093

См.: Письмо председателя кирсановской управы управляющему
МВД П.Н. Дурново. 1 декабря 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д.
2555. Л. 373-373об.

См.: Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 1. заседание 8 от 13 мая 1906 года. СПб., 1906. Стб. 321 -324.

См.: *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение. М., 1989. С. 71.

См.: Выступление Ф. М. Онипко (Ставропольская губ.) // Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 14 от 24 мая 1906 год. Стб. 623.

См.: Выступление Оранского (Харьковская губ.) // Там же.
Заседание 14 от 24 мая 1906 года. Стб. 607.

Один из трудовиков – А.И. Аникин (Саратовская губ.) заявил:

«Даже заграничные рантье, французский буржуа и тот добродушно стрижет купоны русских земельных бумаг и кладет себе в карман крупный куш, почитывая за кружкой доброго вина газету о далекой варварской России, той России, где люди так глупы, что дают от своих Богом данных богатств наживаться другим, а сами пухнут с голоду».

// Там же. Заседание 16 от 27 мая 1906 года. Стб. 689.

1099

Выступление А.Ф. Аладьина (Симбирская губ.) // Там же.
Заседание 18 от 30 мая 1906 года. Стб. 841.

См.: *Гинее В.Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1983. С. 109-110.

Вот, к примеру, отрывок из выступления депутата Меркулова (Курская губ.):

«Видимо нам все добра желают, каждый хочет помочь нам и, разумеется, каждый по-своему хочет помочь... профессор Гейден считает себя в праве решать о крестьянах, потому что его выбирали тоже и крестьяне. Депутат Стахович рассказывает о пожеланиях крестьянства, профессор Петражицкий с умилением напоминает о том, как приятно, как любо каждому человеку иметь частную собственность»

// Государственная дума. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 18 от 30 мая 1906 года. Стб. 819-820.

1102

См.: Письма члена I-ой Государственной думы крестьянина Казанской губернии М. Н. Герасимова отцу. 30 июня 1906 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906 (II). Д. 717. Л. 155 об, 160.

1103

См.: Там же. Л. 157об, 160.

См.: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин 1938. С. 84.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. II Созыв.
Сессия 2. Т. 1. Заседание 5 от 6 марта 1907 года. Стб. 106-120.

1106

См.: Выписка из письма члена Государственной думы Попова в Женеву. 10 мая 1907 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 203. Л. 23.

См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1979. С. 372-373.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. II созыв.
Сессия 2. Т. 1. Заседание 12 от 19 марта 1907 года. Стб. 737.

См.: Выступление А.Е. Киселева (Тамбовская губ.) // Там же. Заседание 26 от 12 апреля 1907 года. Стб. 1947, 1950.

1110

См.: Выступление Д.Л. Зимина (Симбирская губ.) // Там же.
Заседание 12 от 19 марта 1907 года. Стб. 764.

Справедливости ради следует напомнить о проведении всероссийских старообрядческих съездов, начавших собираться ежегодно с начала XX века. Эти мероприятия представляли собой инициативу группы староверов-поповцев и всегда ограничивались лишь рамками поповской белокриницкой иерархии. Впоследствии проведение съездов взяли в руки либерально настроенные промышленники из этого согласия во главе с братьями Рябушинскими. Они стремились превратить съезды в посредника между всем старообрядческим миром и властями. Однако эту попытку вряд ли можно назвать удачной. Да и сами съезды не отличались массовостью, состав участников этих мероприятий, как правило, насчитывал около 100 человек. Лишь отдельные форумы (например – VII-ой съезд в 1905 году) собирали около 300 делегатов. На эти съезды приезжал устоявшийся круг людей, ориентированный на руководство. Участие простых староверов в мероприятиях правых было несомненно гораздо большим.

См.: Избирательная программа, принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов Союза русского народа и обязательная для всех ее отделов. 21 сентября 1906 года // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 190.

К этому нужно добавить и критику правыми официальной русской церкви. По их мнению, в синодальный период православие утратило в Петербурге свою мощь и искренность. Лидеры правого движения требовали ликвидировать Обер-прокурорство и ввести практику выборности приходских священников.

1113

См.: Адрес от двух тысяч старообрядцев поморского согласия
Ковенской губернии. 13 января 1906 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д.
98. Л. 64-65об.

Такие заявлениями преобладали на собрании старообрядцев-поповцев, так и не признавших «Окружного послания» 1862 года, и называвшихся «противоокружниками». См.: Съезд старообрядцев // Новое время. 1906. 21 сентября.

См.: Выступление А.Х. Давыдова от имени 46 тысяч старообрядцев // Подробный отчет о Третьем Всероссийском съезде людей земли русской в Киеве. 1 октября 1906 года. М., 1906. С. 67-68.

1116

См.: Там же. С. 175.

1117

См.: Правы партии. Документы и материалы. Т. 1. С. 194.

Один из известных деятелей правых В.А. Балашов говорил:

«Я, к сожалению, вижу по настроению собрания, что объединения в одну могучую организацию единого Союза Русского народа, кажется, не осуществится на этом съезде»

// Подробный отчет о Третьем Всероссийском съезде людей земли русской в Киеве. С. 57.

1119

Там же. С. 69.

Речь шла о Б.В. Никольском, который назидательно пытался разъяснять участникам съезда, что и как нужно делать // Там же. С. 68.

Там же. С. 52-53.

1122

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5. Ч. 34. Л. 169-170.

См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 2. М., 1992. С. 309-310.

См.: Высочайше утвержденные правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов росписью непредусмотренных. 8 марта 1906 года // ПСЗ-3. №27503. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. С. 223-224.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III.
Сессия 1. Часть 1. Заседание 11 от 27 ноября 1907 года. Стб. 636-637.

1126

См.: Там же. Стб. 668-669.

См.: Там же. Заседание 20 от 15 января 1908 года. Стб. 1275—1276.

См.: Там же. Заседание 11 от 27 ноября 1907 года. Стб. 602, 604.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв.
Сессия 2. Часть 2. Заседание 52 от 16 февраля 1909 года. Стб. 1663.

1130

См.: Передовая // Утро России. 1910. 4 сентября.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв.
Сессия 4. Часть 3. Стб. 3971-3990.

См.: Выступление А.И. Гучкова. // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия. 2. Часть 1. Заседание 28 от 8 декабря 1908 года. Стб. 2355-2357.

1133

См.: Запрос о деятельности кредитной канцелярии и г. Давыдова // Утро России. 1910. 13 февраля; Кредитная канцелярия и Б.Ф. Малишевский // Утро России. 1910. 9 марта.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв.
Сессия 1. Часть 2. Заседание 42 от 10 мая 1913 года. Стб. 952.

См.: Выступление В.В. Жуковского // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 2. Заседание 52 от 16 февраля 1909 года. Стб. 1811-1812.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв.
Сессия 1. Часть 2. Заседание 43 от 11 мая 1913 года. Стб. 985-986.

См.: Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия V. Часть 2. Заседание 79 от 29 февраля 1912 года. Стб. 3278.

См.: Выступление А.И. Коновалова // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 1. Заседание 11 от 13 декабря 1912 года. Стб. 659.

См.: Выступление А.И. Коновалова // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 43 от 11 мая 1913 года. Стб. 1073-1074.

См.: Труды IV-го очередного Съезда представителей промышленности и торговли. 11-13 ноября 1909 года. СПб., 1910. С. 40.

См.: Труды VIII-го очередного Съезда представителей промышленности и торговли. 2-4 мая 1914 года. Пг., 1915. С. 37.

См.: Промышленность и торговля в законодательных учреждениях // Доклад совета Съездов представителей промышленности и торговли VI-му очередному съезду. Ч. 1. СПб., 1912. С. XIV (Предисловие).

См.: Выступление А.Д. Протопопова // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 654.

См.: Выступление М.А. Сушкова (Курская губ.) // Там же. Стб. 681.

См.: *Шебалдин Ю.Н.* Государственный бюджет Царской России в начале XX века// Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 174.

См.: *Тимашев С.И.* Автобиографические записки // С.И. Тимашев. Жизнь и деятельность / Публикация А.Л. Вычугжанина). Тюмень, 2006. С. 257.

См.: Выступление В.И. Тимирязева // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 637.

1148

См.: Письмо Министерства торговли и промышленности за подписью Н.П. Лангового в Совет Съездов представителей промышленности и торговли. 18 сентября 1909 года // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 888. Л. 25-25об.

См.: Речь Г.А. Крестовникова в Московском биржевом комитете в ходе визита Министра торговли и промышленности С.И. Тимашева. 9 ноября 1909 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 339. Л. 12об.

1150

См.: Записка Н.П. Лангового по вопросу о ходе подготовительных работ по пересмотру таможенных договоров. 29 января 1913 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 443. Л. 94о6-95.

См.: Там же. С. 107-108.

1152

См.: Письмо таможенной комиссии в Государственную думу. 27 марта 1913 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 129. Л. 8.

См.: Особый журнал Совета министров «О подготовительных работах к пересмотру действующих торговых договоров с Австрией и Германией». 23 февраля 1912 // РГИА. 1282. Оп. 1. Д. 1196. Л. 64-66.

См.: Немцы и мы // Русское слово. 1912. 28 февраля.

См.: *Озеров И.Х.* К торговому договору с Германией // Русское слово. 1912. 4 марта.

1156

См.: Журналы заседаний VIII-го очередного съезда представителей промышленности и торговли. 2-4 мая 1914 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 256. Л. 325-347.

См.: Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. М., 1996. С. 206.

См.: Иностранное предпринимательство и зарубежные инвестиции в России. Сборник статей, (под рук. В.И. Бовыкина). М., 1997. С. 318.

См.: Статистический ежегодник на 1913 года. СПб., 1913. С. 165.

Уральские металлургические заводы представляли собой разные производства. Всего в регионе к этому времени насчитывалось 121 предприятие, из них только 14 принадлежало казне, остальные частным лицам. Но на самом деле число владельцев было гораздо меньше: все частные заводы находились в руках приблизительно 30-ти лиц и компаний. Все заводы обладали большими земельными латифундиями, отсутствовала развитая транспортная система, производства работали на древесном топливе, а не на угле, как на юге, что существенно снижало выплавку. В результате оборачиваемость капиталов на уральских предприятиях намного уступала южным, не испытывающим недостатка в финансовых ресурсах // *Кафенгауз Л.Б.* Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910. С. 13, 17.

См.: *Каменский П.В.* Значение торгово-промышленных трестов на западе и у нас. М., 1909. С. 5.

О сотрудничестве уральских металлургических заводов и торгового дома Вогау см.: *Вяткин М.В.* Горнозаводской Урал в 1900-1917 годах. М., 1965. С. 198-202.

1163

См.: Стенограммы совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности. Май 1908 года. СПб., 1908. С. 31.

См.: Там же. С. 88, 200, 202 и др.

1165

Там же. С. 205.

См.: Выступление Ю.П. Гужона // Там же. С. 53-54.

См, например, выступление П.В. Каменского // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 671.

1168

Журналы межведомственного совещания для обсуждения вопроса о синдикатах и трестах находятся в РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 173.

См.: Выступление В.И. Тимирязева // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 639-640.

См.: Выступление А.И. Шингарева// Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 5. Часть 2. Заседание 68 от 15 февраля 1912 года. Стб. 2200.

См.: Выступление В.И. Дзюбинского // Там же. Стб. 2209.

См.: Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. 1907-1912 годы // Доклад Совета Съездов представителей промышленности и торговли VI-ому очередному съезду. Ч. 1. СПб., 1912. С. 52.

См.: Записка М.П. Рябушинского «Цель нашей работы» об итогах деятельности концерна Рябушинских и планах дальнейшей экспансии. Ноябрь 1916 года // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 630.

См.: *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитализм в текстильной промышленности России. М., 1963. С. 48-49.

Однако заметим, что в этой обстоятельной монографии противоборство петербургской и московской буржуазии рассматривалось лишь в качестве иллюстрации, подтверждавшей ленинский тезис о сращивании промышленного капитала с банковским, и создания монополий.

Если к XX веку Волжско-Камский и Московский купеческий банк по ключевым финансовым показателям занимали первое и второе место, то к 1914 году они переместились на шестую и, соответственно, восьмую сточку. См.: *Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е.* Банковские монополии в России накануне Великой октябрьской революции // Исторические записки. М., 1960. Т. 66. С. 21.

См.: *Гиндин И.Ф.* Московские банки в период империализма (1900-1917 годы) // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С. 100.

См.: Банковские дельцы из чиновников // Утро России. 1910. 8 сентября; Экономические заметки // Утро России. 1910. 19 сентября.

Подробно о соглашениях между петербургскими и московскими банками в 1911-1914 годах см.: Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы (конец XIX века – 1914 год). М., 1998. С. 144-149.

См.: Там же. С. 231.

1180

См.: РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 362. Л. 82, 87.

См.: Промышленность и торговля // Утро России. 1910. 17 сентября.

См.: Борьба Москвы с Петербургом // Утро России. 1911. 25 октября.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв.
Сессия 5. Часть 2. Заседание 81 от 1 марта 1912 года. Стб. 3465.

См.: *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 250.

Из состоявшихся ежегодных съездов в период 1906-1914 годов лишь один в 1907 году прошел в Первопрестольной. Даже, когда глава Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников получил приглашение из Петербурга председательствовать на съезде, то он предпочел отказаться, сославшись на болезнь жены (родная сестра С.Т. Морозова, покончившего жизнь самоубийством в 1905 году). После его отказа не поехали на съезд и многие другие // Там же. С. 253.

См.: Там же. С. 250.

См.: Труды IV-го очередного Съезда представителей промышленности и торговли. 11-13 ноября 1909 года. С. 28-29.

1187

См.: Утро России. 1917. 11 марта.

См.: *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917 годы
// Русское возрождение. 1995. №62. С. 155.

См, например, Экономические беседы // Русские ведомости. 1909. 17 марта; 1909. 21 апреля; *Гольдштейн И.М.* Апология синдикатов // Русские ведомости. 1909. 8 декабря; *Рябушинский В.П.* Отечество и армия // Московский еженедельник. 1909. 2 мая; *Четвериков С.И.* Общество и промышленные союзы // Московский еженедельник. 1909. 5 декабря и др.

См.: Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности (конец XVIII – начало XX века). М., 2007. С. 268.

1191

См.: Русское слово. 1912. 4 марта.

По итогам дискуссий, состоявшихся в ходе этих встреч, был издан сборник статей профессоров, выступавших здесь. В предисловии В.П. Рябушинский писал:

«Чувствуется прогресс и в России, но как медленно идем мы вперед; все еще вместо настоящих сооружений часто видишь декорации, главная цель которых скрывать трамплины для прыжков вперед по дороге житейского успеха».

См.: Предисловие // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 2. М., 1911. С. 7.

См.: *Шарапов С.Ф.* Русские исторические начала и их современное приложение. М., 1908. С. 14-15.

В 1901-1916 годах в Московской городской думе, исходя из официальных анкет гласных, насчитывалось не более десятка старообрядцев.

См.: *Четвериков С.И.* Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин. Б. г.
С. 53-54.

1196

См.: Агентурная записка Московского охранного отделения. 17 февраля 1911 года//ГАРФ. Ф. 102.00.1910. Д. 59. Л. А. Л. 27.

См.: *Бурыйшкін П.А.* Москва купеческая. С. 275.

Выступление В.С. Соколова 2-го (Костромская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 4. Часть 2. Заседание 71 от 2 марта 1911 года. Стб. 3422-3423.

См.: Полмиллиарда // Новое время. 1911. 13 февраля.

1200

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 4. Часть 2. Заседание 53 от 7 февраля 1911 года. Стб. 1466, 1469.

1201

См.: *Бурыйшкін П.А. Указ соч. С. 276*

См.: Агентурная записка начальника московского охранного отделения в Департамент полиции. 24 мая 1912 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 130. Ч. 42. Л. 21-22.

См.: Выборы в Государственный совет // Утро России. 1911. 12 октября.

Заметим, что победа одного из братьев Стахеевых на выборах в Государственный совет, вопреки воле Председателя Московского биржевого комитета Г.А. Крестовникова, наделала в Петербурге немало шума. После этого в столичном деловом мире возникает интерес к Стахеевым. Могущественный Глава Русско-Азиатского банка А.И. Путилов делает их торговый дом одной из базовых структур для экспансии в различные отрасли российской экономики.

Подробно об этом интересном сюжете в книге: *Китанина Т.М.* Военно-инфляционный концерн в России. 1914-1917 годы. М., 1969.

См.: *Васильчиков Б.А.* Воспоминания. М., 2002. С 91-92.

В своих мемуарах князь Васильчиков задается любопытным вопросом:

«И кто знает, это сравнительно мелочное чувство неудовлетворенного честолюбия, вместе с другими более глубокими побуждениями, быть может, в свое время уклонило немало купеческих миллионов на дело революции?»

// Там же.

См ..*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 657.

См.: Агентурная записка московского охранного отделения. 5 сентября 1912 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 27. Ч. 46. Л. Б. Л. 232об.

В 1913 году на праздновании 300-летия дома Романовых купечество опять хотели разместить на задворках кремлевских залов, ссылаясь при этом на традицию придворного церемониала. И только личное вмешательство Николая II, повелевшего изменить установленное правило, позволило избежать скандала.

См.: Рабенок Л. Москва и ее «хозяева» // Возрождение. 1960. №105. С. 102-103.

См.: Съезд прогрессистов. 11, 12 и 13 ноября 1912 года. СПб., 1913. С. 4.

См.: Там же. С. 22-23.

Подробно о деятельности прогрессивной партии в монографии:
Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное
направление в русском либерализме. М., 1996.

1210

См.: По делу о замещении должности Московского городского главы. Особый журнал Совета Министров. 27 ноября 1913 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 68. Л. 162об.

1211

См.: Там же.

См.: Дневник князя В.П. Мещерского // Гражданин. 1913. 1 декабря. С. 15.

См.: Там же // Гражданин. 1913.17 ноября. С. 16.

См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 2. М., 1992. С. 204-208.

1215

См.: Дневник Н.П. Вишнякова // ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 20. Л. 63об.

В современной литературе наиболее полно рассмотрение законопроекта о старообрядческих общинах в Государственной думе содержится в монографиях С. Фирсова и В. Рожкова.

См.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г. г.). СПб., 2002; Протоирей *Рожков В.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

Справедливости ради нужно отметить, что правооктябристское единство давало сбои при голосовании и ранее, но только по гораздо мелким вопросам. Например, в феврале 1909 года октябристы, ведомые своим лидером А.И. Гучковым, не согласились с мнением правых и поддержали запрос социал-демократической фракции о преследовании профсоюзов, проголосовав вместе с оппозиционными силами

См.: *Вязигин А.С.* «Гололобовский инцидент». Харьков, 1909.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. 1 сессия. Часть 1. Заседание 12 от 23 ноября 1907 года. Стб. 727-728.

О направлении старообрядческих дел // Слово. 1908. 26 января.

1220

См.: Журнал 3-го заседания комиссии по старообрядческим вопросам. 5 февраля 1908 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3597. Л. 16.

1221

См.: Там же. С. 16.

См. *Каменский В.П.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной думе третьего созыва и отношение к ним «Союза 17-го октября». М., 1909. С. 37.

1223

См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Л. 602. Л. 201-201об.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 111 от 12 мая 1909 года. Стб. 1007.

1225

См.: Там же. Стб. 1025.

1226

См.: Там же. Стб. 1030.

1227

См.: Там же. Заседание 112 от 13 мая 1909 года. Стб. 1228-1229.

1228

См.: Выступление И.Л. Спирина (Московская губ.) //Там же. Стб. 1239.

См.: Там же. Стб. 1228.

Известный деятель РПЦ епископ Евлогий в ответ на страстную речь Милюкова назвал того нечестивым врагом церкви

// Там же. Стб. 1265.

1230

См.: Там же. Заседание 113 от 15 мая 1909 года. Стб. 1386.

1231

См.: Там же. Стб. 1381.

1232

См.: Там же. Заседание 112 от 13 мая 1909 года. Стб. 1270.

1233

См.: Там же. Заседание 113 от 15 мая 1909 года. Стб. 1352-1353.

1234

См.: Там же. Стб. 1356.

1235

См.: Там же. Стб. 1352.

1236

См.: Там же. Стб. 1378-1379.

См.: Там же. Стб. 1395-1396.

См.: Выступление П.А. Столыпина // Там же. Заседание 116 от 22 мая 1909 года. Стб. 1851-1867.

Служители Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище писали П.Н. Дурново:

«от московской администрации толку мало, она склонна с каким-то особым расположением относиться к старообрядцам и обращение к ней за разрешением возникающих между нами не согласий не обеспечивают нам возможность спокойного осуществления наших прав».

См.: Письмо причта и старосты Никольской единоверческой церкви члену Государственного совета П.Н. Дурново. 17 декабря 1910 года// РГИА. Ф. 797. Оп. 80. Д. 582. Л. 2-4.

См.: Старообрядцы у П.А. Столыпина // Современное слово. 1910.
26 января.

См.: Старообрядческие депутации // Голос Москвы. 1910. 22 апреля.

1242

См.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 42. Л. 605-606.

См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. Заседание 47 от 12 мая 1910 года. Стб. 2796-2797.

1244

См.: Там же. Стб. 2800.

1245

См.: Там же. Заседание 48 от 13 мая 1910 года. Стб. 2889.

1246

См.: Там же. Стб. 2919.

1247

См.: Там же.

1248

См.: Там же. Заседание 47 от 12 мая 1910 года. Стб. 2816.

См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V.
Заседание 50 от 17 мая 1910 года. Стб. 3058.

1250

М.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 42. Л. 565.

1251

См.: Выписка из письма Н. Высотского к Н.П. Евреинову в Петербург. 20 мая 1910 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 455. Л. 17.

От Государственного совета в нее вошли П.Н. Дурново, П.М. Куломзин, П.П. Голицын, В.К. Саблер, А.А. Нарышкин, П.Д. Ревуцкий. От Государственной думы – А.С. Вязигин, М.К. Ермолаев, П.В. Каменский, А.И. Звегинцев, В.А. Караулов, В.А. Маклаков // РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 43. С. 46.

1253

Состоялось шесть заседаний согласительной комиссии, их протоколы содержатся в РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 43. Л. 361-382.

1254

См.: Журналы заседаний старообрядческой комиссии IV-ой Государственной думы // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 607, 608.

1255

См.: Выборы // Русское слово. 1906. 7 апреля.

См.: *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 20-24.

1257

См.: Там же. С. 25.

См.: Выступление А.И. Гучкова // Государственная дума.
Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 1. Часть 1. Стб. 138.

См.: *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1907 годы). М., 2012. С. 449.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф. 1993. С. 80.

1261

См.: Там же. С. 81.

См.: Там же. С. 47-48.

Суть конфликта заключалась в следующем. Столыпин внес в Государственную думу законопроект о введении земства в шести западных губерниях. Нижняя палата проголосовала за него, тогда как Государственный совет затем отверг этот законопроект. Возмущенный Столыпин, усматривая в случившемся интригу против себя, добился у Николая II роспуска думы на несколько дней, чтобы в этот срок утвердить законопроект указом императора, в порядке так называемой 87 статьи, минуя законодательную ветвь власти. Об этой своей инициативе премьер не поставил в известность своего соратника – Гучкова. И тому ничего не оставалось делать как подать в отставку с поста Председателя Государственной думы и уехать в длительную командировку на Дальний Восток.

См.: Возможна ли торговая война с Америкой? // Утро России.
1911. 10 декабря; 11 декабря; 13 декабря.

Мы использовали лишь некоторые ключевые работы по этой теме: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 годах. Л., 1977; *Он же.* Самодержавие и буржуазия Л., 1984; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской монархии. М., 1985; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917 годы). М., 1967; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-1917 годы). М., 2003; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994.

Советский исследователь Г.Я. Аврех считал, что сколачивание думского большинства в первом и втором случае происходило поразному. До войны эти усилия предпринимали лишь либеральные партии и организации, а во время нее – к объединению были подключены националисты и умеренно-правые: складывание такого альянса Аврех наглядно показал в своей монографии. Однако, этим ценным наблюдением, как мы покажем в настоящей работе, не исчерпывается вся суть политического объединительного процесса тех лет // См.: Аврех Г.Я. Распад третьеиюньской монархии. М., 1985. С. 66.

Кривошеин А.В. (1857-1921) – с 1896 года помощник начальника переселенческого управления МВД, с 1902 – начальник данного управления, с 1905 – товарищ Главноуправляющего земледелием и землеустройством, с 1906 – товарищ министра финансов, директор дворянского и крестьянского банка. С 1908 по 1915 года – Главноуправляющий земледелием и землеустройством, сторонник уничтожения общины и развития хуторского хозяйства. Близкий соратник П.А. Столыпина. Один из вдохновителей Прогрессивного блока.

Елена Карпова была дочерью Т.С. Морозова – Анны. Знаменитый Савва Морозов – родной брат Анны, а ее сестра Юлия – жена Г.А. Крестовникова – Председателя Московского биржевого комитета. Анна Морозова решила связать судьбу с молодым историком Геннадием Карповым, но не получили согласия родителей и была выгнана из дома. Молодые уехали в Харьков, где Г. Карпов преподавал в университете. Однако после рождения первого ребенка они были прощены и вернулись в Москву. Вот на их дочери и женился А.В. Кривошеин // См.: *Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора.* М., 1993. С. 37,44.

См.: *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917 годы.
Кн. 1. Нью-Йорк. 1954. С. 143.

1270

См.: РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 210, 233; Оп. 2. Д. 57 и др.

См.: *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797-1917 годы. М., 2004. С. 280.

Например, императрица во время болезни Кривошеина дважды в день справлялась о его здоровье и постоянно присылала ему святую воду от Серафима Саровского // См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 годы. Кн. 2. М., 1992. С. 265.

1273

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 339. Л. 256об-257

См.: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 25.

1275

См.: Выписка из письма Г. Алексева к А. Алексеву в Петербург.
30 мая 1913 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 67.

См.: Вишнеvски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. С. 129.

См, например, интервью А.И. Коновалова // Утро России. 1913. 24 марта.

См.: *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 17.

См.: *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 237.

См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919
годы. Кн. 2. С. 136-137.

См.: Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона
Государственной думы // Вопросы истории. 1999. №7 С. 3.

См.: Там же // Вопросы истории. №3. С. 5-6.

См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 169. С. 73.

В своих мемуарах Барк пишет, что он являлся давним протеже Кривошеина, который представлял его еще Столыпину в качестве «подходящего лица для получения портфеля министра финансов». Однако гибель Столыпина помешала осуществлению этой комбинации. К данной теме Кривошеин вернулся осенью 1913 года. Барк был назначен одновременно с премьером Горемыкиным в конце января 1914 года // Там же. 1965. Кн. 157. С. 59-61.

См.: Политические известия // Русские ведомости. 1914. 2 марта;
Первый шаг // Голос Москвы. 1914. 4 марта.

См.: *Маклаков В.А.* Тактика оппозиции // Русские ведомости. 1914. 23 февраля.

См.: Там же. Здесь будет совсем нелишним заметить, что Маклаков регулярно получал от Главного управления по земледелию и землеустройству, т.е. от Кривошеина, денежные суммы по 10 тыс. руб., которые оформлялись как мелиоративный кредит для реализации какого-то показательного хозяйственного дела // *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 381-382.

Высочайший Рескрипт на имя Председателя Совета министров был опубликован 7 марта 1914 года всеми ведущими изданиями страны.

См.: Еще о новом курсе // Русские ведомости. 1914. 23 мая.

См.: Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. №2. С. 22.

См.: Записка по общественным движениям за первую половину 1914 года // ГАРФ. Ф. 63. 1914. Д. 49-52; *Володарский А.М.* Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. 1913-1914 годы. М., 1960. С. 40-41.

См.: Письмо В.И. Ленина к И.И. Скворцову-Степанову. 24 марта 1914 года // Исторический архив. 1959. № 2. С. 13.

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 240. Л. 7.

В начале июля РСДРП собиралась созвать свой всероссийский съезд (около 200 человек). Обязательство гарантировать безопасность его проведения брали на себя финны; но они поставили условием, чтобы на съезде в обязательном порядке председательствовал М. Горький. Однако руководство эсдеков отказалось, поскольку писатель не числился ни в одной районной организации партии, а потому никакого официального положения на съезде он занимать не мог. Финнов такой ответ не устроил

// Там же. Л. 5-6.

1293

См.: Письмо вице-директора Департамента полиции к Начальнику Пермского жандармского управления. 6 февраля 1913 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5. Ч. 57. Л. 43.

1294

См.: Письмо Начальника Пермского губернского жандармского управления в Департамент полиции. 14 февраля 1913 года // Там же. Л. 76.

См.: *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 71.

1296

См.: Там же. С. 74.

1297

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 329. Л. 97.

См.: *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Екатеринбург, 2007. С. 73.

Пермский губернатор И.Ф. Кошко, сообщая о переходе К.М. Петрова из ГД на работу в торговый дом Второва, добавляет:

«вот такая деятельность ему, конечно, более подходяща».

См.: *Розенталь И.С.* Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 136.

См.: *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Воспоминания. Нью-Йорк. 1952. С. 180.

В социал-демократической фракции IV-ой Государственной думы было 13 человек: 7 меньшевиков и 6 большевиков. А.Ф. Бурьянов решил выйти из фракции, чтобы установить в ней равенство и исключить давление одних над другими. Этот поступок сделал его известным в оппозиционных кругах. // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1914. Д. 244. Л. 33об.

1302

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 307. Л. 87.

См.: Выступление Н.С. Чхеидзе // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 2. Часть 2. Заседание 48 от 11 марта 1914 года. Стб. 1642.

1304

См.: В Таврическом дворце (слухи о привлечении Коновалова) // Новое время. 1914. 22 апреля.

См.: Выступление Г. И. Петровского // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 2. Часть 2. Заседание от 11 марта 1914 года. Стб. 1625-1626.

См.: Политические известия // Русские ведомости. 1914. 22 апреля; 1914. 25 апреля.

По словам депутатов, Министр внутренних дел Маклаков предлагал Горемыкину уехать из думы при начале обструкции. Но премьер решительно отказался и остался в зале заседаний до конца. Когда же Председатель ГД Родзянко выходил со своего места во время одного из многочисленных перерывов, то он, указывая на взволнованных депутатов, сказал Маклакову: «вот вам результаты вашего привлечения к ответственности». На что Горемыкин кивнул ему со словами: «Вы совершенно правы» // Русские ведомости. 1914. 24 апреля.

1308

В думе говорили, что А.И. Коновалов тяготится своим пребыванием в президиуме и не проявляет интереса к посту товарища Председателя ГД // Русские ведомости. 1914. 15 мая.

1309

См.: Голос Москвы. 1914. 9 июля.

Си.. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917 годы. М., 2006. С. 129.

1311

См.: Забастовка 100000 рабочих // Биржевые ведомости. 1914. 5 июля, (утренний выпуск)

1312

См.: Забастовки рабочих // Биржевые ведомости. 1914. 9 июля,
(утренний выпуск)

См.: В тине революционного хулиганства // Новое время. 1914.11
июля.

1314

См.: Там же.

См.: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 37.

См.: *Стремоухов П.П.* Все в прошлом. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 3 Л. 312об.

Стремоухов писал, что:

«близость крупного фабриканта с революционерами казалась мне тогда чудовищно нелепою. Выяснилось, что для достижения портфеля честолюбие Коновалова готово было рискнуть не только судьбой родины, но и толикою своих миллионов»

// Там же.

1317

См.: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 208.

См.: Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн. 160. С. 87.

1319

См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 766. Л. 57.

См.: *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 177-179.

Нелюбимый Кривошеиным министр народного просвещения Л.А. Кассо при объявлении Германией войны России оказался на немецкой территории и был арестован как официальное лицо вражеской стороны. С месяц его продержали в плену, когда все же он сумел вернуться на родину, его здоровье оказалось подорванным, и он не смог оправиться от этих потрясений, скончавшись в возрасте около 50 лет // Таубе М.А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России. 1900-1917 годы. М., 2007. С. 183.

1322

См.: Воспоминания Мусина-Пушкина В.В.//Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 124.

1323

См.: Там же. Л. 134.

См.: *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917 годы
// Русское возрождение. 1995. №62. С. 117-118.

1325

См.: *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 1. С. 143.

Интересно, что Кривошеина одолевал просьбами член Государственной думы Н.А. Хвостов, желавший более высокого назначения в Государственный совет. Но Кривошеин не пожелал ему содействовать. Об этом рассказано в воспоминаниях В.В. Мусина-Пушкина // См.: Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 144.

См.: О.Г. Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 89.

См.; Там же. С. 186,235.

Компактный и профессиональный обзор деятельности этих общественных организаций См.: *Шевырин В.М.* Земский и городские союзы (1914-1917 годы). М., 2000.

1330

См.: Дневник А.А. Бобринского // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292.
Л. 12, 117, 125об.

См.: *Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II.* М., 1994. С. 93.

См.: Собрание уполномоченных губернских земств в Москве. 12-13 марта 1915 года. М., 1915. С. 7.

См.: О.Г. *Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 280; *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917 годы // Русское возрождение. 1995. № 63. С. 158.

См.: Доклад начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка по г. Москве в Департамент полиции. 27 мая 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 104. Л. 107-108.

1335

См.: Доклад начальника отделения по охране общественной безопасности по г. Москве в Департамент полиции. 8 июня 1915 года// Там же. Л. 113-114.

1336

См.: Там же.

См.: Собрание уполномоченных губернских земств в Москве. 5 июня 1915 года. М., 1915. С. 4-7.

1338

См.: Докладная записка Председателю правительства И.Л. Горемыкину о московских погромах от пострадавших лиц // РГИА. Ф. 1276. Оп. И. Д. 171. Л. 22-23об.

1339

См.: Там же. С. 24об.

Факты содействия полиции погромам в Москве оглашались с трибуны Государственной думы. См.: Выступление М.М. Новикова (Москва) // Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия 4. Заседание 14 от 25 августа 1915 года. Стб. 1087— 1092.

1341

См.: Объяснения князя Ф.Ф. Юсупова// РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 169. Л. 20-23.

См.: *Кирьянов Ю.И.* Майские беспорядки 1915 года в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 139,141.

Этот факт выявлен из переписки брата Николая II вел.князя Михаила Александровича со своей супругой. См.: Письмо Н.С. Брасовой к великому князю Михаилу Александровичу. 10 июня 1915 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 77. Л. 63об.

См.: *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич.
Воспоминания. М., 2006. С. 282.

См.: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 665.

См.: Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 45.

См.: *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 годы. М., 1924. С. 135.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв.
Сессия 4. Заседание 1 от 19 июля 1915 года. Стб. 72.

1349

См.: Там же. Стб. 75.

1350

См.: Там же. Стб. 94.

1351

См.: Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Заседание 1 от 19 июля 1915 года. Стб. 49.

1352

См.: Там же. Стб. 52.

См.: Труды Съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25-27 июля 1915 года. Пг., 1915. С. 5.

1354

См.: Там же. С. 7.

1355

См.: Там же. С. 34.

1356

См.: Там же. С. 35.

См.: Там же. С. 67.

См.: Выступление П.А. Кобзева // Там же. С. 99.

См.: Записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли «О мерах по обеспечению своевременного выполнения заказов на оборону и обеспечению армии боевыми снарядами». 12 января 1915 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 814. Л. 1-8.

1360

См.: *Поливанов А.А.* Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. С. 153.

1361

См.: Там же. С. 172.

См.: *Крупина Т.Д.* Политический кризис 1915 года и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 63.

См.: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. М., 1975. С. 26-27.

Заметим, что в этой весьма профессиональной работе советского периода замена в составе Особого совещания видных столичных банкиров на представителей московской буржуазии оценено нейтрально. Автора не придает этому какого-либо значения. // Там же. С. 30.

1364

См.: Выписка из письма Петрова (Москва) к М.А. Петрову (Воронежская губ.). 6 августа 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1-22. Л. 62.

См.: Записка московского охранного отделения о торжественном открытии военно-промышленного комитета. 28 июня 1915 года // Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927. С. 5-6.

См.: Донесение начальника московского охранного отделения о совещании у П.П. Рябушинского в Департамент полиции // Там же. С. 21-22.

1367

См.: Записка начальника московского охранного отделения в Департамент полиции. 19 августа 1915 года // Там же. С. 23.

1368

См: Письмо без подписи из Москвы к А.В. Кривошеину. 30 июля 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1027. Л. 6.

См.: Прогрессивный блок в 1915-1917 годах // Красный архив. 1932. Т. 50-51. С. 141-146.

См.: Выступление графа Д.А. Олсуфьева на XII-ом съезде уполномоченных дворянских обществ 34-х губерний 27 ноября – 3 декабря 1916 года // Объединенные дворянские съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 3. 1913-1916 годы. М., 2002. С. 655.

В ставке свита Верховного Главнокомандующего во имя «спасения страны» решила даже просить Николай Николаевича не подчиняться решению Государя: командования не сдавать, а царя, если потребуется, арестовать по приезду в Могилев. Николай Николаевич подумав около суток отказался от этой затеи. // *Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 38.*

1372

См.: Распутин // Биржевые ведомости. 1915.14 августа, (утренний выпуск)

См.: *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917 // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 128.

См.: Тяжелые дни. Заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года (составлены А.Н. Яхонтовым) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин. 1926. С. 85.

1375

См.: Там же. С. 91.

1376

См.: Донесение Московского градоначальника в МВД. 2 сентября 1915 года // Буржуазия накануне февральской революции. С. 43.

Различные варианты правительства приводит А.Я. Аврех // См.:
Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 54-56.

См.: Около Думы // Русские ведомости. 1915. 29 августа.

1379

См.: Записка М.М. Андроникова к Александре Федоровне. Начало сентября 1915 года // РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

См.: *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 173. С. 109.

1381

См.: Там же.

См.: Там же. Кн. 169. С. 81.

1383

См.: Записка начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице в Департамент полиции. 29 декабря 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 347. Л. 187.

См.: Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. Орел. 1994. С. 157.

См.: *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. 1886-1919. СПб., 1995. С. 322.

См.: *Милуков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 177.

См.: Допрос П.Н. Милюкова // Падение царского режима. Т. 6. Л. 1925. С. 316.

См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия в годы первой мировой войны. Л., 1967. С. 101.

Крайне интересно выступление участника прогрессивного блока графа Д.А. Олсуфьева на XII объединенном съезде дворянских обществ в конце ноября 1916 года, где он коснулся истории создания блока:

«Вот в эти тревожные дни по телефону звонит Крупенский и говорит, что теперь тревожное время и что так дальше не должно оставаться, надо, чтобы Государственный Совет вошел в контакт с Государственной Думой, то это послужит обоюдному их улучшению. Госсовет окажет умиряющее влияние на Думу, а Дума пробудит несколько сухой старческий Госсовет, вошьет несколько живой крови... Как от свечи загорелась Москва, так благодаря Крупенскому возник блок. Крупенский мне сказал: выбирайте кого угодно из Государственного совета, а я буду выбирать из Государственной думы, к партиям я придираюсь не буду, лишь бы только хотели совещаться вместе... Отбросим всю нашу непримиримость, все наши противоречия, а влиятельную кадетскую партию, если она сама пойдет на это, примем... Вот тогда были приглашены Милюков, Шингарев и др.»

// Объединенные дворянские съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 3. 1913-1916 годы. М., 2002. С. 650.

1390

См.: *Меньшиков М.* Крайне правая метафизика // Новое время.
1915. 24 ноября.

1391

См.: Совещание монархистов в Петрограде. 21-23 ноября 1915 года. М., 1915. С. 15 Данная брошюра, отпечатанная типографским способом, содержится в ГАРФ. Ф. 102. 00.1916. Д. 358. Л. 7.

1392

См.: Там же.

1393

См.: Там же.

См.: Стенографический отчет собрания уполномоченных губернских земств в Москве. 7-9 сентября 1915 года. М., 1916. С. 150.

См.: Там же. С. 155,157, 165 и др.

См.: Выступление П.В. Каминского // Там же. С. 155.

1397

См.: Донесение Московского градоначальника в МВД. 8 сентября 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Д-4. Д. 42. Ч. 9. Л. 56-57.

См.: Московские вести // Русские ведомости. 1915. 8 сентября.

См.: Сводка Московского охранного отделения о настроениях общества // Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927. С. 77.

См.: Прогрессивный блок в 1915-1917 годах // Красный архив. 1932. Т. 52. С. 157.

1401

См.: Там же. С. 148, 150.

См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф. 1993. С. 174-175.

См.: Распутин-Новых // Речь. 1910. 20 мая; 28 мая.

В июне 1914 года почитательница Илиодора Д. Гусева даже пыталась убить Распутина, но тот выжил. Илиодор написал о нем сочинение под названием «Святой черт».

См.: Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова // Падение царского режима. М-Л. 1926. Т. 2. С. 53; Допрос М.М. Андроникова // Там же. Т. 1. С. 400.

См.: Допрос А.Н. Хвостова // Там же. Т. 1. С. 65, 69.

Этот эпизод содержится в мемуарах кадетского профессора А. Брандта, который в начале 1916 года оказался на обеде в одной аристократической семье столицы, где и стал очевидцем распутинского хвостовства. См.: *Брандт А. Листья пожелтелые*. Белград. 1930. С. 61.

1408

См.: Выписка из письма Н. Тимофеева из Петрограда к К.Д. Тимофееву в Москву. 12 октября 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 2 65. Д. 1014. Л. 27.

1409

См.: У Григория Распутина // Голос Москвы. 1914. 6 февраля.

1410

См.: Допрос Н.А. Маклакова // Падение царского режима. Т. 3. С. 93.

Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 79-80.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв.
Сессия 5. Часть 3. Заседание 84 от 5 марта 1912 года. Стб. 90.

1413

См.: Там же. Заседание 85 от 6 марта 1912 года. Стб. 111.

См.: Сводка Московского охранного отделения о настроениях общества // Буржуазия накануне февральской революции. С. 77.

См.: *Фирсов С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 годы). СПб., 2002. С. 474.

1416

См.: Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 32.

См.: *Шульгин В.В.* Дни. М., 1989. С. 145-146.

См, например, Распутин и Пуришкевич // Русские ведомости. 1914. 24 июля.

См.: *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 412.

См, например, *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 190-191;
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков. 1990. С. 20-25.

См, например, *Аврех А.Я. Царизм накануне свержения*. М., 1989 С. 40, 45.

См.: *Васильев А.Т.* Охрана. Русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. С. 414.

1423

См.: *Мордвинов А.А.* Каким я знал моего Государя и каким его знали другие // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 517. Л. 41.

Первопроходцем в выяснении истинного влияния Распутина на ход государственной жизни обратился отечественный историк Г.З. Иоффе. На основе новых документальных свидетельств им высказано предположение о гипертрофированном восприятии роли и значения «старца». См.: *Иоффе Г.З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. №3. С. 102-115.

Наиболее полно эти вопросы разработаны в монографии петербургского ученого С.В. Куликова // См.: *Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917 годы)*. Рязань, 2004.

1426

См.: *Мордвинов А.А.* Каким я знал моего государя и каким знали его другие // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 517. Л. 11.

См.: *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего Дворцового коменданта. М., 1994. С. 100.

См.: *Мордвинов А.А.* Каким я знал моего государя и каким его знали другие // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 517. Л. 48.

См.: *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища Обер-прокурора Св. Синода. Т. 1. М., 1993. С. 244.

См.: *Курлов П.Г.* Конец русского царизма. М.: Пг., 1923. С. 188.

См.: *Боханов А. Н.* Распутин: Быль и небыль. М., 2006. С. 295-296.

См.: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 577-579.

См.: *Ордовский-Танаевский Н.Л.* Воспоминания. М., 1993. С. 581-582.

См.: Родзянко М.В. Крушение империи. С. 127.

См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 173. С. 106.

1436

См.: *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 108.

1437

См.: *Жевахов Н.Д.* Указ. соч. С. 169

См. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 годы). СПб., 2002. С. 475.

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 2. Заседание 17 от 9 февраля 1916 года. Пг., 1916. Стб. 1250-1251.

1440

См.: Там же. Стб. 1559-1560.

1441

См.: Там же. Стб. 1546.

1442

См.: Сведения Начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка по г. Москве. 10 февраля 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 27. Ч. 46. Л. Б. Л. 1-2.

См.: Выступление Д.Д. Гримма // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Заседание 1 от 9 февраля 1916 года. Пг., 1916. Стб. 47-48.

См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 187.

1445

См.: *Стремоухов П.П.* Все в прошлом. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6546. Он 1. Д. 4. Л. 28-28об.

См.: Б.А. *Татищев*. Крушение. Воспоминания. 1916-1917 годы // Возрождение. 1949. Кн. 4. С. 116.

Данные воспоминания написаны Борисом Татищевым, старшим братом Никиты, назначенного Московским губернатором. Штюмер не позабыл и о нем: Б. А. Татищев, будучи дипломатом, стал начальником канцелярии Министерства иностранных дел, когда Штюмер возглавил это ведомство в июле 1916 года.

1447

См.: Стремоухов П.П. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 4. С. 28-28об.

См.: Буржуазия накануне февральской революции. С. 88.

1449

См.: Там же. С. 89.

См.: *Курлов П.Г.* Конец русского царизма. С. 216.

1451

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 338а. Л. 74-78.

См.: Предсмертная записка А. Д. Протопопова // В кн.:
Искандеров. А.А. Закат империи. М., 2001. С. 557.

1453

См.: Записка Начальника по охранению общественной безопасности и порядка по г. Москве в Департамент полиции. 10 января 1917 года//ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1917. Д. 27. Л. 3.

Нами просмотрено десять мемуарных трудов рядовых участников войны, из которых земские и городской союз упоминаются лишь в трех, к тому же в не очень лестных характеристиках. См.: *Манилов С.Р.* Дебри жизни. Дневник. Берлин, 1931; *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 1916; *Крачкович П.З.* История российской революции. Записки офицера-журналиста. Берлин, 1921; *Гоштовт Г.* Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931; *Залевский М.* Печаль минувших лет. Франкфурт-на-Майне, 1984; *Вишневский В.* Мои воспоминания в 2-х томах. М., 1954; *Ксюнин А.* Народ на войне (из записок военного корреспондента). Пг., 1916; *Арамилев В.* В дыму войны. М., 1930; *Василевский А.И.* По следам войны. Впечатления военного врача. Пг., 1916.

1455

См.: Доклад Государственного контроля в Совет министров. 3
июня 1916 года// РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1268. Л. 4.

1456

См.: Там же. С. 606-7, 9.

См.: Князь Г.Е. Львов по поводу обвинений против союзов // Русские ведомости. 1916. 2 июля.

См.: *А.П. Погрибинский. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 161.*

1459

См.: Особый журнал совета министров «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов». 18 июня 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 338а. Л. 49-53.

1460

См.: *Лемке М.* 250 дней в ставке. Пг. 1920. С. 87.

1461

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО 1916. Д. 347. Л. 67об.

1462

См.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 158.

1463

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 347. Л. 67.

См.: *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917 годы
// Русское возрождение. 1995. Кн. 63. С. 177.

См.: *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 67.

См.: Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля-1 марта 1916 года. Пг., 1916. С. 25-26.

См.: Выступление М.А. Токарского // Там же. С. 33.

См.: Выступление А.И. Путилова // Там же. С. 86.

См.: Предсмертная записка А.Д. Протопопова // В кн.: *Искандеров А.А. Закат империи*. М., 2001. С. 561.

См.: *Богданов Б.О.* Фрагменты воспоминаний // В кн.: Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 194.

См.: *Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-1917 годы)*. М., 2003. С. 168.

См.: Записка ЦВПК «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию». 17 июня 1916 года // РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 92. Л. 29об.

См.: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Т. 1. М., 1992. С. 122.

См.: Заявление Рабочей группы ЦВПК. 3 декабря 1915 года //
Меньшевики. Документы и материалы. 1903-1917 годы (публикация
С.В. Тютюкина). М., 1996.408-409.

См.: *Богданов Б.О.* Фрагменты воспоминаний // В кн.: Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. С. 195.

См.: *Тютюкин С.В.* Меншеvizм: страницы истории. М., 2002. С. 305.

См.: *Новорусский М.В.* Рабочая группа Военно-Промышленного Комитета // Историко-революционный бюллетень. 1922. №2-3. С. 27-28.

См.: Предсмертная записка А.Д. Протопопова // В кн.: *Искандеров*
А.А. Указ. соч. С. 563.

См, например: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917 годы). М., 2003 С. 165.

1480

См.: Записка о деятельности Рабочей группы ЦВПК. 15 февраля 1917 года // РГИА. Ф.45. Оп. 1. Д. 92. Л. 102-106.

См.: Передовая // Русские ведомости. 1916. 11 августа.

1482

См.: Письмо Рабочей группы ЦВПК. 5 ноября 1916 года // ГАРФ.
Ф. 102. 00. 1917. Д. 347. Ч. 54. Л. 13-14.

Свидетельства о заседаниях петроградской буржуазии с начальством столичной охраны имеются у А.Г. Шляпникова. Его воспоминания содержат рассказ о таком совещании по противодействию рабочему движению.

См.: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 142-147.

См.: Показания А.Д. Протопопова // Красный архив. 1925. № 2 (9).
С. 143.

См.: «Русская воля»: банки и буржуазная литература // Литературное наследство. Т. 2. М., 1930. С. 171-172.

1486

См.: Справка об издании газеты «Русская воля» // ГАРФ. Ф. 102.
ОО. 1916. Д. 56. Т. 3. С. 4-5.

См.: *О.Г. Шавельский*. Воспоминания протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 210-215.

1488

См.: Письмо Московского биржевого комитета в Министерство торговли и промышленности. 9 января 1917 года // РГИА. Ф. 150. Оп. 1.Д. 424. Л. 3-Зоб.

1489

См.: Письмо министру внутренних дел А.Д. Протопопову от Московского градоначальника. 5 января 1917 года // ГАРФ. Ф. 102. Д-4. Д. 110. Л. 5-6.

1490

См.: Передовая // Финансовая газета. 1917. 25 января.

См.: Письмо министра внутренних дел А.Д. Протопопова к Министру торговли и промышленности князю В.Н. Шаховскому. 16 февраля 1917 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 389. Л. 4.

См.: Записка о перспективах выборов в V Государственную думу
// Монархия перед крушением. Сб. док. М.: Л., 1927. С. 245.

См.: Доклад Соединенной бюджетной и финансовой комиссии по законопроекту о содействии казны организации в Кузнецком бассейне Томской губернии металлургического предприятия. Март 1916 года // Приложение к Стенографическому отчету Государственной думы. IV созыв. Сессия 4. Выпуск 5. Пг., 1916. №341.

С этой инициативой выступили Председатель совета АО «Кузнецкие каменноугольные копи» В.Ф. Трепов (родной брат министра путей сообщения А.Ф. Трепова), Петроградский международный банк и Русско-Азиатский банк. Правительство нашло проект крайне важным и считало возможным выдать участникам аванс в 20 млн. руб. на его скорейшую реализацию, но дума не поддержала это ходатайство, решив, что лучше направить средства на строительство казенного завода или же оговорить участие государства в прибылях учреждаемого общества. Но банкирами это было признано неприемлемым.

См.: Биржевое положение (передовая) // Финансовая газета. 1917.
6 февраля.

См.: А.Д. Протопопов и Москва (Записка В.Н. Шебеко) // Утро России. 1917. 6 марта.

1496

См.: Записка гласного Московской городской думы А.А. Котлецова. 9 декабря 1916 года // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1166. Л. 47.

1497

См.: Запрос Председателю Совета министров об отмене выборов в Московскую городскую думу. 3 февраля 1917 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1085. Л. 3-4.

См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 211.

1499

См.: *Винберг Ф.* Крестный путь. Мюнхен, 1921. С. 53.

См.: *Вонлярлярский В.М.* Мои воспоминания. 1852-1939 годы. Берлин, 1939. С. 216.

См.: *Смолянинов В.Н.* Воспоминания сенатора Владимира Смолянинова // ГАРФ. Ф. 5881. Он. 2. Д. 649. Л. 75.

См.: Письмо великого князя Александра Михайловича императору Николаю II о политическом положении в стране. 4 февраля 1917 года//ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1,Д. 1143. Л. 84-85.

См.: *Гайда Ф.Л.* Указ. соч. С. 254-255.

См, например обстоятельную монографию: Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. М., 2008.

1505

См.: Письмо Н.С. Брасовой к Великому князю Михаилу Александровичу. 1 апреля 1910 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 74. Л.2об.

Н.С. Брасова писала супругу:

«Я знаю и верю, что ты меня, конечно, любишь, но влияние тех людей, что живут вокруг тебя, конечно, когда-нибудь возьмет верх и восторжествует, не даром ведь ты бесхарактерный».

См.: Письмо Н. С. Брасовой к Великому князю Михаилу Александровичу. 4 января 1910 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

1507

См.: ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 25. Л. 120.

См.: Письмо Н.С. Брасовой к Великому князю Михаилу Александровичу. 1 мая 1916 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. д. 79. Л. 28.

См.: *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. Т. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 140.

См.: *Герье В.* Второе раскрепощение. М., 1911. С. 3.

См.: Выступление Г.Е. Рожкова (Ставропольская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 5 от 24 октября 1908 года. Стб. 219.

См.: Там же. Заседание 12 от 7 ноября 1908 года. Стб. 922, 925.

См.: Там же. Заседание 4 от 23 октября 1908 года. Стб. 200.

См.: Выступление К.М. Петрова 3-го (Вятская губ.) // Там же.
Заседание 7 от 29 октября 1908 года. Стб. 568.

1515

См.: Там же. Стб. 569

См.: Там же. Заседание 6 от 27 октября 1908 года. Стб. 414.

См.: Выступление В.С. Амосенка (Витебская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 5. Часть 1. Заседание 2 от 17 октября 1911 года. Стб. 1755.

См.: Выступление М.С. Андрейчука (Волынская губ.) // Там же. С. 1789.

См.: Там же. С. 1790.

Высказанную мысль подтверждает еще один любопытный факт: депутаты-крестьяне из разных фракций собирались вместе, чтобы обсудить возможность создания крестьянской группы, поскольку *«они совершенно не согласны с той политикой, которую ведут в их фракциях господ»*. Крестьяне тяготятся своим зависимым положением от депутатов дворян, которые не считаются с народными интересами, ни с их мнением по вопросам, выносимым на повестку дня.

См.: Донесения Куманина Л.К. из министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25.

1521

См.: Сведения начальника отделения по охране общественной безопасности и по-рядка по г. Москве в МВД. 12 июля 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 104. Л. 288-291.

См.: Сведения начальника отделения по хранению общественной безопасности и порядка по г. Москве в МВД. 2 июля 1915 года // Там же. Л. 196об.

Опасения по поводу приглашения на съезд представителей рабочих выражал глава Всероссийского Городского союза, Председатель Московской городской думы М.В. Челноков. Однако верх взяли более радикальные круги союза во главе с гласным МГД Н.И. Астровым

// Там же. Л. 153-154.

См.: Труды II съезда представителей военно-промышленных комитетов. 26-29 февраля 1916 года. Пг., 1916. Вып. 2. С. 289, 297.

См.: Выступление А.И. Кабцана // Там же. С. 568.

См.: К истории гвоздещины // Красный архив. 1934. Т. 6 (67). С. 53-54.

1526

См.: Там же.

1527

См.: Выписка из письма к А.К. Боянису в Петроград. 9 декабря 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1039. Л. 2182.

См.: *Огановский Н.* Крестьянская община и социализм. М., 1906.
С. 8-9.

См.: *Дубровский С.М.* Столыпинская аграрная реформа. М., 1963.

См.: Выступление товарища Министра внутренних дел А.И. Лыкошина // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 2. Заседание 56 От 20 февраля 1909 года. Стб. 2081.

См.: Выступление С.И. Шидловского // Там же. Заседание 57 от 21 февраля 1909 года. Стб. 2098-2099.

См.: Выступление А.В. Кривошеина // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 13 от 10 ноября 1908 года. Стб 1030-1031.

1533

См.: Там же. Стб. 1078.

См.: *Гронский О.Г.* Государственная власть в России в годы «великих потрясений» (1905-1917 годы). М., 2000. С. 311-312.

1535

См.: Там же. С. 331.

См.: *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Пг. 1916. С. 224.

Материал об этом приведен О.Г. Гронским // См.: *Гронский О.Г.* Государственная власть в России в годы «великих потрясений» (1905-1917 годы). С. 31-34

См.: Выступление В.С. Соколова 2-го (Костромская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. часть 1. Заседание 5 от 24 октября 1908 года. Стб. 311.

1539

См.: Там же. С. 312-313.

См.: Выступление К.М. Петрова 3-го (Пермская губ.) // Там же. Заседание 7 от 29 октября 1908 года. Стб. 521.

См.: Выступление И.С. Томилова (Архангельская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 6 от 27 ноября 1908 года. Стб. 409.

См.: Выступление П.И. Балаклеева // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 13 от 10 ноября 1908 года. Стб. 1013.

1543

См.: Там же. Стб. 1012.

1544

См.: Там же. Стб. 1013.

См.: Именной Высочайший указ, данный Сенату «О выдаче Крестьянским Поземельным банком ссуд под залог наделных земель». 15 ноября 1906 года // ПСЗ-З. № 28547. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. С. 279-281.

Обширный материал о дебатах по проблемам мелкого кредитования содержится в книге Я. Коцониса. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006.

1547

См.: Отзыв Министерства финансов на журнал особого совещания по проекту Государственного сельскохозяйственного банка // РГИА. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1929а. Л. 102-116.

См.: Выступление А.В. Кривошеина // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание от 10 ноября 1908 года. Стб. 1042.

См.: *Корелин А.П.* Кооперативное движение в России. 1860-1917
годы. М., 2009 С. 180.

См.: *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира // Русское богатство. 1913. №9. С. 133-134.

См.: *Полупанов Д. Друзья-враги сельской кооперации* // Вестник кооперации. 1915. №5. С. 46-47.

См.: *Тотомианц В.* Кредитная кооперация в России // Вестник кооперации. 1910. №3. С. 15.

См.: *Хейсин Л.* Современное состояние кредитной кооперации в России // Вестник кооперации. 1916. №6. С. 73-74.

См.: *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира // Русское богатство. 1913. №9. С. 134

См.: Выступление Г.Н. Глебова 2-го (докладчик комиссии ГД по
местному самоуправлению) // Государственная дума.
Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 4. Часть 2. Заседание 58
от 14 февраля 1911 года. Стб. 1954-1956.

1556

См.: Там же. Стб. 1279.

См.: Выступление В.И. Дзюбинского (Тобольская губ.) // Там же. Заседание 61 от 17 февраля 1911 года. Стб. 2248.

См.: Выступление Н.А. Зиновьева 2-го // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 9. Заседание 41 от 16 мая 1914 года. Стб 2147.

См.: Вступление И.И. Созоновича (Могилевская обл.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 4. Часть 2. Заседание 59 от 16 февраля 1911 года. Стб. 2132-2134.

См.: Выступление И.Е. Раковича // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 9. Заседание 42 от 17 мая 1914 года. Стб. 2221.

1561

См.: Выступление П.Н. Дурново // Там же. Заседание 43 от 19 мая 1914 года. Стб. 2300.

1562

См.: Там же.

См.: Выступление Т.О. Белоусова (Иркутская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 4. Часть 2. Заседание 61 от 17 февраля 1911 года. Стб. 2278.

См.: Выступление П.А. Столыпина // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 4. Заседание от 12 мая 1909 года. Стб. 1764.

См.: *Саблер В.К.* О мирной борьбе с социализмом. СПб., 1906. Т. 1. С. 6-9, 33.

1566

См.: Там же. С. 111, 115.

1567

См.: Там же. Т. 2. С. 97.

См.: *Петров Г.С.* Церковь и общество. СПб., 1906. С 83.

1569

См.: Там же. С. 84.

См.: *Кофод А.А.* 50 лет в России. СПб., 2009. С. 181.

См.: *Трубецкой Е.Н.* Новая земская Россия (Из наблюдений земского деятеля) // Русская мысль. 1913. № 12. С. 11.

1572

См.: Там же. С. 12.

См.: *Бабушкин С.Д.* Церковно-приходская община и Земский собор. Казань, 1905. С. 249, 254.

См.: С. 174.

В своем сочинении он также осуждает конституционные формы государственного правления:

«которые не только поддерживают, но все более и более увеличивают господство имущих классов над народными массами»

// Там же. С. 143.

См.: *архимандрит Поздеевский Ф.* Начала народной жизни // Московский голос. 1907. № 14. С. 7.

См.: священник Ореханов Г. Русская православная церковь и Л.Н. Толстой. М., 2010. С. 82-83.

1577

См.: Письмо старообрядческого епископа Нижегородского и Костромского Иннокентия в старообрядческую комиссию Государственной думы. 30 марта 1913 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 610 Л. 3-4.

1578

См.: Там же.

Об этом упоминал М. Горький, когда изображал историческое полотно в своем романе «Жизнь Клима Самгина», См.: *Горький М.* Указ. соч. Т. 14. М., 1963. С. 184 // Собр. соч. в 18-ти томах. М., 1960-1963.

1580

См.: Свод положений IV-го миссионерского съезда // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 835. Л. 13об-14.

1581

См.: Там же.

1582

См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 8127. Л. 673.

См.: Протокол заседания особой комиссии миссионерского съезда по вопросу о беседе с приезжими раскольничьими начетчиками // Там же. Л. 1006-1007. (речь шла о Ф. Мельникове, Д. Варакине и бывшем архимандрите Михаиле).

1584

См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 62. Л. 143-143об.

См.: *Панкратов А.С. Ищущие Бога. М., 1911. С. 165,170.*

См.: Всероссийское совещание беспоповцев // Русское слово.
1911. 3 мая.

Интересные сведения о бегунах-странниках содержатся в кн.:
Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. М., 2012. С.
189-204.

1588

См.: Отчет Владимирского епархиального архиерея. 13 февраля 1910 года//РГИА. Ф. 821. Оп. 188. Д. 188. Л. 211-211об.

См.: *Ивановский Н.И.* Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб., 1901. С. 30.

Об этом рассказано членом Государственной думы, кадетом В.А. Маклаковым. Будучи адвокатом, он защищал последователей бегунов в суде по обвинению в убийстве одного старика. Его нашли закопанным в лесу, и подозрение пало на представителей этой секты. Как вспоминал Маклаков, во время процесса к нему пришел один из наставников бегунов и раскрыл «великую тайну», что никакого убийства здесь не было и никогда не бывает. Людей уносят из дому, чтобы те умерли среди своих и руки нечестивых никониан не коснулись их в последние минуты жизни. На предложение Маклакова рассказать обо всем этом на суде наставник ответил резким отказом. В результате Маклаков использовал эту информацию самостоятельно; его подзащитные, в конце концов, были оправданы. // См.: Маклаков В.А. Воспоминания. 1880-1917. М., 2006. С. 206-212.

1591

См.: Справка по странникам к IV-му миссионерскому съезду // РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 8127. 43об.

1592

См.: Там же. С. 44об-45.

См.: Донесение чиновника МВД по особым поручениям Г. Тарановского. Октябрь 1911 года // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 87-88об.

Чиновник сообщал, что на одной миссионерской встрече Пермского епархиального миссионера один человек принялся громко оскорблять православную церковь и власти. Его арестовали и выяснили, что он является последователем бегунов. В его доме провели обыск и обнаружили огромную переписку и множество адресов его единомышленников из различных губерний. Обширность связей этого бегуна поразила местную полицию // Там же.

Как известно, отношения Ленина и Горького были сложными. Популярность маститого писателя в период до первой мировой войны превосходила известность будущего вождя. Официально Горький вошел в социал-демократическую партию в 1906 году: пятый съезд РСДРП 1907 года в Лондоне прошел благодаря финансовому поручительству известного в Европе писателя. Он претендовал на своего рода роль духовного наставника революционного движения, что не нравилось Ленину. Отметим, что цикл известных ленинских статей 1909-1912 годов о Л.Н. Толстом («Лев Толстой как зеркало русской революции», «Л.Н. Толстой» и др.) косвенно направлялись против Горького. Как утверждал Ленин, Толстой со всей силой художника лучше всего отразил русскую революцию. А ведь эту миссию считал своей заслугой именно Горький.

См.: Горький М. *Лето*. Т. 5. М., 1961. С. 358 // Собр. соч. в 18-ти томах.

1596

См.: Там же. С. 356.

1597

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 271. Л. 10. (Сведения о школе на острове Капри)

1598

См.: Там же. Л. 139.

См.: *Короленко В.Г.* Река играет. Т. 3. М., 1954. С. 209-236 // Собр. соч. в 10-томах. М., 1953-1956.

Этот небольшой рассказ Короленко написал в 1891 году во время путешествия на реку Ветлуга и озеро Светлояр. В нем изображен образ старовера Тюлина, в котором заключена громадная, но спящая пока сила. Рассказ вызывал восхищение Горького, считавшего, что Короленко создал очерк русского национального типа, за которым будущее.

См.: *Горький М.* Из воспоминаний о В.Г. Короленко. Т. 18. М., 1963. С. 147.

1601

См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 271. Л. 236.

1602

См.: Там же. Л. 118.

1603

См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 550. Л. 47.

1604

См.: Горький М. *Лето*. Т. 5. С. 327.

См.: Горький М. Михаил Вилонов. Т. 18. С. 326-328.

1606

См.: Агентурная записка Московского охранного отделения. 18 февраля 1912 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 339. Л. 231об.

После разъяснительного выступления Сироткина и оглашения резолюции о поддержке прогрессивного блока собравшиеся хранили молчание. Рябушинский спросил: так отправлять телеграмму с резолюцией? Продолжавшееся молчание, он прокомментировал следующим образом: *«кажется, мы все согласны»*. См.: Выписка из письма проф. А. Соболевского к Ю. Кулаковскому в Киев. 18 сентября 1915 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1014. Л. 68.

См.: Сведения начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 16 октября 1916 года // Буржуазия накануне февральской революции (Сборник документов). М.: Л., 1927. С. 143.

1609

См.: Там же.

См.: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, 1938. С. 153-154.

1611

См.: Там же.

См.: Следственное дело доктора Дубровина // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 220.

См.: *Пильняк Б. Голый год* // Пильняк Б. Избранная проза. М., 1988. С. 52-53, 154.

1614

См.: Там же. С. 121.

См.: Там же. С. 74-75.

См.: *Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. Т. 1. М., 1973. С. 121, 169 // *Иванов Вс.* Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1973-1978.

См.: *Леонов Л.М.* Пирамида. Кн. 1. М., 1994. С. 288-289.

См.: *А.Н. Толстой* Хожделение по мукам. Сестры. Т. 5. М., 1983. С. 218-219 // Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1982-1986.

См.: Толстой А.Н. Хожение по мукам. Восемнадцатый год. Т. 5.
С. 287.

1620

См.: Там же. С. 293.

См.: *Фурманов Д.* Чапаев. М., 1985. С. 27.

1622

См.: Там же. С. 97.

1623

См.: С. 87, 112.

См.: Сейфулина Л.Н. Виринея. Т. 1. С. 289 // Сейфулина Л.Н. Сочинения в 2-х томах. М., 1980.

1625

См.: Там же. С. 322-323, 349.

См.: *Бржеский Н.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 152-153.

1627

См.: Там же.

См.: Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 196.

См.: Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907-1914 годы. М., 1992. С. 29.

Как подчеркивал автор, этот неофициальный староста ничем не выделялся среди прочих крестьян и мог оставаться незамеченным для исследователей // См.: Там же.

1630

См.: Письмо помощника миссионера Ярославской епархии Н. Касаткина IV-ому миссионерскому съезду // РГИА. Ф. 796. Оп. 189. Д. 8127. Л. 1058об.

1631

См.: *Фурманов Д.* Чапаев. С. 33.